ПОЛОЖЕНІЯ.

1. Акцентовки, по мѣсту ударенія, лучше всего дѣлить на *одномѣстныя* (напр. французская) и *разномѣстныя* (напр. нѣмецкая, греческая, литовская), съ подраздѣленіемъ вторыхъ на *связанно-разномѣстныя* (нѣмецкая, греческая) и *вольно-разномѣстныя* (литовская). Связанныя акцентовки, въ свою очередь, бываютъ двухъ родовъ: *грамматически-связанныя* (нѣмецкая) и *метрически-связанныя* (греческая).

2. Одномѣстныя акцентовки Чеховъ, Лужичанъ и Поляковъ не могутъ быть исконными.

3. Древняя общеславянская (праславянская) акцентовка, по всей вѣроятности, была сходна съ приморско-хорватскою (чакавскою).

4. Праславянское размѣщеніе удареній, вообще говоря, вѣрно сохранилось въ Русскомъ языкѣ.

5. Въ обыкновенномъ сербскомъ (штокавскомъ) выговорѣ произошла «оттяжка», т. е. ударение приблизилось на одинъ слогъ къ началу акцентныхъ единицъ.

6. Словенское акцентованіе, колеблясь между русскимъ (= чакавско-хорватскимъ) и сербскимъ размѣщеніемъ удареній — иногда впрочемъ отклоняясь отъ обоихъ, — представляетъ ясныя доказательства большей древности перваго.

7. Болгарская акцентовка вообще близка къ русской: довольно многочисленныя уклоненія ея въ большей части случаевъ легко объясняются.

8. Акцентовки Чеховъ, Лужичанъ и Поляковъ удобно выводятся изъ предполагаемыхъ вторичныхъ (оттяжечныхъ) акцентовокъ, сходныхъ у Чеховъ и Лужичанъ съ сербскою, у Поляковъ — со словенскою.

9. Ударяемость въ нѣкоторыхъ случаяхъ предлоговъ, какъ слитныхъ, такъ и неслитныхъ, слѣдуетъ считать явленіемъ праславянскимъ.

10. Ударяемость въ нѣкоторыхъ глагольныхъ формахъ личной наставки есть черта арійская (праязычная).

11. Своеобразная акцентовка 1-го л. ед. ч. наст. вр. у нѣкоторыхъ глаголовъ съ примѣтами *a* — *je* и *u* господствовала уже у Праславянъ.

12. Различеніе посредствомъ ударенія подобозвучныхъ словъ и формъ обусловлено неодинаковымъ образованіемъ ихъ; однако въ нѣкоторыхъ случаяхъ можно допустить намѣренную дифференцировку.

13. Акцентуацію русскихъ церковныхъ книгъ слѣдуетъ считать русскою, акцентуацію сербскихъ (первопечатныхъ) — сербскою.

14. Появленіе у Сербовъ наставки ā въ род. пад. мн. ч. можетъ быть объяснено акцентными соображеніями.

15. Полногласіе слѣдуетъ считать неорганическимъ явленіемъ.

Романъ Брандтъ.

Печатается по опредѣленію Историко-Филологическаго Факультета СПБ. Университета.
13. Декабря 1880 г.

Деканъ В Бауеръ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ (Вас. Остр., 9 лин. № 12.)

НАЧЕРТАНІЕ

СЛАВЯНСКОЙ АКЦЕНТОЛОГІИ.

СОЧИНЕНІЕ

РОМАНА БРАНДТА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)

1880.

Извлечено изъ V тома Извѣстій Историко-филологическаго Института
князя Безбородко въ Нѣжинѣ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Лѣтомъ 1876 года, въ Лейпцигѣ, я случайно пріобрѣлъ у антикварія Хорватскую (Сербскую) грамматику Антона Мажуранича, которой мнѣ прежде не приходилось имѣть въ рукахъ. При чтеніи ея меня поразило чрезвычайное сходство чакавско-хорватскаго акцентованія словъ съ русскимъ, и я возымѣлъ намѣреніе написать о немъ подробное изслѣдованіе. Вскорѣ я однако узналъ, что мое „открытіе“ предвосхищено другими: что на подмѣченное мною явленіе указали уже Потебня и самъ Мажураничъ. Убѣдившись такимъ образомъ, что спеціальное изслѣдованіе сербской акцентовки сравнительно съ русскою не можетъ имѣть большого значенія, я предпочелъ разширить свою задачу и составить сравнительную акцентологію всѣхъ славянскихъ языковъ. Этотъ разширенный планъ я впослѣдствіи опять сузилъ, рѣшившись сосредоточиться на разборѣ именъ существительныхъ и только мимоходомъ касаться другихъ частей рѣчи.

Даже въ такомъ уменьшенномъ объемѣ изслѣдованіе мое не достигло той полноты, которую я первоначально намѣривался ему придать. Я предполагалъ собрать во-едино все, что сдѣлано моими предшественниками, предполагалъ перенять у нихъ всѣ достойные подражанія пріемы и додѣлать въ каждомъ отдѣлѣ моего труда недодѣланное ими. Но такая задача оказалась мнѣ не по силамъ: несмотря на помощь другихъ, къ которой я неоднократно обращался, мнѣ нерѣдко недоставало нужнаго матеріала. Задача дѣйствительно была нелегкая: затруднился бы ею и лучшій знатокъ Славянскихъ языковъ! Однако кое-что мнѣ удалось сдѣлать, и если трудъ мой вызоветъ поправки и дополненія знатоковъ и, со включеніемъ ихъ, выйдетъ вторымъ исправленнымъ изданіемъ, то я надѣюсь, что онъ значительно приблизится къ полнотѣ и къ совершенству.

Передъ своими предшественниками я долженъ извиниться въ томъ, что можетъ быть не вездѣ, гдѣ бы слѣдовало, ссылаюсь на нихъ: первона-

чально я, для упрощенія, рѣшилъ было не дѣлать никакихъ ссылокъ и замѣнить ихъ перечнемъ источниковъ и пособій; только впослѣдствіи я постоянно сталъ дѣлать ссылки и постарался вставить ихъ и въ предшествующія части моего изслѣдованія, при чемъ однако могли произойти нѣкоторыя упущенія.

Предвижу съ иной стороны упреки за употребленіе мною цѣлаго ряда неологизмовъ: словъ введенныхъ изъ Латинскаго и Греческаго, или составленныхъ вновь. По моему крайнему разумѣнію, изслѣдователь, пишущій о мало разработанномъ предметѣ, не только имѣетъ право, но почти обязанъ установить для него по возможности точную и богатую терминологію. Надѣюсь, во всякомъ случаѣ, что термины мои не затруднятъ читателя: одни ему привычны изъ Латинской и Греческой грамматики, другіе я старался составить такъ, чтобы они были понятны сами собою. Термины мнѣ были необходимы, во избѣжаніе въ одно и то-же время и многословныхъ описаній, и неточности: я никакъ не могу рѣшиться говорить объ *удареніи* (или *акцентѣ*) тамъ, гдѣ дѣло идетъ о *письменномъ знакѣ ударенія* (который я называю *просодіей*), или обозначать имъ *способъ произношенія и размѣщенія ударе-ній (акцентовъ)*, для котораго я образовалъ слово *акцентовка*.

На возраженія, прежде всего, можетъ вызвать слово *просодія*. Недостатокъ этого термина состоитъ въ томъ, что онъ собственно равносиленъ термину акцентъ (accentus, какъ извѣстно, есть переводъ греческаго προσῳδία) и что онъ уже введенъ въ Русскій языкъ въ нѣсколько иномъ видѣ и въ иномъ значеніи (просо́дія или прозо́дія); но эти причины я считаю недостаточными: отчего не допустить въ терминологіи нѣкоторую условность, столь обыкновенную въ языкѣ? Дѣйствительнымъ недостаткомъ слова просодія я признаю, что отъ него неудобно образовать производныя, между тѣмъ какъ было бы желательно имѣть глаголъ, означающій разставлять просодіи и отглагольное существительное разстановка просодій; послѣднее я замѣняю словомъ *акцентуація*, которое я отличаю отъ словъ акцентовка и акцентованіе [1]).

Также названіе, которое я придаю разрабатываемой мною наукѣ—*акцентологія* [2])—иному покажется страннымъ, или даже уродливымъ; но, по-моему, порицать это слово, и подобныя ему соціологія, лингвистика, за смѣшанный, полулатинскій, полугреческій составъ, есть ученый педантизмъ.

---

[1]) Едвали ни лучше было бы образовать существительное просодировка и вмѣстѣ съ тѣмъ глаголъ просодировать.

[2]) Это названіе не мною придумано, но я не въ состояніи указать, откуда оно заимствовано.

Далѣе, особой оговорки требуютъ слова *окситонный*, *окситонка*, *окситоноватъ*, которыя я употребляю въ болѣе широкомъ значеніи, чѣмъ они имѣютъ въ Греческомъ языкѣ: подъ окситонками у меня разумѣются всѣ реченія ударяющія на конечный слогъ, каково бы ни было ихъ удареніе— нпр. рус речęніе егоза̀, или чакавско-хорват. милôст я называю окситонками, хотя греческіе грамматисты затруднились бы, ка́къ назвать первое, а второе назвали бы *перисполменкою* (περισπώμενον). Полагаю, что названіе окситонка, въ томъ значеніи, которое оно имѣетъ въ греческой грамматикѣ, совершенно ненаучно и должно быть оставлено: разница между словами въ родѣ λιπόν и λιπών — какъ мы знаемъ изъ самихъ грамматистовъ — слишкомъ велика, чтобы, увлекаясь сходствомъ написанія, приписать имъ одинакое удареніе; поэтому-то мнѣ кажется вполнѣ позволительнымъ нѣсколько измѣнить значеніе термина, о которомъ идетъ рѣчь. То же, что́ къ простому слову окситонка, относится также и къ сложнымъ — *парокситонка* и *пропарокситонка*.

Возраженія иного рода могутъ вызвать слова *баритонный*, *баритонка*, *баритоноватъ*: умѣстно ли было заимствоваться терминомъ, характеризующимъ выговоръ лишь отрицательнымъ образомъ? или, давъ особую кличку словамъ, ударяющимъ не̋ на конечный слогъ, не слѣдовало ли придумать также термины для словъ, ударяющихъ не на предконечный слогъ, не на третій съ конца, не на четвертый и т. д.? Мнѣ кажется, что, не прибѣгая къ составленію новыхъ и не особенно нужныхъ терминовъ, можно всетаки пользоваться уже существующимъ, хотя бы онъ и представлялъ нѣкоторую роскошь; а, кромѣ того, конечный слогъ дѣйствительно запимаетъ особое положеніе относительно ударенія: есть цѣлый рядъ языковъ болѣе или менѣе рѣшительно избѣгающихъ акцентованія конечнаго слога, языковъ, какъ я позволю себѣ выражаться *баритонничающихъ* (Латинскій, Эолійскос нарѣчіе Греческаго языка, Сербскій языкъ, Словенскій и восточные говоры Литовскаго; не считая тѣхъ языковъ, которые не акцентуютъ конечнаго слога потому, что отвели ударенію постоянное мѣсто на начальномъ, или на предконечномъ).

Отступленія въ нѣкоторыхъ случаяхъ отъ обычнаго въ славянскихъ языкахъ правописанія вызваны, разумѣется, не желаніемъ ввести въ нихъ преобразованія, а желаніемъ или избѣжать двусмысленности, или выставить важную для моего изслѣдованія звуковую особенность, или же упростить печать: первымъ соображеніемъ я руководствовался нпр. при замѣнѣ чешскихъ акутовъ обыкновенными знаками долготы (posvātnā mīsta вм. posvátná místa), вторымъ — при употребленіи въ Словенскомъ языкѣ буквъ ъ, ɛ и ѡ (mъzъ̑g, rɛkъl, kѡ́za), третьимъ — при выраженіи сербскаго „гласнаго *р*“ по-

средствомъ ър (бъ̀рдо, бъ̀рда, сърне, сърна [1]). Обозначеніе праславянскихъ носовыхъ гласныхъ черезъ оң и ең также имѣетъ цѣлью упрощеніе печати: нельзя быть вполнѣ увѣреннымъ, что гласный элементъ въ нихъ звучалъ именно какъ *о* и какъ *е*, въ виду чего было бы, можетъ быть, предпочтительно сохранить начертанія ѫ и ѧ, которыя оставляютъ его неопредѣленнымъ; но тогда пришлось бы вырѣзать новыя буквы (ѫ съ двойнымъ грависомъ и т. д.).

Похвалившись стремленіемъ къ точности, я обязанъ извиниться въ допущенной сознательно — правда маловажной — невѣрности: разумѣю употребленіе, въ нѣкоторыхъ словахъ, приводимыхъ во Введеніи (санскр. rấjas, нѣм. unsâglich, unmóglich), акута, вм. болѣе умѣстной въ нихъ отвѣсной черты, придуманной мною для обозначенія ударенія вообще, безъ ближайшаго опредѣленія его качества, или угловатаго циркумфлекса, который служитъ у меня знакомъ неопредѣленнаго, но протяжнаго ударенія [2]).

Наконецъ, считаю пріятною обязанностью выразить глубокую признательность всѣмъ, оказавшимъ мнѣ при настоящемъ трудѣ сочувствіе и поддержку; особенно же я долженъ благодарить за устныя и письменныя сообщенія слѣдующія лица: профессора И. А. Бодуэна-де-Куртенэ, въ Казани (за сообщенія по словенской и по польской акцентовкѣ), Д. Г. Ганчева (— по болгарской акцентовкѣ) [3]), профессора Г. Крека, въ Градцѣ, лицейскаго библіотекаря Ф. Левстика, въ Любляпѣ (— по словенской акцентовкѣ), профессора А. Лескина, въ Лейпцигѣ (— по серболужицкой акцентовкѣ) и кандидата бѣлградской Великой школы И. Павловича (— по сербской акцентовкѣ).

Романъ Брандтъ.

---

[1]) Буква ѣ безъ того была нужна для словенскихъ и для праславянскихъ словъ. Впрочемъ, если бы я вѣрилъ въ существованіе гласнаго *р*, то не счелъ бы себя въ правѣ уклониться отъ выраженія его на письмѣ, какъ у Сербовъ, такъ и у Словенцевъ и Болгаръ.

[2]) Угловатаго циркумфлекса я не употребилъ въ этихъ словахъ потому, что онъ во Введеніи, на латинскихъ словахъ, — по общепринятой акцентуаціи — означаетъ удареніе, *съ понижающимся движеніемъ* голоса.

[3]) Г. Ганчевъ въ то время (два года тому назадъ) былъ студентомъ Духовной Академіи въ Кіевѣ.

Введеніе.

Всякій, кто хоть сколько-нибудь знакомъ со Славяновѣдѣніемъ, согласится, что Славяне нѣкогда составляли одинъ народъ и говорили однимъ языкомъ, который, конечно, уже рано развилъ изъ себя мѣстные говоры и нарѣчія, а потомъ и особые языки.

Признавая, такимъ образомъ, первоначальное единство Славянскихъ языковъ, нельзя не признавать и возможность, на основаніи тщательнаго сличенія ихъ формъ, возстановлять древнія общеславянскія, или, какъ я ихъ буду называть, праславянскія формы. И дѣйствительно, благодаря преимущественно Староцерковному языку, мы подобное построеніе праславянскихъ словъ можемъ производить съ значительною достовѣрностью и точностью. Слова эти, по большей части, совпадаютъ со староперковными. Изъ сравненія словъ, рус. сонъ, сна, серб. сȁн, снȁ, болг. сън, чеш. и поль. sen, sna, со ст. ц. сънъ, съна ясно, что основная славянская форма этого речения была сънъ, съна, съ глухимъ гласнымъ въ коренномъ слогѣ. Точно такъ же, сопоставленіе русскаго слова рукȁ съ серб. рȕка, слов. roka, болг. ръка, чеш. ruka, поль. ręka, ст. ц. рѫка прямо указываетъ на первоначальный выговоръ рѫка, съ носовымъ гласнымъ. Конечно, нѣкоторые вопросы останутся неразрѣшенными: такъ, въ приведенныхъ примѣрахъ, мы не знаемъ, какъ собственно звучалъ ъ, какой гласный элементъ входилъ въ составъ общеславянскаго ѫ....

Въ Праславянскомъ языкѣ, безъ сомнѣнія, была и своя система удареній, изъ которой развились всѣ позднѣйшія у Славянъ, и которая, путемъ сравнительнаго ихъ изслѣдованія, могла бы быть возстановлена. Но, повидимому, противъ этой прекрасной теоріи говорятъ дѣйствительные факты языка: развѣ есть сходство между акцентовками русской, сербской, польской и т. д.? На первый взглядъ, нѣтъ никакого сходства, а бросаются въ глаза самыя вопіющія противорѣчія, не только въ подробностяхъ, но и въ

общихъ положеніяхъ, такъ что сходная акцентовка нѣкоторыхъ словъ кажется совершенно случайною. Однако, присмотрѣвшись по-ближе къ дѣлу, мы убѣдимся, что черезъ это разногласіе и пестроту сквозитъ первоначальное согласіе и единство.

Но, прежде чѣмъ обращаться къ пересмотру различныхъ особенностей ударенія у Славянъ, необходимо сказать два—три слова объ удареніи вообще.

Удареніе *по природѣ* различаютъ двоякое: 1) удареніе, состоящее въ повышеніи голоса и 2) удареніе, состоящее въ усиленіи голоса, которое впрочемъ неизбѣжно соединено съ нѣкоторымъ повышеніемъ его. Эти два рода ударенія называютъ мелодическимъ и ритмическимъ, или хроматическимъ и экспираторнымъ. Хроматическое удареніе приписываютъ нѣкоторымъ восточнымъ языкамъ и, не безъ основанія, предполагаютъ для языковъ классическихъ и для Санскритскаго; экспираторное же удареніе есть обыкновенное удареніе, въ европейскихъ языкахъ. Между этими двумя типами приходится принимать еще переходныя ступени: удареніе существенно-хроматическое и существенно-экспираторное [1]). Эти различія могли бы лечь въ основаніе при классификаціи системъ ударенія, или, какъ я буду ихъ называть, *акцентовокъ*, но я, въ предлагаемомъ здѣсь изслѣдованіи, обращаю вниманіе не столько на физіологическій характеръ ударенія, сколько на отводимое ему мѣсто, и потому предпочитаю основать свою классификацію акцентовокъ на размѣщеніи удареній. Это та же точка зрѣнія, съ которой взглянулъ на нихъ Боппъ.

Боппъ въ своей Акцентологіи [2]) различаетъ три акцентовочные принципа: логическій, ритмическій и грамматическій. Логическою акцентовкою онъ называетъ такую, при которой удареніе приходится на самую важную часть слова: на корень, или на смыслоизмѣняющій аффиксъ. Таковъ принципъ германскаго акцентованія. При ритмической акцентовкѣ, удареніе полагаютъ всегда на одинъ извѣстный слогъ, напр. на начальный, или на конечный, не обращая никакого вниманія на его грамматическое значеніе. Такова акцентовка Латышей, которые напираютъ всегда на начальный слогъ. Третій родъ акцентовки — вольная или грамматическая, которая свойственна напр. Санскритскому языку: при ней удареніе не тяготѣетъ ни къ особенно знаменательнымъ слогамъ, ни къ опредѣленному мѣсту. — Прямо

---

[1]) С. Ждановъ. Къ ученію о греческомъ удареніи. Спб. 1878, стр. 1. E. Sievers. Grundzüge der Lautphysiologie. Lpz. 1878, S. 114. K. Verner. Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung, Band XXIII, S. 133 (Zur Ablautsfrage).

[2]) Bopp, Franz. Vergleichendes Accentuationssystem nebst einer gedrängten Darstellung der grammatischen Uebereinstimmungen des Sanskrit und Griechischen. Berl. 1854, S. V.

принять Боппово дѣленіе мнѣ кажется не совсѣмъ удобнымъ, такъ что я подвергну его нѣкоторымъ видоизмѣненіямъ. Во первыхъ, я рѣшительно не могу признать логическаго характера германской акцентовки: почему логика требуетъ акцентованія корня, и почему логично отмѣчать префиксы удареніемъ, не отмѣчая имъ суффиксовъ? Въ словѣ Liebe удареніе падаетъ на корень, и это съ одной стороны логично, т. к. по корню оно отличается отъ словъ Wäare, Bitte и т. д.; но, съ другой стороны, окончаніемъ оно отличается отъ глагольныхъ и прилагательныхъ формъ lieben, lieblich, liebenswürdig — такъ что выговоръ Liebé былъ бы не менѣе логиченъ, чѣмъ Liebe. Если въ словѣ Vórsicht аффиксъ, какъ ближайшее опредѣленіе корня, выставляется посредствомъ ударенія, то слѣдовало бы выставлять такимъ же образомъ и аффиксъ прилагательнаго sichtbar и произносить не sichtbar, какъ произносятъ въ дѣйствительности, а sichtbár. Логическою, по моему мнѣнію, можно бы назвать лишь такую акцентовку, при которой реченіе, взятое само по себѣ, допускало бы удареніе на любомъ слогѣ [1]), такъ, чтобы выговоръ постоянно мѣнялся, смотря по окружающимъ словамъ: чтобы рядомъ стоящія слова, при одинаковомъ аффиксѣ, ставили удареніе на корень, напр. Liebe und Tréue, geliebt und gelébt; при одинаковомъ корнѣ — на аффиксъ: ich liebé meinen Liebstén, er hat lange gélebt und viel érlebt. Само собой ясно, что послѣдовательно провести такой способъ произношенія можно бы было только въ спаечномъ языкѣ, а не во флексивномъ. На дѣлѣ его, насколько мнѣ извѣстно, нигдѣ не существуетъ. Въ отдѣльныхъ случаяхъ, какъ риторическій пріемъ, логическое удареніе допускается сдвали ли во всѣхъ языкахъ: если кому, вмѣсто «онъ уже ушёлъ», послышится «онъ уже пришёлъ», то мы можемъ сказать «онъ не ýшелъ, а прúшелъ», при чемъ собственно оба слога произносятся съ удареніемъ, но на первомъ удареніе сильнѣе; подобнымъ же образомъ, отъ нѣмца можно услышать фразу «es war nicht der Hausméister (дворникъ), sondern der Haushúnd», хотя обыкновенно произносятъ Háusmeister и Háushund. Итакъ, называть германскую акцентовку логическою, не вижу никакого основанія, развѣ, если подъ логичностью понимать стройность, систематичность, которою она дѣйствительно отличается [2]).

---

[1]) Вѣдь всѣ слоги одинаково важны и необходимы въ словѣ.

[2]) Эта систематичность чрезвычайно нравилась протоіерею Павскому—отмѣтивъ особенность нѣмецкаго выговора, по коей удареніе при всѣхъ грамматическихъ измѣненіяхъ слова остается на корнѣ, онъ прибавляетъ: «никто не станетъ спорить, что это умно и дѣльно, потому что коренной слогъ каждаго слова стоитъ того, что его гласной дать тонъ повыше и сдѣлать его замѣтнѣе между прочими слогами того же слова» (Филол. наблюд. Изд. 2. Спб. 1850, разс. 3, гл. 8, стр. 228).

Что касается ритмической акцентовки, то противъ выдѣленія ея въ особую группу спорить нельзя, но названіе выбрано не совсѣмъ удачно, т. к. «ритмическая» акцентовка вовсе не придаетъ рѣчи ритмическое теченіе: ударепіе, будучи прикрѣплено къ началу слова, зато можетъ отстоять на сколько угодно слоговъ отъ конца, а, при ударепіи на концѣ слова, не опредѣлено число предшествующихъ слоговъ. Поэтому я откажусь отъ термина «ритмическая» акцентовка и систему ударенія *на одномъ извѣстномъ мѣстѣ* буду называть *одномѣстною*.

На счетъ третьей акцентовки — *грамматической* или *вольной* — надо замѣтить, что названіе ея грамматическою основано лишь на томъ, что въ языкахъ этой системы ударепіе иногда измѣняется вмѣстѣ съ окончаніемъ слова, или служитъ для различенія совершенно сходныхъ по звукамъ формъ: нпр. санскр. çaknómi могу и çaknumás можемъ, rājas вещи им. пад. и rājās вещи вин. Но, т. к. подобный переходъ ударенія и различеніе сходныхъ формъ вовсе не проведены послѣдовательно и представляютъ скорѣе случайную функцію акцента, то, кажется, нѣтъ основанія говорить о «грамматической» акцентовкѣ. Вѣрнѣе характеризуетъ эту акцентовку названіе вольной, но, въ противоположность одномѣстной, я лучше буду называть ее *разномѣстною*; терминъ же «вольная» пригодится мнѣ при подраздѣленіи ея.

По такимъ соображеніямъ я, вмѣсто Бопповскаго дѣленія, предлагаю различить прежде всего двѣ акцентовки: 1) *одномѣстную* и 2) *разномѣстную*. Одномѣстная акцентовка бываетъ: а) *наначальная* — самая распространенная, господствующая въ чудскихъ языкахъ (въ Финнскомъ, Эстонскомъ и т. д.), а также въ Латышскомъ, въ Чешскомъ; б) *наконечная акцентовка*—французская, турецкая, и в) *напредконечная*—польская. Итакъ, одномѣстное ударепіе держится или перваго слога, или послѣдняго, или предпослѣдняго [1]). Разномѣстныя акцентовки можно подраздѣлить на а) *связанныя* и б) *вольныя*. Связанныя акцентовки это — греческая, латинская, германская. Эти акцентовки, по видимому, пользуются относительною свободою: латинскому ударенію предоставленъ выборъ между предконечнымъ и допредконечнымъ слогомъ, греческому — между тремя послѣдними [2]), а

---

[1]) Говоря объ одномѣстныхъ акцентовкахъ слѣдуетъ помнить пословицу si duo faciunt idem, non est idem: акцентовки чешская и финская, французская и турецкая сходны по формѣ, но не сходны по духу. Срв. гл. VII (Чешская акцентовка).

[2]) Предполагаютъ, что первоначально греческое и латинское ударепіе не было такъ стѣснено и могло падать нпр. на четвертый слогъ съ конца, въ доказательство чего ссылаются на формы γίγνομαι, βέβλημαι, κέκλημαι, débeo, bálneum, núcleus, óxume и т. д., которыя указываютъ на первоначальный выговоръ γίγενομαι, βέβα-

германскому— между всѣми; но, на дѣлѣ, Римляне и Германцы связаны по рукамъ и по ногамъ, да и у Грековъ свобода довольно ограниченная. Стѣснены названныя системы или метрическими соображеніями, или грамматическими, почему я и буду различать два рода связанныхъ акцентовокъ а) *метрически-связанныя*, каковы латинская и греческая и β) *грамматически-связанныя*, каковы германскія. Латинское удареніе, какъ извѣстно, находится въ рабской зависимости отъ количества предконечнаго слога: если онъ долгій[1]), то удареніе падаетъ на него, если краткій, то — на третій съ конца, нпр. ăuâtŏr, audītŭs, lĕōnēs, ĭndīgĕstŭs; nŏmĭnă, ădjŭvăt, mă-rĭă, hŏmĭnēs[2]); двусложныя слова всегда акцентуютъ предконечный слогъ (онъ же и первый): Rŏmă, mâtrēs, cănŭs, dĕŭs, pătrēs. Греческій языкъ принимаетъ во вниманіе количество конечнаго слога: долгота этого слога не пускаетъ ударенія на допредконечный слогъ, такъ что у реченій, кончающихся краткимъ слогомъ, языкъ можетъ выбирать между тремя акцентовками, а при долгомъ слогѣ—между двумя, нпр. ἄνθρωπος, ἐκεῖνος (λογογράφος), κεραυνός; σελένη, ἀρετή. Извѣстно впрочемъ, что иногда и при долгомъ окончаніи акцентуется допредконечный слогъ: таковы именныя формы ἀνώγεων, πόλεως, именительные множественнаго на αι, οι, какъ τράπεζαι, ἄνθρωποι и нѣкоторыя глагольныя формы на αι, нпр. γεύσομαι, γεύσεται; тотъ же звуковой эффектъ производятъ акцентныя единицы, въ родѣ δότε τῳ, λέγε μοι, ἄλλου του. Однако жъ и въ этихъ случаяхъ удареніе все-таки не выходитъ за предѣлы трехъ послѣднихъ слоговъ[3]). — Германскіе языки

λημαι, κέκλημαι, dêhibeo, bâlineum, núculeus, ócissume. Впрочемъ, формы βέβλημαι, κέκλημαι обыкновенно объясняютъ перестановкою. Weil et Benloew, p. 127. Siegismund. De metathesi graeca. Curtius. Studien V. S. 204.

[1]) Хотя бы только по положенію гласнаго своего.

[2]) Въ древнѣйшей латыни такого закона еще не существовало: въ выговорѣ словъ déjero, cógnitus, nósti, amârunt и т. п. вполнѣ основательно видятъ доказательство, что когда-то произносили déjūro, cógnōtus, nóvisti, amávērunt. Въ классической латыни, если вѣрить преданію, не подчинялись общему закону слова съ удареніемъ на допредконечномъ и краткимъ конечнымъ слогомъ, когда къ нимъ примыкала энклитика, нпр. terra mariăque, какъ мы произносимъ и нынѣ. По не всегда достовѣрнымъ показаніямъ грамматиковъ, дѣлали еще и другія исключенія, нпр. calefăcit, venumdĕdi, tugŭri у т. д. Есть извѣстія, будто удареніе приходилось иногда и на конечный слогъ: calefît, produc, madefác, fumât, (= fumavit), nostrâs, optimâs и т. п. Weil et Benloew, pag. 46—47, 57, 61—62, 124—125.

[3]) Если смотрѣть не только на мѣсто, но и на качество ударенія, то въ Греческомъ языкѣ окажется 8 родовъ акцентованія: 1) акутъ на краткомъ допредконечномъ слогѣ, нпр. ἔχομαι 2) акутъ на долгомъ допредконечномъ, βούλομαι 3) акутъ на краткомъ предконечномъ, Ἀντιγόνη 4) акутъ на долгомъ предконечномъ, στρα-

связаны своимъ грамматическимъ закономъ, по коему удареніе въ простомъ словѣ приходится на корень, въ сложномъ—на опредѣлительную приставку, или на имя, играющее роль такой приставки, нпр. gében, Mútter—zúgeben, Grössmutter [1]). Исключеній почти что нѣтъ: у Нѣмцевъ исключаются реченія, сложенныя съ неотдѣлимыми предлогами be, ge, ent, er, ver, zer — Betrágen, Gesáng, Entlássung, erbítten, vermúthen, zerbréchen и т. д., — два-три прилагательныхъ съ отрицаніемъ un—undénkbar, unéndlich, unságlich, unmóglich, (однако, únnütz, únbewusst и т. д.) да еще нѣсколько отдѣльныхъ словъ: Jahrhúndert, Jahrzéhnt, allmáchtig, lebéndig; uberfúhren изобличить, úbersétzen перевести, переложить, úbergéhen опустить, пропустить, рядомъ съ подходящими подъ общее правило úberfúhren перевести (куда-нибудь), úbersetzen переправить, переправиться, úbergehen перейти и т. п. [2]).

При вольной акцентовкѣ [3]) всѣ слоги считаются равноправными, и ни долгота ихъ, ни грамматическое значеніе не оказываетъ никакого вліянія на удареніе; вообще, можно подмѣтить лишь нѣкоторые частные законы ударенія, но общаго закона не видно. Таковы акцентовки языковъ Санскритскаго, Литовскаго и др., таковы и романскія акцентовки, за исключеніемъ французской. Приведу хоть слѣдующіе примѣры: скр. nâvas корабли,

---

τιώτης 5) циркумфлексъ на предконечномъ, ἑταῖρος 6) акутъ на краткомъ конечномъ, ποταμός 7) акутъ на долгомъ конечномъ, σκιά 8) циркумфлексъ на конечномъ Σοφοκλῆς. Подъ послѣднія три группы можно подвести также односложныя реченія, какъ χθές, μήν, νοῦς. По латыни всего 6 типовъ акцентованія, представителями которыхъ могутъ служить слова ănimus, dícere, amŏres, natûra, vĭr, sŏl. Самое удареніе у Грековъ и Римлянъ, не считая загадочнаго грависа, оказывается троякое: настоящій акутъ (акутъ на краткихъ), циркумфлектъ и антициркумфлексъ (акутъ на долгихъ), изъ коихъ первый можетъ быть названъ рѣзкимъ удареніемъ, второй—нисходящимъ, а третій — восходящимъ. См. ниже, гл. II (Сербская акцентовка).

[1]) Не знаю, въ какой мѣрѣ этотъ законъ, несомнѣнно вѣрный для Нѣмецкаго языка, относится къ остальнымъ германскимъ языкамъ, нпр. къ Голландскому.

[2]) Всѣ эти слова я считаю положительными отступленіями отъ общихъ законовъ германской акцентовки (можетъ быть они суть остатки иной, болѣе древней системы?): то́, что́ въ оправданіе ихъ говоритъ Бопъ — Vergl. Accent., S. 59—60, — меня нисколько не удовлетворяетъ.

[3]) Въ употребленіи терминовъ «вольная» и «связанная» акцентовка (freier und gebundener Accent) я случайно сошелся съ Шереромъ, который однако употребляетъ ихъ нѣсколько въ иномъ значеніи: онъ различаетъ, прежде всего, акцентовки вольную и связанную, изъ коихъ вторая можетъ быть относительно-свободною (имѣть beschränkte Freiheit), или—совершенно закрѣпленною (ganz unfrei). W. Scherer. Zur Geschichte der deutschen Sprache, S. 149.

мѣстн. п. naušú, dvéšmi ненавижу, dvišmás мы ненавидимъ, ruróda я плакалъ, rurudús они плакали; лит. tarnâuju служу, tarnavaí я служилъ, sukù верчу, sùka вертитъ, gaidýs пѣтухъ, род. п. gaidžio, им. п. дв. gaidžiù; aszakà рыбья кость, род. aszakós, вин. ászaką[1]). Въ языкахъ вольно-разномѣстной акцентовки (которую я, для сокращенія, обыкновенно называю просто вольною), удареніе иногда далеко отстоитъ отъ конца слова, что́ особенно замѣчается въ языкѣ Санскритскомъ, въ коемъ нпр. приращеніе постоянно носитъ на себѣ удареніе, несмотря на число слѣдующихъ за нимъ слоговъ: ádikšatām ἐδείκσάτην, ávočāmahi мы говорили, и т. д. Таковы и нѣкоторыя другія слова: pâtrebahula блюдолизъ, ǵjótiranīka сіяющій лицомъ и т. п. Въ словѣ úddālakapušpabhaṅǵikā игра «срываніе цвѣтовъ удалаки (cordia тухa seu latifolia)» удареніе отстоитъ отъ конца на цѣлыхъ 8 слоговъ!

Къ языкамъ вольной акцентовки я отношу также языки Италіанскій, Испанскій, Португальскій и Румунскій: хотя эти языки почти всегда полагаютъ удареніе на тотъ же слогъ, какъ и Латинскій[2]), они все-таки не могутъ считаться языками связанной акцентовки, потому, что 1) вмѣстѣ съ количествомъ гласныхъ, вышелъ изъ народнаго сознанія и метрическій принципъ латинскаго акцентованія и 2) потому, что иногда, вслѣдствіе отпаденія и выпаденія гласныхъ и цѣлыхъ слоговъ, а иной разъ и черезъ прибавленіе ихъ, предконечные и допредконечные слоги Латинскаго языка оказались конечными, или же четвертыми съ конца: по-италіански нпр. произносятъ città (civitâ-tem), virtù (virtû-tem), amò (amâv-it), méritano (meritant), giúdicano (judicant), significano (significant), récitano (recitant), по испански говорятъ amár (amâr-e), reló́j (horológium), e-stá (sta-t) и т. д. Когда къ слову примыкаютъ частицы, то удареніе отъ конца акцентной единицы можетъ отстоять не только на три слога, но и па четыре, иногда на пять, и даже на шесть: ит. éccotelo = серб. ево ти га, cóltivali воздѣлывай ихъ, promèttervelo обѣщать вамъ это, dátecevene дайте намъ ихъ оттуда, portándomivelo принося мнѣ оттуда его, pórgamivisene пусть подадутъ мнѣ оттуда ихъ, abbéverinosene пускай напиваются его, commúnichimivisene пускай сообщаетъ мнѣ оттуда объ этомъ[3]); исп. búscamelo ищи мнѣ его, corrí-

---

[1]) Литовское удареніе я отмѣчаю не по способу Куршата, а по сербскому способу Караджича, срв. гл. II (Сербская акцентовка) и гл. XIII (Литовская акцентовка).

[2]) То-же самое замѣчается даже во Французскомъ языкѣ, несмотря на одномѣстность его акцентовки. Отношенія французской акцентовки къ латинской я коснусь еще впослѣдствіи, говоря о Чешскомъ языкѣ (гл. VII, стр. 157).

[3]) Надо замѣтить, что подобное доведенное до крайности накопленіе частицъ существуетъ почти только въ возможности, а въ дѣйствительности встрѣчается

janoslos пусть они поправятъ намъ ихъ, habiéndosene s'en ayant. Подобную же акцентовку приписываютъ испанскимъ нарѣчіямъ на mente, какъ fácilmente, estúpidamente, intrépidamente, pacíficamente, suavísimamente [1]).

Вотъ и всѣ общія замѣчанія, которыя мнѣ казалось необходимымъ предпослать настоящему изслѣдованію. Излагать мнѣнія Беккера, Боппа, Бенфея, Эвальда, Бенлёва и Вейля о первоначальной индоевропейской акцентовкѣ, считаю совершенно излишнимъ, т. к. эти ученые высказали лишь болѣе—менѣе остроумныя догадки и предположенія, но не были въ состояніи подтвердить ихъ фактами: ни въ одномъ изъ болѣе древнихъ языковъ (да и вообще ни въ одномъ индоевропейскомъ языкѣ) не проведено послѣдовательно ни принципа *усиленія* (?) словъ посредствомъ наначальной акцентовки и *ослабленія* (?) ихъ посредствомъ наконечной, ни—акцентовки *наконенной* или *нааффиксной* [2]). Напротивъ того, если, на основаніи языковъ Санскритскаго, Греческаго, Литовскаго, позволительно дѣлать какую-нибудь догадку объ акцентовкѣ праязыка, то, конечно, такую, что эта акцентовка не знала никакого общаго принципа, а была вольно-разномѣстная. Но, вообще, рано разсуждать о праязычной акцентовкѣ, когда такъ мало еще изслѣдованы акцентовки отдѣльныхъ языковъ. Впрочемъ, въ прилагаемыя къ моей работѣ акцентовочныя таблицы вошло два—три праязычныхъ слова, выговоръ которыхъ можетъ быть опредѣленъ съ значительною достовѣрностью [3]).

весьма рѣдко. См. Blanc, Dr. L. G. Grammatik der Italiänischen Sprache. Halle 1844. S. 91.

[1]) Keil. Spanische Sprachlehre. Gotha 1817. S. 11; Gildo, Domingo. Grammaire théorique et pratique de la langue espagnole. Paris 1861. p. 49.

[2]) Becker, Karl Ferd. Organism der Sprache. Frankf. a. M. 1841. § 121. S. 583. — Bopp, Franz Vergleichendes Accentuationssystem. S. 16—17. — Benfey, Theod. Anzeige: Ueber den Ablaut von Adolf Holzmann. Göttingische gelehrte Anzeigen. 1846. B. II. S. 842. — Ewald ib. 1855, S. 119. — Benloew, Louis. De l'accentuation dans les langues indo-européennes, p. 45. — Weil et Benloew. Théorie générale de l'accentuation latine, p. 349.

[3]) Чтобы покончить съ общею частью этого введенія, я долженъ еще указать на разсужденіе о томъ же предметѣ Іос. Тругларя (Truhlář), которое навело меня на изложенныя здѣсь соображенія и на предлагаемое мною дѣленіе акцентовокъ. Тругларь (O přízvuku vůbec, zvlášť o českém. Č. Č. M. 1872. str. 410) считаетъ Боппову терминологію неудачною: если называть нѣмецкую акцентовку логическою, то прочія окажутся нелогическими, что едва-ли справедливо; терминъ ритмическая акцентовка также не годится, т. к. всякая акцентовка придаетъ слову извѣстный ритмъ. Самъ Тругларь различаетъ слѣдующіе роды ударенія: I. Вольное или неустановленное (volný = neustálený přízvuk)—санскритское. II. Установленное уд. (ustálený

Послѣ этихъ замѣчаній, перехожу къ разсмотрѣнію славянскихъ акцентовокъ.

Славянскіе языки, по характеру акцентованія, распадаются на тѣ же двѣ группы, на которыя, по другимъ причинамъ, дѣлитъ ихъ Добровскій: на сѣверозападную и юговосточную. Сѣверозападные славяне — Чехи, Лужичане и Поляки — держатся одномѣстной системы ударенія, Юговосточные — Русскіе, Болгары, Сербы и Словенцы, — вольной. Если, однако, принять во вниманіе Кашубское нарѣчіе и вымершій Полабскій языкъ, то окажется, что не все Ляшское племя, и не всѣ, значитъ, Сѣверозападные славяне чуждаются вольнаго ударенія. Впрочемъ, и безъ того ясно, что одномѣстная акцентовка у этихъ народовъ явилась въ относительно позднее время. Ясно это изъ слѣдующихъ соображеній: 1) трудно себѣ представить, чтобы стройная одномѣстная система, если бъ она издавна существовала у Славянъ, могла въ нѣкоторыхъ языкахъ разстроиться и смѣниться вольнымъ акцентованіемъ, между тѣмъ какъ обратное явленіе легко можно допустить. 2) Рѣшительно невозможно понять, какъ одна одномѣстная система могла перейти въ другую, одномѣстную же — если основная акцентовка Славянъ была чешско-лужицкая, наначальная, то какъ она могла превратиться у Поляковъ въ напредконечную? или, наоборотъ, какъ изъ польской системы могла развиться чешско-лужицкая? Послѣднее соображеніе имѣетъ тѣмъ большее значеніе, что языки Чеховъ, Лужичанъ и Поляковъ особенно близки между собою и, очевидно, еще послѣ отдѣленія Русскаго, Болгарскаго, Сербскаго и Словенскаго, составляли одно цѣлое и, какъ единый языкъ, должны были имѣть и единую систему удареній, выработавшуюся изъ древней общеславянской и довольно еще сходную съ нею.

Въ настоящемъ изслѣдованіи, по самому существу дѣла, буду останавливаться преимущественно на акцентовкахъ разномѣстныхъ: русской, сербской, словенской и болгарской (коснусь также кашубской и полабской) и попытаюсь, посредствомъ сравненія ихъ, возстановить акцентовку, нѣкогда общую всѣмъ Юговосточнымъ славянамъ, которая имѣетъ нѣкоторое право

---

př.): 1) подвижное (pohyblivý př.): а) неограниченное количествомъ (neobmezený časoměrou) — русское, литовское, зендское (?) и б) ограниченное — греческое, латинское. 2) неподвижное: а) прикрѣпленное къ коренному слогу, свойственное болшей части германскихъ языковъ и б) прикрѣпленное къ опредѣленному мѣсту въ словѣ — чешское, польское. — Выдѣленіе Санскрита въ особую группу, противополагаемую всѣмъ остальнымъ, основано на ошибкѣ: санскритская акцентовка вовсе не есть, по моей терминологіи, логическая, какъ думаетъ Тругларь, — она вольно-разномѣстная (удареніе санскритское — неограниченно-подвижное), но все-таки постоянная, или установленная.

считаться первоначальнымъ достояніемъ всѣхъ Славянъ, т. к. акцентовки Чеховъ, Лужичанъ и Поляковъ явно позднѣйшаго происхожденія. Постараюсь, впрочемъ, въ въ этихъ послѣднихъ указать слѣды предполагаемаго праславянскаго акцентованія.

По обширности предмета, я успѣлъ разобрать довольно подробно однѣ именныя формы, а другихъ касаюсь только изрѣдка; однако выводы, къ которымъ я прихожу [1]), имѣютъ характеръ общій и одинаково относятся ко всѣмъ областямъ языка—обстоятельный разборъ глагольныхъ формъ сообщилъ бы, разумѣется, моей работѣ бо́льшую полноту, но не прибавилъ бы къ ней ничего существеннаго.

Въ качественномъ отношеніи, удареніе у Славянъ—у однихъ настоящее *экспираторное*, у другихъ—*существенно-экспираторное*. Но, собственно для Славянскихъ языковъ, мнѣ кажется удобнѣе принять иное дѣленіе и отличать: 1) акцентовку *однородную*, т. е. такую, при которой удареніе звучитъ всегда одинаково, какъ нпр. у Лужичанъ, что́ возможно лишь въ языкахъ чуждыхъ количеству; во 2) акцентовку *разнородную*. Разнородная акцентовка можетъ быть: а) *количественная*, когда разнообразіе ея происходитъ отъ количества ударяемаго гласнаго, какъ у Чеховъ и б) *музыкальная*, сопряженная съ замѣтнымъ повышеніемъ и пониженіемъ голоса, какъ у Сербовъ. Акцентовки однородная и количественная суть акцентовки чисто-экспираторныя, музыкальная — существенно-экспираторная.

---

[1]) Выводы эти—не вполнѣ новые, на что́ будетъ указано еще въ своемъ мѣстѣ.

I.

Русская акцентовка.

Русское удареніе отличается замѣчательною подвижностью и непостоянствомъ, хотя обыкновенно эти качества представляютъ въ преувеличенномъ видѣ. Иногда даже увѣряютъ, что о русской акцентовкѣ и говорить нельзя, что въ русскомъ акцентованіи господствуетъ полный произволъ, такъ какъ люди одного и того-же круга, даже одно и то-же лицо то-же самое слово произносятъ различно: наравнѣ съ далекó, широкó, глубокó допускается выговоръ далéко, широ́ко, глубо́ко; равноправными формами являются нужда̀ и ну́жда, изобрѣтéніе и изобрѣтéніе и т. д. и т. д. Однако, подобныя слова всетаки являются исключеніемъ: въ громадномъ большинствѣ случаевъ всѣ держатся одного выговора, отступленіе отъ котораго всякому покажется крайне дикимъ [1]). По моему, въ русской рѣчи, при ея вольной акцентовкѣ, т. е. при отсутствіи общаго акцентовочнаго принципа, слѣдуетъ удивляться не отдѣльнымъ разноударяемымъ словамъ, а, напротивъ того, относительному единству выговора по всему обширному пространству ея. Что жъ касается разноударяемыхъ словъ, то ихъ, кажется, всѣ можно такъ или иначе объяснить, что, отчасти, и попытаюсь сдѣлать.

Далекó, широкó — далéко, широ́ко. Обратимъ прежде всего вниманіе на средній родъ прилагательныхъ далéкъ, далекà, далéкó, широ́къ, широкà, широ́кó. Соотвѣтствующія сербскія формы далѐко, широ̀ко (почему, увидимъ впослѣдствіи) предполагаютъ старосербскія формы далекъ́, широкъ́ и потому говорятъ за первенство выговора далекó, широкó, такъ что переносъ ударенія на предконечный слогъ слѣдуетъ считать явленіемъ позднѣйшимъ, и объяснять примѣненіемъ этой нечленной формы къ

---

[1]) Это относится не только ко всему Великорусскому языку, со включеніемъ Бѣлорусскаго, но и къ Малорусскому. Что касается Малорусскаго нарѣчія, то нельзя не замѣтить, что восточные говоры его и языкъ украинскихъ писателей по ударе-ніямъ ближе къ Великорусскому, чѣмъ западные, напр. галицкій, хотя и тамъ число отступленій не очень значительно.

членнымъ формамъ далёкій, далёкая и т. д. Такое примѣненіе могло произойти тѣмъ легче, что, по вѣрному замѣчанію Я. К. Грота, членная форма прилагательныхъ для нашего сознанія стала формою основною, а нечленная намъ кажется производною — «усѣченною».

Молодѣцъ — мо́лодецъ. Слово *молодецъ*, должно быть, потому имѣетъ двоякую акцентовку, что сообразается то съ формами мо́лодъ, мо́лоды, то съ прочими формами этого прилагательнаго, представляющими наконечное удареніе: молода́, молодо́й, -а́я, -о́е и т. д.

Общи́на — о́бщина. Слово *община*, очевидно, происходитъ отъ нечленной прилагательной формы обща́, (общъ, обща́, обще́), почему я считаю первоначальнымъ выговоромъ его общи́на, выговоръ же о́бщина легко объясняется примѣненіемъ къ болѣе употребительной членной формѣ прилагательнаго — о́бщій, о́бщая, о́бщее. Сербская форма этого слова — о̏пштина, — соотвѣтствующая русской о́бщина, также стоитъ рядомъ съ прилагательнымъ о̏пшти̏, вовсе не употребительнымъ въ краткой формѣ (по крайней мѣрѣ, Вукъ такой формы не приводитъ [1]).

Дѣвица — дѣви́ца. Если рядомъ съ выговоромъ дѣвица, сохраняющимъ удареніе первообразнаго слова дѣва, является и другой — дѣви́ца, то это можно бы объяснить тѣмъ, что слову дѣвица не желали придавать видъ уменьшительнаго, т. е. что — безсознательно, конечно, — разсуждали такъ: кни́жица, ка́шица — уменьшительныя отъ кни́га, ка́ша, слѣдовательно и дѣвица будетъ уменьшительное отъ дѣва, а наше слово дѣ-ви-ца не есть уменьшительное — значитъ, слѣдуетъ произносить дѣви́ца. Впрочемъ, на основаніи сербскихъ формъ де́ва и дѐвица, предполагающихъ старосербскія дѣва̀ и дѣви́ца слѣдуетъ, кажется, предположить для этихъ словъ двоякое удареніе въ общеславянскомъ языкѣ: но предпочтительное употребленіе производнаго дѣви́ца, при первообразномъ дѣва, едва-ли можно объяснить чѣмъ инымъ, какъ нежеланіемъ ставить эти имена въ такое же соотношеніе, въ какомъ стоятъ води́ца и вода́, кни́жица и кни́га.

Нужда́ и ну́жда. Исконною акцентовкою слова *нужда* слѣдуетъ признать наначальную (ну́жда): народный выговоръ есть ну́жа [2]), по-болгарски

---

[1]) Кстати замѣтить, что слова о̏пшти̏, о̏пштина имѣютъ и другую форму: о̏пћи и о̏пћина, соотвѣтствующую русскому о́бчій, о́бчина. Я не думаю, чтобы обѣ формы были первоначально тожественны: одна предполагаетъ основное обытьскjо, другая — обытjо, и хотя въ русскомъ щ позволительно видѣть славянизмъ, вмѣсто ч, но едва-ли можно смотрѣть также на сербское шт.

[2]) Опытъ областнаго великорусскаго словаря, изд. Вторымъ Отдѣленіемъ Академіи Наукъ. Санктп. 1852. И. И. Носовичъ. Словарь бѣлорусскаго нарѣчія. В. Даль. Толковый словарь живого великорусскаго языка.

также нѣжда; если же произносятъ нужда́, то—по аналогіи почти постоянно ударяемаго окончанія *да*: борода́, бороздá, сковорода́, вражда́, звѣздá, орда́, бѣда́, вода́, чередá, середá, бурда́, ерунда́ (еранда́), дудá, грядá, скирда́, рудá, ѣздá и др. (впрочемъ пра́вда, кри́вда, слю́да).

(Из)обрѣтéніе — (из)обрѣтéніе. Кто произноситъ изобрѣтéніе, пріобрѣтéніе, тотъ руководится аналогіею глагольныхъ формъ изобрѣсть, пріобрѣсть, изобрѣлъ, пріобрѣлъ, изобрѣтенъ, -на, -но, пріобрѣтенъ, -на, -но. Сомнѣнія нѣтъ, что другое произношеніе (изобрѣтéніе, пріобрѣтéніе)—правильнѣе, такъ какъ глаголы изобрѣсть, пріобрѣсть, собственно, имѣютъ наклонное удареніе: пріобрѣсти́, пріобрѣту́, -е́шь и т. д.; пріобрѣлъ, -брѣла́, -о́, пріобрѣтéнъ, -тена́, -о́. Главный голосъ въ этомъ дѣлѣ, конечно, принадлежитъ страдательному причастію, съ которымъ отглагольныя существительныя находятся въ непосредственной связи: коль скоро появились формы пріобрѣтенъ, пріобрѣтена, -о, то могло явиться и пріобрѣтéніе; а такой выговоръ легко могъ возникнуть вслѣдствіе неуклюжести формъ пріобрѣтена́, пріобрѣтено́, представляющихъ четыре безударныхъ слога подрядъ, — возможенъ же онъ былъ потому, что наши глаголы и безъ того въ нѣкоторыхъ формахъ (пріобрѣсть, пріобрѣлъ) полагаютъ удареніе на корень.

Воротá—воро́та. Изъ языковъ Сербскаго и Чешскаго, представляющихъ формы вра́та и vrata, видно, что исконнымъ слѣдуетъ считать выговоръ воротá [1]). Но какъ же объяснить появленіе другого выговора—воро́та? Ужъ не произошелъ ли онъ вслѣдствіе народнаго словопроизводства, которое — даже не совсѣмъ ошибочно — сблизило это реченіе съ глаго́ломъ воро́чаться?

Гражданúнъ — гра́жданинъ. Соотношеніе этихъ формъ, вѣроятно, слѣдующее: сначала это разносклоняемое слово всегда произносилось гражданúнъ, при множественномъ числѣ гра́ждане,—а потомъ стали примѣнять единственное число ко множественному. Подтвержденія такому толкованію въ Сербскомъ языкѣ мы не находимъ, однако его гра̏ђанин, мн. ч. гра̏ђани́ему не противорѣчитъ.

Христіанúнъ, міряни́нъ — христіа́нинъ, міря́нинъ. И у этихъ реченій я считаю исконною наконечную акцентовку, другую же объясняю аналогіей множ. числа христіа́не, міря́не. Сербы произносятъ хри̏шћанин, что́ равняется основному хри̏шћа̏нин.

---

[1]) По закону, указанному Катковымъ и Миклошичемъ (Объ элементахъ и формахъ и т. д., Vergl. Lautl.), не допускающему никакихъ почти исключеній, русской формѣ воро́та соотвѣтствовали бы сербская вра̏та и чешская vrāta (ср. боло́то, коло́да, доро́га — серб. бла̏то, кла̏да, дра̏га, чешск. blāto, klāda, drāha).

Кладби́ще и кла́дбище. Слово *кладбище* очевидно произведено отъ существительнаго кладьба́, и потому должно имѣть удареніе насуффиксное —кладби́ще. Но, такъ какъ слово кладьба́ почти не употребительно, то его производное легко могло получить ошибочную акцентовку. То же самое можно сказать о словѣ сельби́ще — се́льбище. Однако, для словъ *гульбище* и *стрѣльбище*, коихъ удареніе также колеблется между корнемъ и наставкою, это объясненіе рѣшительно не годится, т. к. ихъ первообразныя гульба́, стрѣльба́ — слова общеупотребительныя. Поэтому лучше у всѣхъ приведенныхъ реченій объяснять появленіе накоре́нной акцентовки нежеланіемъ придавать имъ видъ *увеличительныхъ*. Ср. пепели́ще, голени́ще, полотнище, отъ словъ пе́пелъ, го́лень, полотно́ [1]).

Серди́ться — се́рдиться́. Выговоръ этого глагола долженъ бы былъ сообразоваться съ акцентовкою первообразнаго реченія сердо, [2]) но, вслѣдствіе утраты этого реченія, одни произносятъ примѣнительно къ существительному се́рдце, другіе—къ прилагательному серди́тъ. Вѣроятно, впрочемъ, что слово сердо (ст. ц. срьдо, ст. рус. сьрдо, праслав. также сьрдо, или, можетъ быть, сьрдь=литво-слав. çirdi [лит. szirdìs ж. р.]), подобно большинству реченій со звукомъ ь въ корнѣ, имѣло акцентовку насуффиксную, и что, значитъ, выговоръ серди́ться правильнѣе, нежели се́рдиться.

Замо́къ—за́мок. Такъ какъ на Руси за́мковъ не было, то лишь первую изъ этихъ формъ слѣдуетъ считать чисто русскою, вторая же, вѣроятно, заимствована изъ польскаго zamek, съ сохраненіемъ тамошняго ударенія.

Козлы́ и ко́злы. Баритонность слова козлы, въ значеніи кучерского сидѣнія, также можно объяснить заимствованіемъ его, въ этомъ значеніи, у Поляковъ (поль. kozły).

---

[1]) См. у Грота, Филол. разыск., стр. 382. — Обратимъ кстати вниманіе на слово па́стбище и его первообразное па́стьба. Па́стьба искажено изъ па́ства: вмѣсто ва подставили болѣе привычный суффиксъ ьба, но *т*, тоже принадлежащее къ суффиксу, сохранили (настоящее производное на ьба отъ глагола пас-ти звучало бы пасьба́). Реченіе *пастбище*, можетъ быть, и не произведено вовсе отъ слова пастьба, а отъ паства, и только впослѣдствіи къ нему примѣнилось и измѣнило свое в на б.

[2]) Срв. Пра́во -пра́вить, ма́сло -ма́слить, са́ло -са́лить, су́сло -су́слить, жа́ло -жа́лить, пя́ло -пя́лить, бе́рдо -бе́рдить подавшись впередъ, пятиться, откачиваться, какъ бёрдо, си́ла -си́литься, вѣра -вѣрить, мѣра -мѣрить, нѣга -нѣжиться, хо́ля -хо́лить, сла́ва -сла́вить, ра́на -ра́нить, жи́ла -жи́лить. Съ другой стороны: село́ -сели́ться, гнѣздо́ -гнѣзди́ться, крыло́ -крыли́ть. Исключаются, правда, мѣсти́ть отъ мѣсто (при акцентовкѣ котораго, вѣроятно, имѣли въ виду множ. число мѣста́) и чуди́ть, чуди́ться отъ чу́до (рядомъ съ безличнымъ чу́диться).

Скла́дчина и складчи́на. Это реченіе произведено отъ скла́дка = складываніе, и потому выговоръ скла́дчина долженъ считаться болѣе правильнымъ. Другой же выговоръ, можетъ быть, былъ вызванъ аналогіею сходныхъ по значенію (также означающихъ важный случай или празднество въ быту семейномъ или общественномъ) словъ: годи́ны, роди́ны, имени́ны, кресты́ны, сорочи́ны.

Масли́на и ма̀слина. Судя по сербскому *màслина* (старосерб. *масли́на) здѣсь настоящее мѣсто ударенія на предпослѣднемъ слогѣ, а на первый переносятъ его по аналогіи слова ма̀сло.

Гу́ба и губа́. Сербское гу́ба (проказа) и болг. гъ́ба говорятъ въ пользу первой формы; у Словенцевъ же есть слово gъ́bа̀ складка (рядомъ съ góba грибъ). Вѣроятно, первоначальный выговоръ былъ гу́ба, и переносъ ударенія на окончаніе произошелъ по аналогіи словъ на ба (= ьба) — борьба́, судьба́, гульба́.

Соко́лъ, сокола́ и со́колъ, со́кола. Сербское со̀кō, соко̀ла и словенское sȍkwl, sȍkwla указываютъ на первоначальный выговоръ соко́лъ, сокола́, который и слѣдуетъ считать болѣе зако́ннымъ. Впрочемъ, можно бы признать столь же древнею и наначальную акцентовку, въ виду того, что литовское sákalas держитъ удареніе въ единственномъ числѣ на первомъ слогѣ, а во множественномъ (кромѣ вин. падежа)—на послѣднемъ, о чемъ безошибочно можно заключить изъ приводимыхъ въ Куршатовомъ словарѣ [1]) творительныхъ падежей: единственнаго числа sákalu и множественнаго — sakalaís (встрѣчаются тамъ же именительный, родительный и винительный единственнаго—sákals, sákalo и sákalą,—но по нимъ нельзя опредѣлить удареніе остальныхъ падежей). Двоякая акцентовка этого слова въ Русскомъ языкѣ будетъ вполнѣ понятна, если допустить, что и Славяне первопачально произносили его такъ же, какъ произносятъ теперь Литовцы, и что только впослѣдствіи Сербы и Словенцы приравняли выговоръ единственнаго числа ко множественному, между тѣмъ какъ Русскіе не только ввели въ единственное число свойственную множественному окситоновку, но и, наоборотъ, стали примѣнять множественное къ баритонуемому единственному. Объясненіе это, на первый взглядъ, весьма заманчиво, но я не думаю, что бы оно было вѣрно, потому что сильно сомнѣваюсь въ исконности литовскаго ударенія въ такихъ словахъ, какъ sákalas, которое едва-ли не есть искаженіе болѣе древняго sakâlas [2]). Не предположить ли скорѣе, что выговоръ со́колъ заимствованъ изъ польскаго именительнаго падежа sókoł?

---

[1]) Подъ словами Falke, Falkenbeize и beizen.

[2]) См. ниже, гл. XIII.

Игу́менья и игуме́нья. Слово это взято съ греческаго (ἡγουμένη = игуме́ни) и приняло только новую наставку ja. Оно можетъ сохранять свою настоящую акцентовку, но чаще примѣняется къ формѣ мужескаго рода игу́менъ (ἡγούμενος).

Надо еще замѣтить, что есть нѣкоторыя — по весьма немногочисленныя—реченія, произносимыя не на два только лада, а на три и на четыре: я могу указать на средній родъ причастія *принесено*, да на формы прошедшаго времени *умерли* и *передали*, которыя являются въ слѣдующихъ видахъ: принесено́, принесе́но, а также принесе́но; у́мерли, умерли́ и вме́рли мл. р.; передали́, переда́ли, пере́дали, пе́редали. Такія колебанія выговора довольно удовлетворительно объясняются тѣмъ, что формы средняго рода и множественнаго числа примѣняются то къ муж. роду принесе́нъ, у́меръ, переда́лъ (или пе́редалъ), то—къ женскому принесла́, умерла́, передала́ [1]).

Иногда съ двоякою акцентовкою слова соединяется и двоякое значеніе: по мѣсту ударенія различаются другъ отъ друга различныя реченія, или различные падежи одного и того-же реченія, какъ то: волна́ и во́лна, мука́ и му́ка, за́мокъ и замо́къ, козлы́ и ко́злы, ве́дро и ведро́, руки́ и ру́ки, окна́ и о́кна, ма́сла и масла́, во́лосъ и воло́съ и т. д. [2]) Не слѣдуетъ, разумѣется, думать, чтобы языкъ сознательно и намѣренно устранялъ совпаденіе двухъ словъ или двухъ падежей въ одномъ звуковомъ обликѣ: языки не особенно боятся ни численнаго сокращенія падежей, ни омонимовъ: Сербы безъ всякой необходимости замѣнили четыре формы женамъ, женами, женахъ и женама одною—женама; Французы въ созвучіи sę дали совпасть шести Латинскимъ словамъ: sinus, sanus, sanctus, cinctus, signum, quinque, (sein, sain, saint, ceint, seing, cinq), не говоря уже о многочисленныхъ случаяхъ совпаденія двухъ или трехъ словъ, какъ šèr = carus, caro, cathedra (cher, chair, chaire), pę = panis. pinus (pain, pin) и т. п. Кайсслеръ, въ своемъ Ученіи о русскомъ удареніи, мѣтко указалъ на то обстоятельство, что подчасъ форма, якобы нарочно получившая своеобразную акцентовку для отличія отъ другой формы, все-таки совпадаетъ съ какою-нибудь третьею: такъ множественное число вина́ и существительное вина́ дѣйствительно различаются по удареніе, но слово вина́ совпадаетъ съ родительнымъ единственнаго того-же слова вино́. Кайсслеръ также обращаетъ наше вниманіе на мѣстный падежъ слова полкъ (въ полку́), совпадающій съ дательнымъ, какъ на доказательство того, что языкъ не особенно дорожитъ точнымъ

---

[1]) Ср. также сказанное выше по поводу слова изобрѣтеніе.

[2]) Списки такихъ словъ помѣщены въ грамматикахъ Греча (стр. 447—458), и Пухмайера (S. 14).

разграниченіемъ формъ, для достиженія котораго, въ данномъ случаѣ, было бы достаточно переставить въ одномъ изъ этихъ падежей удареніе, или образовать только обыкновенный мѣстный на ѣ[1]). Съ другой стороны, нельзя, конечно, отрицать, что разъ образовавшееся — по какимъ бы то ни было причинамъ—различіе въ акцентовкѣ подобозвучныхъ словъ сознается народомъ и держится особенно крѣпко, именно, благодаря своей цѣлесообразности.

Если русская акцентовка и въ обыкновенной рѣчи отличается нѣкоторою неустановленностью, нѣкоторымъ непостоянствомъ, то еще большее разнообразіе она представляетъ въ народныхъ пѣсняхъ—разнообразіе, которое подчасъ доходитъ до совершеннаго произвола. Однако-же и тутъ совсѣмъ произвольный выговоръ, въ родѣ ка́лина, ма́лина, со русы́ми, подъ не́бося[2]), вм. кали́на, мали́на, со ру́сыми, подъ небеса́, является весьма рѣдко. Многія странныя формы, встрѣчающіяся въ пѣсняхъ, должны просто считаться архаизмами, или же представляютъ смѣсь старины съ новизною. Это относится особенно къ необычной акцентовкѣ прилагательныхъ, нпр. въ слѣдующихъ стихахъ:

Ты и сядь въ зелено́мъ саду.
. . . . бѣлы́мъ лицомъ ко сырой землѣ.
. . . . . дороженька,
Широки́мъ не широкая.
По глухимъ степямъ, по темны́мъ лѣсамъ.

Выговоръ зелено́мъ, бѣлы́мъ, широки́мъ, темны́мъ легко объясняется тѣмъ, что въ приведенныхъ стихахъ (или въ другихъ, по образцу которыхъ они сложены), прилагательныя первоначально стояли въ нечленной формѣ; когда же нечленная форма вышла изъ употребленія, вмѣсто нея, гдѣ только можно было, подставили членную, при чемъ однако, ради размѣра, сохраняли свойственную нечленной акцентовку. Въ самомъ дѣлѣ, приведеннымъ формамъ вполнѣ соотвѣтствуютъ сербскія—зелѐнōм, бе́лим, широ̀кимъ, та́мним, стоящія рядомъ съ родительными зелѐна, бе́ла, широ̀ка, та́мна и съ дательными зелѐну, бе́лу, широ̀ку, та́мну: эти сербскія формы предполагаютъ основной выговоръ зелена̀, бѣла̀, широка̀, тāмна̀, зелену̀, бѣлу̀, широку̀, тāмну̀, а въ мѣстномъ, творительномъ и въ дательномъ множественнаго *зеленѐ, *бѣло̀м, *широко̀м, *тāмно̀м.

---

[1]) L. Kayssler. Die Lehre vom russischen Accent, S. 54.

[2]) Подымалась Черногаръ птица подъ не́беса. Безсоновъ, П. Калѣки перехожіе, стр. 454.

Такъ же я объясняю себѣ стихи:

изъ славна́ Волынца.
Какъ далече, далече, во чисто́мъ полѣ.
Мнѣ мила́ дружка за рученьки не важивати.

Хотя Вукъ и пишетъ сла̂ван, сла̂вна, сла̂вно; чи̑ст, чи̑ста, чи̑сто и ми̑ло, ми̑ла, ми̑ло, судя по чему эти прилагательныя имѣли неподвижное удареніе, но наши женскія формы славна́, чиста́, мила́ и сложная форма мило́й (рядомъ съ болѣе употребительною ми́лый) свидѣтельствуютъ о первоначальной подвижности ударенія. Впрочемъ, ничто не мѣшаетъ допустить въ этихъ случаяхъ то́, что́ и безъ того въ нѣкоторыхъ случаяхъ придется допустить, — а именно, дѣйствіе ложной аналогіи: когда именное склоненіе прилагательныхъ было забыто, выговоръ зелено́мъ, широки́мъ, добра́ представлялся народному сознанію произвольнымъ искаженіемъ настоящаго выговора зелёномъ, широ́кимъ, до́браго, вслѣдствіе чего, и вмѣсто обычныхъ формъ ми́лаго, сла́внаго, могли допустить, въ видѣ поэтической вольности, мила́ и славна́, если даже въ ста́рину произносили ми́ла и сла́вна[1]). Однако къ выраженію въ чисто́мъ полѣ (и къ им. чисто́ поле) такое разсужденіе, положительно, непримѣнимо: утрату существительнымъ ударенія можно понять только тогда, когда прилагательное *чисто* имѣло удареніе на концѣ: выраженіямъ чи́сто по́ле, въ чи́стѣ по́лѣ было рѣшительно не за чѣмъ мѣнять свою акцентовку; но, если основной выговоръ былъ чисто́ по́ле, въ чистѣ по́лѣ — причемъ народная фантазія съ особенною любо́вью останавливалась на эпитетѣ и полагала на него логическое удареніе — то нечего́ удивляться, что изъ двухъ столкнувшихся ударе́ній одно, и притомъ болѣе слабое, погибло. Такъ же, какъ на чисто́ поле, слѣдуетъ смотрѣть и на аналогичное выраженіе сине́ море.

Не всѣ, впрочемъ, отступленія прилагательныхъ отъ обыкновенной акцентовки объясняются смѣшеніемъ сложнаго вида съ именнымъ, напр. имъ не объясняется форма новы́я, въ извѣстной пѣснѣ «Ахъ вы сѣни, мои сѣни:»

Выходи́ла молода́ за новы́я воротá.

Акцентовка ново́й, -а́я, -о́е встрѣчается въ мѣстныхъ говорахъ, хотя только въ переносномъ значеніи «иной, другой» (Даль), а въ Малорусскомъ новы́й, -а́я, -о́е есть обыкновенный выговоръ. Городъ Новый (Novi)

[1]) Такимъ образомъ, я не думаю, что всѣ столь многочисленныя уклоненія нѣсеннаго ударенія отъ разговорнаго слѣдуетъ считать архаизмами: нѣкоторые дѣйствительные архаизмы пріучили народъ къ подобнымъ уклоненіямъ, которыя потомъ стали допускать болѣе-менѣе произвольно, въ видахъ метрическаго удобства.

въ Хорватскомъ приморьи называется у мѣстныхъ жителей не Но́вымъ (Но́вй, какъ произносятъ Сербы), а Новы́мъ (Новй, род. Новóга)[1]).

Иногда странная акцентовка словъ обусловлена вліяніемъ предшествующаго слова. Такимъ образомъ легко объясняются нѣкоторыя, на первый взглядъ, крайне дикія формы въ стихѣ о Голубиной книгѣ:

Ино это книга не малая,
Высока́ книга́ сороку́ сажень,
Ширины́ книга́ двадцати сажень,
. . . . . .
А писма́ въ книгѣ не прочесть будетъ,
А чита́ть книгу́—ее не́кому.
А сама́ книга́-а распечаталась.
Вѣтры буйные отъ Свята́ Духа́.
Ахъ ты гой еси́, суда́рь, премудрый царь
И которая церковь церква́мъ мати́,
И которая рѣка рѣка́мъ мати́,
И которая́ гора гора́мъ мати́.
Потому́ церка́вь всѣмъ церква́мъ мати́[2]).

Странно акцентованныя слова книга́, суда́рь, мати́, церка́вь въ прозѣ остались бы вовсе безъ ударенія, потомучто это повторяемыя нѣсколько разъ подлежащія и дополненія и мало значущее обращеніе. Такъ какъ предшествуетъ слово съ сильнымъ (логическимъ) удареніемъ на послѣднемъ слогѣ, то первый слогъ этихъ реченій звучитъ особенно слабо, и второй, сравнительно съ нимъ, кажется сильнымъ, почему въ стихахъ, съ незначительной только натяжкой, можетъ быть принятъ за ударяемый[3]). То же самое относится и къ существительному Духа́, которое прислонилось къ прилагательному Свята́; съ которымъ оно составляетъ одно логическое цѣлое[4]). Точно такъ же, какъ на слово Духа́, слѣдуетъ смотрѣть на винительный го́ру́, вм. го́ру, въ слѣдующемъ стихѣ:

---

[1]) Не знаю, всегда ли произносятъ приморскіе Хорваты новй, нова̂, ново̂, но названіе города Новаго я слышалъ съ такимъ удареніемъ изъ устъ народа.

[2]) Безсоновъ, П. Калѣки перехожіе, стр. 270—271.

[3]) Что выговоръ книга́ и т. д. имѣетъ вторичный и случайный характеръ, это особенно ясно изъ слова церка́вь: если бъ такая акцентовка была архаизмомъ, то произносили бы, конечно, церко́вь.

[4]) Наконечную акцентовку прилагательнаго святъ слѣдуетъ считать вполнѣ правильною: сербскій выговоръ свѐт, свѐта = древ. серб. свѣт, свѣта̏, говоритъ въ пользу старорусскаго святъ, свята́; па перекоръ книжному (церковному) свя́та.

Онъ и Бога мо́литъ за святу́ гору́ [1]).

Совсѣмъ дико звучатъ формы рыба́мъ и птица́мъ, которыя встрѣчаются въ томъ же варіантѣ стиха о Голубиной книгѣ, изъ котораго заимствованы предшествующіе примѣры:

Потому и Ки́тъ рыба всѣмъ рыба́мъ мати́.
Естрафи́ль птица всѣмъ птица́мъ мати́ [2]).

Но мы легко поймемъ и эту странность, если вспомнимъ, что приведенные стихи слѣдуютъ за цѣлымъ рядомъ стиховъ, кончающихся на — а́мъ мати́ (церква́мъ мати́, рѣка́мъ мати́, гора́мъ мати́ и т. д.): увлекшись ими, заодно произнесли ужъ и рыба́мъ, птица́мъ.

Въ качественномъ отношеніи, русская акцентовка есть акцентовка *однородная*, т. е. удареніе всегда (точнѣе — почти всегда) бываетъ одинакое: различіе, которое Сербы дѣлаютъ между словами гра̑д (=городъ) и гра̑д, па̑ша (паша) и па̏ша (пастбище), Лу̑ка (Лука) и лу́ка (лугъ, заливъ), чуждо Русскому языку. Такого разнообразія удареній, какъ въ Сербскомъ языкѣ, въ немъ, конечно, и быть не можетъ, уже вслѣдствіе отсутствія *количества*, которое составляетъ непремѣнное условіе разнородной акцентовки: у насъ слова ни́ва и ни́во, гадъ и садъ не различаются по ударенію и представляютъ вполнѣ чистыя риѳмы, тогда, какъ у Сербовъ количество этихъ словъ неодинакое, а потому неодинаково и удареніе: ни̑ва (ӣ) — ни̏во (и), га̑д (ā) — са̑дъ (ā) [3]).

Только въ одномъ случаѣ Русскій языкъ представляетъ иной выговоръ ударяемаго звука, а именно, передъ удвоеннымъ, илѝ, лучше сказать, усиленнымъ согласнымъ; удареніе это буду называть *рѣзкимъ*: будто, по́дданный, бранный, высшій, низшій, лучшій, бренный, тлѣнный, весенній, плѣнникъ [4]). Само собою разумѣется, что появленіе рѣзкаго ударенія обусловливается не правописаніемъ словъ, а произношеніемъ: хотя всѣ пишутъ касса, профессоръ, труппа, ванна, вилла, но, кто не соблюдаетъ въ выговорѣ усиленія согласныхъ, у того и удареніе на этихъ словахъ выходитъ не рѣзкое,

---

[1]) Калѣкѝ перехожіе, стр. 273.

[2]) Тамъ же, стр. 272.

[3]) Очень можетъ быть, что въ старину въ Русскомъ языкѣ существовали и количество, и разнообразное удареніе. Но какъ Катковъ (Объ элементахъ и формахъ, стр. 76) могъ это вывести изъ памятниковъ древнерусской письменности, мнѣ совершенно непонятно.

[4]) Звукъ е въ словахъ весенній, плѣнникъ не тотъ, что̀ въ словахъ бренный, тлѣнный, но разница не въ ударѐніи, а въ качествѣ гласнаго: въ первыхъ двухъ е сжатое (франц. é), во вторыхъ — широкое (франц. è).

а обыкновенное, неопредѣленное. Слова рýсскій, францýзскій и подобныя имъ, имѣютъ обыкновенное удареніе, т. к. сс, зс въ нихъ только пишутся, а произносится просто с. Напротивъ того, слова *прочіе, впрочемъ, поручикъ, выйти* представляютъ удареніе рѣзкое, потому что произносятся *протчіе, впротчемъ, порутчикъ, вытти*. Такое же удареніе свойственно глагольнымъ формамъ, кончающимся на áттса, ѝттса, óттса,ýттса: стараться, браться, жениться, стремиться и стремится, несётся, льётся, несутся, льются и т. д.—Долгота гласныхъ, которая иногда слышится въ русской рѣчи, имѣетъ чисто случайный, риторическій характеръ и можетъ являться даже въ словахъ рѣзкаго ударенія. Нельзя, однако, считать окончательно рѣшеннымъ вопросъ о существованіи, можетъ быть, въ какомъ-нибудь закоулкѣ Россіи, настоящаго количества [1]).

Итакъ, русская акцентовка, если оставить въ сторонѣ немногочисленныя слова съ рѣзкимъ удареніемъ, вполнѣ заслуживаетъ названіе *однородной*, и обычное въ ней удареніе—названіе *неопредѣленнаго*. Если Кайсслеръ [2]) называетъ наше удареніе острымъ (acut), то онъ просто увлекается правописаніемъ Греча и Востокова, которые употребляютъ исключительно такъ называемую «острую» просодію (акутъ). Подобное же смѣшеніе письма съ выговоромъ представляютъ слѣдующія слова Ганкевича: въ Малороссійскомъ языкѣ есть лишь одно удареніе, акутъ; только надъ окситонками въ связной рѣчи ставится грависъ [3]). Гротъ такъ же, какъ Гречъ и Востоковъ, ограничивается одною просодіею, и я слѣдую его примѣру; замѣняю, однако, акутъ отвѣсною чертою, такъ какъ акутъ у меня обозначаетъ извѣстный, опредѣленный родъ ударенія — удареніе «восходящее», и не можетъ въ то же время обозначать и неопредѣленное. Вновь придуманный знакъ выражающій удареніе вообще, безъ ближайшаго опредѣленія его качества, я употреблялъ уже во введеніи, и онъ пригодится мнѣ во всѣхъ случаяхъ, когда удареніе или дѣйствительно есть неопредѣленное, или когда я не въ состояніи опредѣлить его качество. Русское удареніе, такимъ образомъ, всегда буду отмѣчать «отвѣсомъ», кромѣ немногочисленныхъ случаевъ рѣзкаго ударенія, которое обозначаю по сербскому способу: брѐнный, впрòчемъ,

---

[1]) Не могу убѣдить свой слухъ, чтобы указанные Гротомъ (Филол. разыск., стр. 413) легкіе количественные оттѣнки въ произношеніи неударяемыхъ слоговъ дѣйствительно существовали. Однако это наблюденіе, если и признать его справедливость, собственно не относится къ предмету настоящаго изслѣдованія.

[2]) L. Kayssler, S. 16.

[3]) C Hankiewicz. Ein Beitrag zur Lehre vom kleinrussischen Accent. Arch. für slav. Philol., B. II, S. 113.

вы́дти, стреми́ться, хотя такое обозначеніе не вполнѣ точно, потому что сербское рѣзкое удареніе нѣсколько сильнѣе русскаго.

Что́ касается размѣщенія удареній, то тутъ ни одинъ языкъ (за исключеніемъ, развѣ, Санскритскаго) не можетъ поспорить съ Русскимъ въ разнообразіи.

Посмотримъ прежде всего, на сколько слоговъ удареніе можетъ отстоять отъ конца слова. На послѣдній слогъ, на предпослѣдній и на третій съ конца удареніе падаетъ такъ часто, что на эти случаи было бы странно приводить примѣры. Впрочемъ, и на *четвертый* съ конца удареніе приходится нерѣдко, нпр.: вы́боина, ви́сѣлица, жа́воронокъ, жу́желица, за́работокъ[1]), и́нокиня, на́волочка, о́боротень, о́колотень, на́волока, на́дчерица, по́хороны, пѣсенники, свѣдѣніе, ска́зочники, су́кровица, сы́воротка, щи́колодка, скла́дываться, укла́дываться, полу́дничаю, разска́зываю, продѣлываю, увѣсистые, призе́мистые, списходи́тельные, бѣдненькіе, отеческіе, по́данные, и т. д., и т. д.

Уже не такъ часто является удареніе на *пятомъ* слогѣ: взя́точничество, за́падничество, Все́володовичъ, за́имствователи, за́имствованіе, подде́лыватели, и́ноческіе, о́троческіе, ю́ношескіе, за́падническій, вѣрованія, (раз)ска́зываете, ска́зывается, (по)дѣлываете, (рас)пу́тываете, (от)раба́тываете, вы́брошенные. При нѣкоторомъ стараніи, можно бы подобрать еще цѣлый рядъ подобныхъ реченій: сюда нпр. подходятъ нѣкоторыя формы только что указанныхъ и другихъ словъ, съ удареніемъ на четвертомъ съ конца, какъ полу́дничаете, на́волочками, и довольно значительное число причастій: хва́стающійся, по́дличающій, по́льзующійся, обраба́тываемый, воздѣлываемый, вы́двинувшійся, вы́прямившійся, вы́разившійся, вы́потрошившій, вы́вѣтрившійся, вы́работанный и т. д.

Удареніе на *шестомъ* слогѣ имѣютъ слова: о́боротничество, вы́балотировка, вы́барышничанье, Все́володовичи, за́имствованіями, ви́слебизувати млр. (высказать, выяснить). Сюда относятся также нѣкоторыя формы, нпр. и́менительный множественнаго числа, пятисложныхъ въ именительномъ единственнаго причастій и прилагательныхъ, какъ-то: вы́двинувшіеся, за́падническіе и т. д. Такую же акцентовку представляетъ и цѣлый рядъ причастій на -ивающійся, -ывающійся: уравновѣшивающійся, перемѣшивающійся, обнару́живающійся, (с)ка́шивающійся, (с)кра́дывающійся, (с)кла́дывающійся, (с)кра́шивающійся, изпа́шивающійся, спѣшивающійся, смѣшивающійся, стушёвывающійся, укора́чивающійся, (вы)раба́тывающійся, об-

---

[1]) Произносятъ, впрочемъ, и зарабо́токъ.

лака́чивающійся, воспи́тывающійся, вса́сывающійся. На тотъ же слогъ падаетъ удареніе въ словахъ вы́работавшійся, вы́колосившійся.

На *седьмомъ* слогѣ является удареніе въ словѣ вы́балотированье, въ твор. множ. ч. Все́володовичами и въ нѣкоторыхъ падежахъ только что приведенныхъ причастій: уравнове́шивающіеся, скла́дывающіеся, воспи́тывающіеся и т. д.

Наконецъ, удареніе, пожалуй, можетъ находиться даже на *восьмомъ* слогѣ съ конца, что́ случится въ словѣ вы́балотированье, если не сокращать его окончанія и произносить вы́балотированіе.

Итакъ, отъ конца слова удареніе въ Русскомъ языкѣ можетъ отстоять на шесть, или даже на семь слоговъ[1]). Если, однако, по-ближе присмотрѣться къ приведеннымъ примѣрамъ, то окажется, что живыхъ, общеупотребительныхъ словъ, съ удареніемъ на седьмомъ и на шестомъ слогѣ, почти совсѣмъ нѣтъ: подобный выговоръ, за немногими исключеніями, свойственъ только нѣкоторымъ книжнымъ, искусственнымъ словамъ, по преимуществу причастіямъ. Можно даже сказать, что въ большинствѣ случаевъ удареніе приходится на одинъ изъ трехъ послѣднихъ слоговъ, уже потому, что многосложныхъ словъ не такъ много, да и они нерѣдко имѣютъ подобную акцентовку[2]). Такимъ образомъ, окончательный видъ разбираемаго закона русскаго выговора будетъ слѣдующій: *удареніе обыкновенно приходится на одинъ изъ трехъ послѣднихъ слоговъ, нерѣдко также на четвертый съ конца, иногда на пятый. Встрѣчается удареніе на шестомъ, седьмомъ (и на восьмомъ?) слогѣ, но оно уже составляетъ рѣдкость.*

Отъ начала слова удареніе никогда не отстоитъ такъ далеко, какъ отъ конца: опять-таки *ударяемый слогъ бываетъ чаще всего первымъ, вторымъ*

---

[1]) Кстати замѣтить: этотъ фактъ, въ соединеніи съ тѣмъ, что русская акцентовка нисколько не отличается музыкальностью, доказываетъ неосновательность мнѣнія Вейля и Бенлёва, будто изъ одной способности санскритскаго ударенія отстоять далеко отъ конца слова можно заключать о музыкальномъ характерѣ его: L'accent sanscrit aura été musical, plus musical, que l'accent grec - même, ... parce qu'il n'éprouve aucune difficulté à dominer sept ou huit syllabes là, où l'accent grec n'en peut dominer que deux. Напрасно также удивляются силѣ ударенія въ какомъ-нибудь ábubodhišāmahi и забываютъ, что въ греческихъ словахъ (въ родѣ καταστρατοπεδευσαμένη) удареніе иногда столь же далеко отстоитъ отъ начала слова, какъ здѣсь отъ конца.

[2]) Этимъ объясняется ошибка Вейля и Бенлёва, которые утверждаютъ, будто русское удареніе вообще держится въ тѣхъ же предѣлахъ, какъ древнегреческое (Weil et Benloew, pag. 116): они, очевидно, не знали по-русски, и могли основать свой законъ только на десяткѣ, другомъ, вычитанныхъ ими откуда-нибудь словъ, при чемъ легко могло случиться, что въ число этихъ словъ не попало ни одного, съ удареніемъ на четвертомъ слогѣ съ конца.

или третьимъ съ начала, рѣже четвертымъ, весьма рѣдко пятымъ; шестымъ же или седьмымъ, онъ никогда не бываетъ: я, по крайней мѣрѣ, не могу подобрать противней греческимъ ἑξακοσιοστός, δεκακισμυριοστός, καταστρατοπεδευσαμένη.

Удареніе на *четвертомъ* слогѣ съ начала представляютъ нпр. слѣдующія слова: богатырѝ, секретарѝ, воротникѝ, крѣпостникѝ, ломовикѝ, боровикѝ, паровикѝ, половикѝ, пудовикѝ, пуховикѝ, четверикѝ, переполо́хъ, аптекаря́, директора́, инспектора́, профессора́, учителя́, сковорода́, городово́й[2]), вели́чина́, принесена́, получена́, приподнята́, приподняла́, преподнесла́, произвела́, (на) похорона́хъ, (въ) проповѣдя́хъ, (въ) вѣдомостя́хъ, праздношата́ющійся, простонаро́дный, великолѣпіе, малоизвѣстный, благонамѣренный, женоподо́бный, (из)обрѣсти́, переломи́ть, переполо́шить, переплести́, переплати́ть, переплавля́ть и т. д. Удареніе на *пятомъ* съ начала: сороковикѝ, камеръюнкера́, статссекретарѝ, разноударя́емый, переполоши́ть (=переполо́шить), переуступи́ть, переторгова́ть, перегодова́ть, переведена́, переплетена́, пренебрежена́, полуразвали́вшійся, вѣроисповѣданіе и. т. п.

Гибкость словъ—подъ этимъ названіемъ я, вмѣстѣ съ Я. К. Гротомъ, разумѣю способность передвигать удареніе — въ Русскомъ языкѣ весьма значительна.

Подвижное удареніе, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, колеблется между послѣднимъ и предпослѣднимъ слогомъ, а какъ общій законъ языка можно выставить, что нѣтъ такого гибкаго слова, которое во всѣхъ падежахъ было-бы баритонкою, и въ которомъ удареніе передвигалось бы нпр. такъ, какъ въ сербскомъ со̀ко̄, соко̀ла; ју̀на̄к, ју̀на́ка. Исключеніе составляетъ по́лночь, полу́ночи; но это слово есть продуктъ относительно недавняго слитія двухъ словъ. Пожалуй, можно видѣть исключеніе и въ другомъ сложномъ съ пол — по́лгода, полуго́да (имен.-вин. произносятъ также полго́да), но здѣсь составныя части еще далеко не срослись въ одно цѣлое.

1. Низшую степень гибкости представляютъ слова мужескаго рода съ *наклоннымъ* удареніемъ, нпр. мечъ, меча́, мечу́ и т. д., пѣту́хъ, пѣтуха́, пѣтуху́ и т. д. Эти слова, пожалуй, можно и не называть гибкими, потому что они гибки только съ точки зрѣнія Древнеславянскаго языка, съ русской же

---

[1]) Въ послѣднихъ двухъ словахъ предконечный слогъ обыкновенно скрадывается въ произношеніи, и слышится скаврада́, гардаво́й: тогда удареніе отстоитъ всего на два слога отъ начала. То же самое происходитъ въ нѣкоторыхъ словахъ съ наначальною акцентовкою, какъ на́бережная, про́волока, которыя звучатъ тогда набе́ржная, про́валка.

точки зрѣнія, они, будучи лишены въ именительномъ падежѣ флексіи, и не могутъ имѣть на ней ударенія. Впрочемъ, нѣкоторыя изъ этихъ реченій (какъ мнѣ думается, именно изъ желанія уподобить акцентовку именительнаго прочимъ падежамъ) приняли окончаніе о, на которое падаетъ ударение: сѣрко́, воронко́, млр. Петро́, Дніпро́, Сомко́. Въ малорусскомъ нарѣчіи подобныя слова несомнѣнно заслуживаютъ названія гибкихъ — потомучто въ звательномъ падежѣ подвигаютъ ударение къ началу: коза́къ, -а́, жеребе́ць, -бця́, молоде́ць, -дця́, пани́чъ, -ча́, Петро́, -а́, попъ, -а́, господа́рь, -ря́, Васи́ль, -я́ — коза́че, жере́бче, моло́дче, пани́чу, Пе́тре, по́пе, господа́рю, Васи́лю. Также вино́къ, -нка́; дере́нъ, -рна́; ого́нь, -гня́ — ві́нку, де́рне, о́гне.

2. Также одинъ падежъ со своеобразнымъ удареніемъ представляютъ баритонки, образующія мѣстный на у́, употребляемый лишь при предлогахъ въ и на и постоянно окситонуемый, какъ-то: бредъ—въ бреду́, клей—въ клею́; мѣлъ—въ мѣлу́, низъ—внизу́, плѣнъ—въ плѣну́, потъ—въ поту́, пухъ—въ пуху́, хмѣль—въ хмѣлю́, чадъ—въ чаду́. Впрочемъ слова, образующія подобные мѣстные падежи, по большей части становятся окситонками и во множественномъ числѣ, и весьма вѣроятно, что только что перечисленныя лишь потому не дѣлаютъ этого, что вообще — въ силу своего значенія — не образуютъ множественнаго числа. Два только слова—цехъ, це́хи, це́ховъ, въ цеху́ и сокъ, со́ки, со́ковъ, въ соку́ — могутъ считаться настоящими представителями такого рода ги́бкости.

3. Нѣкоторыя слова, будучи въ единственномъ числѣ баритонками, окситонуютъ всѣ падежи множественнаго, напр. слой, слоя́ мн. слои́, слое́въ; чинъ, чи́на—чины́, чино́въ.

4. Иногда всѣ падежи множественнаго числа имѣютъ ударение на флексіи, но въ именительномъ, согласно съ единственнымъ числомъ, напираютъ на корень: волкъ, во́лка—во́лки, волко́въ, волка́мъ, волка́ми, волка́хъ.

5. Весьма много словъ, будучи въ единственномъ числѣ баритонками, окситонуютъ все множественное число и кромѣ того образуетъ мѣстный падежъ единственнаго числа на у́: бой, бо́я, бои́—въ бою́; долгъ, до́лга, долги́—въ долгу́; ладъ, ла́ду, лады́—въ ладу́; мозгъ, мо́зга, мозги́—въ мозгу́; носъ, но́са, носы́—въ носу́; полъ, по́ла, полы́—на полу́; рядъ, ря́да, ряды́—въ ряду́; садъ, са́да, сады́—въ саду́; чай, ча́я, чаи́—въ чаю́ и др.

6. Такой же мѣстный падежъ образуютъ, по большей части, и тѣ баритонки, которыя не имѣютъ наконечнаго ударенія въ именительномъ множественнаго, но имѣютъ его въ остальныхъ падежахъ: вѣтеръ, вѣтра, вѣтры, вѣтро́въ—на вѣтру́; гробъ, гро́ба, гро́бы, гробо́въ—въ гробу́; дубъ, ду́ба, ду́бы, дубо́въ—на дубу́; клу́бъ, клу́ба, клу́бы, клубо́въ—въ клубу́.

Нѣкоторыя слова колеблются въ именительномъ множественнаго между

окситоновкой и баритоновкой, при чомъ иногда тѣмъ или другимъ выговоромъ обусловлено и значеніе ихъ. Таково слово родъ, ро́да (или ро́ду), на роду́ (на роду́ написано), ро́ды, родо́въ, которое, въ значеніи partus, окситонуется и въ имен. множ. — роды́. Подобное же явленіе представляетъ слово видъ: видъ, ви́да (ви́ду), въ виду́ (имѣлъ въ виду́), ви́ды, видо́въ, или виды́, видо́въ, и даже ви́ды, ви́довъ, хотя послѣдній способъ акцентовки, кажется, неправиленъ и вызванъ ложной аналогіей именительнаго падежа[1]). Такое колебаніе ударенія можно объяснить тѣмъ, что въ Русскомъ именительномъ множественнаго слились въ одно два падежа—именительный и винительный, которые—если можно вѣрить въ этомъ случаѣ Литовскому языку—первоначально не всегда имѣли одинакую акцентовку. На такое объясненіе навело меня литовское слово vêidas лицо, этимологически тожественное съ нашимъ видъ и образующее именительный множественнаго veidaí, а винительный — vêidus. Итакъ, возможно что слово видъ первоначально имѣло винительный ви́ды (= vêidus) и именительный—види́ (veidaí), слѣдъ котораго сохранился до сихъ поръ въ выговорѣ виды́. Въ Малороссійскомъ нарѣчіи, Верхратскій отмѣчаетъ еще нѣсколько именительныхъ множественнаго, съ двоякимъ удареніемъ: на́пи или пани́, вітри или вітри́, кри́ки или крики́, шо́вки или шовки́[2]).

Подобнымъ же образомъ, какъ только что упомянутое частное явленіе, т. е. смѣшеніемъ въ одну двухъ формъ, слѣдуетъ, вѣроятно, объяснять и вообще непостоянство ударенія у словъ мужескаго рода. То обстоятельство, что окситоновка множественнаго числа почти всегда сопряжена съ появленіемъ мѣстнаго на у, прямо наводитъ на мысль, что эти явленія имѣютъ общую причину, которую, по всей вѣроятности, слѣдуетъ видѣть во вліяніи основъ на у, какъ извѣстно, особенно склонныхъ къ наконечной акцентовкѣ[3]). Такимъ образомъ, я въ основаніе формъ саду́, сады́,

---

[1]) Нѣтъ-ли разницы въ значеніи формъ виды́ и ви́ды: не значитъ-ли виды́ vues, paysages, а ви́ды—espèces, sortes? По моему, и въ первомъ значеніи смѣло можно произнести ви́ды, а въ поговорочномъ выраженіи «видалъ виды» едва-ли и возможенъ иной выговоръ.

[2]) Archiv für slavische Philologie. Bd. III. S. 389.

[3]) Въ Литовскомъ языкѣ всѣ существительныя на us (кромѣ tùrgus рынокъ) и почти всѣ прилагательныя имѣютъ по всѣмъ почти падежамъ наконечную акцентовку и даже въ тѣхъ, въ коихъ теперь не имѣютъ ея, вѣроятно имѣли ее прежде (см. ниже въ главѣ о Литовской акцентовкѣ). Таковы: alùs брага, dangùs небо, lytùs дождь, medùs медъ (Honig), midùs медъ (Meth), sunùs сынъ, vidùs внутренность, virszùs верхъ, žmogùs человѣкъ, asztrùs острый, baisùs страшный, brangùs дорогой, gaidrùs ведряный, gražùs красивый, lankùs гибкій, saldùs сладкій и т. д.

садо́въ и т. д. полагаю тему *са̄ду́ [1]) между тѣмъ какъ прочіе падежи несомнѣнно надо производить отъ темы *са̄да, которая могла имѣть ударе̇ніе на корнѣ. Употребленіе темы на у, рядомъ съ темою на а, встрѣчается въ Литовскомъ языкѣ, гдѣ рядомъ съ прилагательными giė̂dras, ведряный, gu̇̂dras умный, szaúnas славный, хорошій (tüchtig, brav), ba̋ugsztas пугливый, stı̇̂pras stark Ness., szvélnus мягкій Ness., a̋iszkas ясный Ness. употребляются въ тѣхъ же самыхъ значеніяхъ: giėdrû̃s, szaunû̃s, gudrû̃s, baugsztû̃s, stiprû̃s, szvelnû̃s и a̋iszkus (род. aiszkaú̃s). Въ такомъ же этимологическомъ соотношеніи стоятъ нѣкоторыя существительныя и относящіяся къ нимъ прилагательныя: gársas звукъ — garsû̃s звучный (wiederhallend), lánkas обручъ—lankû̃s гибкій, szviėsa̋ свѣтъ—szviėsû̃s свѣтлый, tamsa̋ тьма—tamsû̃s темный, tiėsa̋ правда—tiėsû̃s прямой, giėdra̋ вёдро, засуха—giėdrû̃s ведряный, сухой, vėsa прохлада—vėsû̃s прохладный, sa̋rgas сторожъ—sargû̃s сторожевой? чуткій? wachehaltend (vom Hunde), sznekta̋ разговоръ—sznektû̃s разговорчивый [2]). Если въ Русскомъ языкѣ нѣкогда существовали подобныя двойниковыя темы, то онѣ непремѣнно должны были слиться въ одну, продуктомъ чего весьма легко могли явиться подобныя акцентовки, какую представляетъ слово *садъ*. Не за чѣмъ, конечно, предполагать, чтобы всѣ реченія этого рода основывались на двухъ темахъ: разъ выработался извѣстный типъ, подъ него могли подойти впослѣдствіи и такія слова, которыя собственно къ нему не принадлежали. Было бы весьма важно опредѣлить, насколько мѣстные падежи на у́ могутъ считаться доказательствомъ, что извѣстное слово образовалось отъ основы на у.

7. Баритонки мужескаго рода, представляющія въ именительномъ множественнаго ударяемое а, какъ го́лосъ—голоса́, ко́локолъ—колокола́, ку́зовъ—кузова́, па́русъ—паруса́ и т. д., въ настоящее время несомнѣнно заслуживаютъ названія гибкихъ словъ, но гибкость эту слѣдуетъ считать позднѣй-

---

Въ Греческомъ прилагательныя на υς (-εια) -υ всѣ безъ исключенія имѣютъ ударе̇ніе на υ. Также и въ Санскритѣ подобныя основы склонны къ окситонству: prthú, mrdú, svādú и т. д.

[1]) Мѣстный падежъ относитъ къ этой основѣ и Миклошичъ. Vergl. Form. 2. Ausg. S. 290.

[2]) Іоганъ Шмидтъ, у котораго я заимствовалъ эти списки, перемѣнивъ только акценты, по Куршатовой грамматикѣ и словарю, говоритъ (Ueber das litauische nominalsuffix—u. Beiträge zur Vergleichenden Sprachforschung IV, S. 259), что эти прилагательныя произведены отъ соотвѣтственныхъ существительныхъ, въ чемъ я вижу только неточное выраженіе: съ логической точки зрѣнія можно допустить и обратное отношеніе между ними, а съ морфологической слѣдуетъ ихъ считать независимыми другъ отъ друга.

шею и неорганическою. Какъ извѣстно, именительные множественнаго на а допускаютъ двоякое объясненіе: или это — настоящія формы множественнаго числа, только средняго рода, или же это — собирательныя существительныя женскаго рода, только впослѣдствіи получившія, въ силу своего значенія, неорганическое склоненіе[1]). Но, котораго объясненія ни держаться, эти формы ни въ какомъ случаѣ не находятся въ непосредственной связи со своимъ единственнымъ числомъ, такъ что нѣтъ основанія удивляться ихъ своеобразной акцентовкѣ. Что жъ до родительнаго и другихъ падежей, то ихъ окситонность объясняется просто уподобленіемъ ихъ именительному. Иной, можетъ быть, спроситъ, какъ это одинъ падежъ могъ пересилить и подчинить себѣ всѣ остальные; но онъ дѣйствительно могъ это: потому, что, коль скоро въ Русскомъ языкѣ именительный множественнаго окситонованъ, и всѣ остальные падежи окситонуются (хотя, наоборотъ, при окситонномъ родительномъ, дательномъ, можетъ стоять баритонный именительный — волкóвъ, волкáмъ, по вóлки; копéй, копя́мъ, по кóни).

8. Слова *конь* и *гвоздь*, акцентуемые во множественномъ одинаково со словомъ волкъ, въ единственномъ окситонуются и потому должны быть выдѣлены въ особую категорію. Мнѣ неизвѣстно другихъ примѣровъ окситоновки по всѣмъ падежамъ обоихъ чиселъ, за исключеніемъ именительнаго множественнаго (говорю о словахъ мужескаго рода: въ женскомъ такихъ словъ довольно).

9. Апалогіей именительнаго кóни иногда увлекаются и остальные падежи множественнаго числа, такъ что выходитъ склоненіе: конь, коня́, коню́ и т. д., а во множественномъ: кóни, кóней, кóнямъ, кóнями, кóняхъ. Эта категорія именъ мужескаго рода, кажется, имѣетъ всего одного представителя. Въ Малорусскомъ Ганкевичъ, кромѣ *жинь*, отмѣтилъ еще слѣдующія имена этого рода: *гриш*ъ, *орелъ*, *оселъ*, *слий* die Krause, сміхъ и жаль[2]), а Верхратскій приводитъ еще одну мѣстную форму, употребительную въ Самборскихъ горахъ,—вóлы вм. общаго и украинцамъ и галичанамъ волú (великорусс. волы)[3]). Изъ числа этихъ словъ *жаль*, по великорусски жен-

---

[1]) Второе объясненіе мнѣ кажется гораздо правдоподобнѣе: вспомнимъ формы князья́, мужья́, зятья́, сыновья́, кумовья́, которыя никакъ нельзя объяснить переходомъ изъ мужескаго рода въ средній. Миклошичъ (Vergl. Formenl. 2 Ausg. S. 291 u. 292) также высказывается въ его пользу.

[2]) Hankiewicz, Clemens. Ein Beitrag zur Lehre vom kleinrussischen Accent. Archiv für slavische Philologie, B. II, S. 120.

[3]) J. Verchratsky. Ein weiterer Beitrag zur Betonung im Kleinrussischen. Archiv f. sl. Ph., B. III, S. 389.

скаго рода (жаль, жа́ли), *смѣхъ* — уже въ единственномъ числѣ есть баритонка: *грошъ*, *орелъ* и *оселъ* окситонуютъ и все множественное число, а *слой* (какъ разъ наоборотъ, сравнительно съ малорусскимъ) баритонуетъ единственное число и окситонустъ множественное.

Появленіе именительныхъ множественнаго ко́ни, гро́ши, жа́ли, при единственномъ числѣ конь (кинь), коня́, гришъ, гроша́, жаль, жаля́ объяснить не легко: я не знаю другой аналогіи, кромѣ литовскихъ основъ на i, образцомъ которыхъ у Куршата служитъ vagìs воръ. Vagìs во всѣхъ падежахъ (за исключеніемъ дательнаго и винительнаго единственнаго) полагаетъ ударе́ніе на окончанія, но въ именительномъ множественнаго произносятъ vágys. Дѣйствительно, слово *жаль*, колеблющееся между мужескимъ и женскимъ родомъ, имѣетъ полное право считаться темою на ї; но конь и гроши? Для малорусской акцентовки словъ слой, смѣхъ, орелъ и оселъ я не нахожу никакого объясненія.

Слова средняго рода на о (е).

У словъ средняго рода на о всѣ падежи единственнаго числа имѣютъ одинакую акцентовку: или ударе́ніе всегда падаетъ на флексію, нпр. окно́, окна́, окну́, окно́мъ, окнѣ, или никогда не падаетъ на нее—мя́со, мя́са, мя́су, мя́сомъ, мя́сѣ.

Но, если въ единственномъ числѣ господствуетъ полное единообразіе, зато множественное число такихъ словъ (по крайней мѣрѣ двусложныхъ) постоянно отклоняется отъ единственнаго: когда въ единственномъ ударе́ніе падаетъ на корень или на образовательную наставку, оно во множественномъ является на флексіяхъ, и наоборотъ, нпр.: блю́до—блюда́, ма́сло—масла́, мо́ре—моря́[1]), ведро́—ве́дра, вино́—ви́на, яйцо́—я́йца.

Изъ трехсложныхъ лишь немногія представляютъ подобный переходъ ударе́нія, а именно: 1) съ послѣдняго слога на предпослѣдній: колесо́, помело́, ремесло́, волокно́, долото́, полотно́—коле́са, поме́ла и т. д., или же 2) съ послѣдняго на третій съ конца (онъ же первый съ начала), или наоборотъ: де́рево, зе́ркало, кру́жево, лезвее́—дерева́, зеркала́, кружева́, ле́звея. Надо замѣтить, что нѣкоторыя изъ приведенныхъ реченій сдѣлались трехсложными только

---

[1]) Кстати замѣтить: помѣщать въ списокъ такихъ словъ слово судно (сѫдьно), въ значеніи корабля, крайне странно, такъ какъ оно очевидно разносклоняемое, и множественное число къ нему (суда́) слѣдуетъ считать, вмѣстѣ съ Миклошичемъ, множественнымъ числомъ (= собирательной формой) къ единственному судъ (серб. су́д, су́да) = съ-сѫдъ. Vergl. Gramm. B. III, S. 291.

вслѣдствіе полногласія. Зато изъ числа теперешнихъ двусложныхъ нѣкоторыя были прежде трехсложными, какъ сéрдце (ст. р. сьрдьце), письмó, сѣдлó (= седьло)[1]), хотя эти слова, конечно, могли въ сравнительно недавнее время увлечься аналогіей настоящихъ двусложныхъ

III. Слова третьяго склоненія (на а).

Окситóнки третьяго склоненія всегда бываютъ гибкими: мнѣ извѣстно только одно реченіе каланчá, род. каланчи́, им. мн. каланчи́, род. каланчéй, которое выдерживаетъ насуффиксную акцентовку по всѣмъ падежамъ (за исключеніемъ, конечно, творительнаго обоихъ чиселъ, который имѣетъ двусложную наставку).—Гибкость именъ на а бываетъ трехъ родовъ:

1) Наименьшую гибкость представляютъ слова бѣдá, рабá, похвалá, всегда напирающія на флексіи, за исключеніемъ лишь родительнаго множественнаго, флексія котораго опѣмѣла, (бѣдъ, рабъ, похвáлъ). Это слова съ «наклоннымъ» ударéніемъ, соотвѣтствующія первой группѣ словъ мужескаго рода (попъ, попá, колáчъ, -á; огóнь, огня́)[2]).

2) Въ именительномъ множественнаго ударéніе приближается къ началу (что́, конечно, относится и къ винительному, когда онъ равенъ именительному): блохá—блóхи, женá—жéны, слугá—слýги, дугá—дýги, свѣчá—свѣчи и т. д.

3) Ударéніе приближается къ началу слова не только въ имен. множ., но еще и въ вин. единств., напр., водá,—вóду, вóды; горá—гóру, гóры; доскá—дóску, дóски; земля—зéмлю, зéмли.

4) Иногда аналогія имен. падежа увлекаетъ и прочіе падежи множ. числа, напр. сестрá—сéстры, сéстрамъ, сéстрами, сéстрахъ (однако, род. п.—сестéръ); игрá—и́гры, и́грамъ и т. д.; судья́—сýдьи, сýдьямъ и т. д. (род. сýдей или судéй).—У нѣкоторыхъ реченій ударéніе колеблется: доскá—дóски, досóкъ, или дóсокъ, доскáмъ или дóскамъ и т. д.; пчелá—пчéлы, пчелáмъ или пчéламъ и т. д.

Окситонки этого рода въ Малорусскомъ языкѣ, сравнительно съ Великорусскимъ, имѣютъ лишній баритонный падежъ, это — падежъ звательный

---

[1]) Седьло, а не седло, слѣдуетъ считать старорусскою и основною формою этого слова (у Миклошича въ словарѣ приведена форма седьла), чѣмъ устраняется невозможное, хотя и допущенное Даничичемъ и самимъ Миклошичемъ, разложеніе этого слова на корень сед и наставку ло.

[2]) Не знаю, сюда ли отнести слова княжнá, ножны́, или считать ихъ вовсе негибкими: въ родительныхъ падежахъ княжéнъ, ножéнъ ударéніе не падаетъ, правда, на суффиксъ, но все-таки—на окончаніе.

ный, который вообще не допускаетъ наконечной акцентовки: отъ словъ краса́, дочка́, сестра́ производятся зват. падежи кра́со, до́чко, се́стро[1]).

Переходъ ударенія у именъ на а, какъ видно изъ вышеприведенныхъ примѣровъ, бываетъ двухъ родовъ.

1. Чаще всего удареніе переходитъ съ сосѣдняго слога на сосѣдній, нпр., вода́—во́ду, рука́—ру́ку, сирота́—сиро́ты, что́ у реченій дусложныхъ есть единственно возможный способъ.

2. Однако, у трехсложныхъ, которыхъ, правда, въ сравненіи съ двусложными весьма немного, удареніе обыкновенно скачетъ черезъ слогъ и приходится то на послѣдній слогъ, то на первый: борода́—бо́роду, слобода́—сло́боду. Таковы еще: борозда́, борона́, голова́, железа́ (вин. железу́), полоса́, середа́, сторона́, хло́поты и т д.—У четырехсложныхъ сковорода́ и по́хороны удареніе скачетъ даже черезъ два слога, такъ что говорятъ ско́вороду, ско́вороды; похоро́намъ, -а́ми, -а́хъ (ро́д. похоро́нъ). Надо замѣтить, что эти слова — на что́ указалъ уже Я. К. Гротъ —почти всѣ были первоначально двусложными и растянулись лишь благодаря полногласію: теперешній выговоръ борода́—бо́роду основанъ на первоначальномъ барда́—ба́рдам. Реченія же слобода́, хло́поты, хотя и не полногласныя, но похожи на полногласныя (тамъ оро, оло, тутъ—обо, опо), такъ что легко могли быть подведены подъ ихъ аналогію. При переносѣ ударенія въ словахъ сковорода́ и по́хороны черезъ два слога очевидно руководствуются не столько аналогіею другихъ полногласныхъ словъ, какъ борода́, голова́, сколько общимъ характеромъ акцентовки реченій на а́, которая и у двусложныхъ и у трехсложныхъ колеблется между слогами послѣднимъ и первымъ.

Между тѣмъ, какъ окситонки на а отличаются такою гибкостью, баритонки имѣютъ совершенно неподвижное удареніе.

Изъ этого закона въ Великорусскомъ языкѣ исключаются только два слова—дере́вня и до́ля, которыя во множеств. числѣ баритонуютъ одинъ имен. падежъ, а остальные окситонуютъ: дере́вни, до́ли; деревне́нь, доле́й; деревня́мъ, доля́мъ[2]). Зато Малороссы у словъ на а выработали такое же соотношеніе между множественнымъ и единственнымъ числомъ, какъ во второмъ склоненіи, т. е. не только множ. число окситонокъ въ

---

[1]) Есть ли изъ этого правила исключенія? Я встрѣчалъ звательный сатано́, также—трубо́ Wagil.; но, кажется, это формы книжныя, невѣрно акцентованныя.

[2]) Ужъ не принадлежали ли слова деревня и доля первоначально къ четвертому склоненію, такъ что произносились деревень и доль? Акцентовка ихъ, въ такомъ случаѣ, была бы самая обыкновенная. См. нѣсколько ниже.

нѣкоторыхъ, или даже во всѣхъ падежахъ баритонуется, но и, наоборотъ, баритонныя въ единственномъ становятся окситонками во множественномъ: шáбля—шаблѝ, шабéль (и шáбель), шабля́мъ, шабля́ми, шабля́хъ; такъ же: бáба, бóчка, лáвка,пля́шка, пъя́вка, чáрка, шáпка, сорóчка — баби́, бочки́, лавки́, пляшки́, пъявки́, чаркѝ, шапки́, сорочки́. Малорусскій выговоръ, въ этомъ случаѣ, несомнѣнно новѣйшій: ни у Сербовъ, ни у Словенцевъ, ни у Болгаръ нѣтъ ничего подобнаго; да и Великороссы, если бы владѣли прежде столь удобнымъ способомъ отличать имен. множ. отъ родительнаго единств. (имен. мн. баби́, род. ед.—бáби) сдвали бъ отъ него отказались.

IV. Слова на мягкій согласный, съ родительнымъ на и.

Въ 4 склоненіи бóльшая часть словъ бываетъ гибкою, или имѣетъ, по крайней мѣрѣ, наклонное удареніе.

1. Рѣшительно наклонное удареніе, которое всегда падаетъ на самый конецъ слова, представляютъ числительныя пять, шесть и семь: пять — род., дат., мѣстн. пяти́, твор. пятью́.

2. Наклонное удареніе, за исключеніемъ твор. падежа, мы видимъ у словъ ложь, рожь и любóвь: род., дат., мѣстн. лжи, ржи, любви́, твор. лóжью, рóжью, любóвью.

3. Наклонное удареніе имѣетъ также единственное въ этомъ склоненіи существительное муж. рода—путь. Только двусложная наставка твор. падежа множ. числа носитъ удареніе на первомъ своемъ слогѣ: путя́ми.

Собственно-гибкія слова 4-го склоненія также бываютъ трехъ родовъ.

1. Чаще всего, все единств. число и имен. падежъ множественнаго баритонуются, а остальные падежи окситонуются: вещь—род., дат., мѣстн. вéщи, тв. вéщью, имен. множ. вéщи, род. вещéй дат. вещáмъ, тв. вещáми, мѣст. вещáхъ; нóвость—род., дат., мѣстн. нóвости, тв. нóвостью, им. мн. нóвости, род. новостéй, дат. новостя́мъ. тв. новостя́ми, мѣстн. новостя́хъ. Когда твор. множ. имѣетъ архаическое окончаніе ьми, то удареніе и въ немъ приходится на конечный слогъ: дверьми́, дочерьми́, костьми́, людьми́, лошадьми́, плетьми́.

2. Нѣкоторыя имена этого склоненія отличаютъ посредствомъ ударенія мѣстный падежъ ед. числа отъ родительнаго и дательнаго, такъ, что бываютъ гибки не въ одномъ множ. числѣ, но и въ единственномъ. Подобно мѣстному на у́, и эта форма употребляется только послѣ предлоговъ въ и на: на бровѝ, на вѣтвѝ, въ горстѝ, въ грудѝ, на мели́, въ ночи́, на

оси́, на площади́, въ степи́, и др. Впрочемъ, во многихъ случаяхъ—можетъ быть, рѣшительно во всѣхъ?—слышатся и баритонныя формы, напр. въ но́чи, на пло́щади; въ другихъ—онѣ даже преобладаютъ: на ло́шади, въ рѣ́чи, хотя произносятъ также на лошади́, въ рѣчи́.

3. Своеобразною гибкостью отличаются числительныя во́семь, де́вять, де́сять, два́дцать и три́дцать, которыя имѣютъ баритонный именительный, но въ остальныхъ падежахъ, подобно вышеотмѣченнымъ пя́ть, шесть и семь, окситонуются: восьми́, девяти́ и т. д.

Негибкими оказываются только окситонки: печа́ль, купе́ль, сине́ль, свирѣ́ль, горта́нь, мозо́ль, болѣ́знь; также слова обите́ль, добродѣтель и отвлеченныя на ость: во́льность, га́дость, ми́лость, нѣжность, па́кость, стра́нность. Негибкость отвлеченныхъ реченій легко можно объяснить тѣмъ, что множ. число, въ коемъ они бы должны были мѣнять акцентовку, собственно не свойственно имъ, когда жъ оно все-таки употребляется, то слѣдуетъ привычному образцу единственнаго [1]). Слово гу́сли (единств. число *гусль = гжсль) относится къ этой же группѣ [2]); только мы, при настоящемъ состояніи языка, не сознаемъ даже, принадлежитъ ли оно къ 4-му склоненію, или къ 3-му.

V. Слова наращаемыя.

1. Слова мать и дочь по акцентовкѣ вполнѣ принадлежатъ къ 4-му склоненію: род. ма́тери, до́чери и т. д., род. мн. матере́й, дочере́й и т. д.

2. Названія молодыхъ животныхъ на я (въ един. числѣ почти неупотребительныя) имѣютъ удареніе неподвижное и притомъ единообразное: всегда на этомъ я: теля́, теля́ти [3]); жеребя́, жеребя́ти; голубя́, голубя́ти [4]).

3. Слова на я, а, съ наращеніемъ ен, равно и слово не́бо, въ един. числѣ представляютъ единообразную накоренную акцентовку, а во множественномъ—насуффиксную: вре́мя, род., дат., мѣст. вре́мени, множ. ч.—времена́, времена́ъ, временамъ, временами, временахъ; не́бо, не́ба и т. д., множ. ч.—небеса́, небе́съ, небесамъ и т. д. Такъ же произносятся слова пле́мя, се́мя, зна́мя. Впрочемъ, зна́мя во множ. числѣ допускаетъ и даже

---

[1]) У Сербовъ отвлеченныя на ōст, ости также бываютъ гибки: слова мйлōст, мла̀дōст, лу̀дōст глупость, ра̀дōст, ста̀рōст образуютъ мѣстные падежи милòсти, младòсти, лудòсти, радòсти, старòсти = основн. милостй, младостй и т. д.

[2]) Есть, однако, поговорка: на словахъ, что на гуслѣхъ, а рукъ не подымай (Даль).

[3]) Поговорка: кабы нашему теляти, да волка поймати!

[4]) Множ. число по-малороссійски голу́бъята.

предпочитаетъ напредконечную акцентовку—знамéна. Подобнымъ образомъ и слово колесó, нѣкогда склонявшееся такъ же, какъ небо, произносится во множ. числѣ колéса. По-малороссійски во множ. числѣ тоже колéса, или же кóлеса, а въ единственномъ —кóлесо. Противорѣчіе между выговоромъ великорусскимъ и малорусскимъ легко объясняется тѣмъ, что слово колесо (коло, род. колесе) первоначально, по всей вѣроятности, произносилось съ такимъ же удареніемъ, какъ нéбо, небесé; óко, очесé; ýхо, ушесé, и что акцентовка кóлесо основана на выговорѣ именительно-винительнаго падежа кóло, а колесó — на остальныхъ. Сомнѣваться въ вѣрности акцентуаціи этихъ словъ въ нашихъ церковныхъ книгахъ мы не имѣемъ никакого основанія: только въ силу преданія, т. е. въ силу своей дѣйствительной древности могли сохраниться на письмѣ формы, столь несогласныя съ живою рѣчью русскаго народа; по той же причинѣ онѣ не могли быть выдуманы грамотеями.

Какъ отмѣтилъ уже Гротъ, гибкость составляетъ преимущественное достояніе *простыхъ* словъ: *сложныя* — водовóзъ, лѣтопись и т. п. — никогда не бываютъ гибкими, а *предложныя* —довольно рѣдко. По словамъ Грота, предложныя имена допускаютъ переходъ удареніе только при томъ условіи, чтобъ ударéніе въ имен. падежѣ един. ч. было на предлогѣ, напр., пóваръ—им. мн. повáра; пóвѣсть—рóд. мн. повѣстéй, прóповѣдь—проповѣдéй. Когда въ им. пад. ед. ч. предлогъ не принимаетъ удареніе, то предложное имя не можетъ быть гибкимъ, напр., завóдъ—завóды, приговóръ—приговóры; постéль—постéлей[1]). Мнѣ кажется, что этотъ законъ можно бы точнѣе выразить такъ: изъ числа предложныхъ, гибкими бываютъ слова женскаго рода, на мягкій согласный, и слова мужескаго рода, образующія неорганическое множественное число (на á). Кромѣ этихъ словъ, мнѣ извѣстно только одно подобное слово: пóхороны, похорóнъ, похоронáмъ (произносятъ, впрочемъ, и пóхоронъ, пóхоронамъ).

Кайсслеръ, въ своей брошюрѣ о русской акцентовкѣ[2]), высказываетъ убѣжденіе, что въ древности подвижность русскаго удареніе была еще значительнѣе, чѣмъ въ настоящее время, въ которое бóльшая часть реченій *утратила* гибкость, до сихъ поръ сохраняемую въ языкѣ Литовскомъ. Однако, мнѣніе Кайсслера слѣдуетъ признать ошибочнымъ. Уже Гротъ[3]) замѣтилъ по поводу его, что не знаетъ, на какомъ основаніи мы можемъ

---

[1]) Филол. разыск., стр. 393.

[2]) L. Kayssler. Die Lehre vom russischen Accent. S. 17—21.

[3]) Въ статьѣ «По поводу нѣмецкой брошюры о русскомъ удареніи». Филол. разыск., стр. 415.

приписывать старорусскимъ словамъ бо́льшую гибкость сравнительно съ нынѣшними, и указалъ на то́, что, если языкъ[1]), въ позднѣйшую эпоху своего развитія, съ одной стороны, обогащается преимущественно второобразными словами (на ніе, ность, ство, тель, или предложными глаголами), значительная часть которыхъ является безъ подвижного ударенія, зато онъ, съ другой стороны, принимаетъ въ себя и многія народныя слова, отличающіяся гибкостью: особенно окситонная форма множ. числа на нашихъ глазахъ дѣлаетъ все бо́льшія и бо́льшія завоеванія среди баритонокъ перваго склоненія, такъ выговоръ учителя́, служителя́, профессора́, вытѣсняетъ прежній — учи́тели, служи́тели, профе́ссоры. Замѣчу, со своей стороны, что ссылка Кайсслера на чрезвычайную гибкость литовскихъ реченій ничего не доказываетъ для Старорусскаго: весьма возможно, что Литовскій языкъ, сохранившій многія древнія черты, именно въ этомъ отношеніи отступилъ отъ древности — въ еще болѣе древнихъ языкахъ Санскритскомъ и Греческомъ, особенно въ послѣднемъ[2]), гибкость гораздо менѣе распространена, нежели въ Русскомъ.

Не всѣ слова, какъ извѣстно, произносятся съ удареніемъ: слова, играющія второстепенную роль въ предложеніи, — союзы, частицы — лишены его вовсе, нпр. бра́тъ *и* сестра́; ты *или* я́. Развѣ, что иногда они принимаютъ реторическое́ удареніе: но́, ми́лостивый госуда́рь. Вост.

Къ числу словъ несамостоятельныхъ принадлежатъ также и предлоги. Несамостоятельность предлоговъ состоитъ въ томъ, что они сливаются въ одно акцентное цѣлое съ соединяемымъ съ ними именемъ—явленіе, которое я позволю себѣ называть *прислоненіемъ*, а подверженныя ему реченія — *прислонками*. Прислонки отъ настоящихъ безударныхъ словъ, отъ *а́тонокъ* (ἄτονα), отличаются тѣмъ, что не всегда лишены ударенія, а находятся на равныхъ правахъ съ именами: однимъ онѣ подчиняются, другія онѣ сами себѣ подчиняютъ—говорятъ нпр. на кры́шу, по лицу́, по — на́ ногу, по́ небу. Какъ указалъ Востоковъ, прислоненіе существительнаго къ предлогу возможно только тогда, «когда существительное не имѣетъ за собою другого какого либо слова, отъ него зависящаго, какъ то прилагательнаго, или мѣстоименія относительнаго, или существительнаго въ родительномъ падежѣ;

---

[1]) Рѣчь здѣсь идетъ о языкѣ литературномъ, который одинъ могъ быть извѣстенъ Кайсслеру.

[2]) Въ Греческомъ языкѣ, при сравненіи его съ другими языками по отношенію къ подвижности ударенія, не слѣдуетъ принимать во вниманіе столь частыя перемѣны акцентовки, обусловленныя долготою конечнаго слога: однородною съ санскритскою, литовскою, русскою можетъ считаться только гибкость словъ, въ родѣ ἀνήρ — ἀνδρός — ἄνδρες, Ζεύς — Διός — Δία.

напр.: живётъ за́ городомъ;—за го́родомъ Архáнгельскимъ. Заплатúлъ столько-то рублéй за́ землю и сто́лько-то за́ лѣсъ; — за зéмлю, на кото́рой поселены́ крестья́не, из лѣсъ мáчто́выхъ дерéвьевъ[1])». Впрочемъ, по моему, проще и вѣрнѣе было бы сказать, что для прислоненія имени къ предлогу необходимо, чтобы оно составляло съ нимъ одно грамматическое цѣлое — одно нарѣчеобразное выраженіе. При такомъ взглядѣ будетъ понятно, почему говорятъ непріятель бралъ го́родъ за го́родомъ, отъ мо́ря до мо́ря, хотя здѣсь за словами городъ и море не слѣдуетъ никакихъ опредѣленій, ни дополненій[2]). О цѣльности прислоночныхъ выраженій свидѣтельствуетъ неупотребительность въ нихъ логическаго ударенія: выговоръ фразъ не за́ два рубля́, а за́ три; по́дъ лѣсомъ ви́дитъ, а по́дъ носомъ не ви́дитъ понятенъ лишь въ томъ случаѣ, если противуполагаемыя въ нихъ выраженія (за́ два — за́ три, по́дъ лѣсомъ — по́дъ носомъ) находятся въ такомъ же соотношеніи, какъ слова вы́водъ и вы́боръ, пра́дѣдъ и пра́внукъ, въ фразахъ: прихожу́ къ вы́воду, что вы́боры незако́нные; пра́дѣду пра́внукъ. Кромѣ этого синтаксическаго условія, прислоняемость существительнаго зависитъ еще отъ акцентовки его: передаютъ ударéніе предлогу одни гибкія слова, притомъ только въ тѣхъ формахъ, которыя имѣютъ ударéніе на начальномъ слогѣ[3]). Такимъ образомъ, вовсе неспособны къ прислоненію баритонки женскаго рода — напр. кни́га, доро́га, ту́ча — и слова предложныя[4]). На основаніи этого закона, говорятъ за́ море, по́дъ голову, на́ руку, за́ уголъ, на́ вѣтеръ, по́ саду, но за моря́, подъ головóю, на рукѣ, за угломъ, на вѣтру́, по садáмъ. Если какая нибудь форма передаетъ свое ударéніе одному предлогу, то она передастъ его и всѣмъ, или почти всѣмъ: по́ воду, на́ воду, за́ воду, о́бъ воду, по́дъ воду. Исключенія изъ этого правила, какъ кажется, обусловлены 1) качествомъ *самаго предлога*: предлогъ недавняго образованія, развившійся изъ знаме-

---

[1]) Такимъ образомъ Лермонтовъ вполнѣ правильно, а не по поэтической вольности, написалъ:

По нéбу полу́ночи áнгелъ летѣлъ.

[2]) Ссылаться, для опроверженія такого взгляда, на выраженія, въ родѣ рука́ объ-руку, слово-за́-словомъ, часъ-о́тъ-часу, крѣпко-на́-крѣпко, туго-на́-туго, по видимому, аналогичныя нашимъ го́родъ за го́родомъ, отъ мо́ря до мо́ря, было бы неосновательно — это настоящія нарѣчеобразныя выраженія, состоящія изъ трехъ словъ.

[3]) Изъ этого правила мнѣ извѣстно только одно исключеніе: по́ двору (дворъ, двора́, двору́).

[4]) Въ числѣ гибкихъ словъ есть, правда, и нѣсколько предложныхъ — о́ткупъ, по́гребъ, по́варъ,— но эти слова неспособны къ прислоненію.

нательнаго слова, путемъ утраты логическаго ударенія, естественно не способенъ принимать его вновь; также и предлоги двусложные, вѣроятно, недавно только утратившіе свое удареніе, не допускаютъ прислоненія: сквозь стѣну, вдоль лѣса, передъ лѣсомъ, черезъ лѣсъ; 2) они обусловлены качествомъ *соединенія* предлога съ именемъ: только при тѣсной связи предлога съ существительнымъ, только при обращеніи ихъ въ постоянную, привычную формулу, они могутъ слиться въ нарѣчеобразное выраженіе: поэтому, хотя произносятъ на́ голову, за́ голову, по́дъ голо́ву, но едва-ли можно произнести про́ голову. Само собою разумѣется, что провести точныя границы между предлогами первичными и вторичными, между сочетаніемъ предлога съ именемъ и между предложноименными нарѣчіями—невозможно, вслѣдствіе чего выговоръ иногда колеблется между напредложною и наименною акцентовкою: у Крылова, нпр , въ одной и той же баснѣ, въ двухъ рядомъ стоящихъ стихахъ, встрѣчается двоякій выговоръ одного и того же выраженія:

Другъ за́ друга стоя́ть,
И, е́сли на́до, другъ за дру́га умира́ть[1]).

Такимъ же образомъ, какъ предлоги, и отрицаніе *не* беретъ на себя удареніе съ перваго слога прошедшихъ временъ и страдательныхъ причастій, когда они бываютъ гибки, нпр. бра́лъ, брала́, бра́ло, бра́ли — не́ бралъ, не́ брало, не́ брали; былъ, была́, бы́ло, бы́ли — не́ былъ, не́ было, не́ были; взялъ, взяла́, взя́ло, взя́ли — не́ взялъ, не́ взяло, не́ взяли; далъ, дала́, да́ло, да́ли — не́ далъ, не́ дало, не́ дали; звалъ, звала́, зва́ло, зва́ли — не́ звалъ, не́ звало, не́ звали; пилъ, пила́, пи́ло, пи́ли—не́ пилъ, не́ пило, не́ пили; спалъ, спала́, спа́ло, спа́ли — не́ спалъ, не́ спало, не́ спали; данъ, дана́, дано́, даны́ — не́ данъ, не́ дано, не́ даны; званъ, звана́, звано́, званы́, Пав.: зва́но, -ы, —не́ званъ; взя́тъ, взята́, взя́то, взя́ты—не́ взятъ, не́ взято, не́ взя́ты. Нѣкоторыя прилагательныя именного окончанія также передаютъ свое удареніе отрицательному нарѣчію.—Востоковъ называетъ слѣдующія: любъ, люба́, лю́бо, лю́бы — не́ любъ, не́ любо, не́ любы; милъ, мила́, ми́ло, ми́лы—не́ милъ, не́ мило, не́ милы; ве́селъ, весела́, ве́село, ве́селы — не́ веселъ, не́ весело, не́ веселы (Горе отъ ума Д. II, явл. 2); до́рогъ, дорога́, до́рого, до́роги — не́ дорогъ, не́ дорого, не́ дороги; мо́лодъ, молода́, мо́лодо, мо́лоды—не́ молодъ, не́ молодо, не́ молоды; со́лонъ, солона́, со́лоно, со́лоны—не́ солонъ, не́ солоно, не́ солоны[2]).

---

[1]) Басни И. А. Крылова: Собака, Человѣкъ, Кошка и Соколъ.

[2]) Впрочемъ, у многихъ изъ этихъ прилагательныхъ и причастій, въ среднемъ родѣ и во множественномъ числѣ, удареніе колеблется.

Подобное же явленіе, какъ слiяніе въ одно звуковое цѣлое имени съ предлогомъ или отрицаніемъ, представляетъ слiяніе словъ *день*, *годъ*, *ночь*, *разъ* съ числительными два, двѣ и три, какъ то: два́ (три́) дни, два́ (три́) года—три́дцать лѣтъ и три́ года,—два́ (три́) раза, двѣ́ (три́) ночи.

Къ изложенію главныхъ особенностей русской акцентовки было бы не лишне присоединить историческій взглядъ на нее, т. е. опредѣлить, по показаніемъ памятниковъ, на сколько теперешній выговоръ можетъ считаться древнимъ. Но для подробнаго изслѣдованія этого вопроса потребовалось бы много времени и труда, и едва-ли бъ оно привело къ важнымъ выводамъ. Насколько мнѣ извѣстно, русская акцентуація XV—XVI столѣтій—болѣе древнихъ акцентованныхъ рукописей не существуетъ[1]) — можетъ считаться согласною съ нынѣшнимъ выговоромъ, и несогласную съ нимъ акцентуацію нѣкоторыхъ рукописей слѣдуетъ объяснять вліяніемъ сербскаго правописанія, отмѣчавшаго свое, отличное отъ русскаго, удареніе и къ тому же по не вполнѣ установленной системѣ, которая постоянно смѣшивала удареніе и количество[2]). Сбитые съ толку постояннымъ противорѣчіемъ между сербскимъ правописаніемъ и русскимъ выговоромъ, писцы иногда могли написать и совсѣмъ чудовищныя и небывалыя ни въ одномъ славянскомъ языкѣ формы, въ родѣ церко́вь, достои́нъ.

Нѣкоторые изслѣдователи сильно сомнѣвались въ древности нашей акцентовки, но безъ достаточнаго основанія. Эти изслѣдователи были Катковъ и безусловно слѣдующій ему въ этомъ вопросѣ Давыдовъ[3]). Катковъ на основаніи того, что въ древнѣйшихъ арійскихъ языкахъ — въ Латинскомъ, Греческомъ и Санскритскомъ—количество гласныхъ играетъ болѣе важную роль нежели удареніе, предположилъ, что сильное развитіе количества, которое замѣчается въ Чешскомъ языкѣ, должно считать чертою древности и что отсутствіе количества въ Русскомъ языкѣ слѣдуетъ объяснять тѣмъ, что оно скрылось въ удареніи, т. е. что нѣкогда *долгіе* слоги стали произноситься съ *удареніемъ*. Однако, это не болѣе, какъ гипотеза, притомъ гипотеза, содержащая въ себѣ внутреннее противорѣчіе и не подтверждаемая фактами языка. Въ самомъ дѣлѣ, какъ же можно утверждать, что удареніе въ Русскомъ языкѣ есть замѣна долготы, когда въ языкахъ количественныхъ многія слова представляютъ по два и болѣе долгихъ сло-

---

[1]) См. у Грота, Филол. разыск., стр. 340.

[2]) Такъ, напр., приводимыя Гротомъ (Филол. разыск., стр. 341) изъ одного полууставнаго евангелія XVI в., формы встанéте и будéте = срб. ўстанёте, бу̏дёте.

[3]) Катковъ. Объ элементахъ и формахъ, стр. 60 и слѣд. (Давыдовъ) Опытъ общесравнительной грамматики, стр. 46 и слѣд.

говъ, а слѣдовательно въ Русскомъ должны были бы имѣть два или болѣе удареній, а съ другой — бываютъ слова, состоящія изъ однихъ краткихъ слоговъ, которыя, по этой теоріи, должны бы оставаться вовсе безъ ударенія! Къ тому же въ количественныхъ языкахъ подобнаго тяготѣнія ударенія къ долготѣ не замѣчается: Греческій и Санскритскій языкъ нисколько не предрасположены въ пользу надолготной акцентовки, а Латинскій — только при извѣстныхъ условіяхъ[1]). Единственное представленное Катковымъ доказательство — это соотвѣтствіе между чешскимъ количествомъ и ударѐніемъ русскихъ полногласныхъ слоговъ, на которое уже до него указалъ чехъ Пухмайеръ[2]). Это тотъ законъ, по коему, съ немногими исключеніями, русскимъ слогамъ оро́, оло́ соотвѣтствуютъ чешскіе rā, lā, русскимъ о́ро, о́ло и оро, оло — чешскіе ră, lă: воро́на, боло́то — vrāna, blāto; го́родъ, во́лосъ, борода́, голова́ — hrăd, vlās, brăda, hlăva. Но изъ этого соотвѣтствія еще ничего нельзя вывести, если не принять нѣсколько странный взглядъ Каткова на полногласіе, по которому въ Русскомъ языкѣ ра, ла перешли въ ро, ло, и передъ ними вставилось еще второе о: градъ — *гродъ — городъ. (Катковъ на счетъ полногласія высказывается довольно неопредѣленно, но, кажется, его нельзя понимать иначе). Держась такого взгляда, мы дѣйствительно можемъ сказать, что ударяемое о въ словахъ воро́на, боло́то замѣнило уцѣлѣвшее у Чеховъ ā, между тѣмъ какъ на мѣстѣ ă явилось о безъ ударенія: го́родъ, во́лосъ, борода́, голова́, и предположить на этомъ основаніи, что и въ другихъ случаяхъ русское ударѐніе замѣнило древнюю долготу. Но, во первыхъ, по аналогіи своеобразно развившихся полногласныхъ словъ нельзя дѣлать заключенія о другихъ словахъ, а, во вторыхъ, вѣра въ исконность чешскаго количества получаетъ сильный толчокъ вслѣдствіе постояннаго противорѣчія его количеству сербскому, особенно въ слогахъ полногласныхъ: какое мы имѣемъ право, на основаніи чешскихъ vrāna, blāto, hrăd, vlăs, brăda, hlăva, предполагать древнія, общеславянскія формы врāна, блāто, грāдъ, влāсъ, брāда, глāва, когда Сербы произносятъ, какъ разъ наоборотъ, врāна, блāто, грāд, влāс, брāда, глāва (врâна, блâто, грâдъ, влâс, брâда, глâва)?[3]) Итакъ един-

---

[1]) Вспомнимъ латинскія ămās, hŏmĭnēs и т. д.; греч. δίδωμι, θνητός, σελένη, βουλευτός и т. д.; санскр. ăçvā кобыла, dēvăs богъ, lōkăpālăs стражъ міра и т. д.

[2]) Puchmayer, Anton Jaroslaw. Lehrgebäude der russischen Sprache. Prag. (1818).

[3]) На это указалъ Миклошичъ. Vergl. Gramm. Lautlehre. 1852. S. 391 ff. — П. А. Лавровскій, въ своемъ разсужденіи о полногласіи (Извѣстія Академіи Наукъ по отдѣл. Русск. яз. и слов., Матеріалы для словаря и грамм. Томъ V, ст. 212 — 213), пытался защитить Каткова противъ Миклошича и выставилъ положеніе, что Караджичъ превратно понималъ сербскія ударенія, и что сербское количество вовсе

ственное приведенное Катковымъ доказательство оказывается недостаточнымъ, а, кромѣ него, изслѣдованіе «Объ элементахъ и формахъ Славяно-русскаго языка», въ разборѣ этого вопроса, представляетъ одни натяжки и произволъ. Такъ, Катковъ ссылается въ пользу своей теоріи на ударяемость окончанія а въ большей части (даже не во всѣхъ!) прилагательныхъ женскаго рода (бѣла́, хороша́ и т. д.), а такъ какъ нечленное окончаніе а въ Чешскомъ языкѣ кратко (кратко оно и у Сербовъ), то предполагаетъ, что русское а́ есть собственно членное окончаніе, только стянутое, т. е. что бѣла́ = бѣла̄ = бѣлаа = бѣлаја, и подтверждаетъ, такимъ образомъ, одну гипотезу другою гипотезою. Ученіе, что срединные гласные должны обладать нѣкоторою силою, чтобы удержать на себѣ ударе́ніе, которое иначе склонно «переходить» на окончаніе а, искони долгое, ни на чемъ не основано. Дѣленіе русскихъ гласныхъ на долгіе, краткіе и обоюдные (при чемъ, впрочемъ, почти всѣ оказываются обоюдными) только тогда имѣло бы смыслъ, если бы Катковъ дѣйствительно доказалъ вѣрность своего взгляда на русскую акцентовку. Замѣчательно, что самъ Катковъ для нѣкоторыхъ реченій выставилъ законъ противуположный якобы общему закону акцентовки: ударе́ніе, въ словахъ отецъ, бѣлокъ и т. д., попало на краткость, въ чемъ де явно выразилось стремленіе языка поддержать слабѣющій звукъ!

Мнѣніе о русскомъ ударе́ніи, сходное съ мнѣніемъ Каткова, высказалъ Лукіанъ Малиновскій [1]). Малиновскій обратилъ вниманіе на то обстоятельство, что въ Опольскомъ говорѣ Польскаго языка сжатіе гласныхъ [2]), замѣнившее, какъ основательно предполагаютъ, долготу, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, совпадаетъ съ акцентованіемъ ихъ у Русскихъ, и предположилъ, что русское ударе́ніе представляетъ слѣдъ основной долготы, и что подробное сравненіе польскаго сжатія гласныхъ и русской акцентовки могло бы пролить яркій свѣтъ на послѣднюю. Однако, указанное Малиновскимъ соотвѣтствіе между Русскимъ языкомъ и Опольскимъ говоромъ весьма и весьма неполное: оно ограничивается тѣмъ, что въ Русскомъ предлоги и отрицаніе *не*, какъ входящіе въ составъ сложныхъ словъ, такъ и свободно соединяемые съ именами, нерѣдко принимаютъ ударе́ніе, и что въ Опольскомъ го-

---

не противорѣчитъ чешскому, а совпадаетъ съ нимъ; но выставить подобное положеніе онъ могъ только при совершенномъ незнакомствѣ съ *живою* рѣчью Сербовъ, въ которомъ онъ и самъ признается.

[1]) Malinowski, Lucian. Beiträge zur slavischen dialectologie. I. Ueber die Oppelnsche mundart in Oberschlesien (1 Heft: Laut- und Formenlehre). Leipzig, 1873. S. 9. Anm. P. 4.

[2]) Сжатіе гласныхъ, какъ извѣстно, свойственно болѣе-менѣе всѣмъ польскимъ говорамъ, отчасти даже рѣчи образованнаго класса.

ворѣ нѣкоторые предлоги — za, na, иногда nad, do, se, ze, ode, ve — и отрицаніе ńe подвержены сжатію. У Малиновскаго отмѣчены: 1) сложныя имена zapwata, zamek или zomek, zaviść, naprava, nadgroda и т. д. 2) составныя числительныя jedenaśće, dvanaśće, jedenasti, dvanasti и т. д. 3) формы слитныя съ мѣстоименіемъ и: zań, (zoń) nań (noń), рядомъ съ zań, nań. 4) na, какъ знакъ превосходной степени: te nadzivńejse, namwodsi, nalepsi, nastarsi и т. д. Кромѣ того, мы находимъ еще выраженія do nog, do ńego, do ńej, do ńich, se mnom, se mńe, wode mńe, zemlawa, ve śvat, ńe moga, ńe moze, ńe mog, ńe mas. Только слова зависть, двѣнадцать и приставка na (набольшій, налучшій и т. п.) могутъ служить въ подтвержденіе взгляду Малиновскаго, такъ что исключеній изъ этого правила больше, чѣмъ подтверждающихъ его примѣровъ. Малиновскій указалъ еще на нѣкоторыя слова женскаго рода, которыя въ Русскомъ языкѣ, по принятіи уменьшительной наставки, замѣняютъ насуффиксную акцентовку накоренною, а въ Польскомъ (не только въ Опольскомъ говорѣ) сжимаютъ коренной гласный, каковы: вода, борода—водка, бородка,—по-польски woda, broda —wodka, brodka [1]). Мысль о существованіи нѣкоторой связи между русскимъ удареніемъ и польскою, также чешскою и лужицкою (т. е. вообще западнославянскою) долготою мнѣ и самому кажется весьма правдоподобною, но, начавши составлять таблицы соотвѣтствія западнославянскихъ долгихъ и сжатыхъ гласныхъ русскимъ ударяемымъ, я убѣдился, что ее трудно подтвердить фактами, которые развѣ послѣ подробнаго и тщательнаго разбора и при совершенно новомъ освѣщеніи будутъ говорить въ ея пользу [2]). Но, если и допустить справедливость этой мысли, всетаки мы не имѣемъ права считать русское удареніе замѣной основной, сохранившейся въ Старопольскомъ, долготы, ибо столь же правдоподобно обратное предположеніе, что Русскіе сохранили древнее удареніе, а Поляки замѣнили его протяженіемъ; оно даже вѣроятнѣе, въ виду того, что продленіе краткихъ акцентованныхъ гласныхъ дѣйствительно встрѣчается въ нѣкоторыхъ языкахъ, напр. въ Нѣмецкомъ, Италіанскомъ: Hahn, ст. н. hăno, padre (не paddre) — лат. păter [3]).

Итакъ, мнѣніе Каткова и Малиновскаго объ относительно недавнемъ происхожденіи русской акцентовки, которое раздѣляетъ также П. А. Лав-

---

[1]) Lucian Malinowski. S. 11.

[2]) См. ниже, гл. XII.

[3]) Миклошичъ, указавъ на подобное чередованіе долготы съ удареніемъ, рѣшительно говоритъ, что первую слѣдуетъ выводить изъ послѣдняго, а не наоборотъ (Ueber die langen Vocale in den slavischen Sprachen. S. 47).

ровскій[1]), не основано на дѣйствительныхъ доказательствахъ, по аналогіи же языковъ Романскихъ и Новогреческаго, утратившихъ древнее количество, а, вообще говоря, сохранившихъ древнее размѣщеніе удареній, можно считать вѣроятнымъ, что и Русскій языкъ унаслѣдовалъ свою акцентовку отъ Древнерусскаго, если не отъ самаго Праславянскаго. Посмотримъ, что́ скажутъ на этотъ счетъ югославянскіе языки — Сербскій, Словенскій, Болгарскій!

---

[1]) Лавровскій утверждаетъ, что мы «при взглядѣ на Русскій языкъ, по отношенію къ удареніямъ, видимъ себя въ положительной невозможности утверждать ненарушимость старобытной системы ударенія» (О русскомъ полногласіи, ст. 211).

II.

Сербо-хорватская акцентовка.

Сербо-хорватское удареніе [1]), хотя вольное и подвижное, подобно русскому, никогда почти съ нимъ не совпадаетъ; однако мы убѣдимся впослѣдствіи, что подъ этимъ видимымъ разногласіемъ скрывается первоначальное сходство и даже тожество.

Но, прежде чѣмъ сравнивать сербскую акцентовку съ русскою, нужно въ краткихъ чертахъ изложить ея особенности.

Въ Сербо-хорватскомъ языкѣ всѣ слоги произносятся такъ чисто и явственно, что ударяемый слогъ звучитъ лишь немного сильнѣе остальныхъ: какъ бы на каждомъ слогѣ дѣлаютъ удареніе, только на одномъ болѣе сильное — главное; или же два слога бываютъ силнѣе другихъ, но одинъ изъ нихъ, а именно первый, самый сильный.

По разнообразію интонаціи, сербская акцентовка вполнѣ заслуживаетъ названіе *разнородной*: въ обыкновенной сербской рѣчи ясно различаются четыре рода удареній, изъ коихъ два сопряжены съ краткимъ, а два—съ долгимъ выговоромъ гласнаго.

Для обозначенія этихъ удареній въ грамматикахъ и словаряхъ употребляются три извѣстныхъ знака греческаго письма: циркумфлексъ, акутъ и грависъ, съ прибавленіемъ одного новаго — двойного грависа. Этими латинскими названіями я постоянно пользуюсь въ своемъ изслѣдованіи, при чемъ, однако, разумѣю подъ ними не извѣстный выговоръ гласнаго, а только соотвѣтствующій ему письменный знакъ. Для обозначенія же самыхъ удареній латинская (т. е. собственно греческая) терминологія, особенно въ переводѣ на Русскій языкъ, совершенно не годится, т. к. значеніе циркумфлекса, акута и грависа у Сербовъ не вполнѣ совпадаетъ съ значеніемъ ихъ

---

[1]) Сербо-хорватское удареніе я, для краткости, буду обыкновенно называть просто сербскимъ.

у Грековъ и Римлянъ. Поэтому я предпочитаю употреблять свою собственную терминологію, основанную не на способѣ обозначенія, а на качественной особенности каждаго ударенія.

Качество сербскаго ударенія, какъ уже отмѣчено, находится въ нѣкоторой зависимости отъ долготы или краткости ударяемаго гласнаго.

Когда этотъ гласный *кратокъ*, то 1) онъ можетъ произноситься совсѣмъ кратко и рѣзко, какъ гласные Нѣмецкаго и Италіанскаго языка, за коими пишется удвоенная согласная буква, нпр. Wonne, Mitte, fallo, frutto. Это ударепіе я назову *рѣзкимъ*; знакъ его—двойной грависъ: бра̀т, глѐдати, кньѝга, ко̀ло, му̀ка (рус. му́ка). Въ Русскомъ языкѣ подобный выговоръ также слышится въ нѣкоторыхъ словахъ, хотя довольно рѣдко, нпр. знаться (= знаттса), биться, плѣнный, лунный, сонный, на что́ уже указано въ главѣ о Русской акцентовкѣ.

2) Или же на гласный менѣе напираютъ и произносятъ его не такъ рѣзко и не такъ кратко; это — ударепіе *слабое*, которое обозначается простымъ грависомъ, нпр. мàгла, жѐна, ѝгра, вòда, бу̀ха. Не слѣдуетъ, однако, забывать, что сила и слабость — понятія относительныя: слабое ударепіе не всѣми произносится съ одинакимъ напряженіемъ и иногда звучитъ такъ рѣзко, что мало уступаетъ настоящему рѣзкому и едва-едва отъ него отличается [1]).

Долгіе ударяемые гласные также произносятся двояко. Разница между ними музыкальная: голосъ или начинаетъ съ высокой ноты, а потомъ понижается, или, наоборотъ, начавъ съ низкой, повышается [2]). По ошибочному опредѣленію Мажуранича, въ этихъ случаяхъ происходитъ *усиленіе* и *ослабленіе* голоса, то въ началѣ долгаго гласнаго, то въ концѣ, такъ что гласный какъ-бы распадается на двѣ части, изъ которыхъ на одну приходится ударепіе, а другая произносится безъ ударенія. Итакъ, на долгихъ слогахъ мы видимъ:

1) ударепіе, которое можно назвать *нисходящимъ*. Ударепіе это вполнѣ обычно и въ другихъ языкахъ, нпр. въ Нѣмецкомъ, въ Италіанскомъ (stato,

---

[1]) A. Mažuranić. Slovnica hèrvatska, str. 12, op. — Если вѣрны наблюденія Л. Мазинга, о коихъ будетъ рѣчь черезъ нѣсколько строкъ, то явленіе, которое я, согласно съ Мажураничемъ, называю слабостью ударенія, собственно состоитъ въ томъ, что за главноударяемымъ слогомъ слѣдуетъ еще одинъ слогъ, мало уступающій ему по высотѣ и по силѣ. Мазингу даже кажется, что второй слогъ иногда ни въ чемъ не уступаетъ первому, но я, согласно съ Ковачевичемъ (Archiv für slavische Philologie, B. III, S. 690), думаю, что онъ въ этомъ случаѣ положительно ошибается.

[2]) Можетъ быть, и слабое ударепіе отличается отъ рѣзкаго не только меньшею напряженностью голоса, но и нѣкоторою модуляціею его.

mese, Liebe, Hof, Stuhl); знакомъ его служитъ циркумфлексъ, напр. дâн, мêсо, пӣр, Бо̑г, зу̑б.

2) удареніе *восходящее*, обозначаемое акутомъ, нпр. гла́ва, пе́та, ви́но, тво́рац, ру́ка[1]). Выговоръ этихъ гласныхъ, кажется, можно сравнить съ тѣмъ удареніемъ, съ коимъ произносятся слова, выражающія удивленный вопросъ: и о́нъ противъ меня?!, и къ чему́ это?!, куда́..?!. То̀ же сравненіе нахожу въ грамматикѣ Куршата, при опредѣленіи восходящаго ударенія (geschliffene Betonung) Литовскаго языка[2]).

По наблюденіямъ Мазинга, ударенія слабое и восходящее суть собственно ударенія *двуслоговыя* (Zweisylbenaccent): въ главноударяемомъ слогѣ голосъ повышается, а въ слѣдующемъ за нимъ онъ понижается, начиная съ той высоты, которой онъ достигъ въ главноударяемомъ[3]). Мазингъ рѣшительно утверждаетъ, что такое движеніе голоса, правда, не столь замѣтное, какъ въ долгихъ, слышится и въ краткихъ слогахъ, что́ вполнѣ согласно съ мнѣніемъ Мажуранича, что слабое удареніе нѣсколько протяжнѣе рѣзкаго и смахиваетъ на восходящее[4]), и съ мнѣніемъ Шунича, Ягича и др., по которымъ эти ударенія, въ сущности, тожественны[5]). Мазингъ полагаетъ, что рѣзкое удареніе, которое онъ соединяетъ съ нисходящимъ въ одну группу *однослоговыхъ* удареній, въ свою очередь есть ничто иное, какъ нисходящее удареніе на краткомъ гласномъ[6]); но такое отожествленіе этихъ

---

[1]) Въ употребленіи просодій, я, за однимъ исключеніемъ, о которомъ будетъ сказано ниже, держусь второго изданія Караджичева «Рѣчника», какъ лучшаго и наиболѣе распространеннаго словаря, коему слѣдовали Даничичъ, Миклошичъ, Будмани, а также и русскіе ученые, касавшіеся вопроса о сербской акцентовкѣ (П. Лавровскій, Потебня, Бодуэнъ-де-Куртенэ).

[2]) Kurschat. Fr. Grammatik der Littauischen Sprache. Halle 1876, S. 59.

[3]) По замѣчанію Ковачевича, который вообще соглашается съ положеніями Мазинга, это не вполнѣ справедливо, и второй слогъ двуслогового ударенія никогда не равняется первому, ни по силѣ ни по высотѣ. Arch. f. slav. Philol. B. III, S. 690—691.

[4]) Slovnica hèrvatska, str. 12.—L. Masing. Die Hauptformen des Serbisch-Chorwatischen Accents. S. 69. Однако Мазингъ только отъ одного изъ двухъ лицъ, служившихъ ему живыми источниками при его изслѣдованіи, отъ хорвата Стефана Радошевича (родомъ изъ Рѣцкаго округа), слышалъ такое произношеніе: Милой Влашичъ (родившійся близъ Бѣлграда и воспитанный въ самомъ Бѣлградѣ) произносилъ оба слога безъ музыкальной модуляціи, одинаково высоко и, по видимому, также одинаково сильно (?), Masing. S. 57 и 59. Не слѣдуетъ, впрочемъ, думать, чтобы выговоръ сербской столицы считался образцовымъ. См. Arch. f. slav. Philol. B. III, S. 687.

[5]) См. ниже, въ обзорѣ систематизаціи сербской акцентовки.

[6]) L. Masing. S. 64—65.

удареній—которое мы находимъ и у другихъ изслѣдователей[1])—не достаточно обосновано у него и, на мой слухъ, положительно невѣрно: сходство рѣзкаго и нисходящаго выговора ограничивается тѣмъ, что напираютъ на одинъ только слогъ и не затрогиваютъ слѣдующаго[2]).

Къ этимъ общимъ положеніямъ объ ударенiи не лишне будетъ прибавить замѣчаніе о выговорѣ, при различныхъ ударсніяхъ, звуковъ *е*, *о*, *ѣ* и «гласнаго» *р*. Краткое *е* произносится ближе къ *а*, нежели къ *и*, т. е. такъ, какъ французское и нѣмецкое *е* въ словахъ cachette, Cayenne, Welle, Ebbe, напр. сѐла (мн. ч.), пчѐле, жѐна, рѐбро. Долгое *е*, напротивъ того, болѣе походитъ на *и*, чѣмъ на *а*, и сходно съ *е* въ словахъ clé, tourner, Schnee, Reh, напр. клѐтва, рѐп, пѐта, шѐва. Впрочемъ, и рѣзкоударяемое и слабоударяемое *е* иногда произносится подобнымъ же образомъ (только что кратко, какъ въ италіанскихъ словахъ detto, segno), а именно передъ мягкими согласными: мѐђа, зѐмља, срѐћа, мѐче, мѐшаоница.

Какъ *е*, такъ и *о*, подъ рѣзкимъ и слабымъ ударсніемъ ближе къ *а*, т. е. сходно съ французскимъ и нѣмецкимъ *о* въ словахъ mort, bonne, folle, Gott, Ross, и съ русскимъ *о*. Напр. о̀ко, по̀ље, смо̀ква, но̀га, до̀бро.

Долгое *о* приближается къ *у*, т. е. произносится, какъ французскій и нѣмецкій звукъ *о* въ словахъ: eau, héros, Roth, Stroh, напр. гро̑м, до̑јка, тво́рац, во́јска.

Что касается замѣнъ древняго *ѣ*, то *е* и *и* произносятся на общемъ основаніи, но необходимо сказать нѣсколько словъ о югозападномъ выговорѣ *је*, *ије*. *Је* не представляетъ никакого затрудненія: оно отличается отъ восточнаго *е* только присутствіемъ j или смягчающаго элемента, а выговоръ самаго гласнаго одинъ и тотъ же; такимъ образомъ вост. дѐд, мѐра, нѐдра, (зап. ди̑д, ми̑ра, ни̑дра), по юговосточному, произносятся дје̑д или ђе̑d, мје̑ра, ње̑дра. Когда же, вмѣсто ѣ, являются долгіе *е* и *и*, тогда въ южномъ говорѣ находимъ два слога (ије), причемъ, вмѣсто нисходящаго удареніе, является рѣзкое удареніе [illegible], напр. бри̑јег, си̑јено (= брѐг, бри̑г; сѐно, си̑но); вмѣсто восходящаго — слабое на е: стијѐна, млијѐко (= стѐна, сти́на; мле́ко, мли́ко)[3]). Въ двусложьи ије, если не ошибаюсь, с

---

[1]) См. ниже, въ обзорѣ систематизаціи сербской акцентовки.

[2]) Если принять вполнѣ положенія Мазинга, то употребляемыя мною названія рѣзкаго и слабаго ударенія окажутся излишними: первое будетъ краткимъ нисходящимъ (нисходящимъ на краткомъ гласномъ), второе — краткимъ восходящимъ (восходящимъ на краткомъ гласномъ).

[3]) На это разложеніе ѣ можно бы сослаться въ пользу теоріи Мажуранича о сущности долготныхъ удареній: но развѣ изъ того, что ѐ *переходитъ* въ ије̑,

всегда произносится узко, т. е. ближе къ и, нежели къ а. Сербы, съ которыми мнѣ случилось говорить о произношеніи *е* и *о*, не признали справедливости моего наблюденія, въ коей я тѣмъ не менѣе увѣренъ.

Такъ называемый гласный р, при удареніи рѣзкомъ или слабомъ, не представляетъ никакихъ особенностей, т. е. гласный элементъ его звучитъ также, какъ и всѣ другіе гласные, то совсѣмъ рѣзко и сжато, то нѣсколько протяжнѣе, нпр. смр̀т, бр̀до — (у) смр̀ти, (ова) бр̀да. Ударенія нисходящее и восходящее, особенно первое, сопряжены съ незначительнымъ только протяженіемъ гласнаго элемента, но сопровождаются картавымъ, такъ сказать, раскатистымъ произношеніемъ р, которое можно бы означить слѣдующимъ образомъ: ср̀рне (мн. ч.), кр̀рв, ср̀рна, кр̀рвца, или, въ приблизительной русской транскрипціи, сыррне, кырр; сыы̀ррна, кыы̀рр вца[1]).

Долготныя ударенія Сербо-хорватскаго языка, какъ отмѣчено Ягичемъ[2]), представляютъ поразительное сходство съ тѣми же удареніями у Грековъ и у Римлянъ, какими они являются въ описаніяхъ древнихъ грамматиковъ. Характерная особенность циркумфлектованныхъ гласныхъ, по показанію Діонисія Оракійскаго, есть переломъ или изгибъ (περίκλασις), а это, по объясненію схоліаста, значитъ то, что на одномъ и томъ же гласномъ происходитъ и повышеніе и пониженіе голоса: голосъ, получивши сперва извѣстное напряженіе, не сохраняетъ его, а начинаетъ ослабѣвать и понижаться (ἡ ἐν τῷ αὐτῷ ἀνένεξις καὶ κατένεξις, μὴ ἐπιμενούσης τῆς φωνῆς ἐν τῇ ἀνατάσει, ἀλλὰ μετὰ τὸ ἀναθῆναι καὶ καταφερομένης). По выраженію Сервія, циркумфлексъ означаетъ, что syllaba «prima errecta rursus in gravem flectitur». Чѣмъ это, въ самомъ дѣлѣ, не опредѣленіе нисхо-

---

прямо слѣдуетъ, что ê = ȅe? Изъ того, что германское долгое i перешло впослѣдствіи въ *ei*, вѣдь никто не выводитъ, что это i собственно уже было двугласнымъ!

[1]) Подобный же взглядъ на гласные л и р высказалъ А. Кочубинскій (Къ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ славянскихъ нарѣчій. Основная вокализація плавныхъ сочетаній: конс. + л, р + ъ, ь + конс. I, 108—123; II, 30) и за такой взглядъ, между прочимъ, ожесточенно напалъ на него Бодуэнъ-де-Куртенэ («К вопросу о взаимных отношеніях славянских нарѣчій etc. Изслѣдованіе А. Кочубинскаго». Рецензія И. Бодуэна-де-Куртенэ [J. Baudouin de Courtenay], стр. 17). Тѣмъ не менѣе, я не могу убѣдить свой слухъ, что бы слогообразующія р и л—кажется, физіологически возможные—дѣйствительно существовали у Чеховъ и Южныхъ славянъ. Не убѣдило меня въ томъ и разсужденіе Зиверса (Eduard Sievers. Grundzüge der Lautphysiologie. Leipz. 1876, § 5), который утверждаетъ, что нѣмецкія m, n, r, l въ извѣстныхъ случаяхъ, (нпр. въ словахъ handeln, schallend) суть гласные, ни его замѣчаніе о неопредѣленномъ гласномъ (§ 25, Anm. 5), который я всетаки отожествляю съ гласнымъ элементомъ «вокальныхъ» m, n, r, l.

[2]) V. Jagić. Paralele k hrvatsko-srbskomu naglasivanju. Rad. XIII (1870), str. 1.

дящаго ударенія? Итакъ, греческія слова τοῦτο, κῆπος, πᾶς, πᾶν произносились тȳто, кȇпос, пâс (ср. пâс = по̑јāс), пâн. Точно такъ же и латинскія rês, lîs, clârŭs, pômŭm = рȇс, лȋс, клâрус, по̑мум. Долготный акутъ Греческаго языка Главкъ Самскій характеризуетъ названіемъ ἀνταναχλαζομένη, противуполагая его такимъ образомъ циркумфлексу (ἀνακλαζομένη= περισπωμένη); Аркадій же говоритъ, что это удареніе прямо вытягивается вверхъ и заостряется, и подобится пущенной стрѣлѣ (ἡ ἄνω τείνουσα καὶ εὐθεῖα καὶ εἰς ὀξὺ ἀπολήγουσα, ἐοικυῖα τοῖς βέλοισιν τοῖς ἐφιεμένοις). Эти опредѣленія вполнѣ подходятъ къ восходящему ударенію: очевидно слова ἀγών, ἀκούω, ἥλιος,spīrā, ārĭdus=агóн, акýō, хе́лиос, спи́рā, а́ридус. За тожество греческаго циркумфлекса и долготнаго акута съ соотвѣтственными сербскими знаками говоритъ также одинакій у Грековъ и у Сербовъ законъ стяженія, по которому два гласныхъ, съ удареніемъ на первомъ, сливаются въ одинъ циркумфлектованный, когда же удареніе было на второмъ гласномъ, то является акутъ: греческимъ φῶς, νοῦς, τιμῶ, φιλεῖ изъ φάος, νόος, τιμάω, φιλέει вполнѣ аналогичны сербскія грȏт, сâт, прâ, стрâ, вȏ, стȏ, âр, âмо изъ грȍот, сȁат, прȁа, стрȁа, вȍо, стȍо, ȁар, ȍамо [1]) = грȍхот, сȁхат, прȁха, стрȁха, вол, стол, ȁхар, ȍвамо; греческимъ ἦν, ἐστώς вм. ἐάν, ἑσταώς — бóна, вм. боȍна (больна́), мóба, вм. моȍба (мольба́), (вȍлак) вóка, вм. воȍка, сóнӣ, вм. соȍнӣ = солȁнӣ солáный, (стȍлац), стóца, вм. стоȍца. — Еще до Ягича, Себастіанъ Жепичъ заявилъ о тожествѣ нисходящаго и восходящаго удареній съ греческимъ циркумфлексомъ и долготнымъ акутомъ; впрочемъ, въ доказательство своего взгляда, онъ ссылается только на законы стяженія, не приводя показаній древныхъ грамматиковъ [2]).

Какъ отмѣчено уже выше, и второстепенные слоги въ Сербскомъ языкѣ произносятся съ нѣкоторымъ напряженіемъ и какъ бы получаютъ второстепенное удареніе. Удареніе это замѣтнѣе на долгихъ гласныхъ, которые произносятся съ понижающимся голосомъ, т. е. получаютъ второстепенное нисходящее удареніе, обозначаемое у меня, по примѣру Мажуранича, просто знакомъ долготы, нпр. по̑јāс, хȁјдȗк, рâднӣк земледѣлецъ, рáзбо̑ј (= кро̑сна), болѐснӣк, сърдȍбо̑нӣ жалостный, намастѝрӣште монастырище. Караджичъ и его послѣдователи и надъ второстепенными долгими слогами пишутъ свой округленный циркумфлексъ—по̑јâс, зи́дâње, пӣтâм, и второстепенное удареніе ставятъ на одну доску съ главнымъ. Указанный недоста-

[1]) Принимать, вмѣстѣ съ Ягичемъ, между ȁар, ȁома и âр, âмо еще переходную ступень а̏ар, а̏ома совершенно излишне.

[2]) Žepić, Seb. Izvésija ili programe nekterih slovénskih in hrvaških gimnasij, pa memogredé nekaj slovniških opazek. Novice gospodarske, obrtniške i narodne. 1867.

токъ Караджичева акцентованія первый отмѣтилъ Миклошичъ, который гласные со второстепеннымъ нисходящимъ удареніемъ считаетъ просто долгими. Того же взгляда держатся Мажураничъ и Будмани, тогда какъ Даничичъ вполнѣ соглашается съ Вукомъ [1]). Примирительный и единственно правильный взглядъ на дѣло, по коему слѣдуетъ допустить двоякое нисходящее удареніе, главное и второстепенное, впервые былъ высказанъ Новаковичемъ [2]). Второстепенный характеръ ненаначальнаго нисходящаго ударенія косвеннымъ образомъ призналъ и самъ Караджичъ, когда онъ сказалъ, что въ словѣ крѐмēн и въ подобныхъ ему (также и въ словахъ, въ родѣ jȕнāк) второй слогъ протяжнѣе перваго, но зато первый рѣзче, такъ что слова эти должны считаться не ямбами, а хореями, и что слова тȕђȉнка, пȕштāj ме, пòиграj, дòнеклē, по той же причинѣ, суть тоническіе дактили [3]).

Мы видѣли, что, по качеству, въ Сербскомъ языкѣ существуютъ четыре ударенія. Качество ударенія (рѣже мѣсто его, какъ въ Русскомъ языкѣ) иногда служитъ для различенія подобозвучныхъ словъ: нѣкоторыя слова, состоящія изъ однихъ и тѣхъ же звуковыхъ элементовъ, отличаются однако другъ отъ друга по ударенію: сòмић fumarii genus, сòмић (отъ сòм, сòма) сомикъ; сjѐница (ум. отъ сjѐна тѣнь) бесѣдка, сjѐница синица; сȉjати сѣ̄ять, сȉjати сія̄ть; клòбȕк, клòбука bulla aquae bullientis, клòбȕк, клобȕка колпакъ, шляпа; лѐто (= льѐто) лѣто, лѐто, летокъ (въ ульи); мȁша промахъ, мȁша = вàтрāљ Feuerschaufel, batillum; трòjица Троица, трòjица тройка, трое; Трȁвица nomen feminae, трàвица травка; мàлина paliurus, малѝна paucitas; jȁрица молодая коза, jàрица яровая пшеница; бȁсма заговоръ, бȁсма linteum pictum; пȁра паръ, пàра парà (турецкая монета); пȁша пастбище, пàша пашà; бȁцати (отъ бòсти) колоть, бàцати бросать; пȃс = пòjāс, пȃс пьсъ; бȏку, нȏсу дат. къ бȏк, нȏсъ, бȏку, нòсу—мѣстн.; крȃj сущ., крāj (крај) предл.; брȃх, брȃсмо, брȃсте имперфектъ глаг. брāти, брȃх, брȃсмо, брȃсте — аористъ; сȃд neue Pflanzung, сȃд (= сàда) теперь; рȃд трудъ, работа, рāд прил.; кȃд ладанъ, кȃд (= кàда) когда; дȗга бочарная доска,

---

[1]) Къ этому вопросу вернусь еще впослѣдствіи, въ историческомъ обзорѣ сербохорватскаго акцентованія, см. ниже.

[2]) Новаковић, Ст. Физиологија гласа и гласови српскога језика. У Београду 1873 (на по се штамнано из Гласника XXXVII), стр. 75.

[3]) Истина да је онај слог, који се назначује са ^ дужи од онога који се назначује са ˝ (или са ˋ), али будући да је овај оштрији од онога, за то бих рекао, да се оваке ријечи прије могу узети за трохеје него за јамбе, као и ријечи н. п. тȗђȉнка, пȗштāj ме, пòиграj, дòнеклē за дактиле. Вука Стеф. Караџића писмо Јовану Стерији Поповичу о српској просодији. Miklosich u. Fiedler. Slavische bibliothek. B. II. S. 233.

дýга радуга; мýка мýка, мýка мука́; плáкати плакать, плáкати полоскать; стýпати толочь (стýпа), стýпати наступать; лýг, лýга (лугъ) роща, лѣсъ, лýг, лýга щекокъ; сýд, сýда сосудъ, сýд, сýда судъ; Лýка Лука́, лýка (лука́) заливъ, поемный лугъ (Aue); дýгу, сáду дат. п. къ дýг, сáд, дýгу, сáду — мѣстные; подмѐтати subjicere, подмéтати intermiscere; пòплакати поплакать, поплáкати выполоскать; пѐтāк, петáка пятáкъ, -á (5 пâрā), пéтак, пéтка Пятóкъ, -ткá = Пятница; хлàднйкъ, хладнúка зонтикъ, хлàднйк, хлàднйка casa frondea и т. д.[1]). Замѣчательное явленіе представляетъ слово *друга*, которое, смотря по качеству ударенія и по количеству послѣдняго слога, можетъ звучать на четыре лада, получая притомъ каждый разъ иное значеніе. Маріанъ Шуничъ приводитъ слѣдующіе стихи, изъ коихъ одинъ содержитъ это слово во всѣхъ четырехъ видахъ:

Двȋ се дрýге ò другу свàдиле.
Jѐдна вèлī: пýсти мòју дрýгу.
Дрýгā дрýга: дрýга дрýга мôга
Тô је, рѐкав, измàче ѝз шāкā,[2])

что́ значитъ, въ русскомъ переводѣ: двѣ товарки спорили о веретенѣ. Одна говоритъ: оставь мое веретено. Другая товарка, сказавши «это веретено моего друга», вырвала его у нея изъ рукъ.

Акцентовка сербская, конечно, не чужда нѣкоторому мѣстному разнообразію, но, въ главныхъ чертахъ, она вездѣ одинакая: только на сѣверовосточномъ берегу Адріатическаго моря и на прилегающихъ островахъ живутъ такъ называемые *Чакавцы* (Хорваты, сербскаго языка), рѣчь которыхъ мало чѣмъ отличается отъ обыкновенной сербской рѣчи (Штокавщины), но значительно расходится съ нею въ акцентовкѣ: 1) Чакавщина не знаетъ штокавскаго закона, по которому долгіе гласные возможны только послѣ ударяемаго слога, а не въ предшествующихъ слогахъ: произносятъ, напр. зйдàти (шток. зи́дати), чељāдȅ (шток. чељáде) и т. д. 2) Она не знаетъ слабаго ударенія; 3) вмѣсто нисходящаго, нерѣдко ставитъ восходящее;

---

[1]) Приведенные примѣры взяты, по большей части, у Миклошича (Vergleichende Lautlehre der slavischen Sprachen. S. 319—320), но провѣрены и дополнены по Вукову словарю. Дѣйствительной полноты ихъ я, конечно, не достигъ, да и не домагался ея.

[2]) Šuñić, Marianus. De vera orthographia, pag. 36.—Не знаю, взяты ли эти стихи изъ народной пѣсни, или сочинены самимъ Шуничемъ: приводя ихъ, онъ говоритъ «propono exemplum in versibus, prout vulgus profert in Bosnia». Во всякомъ случаѣ, они очень похожи на стихи Цумпта и Кюнера.

4) относительно мѣста ударенія, Чакавцы почти всегда расходятся со Штокавцами — акцентовка ихъ вполнѣ вольная, между тѣмъ какъ штокавская вольность подлежитъ нѣкоторымъ ограниченіямъ. Законы, стѣсняющіе штокавское удареніе, суть слѣдующіе:

1. Удареніе не можетъ падать на послѣдній слогъ. Такъ произносятъ: слу́га вѐлй, да̏ је вòда дòбра, а̏ли да̏ је ви́но бо̏ље̄ од вòдē; между тѣмъ какъ чакавцы говорятъ: слȳга̏ вели́ да̏ је вода̏ добра̏, а̏ли да̏ је ви̏но̀ бо̏ље̄ од воде́[1]).

2. Ударенія рѣзкое и нисходящее имѣютъ мѣсто лишь на первомъ слогѣ: ко̀ло, о̀лово, ја̏бука, сȳнце, пȋшемо, пâмћē̄ње; также и въ односложныхъ словахъ, какъ бра̏т, гра̑д. Чакавцы, какъ уже сказано, не знаютъ такого закона: въ ихъ говорѣ слышится нпр., коби̏ла, коље̏но, слобода̏, копа̑мо (мы копаемъ), мажура̑на (растеніе amaracus), десно̑м руко̑м[2]).

Опредѣлить, какое удареніе должно имѣть въ Сербскомъ языкѣ первообразное слово, такъ же невозможно, какъ и въ Русскомъ языкѣ, и даже удареніе производныхъ словъ не всегда вытекаетъ изъ положительныхъ законовъ. Для именныхъ формъ, которыя у меня служатъ представителями разбираемыхъ языковъ, у Сербовъ можно указать только слѣдующія, довольно неопредѣленныя, положенія.

I. Удареніе односложныхъ словъ.

Въ именительномъ падежѣ эти слова, если они представляютъ краткій слогъ, должны, по выше указанному закону, имѣть рѣзкое удареніе,

---

[1]) Выговоръ, подобный чаковскому слȳга̏, у Штокавцевъ можетъ явиться только при соединеніи двухъ словъ подъ однимъ удареніемъ, какъ мȍj ко̀њ, тȁj дво̀р. Кромѣ того, онъ свойственъ неопредѣленнымъ мѣстоименіямъ и нарѣчіямъ, сложеннымъ съ частицею (собственно глаголомъ) го̀д (ткого̀д, кудго̀д и т. д), которыя, можетъ быть, было бы лучше писать раздѣльно. (Они, впрочемъ, иногда произносятся тко̀год, ку̏дгод). Въ Вуковомъ словарѣ также акцентованъ предлогъ сасрѐд; но предлогъ образуетъ одну акцентную единицу со своимъ именемъ, такъ, что послѣдній слогъ его не составляетъ послѣдняго слога акцентной единицы, а кромѣ того, судя по вполнѣ аналогичнымъ словамъ исред, испред, испод, это слово должно бы было остаться безъ просодіи и отмѣчено ею по недосмотру.

[2]) Въ словарѣ Караджича мы тоже находимъ нѣкоторыя слова, отступающія отъ указаннаго закона, каковы очеви̏дни, очигле̏дни, зломи̏шљенӣк, злопо̏глеђа. Это — слова, по большей части, сдвинутыя (слитныя) и еще не вполнѣ сросшіяся, первыя два, конечно, позднѣйшаго образованія и притомъ искусственныя, книжныя; очеви̏дни едва-ли ни заимствовано изъ Русскаго языка.

если же гласный ихъ дологъ, то—нисходящее: бра̏т, хлѐб, рӣс, Рӯс; гра̂д, рѐд, крӣж, пӯт.

У Чакавцевъ, односложки не чуждаются и восходящаго удареніе, нпр. ба́н, бо́j, ква́р (вредъ). Иногда у нихъ, по удареніе, измѣняется значеніе слова, такъ лӯг значитъ лѣсъ, роща, а лу́г—щелокъ (lixivia), сӯд значитъ бочка, а су́д—судъ, судилище. У Штокавцевъ подобныя слова, въ именительномъ падежѣ, звучатъ совершенно одинаково, и разница между ними появляется только въ косвенныхъ падежахъ: родительные падежи произносятся у однихъ лӯга, сӯда (рощи, бочки), у другихъ — лу́га, су́да.

Двусложные падежи, при односложномъ именительномъ, обыкновенно имѣютъ всѣ одинаковое удареніе, такъ что, зная удареніе одного изъ нихъ, нпр. родительнаго, мы знаемъ и всѣ остальныя. Но удареніе родительнаго падежа бываетъ довольно разнообразное.

1. Краткіе односложки и въ родительномъ падежѣ (и вообще во всѣхъ, за исключеніемъ р. множ. ч.) имѣютъ коренной слогъ краткій и потому могутъ имѣть лишь двоякое удареніе.

а) Въ род. падежѣ является то же рѣзкое удареніе, которое было и въ именительномъ, нпр. бра̏т, бра̀та; гра̏д, гра̀да (градъ); дӣм, дӣма. Такъ же произносятся эти слова и въ Чакавскомъ говорѣ.

б) род. представляетъ удареніе слабое: бо̏б, бо̀ба; ко̏њ, ко̀ња; кърст, кърста. Чакавцы и въ род. падежѣ ставятъ рѣзкое удареніе, но не на корень, а на флексію: бо̏б, боба̏; ко̏њ, коња̏; кърст, кърста̏.

2. Род. падежи долгихъ односложекъ бываютъ со всякимъ удареніемъ, такъ какъ коренной слогъ, въ косвенныхъ падежахъ, иногда сокращается.

а) Въ род. падежѣ слышится то же нисходящее удареніе, какъ въ им. падежѣ: да̂р, да̂ра; сӣн, сӣна; вӯкъ, вӯка. Такъ же и у Чакавцевъ.

б) Является удареніе восходящее: кра̂ль, кра́ља; но̂ж, но́жа; пӯт, пу́та.

Совершенно не такъ произносятся эти слова Чакавцами, у которыхъ въ им. падежѣ слышится восходящее удареніе, а въ косвенныхъ — рѣзкое удареніе, на флексіяхъ: кра́ль, кра̄ља̏; но́ж, но̄жа̏; пу́т, пӯта̏.

в) Коренной гласный въ род. падежѣ кратокъ и получаетъ удареніе рѣзкое, какъ то: во̂з, во̀за; до̂мъ, до̀ма; кра̂j, кра̀ја. По-чакавски, нѣкоторыя изъ этихъ словъ представляютъ въ им. падежѣ восходящее удареніе, нпр., кра́j, ра́j.

г) Коренной гласный также кратокъ, но произносится со слабымъ удареніемъ: во̂л (во̂), во̀ла; сто̂л (сто̂), сто̀ла; дво̂р, дво̀ра (или дво́ра). У Чакавцевъ нѣкоторыя изъ этихъ словъ въ им. падежѣ имѣютъ не нисходящее удареніе, а восходящее, а въ косвенныхъ падежахъ оно, въ видѣ рѣзкаго, падаетъ на флексіи, нпр. дво́р, двора̏.

II. Объ удареніи двусложекъ женскаго и средняго рода.

Разногласіе между ударенісмъ имен. падежа и косвенныхъ падежей, у существительныхъ мужескаго рода, обусловлено, кажется, главнымъ образомъ, онѣмѣніемъ флексіи им. падежа: первообразныя слова женскаго и средняго рода всегда имѣютъ въ род. пад. такое же удареніе, какое и въ именительномъ: кньи̑га, кньи̑гѣ; сѐло, сѐла; пра̑вда, пра̑вдѣ; су́кно, су́кна. Однако, эти слова также представляютъ иногда отступленія отъ главнаго закона: нпр. слова вѐда, гла́ва образуютъ вин. ед. ч. и имен. множ. вѐ̑ду, вѐ̑де; гла̑ву, гла̑ве, слово сѐло — имен. множ. сѐ̑ла. Бо́льшая часть словъ мѣняетъ удареніе въ род. множ., который и по количеству обыкновенно расходится съ остальными падежами. Такъ, род. мн. отъ словъ кни̑га, вѐда, сѐло, ча̑вка будутъ кни̑гā, во́дā, сѐ̑лā, ча̑вāкā [1]). Чакавцы, вмѣсто што̑кавскихъ сѐло, сѐла, вѐда, гла́ва, су́кно, су́кна, произносятъ село̑, села̑, вода̑, глāва̑, сȳкно̑, сȳкна̑.

III. Удареніе двусложныхъ словъ муж. рода̑.

Двусложныя слова муж. рода далеко не всѣ имѣютъ постоянное удареніе, какъ јѐчам, јѐчма (ячмень), Ли̑пањ, Ли̑пња (Іюнь), јѐзик, јѐзика, га̑вран, га̑врана; а именно бываютъ слѣдующія перемѣны:

1. У равносложныхъ словъ.

а) рѣзкое удареніе можетъ смѣняться слабымъ, что, впрочемъ, случается только въ двухъ—трехъ словахъ, которыя стали двусложными, благодаря вставочному гласному: Пѐтар, Пѐтра; до̑бар, до̀бра (прил.). Слова эти первоначально принадлежали къ той же категоріи, какъ ко̑њ, бо̑б и т. д. (Петръ, Петра, какъ бобъ, боба). Чакавцы произносятъ Пѐтар, Петра̑; до̑бар, добра̑.

б) Слогъ, краткій въ им. падежѣ, въ род. протягивается, вслѣдствіе чего рѣзкое удареніе смѣняется нисходящимъ: па̑лац, па̑лца (большой палецъ), Па̑вао, Па̑вла; ста̑рац, ста̑рца и т. д.

в) Подобнымъ же образомъ, вмѣсто слабаго ударенія, можетъ явиться восходящее: ко̀нац, ко́нца (коне́цъ, нить); ло̀нац, ло́нца (горшокъ); о̀ван,

---

[1]) Это правило относится также къ словамъ мужескаго рода: нпр. ко̑њ, гро̑б, гра̑д образуютъ род. мн. ко́њā, гро̀бо̑вā градо́вā. Можно замѣтить, что два послѣднихъ слога въ этомъ падежѣ, почти безъ исключенія, бываютъ долгими.

о́вна и т. п. У Чакавцевъ удареніе этихъ словъ падаетъ, во всѣхъ падежахъ, на окончаніе: конâц, кōнцâ; лонâц, лōнцâ: овâн, ōвнâ.

г) Бывастъ и то, что нисходящее удареніе смѣняется восходящимъ, но это встрѣчается лишь изрѣдка у прилагательныхъ: дȋчан, ди́чна (славный); дужан, ду́жна; мȗтан, му́тна; рȇдакъ, ре́тка и т. д. [1]). По-чакавски удареніе переходитъ на флексіи: дȋчан, дȋчнâ; дȗжан, дȗжнâ; мȗтанъ, мȗтнâ; рȋдак, рȋткâ.

2. Слова разносложныя.

а) Нѣкоторыя реченія, какъ въ именительномъ, такъ и въ родительномъ имѣютъ удареніе слабое, но въ послѣднемъ оно на одинъ слогъ ближе къ концу, нпр. кòноп, конòпа (канатъ); мȕдрац, мудрâца; живòтъ, живòта. Вмѣсто этого слабаго ударенія на предпослѣднемъ слогѣ, у Чакавцевъ является также подвижное *рѣзкое* удареніе, которое держится послѣдняго слога: конȏп, конопâ; мудрâц, мудрацâ; живȏт, животâ.

б) Подвижное слабое удареніе въ род. падежѣ оказывается на долгомъ гласномъ и является въ видѣ восходящаго, какъ то: звòнāр, звонáра; јȗнāк, јунáка; кòлāч, колáча; пàстир, пастȋра, рȗкāв, рукáва. Чакавское удареніе и въ этихъ словахъ постоянно падаетъ на окончаніе: звонáр, звонāрâ; јунáк, јунāкâ; колáч, колāчâ; пастȋр, пастȋрâ; рукáв, рукāвâ.

в) Иногда гласный, долгій въ именительномъ падежѣ, въ родительномъ бываетъ кратокъ, вслѣдствіе чего нисходящее удареніе смѣняется рѣзкимъ: прâсе, прâсета; јȗне јȗнета; ждрȇбе, ждрȇбета.

г) Изрѣдка рѣзкое удареніе косвенныхъ падежей соотвѣтствуетъ не нисходящему ударенію им. падежа, а восходящему, нпр. врéме, врȇмена (вријȇме, врȇмена).

д) Также рѣдко (чуть ли ни разъ всего) восходящее удареніе им. падежа, въ другихъ падежахъ смѣняется слабымъ: дéте, дèтета. Иначе произносятъ это слово Чакавцы, а именно дȋтȇ дитȇта.

IV. Удареніе трехсложныхъ словъ.

1. Удареніе падаетъ на первый слогъ:

а) въ видѣ рѣзкаго: јȇзеро, мâhеха, ȏлово и т. д.

---

[1]) Караджичъ пишетъ: дȋчан, чна, чно; ду́жан, жна, о, му́тан; тна, тно; ријȅдак, тка, тко. Но, какъ видно изъ показанія Мажуранича, это не всеобщій выговоръ, а изъ общихъ выводовъ о сербской акцентовкѣ читатель самъ собою догадается, почему я предпочелъ въ этомъ случаѣ поставить ударенія по Мажураничу и Караджичевы дȋчна, ду́жан и т. д. считаю позднѣйшимъ продуктомъ аналогіи.

б) На первомъ слогѣ является удареніе слабое: гòмила (куча), кòлиба, лйвада, лòпата, пòгача, кòпито, кòљено и т. д. Въ Чакавщинѣ, вмѣсто слабаго ударенія на первомъ слогѣ, слышится рѣзкое, на второмъ: гомйла, колйба, ливâда, лопâта, погâча, копйто, колйно и т. д.

в) Первый слогъ дологъ и получаетъ нисходящее удареніе: бôјница, здрâвљице, пȗтнина viaticum, пâмтити (помнить).

г) Первый слогъ опять-таки дологъ, но удареніе его восходящее: скáкавац (кузнечикъ), крáљевство, грáдити, пúсати. Чакавцы произносятъ скāкâвац, крāљȇвство, грāдйти, пīсâти.

Послѣдніе два случая довольно рѣдки, т. к. первый слогъ, въ трехсложныхъ словахъ, обыкновенно бываетъ краткимъ: даже коренной гласный, долгій въ первообразномъ словѣ, нерѣдко сокращается въ производныхъ, нпр. крâљ, но крàљица; гâз (бродъ), но гàзити; кнêз, но кнèгиња и т. п.

2. Трехсложное слово можетъ имѣть удареніе на второмъ слогѣ, а именно:

а) слабое. Тутъ надо различать два случая:

α) удареніе бываетъ неподвижное, и, если иногда косвенные падежи отступаютъ отъ именительнаго, такъ тѣмъ, что сокращаютъ, долгій въ именительномъ, гласный наставки. Таковы слова кукȕруз, кукȕруза; слобòда, слобòдē; госпòдйн, госпòдина. У Чакавцевъ удареніе также неподвижное, которое въ именительномъ падежѣ приходится на конечный слогъ и, смотря по количеству гласнаго, является то въ видѣ рѣзкаго, то въ видѣ восходящаго: кукурȕз, кукурȕза; слободâ, слободé; господúн, господúна.

β) Въ косвенныхъ падежахъ удареніе приближается на одинъ слогъ къ концу слова и, очутившись на долгомъ гласномъ, становится восходящимъ, нпр. госпòдāр, господâра; Варàждйн, Варажднна; болèснйк, болеснúка; весèљāк, весељáка; богàтāш, богатáша. Въ Чакавщинѣ удареніе всегда стоитъ на конечномъ слогѣ, въ видѣ восходящаго или рѣзкаго: господâр, господāрâ, Варажднн, Варажднâ; болеснúк, болеснúкâ и т. д.

б) Трехсложка можетъ имѣть на среднемъ слогѣ восходящее удареніе, что́, впрочемъ, встрѣчается лишь изрѣдка. Тутъ опять-таки различаются два случая:

α) удареніе проходитъ по всѣмъ падежамъ, нпр. весéље (по Мажураничу вèсēље).

β) Удареніе, хотя и неподвижное, мѣняется: вмѣсто восходящаго, является слабое, нпр. чељáде, чељàдета (служанка). Произносятъ, впрочемъ, и чељáдета (такъ пишетъ Караджичъ). По-чакавски это слово звучитъ чељāдȅ, чељадȅта.

Представивъ, такимъ образомъ, картину разнообразія и измѣнчивости

удареній въ Сербскомъ языкѣ, остается еще указать на мѣну удареній въ предложеніи и опредѣлить соотношеніе акцентовокъ штокавской и чакавской. Изложу сначала ученіе о прислонкахъ.

Точно такъ же, какъ въ Русскомъ языкѣ — и какъ, должно быть, во всѣхъ языкахъ, безъ исключенія — и у Сербовъ есть слова, которыя не имѣютъ никакой самостоятельности, а примыкаютъ къ другому слову и составляютъ съ нимъ одно звуковое цѣлое, подъ общимъ удареніемъ, напр. здрàв сам (сдравъ есмь), рèци ми, на кòња, у грáду, обесèлили смо му се [1]). Часть этихъ словъ—атонки, которыя просто сливаются съ предшествующимъ имъ болѣе важнымъ словомъ и становятся подъ его ударéніе. Таковы 1) сокращенныя формы существительнаго глагола: сам, си, је, смо, сте, су, 2) сокращенныя формы глагола хотѣти: ћу, ћеш и т. д.; 3) краткія формы личныхъ и возвратнаго мѣстоименій: ме, те, се, га и т. д.; 4) частицы бо, ли, но, ре, зи, ка: кàдали, ȍвīзи и т. д.; 5) аористъ глагола бѣти, когда онъ служитъ для описанія соглагательнаго наклоненія: рèкао би, пи́сали бисмо. Впрочемъ, на аористъ ȍтъ бѣти иногда падаетъ сила рѣчи, и въ такомъ случаѣ онъ не лишенъ ударенія, напр. пȉтā ме, дȁ ли бȉх пи́сао, ȉли нѐ.

Прочія несамостоятельныя слова — прислóнки. Слова этого рода въ Сербскомъ языкѣ еще чаще, нежели въ Русскомъ, принимаютъ ударéніе, а кромѣ того въ немъ ихъ болшее количество: въ числѣ прислонокъ оказываются не одни предлоги, но также и нѣсколько союзовъ. Союзы эти слѣдующіе: 1) и, те, ни, да и 2) а, па, пак, или. Вторая группа союзовъ отличается отъ первой тѣмъ, что перетягиваетъ на себя ударéніе только съ односложныхъ словъ, а первая — со всякихъ [1]). Такимъ образомъ, мы находимъ слѣдующіе примѣры неударяемости существительныхъ и глаголовъ: прèд куȕōм, крȍз гору, нȁ камēн, пòд рухом, мȍлīм те дȁ пȉшēш; јȁ хòћу, а брат нѐће; илȉ Бōг илȉ врāг и т. д. Переходъ ударенія на прислонку совершается по слѣдующимъ законамъ:

Теряютъ свое ударéніе только слова, съ рѣзкимъ или съ нисходящимъ удареніемъ [3]), при чемъ

1. *Рѣзкое* ударéніе а) переходитъ на предлогъ въ видѣ слабаго: брȁт,

---

[1]) Какъ видно изъ послѣдняго примѣра, ударяемый слогъ въ такихъ случаяхъ можетъ имѣть за собою довольно значительное число неударяемыхъ.

[2]) Когда за этими союзами слѣдуетъ атонка, то они (кромѣ двухъ, *и* и *а*) становятся самостоятельными словами, съ рѣзкимъ удареніемъ: дȁ би ȉ љȕтā змȉја бȉла (хоть бы и лютую змѣю).

[3]) Этотъ законъ отмѣтилъ уже Караджичъ. Slav. bibl. B. II, S. 235.

бра̏та—за̀ брата, ку̑ћа—прекò куће. Чакавцы не знаютъ такого перехода ударенія, а говорятъ за бра̏та, преко ку̑ћē и т. д.; б) съ нѣкоторыхъ словъ рѣзкое удареніе идетъ на предлогъ также въ видѣ рѣзкаго: на̏ воду, за̏ гору, ни̏з поље, по̏д камēн[1]). Тѣ же слова и въ Чакавщинѣ передаютъ свое удареніе предлогу.

2. Нисходящее удареніе также переходитъ на предлогъ, то въ видѣ рѣзкаго ударенія, то въ видѣ слабаго, но оставляетъ, конечно, по себѣ долготу.

а) При нѣкоторыхъ словахъ односложные предлоги получаютъ рѣзкое удареніе, а двусложные — слабое, на первомъ слогѣ: на̏ зи̏д, по̏д глāву, прèко сȳнца, и̏за грāда. Всѣ эти именныя формы произносятся одинаково и по-штокавски, и по-чакавски, и Чаковцы такъ же переносятъ удареніе на предлогъ; только что двусложные предлоги у нихъ получаютъ рѣзкое удареніе на конечномъ слогѣ: прекò̀ сȳнца, изà̀ грāда[2]).

б) Другія слова съ нисходящимъ удареніемъ передаютъ удареніе только на одинъ слогъ впередъ, въ видѣ слабаго: нà двōр, у̑ Бēч (въ Вѣну), за̀ прāвду, кòд мāјстора. Эти слова у Чакавцевъ имѣютъ не нисходящее удареніе, а восходящее, которое вовсе не переходитъ на предлогъ: произносятъ на двóр, у Бéч, за прáвду, код мáјстора.

Когда удареніе переходитъ на союзъ, то оно, насколько мнѣ извѣстно, всегда бываетъ слабымъ: ѝ конь ѝ крава; кȳнēм ти си ѝ Богом ѝ верōм; нѝ јā, нѝ тѝ, нѝ хлеба, нѝ соли; да̀ идē. Однако Будмани говоритъ, что проклитичные союзы слѣдуютъ тѣмъ же законамъ, какъ и предлоги, и первый авторитетъ въ этомъ дѣлѣ, Караджичъ, пишетъ три гроша ѝ марја̄ш[3]).

Ударенія слабое и восходящее никогда не переносятся на предлоги, ниже на союзы: говорятъ безъ вòдē, са зèмљōм, на глáви, од нáрода, и вòла и óвна. У Чакавцевъ, тѣмъ болѣе, удареніе падаетъ не на проклитику; но оно несогласно со штокавскимъ: без водé, под рȳкōм, на глāвӣ, од нāро̏да, и вола̀ и ōвна̀.

---

[1]) Таковы всѣ рѣзкоударяемые винительные падежи, при слабоударяемыхъ именительныхъ: но̏гу (им. нòга), во̏ду, зе̏мљу, зо̏ру и т. д. Таковы же нѣкоторыя слова средняго и мужескаго рода: бла̏то, бъ̏рдо, го̏во̄ръ, ка̏мēн, ко̏рāк (шагъ), ко̏мāд (кусокъ), о̏блāк.

[2]) Предлоги кроз, низ, уз, нуз принимаютъ иногда еще а, которое, однако, при акцентовкѣ не принимается въ разсчетъ: говорятъ кро̏за зи̏д, ни̏за стра̄ну и т. д. Мажураничъ видитъ въ этомъ доказательство, что прибавлять а къ этимъ предлогамъ стали довольно поздно, когда удареніе успѣло уже установиться; но, кажется, а все-таки можно считать перезвукомъ ъ, а удареніе кро̏за вм. кро̀за объяснять дѣйствіемъ аналогіи: кро̀з гра̄д, такъ и кро̏за зи̏д.

[3]) P. Budmani. Grammatica della lingua serbo-croata, § 275, pag. 145. — Караџић. Рјечник 1852, подъ словомъ ма̏рја̄ш.

Надо замѣтить, что и слова съ рѣзкимъ и съ нисходящимъ удареніемъ не всегда передаютъ его предлогу: рядомъ съ на̀ преслицу слышится также на пре̏слицу, рядомъ съ прекò куће̄ — преко ку̏ће̄; произносятъ о̀д радости и од ра̏дости, за̀ око и за о̏ко, за̀ гла̑с и за гла̑с, за̀ слу̏х и за слу̏х. Указать тутъ точныя правила едва-ли возможно [1]).

Иногда существительное рѣзкаго или нисходящаго ударенія съ прилагательнымъ, или съ другимъ самостоятельнымъ словомъ, сливается подобнымъ же образомъ, какъ съ проклитикою: такъ вм. до̀бар да̑н; до̀бро ју̏тро, до̀бар ве̏че̄, до̀бра но̑ћ, у очи свѐто̄га Ви̏да, код свѐто̄га Лу̏ке̄, ка̀ко си? до̀бро, ка̀ко ти̏? — произносятъ также доба̀р да̑н, добро̀ јутро, доба̀р вече̄, добра̀ но̑ћ, у очи светога̀ Вида, код светога̀ Лу̏ке̄, како̀ си? до̀бро, како̀ ти̏ [2])?

Количественныя числительныя могутъ употребляться, какъ настоящія проклитики, т. е., если стоящее при нихъ существительное имѣетъ удареніе рѣзкое, или нисходящее, то оно можетъ передать удареніе числительному, въ видѣ слабаго, или въ видѣ нисходящаго: четирѝ ма̄јке, седа̀м па̄ра̄, оса̀м ра̄на̄, девѐт ку̏ћа̄, десѐт ко̀ла̄ вм. чѐтири ку̏ће, се̏дам па̑ра̄, о̏сам ра̑на̄, де̏вет ку̏ћа̄, де̏сет ко̑ла̄; два́ цара, две́ кокоши, три́ брата, пе́т пъ̀рста̄, ше́ст месе̄ца̄ вм. два̄ ца̏ра, две̄ ко̏коши, трӣ бра̏та, пе̄т пъ̀рста̄, ше̄ст ме̏се̄ца̄. Прислоненіе существительнаго къ числительному возможно лишь тогда, когда на числительное не падаетъ сила рѣчи, иначе оба слова получаютъ самостоятельное удареніе: два̑ бра̏та, две̑ пу̏шке, три̑ ца̏ра, чѐтире ку̏ће и т. д. Этотъ законъ, который на первый взглядъ кажется совершенно непонятнымъ, объяснится впослѣдствіи.

Общіе выводы.

Изъ вышеприведенныхъ примѣровъ штокавской и чакавской акцентовокъ нетрудно убѣдиться, что между этими, столь разногласными акцентовками существуетъ извѣстное постоянное соотношеніе: *удареніе у Штокавцевъ, почти всегда, на одинъ слогъ ближе къ началу слова, чѣмъ у Чакавцевъ.* Это общее положеніе можно еще точнѣе опредѣлить въ двухъ пунктахъ.

1) Чакавскому удареніо на первомъ слогѣ соотвѣтствуетъ штокавское удареніе на томъ же мѣстѣ. Въ этомъ случаѣ, и качество удареній одинаковое; только что, вмѣсто чакавскаго восходящаго, у Штокавцевъ находимъ, за немногими исключеніями, нисходящее удареніе. Итакъ, чакавскія

[1]) Gj. Daničić. Rad VI, str. 191.

[2]) Добрò јутро, добàр вечē весьма употребительны, прочія формулы слѣдуетъ считать провинціализмами. Караџ. Пословице XL.

о̏ко, мѐсо произносятся такъ же и Штокавцами; а, вм. чакавскаго пи́шēм, говорятъ пи̏шēм.

2) Если чакавское удареніе приходится на какой-либо другой слогъ, то оно въ Штокавщинѣ падаетъ на предшествующій слогъ, въ видѣ слабаго, или въ видѣ восходящаго, смотря по количеству встрѣтившагося ему гласнаго: по-чакавски произносятъ вода̏, ви́но̏, доброта̏, гра̄ди́ти, не зна̂м, не да́м; по-штокавски—во̀да, ви́но, добро̀та, зи́дати, нѐ знам, нѐ да̄м.

Такимъ образомъ, зная чакавское удареніе и количество предшествующаго ему слога, легко опредѣлить, какъ то-же слово выговаривается по-штокавски.

Не такъ просто, отъ даннаго штокавскаго ударенія, заключить къ чакавскому. Правда, когда удареніе приходится на краткій слогъ, то не можетъ быть никакого затрудненія, такъ какъ, въ такомъ случаѣ, возможно только одно удареніе: штокавскія кньи́га, јѐзеро, съ рѣзкимъ удареніемъ, должны такъ же произноситься и по-чакавски; также слова во̀дица, ширѝна прямо указываютъ на чакавскій выговоръ води́ца, ширина̏. Но, когда удареніе падаетъ на долгій слогъ, ни по какимъ соображеніямъ не узнаешь будетъ ли оно нисходящее, или восходящее. По чему знать, что зла̂то, су̑нце произносятся такъ же и по-чакавски, а вмѣсто кле̂тва, пра̂вда, говорятъ кле́тва, пра́вда? По чему знать, что штокавскимъ пи̏шēм, мажу̀ра̂на (растеніе amaracus), ко̀па̄мо соотвѣтствуютъ чакавскія пи́шēм, мажура̂на, копа̂мо, а не пи̏шēмъ, мажура́на, копа́мо?

Правильное соотношеніе штокавской и чакавской акцентовки нельзя считать случайнымъ, и сама собою является мысль, что, вѣроятно, одна изъ нихъ произошла изъ другой. Но, спрашивается, какая акцентовка исконнѣе, и которую слѣдуетъ считать отступленіемъ отъ старины? Не трудно рѣшить, что основная общесербская акцентовка есть — чакавская, въ пользу чего Мажураничъ приводитъ слѣдующіе доводы:

1) Если бы предположить, что чакавскій выговоръ новѣе, т. е. образовался изъ штокавскаго, черезъ приближеніе ударенія на одинъ слогъ къ концу слова, то а) никакъ нельзя понять, почему слова, какъ су̑нце, мѐсо, кньи́га, о̏лово, јѐзеро, ма̏ћеха удержали въ Чакавщинѣ старое удареніе, а не перешли въ су̑нцѐ, мѐсо̏, кньига̏, оло̏во, језѐро, маћѐха; далѣе б) не видно, чѣмъ бы могло обусловливаться появленіе на долгихъ слогахъ то нисходящаго ударенія, то—восходящаго: отчего изъ мажу̀ра̂на сдѣлали мажура̂на, а изъ пи̏са̄ћи — писа́ћи? Если же принять обратное отношеніе между нашими акцентовками, то все ясно и понятно: удареніе всегда приближается на одинъ слогъ къ началу слова, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда оно, и безъ того, стоитъ на первомъ слогѣ. Удареніямъ въ су̑нце, мѐсо и т. д. некуда идти, оттого они и остаются на мѣстѣ; но, при первой воз-

можности, они, дѣйствительно, уходятъ на предлогъ: чакавскому у кньи̑зи, на јѐзеро соотвѣтствуетъ штокавское у̀ кнѣзи, на̀ јѐзеро. Понятно, съ этой точки зрѣнія, и соотношеніе словъ, въ родѣ мажу̀рāна и пи̏сāћи и чакавскихъ противней ихъ мажурâна и писа̏ти: когда, въ словѣ писа̏ти, главное ударѐніе ушло на предшествующій слогъ, естественно передвинулся и центръ тяжести прежняго главнаго, впослѣдствіи второстепеннаго, ударенія: вмѣсто того, чтобы повышать голосъ, потомъ понижать и снова повышать, стали повышать его только на первомъ слогѣ, а на второмъ, начавши съ достигнутой высоты, понижаютъ его.

2) Важно также и то обстоятельство, что у Штокавцевъ положительно есть наклонность передвигать ударѐніе, что́ видно изъ вошедшихъ въ ихъ говоръ иностранныхъ словъ и изъ ихъ нѣмецкаго и италіанскаго выговора: вмѣсто Ἑλένη у нихъ Јѐлена, вм. Ἰησοῦς — Ѝсус, вм. μετάνοια — мѐтāнија вм. ἀμήν — а́мīн или а́мēн; турецкія слова пара̀, паша̀, арсла̀н, делѝ произносятъ па̀ра, па̀ша, а̀рсла̄н, дѐлија; говоря по-нѣмецки, или по-италіански штокавецъ такъ и норовитъ, вмѣсто gerêcht, erlêben, farò, portâre, произнести gèrecht, èrlēben, fàro, pòrtāre и т. п. — Чакавцы, между тѣмъ, не переставляютъ ударѐній и произносятъ Ису̏с, метâнија, а̄ми̏н или а̄ме̏н, gerêcht, erlêben, farô, portâre [1]).

Наконецъ 3) весьма важно и то́, что чакавская акцентовка — какъ читатель, конечно, уже замѣтилъ — совпадаетъ съ *русскою*, только, что въ послѣдней нѣтъ количественныхъ оттѣнковъ выговора: мы видѣли у Чакавцевъ формы бо̏б, боба̑, ко̏њ, коња̑, кра̀љ, кра̄ља̑, копа̑ц, ко̄нца̑, пе̄та̑к, пе̄тка̑ (= пято́къ, пятка̀), рука́в, рука̄ва̑, жена̑, вода̑, глава̑, рӯка̑, село̑, сӯкно̑, лопа̑та, копи̏то, гра̄ди̏ти (= городи́ть), пи̏са̑ти и т. д. и т. д. [2]) Объяснить такое совпаденіе двухъ *вольныхъ* акцентовокъ случайностью, просто невозможно, и приходится предположить, что чакавская акцентовка есть древняя система, общая Сербамъ и Русскимъ, и что значительное разногласіе между штокавскимъ и русскимъ выговоромъ произошло отъ того, что первый, сохранивъ количество, переставилъ ударенія, а во второмъ ударенія остались на мѣстѣ, но количество утрачено.

---

[1]) Слова па̀ра, па̀ша и по-чакавски произносятся не съ турецкимъ ударѐніемъ, а говорятъ па̏ра, па̏ша. Очевидно, эти слова заимствованы не прямо у Турокъ, а чрезъ посредство Штокавцевъ: стараясь говорить по-штокавски, чакавецъ, и въ коренныхъ сербскихъ словахъ, чуждое ему слабое ударѐніе замѣняетъ рѣзкимъ и, вм. но̀га, ма̀гла, јѐлен, со̀ко̄, произноситъ но̀га, ма̑гла, је̑лен, со̑ко̄. Slovnica hèrvatska, str. 25, op.

[2]) Ниже (гл. VI) будетъ отмѣчено нѣсколько случаевъ несходства акцентовокъ русской и чакавской, которые однако составляютъ рѣдкія исключенія.

Теперь, убѣдившись, что штокавская акцентовка есть ничто иное, какъ искаженіе чакавской, мы приходимъ еще къ слѣдующимъ заключеніямъ и выводамъ.

1. Ударе́ніе *слабое*, неизвѣстное Чакавцамъ, всегда свидѣтельствуетъ о передвиженіи акцента, который приблизился къ началу слова: такъ выговоръ го̀ра, жѐљезо, добро̀та, ју̀нāк есть позднѣйшее измѣненіе чакавскаго и нѣкогда общесербскаго гора̄, желѣ̄зо, доброта̄, јунāк.

2. О томъ же самомъ, за немногими исключеніями, свидѣтельствуетъ, въ Штокавщинѣ, и *восходящее* ударе́ніе: ру́ка, пе́так, све́тац, поче́так, ју-на́ци произносится вм. стараго рӯка̄, пе̄та̄к, све̄та̄ц, поче̄та̄к, јунāци̑. — Исключеніе составляютъ только нѣсколько словъ съ восходящимъ удареніемъ на первомъ слогѣ, которыя, противъ обыкновенія, не промѣняли его на нисходящее, нпр. ма́јка (= ма̄јка) и по-чакавски будетъ ма́јка, а не ма̄јка̄, ру́жа (по Мажураничу, и рӯжа) будетъ ру́жа, а не рӯжа̄.

3. Ударе́нія *рѣзкое* и *нисходящее* всегда свидѣтельствуютъ о сохраненіи акцента на старомъ мѣстѣ; а, такъ какъ старое ударе́ніе можетъ уцѣлѣть только на *первомъ* слогѣ, то эти ударе́нія и не являются никогда на другомъ слогѣ, кромѣ перваго.

Изъ общаго закона штокавской акцентовки вытекаютъ и правила о прислонкахъ: *прислонка, съ главнымъ словомъ своимъ, принимаются за одно звуковое цѣлое, по коему ударе́ніе передвигается на основаніи общаго закона:*

1. Какъ, вмѣсто стараго жена̄, коље̄но, јунāк, ного̄м произносятъ жѐна, ко̀љено, ју̀нāк, но̀го̄м, точно такъ же, вмѣсто у пла̄ч, за бра̄та, на су́д, за слу̑х произносятъ у̀ плач, за̀ брата, на̀ сӯд, за̀ слӯх.

2. Вполнѣ понятно и появленіе, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, на предлогѣ рѣзкаго ударе́нія, какъ то: на̄ ногу, за̄ рӯку, на̄ брдо, на̄ вла̄с и т. д. Это объясняется тѣмъ же, чѣмъ и выговоръ ма̄ћеха, о̀бла̄ци, мѝло̄ст, т. е. тѣмъ, что тутъ переходъ ударе́нія не есть новшество, а ведется изстари.

3. Появленіе ударе́нія, и притомъ слабаго, на союзахъ, также основано на общемъ законѣ Штокавщины: у Чакавцевъ, какъ и у Русскихъ, малознаменательные союзы составляютъ одно цѣлое съ болѣе важными словами, на кои и падаетъ ударе́ніе, а у Штокавцевъ ударе́ніе и тутъ иногда пользуется случаемъ придвинуться ближе къ началу отмѣчаемой имъ акцентной единицы, вслѣдствіе чего, вм. и кра̄ву и пса̄ произносятъ ѝ краву ѝ пса и т. п.[1]).

4. Ясно теперь и то́, почему слова съ удареніемъ слабымъ, или съ вос-

---

[1]) Появленіе на союзахъ рѣзкаго ударе́нія, безъ сомнѣнія, должно считать позднѣйшимъ явленіемъ.

ходящимъ никогда не передаютъ его предлогу, или союзу [1]): въ этихъ словахъ, удареніе и безъ того уже удовлетворило своему стремленію къ началу слова, такъ какъ код сѐстрē, на глáви и нòга и рýка говорится вмѣсто первоначальнаго и чакавскаго код сестрé, на глāвй, и ногá и рýкá.

Такимъ образомъ, въ Штокавскомъ нарѣчіи Сербо-хорватскаго языка произошелъ, въ дѣлѣ акцентовки, совершенный переворотъ: систематическое приближеніе ударенія къ началу слова; процессъ, который я буду называть *оттяжкою*. Слѣдъ прежней акцентовки можно видѣть въ отмѣченномъ Мазингомъ явленіи, что за слогомъ съ неисконнымъ (слабымъ или восходящимъ) удареніемъ всегда идетъ еще одинъ высокій и сильный слогъ, между тѣмъ какъ при рѣзкомъ и при нисходящемъ удареніи повышеніе и усиленіе голоса замѣчается только на ударяемомъ слогѣ [2]).

Указанные законы сербской акцентовки господствуютъ во всѣхъ штокавскихъ говорахъ, хотя частныхъ уклоненій встрѣчается не мало. Поэтому, не слѣдуетъ думать, что разногласіе, которое иногда оказывается, въ дѣлѣ ударенія, между Караджичемъ и Мажураничемъ [3]), непремѣнно произошло отъ ошибки того, или другого: оно можетъ объясняться и тѣмъ, что слово произносится гдѣ такъ, гдѣ иначе. Самъ Караджичъ приводитъ тому слѣдующіе примѣры: въ Бѣлградской области вмѣсто лòнац горшокъ, кукýруз, сѐло произносятъ лóнацъ, кукýруз, сéло. Въ Черногоріи, у ласкательныхъ именъ на о, вмѣсто общераспространеннаго восходящаго ударенія, является нисходящее: ђôко (= ђôрђије), Вâсо, Пâјо (Пâвао), Пêро, Нйко вм. ђóко, Вáсо и т. д; тамъ же вм. млијѐко, дијѐте, ријѐка (млéко, дéте, рéка) слышится млйеко, дйете, рйека. Дубровчане произносятъ госпôђа, чтó вполнѣ соотвѣтствуетъ русскому госпожá, между тѣмъ какъ прочіе Сербы говорятъ гôспођа [4]). Прибавлю къ этому еще слѣдующія реченія, слышанныя мною изъ устъ серба, превосходно знающаго свой родной языкъ, но произносимыя имъ не такъ, какъ они значатся у Караджича: бôр, бôра, бôк, гôд, грôм, дôм, збôр, змâј, мêх, мôст, рôк, рýј, скôк, смôк, сôк, ствôр, стôг, тâст, тôр, хôд — въ Рѣчникѣ: бор, бóра, бóк, гóд,

---

[1]) За исключеніемъ тѣхъ немногихъ словъ, въ которыхъ восходящее удареніе есть не новшество, а остатокъ старины.

[2]) L. Masing. S. 58, 69, 90.

[3]) Мажураничъ пишетъ, нпр., бйч, бйча; бйк, бйка; бôј, бòја; двôр, двòра; змйја; сòва; бúсер; пôст, пòста; тъ̑рн, тъ̑рна; а Караджичъ — бйч, бúча; бйк, бúка и бúка; бôј, бòја; двôр, двóра; змúја; сòва; бúсер; пôст, пòста; тъ̑рн, тъ̑рна.

[4]) Караџић, Пословице, стр. XXXVII—XXXVII.

грôм и т. д. Возможно, разумѣется, что въ «Хорватскую словницу» вкрались и нѣкоторыя дѣйствительныя ошибки, но мнѣ рѣшительно непонятно, что Даничичъ, на основаніи частнаго разногласія Мажуранича съ Караджичемъ, совѣтуетъ относится ко всѣмъ его показаніямъ съ большимъ скептицизмомъ [1]). — Нѣкоторая неустановленность ударенія намъ привычна изъ Русскаго языка, и, при отсутствіи въ акцентовкѣ общаго принципа, она вполнѣ понятна и естественна. Впрочемъ, въ Сербскомъ языкѣ, по замѣчанію Мажуранича, мѣстное разнообразіе обусловливается еще и особенную причиною: взаимодѣйствіемъ выговоровъ чакавскаго и штокавскаго. Дѣло въ томъ, что штокавскій выговоръ считается изящнымъ и правильнымъ, и Штокавцы подсмѣиваются надъ странною акцентовкою Чакавцевъ. Вслѣдствіе того, послѣдніе стараются поддѣлаться подъ штокавское произношеніе, въ чемъ, впрочемъ, не вполнѣ успѣваютъ: какъ уже было упомянуто, они замѣняютъ свои правильныя формы јелéн, ногá, магла̀ тарабарскими јѐлен, нòга, мàгла! Мѣстами такія формы, черезъ взаимодѣйствіе говоровъ, могли повести еще къ худшему искаженію, въ устахъ самихъ Штокавцевъ, разительный примѣръ чего Мажураничъ видитъ въ прилагательномъ племенѝт (благородный). Племенѝт — такъ произносятъ это слово Чакавцы, и правильный выговоръ его, въ Штокавщинѣ, есть племѐнит; выговоръ этотъ могли перенять Чакавцы, при чемъ исказили его въ племе̏нит, а изъ этой уже формы Штокавцы сдѣлали плѐменит. Плѐменит просто въ силу аналогіи (плéме, племени) могло перейти въ пле̏менит, и незачѣмъ переводить его вторично въ чакавскія уста, какъ это дѣлаетъ Мажураничъ. Итакъ, въ этомъ словѣ рѣзкое ударѐніе, съ нѣсколькими остановками, перебралось съ конца слова на самое начало: племенѝт, племѐнит, племе̏нит, плѐменит, пле̏менит [2]). А въ такомъ видѣ Караджичъ слышалъ это слово и внесъ въ свой словарь, въ коемъ, кромѣ того, читаемъ еще и дòбровòљан, дрàговòљан, кòнопац, кòсмат, вм. добрòвòљан, драгòвòљан, конòпац, кòсмат, и много тому подобныхъ [3]).

---

[1]) Gj. Daničić. Prilog za istoriju akcentuacije hrvatske ili srbske. Rad Jug. Ak. XX, str. 152.

[2]) Мнѣ кажется, впрочемъ, что просто аналогія первообразнаго реченія пле̏ме могла оказать вліяніе на форму племѐнит и измѣнить ее въ пле̏менит.

[3]) Замѣчу отъ себя, что, предполагая взаимодѣйствіе штокавскаго и чакавскаго выговоровъ, вовсе не приходится предполагать постояннаго общенія Сербовъ съ приморскими Хорватами: старосербская акцентовка была та же чакавская и, конечно, не сразу перешла въ штокавскую, такъ, что было время, когда, въ теперешнихъ штокавскихъ областяхъ, мѣстами уже господствовала новая акцентовка, мѣстами держались еще старины; вотъ къ этому времени слѣдуетъ отнести взаимодѣйствіе Чакавщины и Штокавщины.

Иной разъ, такая порча произошла отъ иноязычнаго вліянія, особенно въ названіяхъ мѣстностей и фамильныхъ именахъ: слышится, нпр. по городамъ выговоръ Бје̏ловар, вм. Бјелòвāр; Ӧгулин, вм. Огу́лӣн; Зӧдарић, вм. Зида́рић; Јова́новић, вм. Јòвановић и т. п. Однако бо́льшая часть народа доселѣ держится правильнаго произношенія.

Имѣя въ виду отношеніе, существующее между акцентовками сербской и русской, по которому сербское удареніе приходится на одинъ слогъ ближе къ началу слова, чѣмъ русское, естественно было бы предположить, что русскимъ словамъ, съ удареніемъ на шестомъ и на седьмомъ слогѣ съ конца [1]), соотвѣтствуютъ сербскія, ударяемыя на *седьмомъ* и на *восьмомъ* (разумѣется, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда шестой или седьмой слогъ съ конца есть вмѣстѣ съ тѣмъ первый съ начала); но, въ дѣйствительности, слова этого рода не находятъ себѣ соотвѣтствія въ Сербскомъ языкѣ. Слова акцентуемыя у насъ на четвертомъ и на пятомъ слогѣ, также по большей части неупотребительны у Сербовъ; если жъ и употребляются, то обыкновенно — вслѣдствіе стяженія, отсутствія полногласія и т. д. — бываютъ на одинъ слогъ короче русскихъ, такъ что удареніе, будучи оттянуто, отстоитъ не дальше отъ конца, чѣмъ русское, а, оставшись на мѣстѣ, оказывается ближе къ нему: рус. восемна́дцатая, (со)оте́чественники, на́волоками — серб. осàмнаестā, òтаџбенӣци [2]), нàвлакама. Только отчасти свойственныя Сербскому языку сокращенія возмѣщаются сохраненіемъ конечнаго и въ инфинитивѣ, вокализаціею л и разложеніемъ, въ южномъ нарѣчіи, ѣ на ије: посѣ̀ять — пòсејати, навы́кнуть — нàвикнути, погорѣ̀льцы — погòреоци, весе́льце — вèсаоце, за́повѣдь — за́повијед, и́змѣнить — и́змијенӣ.

Такимъ образомъ, русскія слова, съ далеко отстоящимъ отъ конца удареніемъ, оказываются чуждыми Сербскому языку; но въ немъ есть свои слова, акцентующія пятый, шестой, а также седьмой и даже восьмой слогъ съ конца, нпр. нàбигузница parasita, пòзā̀мениџи, јàсиковина lignum populeum, дѐспотовина, цā̀риградā̀нка, ђу́туричā̀рка арендаторша, òнā̀јзовица анисовка, ка̀пларовица капралша, клокòчиковина фисташниковое дерево, седàмнаесторо, осàмнаесторо, девѐтнаесторо, дѐсетковати colligere decimas,

---

[1]) См. гл. I, стр. 22 — 23.

[2]) Мнѣ кажется несомнѣннымъ, что òтаџбенӣк и родственное ему òтаџбина искажены изъ *отачвенӣк, *отачвина, произведенныхъ отъ слова отачаство: наставку *ство*, отъ которой въ этихъ словахъ оставался одинъ звукъ в, смѣшали съ наставкою *ба*; говоря иначе, отачвина, отачвенӣк стали считать производными отъ небывалаго отаџба и примѣнили къ нему посредствомъ легкаго измѣненія.

ѝмиловати приласкать, — àлāјбеговица uxor ducis nobilium, àрāнђеловица = аранђелов пост, прѝвизӯровица villici uxor, пàракамилāвка, ѝскорушовача рябиновая палка, рябиновка; дат. падежи мн. ч. цàригрaђāнкама, ђӯтуричāркама[1]), — ѝборлаћмановица Oberlieutenantsfrau; дат. падежи мн. ч. àлāјбеговицама, прѝвизӯровицама; нàчетворонбжӣ се (2 и 3 лицо аориста глагола начетворонбжити се), — дат. пад. мн. ч. ѝборлаћмановицама; такую же акцентную единицу представляетъ выраженіе нàчетворонбжӣ ми се[2]).

Прослѣдивши, главнымъ образомъ подъ руководствомъ Мажуранича, сербскую акцентовку, мы убѣдились, что видимое противорѣчіе между нею и акцентовкою Русскаго языка сводится къ стройному, постоянному соотвѣтствію, указывающему на первоначальное единство.

На поразительное сходство, которое, въ дѣлѣ размѣщенія удареній, представляютъ Русская рѣчь и Чакавщина, указалъ уже и самъ Мажураничъ, въ своей статьѣ «O važnosti akcenta hèrvatskoga za historiju Slavjanah»[3]). Въ этой статьѣ авторъ излагаетъ, между прочимъ, законъ Миклошича объ ударѣніи полногласныхъ слоговъ[4]), до котораго онъ, повидимому, дошелъ независимо отъ него. Затѣмъ онъ приводитъ нѣсколько словъ неодинаково акцентуемыхъ Русскими и Чакавцами, причемъ замѣчаетъ, что такихъ словъ не много, и что было бы даже странно, если бъ ихъ совсѣмъ не оказывалось.[5]) Этимъ, однако, и ограничивается значеніе Мажураничева разсужденія: кромѣ того, мы въ немъ находимъ только краткое извлеченіе изъ его же «Хорватской грамматики» и совершенно неосновательные выводы историческаго характера. Послѣдніе состоятъ въ томъ, что 1) Иллирія еще до пришествія Сербовъ и Хорватовъ была населена какимъ-то славянскимъ племенемъ и 2) — что Русскіе славяне, дѣйствительно, пришли на Русь изъ Иллирика, какъ говоритъ Несторъ. На чемъ же основаны эти выводы? Основаны они на убѣжденіи, что перемѣна чакавской акцентовки на штокавскую могла совершиться только подъ вліяніемъ иностраннаго, пришлаго элемента, и, притомъ, такого, который былъ сродни туземному и легко могъ съ нимъ смѣшаться и слиться. Поэтому Ма-

---

[1]) Съ этими словами сходно отмѣченное уже выше выраженіе обссѐлили смо му се.

[2]) Бо́льшая часть приведенныхъ здѣсь примѣровъ взята у Даничича. Slav. bibl. B. I, S. 99—100.

[3]) Programm des k. k. Gymnasiums zu Agram am Schlusse des Schuljahres 1863.

[4]) См. выше, стр. 39.

[5]) Отмѣченныя у Мажуранича реченія будутъ указаны и по возможности объяснены впослѣдствіи, въ гл. VI.

журaничъ предполагаетъ, что Иллирикъ сперва былъ населенъ славянскимъ племенемъ, державшимся чакавской акцентовки, въ среду котораго, впослѣдствіи, явились переселенцы-штокавцы; а такъ какъ Исторія повѣствуетъ всего объ одномъ переселеніи славянъ въ эти страны, то онъ извѣстныхъ намъ переселенцевъ, Сербовъ и Хорватовъ, и считаетъ тѣми пришельцами-штокавцами, которые уже застали въ Иллиріи другихъ славянъ, чакавцевъ, очевидно, бывшихъ ея исконными обитателями. Если жъ Иллирійцы, такимъ образомъ, были славяне и, по акценту, чакавцы, то Русскихъ, которые держатся той-же акцентовки, весьма естественно считать вѣтвію Иллирійцевъ. — Какъ видно, вся эта теорія основана на предвзятомъ мнѣніи, что штокавская акцентовка не могла естественнымъ образомъ выработаться изъ чакавской, что одинъ и тотъ-же народъ не могъ произносить слова сначала на чакавскій ладъ, а впослѣдствіи систематически переиначить выговоръ. Конечно, нельзя утверждать, чтобы было вполнѣ ясно и понятно, какъ могъ совершиться этотъ переворотъ, но, все-таки, онъ нисколько не удивительнѣе массы другихъ языковыхъ перемѣнъ, которыя преспокойно принимаютъ къ свѣдѣнію, не строя изъ-за нихъ гипотезъ о какихъ-нибудь постороннихъ вліяніяхъ: развѣ мы знаемъ, нпр., почему Италійцы столько вѣковъ произносили gener, regius, а впослѣдствіи, вмѣсто ge, gi, стали произносить dže, dži, (итал. genero, regio = dženero, redžo)? Кромѣ того, гипотеза Мажуранича вовсе не устраняетъ загадочнаго перехода отъ чакавской акцентовки къ штокавской, а только переноситъ его на другую почву: если Иллирійцы и Сербо-хорваты были родственные народы, вѣтви одного племени, то и языкъ у нихъ былъ первоначально одинъ, и акцентовка была одна и та-же; если-жъ въ VII-омъ вѣкѣ они расходились въ этомъ отношеніи, то, очевидно, Сербо-хорваты еще ранѣе, живя гдѣ-нибудь въ Карпатахъ, измѣнили старому словоударенію.

Вообще говоря, мнѣ, положительно, непонятно, какъ Мажураничъ, подмѣтивши отношеніе чакавской акцентовки къ штокавской и къ русской, могъ прійти къ подобной теоріи, вмѣсто того, чтобы сдѣлать изъ него самый простой и естественный выводъ, что чакавская акцентовка, которая лежитъ въ основаніи штокавской и сходна, по мѣсту ударенія, съ русскою, есть, по всей вѣроятности, *древняя общеславянская*, или, по крайней мѣрѣ, общая *юговосточная* акцентовка. Это предположеніе, на которое меня навела грамматика Мажуранича, при ближайшемъ ознакомленіи съ языками Словенскимъ и Болгарскимъ, мало-по-малу переходило въ полную увѣренность. Впрочемъ, оно не мною впервые высказывается: его высказалъ уже Потебня, въ статьѣ о полногласіи, и Бодуэнъ-де-Куртенэ, а у Словенцевъ—

Шкрабецъ[1]); но смѣю надѣяться, что въ настоящемъ изслѣдованіи мнѣ удастся обставить его бо́льшимъ числомъ доказательствъ.

Подобно Мажураничу, и Даничичъ[2]) не допускаетъ, что бы изъ чакавской акцентовки сама собою могла выработаться штокавская, и выставляетъ гипотезу, что онѣ обѣ отступили отъ общесербской старины. По предположенію Даничича, общесербская акцентовка и на тѣ слоги, которые мы, вмѣстѣ съ Мажураничемъ, считаемъ вторичноударенными, полагала ударе-ніе, правда, второстепенное, но довольно сильное[3]): произносили какъ-бы вòдȁ, вòдé, и изъ этихъ формъ, путемъ утраты у однихъ перваго ударенія, а у другихъ—второго, развились и чакавскія водȁ, водé, и штокавскія вòда, вòдē (по Дан. вòдē). Почтенный ученый, очевидно, основывается на вполнѣ справедливой мысли, что слабый неударяемый слогъ не въ состояніи низложить сильный ударяемый и самъ стать на его мѣсто. Въ самомъ дѣлѣ, нпр. при русскомъ произношеніи, скрадывающемъ неударяемые гласные, это просто немыслимо; но, какъ вообще сербо-хорватскій выговоръ, такъ и выговоръ Чакавцевъ отличается ясностью и отчетливостью, и въ немъ не замѣчается столь рѣшительнаго преобладанія ударяемыхъ слоговъ надъ безударными, благодаря чему переходъ ударенія значительно облегченъ. Кто не удовлетворяется такимъ соображеніемъ, тотъ, конечно, не удовлетворится и гипотезой Даничича и спроситъ, ка́къ это у Штокавцевъ *второ-степенное* удареніе могло возобладать надъ главнымъ? Итакъ, предполагаемая Даничичемъ сербо-хорватская праакцентовка, съ одной стороны, мало содѣйствуетъ объясненію дѣла, съ другой, она, какъ мнѣ кажется, вовсе не вытекаетъ изъ фактовъ, столь старательно собранныхъ имъ во «Вкладѣ въ исторію сербской или хорватской акцентуаціи». Въ этой статьѣ авторъ собралъ богатый матеріалъ словъ, изъ письменности XIII—XVII в., по написанію которыхъ можно судить объ ихъ акцентовкѣ. Послужившіе ему памятники суть: Миклошичевы Monumenta serbica, spectantia historiam Serbiae, Bosnae, Ragusii. Viennae 1858; загребская рукопись чтеній изъ Ветхаго и Новаго Завѣта Nika Ranjine (1503) и нѣсколько старопечатныхъ книгъ, какъ то: Basilija Gradića Libarce od djevstva (1567) и Libarce vele

---

[1]) А. Потебня. О полногласіи, стр. 44. И. Бодуэнъ-де-Куртенэ. Бохинско-посавскій говоръ (Отчеты. Казань 1877), стр. 53 и 77. P. Škrabec. O glasu in naglasu našega knjižnega jezika. Programm des k. k. Gymnasiums zu Rudolfswerth (Novomesto) am Schlusse des Schuljahres 1870.

[2]) Prilog za istoriju akcentuacije hrvatske ili srpske. Rad Jugoslav. Akad. Knj. XX. str. 231—233.

[3]) Akcentuacija doticala se oba sloga (po mom mišljenju još jače što se sada dotiče prvoga sloga u štokavaca a drugoga u čakavaca). Rad. XX, str. 232.

duhovno i bogoljubno od molitve i kontemplanja (того же года); *Šimuna Budinića Ispravnik za erei ispovidnici i za pokornih (1582); *Fausta Vrančića Dictionarium quinque nobilissimarum Europae linguarum, latinae, italicae, germanicae, dalmaticae et ungaricae (1595); Arkangjelo Gučetića Rozario (1597); Dinka Zlatarića Elektra tragedia, Ljubmir pripovies pastirska и Ljubav i srmt Pirama i Tizbe (того же года); *Fausta Vrančića Život nikoliko izabranih divic (1606); Ivana Bandulavića Pištole i evangelja priko svega godišta (1613) и Jakova Mikalja Blago jezika slovinskoga (1649). Изъ этихъ книгъ тѣ, которыя отмѣчены звѣздочками — одна Будиничева и двѣ Врапчичевы — писаны на чакавскомъ нарѣчіи[1]). Въ перечисленныхъ памятникахъ встрѣчаются слѣдующіе пять знаковъ просодійнаго характера: 1) удвоеніе гласныхъ, 2) удвоеніе согласныхъ, 3) грависъ, 4) акутъ, 5) циркумфлексъ.

Изъ указанныхъ знаковъ наиболѣе обычны первые два: они встрѣчаются повсюду и исключительно господствуютъ въ грамотахъ[2]) и у Раньины; самый рѣдкій знакъ — циркумфлексъ: онъ попадается только въ словарѣ Врапчича, да и тамъ изрѣдка. Значеніе этихъ знаковъ, какъ замѣчаетъ самъ Даничичъ, довольно неопредѣленное—всѣ они употребляются въ перемѣшку: имѣлось въ виду отмѣтить тѣмъ или другимъ способомъ слогъ, по чему-либо выходившій изъ ряда вонъ; но закючалась ли его особенность въ долготѣ, или въ удареніи, и въ какомъ именно, на то не обращали вниманія. Удвоеніе гласныхъ встрѣчаемъ не только въ долгихъ слогахъ, какъ люу̑ди Mon. 368, kljuun Vran. rječ. 91., miir Bud 5, naačinь Mon. 458, suudca Ranj. 67 (љу̑ди, кљу̑н, ми̑р, на́чин, су́ца род. ед.), но и въ краткихъ: слоωво Mon. 156, наамь Mon. 554, saan Vran. rječ. 49, puustoš Band. 5, хрисоωвоуль Mon. 161, planiine род. ед. Band. 117, oona Vran. živ. 84 (= сло̀во, на̀м — или скорѣе на̀м, безъ ударенія, — са̀н, пу̑сто̄ш, хрисо̀вуль, плани́не̄, о̀на). Точно такъ же, удвоеніе согласныхъ, которому слѣдовало бы оставаться принадлежностью однихъ краткихъ слоговъ, появляется и въ долгихъ: рядомъ съ селла вин. мн. Mon. 106, babba Mik., lippa Vran. rječ. 107, čuddo Band. 10, ogganj Band. 7, starinna Mik., čello Ranj. 56 (се̑ла, ба̑ба, ли̑па, чу̑до, о̀гањ, стари́на, чѐло) мы читаемъ баннь Mon. 106, mukka род. мн. Grad. duh. 13, glassom Ranj. 69, putti Grad. duh. 7, hvalla Ranj. 85 b., svilla Ranj. 187 b. (= ба̑н, му̑ка̄, гла̑сом, пу́ти, хва́ла, сви́ла). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, можетъ быть,

---

[1]) Впрочемъ, изъ употребленія ими словечка ča и бессуффиксныхъ родительныхъ вовсе еще не слѣдуетъ, что бы эти писатели держались чисто-чакавской акцентовки.

[2]) Удвоеніе согласныхъ въ грамотахъ встрѣчается весьма рѣдко.

удвоеніе согласныхъ, обозначая краткость одного слога, указываетъ косвеннымъ образомъ на долготу другого: чакавецъ Врančичъ едва-ли произносилъ sàpȗn, žȕpān, ȍpēt и, какъ мнѣ сдается, посредствомъ написанія sappun rječ. 121, župpan ib. 113, oppeť ib. 27 хотѣлъ выразить только количественное соотношеніе слоговъ, изъ коихъ первый кратокъ, а второй дологъ.

Грависъ стоитъ на краткихъ слогахъ въ словахъ gȁd Mik., bȍgu Band. 23, vùna Band. 63, rȍsa Mik., svèmu Band. 223 (= гȁд, бо̏гу, вȕна, рȍса, свѐму), но онъ не чуждается и долгихъ: drùg Mik. 19, glàs Band. 48, rùke Grad. duh. 52, brȁde род. ед. Mik. 241, ùsta Band. 210 (= дрȗг, глȃс, рȗке, брáдē, у́ста). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ грависъ приходится принимать за знакъ неударяемой краткости: gnjidà, Vran. rječ. 55, jamà ib. 18, kožà ib. 75, guslè им. мн. ib. 58, knjigè ib. 55, villè ib. 40, nevoljè Zlat. 56 b., blatò Vran. rječ. 58, dilò ib. 119, plemè ib. 41. (= гњȉда, јȁта, ко̀жа, гȕсле, књȉге, вȉле, нѐвоље (им. пад.), блȁто, дȉло, плѐме): чтобы эти слова произносились съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ, просто немыслимо. Иногда грависъ служитъ знакомъ неударяемой долготы, нпр. въ родит. падежахъ kućè Zlat. 25, nedeljè Grad. duh. 48, ranà Grad. djev. 156, urà Grad. duh. 55 (= кȗћē, нѐдељē, рȃнā, ȗрā).

Акутъ также не имѣетъ опредѣленнаго значенія: онъ служитъ знакомъ долготнаго удренія, нпр. въ словахъ vúk Band. 15, zúbi Band. 37, hlád Mik. 131, lánac Mik., súdac Band. 86, redovníku Band. 22 (= вȗк, зȗби, хлȃд, лáнац, су́дац, редовни́ку), но пишется онъ и на такихъ слогахъ, на которыхъ мы поставили бы простой или двойной грависъ: ótac Band. 15, várhove Band. 213, gustína Mik., bát Vran. rječ; kónj Mik. 569, brátja Band. 44 (= о̀тац, вȕрхове, густи̏на, бȁт, ко̀њ, брáћа). Далѣе, акутъ служитъ знакомъ неударяемой долго́ты: vjerré Zlat. 4., nepravdé Band. 95, istinóm Zlat. 79, dubravá род. мн. Zlat 71. b., posálá Mik. 152, stínа́ Mik. 570. (= вјȇрē, нѐправдē, ȉстино̄м, дȗбрāвā, посáлā, сти́нā).

Иногда на одномъ и томъ-же словѣ, даже у одного и того-же писателя, встрѣчаемъ разныя просодіи: слово глȃс у Бандулавича пишется и glás 4 и glàs 48, род. мн. къ слову дȇло у Градича пишется разъ djella duh. 37, разъ — djellàa duh. 17, разъ — djellaà. duh. 54. Послѣдній примѣръ представляетъ одновременное примѣненіе двухъ или даже трехъ просодійныхъ знаковъ.

При такой запутанной системѣ просодій, изслѣдованные Даничичемъ памятники не даютъ почти никакихъ ясныхъ и несомнѣнныхъ данныхъ объ акцентовкѣ: постоянно является сомнѣніе, слѣдуетъ ли видѣть въ какой-нибудь просодіи знакъ удренія, или знакъ долготы или краткости. Нпр., изъ написаній slúga Band. 8, stríla Mik., tùzi Band. 30, ùsta Band. 210 вовсе

не слѣдуетъ, что бы удареніе было на первомъ слогѣ: можетъ быть, произносили по чакавскому способу слȳга̏, стрȋла̏, тȳзи̏, ȳста̏. Попадаются, впрочемъ, примѣры, на счетъ акцентовки которыхъ не можетъ быть никакого сомнѣнія — такъ, въ словахъ prinése Band. 71., bójati se Band. 50, gnusóba Mik., ròsa Mik., rèći Band. III, акутъ и грависъ, коими отмѣчены краткіе слоги, рядомъ съ другими краткими, очевидно суть настоящіе знаки ударенія, и мы смѣло можемъ читать принѐсē, бòјати се, гнусòба, рòса, рѐки. Подобнымъ же образомъ, мы и слова lovàc Mik., ogànj Band. 155., trnokòp Mik., blažénc род. ж. р. Band. XXI, popóvskoga Band. 97., lagàti Mik. 617, izgoríti Band. 240., нисколько не сомнѣваясь, произнесемъ лова̏ц, огна̏ањ, търнокȍп, блажѐнē, попȍвскōга, лага̏ти, изгори̏ти. Что̀ же доказываютъ приведенные случаи и подобные имъ? То̀, что разобранные у Даничича авторы произносили одни слова со штокавскими ударѐніями, другія — съ чакавскими. Слѣдуетъ ли, вмѣстѣ съ Даничичемъ, приписывать подобную смѣшанную акцентовку и языку чакавцевъ Будинича и Вранчича, я не знаю: на основаніи одного примѣра, который можетъ быть даже опечаткою или опискою (pòstavili Vran. živ. 52) я не рѣшаюсь это утверждать, а въ написаніи nè može Vran. živ. 19, sà mista ib. 71, ù jamu ib. 5, ù kuću ib. 6, ù snu ib. 84, pò nju ib. 9, ù njih ib. 113, по всей вѣроятности, слѣдуетъ видѣть просто орѳографическую прихоть, желаніе дать нѣкоторую опору «маленькому слабому словечку»[1]); вѣдь пишетъ же Вранчичъ, а также и другіе, dò koonca Vran. živ. 114., dò dúše Band. 28, dò toliko vrimena Bud. 116, dò uskrsa Band. 24, kà vratoom Vran. živ. 54, nà puutu Vran. živ. 46., nà zemlji Guč. 3., ò gráni Zlat. 69, ò desnu Bud. 70, ò kojoj Bud. 115, pò proroku Bud. 14, ù hladu Zlat. 45 b., ù luugu Band. 29. ù nebesih Vran. živ. 20, ù gori Zlat. 39. b., ù selu Mik. 220, между тѣмъ какъ въ этихъ случаяхъ и въ настоящее время не происходитъ прислоненія, а въ старину его и подавно не могло быть, хотя Даничичъ — на какомъ основаніи? — готовъ это допустить.[2]) Даничичъ, какъ мы видѣли, пришелъ къ выводу, что акцентовка далматинцевъ-штокавцевъ XV—XVII в. еще сильно отзывалась чакавщиной. Изъ этого, кажется, прямо слѣдуетъ, что въ это время происходилъ — и до сихъ поръ не вездѣ до-

---

[1]) Возможно также, что грависы суть знаки звукового единства, но грамматической отдѣльности словъ, въ какомъ значеніи эти акценты иногда употребляются, напр., у Джорджича: nèvidîme (не видитѣ ма), pustiòsàmse (поустилъ есмѣ сѧ) Della Bella Dizionario 1875. Предисл. VI.

[2]) Je li u tijem primjerima doista bio akcenat na prijedlogu, ne znam za cijelo, ali bih prije rekao da jest. Rad. XX, str. 230.

вершившійся — переходъ отъ чакавской акцентовки къ штокавской, который, разумѣется, могъ начаться гораздо ранѣе; словомъ сказать, собранные Даничичемъ факты служатъ въ подтвержденіе теоріи Мажуранича. Однако Даничичъ, подмѣтивши не только чакавскія ударенія у штокавцевъ, но и, наоборотъ, штокавскія у чакавцевъ (у Будинича и у Вранчича) — которыя или вовсе не существуютъ, или легко могутъ быть объяснены смѣшеніемъ чакавскаго выговора со штокавскимъ — не дѣлаетъ этого единственно естественнаго вывода, а разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ: и у штокавцевъ, и у чакавцевъ является то штокавское ударѐніе, то чакавское — значитъ, въ ихъ произношеніи одновременно господствовало и то, и другое, т. е. еще въ половинѣ XVII столѣтія не существовало ни чакавской, ни штокавской акцентовки, а господствовала своеобразная двуслоговая акцентовка. Но развѣ это вѣроятно? И развѣ это слѣдуетъ изъ разсмотрѣнныхъ памятниковъ? Нисколько; выписки же *Новаковича* изъ двухъ старопечатныхъ сербскихъ книгъ, изъ Черноевичевой псалтыри (1495) и изъ Вуковичевыхъ Зборниковъ за путнике (1520)[1]), рѣшительно свидѣтельствуютъ о существованіи еще въ XV столѣтіи теперешней штокавской акцентовки.

Встрѣчаются, правда, уклоненія отъ нея, по большей части, сближающія выговоръ съ русско-чакавскимъ, нпр. ѣдѧ́мѧ, невѣ́рно, тєуе́нїе, єдѝнѧ, оу҃бѝти, боя́тисѧ ꙁаоу҃дета и т. д.; лишь три—четыре слова имѣютъ совсѣмъ странную акцентуацію: соу́єта, тє́гота, ѭно́ша[2]). Какъ мы ни будемъ смотрѣть на чакавизмы въ акцентуаціи этихъ книгъ — отступленія другого рода столь немногочисленны, что могутъ быть сочтены за опечатки и за ошибки, — во всякомъ случаѣ надо признать, что сербская акцентовка, вообще говоря, и въ тѣ времена была штокавская, развѣ, что нѣкоторыя слова имѣли чакавское ударѐніе, или колебались между штокавскимъ и чакавскимъ. (Замѣчаніе Новаковича, что ударѐніе въ изслѣдованныхъ имъ книгахъ чаще приходится на коренной слогъ, нежели въ нынѣшнемъ языкѣ, мнѣ кажется невѣрнымъ, и во всякомъ случаѣ маловажнымъ). Хотя языкъ Черноевича и Вуковича есть церковнославянскій, но акцентуацію ихъ я,

---

[1]) Новаковић, Стојан. Акценти штампаних српско-словенских књига црногорских и млетачких. На по се штампано из Гласника српског ученог друштва књиге XLIV. У Београду 1877.

[2]) Не отношу къ странностямъ этого рода написанія боѝнѧ, въ таѝнѣ, послоу҃шаѝте и т. п., которыя легко объясняются подражаніемъ греческому обычаю ставить просодію надъ второй гласною дифтонга: когда грекъ писалъ нпр. αὔχημα, βασιλεύς, а произносилъ а҆фхима, василе́фс, тогда и сербъ, произнося војно, у тајне, послушајте, могъ поставить просодію надъ и. Впрочемъ, просодія въ такихъ случаяхъ является также надъ первою гласною: нпр. въ та́инѣ.

вслѣдъ за Новаковичемъ [1]), смѣло принимаю за старосербскую, такъ же, какъ акцентуацію нашихъ церковныхъ книгъ — за старорусскую.

Къ этому историческому экскурсу, кажется, удобнѣе всего будетъ присоединить краткій очеркъ исторіи сербо-хорватской акцентуаціи.

Отъ Даничича мы уже узнали, что первыя попытки обозначать удареніе и тѣсно связанное съ нимъ количество восходятъ къ XIII столѣтію: въ грамотахъ онъ указалъ на употребленіе съ такою цѣлью, правда рѣдкое, удвоенныхъ гласныхъ, а иногда и согласныхъ. Рукописи и старопечатныя книги XV и XVI ст. щедро разукрашены акутами, грависами, двойными грависами, циркумфлексами (= каморами; послѣднія встрѣчаются довольно рѣдко), а также псилами и дасіями (знаками «тонкаго» и «густого» придыханія). Новаковичъ въ вышеупомянутомъ изслѣдованіи объ акцентахъ Черноевичевой псалтыри и житій св. Петки и Георгія (въ Божидаровыхъ Зборникахъ за путнике), по которымъ, кажется, не безъ основанія можно заключать и о другихъ произведеніяхъ тогдашней письменности, пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ объ употребленіи ихъ, прямо вытекающимъ изъ приводимыхъ имъ многочисленныхъ примѣровъ:

1. Отмѣчается обыкновенно только главное удареніе акцентныхъ единицъ, и знакомъ его служитъ акутъ, безъ различія, какъ на долгихъ гласныхъ, такъ и на краткихъ.

2. Грависъ обозначаетъ второстепенное удареніе и чаще всего пишется въ концѣ словъ; въ большей части случаевъ онъ, повидимому, указываетъ на долготу. Иногда, впрочемъ, этотъ знакъ выражаетъ главное удареніе. (Не только долготное — какъ можно бы заключить изъ неточнаго выраженія Новаковича: с того, што бележи дужину, често врши и службу оксијину, те бележи и акцентовано место,—но и краткостное: у Черноевича читаемъ, нпр. вòда, мòшти, пѐснь, рàбь, рèшти, сèбѣ, слàва, сèго, тòму = вòда, мо̑шти, пѐсма, ро̑б, рèшти, сèби, сла̑ва, сèга, тòму).

3. Двойной грависъ довольно послѣдовательно пишется на долгихъ гласныхъ, нпр. въ окончаніяхъ членныхъ прилагательныхъ. (Выраженіе Новаковича «готово правилно» мнѣ казалось нужнымъ еще умѣрить, въ виду весьма многочисленныхъ случаевъ, въ которыхъ или неударяемыя долготы остались неотмѣченными этимъ знакомъ, или онъ, напротивъ того, является на краткихъ гласныхъ).

4. Циркумфлексъ служитъ замѣною двойного грависа, и потому также можетъ быть принятъ за знакъ долготы.

Вотъ, что мы узнаемъ изъ труда Новаковича объ употребленіи просо-

[1]) Новаковић. Акценти српско-словенских књига, стр. 151.

дій, въ тѣсномъ смыслѣ слова. Что жъ касается псилы, то этотъ знакъ, указывающій на начало словъ и слоговъ и нерѣдко замѣняющій іотацію, имѣетъ для акцентуаціи лишь то значеніе, что вызвалъ во многихъ случаяхъ совершенно излишнія и неумѣстныя просодіи: въ началѣ словъ, по ошибкѣ, а можетъ быть и для пущей важности, вмѣсто простой псилы, нерѣдко поставлена псила съ акутомъ. Только такъ я могу объяснить себѣ появленіе акута на первомъ слогѣ въ словахъ ᾽Αθάνασίε, ᾽Исповѣдати (= исповѣдати), ᾽исцѣлѣти, оу᾽пованіе, оу᾽жасноути се Бож., ѡ̃сновати, оу᾽покати Черн.

У далматинцевъ XV—XVI столѣтія мы также видѣли просодіи—грависъ и акутъ (у Вранчича также и циркумфлексъ) и замѣтили уже, не проведенную еще послѣдовательно, тенденцію отмѣчать краткостныя ударенія посредствомъ удвоенія согласныхъ или посредствомъ грависа, а долготныя посредствомъ удвоенія гласныхъ или посредствомъ акута. Только позже (въ XVII ст.?) удвоеніе согласныхъ дѣлается исключительно достояніемъ краткихъ слоговъ, по преимуществу рѣзкоударныхъ: klatti, brigga, okko, nebbo, djello, mjerra, kikka, cjuddo = клѧ̀ти, брѝга, о̏ко, нѐбо, дѐло, мѐра, кѝка, чу̏до. Встрѣчается удвоеніе согласныхъ и въ слабоударныхъ, нпр. sello, csello, smolla, nebbessa Volt. = сѐло, чѐло, смо̀ла, небѐса; возможно, впрочемъ, что Вольтидджи и другіе писавшіе подобнымъ образомъ вовсе не знали слабаго ударенія и произносили въ этихъ случаяхъ рѣзкое. Вполнѣ послѣдовательно удвоеніе согласныхъ, въ знакъ рѣзкаго ударенія, не проводилось: Вольтидджи пишетъ нпр. grabiti, sctuka, knjiga, grixa = гра̏бити, шту̏ка, кньи̏га, гри̏жа. Удвоеніе согласныхъ было въ употребленіи не только въ словаряхъ и грамматикахъ, но и въ житейскомъ обиходѣ. — Такое правописаніе имѣло то неудобство, что, при стеченіи двухъ или болѣе согласныхъ, ударепіе оставалось безъ обозначенія: рѣдко кто рѣшался написать, нпр., bissmo Ranj. 45, а писали просто cesta, sablja, pticsica, rusciti = цѐста, са̏бља, пти̏чица, ру̏шити. То-же самое приходилось дѣлать въ концѣ слова и передъ гласными, нпр. въ словахъ зло̏, дно̏, зна̏о, би̏о[1]). Для устраненія этого неудобства и чтобы имѣть возможность всегда обозначать рѣзкое ударепіе прямымъ, а не косвеннымъ образомъ, Караджичъ придумалъ и впервые употребилъ въ своемъ словарѣ знакъ двойного грависа.

---

[1]) Впрочемъ, невозможность отмѣтить ударепіе въ словахъ, какъ зна̏о, би̏о, совсѣмъ не бѣда: передъ вокализованнымъ л гласные всегда бываютъ кратки и, если припимаютъ ударепіе, то не иное, какъ рѣзкое: не только при женской формѣ зна̏ла, би̏ла, стоятъ мужескія зна̏о, би̏о, но также и рядомъ съ формами бра̏ла, би̏ла (была̏), бе́ла (бѣла̏) являются бра̏о, би̏о, бе̏о.

Первый грамматикъ, обратившій вниманіе на сербо-хорватскую акцентовку, насколько мнѣ извѣстно, былъ *Кашичъ*[1]); но его грамматики я въ рукахъ не имѣлъ. Насколько можно заключать изъ примѣровъ, выписанныхъ у Ягича[2]) — telèta, ditèta, vodìca, divìca, dvà gospodìna, oví gospodár, jedíni, jedína, jedíno, jednák, jednáko, dvadesét, petdesét, sto tisúch, blaxeníji, blaxenija, blaxeníje, s'manóm, s'tabbóm, sà sobbóm, — Кашичъ держался чакавской акцентовки, но отличалъ только двоякое удареніе, вмѣсто троякаго, смѣшивая въ одно нисходящее и восходящее ударенія, а для обозначенія ударений употреблялъ надъ краткими гласными грависъ, надъ долгими — акутъ.

Делла-Белла, въ предисловіи къ своему словарю[3]), различаетъ три ударенія: рѣзкое, нисходящее и восходящее, которыя онъ обозначаетъ знаками грависа, акута и циркумфлекса и называетъ соотвѣтствующими этимъ знакамъ терминами (grave, acuto, circonflesso). Его опредѣленія ударений отчасти навѣяны этою терминологіей: по его словамъ грависъ указываетъ на сжатый выговоръ, не сопровождаемый ни модуляціею, ни повышеніемъ голоса, и придаетъ слогу такой *вѣсъ*, какого не имѣютъ слоги, не отмѣченные такимъ знакомъ[4]), нпр. pàs песъ, tìh, svàrha (свѣрха), ponòsno гордо, izkìnuti вырвать. На слогахъ отмѣченныхъ акутомъ происходитъ повышеніе голоса[5]), нпр. zábušiosam hò confuso, zláto, zéc заяцъ, takí, djevójčica, millós. Эти реченія мы, по способу Караджича, написали бы зâбушиосам, злâто, зêц, такî, девôјчица, милôст. Циркумфлексъ указываетъ на присущую слогу долготу и извѣстную модуляцію голоса[6]), нпр. rûka, kâzati ljûbiti, brâda — по Караджичевой орѳографіи ру́ка, ка́зати, лю́бити, бра́да. Делла-Белла отмѣчаетъ также, что удареніе въ Сербо-хорватскомъ языкѣ иногда служитъ для различенія подобозвучныхъ словъ или формъ, какъ то: sûd, sûda (= су́д, су́да) судъ — súd, súda (сӯд, сӯда) сосудъ (vaso); lûg, lûga (= лу́г, лу́га) зола — lúg, lúga (= лӯг, лӯга) лѣсъ; stûp, stûpa (= сту́п, сту́па) orina — stúp, stúpa (= стӯп, стӯпа) colonna[7]); imáh (= имâх) io haveva — imàh (= имâх) io hebbi, imáše on (= имâше

---

[1]) Institutionum linguae illyricae libri II. Romae, 1604.

[2]) V. Jagić. Gramatika jezika hèrvatskoga. U Zagrebu 1864, str. 63.

[3]) Dizionario italiano latino illirico. In Venezia 1728.

[4]) La sua forza è deprimere il tono non inflettendolo, nè alzandolo e dare alla sillaba una tal *gravità*, quale non hà la sillaba non segnata con tale Accento.

[5]) La sillaba segnata con quest' accento alza il suo tono.

[6]) Il circonflesso inflette il suono della sillaba sù la quale è notato, e l'allunga.

[7]) Въ Вуковомъ словарѣ стӯп, сту́па = рус. столпъ, столпа́.

он) haveva quello — imaše (îмаше) hebbero; Lúka (= Лу̑ка) имя собств. — lûka (= лу́ка) гавань.

Болѣе поздніе словарники Вольтидджи[1]) и Стулли[2]) не лучше Делла-Беллы, а, напротивъ того, менѣе точно отмѣчаютъ ударенія: первый вовсе не употребляетъ просодій и только рѣзкое удареніе (не отличаемое отъ слабаго) обозначаетъ посредствомъ удвоенія согласныхъ буквъ, примѣры чему уже приведены выше[3]). Стулли ограничивается двумя просодіями — грависомъ, для краткихъ слоговъ, и знакомъ долготы, для долгихъ — и вовсе не отличаетъ восходящаго ударенія отъ нисходящаго: онъ пишетъ нпр. cjelìna, dalèko, bràcha, ogràda, dūb, blāgo, brāda, rūka = целѝна, далѐко, бра̏ћа, огра̏да (акцентовка — чакавская, по-штокавски должно произносить о̀града; впр. у Караджича читаемъ о̏града), дӯб, бла̑го, бра́да, ру́ка.

Акцентуаціи Делла-Беллы придерживается въ своей грамматикѣ Вѣкославъ *Бабукичъ*[4]). Бабукичъ, на сколько мнѣ извѣстно, первый далъ довольно вѣрное опредѣленіе нисходящаго и восходящаго ударенiй. Нисходящее удареніе, по его словамъ, izgovara se krĕpkim i po malu padajućim glasom: glás, klás, lúk (arcus), vrát, súd (vas) — наши гла̑д, кла̑с, лу̑к, вра̑т, сӯд — произносятся какъ-бы glàas, klàas, lùuk, vràat, sùud. При восходящемъ ударснiи, glas se iz slaba na krĕpčie podiže (i naglo pretergne — ?!): bân, bôr, sûd (judicium), lûg, rûka, dûša, sûša (siccitas), glâva, lûka (portus) — по нашей графикѣ, ба́н, бо́р, су́д и т. д. — произносятся baàn, boòr, suùd, luùg, ruùka, duùša, suùša, glaàva, luùka. — Акцентовка, какъ видно, у Бабукича получакавская.

Общепринятая въ настоящее время акцентуація принадлежитъ, какъ извѣстно, Вуку Стефановичу Караджичу. Выработалась она не съ разу: въ первыхъ сочиненіяхъ Караджича является нѣсколько иная система.

Въ Писменицѣ Сербскога їезика[5]) различаются слѣдующія четыре просодіи:

1. *Повышающая* просодія — пригласило подижуће (ˋ), коїе се пише над оним самогласним писменом, на коме се глас мало подиже и берзо изговара

---

[1]) Voltiggi, Jose. Ricsoslovnik. U Becsu 1802.

[2]) Joakima Stulli Dubrovcsanina Rjecsoslòxje. U Dubrovniku MDCCCVI.

[3]) См. стр. 73.

[4]) Osnova slovnice slavjanske narečja ilirskoga uredjena Věkoslavom Babukićem. U Zagrebu (1836). O naglasku str. 12 — 14. Измѣнилъ ли Бабукичъ свой взглядъ на это дѣло во второмъ изданіи этой грамматики (Ilirska slovnika. U Zagrebu 1854 [Kukuljević Bibliografija hrvatska]) сказать не умѣю.

[5]) Писменица Сербскога їезика, по говору простога народа написана. У Виенни, 1814, стр. 11. о Гласоудареньу.

н. п. нòга, вòда, рàна, врàна, кàд, сàд и пр. (Читай нòга, вòда, рâна, врâна, кâд, сâд).

2. Просодія *сильно повышающая* — пригласило преподижуће (ˆ), коїе се пише над оним самогласним писменом на коме се глас мало више подиже и развлачи, и од развлаченья мало сльедуїућему писмену предаіе н. п. блâго, дрâго, злâто и пр.

3. Просодія *удлиняющая* — пригласило одульуїуће (ˊ), коіе се пише над оним самогласним писменом, на коме се самом глас протеже, н. п. трáва, рáна, дýга, вóз, струк (= трáва, храна, дýга, вôз, струк). Послѣднія два слова попали сюда по ошибкѣ, и уже въ первомъ изданіи своего словаря Вукъ отмѣчаетъ ихъ тою же просодіею, какъ и слово блâго.—Какъ видно, перечисленныя три просодіи соотвѣтствуютъ, по нашей терминологіи, повышающаяся — рѣзкому и слабому удареніямъ, сильно повышающаяся — нисходящему, и удлиняющая — восходящему.

4. Четвертая просодія[1]) называется *сильно удлиняющею* — пригласило преодульуїуће (ˆ), коіе се пише надъ оним самогласним писменом, на коме се глас тако верло протеже да и сльедуіућим пьему самогласним писменима (їербо оно по наївише у среди, а ріедко на краіу или у почетку долази) од свога продуживаньа нешто предаіе н. п. десет льȗди, шест кôньа, седам іѣзика, и пр. (Читай льýдӣ, кóньā, јѣ̀зӣкā)[2]).

За исключеніемъ главы объ акцентовкѣ, мы въ Писменицѣ почти вовсе не находимъ просодій, которыя въ ней служатъ лишь для различенія подобозвучныхъ формъ, какъ и̏мена род. ед. ч. (читай и̏мсна), имѐна им. мн., имéна род. мн. (чит. имéнā). — Акутъ иногда употребленъ для обозначенія второстепенно-ударяемой долготы (!), нпр. могý = мòгӯ 3 л. мн.(стр. 28); моіи́ род. мн. (стр. 44); рукý, ногý, слугý = рȕкӯ, нȏгӯ, слȕгӯ род. мн. (стр. 25).

Во второмъ изданіи грамматики, при словарѣ 1818-го года, акцентуація является уже въ видоизмѣненномъ и усовершенствованномъ видѣ. Насчитываются, правда, тѣ же четыре ударенія, но уже сдѣлана оговорка, что рѣзкое удареніе бываетъ двоякое, т. е. болѣе рѣзкое и менѣе рѣзкое (= слабое) и первое, гдѣ это особенно нужно, отличено отъ второго удвое-

---

[1]) У Караджича она вторая: вообще, я совершенно измѣнилъ порядокъ перечисленія просодій, который самъ по себѣ неваженъ, но, при сравненіи между собой различныхъ системъ акцентуаціи, можетъ много содѣйствовать, или мѣшать наглядности.

[2]) Послѣдній примѣръ, очевидно, попалъ сюда по недосмотру, т. к. въ немъ е не долгій, а краткій. Впрочемъ, Караджичъ писалъ тогда также и Тȗрака род. мн. (во второмъ изданіи словаря: Тȗрāкā).

нѣсмъ просодіи: вòда, вòдē, вȍди, вȍду, вȍдо, вòдȏм, вòди; пàра = пара́ (монета) — пȁра = паръ, дыханіе и т. п. Насчетъ округленнаго циркумфлекса, служащаго знакомъ исходящаго ударенія, сдѣлано замѣчаніе, что этотъ знакъ произносится нѣсколько иначе, когда онъ стоитъ на первомъ слогѣ, чѣмъ когда стоитъ на какомъ-нибудь другомъ, что́ легко можно замѣтить въ словахъ пâмѣ̂ње, сȗдȋм, рâдȋм, шâрâм пестрю, вê̂жê̂м; т. е. высказывается сознаніе, что въ подобныхъ реченіяхъ только первое удареніе есть главное, а второй слогъ имѣетъ удареніе второстепенное, или же вовсе не имѣетъ ударенія, а только дологъ [1]). Наконецъ, и объ угловатомъ циркумфлексѣ сказано, что онъ собственно имѣетъ двоякое значеніе: что, ппр., въ выраженіи «нас има седам дрȗга (произн. дрȗгā)» удареніе звучитъ протяжнѣе, чѣмъ въ выраженіи «десет лијепих дрȗга (= дрȗгā).» Такое же различіе замѣчается между «виђели смо на небу 10 дȗга (произн. дȗгā)» и «донијели смо сваки по 10 качних дȗга (произн. дȗгā),» и также между «десет грâпа (= грâнā)» и «допао рâна (= рâнā).» — Названія просодій, употребленныя въ Писменицѣ, въ Рѣчникѣ уже не являются: говорится просто о первой просодіи, о второй и т. д., о просодіи ˋ, о просодіи ˆ. Опредѣленія просодій измѣнены и получили слѣдующій видъ:

Первая просодія (ˋ) служитъ для обозначенія рѣзкаго произношенія — стоји над оним словом, ђе се глас оштро изговара.

Вторая (ˊ) обозначаетъ прямое протяженіе звука (глас се управо протеже — der Ton dehnt sich gerade aus.)

Третья (ˆ) выражаетъ то, что звукъ какъ-бы расплывается и округляется — глас се као округло разлази, der Ton geht rund aus.

Четвертая (ˆ) опредѣляется почти тѣми же словами, какъ и въ первомъ изданіи грамматики: глас се тако протеже, да од протезања прелази нешто и на друга слова, која иду за њим, н. п. нâво (чит. нáвō) нарочно и всѣ род. мн. ч., какъ десет љȗди. пет овâца, свију нâрода и т. д. [2]).

Во второмъ изданіи своего словаря Вукъ повсюду провелъ различіе между удареніями рѣзкимъ и слабымъ, вслѣдствіе чего ему пришлось отказаться отъ одного графическаго сокращенія, допущеннаго въ первомъ изданіи: онъ слова ȍвчāр, рȁтāр, рȁдōст, рȁњēње surrectio mattutina, нȍшēње, мȍтāње, гнȅцōван (хлѣб, male pinsitus), гȍлētан голый, безлѣсый, грȁђāнче и подобныя имъ не могъ уже отмѣчать однимъ циркумфлексомъ на второмъ слогѣ и на первомъ *подразумѣвать* грависъ, а долженъ былъ

---

[1]) См. нѣсколько ниже (стр. 79) мнѣніе объ этомъ предметѣ Даничича.

[2]) Вук Стефановић. Српски рјечник 1818. XXXVI. — Wuk Stephanowitsch kleine serbische Grammatik S. 19 — 22.

всякій разъ писать этотъ знакъ, то въ простомъ, то въ удвоенномъ видѣ. Относительно удареніа, обозначаемаго угловатымъ циркумфлексомъ, Караджичъ пришелъ къ тому убѣжденію, что такого удареніа вовсе не существуетъ, а бываетъ только то́, что послѣ слога съ нисходящимъ или съ восходящимъ удареніемъ идетъ еще одинъ, или два долгихъ слога: вмѣсто прежнихъ нâво, љу̑ди, нâрода, седâла, сêла, мїêста мы въ словарѣ 1852 года читаемъ нáвô, љу́дӣ, нáрôдâ, седáлâ, сêлâ, мјêстâ.

Въ предисловіи къ Пословицамъ и въ Письмѣ о сербской прозо́діи Вукъ также касается вопроса объ удареніяхъ. Въ первой изъ этихъ статей мы встрѣчаемъ термины: *глас оштар* = слабое удареніе, *глас врло оштар* = рѣзкое удареніе, и *глас округао* = нисходящее; восходящее же удареніе выражается описательно: «којега глас се управо протеже» или «слог се врло отеже» [1]). Въ Письмѣ о прозо́діи являются *глас најоштрији* (рѣзкое удареніе), *глас дугачки* (нисходящее) и *глас најдужи* (восходящее) [2]).

Терминологіей этихъ статей, очевидно, навѣяны теперешнія школьныя названія удареній у Сербовъ: *акценат кратки* (уд. слабое), *акц. врло кратки* (рѣзкое), *акц. дуги* (нисходящее) и *акц. врло дуги* (восходящее) [3]).

Установленіе весьма точной акцентуаціи для Сербскаго языка есть несомнѣнная заслуга Караджича; но нельзя не замѣтить, что его опредѣленія удареній носятъ какой-то поэтическій характеръ и мало имѣютъ общаго съ дѣйствительностью: удареніа восходящее и нисходящее вовсе не характеризуются ни большею или меньшею долготою, ни «прямымъ протяженіемъ» или «округленіемъ» звука, которыя существовали только въ воображеніи нашего изслѣдователя. Особенно жаль, что невѣрное представленіе о нисходящемъ и восходящемъ удареніяхъ побудило Караджича отступить отъ акцентуаціи Делла-Беллы: по какому-то наивному стремленію къ символизму (по крайней мѣрѣ, другой причины не видно), онъ «прямое протяженіе» звука сталъ обозначать прямою черточкою (ˊ), а «округленіе» его — округленнымъ циркумфлексомъ (ˆ). Такимъ образомъ, Караджичъ ввелъ, а труды Даничича, Миклошича и др. узаконили употребленіе акута и циркумфлекса, какъ разъ въ обратномъ значеніи, чѣмъ какое они имѣютъ у Делла-Беллы — Делла-Беллины zlâto, zêc, rûka, kâzati, по Караджичу пишутся злâто, зêц,

---

[1]) Караџић. Народне српске пословице, 1836, стр. XXIX и XXXIX = XXXI и XLI 2 изд.

[2]) Вука Стеф. Караџића писмо Јовану Стерији Поповићу о српској просодији. Slavische bibliothek, B. II, S. 235.

[3]) Бошковић, Јован. Извод из српске граматике. Свезка прва: о гласовима и речима, (7 издање, у Београду 1878). Это общераспространенная элементарная грамматика.

ру́ка, ка́зати. О такой перемѣнѣ надо жалѣть тѣмъ болѣе, что акцентуація Делла-Беллы почти вполнѣ сходна съ акцентуаціею, установленною для Литовскаго языка Куршатомъ, отъ которой мало чѣмъ разнится и латышская у Биленштейна[1]). Правда, разошедшись съ Делла-Беллою и съ Куршатомъ, Караджичъ за то приблизился нѣсколько къ греко-латинской акцентуаціи: его циркумфлексъ равенъ греческому циркумфлексу, акутъ — акуту, на долгихъ (см. выше, стр. 47—48); но это выгода небольшая. Несмотря на то, я не думаю, вмѣстѣ съ Мажураничемъ[2]), ратовать за возвращеніе къ старинѣ и уклоняться отъ правописанія Караджича.

Вукову акцентуацію, безо всякаго измѣненія, проводитъ въ своихъ сочиненіяхъ Даничичъ[3]): онъ настаиваетъ даже на томъ, что циркумфлексъ на первомъ слогѣ произносится точно такъ же, какъ и на прочихъ слогахъ, т. е., что, нпр., въ словѣ вѐжѐм вяжу (= вѐжѐм) оба *е* звучатъ совершенно одина́ково, и полемизируетъ противъ Миклошича[4]), въ Сравнительной фонетикѣ котораго высказанъ — по моему крайнему убѣжденію, весьма близкій къ истинѣ — взглядъ на эту просодію, по коему она только на первомъ слогѣ обозначаетъ удареніе, а въ другихъ случаяхъ — просто долготу.[5]) Опроверженіе Даничича есть, собственно говоря, circulus in demonstrando: вѣрность Караджичевой акцентуаціи доказывается на основаніи ея самой: онъ говоритъ, что нпр. слово раст, употребленное отдѣльно, *пишется* точно такъ же, какъ когда оно входитъ въ составъ предложнаго слова узраст или нарѣчеобразнаго выраженія уз раст (рâст, ỳзрâст, ỳз рâст) и что, значитъ, если во второмъ и третьемъ случаѣ считать его неударяемымъ, то приходится считать его неударяемымъ и въ первомъ; а такъ какъ это рѣшительно невозможно, то его слѣдуетъ считать ударяемымъ во всѣхъ трехъ случаяхъ. Выводъ, конечно, вѣрный, но вопросъ въ томъ, вѣрно ли его основаніе, т. е. вѣрно ли въ этомъ случаѣ правописаніе Караджича. Терминологіи у Даничича нѣтъ никакой: онъ говоритъ объ удареніи ´, объ удареніи ˋ и т. д.[6]).

---

[1]) Bielenstein, A. Lettische Grammatik. Mitau 1863. S. 6.

[2]) Mažuranić. Slovn. hérv. § 33.

[3]) Собственно, Вукова акцентуація, въ окончательномъ видѣ, впервые является у Даничича: статья Нешто о српскијем акцентима (Slavische Bibliothek, B. I., S. 97) вышла въ 1851 году, т. е. годомъ раньше второго изданія Вукова словаря.

[4]) Даничић. Српски акценти. Гласник VIII, стр. 2.

[5]) Miklosich. Vergleichende Lautlehre. 1852. S. 318.

[6]) Прошу читателя не обобщать моихъ неодобрительныхъ отзывовъ о нѣкоторыхъ частностяхъ въ почтенныхъ трудахъ Даничича, которые при составленіи этой книги служили однимъ изъ важнѣйшихъ пособій.

Миклошичъ въ Сербскомъ отдѣлѣ своей Сравнительной фонетики,[1]) придерживается Вука, хотя самъ упрекаетъ его въ нѣкоторой непослѣдовательности, а именно въ смѣшеніи въ одно двухъ различныхъ вещей: ударенія и количества. Ученіе Караджича объ удареніяхъ у Миклошича получило такой видъ, что различаются ударенія 1) *рѣзкое* (der scharfe Accent), обозначаемое посредствомъ грависа: вòда, 2) ударение *болѣе рѣзкое* (der schärfere), отмѣчаемое двойнымъ грависомъ: пѐра, 3) ударение *долгое* (der lange), коего знакомъ служитъ акутъ — наше восходящее: грáна и 4) ударение, *явственно сдваивающее гласный* (der den vocal vernehmlich verdoppelnde), — наше нисходящее: глâд.

Соотношеніе между удареніями Миклошичъ представляетъ такъ, что первое есть усиленіе (steigerung) второго, а четвертое—усиленіе третьяго, — принявши менѣе рѣзкое ударение за единицу, онъ выражаетъ это соотношеніе слѣдующею пропорціею: ` : ‵ : ´ : ^ = 1 : 2 : 3 : 4. Въ послѣднемъ положеніи вѣрно лишь то, что слабое ударение нѣсколько протяжнѣе рѣзкаго, но чтобы нисходящее было дольше восходящаго и явственно сдваивало бы гласный, этого рѣшительно нельзя сказать. Далѣе, Миклошичъ говоритъ, что только первые два знака, въ самомъ дѣлѣ, выражаютъ ударенія, а вторые два — соединенную съ удареніемъ долготу. Послѣднее положеніе мнѣ кажется не вполнѣ справедливымъ, хотя съ нимъ соглашаются Ягичъ, Будмани, Шкрабецъ, Мазингъ; отчасти, косвеннымъ образомъ, и Мажураничъ.

Съ Миклошичемъ сошелся въ этомъ отношеніи также и Маріанъ Шуничъ [2]). Шуничъ указываетъ на музыкальный характеръ сербо-хорватскихъ удареній и принимаетъ два ударенія, нисходящее и восходящее, изъ коихъ каждое можетъ падать на краткій гласный, или на долгій.[3]) Сообразно съ этимъ, онъ употребляетъ только двѣ просодіи, грависъ и акутъ,—первый для рѣзкаго ударенія, второй — для слабаго: ptìca = птѝца, dîca = дѝца (дѣца). Для обозначенія долготныхъ удареній, эти же знаки соединяются со знакомъ долготы, съ которымъ они образуютъ острый уголъ, обращенный вершиною вправо или влѣво: первая изъ этихъ фигуръ замѣняетъ Вуковъ циркумфлексъ, вторая — акутъ. Странно у Шунича то, что онъ ударенія восходящее и слабое называетъ *острымъ* (accentus acutus), а нисходящее

---

[1]) Vergleichende lautlehre 1852. Serbisch. Von der quantität der vocale und dem tone der sylben. S. 317 — 322.

[2]) Šuñić Marianus. De ratione depingendi rite quaslibet voces articulatas seu de vera orthographia. Vienna 1853, pag. 42.

[3]) ib.

и рѣзкое — *тяжкимъ* (accentus gravis) и отожествлятъ ихъ съ ударѐніями, носящими тѣ же названія у греческихъ и римскихъ грамматиковъ [1]).

Мажураничъ (грамматика котораго вышла первымъ изданіемъ въ 1858 году) [2]) отступилъ отъ Караджича въ обозначеніи долготныхъ ударѐній и пытался возстановить въ этомъ пунктѣ систему Делла-Беллы. Его акутъ, замѣняющій Вуковъ циркумфлексъ, имѣетъ мѣсто только на первомъ слогѣ, въ другихъ же случаяхъ замѣняется простымъ знакомъ долготы. Опредѣленія нисходящаго и восходящаго ударѐній у Мажуранича весьма похожи на опредѣленія Бабукича: «первое представляетъ какъ-бы рѣзкое удареніе на первой половинѣ долгаго гласнаго, второе — какъ-бы слабое удареніе на второй — да̑н, ме̑со, пи̑р, бо̑г, зу̑б = да̀ан, мѐесо, пѝир, бо̀ог, зу̀уб; гла́ва, пе́та, ви́но, Бо́жо, ру́ка = глаа̀ва, пеѐта, виѝно, Боѐжо, руу̀ка». Непонятно, какъ Мажураничу нисходящее удареніе могло показаться острымъ и похожимъ на рѣзкое: кажется, онъ въ этомъ случаѣ увлекся теоретическимъ соображеніемъ, что нисходящее удареніе нерѣдко происходитъ отъ стяженія рѣзкоударѐннаго гласнаго съ неударяемымъ (гро̑т изъ гро̑от, слѣд. гро̑т = гро̑от).

Терминологія Мажуранича носитъ нѣсколько внѣшній характеръ: она имѣетъ отношеніе не столько къ самымъ ударѐніямъ, сколько къ письменнымъ ихъ знакамъ, и представляетъ почти только переводъ общеизвѣстныхъ греколатинскихъ терминовъ: рѣзкое удареніе называется *сильнымъ тяжкимъ* (jak težki), слабое — *слабымъ тяжкимъ* (slab težki), нисходящее (обозначаемое посредствомъ акута) — *острымъ* (ostri = acutus), восходящее — *облеченнымъ* (zavinuti = circumflexus) [3]). Нравятся мнѣ въ этой терминологіи названія «рѣзкое и слабое ударѐнія», которыми я и позаимствовался изъ нея.

Въ прекрасной грамматикѣ Петра Будмани акцентуація почти вполнѣ

---

[1]) ib. pag. 14. У Шунича есть еще и другія странности: онъ открылъ напр. музыкальную акцентовку (подобную Сербской) у Поляковъ, Нѣмцевъ, Французовъ, ib. pag. 15, 44 — 45. Вообще видно, что авторъ не былъ знакомъ съ фонетическими тонкостями разсматриваемыхъ имъ языковъ, яснымъ доказательствомъ чего можетъ служить русское слово *смерть*, которому онъ (pag. 25) приписываетъ широкій е (е близкій къ а).

[2]) Mažuranić, Antun. Slovnica hèrvatska. 4 izd. U Zagrebu 1869.

[3]) Термины острое и облеченное удареніе находимъ и въ извлеченіи сдѣланномъ изъ грамматики Мажуранича Потебнею, который, однако, этимъ названіямъ, какъ и соотвѣтствующимъ имъ просодіямъ, придаетъ обратное значеніе. Вмѣсто сильнаго тяжкаго и слабаго тяжкаго, Потебня говоритъ о болѣе тяжкомъ и менѣе тяжкомъ. Потебня. Два изслѣдованія. I. О полногласіи. стр. 39.

сходна съ Караджичевскою, только признается существованіе неударяемыхъ долготъ, и для обозначенія ихъ принятъ угловатый циркумфлексъ, между тѣмъ какъ нисходящее удареніе обозначается округленнымъ циркумфлексомъ, нпр. vjȅtârâ, nôžîcâ. Будмани[1]) предлагаетъ слѣдующую весьма стройную систему ударенiй, сходную съ системою Шунича: онъ прежде всего различаетъ въ Сербо-хорватскомъ языкѣ двоякое удареніе — *сильное*, или *опредѣленное* [forte o determinato (sic!)] и *слабое*, или *неопредѣленное* [debole o indeterminato (sic!)]. Каждое изъ этихъ ударенiй можетъ приходиться то на краткій, то на долгій слогъ, вслѣдствіе чего получаются извѣстныя намъ четыре ударенія: 1) *сильное краткое* (forte breve) = рѣзкое, 2) *сильное долгое* (forte lungo) = нисходящее, 3) *слабое краткое* (debole breve) = слабое, 4) *слабое долгое* (debole lungo) = восходящее. Въ пользу этой системы можно сослаться на нѣкоторое звуковое сходство, замѣчаемое между удареніями слабымъ и восходящимъ[2]) и на одинакое ихъ этимологическое значеніе: оба они — первое всегда, а второе въ громадномъ большинствѣ случаевъ — суть ударенія вторичныя, которымъ, какъ первичныя, противополагаются рѣзкое и нисходящее. Но мнѣ, несмотря на то, кажется, что приписывать нисходящему ударенію рѣзкость — значитъ называть бѣлое чернымъ.

Въ сущности то-же самое, что Будмани, уже раньше высказалъ Ягичъ: указавъ, въ своей Сербо-хорватской грамматикѣ, на существованіе двухъ краткостныхъ и двухъ долготныхъ ударенiй, онъ прибавляетъ, что, собственно говоря, слѣдуетъ различать только два ударенія — одно *острое* (naglas oštar), другое *тяжкое* или *смягченное* (naglas težak ili utažen), которыя можно бы и обозначать всегда одними и тѣми-же знаками, ґрависомъ двойнымъ и простымъ, отличая долгіе слоги отъ краткихъ обыкновеннымъ знакомъ долготы: brȁt, vòda, bȏg, dȗša (= бо̀г, ду́ша)[3]). Почти тожественную съ этою графическую реформу, нѣсколько лѣтъ спустя (1870), рекомендовалъ словенецъ Шкрабецъ: по его способу, только что приведенныя слова слѣдовало бы писать brȁt, vóda, bȏg, dȗša[4]).

---

[1]) Budmani, Pietro. Grammatica della lingua Serbo-croata. Vienna 1867. Dell'Accento §§ 9 — 13, pag. 6. Кромѣ указанныхъ параграфовъ есть, въ своемъ мѣстѣ, замѣчаніе объ акцентовкѣ существительныхъ, прилагательныхъ, глаголовъ. На приводимыхъ въ этой грамматикѣ примѣрахъ отмѣчены ударенія.

[2]) См. выше, стр. 45.

[3]) V. Jagić. Gramatika jezika hèrvatskoga. U Zagrebu 1864. str. 62. Здѣсь же, въ самыхъ краткихъ словахъ, высказаны мысли, которыя впослѣдствіи, исправленныя и развитыя подробнѣе, вошли въ его Paralele k hrvatsko-srbskomu naglasivanju. Rad. XIII.

[4]) Статья Шкрабца посвящена собственно не сербо-хорватской акцентовкѣ, а

Своеобразную акцентуацію мы находимъ въ грамматикѣ Игнатія Берлича: желая, подобно Караджичу, установить нѣкоторое соотвѣтствіе между просодіями и выражаемыми ими удареніями, онъ произвелъ новую перетасовку просодій: присвоивши, по примѣру Караджича, акуту значеніе восходящаго ударенія (grána, óvca, rúka), онъ для обозначенія другого долготнаго ударенія употребилъ «аналогичный» акуту грависъ и пишетъ glàd, mìr, sùnce = глâд, мȋр, сȳнце. Этотъ знакъ, какъ и Вуковъ циркумфлексъ, служитъ у него также для обозначенія долготы со второстепеннымъ удареніемъ или безъ ударенія: izkopàvšȉ, izkopàvšà, izkopàvšè = ископâвши, ископâвшā, ископâвшē (акцентовка этихъ словъ чакавская). Рѣзкое ударе-ніе, не различаемое отъ слабаго, выражается у Берлича циркумфлексомъ: čâvao гвоздь, mîlòst, pôkòj, dêrva = чâвао, мȋлōст, пòкōj, дърва[1]). Употребленіе въ подобномъ значеніи циркумфлекса нельзя не назвать крайне неудачнымъ, когда мы во всѣхъ языкахъ привыкли считать этотъ знакъ исключительнымъ достояніемъ долгихъ слоговъ. Да, и вообще, попытка замѣнить условное значеніе просодій другимъ, въ сущности столь же условнымъ, хотя и представляющимъ, можетъ быть, болѣе стройную систему, — затѣя пустая.

Акцентовка у Берлича полу-чакавская, полу-штокавская: онъ пишетъ нпр. (передаю его написаніе въ моей трансскрипціи): женȁ, добрȍ, ковáч, дjевȍjка, водȗица, небесá, чудесá, тjелесá, живȍт, богȁт, лежȁти, задържȉм, имâм, а съ другой стороны: сȕкно, слȕга, рȕка, пéта, снȁха, нȍга, дȁска, искȍпај, њȇга (= снàха, нòга, дàска, искòпај; њèга); впрочемъ, чакавщина у него рѣшительно преобладаетъ.

Опять иную акцентуацію мы находимъ у Мазинга[2]), который свое краткое однослоговое удареніе (мое рѣзкое) обозначаетъ посредствомъ отвѣсной черточки надъ знакомъ краткости, нпр. nŏsīm, zĕt, долгое (мое нисходящее) — выпуклою дугою, подъ угломъ соединенною со знакомъ долготы и изображающей графически пониженіе голоса, нпр. pĭšēm, grȃd.

«Двуслоговое» удареніе Мазингъ обозначаетъ двумя просодіями: одною надъ первымъ слогомъ, другою надъ вторымъ. Кромѣ указанныхъ уже знаковъ долготы, краткости и пониженія голоса, тутъ являются еще знакъ повышенія — ˊ и знакъ высокаго, сильнаго ударенія — точка, которые

словенской: P. Škrabec. O glasu in naglasu našega knjižnega jezika. Programm des k. k. Gymnasiums zu Rudolfswerth (Novomesto). Veröffentlicht am Schlusse des Schuljahres 1870.

[1]) Berlić, Ignaz Al. Grammatik der illirischen Sprache. Agram 1850. S. 22—24

[2]) L. Masing. Die Hauptformen des Serbisch-Chorwatischen Accents.

опять-таки комбинуются со знаками количества. Понадобились два знака, потому, что, по наблюденіямъ Мазинга, двуслоговое удареніе произносится двояко: или повышеніе и пониженіе голоса происходитъ какъ надъ долгими, такъ и надъ краткими гласными, или же краткіе произносятся только высоко и сильно. Такимъ образомъ, наши добрòта, плашѝна принимаютъ видъ dŏbrŏ́tă̆, plănĭ́nă̆, или: dŏbrŏ́tă̆, plănĭ́nă̆; наши сàчȳвāмо, болѐсник пишутся să̆čŭ̆vāmo, bŏlĕ́snĭ̆k, или — să̆čŭ̆vāmo, bŏlĕsnĭ̆k. При долгомъ двуслоговомъ (восходящемъ) удареніи двоякость выговора возможна лишь во второмъ слогѣ, да и то, разумѣется, когда онъ кратокъ: на́род, љу́бити у Мазинга пишутся, по одному выговору, — nā́rŏ̆d, ljŭ́bĭ̆tĭ̆, по другому — nā́rŏ̆d, ljŭ́bĭ̆tĭ̆, но ву́чēм, ба́нōвā всегда являются въ видѣ vŭ́čĕm, bā́nŏ̆vā [1]).

Кончая теперь обзоръ сербской акцентовки и переходя къ словенской, не лишнимъ считаю повторить въ двухъ словахъ главные выводы, къ которымъ онъ насъ привелъ. Выводы эти слѣдующіе:

1. Сербская акцентовка, по видимому столь отличная отъ русской, первоначально была тожественна съ нею, по крайней мѣрѣ, относительно мѣста ударенія.

2. Ударенія рѣзкое и нисходящее равносильны русскому ударенію на томъ же слогѣ.

3. Ударенія слабое и восходящее равносильны русскому, и вмѣстѣ съ тѣмъ старосербскому — на слѣдующемъ слогѣ [2]).

4. Весьма вѣроятно, что чакавская акцентовка есть акцентовка древняя, общая первоначально, если не всѣмъ, то, по крайней мѣрѣ, юговосточнымъ Славянамъ.

---

[1]) L. Masing. S. 58—81.

[2]) Въ силу этого вывода, мы въ послѣдующихъ главахъ изъ-за новосербскаго выговора рѐкох, добрòта, пла́тно, ру́кōм и т. п. будемъ видѣть старосербскій — рекŏ́х, добротӑ́, плāтно̆́, рȳкṓм,и съ нимъ уже будемъ сравнивать выговоръ Русскихъ, Словенцевъ и Болгаръ.

III.

Словенская акцентовка.

У Словенцевъ акцентовка вольная и вмѣстѣ съ тѣмъ разнородная: они (правда, только въ ударяемыхъ слогахъ) различаютъ долготу и краткость гласныхъ, такъ что можно говорить у нихъ объ удареніи краткостномъ и долготномъ. Первое изъ этихъ удареній тожественно съ сербскимъ рѣзкимъ.

Словенскіе грамматики (Копытарь, Метелко, Мурко, Поточникъ) употребляютъ термины острое и протяжное удареніе (geschärfter und gedehnter Accent) и обозначаютъ первое посредствомъ грависа, второе — посредствомъ акута. И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ также употребляетъ для краткихъ слоговъ грависъ, а на долгихъ пишетъ циркумфлексъ; акутъ же является у него на тѣхъ слогахъ, которые ему кажутся средними — ни рѣшительно краткими, ни долгими [1]). Я же, въ видахъ единообразія, буду обозначать краткостное или рѣзкое удареніе тѣмъ же двойнымъ грависомъ, какъ и въ Сербскомъ языкѣ [2]).

Примѣрами краткостнаго ударенія могутъ служить слова: brȁt, dȅž, bȍb, šȅl (произносится šȕ), vȅrt.

Долготное удареніе представляютъ нпр. слова: nárȍd, žéna, bréza, zíma, gȏra, kóža, kljúč [3]).

---

[1]) И. Бодуэн-де-Куртенэ. Опыт фонетики резьянских говоров, стр. 7. Въ «Бохинско-посавскомъ говорѣ» мы находимъ у Бодуэна нѣсколько иную акцентуацію, о коей упомяну ниже.

[2]) Отъ этого правила я отступаю въ Резьянскомъ нарѣчіи, по какимъ соображеніямъ — будетъ указано ниже, стр. 90.

[3]) Надо замѣтить, что рѣзкіе e и o у Словенцевъ болѣе приближаются къ a, нежели къ i и u, т. е. произносятся такъ, какъ соотвѣтствующіе звуки въ нѣмецкихъ словахъ Ebbe, Otter, или въ русскихъ — совершéнный, сóнный. При долгомъ произношеніи встрѣчается подобный же выговоръ, сходный съ нѣмецкимъ e въ словѣ wer, съ французскимъ è и съ гласнымъ элементомъ русскихъ э, е, ѣ, передъ де-

Таковъ обыкновенный взглядъ на словенскую акцентовку, по которому она хотя и разнородная, но не музыкальная, а только количественная. Однако, нѣкоторые изслѣдователи именно считаютъ ее музыкальною и находятъ въ ней не два только рода ударенія, а три, или четыре

Первый выставилъ такую теорію Лука Светецъ[1]) и предложилъ для Словенскаго языка ту же самую систематизацію удареній, которую для Сербскаго языка предлагали Шупичъ, Ягичъ, Будмани. Светецъ, такимъ образомъ, различаетъ, прежде всего, два ударенія: острое (Ягичево острое, Будманіево сильное — forte) и мягкое (Ягичево мягкое — utažen, Будманіево слабое — debole), изъ коихъ каждое можетъ быть или долгимъ или краткимъ, другими словами, у Светца, по моей терминологіи, являются ударенія: 1) рѣзкое, нпр. bȏb, rȇpa, rȃd, 2) слабое vȍda, zèlen, bȍgat, 3) нисходящее — grȃd, pôt = потъ, kωrẽn и 4) восходящее — glȃva, pót = путь, stę́na.

Итакъ, Светецъ Словенскому языку приписываетъ тѣ же четыре ударенія, которые свойственны Сербо-хорватскому[2]). Далѣе онъ утверждаетъ, что также мѣна ихъ и передвиженіе, вообще говоря, совершаются по тѣмъ же законамъ, какъ у Сербовъ. Со Светцемъ соглашаются Себастіанъ Жепичъ[3]) и Антонъ Янежичъ[4]).

бѣлыми согласными и въ концѣ словъ, нпр. этотъ, предметъ, гдѣ, и съ французскимъ о въ словѣ or, а также съ обыкновеннымъ русскимъ о: žéna, pȏta, jézik, gȏra, nȏga, ȏknω. Въ другихъ словахъ долгіе е и о болѣе похожи на і и на u, нежели на а, т. е. произносятся, какъ нѣмецкое е въ словѣ Ehre, какъ французское é и какъ гласный элементъ э, е, ѣ, передъ тонкими согласными (эти, пень, сѣть) и какъ нѣмецкое о въ Ohr, французское—въ chose; нпр.: bréza, résa, žénin женихъ, kóža, stópa ступка, kót уголъ. Т. к. двоякій выговоръ е и о имѣетъ большое значеніе для моего изслѣдованія, то я обозначаю его на письмѣ, по способу Метельки: е и ω означаютъ е и о близкіе къ а, ε и ο — близкіе къ і и къ u. Неударяемое о я выражаю посредствомъ ω, уклоняясь отъ непослѣдовательнаго въ этомъ случаѣ правописанія Метелки.

[1]) Podgorski (Luka Svetec). O slovenskem naglasu ali akcentu (Novice gospodarske, obrtniške in narodne. 1863. List. 7—9, 13—14, 16). Светецъ — настоящая фамилія автора, Подгорскій — псевдонимъ.

[2]) Собственно, Светецъ не первый заговорилъ о разнообразіи словенскаго ударенія: еще въ 1849 году Поточникъ мимоходомъ упоминаетъ о существованіи у Словенцевъ нисходящаго и восходящаго ударенія (Betonung mittelst der fallenden Dehnung, B. m. d. steigenden Dehnung). Potočnik. Grammatik der slowenischen Sprache. S. 12, 13, 22.

[3]) Seb. Žepič. Izvéstja ali programe nekterih slovénskih in hrvaških gimnazij, pa mimogredé nekaj slovniških opazek (Novice 1867, str. 353 и сл.).

[4]) Ant. Janežič. Slovenska slovnica. str. 22—25.

Светцева теорія очень заманчива; но подозрительно то обстоятельство, что изслѣдователь подходилъ къ языку съ готовою, заимствованною у Мажуранича теоріею: ему легко могли прислышаться модуляціи голоса, соотвѣтствующія этой теоріи, но, собственно, не существующія въ живой рѣчи. Насколько другой изслѣдователь, Жепичъ, увлекался предвзятыми мыслями, видно изъ его положенія, что широкіе е и о (е и ω) никогда не бываютъ долгими, потому что имъ въ Сербскомъ языкѣ — за исключеніемъ только трехъ словъ: во́јска, о́вца и вре́ме — соотвѣтствуютъ краткіе гласные. Статья Жепича имѣетъ характеръ самостоятельнаго изслѣдованія; что́ жъ касается до Янежича, то его ученіе объ акцентѣ цѣликомъ заимствовано у Светца.

Троякое удареніе въ Словенскомъ языкѣ находятъ Шкрабецъ[1]) и Валявецъ[2]). По ихъ мнѣнію, слѣдуетъ различать ударенія рѣзкое, нисходящее и восходящее, а слабаго не существуетъ, или, какъ они выражаются, долгіе гласные могутъ имѣть и острое и протяжное удареніе, но краткіе — только острое[3]). Рѣзкое удареніе употребляется рѣже другихъ, вслѣдствіе того, что Словенцы почти всегда протягиваютъ ударяемый слогъ: только конечные слоги реченій (также и единственный слогъ односложныхъ) могутъ произноситься съ удареніемъ, но кратко, напр seljȃn, mlatȋč, zaspanȇ, grȏš, plȁč[4]).

Что́ касается взглядовъ на *сущность* словенскихъ удареній, то Светецъ, Жепичъ, Янежичъ и Шкрабецъ держались Мажуранича; Валявецъ, съ нѣкоторыми ограниченіями, принимаетъ мнѣніе Мазинга: онъ говоритъ, что за слогомъ съ восходящимъ удареніемъ и у Словенцевъ слѣдуетъ слогъ со второстепеннымъ нисходящимъ, напр. nâr̆od, pȉsȁti, но замѣчаетъ, что это удареніе гораздо слабѣе главнаго, и что его можетъ и не быть, т. к. восходящее удареніе нерѣдко падаетъ на конечный, или на единственный слогъ, напр. junâk, sȏd. Слоги, не отмѣченные ни главнымъ, ни второстепеннымъ удареніемъ, произносятся слабо и низко и притомъ всѣ одинаково[5]).

---

[1]) P. Škrabec. O glasu in naglasu našega knjižnega jezika [Programm des k. k. Gymnasiums zu Rudolfswerth (Novomesto) veröffentlicht am Schlusse des Schuljahres 1870].

[2]) M. Valjavec. Prinos k naglasku u (novo)slovenskom jeziku. Rad Jugosl. Akad. Knj. XLIII.

[3]) У Шкрабца naglas potisneni in potegnjeni, у Валявца — potisneni i otegnuti.

[4]) Škrabec. O glasu in naglasu. Valjavec. Prinos k naglasu. Rad XLIII, str. 1.

[5]) M. Valjavec. Rad Jugosl. Akad. Knj. XLVII, str. 169. — У Сербовъ замѣчается прогрессивное ослабленіе и пониженіе слоговъ, слѣдующихъ за главноударяемымъ (Kovačević. Archiv f. slav. Philol. B. III, S. 692).

Второстепенное удареніе, сопровождающее удареніе восходящее, было замѣчено уже Светцемъ и привело его къ ученію о «ритмическомъ приголоскѣ» — ritmiški priglasek. По этому нѣсколько странному ученію, слова, съ удареніемъ мягкимъ (слабымъ и восходящимъ) и съ острымъ краткимъ (рѣзкимъ), имѣютъ, кромѣ главнаго, еще второстепенное удареніе, которое падаетъ или на тотъ же слогъ, какъ и главное, или же на слѣдующій, что̀ ведетъ въ одномъ случаѣ къ усиленію, въ другомъ — къ ослабленію акцента. Въ первомъ случаѣ, Светецъ говоритъ о хореическомъ ритмѣ (trohejski ritem), во второмъ — о ямбическомъ (jambovski ritem). Слова gláva, lïpa, bũtara, čũtara [1]), съ хореическимъ ритмомъ, произносятся какъ-бы glàáva, lïïpa, bùũtara, čùũtara, а съ ямбическимъ — glávà, lïpà, bũtàra, cũtàra. Хореическій ритмъ замѣчается и въ односложныхъ словахъ: pòót, rèér, въ коихъ невозможенъ ямбическій. Въ трехсложныхъ реченіяхъ второстепенное удареніе хореическое можетъ падать не только на одинъ слогъ съ главнымъ, но и на предшествующій: ямбическое petïcà съ хореическимъ «приголоскомъ» произносится petïïca, или pètïca. Это ученіе о «приголоскѣ» безусловно принимаетъ Янежичъ; признаетъ его и Шкрабецъ, который говоритъ, что приголосокъ особенно замѣтенъ тогда, когда на слово падаетъ фразное удареніе (не значитъ ли это, что онъ въ другихъ случаяхъ мало замѣтенъ, или вовсе не существуетъ?). Валявецъ отчасти соглашается со Светцемъ: ему принадлежитъ мысль, что ямбическій приголосокъ есть ничто иное, какъ второй элементъ двуслогового ударенія — Светцевы примѣры ямбическаго ритма онъ, по способу Мазинга, написалъ бы gláv̆a, lïp̆a, bũtăra, cũtăra, petïcă [2]).

Бодуэнъ-де-Куртенэ въ Бохинско-посавскомъ говорѣ подмѣтилъ нисходящее удареніе, обозначаемое имъ посредствомъ циркумфлекса, рядомъ съ которымъ являются грависъ (знакъ усѣченнаго=рѣзкаго ударенія) и акутъ — знакъ ударенія вообще; послѣдній на гласныхъ «средней» долготы употребляется самъ по себѣ, а на долгихъ соединяется со знакомъ долготы [3]). Удареніе, соотвѣтствующее послѣднему знаку, едва-ли не слѣдуетъ считать восходящимъ. Надо однако замѣтить, что циркумфлексъ и акутъ со знакомъ

---

[1]) Такъ пишетъ Светецъ; но бо́льшая часть Словенцевъ произноситъ lípa, bútara, čútara, съ долгими, или по крайней мѣрѣ средними i и u.

[2]) Podgorski. O slovenskem naglasu. Janežič. Slovenska slovnica, str. 24. Škrabec. O glasu in naglasu. Valjavec. Prinos k naglasu. Rad. knj. XLVII, str. 21—25.

[3]) И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ. Отчеты о занятіяхъ по языковѣдѣнію въ теченіе 1872 и 1873 гг., стр. 49. — Впрочемъ, черезъ страницу, въ примѣчаніи сказано, что авторъ впослѣдствіи разубѣдился во многихъ изъ своихъ прежнихъ мнѣній о крайно-словенскомъ удареніи.

долготы у Бодуэна являются лишь изрѣдка и далеко не всегда соотвѣтствуютъ Валявцевымъ циркумфлексу и акуту: Бодуэновымъ Zâsp, kôs, môš, rôko (ρѫкѫ), čwôk дѣйствительно отвѣчаютъ Zâsp, kôs, môž, rѫ́kѡ, člѫ́vek, но, вмѣсто na pôt(i). sûžba, kôt, Валявецъ пишетъ na póti, slûžba, kót.

Такимъ образомъ, на число и на сущность словенскихъ удареній еще не установилось опредѣленнаго взгляда. Лично я склоняюсь въ пользу теоріи Шкрабца и Валявца, т. е. въ пользу троякаго ударенія[1]). Однако, я долженъ признаться, что мое мнѣніе основано не на изслѣдованіи народнаго выговора — для чего было бы необходимо прожить въ словенскихъ краяхъ гораздо дольше, нежели мнѣ было возможно — а на продолжительныхъ разсужденіяхъ, которыя мы вели объ этомъ предметѣ, въ Люблянѣ, съ г. Левстикомъ: сначала мы оба были рѣшительно предубѣждены противъ Светца, Жепича, Шкрабца и Валявца, но кончилось тѣмъ, что г. Левстикъ, разобравши вмѣстѣ со мною массу примѣровъ, и самъ убѣдился въ вѣрности Шкрабцевой теоріи и меня въ ней убѣдилъ. Несмотря на то, меня нѣсколько смущаетъ сообщеніе, сдѣланное мнѣ профессоромъ Крекомъ, что онъ нарочно прислушивался къ выговору своихъ градецкихъ студентовъ, сошедшихся съ разныхъ концовъ словенской земли, но рѣшительно не могъ подмѣтить никакой двоякости протяжнаго ударенія. Миклошичъ говоритъ, что и въ его родномъ говорѣ (восточно-штирійскомъ, на границѣ Венгріи) подобнаго разнообразія удареній не замѣчается[2]).

Не предрѣшая вопроса о характерѣ словенскаго ударенія, я на различіи удареній нисходящаго и восходящаго не основываю никакихъ выводовъ, но, тѣмъ не менѣе, въ дѣлѣ акцентуаціи держусь Шкрабца и Валявца. Знаки употребляю тѣ же, какъ и Валявецъ, т. е. Вуковскіе акутъ, циркумфлексъ и двойной грависъ[3]); надъ широкими же е и о я не пишу, вмѣсто акута,

---

[1]) Впрочемъ, различіе между нисходящимъ удареніемъ и восходящимъ не такъ замѣтно у Словенцевъ, какъ у Сербовъ, уже потому, что они говорятъ скорѣе и, по признанію самого Валявца (Rad. XLIII, 2), не такъ протягиваютъ неконечные слоги, за исключеніемъ только нѣкоторыхъ мѣстностей и отдѣльныхъ лицъ: при меньшемъ протяженіи гласнаго, разумѣется, менѣе замѣтно и нисходящее или восходящее движеніе голоса.

[2]) Fr. Miklosich. Ueber die langen Vocale in den slavischen Sprachen. S. 5. Божидаръ Раичъ — Prekmurski književniki pa knjige. Spisal Raićev Božidar. (Letopis matice slovenske. 1869, str. 73 — 76) — рѣшительно утверждаетъ, что «наперекоръ Сербо-хорватскому языку, въ Словенскомъ всего два рода ударенія.»

[3]) Шкрабецъ, какъ упомянуто уже въ предъидущей главѣ, обозначаетъ свой potisneni naglas грависомъ, a potegnjeni — акутомъ, къ коимъ, на долгихъ гласныхъ, прибавляетъ еще долготную черту: онъ, вмѣсто сербскихъ (Вуковскихъ) о̀ко, но̀га, Бо̀г, гла́ва, пишетъ ò̱ko, nó̱ga, Bò̱g, gláva.

грависъ, т. к. это ведетъ къ путаницѣ и было бы совершенно излишне, когда у меня эти звуки выражаются особыми буквами[1]). Кромѣ акута, циркумфлекса и двойного грависа, буду употреблять еще знакъ неопредѣленнаго ударенія, въ тѣхъ случаяхъ, когда у меня не окажется точныхъ свѣдѣній о выговорѣ слова: пишу, нпр., bérem, mώči, nakωválω[2]). Буквы ε и o я въ такомъ случаѣ не отмѣчаю никакою просодіею, потомучто соотвѣтствующіе звуки всегда бываютъ долги и слѣдовательно всегда произносятся съ удареніемъ[3]). Иногда — преимущественно для заимствуемыхъ у Бодуэна резьянскихъ словъ — я пользуюсь знаками долготы и краткости, которые, т. к. долгота и краткость у Словенцевъ различаются только въ ударяемыхъ слогахъ, могутъ служить косвенными указаніями на мѣсто ударенія: такимъ образомъ, я пишу gωrāk, gladāk, öknŏ (резь. = ώknω), oĕzoerό (резь. = jε̆zerω), wŏda (резь. = vώda[4]).

Относительно размѣщенія удареній я назвалъ Словенскую акцентовку разномѣстною. Нельзя однако не замѣтить, что ударение чаще всего приходится на *предконечный* слогъ: по словамъ Светца, есть даже мѣстности, гдѣ это составляетъ правило, почти не допускающее исключеній[5]). Къ слову сказать: въ словенской акцентовкѣ вообще не мало мѣстнаго разнообразія.

---

[1]) У Валявца пишется žèna, sprèhod, vòda, pòkoj, а у меня — žéna, spréhωd, vώda, pώkωj. Ту же службу, какъ грависъ у Валявца, у Копытаря, Поточника, Мурки несетъ циркумфлексъ: они пишутъ žêna, sprêhod, vôda, pôkoj. Валявецъ также употребляетъ угловатый циркумфлексъ надъ e и надъ o, но только въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда широкія e и o произносятся съ нисходящимъ удареніемъ.

[2]) Ударение приведенныхъ реченій можно бы было опредѣлить по нѣкоторымъ соображеніямъ: принявши во вниманіе, что e и ω почти никогда не являются у Валявца съ нисходящимъ удареніемъ, а съ восходящимъ, и что вообще гласные, краткіе въ Сербскомъ языкѣ, получаютъ восходящее ударение (см. въ концѣ настоящей главы), я могъ бы написать bérem, mώči, nakωválω; но я положилъ себѣ за правило, никогда не ставить просодій по теоретическимъ соображеніямъ, а только по собственному слуху и по правдоподобнымъ показаніямъ изслѣдователей.

[3]) Звукъ o изрѣдка (въ изглашеніи словъ sukno̯, srebro̯ и т. п.). бываетъ и краткимъ, но все-таки не лишенъ ударенія.

[4]) Пишу ö, oe, со знакомъ краткости, не только въ виду типографическаго удобства (знакъ ŏ имѣется въ типографіи, а ö съ двойнымъ грависомъ пришлось бы вырѣзать), но и потому, что, быть можетъ, резьянское краткостное ударение, въ нѣкоторыхъ словахъ, есть не рѣзкое, а слабое.

[5]) Tako govoré v osilniški fari, v okraji Kočevskem (Kočevje, по-нѣмецки Göttschau), in meni se vidi, da mnogo tudi po notranjem Kranjskem in Goriškem. O slov. nagl. Novice 1863.

Уже Светецъ указалъ на то́, что Словенцы колеблются между русско-чакавскою разстановкою удареній и — штокавскою: они то склоняются въ пользу той или другой, то допускаютъ обѣ. Произносятъ, нпр., на русскій ладъ dωbrâva, lisíca, grabẽž, begûn, itȉ (itȉ — форма верхнекраинская), а рядомъ съ тѣмъ, подобно Сербамъ-штокавцамъ, говорятъ рώsъl, lémež, píla (= nòcao, lèмеш, пи́ла). И такъ, и иначе могутъ произноситься: pωtȍk — pώtωk, klωbúk — klώbuk, vъrstà — vȓsta и др.

Такимъ образомъ, въ Словенскомъ языкѣ является та же оттяжка, съ которою мы знакомы изъ Штокавщины, но она не проведена въ немъ послѣдовательно: 1) какъ мы уже видѣли, оттяжка нерѣдко можетъ произойти, но можетъ и не происходить; 2) ей подвергаются обыкновенно однѣ окситонки, рѣже парокситонки pώkωra, senώkωša, písati, kώpati, zώbati); а чтобы удареніе съ третьяго слога съ конца перешло на четвертый, тому я не знаю ни одного примѣра.

Даже конечные слоги, которые у Штокавцевъ, послѣдовательно проведшихъ свою систему, вовсе не терпятъ на себѣ ударенія, не чуждаются его у Словенцевъ, особенно, когда они закрытые: произносятъ kωváč, račûn, zemlják, vaščân, gωspôd, gωlωrȍk и т. д. Также и парокситонки женскаго и средняго рода, которыя въ род. падежѣ множ. числа, должны стать окситонками, никогда отъ того не уклоняются: dωlína — dωlîn, dωbrâva — dωbrâv, devíca — devîc, rešétω — rešɛt, kωrítω — kωrît, nakωválω — nakωvàl. Впрочемъ, слова муж. рода съ закрытымъ окончаніемъ, только тогда неизмѣнно имѣютъ на немъ удареніе, когда оно представляетъ изъ себя ясно сознаваемую наставку (ak, un и т. п.); у словъ же неяснаго образованія оно нерѣдко оттягивается, какъ то: jézik, médved, šátωr шатеръ, jélen. У первообразныхъ словъ, сложенныхъ съ предлогами, удареніе нерѣдко переходитъ на предлогъ: nárωd, рώsъl слуга, sósed. О словахъ этого рода см. ниже, стр. 99 и гл. V.

Такимъ образомъ, Словенцы довольно часто полагаютъ удареніе на послѣдній слогъ, когда слово кончается на *согласный*. Рѣже это допускается при открытомъ окончаніи: мы находимъ выговоръ ώknω, bédrω, pléče, zíma, kώra, ώsli мн. ч., králji мн. ч.

Есть, однако, 1) цѣлый рядъ реченій женскаго рода, которыя въ нѣкоторыхъ формахъ, нпр. въ именит. пад. мн. ч., могутъ имѣть удареніе на конечномъ слогѣ, какъ то: vωdɛ̂, kωzɛ̂, sestrɛ̂, bradɛ̂, rωkɛ̂, или vωdȅ, kωzȅ, sestrȅ, bradȅ, rωkȅ и т. д. У Краинцевъ даже именит. падежъ ед. числа не вовсе чуждается окситоновки, такъ что произносятъ нпр. vωdà, iglà, plenà, хотя это выговоръ не повсемѣстный, а по преимуществу верхне-краинскій

(горенскій)[1]). Особенно распространена наконечная акцентовка такихъ реченій, коренной слогъ которыхъ представляетъ глухой гласный, какъ mъglȁ, stъzȁ, sъlzȁ и приведенное уже выше vъrstȁ.

2) Такое же наклонное удареніе, какъ въ Русскомъ языкѣ, находимъ у нѣкоторыхъ словъ средняго рода какъ то: gωvnȏ, gumnȏ, kъrznȏ, srebrȏ, suknȏ (род. gωvnȁ, gumnȁ и т. д.), резьян. öknŏ, čœlŏ. Наконечную акцентовку представляютъ также многія названія дѣтенышей, съ наставкою ᴀт: ωtrωčȅ, ωslȅ, vωlčȅ, žreⱥ, preseˑ.

3) Есть даже слова мужескаго рода, которыя иногда полагаютъ удареніе на гласные флексій, напр. bȇrst, bъrstȁ отпрыскъ, mъzȇg, mъzgȁ лошакъ; о чемъ впослѣдствіи будетъ сказано нѣсколько подробнѣе[2]).

Весьма странно, что въ Словенскомъ языкѣ, рядомъ съ оттяжкою замѣчается и противоположное ей явленіе, которое можно назвать выдвижкою.

Выдвижка имѣетъ мѣсто въ цѣломъ рядѣ двусложныхъ существительныхъ средняго рода и односложныхъ женскаго и мужескаго. Послѣднія всѣ имѣютъ долгій гласный въ именительномъ падежѣ (по Женичу, именно гласный съ нисходящимъ удареніемъ); хотя не у всѣхъ словъ съ такимъ удареніемъ произошла выдвижка: говорятъ напр. brûs, -a, vlâk, -a, vrâg, -a, vɛ̂k, -a (вѣкъ). Принадлежащія сюда слова суть слѣдующія:

1) Слова муж. рода: Bôg, Bωgâ; brôd, brωdû бродъ, перевозъ, судно;

---

[1]) Valjavec. Rad. XLIV, str. 30.

[2]) Замѣчу еще — хотя это собственно, выходитъ за предѣлы моего разсужденія, — что основы настоящихъ временъ на a (= aje) и на i нерѣдко имѣютъ удареніе на этихъ примѣтахъ, которое, такимъ образомъ, въ третьемъ лицѣ приходится на гласное изглашеніе: igrā, divjā, letī, gωvωrī. Больше того: Краинцы, когда удареніе въ единств. числѣ и въ 3-мъ лицѣ множествен. падаетъ на темовой гласный i, въ остальныхъ лицахъ нерѣдко полагаютъ удареніе на личныя наставки: letivȁ, -tȁ, -mȏ, -tȅ; gωvωrivȁ, -tȁ, -mȏ, -tȅ и т. д. То-же самое мы видимъ у глаголовъ dati, *grɛsti, jɛsti, vɛditi, односложныхъ въ единств. числѣ: davȁ, -stȁ, -mȏ, -stȅ; grevȁ, -stȁ и т. д. Такая же гибкость глагольныхъ формъ замѣчается и въ Сербскомъ языкѣ и въ мѣстныхъ говорахъ Русскаго: серб. вèлӣм, велӣмо, велӣте; дȃм, дȃмо, дȃте = чак. велӣм, велӣмȏ, велӣтȅ; дȃм, дȃмȏ, дȃтȅ и т. д. (Mažuranić. Slovnica hèrvatska, str. 76, Budmani, pag. 106.); млр. дамо́, пойдемо́, даете́, говорите́, спите́; въ Вр. только во 2 лицѣ, напр. спите́, говорите́. Таковы и новоцерковныя (= старорусскія) формы творите́, держите́, постите́ся, піете́ и т. д. Очевидно, ударяемость у нѣкоторыхъ глаголовъ личныхъ наставокъ есть черта праславянская. (Едва-ли она даже ни праязычная: вѣдь въ Санскритѣ есть формы imás, ithá, ivás, ithás, itás, tanumás, bhindmás, и т. п.) отъ èmi иду, tanómi растягиваю, bhinádmi раскалываю).

brȇg, bregâ; vâl, valû волна; (v)lâs, (v)lasû; (v)lât, (v)latû колосъ; vôz, vɷzâ; vôlk, vɷlkâ, vɷlkû; vrân, vranâ; vrât, vratû; vъrh, vъrhâ; vȇk, vekâ, vekû сила; gād, gadâ, gadû[1]); gāz, gazû слѣдъ по свѣжему снѣгу; glâs, glasû; gnôj, gnɷjâ навозъ; gôd, gɷdâ, gɷdû имяшины; gôst, gɷstû, gɷstâ; grâd, gradû замокъ; grôm, grɷmâ; grȇz, grezû[2]) Moorgrund, Schlamm; dâr, darû; dôlg, dɷlgâ, dɷlgû; dôm, dɷmû (domā — нарѣчіе дома); drôb, drɷbû, drɷbâ внутренности; drūg, drugû пара (лошадей, воловъ); drôg, drɷgû шестъ; dûh, duhâ; dôb, dɷbû; žîr, žirû желуди; zvôn, zvɷnû, zvɷnâ, угро-сл. zvȍn, колоколъ; zîd, zidû стѣна (murus); znôj (u znȍj), znɷjâ; zôb, zɷbâ, zɷbû; kâp, kapû капе́ль; kvâr, kvarû порча, вредъ; kvâs, kvasû дрожжи; klâs, klasû; kôs, kɷsâ, kɷsû (кѫсъ); kûp, kupâ покупка; lȇd, ledû; lân, lanû (лънъ); lȇs, lesâ; lôg, lɷgâ роща; lôj, lɷjâ сало; mȇd, medû, medâ; mîr, mirû покой; môst, mɷstû, mɷstâ; mrâk, mrakû сумерки; mâh, mahû (мъхъ); mȇh, mehâ, mehû мѣхъ, пузырь, мѣхи; môž, mɷžâ; nôht (nôhъt= ногъть), nɷhtû, nɷhtâ; nôs, nɷsâ; ôl, ɷlû пиво; plâz, plazû обвалъ, лавина; plât, platû бокъ; plôt, plɷtû, plɷtâ заборъ; pâs, pasû (пɷсъ); plȇs, plesû пляска; pôt, pɷtû (потъ); prâh, prahû пыль; prôd, prɷdû мель, дюна; pânj, panjû, panjâ (пѧнъ); rog, rɷgâ, rɷgû; rôd, rɷdû, rɷdâ; rôb, rɷbâ, rɷbû, рубецъ, край; rȇd, redû порядокъ, орденъ; sâd, sadû плоды; sât, satû (сътъ); svȇt, svetâ свѣтъ; міръ; svêt, svetû (свѣтъ), Valj. svȅt; slâp, slapû волна, водопадъ; slȇd, sledû; smrâd, smradû; smȇh, smehâ, smehû; snȇg, snegâ; sôk, sɷkâ; stân, stanû званіе; strâh, strahû; strûp, strupâ ядъ; sîn, sinû, sinâ; sъrp, sъrpâ; tât, tatû (тать); tȇk, tekû преуспѣяніе; trâk, trakâ, trakû лента; trȇst, tъrstû; tâst, tastû (тъстъ); hlâd, hladû прохлада; hlâp, hlapû паръ; hôd, hɷdâ (tri ure hɷdâ); cvêt, cvetû; cȇp, cepû; čôln, čɷlnâ; čъrv, cъrvâ; čût, čutû чувство; jȇz, jezû плотина[3]). Не слѣдуетъ думать, чтобы приведенныя слова выдерживали наконечную акцентовку по всѣмъ падежамъ: въ единств. числѣ она обыкновенно свойственна одному родит. падежу — дат. Bɷgû, твор. Iъsâm, mɷžâm (= лѣсъмъ, мѫжъмъ) представляютъ рѣдкое явленіе. Во множеств. числѣ являются именительные на jȇ, изрѣдка на î — mɷžjȇ, slapjȇ, sinî, родительные на óv, иногда на í, ú — slapóv, ljudí, sinú, винительные на ȇ, î — sinȇ, mɷžȇ, darî, дательные на ém — mɷžém, tatém и т. д., творительные на mí — sinmí, darmí, мѣст-

---

[1]) Такъ пишетъ Мурко, у другихъ — gâd, gāda.

[2]) Слово grez употребляется также и въ женскомъ родѣ — grȇz, grezî.

[3]) Слова, образующія род. пад. на û, по большей части могутъ принимать также â; но я выставилъ эту наставку лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда положительно знаю, что она употребительна.

ные на ѣh — mωžѣh, vlasѣh, zωbѣh; въ двойственномъ слышатся именительные на â, û — sinâ, sinû, дательные на ѣma — mωžѣma, slapѣma. Во множ. и двойств. числѣ часто, а иногда и въ единственномъ, употребляютъ распространительную наставку ov, которая всегда держитъ на себѣ ударе-ніе и не пускаетъ его на флексіи: slâp, slapôva, slapôvi, slapôvom, slapôvi, slapóv, slapôvom, и т. д. Кромѣ того, и не пользуясь наставкою ov, можно баритоновать всѣ падежи и склонять нпр. môst, môsta, môstu и т. д.[1]). Въ Русскомъ языкѣ, слова, соотвѣтствующія только что перечисленнымъ, отличаются полною или относительною негибкостью, а у Сербовъ они имѣютъ нисходящее удареніе, по всѣмъ падежамъ (вȃл, дȃр, рȇд, свȇт и др.), или же — нисходящее въ именительномъ, а въ остальныхъ рѣзкое, нпр., гȏст, гȍста; лȇд, лѐда; тȃст, тȁста[2]). Исключенія представляютъ только lân, mâh, nôht, pânj, sȇrp и tȇk, которыя не находятъ правильнаго соотвѣтствія, одни въ Русскомъ языкѣ, другія въ Сербохорватскомъ, третьи — ни въ томъ, ни въ другомъ: серб. гȁд, гȁда; рус. гадъ, гàда, серб. лȁн, лȁна; рус. лепъ, льна; серб. мȉр, мѝра, рус. миръ, мѝра; серб. мȁх (мȃх) мȁха, рус. мохъ, мха, -у (и мóха, -у); серб. нȏкат, -кта, рус. нóготь, нóгтя; серб. пȃњ, пáња, рус. пень, пня; серб. сȇрп, рус. серпъ, серпá; серб. тȇк едва (нарѣчіе). У словъ lân, pânj, mâh, sȇrp, по всей вѣроятности, удареніе совсѣмъ не выдвинуто, а только подставлено, вмѣсто рѣзкаго ударенія, нисходящее: lân, lanû, вм. lân, lanȕ, см. ниже гл. VI.

2) Реченія женскаго рода, представляющія выдвижку, суть слѣдующія: bȇrv, bȇrvî, мостикъ; vȇrv, vȇrvî; *vâs, vȇsî (васа); ûš, ušî (къша); vȇst, vestî совѣсть; vêz, vezî связь; grêd, gredî лѣстница (?); grêz, grezî болото, топь; gȏž, gωžî, пріузъ, гужикъ; gôs, gωsî гусь; dlan, dlanî; zvêr, zverî; kȃd (по Янеж. kād), kadî бочка, корыто; kāl, kalî отпрыскъ; klôp, klωpî скамейка; kôst, kωstî; *krî, kȇrvî; lūč, lučî свѣтъ; *lâž, lžî; māst, mastî жиръ; môč, močî; mȇd, medî; nôč, nωčî; pȇč, pečî; plâst, plastî пластъ, слой, стогъ; plât, platî сторона, половина (?); *pȇrst, ȇrstî персть, земля; pȇd, pedî; pȇst, pestî кулакъ; *ȇrž, ȇržî; rȇč, rečî вещь; sanî мн. ч.; *skȇrb, skȇrbî забота; sôl, sωlî; stvâr, stvarî; cȇv, cevî трубочка; čȇr, čerî разсѣлина, щель; čâst, častî; sčȇt, sčetî щетка; jȇd, jedî яства[3]). Бóльшая часть при-

---

[1]) См. у Валявца. Rad. XLVII, str. 27 — 29.

[2]) Впрочемъ, нѣкоторыя изъ этихъ словъ мѣняютъ акцентовку въ мѣстномъ падежѣ: рус. рядъ, рядá — въ ряду́, серб. рȇд, рȇда — у ре́ду.

[3]) Слова ûš, lâž, ȇrž, можетъ быть и vâs, по всей вѣроятности, только уподобились словамъ съ выдвинутымъ удареніемъ, а первоначально имѣли родительные vši, lži, rži (и vsi?). См. ниже гл. VI и таблицы.

веденныхъ словъ имѣетъ насуффиксную акцентовку только во множеств. и въ двойств. числѣ, а въ единственномъ окситонуетъ одинъ родительный падежъ. Однако, слова, отмѣченныя звѣздочками, произносятся подобнымъ образомъ и въ дательномъ падежѣ (онъ же и мѣстный), въ которомъ, впрочемъ, является не нисходящее удареніе, а рѣзкое, нпр. pȓrst, род. ръrstȋ, дат., мѣстн. ръrstȉ. Подобно первой группѣ, и эти слова представляютъ въ именит. падежѣ долгій гласный, за исключеніемъ только двухъ: ȓrž и kȁd (рядомъ съ kād); русскіе противни ихъ суть слова негибкія, а сербохорватскіе — во всѣхъ падежахъ имѣютъ нисходящее удареніе, или же въ именит. падежѣ — нисходящее, въ остальныхъ — рѣзкое: серб. бр̏ъв,-и; пȇд,-и; кȏст, кȍсти; рȃж, рȃжи и т. д. Подъ это правило не подходятъ рус. вошь, вши; ложь, лжи; рожь, ржи; и серб. пȅст., -и.

Когда односложное слово женскаго рода представляетъ краткій гласный, какъ nȉt, rȉt podex, mȉš, тогда удареніе у него неподвижное.

3) Слова средняго рода, съ выдвинутымъ удареніемъ: blagô, -â; drevô, -â, (-ɛsa); zlatô, -â; gωrjȇ, imȇ, -ɛna; kωlô (-ɛsa); mωrjȇ, -â; mesô, -â; nebô, -â (-ɛsa) небо, нёбо; ωkô (ωčɛsa); pωljȇ, -â; prωsô, -â; slωvô, (-ɛsa) прощаніе; sъrcȇ, -â; senô, -â; telô, (-ɛsa); testô, -â; uhô, uhȃ (ušɛsa) [1]). Соотвѣтственныя русскія реченія всѣ принадлежатъ къ числу негибкихъ, но въ Церковномъ языкѣ наращаемыя посредствомъ слога ес-, въ косвенныхъ падежахъ, представляютъ удареніе на флексіяхъ: о́ко, очесе́, -и́ и т. д.; сло́во, словесе́ [2]). Въ Сербохорватскомъ языкѣ эти слова далеко ни всѣ, какъ мы ожидали бы по аналогіи словъ мужескихъ и женскихъ, произносятся съ нисходящимъ удареніемъ: говорятъ блȃго, дрȇво, злȃто, мо̑ре (или мо̏ре), мȇсо, сȇно, тȇло, но столько же разъ, или даже нѣсколько чаще, является удареніе рѣзкое: ȉме, ко̏ло, нȅбо, о̏ко, по̏ље, про̑со, сло̏во (буква), сȅрце, у̏хо.

---

[1]) Такъ же произносятъ и pȓrô (-ɛsa), но въ этомъ словѣ удареніе не выдвинуто, а только измѣнено: слово это имѣетъ еще иной выговоръ — pе́ro = шток. пѐро, чак. пер̏о̄, рус. перо́, и мѣстному словен. (бохинскому) рег̏о̄. Наклонное удареніе у словъ средняго рода обыкновенно проводится далеко не по всѣмъ падежамъ: sъrcȇ, sъrcȃ, но sȅrcu, sȅrcem.

[2]) Такой же выговоръ имѣетъ русское множеств. число небеса́, серб. небѐса (= небесȁ, у Берлича nebesá, такъ же и čudesá, tjelesá str. 40.). Соотвѣтственныя словенскія формы, собственно говоря, должны бы произноситься nebésa, telésa, ωčésa. Полагаю, что онѣ прежде такъ и произносились, но вслѣдствіе того, что удареніе въ нихъ, сравнительно съ именительнымъ nȇbω, tȇlω, ôkω, казалось не оттянутымъ, а, напротивъ того, выдвинутымъ, é замѣнили свойственнымъ слогамъ съ выдвинутымъ удареніемъ ȇ.

4) Выдвижка происходитъ также въ нѣкоторыхъ словахъ, съ согласнымъ окончаніемъ: večêr, gωvôr, gωlôb, kωrên, perêl и т. д.

5) Выдвинутое удареніе, которое падаетъ не на конечный, а на пред конечный слогъ, мы видимъ въ косвенныхъ падежахъ существительныхъ bréme, vréme, plême — bremɛna, vremɛna, plemɛna[1]).

Объяснить появленіе выдвижки чрезвычайно трудно, особенно если считать ее чисто фонетическимъ явленіемъ. Отчасти она можетъ быть объяснена слѣдующими соображеніями: 1) Формы, въ родѣ sinû, могли примѣниться къ формамъ множеств. числа sinôvi и т. д.[2]). 2) У словъ zvêr, nôč и т. д. косвенные падежи множеств. числа, по показаніямъ Русскаго и Сербскаго языка, издавна имѣли наклонное удареніе, и ихъ примѣромъ могъ увлечься имен. множеств. и родит. падежъ единств. числа. 3) Выговоръ словъ blagô, tωrjê также можно выводить изъ множествен. числа, если предположить, что множеств число баритонокъ средняго рода, подобно тому, какъ у насъ, и у Словенцевъ имѣло наконечную акцентовку. Но всѣ эти объясненія, вмѣстѣ съ приведенными уже выше объясненіями отдѣльныхъ словъ (какъ pânj, ωkô), мнѣ кажутся не вполнѣ удовлетворительными.

Вслѣдствіе оттяжки, въ Словенскомъ языкѣ значительно сократилось число гибкихъ словъ: произносятъ kω̑nj, kώnja; králj, králja; kωváč, kωváča; skakûn, skakûna; zemlják, zemljáka и т. д. Есть, однако,

---

[1]) Выговоръ этихъ словъ я объясняю себѣ слѣдующимъ образомъ: первопачально единственное число ихъ имѣло накоренную акцентовку, а множественное — насуффиксную, въ пользу чего говорятъ соотвѣтственныя слова у Русскихъ, Сербовъ и Болгаръ. Когда во множеств. числѣ произошла оттяжка, то явились формы vremɛ́na, bremɛ́na, plemɛ́na, въ которыхъ удареніе сравнительно съ единств. числомъ vrɛme, brɛme, и т. д. казалось выдвинутымъ, вслѣдствіе чего, вм. e, въ нихъ подставили обычный подъ выдвинутымъ удареніемъ ɛ. Такимъ образомъ развилось множ. число bremɛna и т. д., къ которому потомъ примѣнилось единственное.

[2]) При появленіи выдвижки у словъ мужеск рода несомнѣнно играли нѣкоторую роль склонныя къ насуффиксной акцентовкѣ основы на u (см. выше, стр. 26); но я полагаю, что эта роль ограничилась образованіемъ постоянно ударяемой распространительной наставки ov, и что родительные dωmû, sinû и т. п. не слѣдуетъ считать архаизмами: если бы они были архаизмами, то гласный флексіи, по всей вѣроятности, былъ бы кратокъ, какъ въ словѣ kuръ̀ьc, kurcà, kurcù = чак. kȳpȁц, kȳpцȁ, kȳpцȕ, и во всѣхъ ему подобныхъ. Можно, впрочемъ, допустить позднѣйшую замѣну краткаго гласнаго долгимъ, въ подражаніе множеств. числу. Что касается постоянной ударяемости наставки ov, то я склоненъ считать такой выговоръ древнимъ и въ сербскихъ формахъ, въ родѣ knѐzови, свàтови, вижу искаженіе вмѣсто *knèzови, *свàтови, по аналогіи единств. числа knêz, knêza, свàт, свàта; также объясняю себѣ и резьянскія формы doědavi, hlivavi, dobove. Разумѣется, нельзя быть вполнѣ увѣрену въ правильности такого взгляда.

1) Цѣлый рядъ реченій муж. рода съ наклоннымъ удареніемъ. Насуффиксная акцентовка нѣкоторыхъ изъ нихъ весьма обычна въ живой рѣчи, хотя и не признана литературою. Таковы, нпр., слова: bъ̑rst, bъrstà отпрꙑскъ, bъ̑t, bъtà палица; bъd'ъ̑nj, bъdnjà; vъ̑rt, vъrtà садъ; bъ̑č, bъčà родъ колодца; bъzъ̑g, bъzgà бузина; d'ъ̑ž, dъžjà [1]); kωbъ̑l, kωblà modius; mъzъ̑g, mъzgà лошакъ; mъn̆k, mъnkà (мень, менёкъ) gadus lota = налимъ; rъkъ̑l, rъklà адъ; hъrbъ̑t, hъrbtà; cvъn̆k, cvъnkà; čъbъ̑r, čъbrà ушатъ. Сюда относится довольно много именъ, съ наставкою ьць: bъtъ̑c, bъtcà (ум. отъ слова bъ̑t) головастикъ; kωsmъ̑c, kωsmъcà клочекъ; sъn̆c, sъncà (обыкн. во множ. числѣ sъncì) високъ; stъbrъ̑c, stъbrъcà ein sehr kleiner Pfeifer; kurъ̑c, kurcà [2]); mъrtvъ̑c, mъrtvъcà; jagûc, jagucà (вм. jaglъ̑c, jaglъcà) растеніе primula acaulis; kωzlъ̑c, kωzъlcà родъ навѣса для сжатаго хлѣба. — Еще гораздо значительнѣе число этихъ словъ у Резьянъ, которые склоняютъ нпр. bŏr, bŏbă; kŏń, końă; konăc, koncă [3]). Впрочемъ, резьянская акцентовка вообще довольно близка къ русско-чакавской: оттяжка въ ней является лишь тогда, когда слогъ, предшествующій первичноударяемому, дологъ, нпр. srīda, lākno, mūka = серб. сре́да, вла́кно, му́ка [4]).

2) Кромѣ этихъ исконногибкихъ словъ, т. е. сходныхъ съ русскими и съ чакавскими, существуютъ еще слова недавней гибкости — слова съ выдвинутымъ удареніемъ (Bôg, Bωgâ; brôd, brωdû и т. д.) которыя перечислены выше.

3) Такою же вторичною гибкостью отличаются перечисленныя тамъ же женскія существительныя на согласный (bêrv, bъrvî, vâs, vasî и т. п.).

4) Есть въ Словенскомъ гибкія слова мужеск. рода, которыя, подобно нѣкоторымъ штокавскимъ словамъ (jȕnāk, jунáка; зимȍвнīк, зимовни́ка; кȍпоп, конȍпа; му́драц, мудра̀ца и т. п.), во всѣхъ падежахъ носятъ удареніе на предпослѣднемъ слогѣ, т. е. отличаются, по предложенному мною выше

---

[1]) Гибкость слога dež признана и литературою.

[2]) Слово kurъ̑c встрѣчается, съ такимъ удареніемъ и у Прешерна: Brat prvi kurêc je, on kupi zlatá. (Zdravilo ljubezni). In kurèc po svetu hodi. (Gazela 6).

[3]) Не рѣшаюсь измѣнить Бодуэновскія начертанія, хотя, по всей вѣроятности, согласно съ принятымъ мною правописаніемъ, слѣдовало бы писать bωbă, kωńă, kωnăc, kωncă.

[4]) Бодуэн-де-Куртенэ. Опыт фонетики резьянских говоров: §§ 151, 169, 199, 218. — Доводы Бодуэна въ пользу того, что резьянская рѣчь не можетъ считаться парѣчіемъ Словенскаго языка (§§ 291 — 294) для меня мало убѣдительны. Если-жъ Бодуэнъ правъ, и слѣдуетъ говорить объ особомъ резьянскомъ языкѣ, то сходство его акцентовки съ русско-чакавскою получитъ для насъ еще бо́льшее значеніе.

выраженію, *польскою* гибкостью. Таковы нѣкоторыя реченія, представляющія такъ же, какъ и штокавскія, оттянутое удареніе: živωt, živώta; klώbuk, klωbúka; snúbωk, snubώka = snώbωk, snωbώka женихъ; sώkωl, sωkώla, šátωr, šatώra (или šώtωr, šωtώra); pώkrωv, pωkrώva (или pωkróva) крышка (ср. Покровъ, Покрова, стоящее рядомъ съ нарицательн. покровъ, покрова (книжн.) и серб. пòкров). Сюда относится, вѣроятно, и pώlič, pωlíča ein halbes Maas, которое не соотвѣтствуетъ Караджичеву пòлић, а предполагаетъ выговоръ *полычь, полыча (или *полычь, полыча?).

Эти четыре группы гибкихъ словъ существуютъ наперекоръ оттяжкѣ; но есть у Словенцевъ и такія слова, которыя именно вслѣдствіе оттяжки, непослѣдовательно проведенной, пріобрѣли особаго рода гибкость. Сюда принадлежатъ:

5) Двусложныя реченія женск. рода на a, представляющія у Русскихъ и у Чакавцевъ наклонное удареніе. Эти слова, по большей части, оттягиваютъ удареніе въ именительномъ и въ дательно-мѣстномъ ед. числа, а въ остальныхъ падежахъ удерживаютъ на мѣстѣ; хотя могутъ оттягивать его и во всѣхъ. Такимъ образомъ получается слѣдующее склоненіе[1]):

Единственное число.

Им. vώda (мѣстн. форма vωdȁ).
Род. vώde, vωdȇ (vωdȅ).
Дат. Мѣстн. vώdi (рѣдко vωdȉ).
Вин. vώdo, vωdô, (vωdȍ): pω vωdô, pω vôdω.
Зват. vῶda (vωdȁ)[2]).
Твор. vῶdω, vωdó (рѣдко vωdȍ).

Множественное число.

Им. Вин. vώde, vωdȇ, (vωdȅ): na nωgȇ, na nôge.
Род. vῶd, vôd, vωdá[3]).

---

[1]) Valjavec. Rad XLIV, str. 36.

[2]) Какъ видно изъ этого примѣра, звательный падежъ, если принять музыкальную теорію словенской акцентовки, можетъ отличаться отъ именительнаго тѣмъ, что замѣняетъ восходящее удареніе нисходящимъ. Такъ же, какъ vώda и vῶda, различаются именительные dωlína, dežéla, dȇklica, Túpaličanka и звательные dωlîna, dežêla, dȇklica, Tûpaličanka. То-же самое замѣчается у словъ муж. рода: sósed, мн. ч. sωsȇdje, дв. ч. sωsȇda — зват. sôsed, sωsȇdje, sωsȇda. Это явленіе находится въ полномъ соотвѣтствіи съ баритонностью зват. падежа у Русскихъ (Малороссовъ) и у Болгаръ и съ соотвѣтственною акцентовкою его у Сербовъ. См. гл. I, стр. 25 и 30, гл. IV и примѣчанія къ таблицамъ I, Б и III, Б.

[3]) По Шкрабцу: vωdâ.

Дат. vȍdam, vɯdâm, vɯdȁm.
Зват. vȗde, vɯdē.
Твор. vȍdami, vɯdâmi (vɯdamȉ).
Мѣстн. vȍdah, vɯdȁh, vɯdéh.

Двойственное число.

Им. Вин. vȍdi.
Зв. vȗdi.
Твор. vȍdama, vɯdâma (vɯdamȁ)[1]).

6) Точно такой же видъ, какъ исконногибкое слово животъ, приняли у Словенцевъ нѣкоторыя двусложныя слова, которыя у Русскихъ и Чакавцевъ имѣютъ удареніе неподвижное, приходящееся въ им. падежѣ на послѣдній слогъ: эти слова въ им. падежѣ оттянули удареніе, а въ прочихъ падежахъ оставили его на мѣстѣ. Вслѣдствіе такой перемѣны получается выговоръ: jélen, jelȅna; médved, medvéda; ȍreh, ɯréha; pélin, pelína; péčat, pečâta; tȍvɯr, tɯvóra; tr̀buh, tr̀búha; člȍvek, človéka[2]); náhɯd, nahóda (náhɯda) насморкъ; nárɯd, naróda; násad, nasáda Lege zum Dreschen; nástel, nastéla — настилка; náuk, naúka (и náuka) ученіе; ȍblɯk, ɯblóka окно; ȍgrad, ɯgráda; pȍrɯd, pɯróda рожденіе; pȍkɯj, pɯkója; pȍklɯp, pɯklópa заслонка; pȍkɯp, pɯkȏpa похороны; pȍkrɯv, pɯkróva (или pȍkrȍva по 4 пункту) pȍrɯk, pɯróka порука, поручитель; pȍtɯk, pɯtóka ручей; pȍtɯp, pɯtȏpa; prɛdel, predɛla отдѣленіе; prélaz, prelâza; prérɯk, preroka; prȍrɯk, prɯróka; príhɯd, prihóda; prisad, prisáda воспаленіе; prȍstɯr, prɯtora; rázɯr, razɯra борозда; spréhɯd, sprehóda прогулка; sósed, sɯséda; záhɯd, zahóda; zákɯn, zakȍna законъ, бракъ; zárɯd, zaróda племя, родъ[3]).

Подобною же гибкостью отличаются трехсложныя: petélin, petelína пѣтухъ; zalétel, zaletéla ein Ungeschickter, der anrennt.

---

[1]) Выговоръ vɯdamȁ, vɯdamȉ, судя по показаніямъ языковъ Русскаго и Сербскаго, не есть исконный: онъ, повидимому, былъ вызванъ стремленіемъ выдержать и въ этихъ падежахъ наконечную акцентовку: произносятъ же vɯdȁ, vɯdȅ, vɯdȉ и т. д., такъ отчего не произносить также, вмѣсто vɯdâma, vɯdâmi, vɯdamȁ и vɯdamȉ?

[2]) Судя по Сербскому языку, сюда же относятся слова: jézik, jezíka и kȍžuh, kɯžúha (серб. jèзик, -а, kòжух, -а), но если больше довѣрять русской акцентовкѣ язы̏къ, языка́; кожу́хъ, кожуха́, то ихъ придется отнести къ четвертой группѣ.

[3]) Слова 4-ой и 6-ой группы могутъ быть и негибкими: въ имен. падежѣ произносятъ также ɯrȅh, medvȅd, tr̀búh, pɯtȗk, klɯbúk, pɯkrȗv, pelín, živȗt.

7) Польская гибкость свойственна также словамъ на en: kȏren, kωrɛna; krémen, kremɛna; plámen, plamɛna (или plámena); jérmen, jermɛ́na; jéčmen, ječmɛ́na; sьršen, sьršɛna. Слова эти, въ Сербскомъ языкѣ, имѣютъ рѣзкое удареніе на корнѣ: крѐмēн, крѐмена; рѐмēн, рѐмена; јȁсēн, јȁсена; јѐчмēн, јѐчмена; стрѐмēн, стрѐмена; сѣ̀ршљēн, сѣ̀ршљена. Объяснить очевидное противорѣчіе между выговоромъ словенскимъ и сербскимъ, кажется, не трудно: слѣдуетъ только допустить, что слова на ен первоначальпо не имѣли опредѣленной, общей всѣмъ акцентовки, а что произносили, съ одной стороны, кремы́, кремéне, јеңчмы́, јеңчмéне; *ремы́, ремéне[1]); *стремы́, -мéне (?), а съ другой — плáмы, плáмене; кóрең, кóрене, *сьршең, сьршепе, и что Словенцы сохранили и накоренную и пасуффиксную акцентовку, но присвоили ее всѣмъ этимъ словамъ безразлично, между тѣмъ какъ Сербы возвели въ общій законъ накорѐнную акцентовку. — Словенцы нерѣдко и въ имен. падежѣ этихъ словъ ударяютъ на суффиксъ: grebȇn, kωrȇn, plamȇn.

8) Подобною же гибкостью отличаются и нѣкоторыя наращаемыя слова средняго рода: téle, telɛta; bréme, vréme, pléme — род. bremɛna, vremɛna, plemɛna. Изъ нихъ первое въ именительномъ представляетъ оттянутое удареніе (рус. теля́, серб. тѐле). Объ остальныхъ словахъ рѣчь была уже выше (стр. 96); коснусь ихъ еще и во 2 прим. къ 102 стр..

Читатель видитъ изъ всего, что до сихъ поръ говорилось въ этой главѣ, что я словенскую акцентовку считаю первоначально тожественною съ русско-чакавскою, несмотря на нерѣдкія отклопенія ея въ ту и другую сторону, которыя я называю оттяжкою и выдвижкою. Но вѣрный ли это взглядъ? Имѣемъ ли мы право на основаніи того, что штокавскія кȏњ, кȍња; добрȍта, пи́сати образовались изъ первоначальныхъ и чакавскихъ кȏњ, коња̑, доброта̑, пи́са̑ти, выводить изъ тѣхъ же формъ и словенскія kȏnj, kȍnja, dωbrȍta, písati? Достаточно ли аналогичной акцентовки русскихъ словъ Богъ, Бо́га, го́родъ, го́рода, не́бо, про́со и Сербскихъ — Бȏг, Бȍга, грâд, грâда, нѐбо, прȍсо, чтобы удареніе словенскихъ Bȏg, Bωgâ; grâd, gradȗ, nebȏ, prωsȏ признать выдвинутымъ? А что́, если словенская акцентовка не имѣетъ прямой связи съ русско-чакавскою, если она, можетъ быть, исконнѣе ея?

Однако, въ виду весьма значительнаго числа словенскихъ реченій уда-

---

[1]) Русскія кремéнь, кремня́; ремéнь, ремня́ считаю искаженіемъ изъ кремéнь, кремéня; ремéнь, ремéня (какъ кáмень, кáмня, вм. кáмень, кáмепя). Въ церковномъ языкѣ послѣднее слово дѣйствительно произносится въ род. падежѣ ремéня (ремéна сапóжнаго. Кн. Бытіа̀ дї. кг̑.), по-малорусски — ремéню.

ряемыхъ сходно съ русскими и чакавскими (devíca, dωbrâva, kωpítω, stъzâ, mъglâ и т. д.) мы никакъ не можемъ отрицать существованіе между нашими акцентовками весьма близкой связи. Далѣе, мы видимъ, что рядомъ съ формами оттянутаго или выдвинутаго ударенія обыкновенно стоятъ и другія формы, сходныя съ русско-чакавскими: такъ, рядомъ съ произношеніемъ gúmno идетъ gumnȏ, рядомъ съ súkno — suknȏ, рядомъ съ vȍda — vωdâ. Далеко не всегда произносятъ jézik, ȍreh, kȍžuh, klȍbuk, médved, prɛdel, pȍtωk, glȍbωk и т. д., слышатся также jezȋk, ωrȇh, kωžȗh, klωbúk, medvȇd, predɛl, pωtȏk. Видя, такимъ образомъ, рядомъ съ акцентовкою, отступающею отъ русско-чакавской, другую акцентовку, сходную съ нею, развѣ мы не въ правѣ считать вторую болѣе исконною, нѣкогда общею Русскимъ, Сербо-хорватамъ и Словенцамъ? Наконецъ, въ самомъ Словенскомъ языкѣ замѣчается одно явленіе, свидѣтельствующее о томъ, что мое «оттянутое» удареніе дѣйствительно есть оттянутое. Явленіе это состоитъ въ томъ, что гласные *е* и *о* подъ такимъ ударéніемъ имѣютъ ту же окраску, какая имъ свойственна въ неударяемыхъ слогахъ, т. е. произносятся ближе къ *а*, нежели къ *і* и *и*, очевидно, потому, что недавно на нихъ попавшее ударéніе не успѣло произвести въ нихъ качественнаго измѣненія. Что такой выговоръ (е и ω) дѣйствительно можетъ считаться залогомъ недавности извѣстной акцентовки, ясно особенно изъ слѣдующихъ явленій:

1) Въ родит. падежѣ множеств. числа словъ женскаго и средняго рода e и ω замѣняются черезъ ɛ и o: méja — mɛj; žéna — žɛn; séstra — séstъr; rešétω — rešɛt; rébrω — rɛbъr; sédlω — sɛdl; kȍza — kōz, nȍga — nōg; ȍknω — óknn и т. д. Падежъ этотъ, очевидно, уже въ Праславянскомъ языкѣ никогда не полагалъ ударенія на онѣмѣвшую у всѣхъ Славянъ наставку ъ[1]), между тѣмъ какъ остальные падежи указанныхъ словъ — всѣ

[1]) Акцентовка сербскихъ родительныхъ жéнā, сестáрā, пóльā, весáлā и т. п., какъ и самыя формы (см. Даничић. Историја облика, стр. 70), позднѣйшаго происхожденія; древнія формы и акцентовка жȇн, сȇстāр, пȏль, вȇсāл доселѣ сохраняется у Чакавцевъ. Выговоръ жéнā, сестáрā, пóльā, весáлā, вм. ожидаемаго жȇнā, сȇстāрā, пȏльā, вȇсāлā легко объясняется дѣйствіемъ аналогіи: такъ какъ указанныя слова, въ большей части падежей обоихъ чиселъ, или по крайней мѣрѣ множественнаго числа, полагаютъ *слабое* ударéніе на слогъ, предшествующій флексіи (что соотвѣтствуетъ первоначальной наконечной акцентовкѣ), то и родит. падежу мн. ч. придали подобный выговоръ, причемъ конечно, вслѣдствіе долготы ударяемаго слога, слабое ударéніе смѣнилось *восходящимъ*. Мнѣ кажется весьма вѣроятнымъ, что это явленіе породило даже самую наставку ā, которая представляется намъ столь загадочною: когда явилось стремленіе произнести односложныя формы, въ родѣ жȇн, пȏль, съ восходящимъ ударéніемъ, оказалось необходимымъ прибавить къ нимъ еще одинъ слогъ, который и прибавили, въ видѣ того гласнаго, который играетъ роль бѣг-

или бо́льшая часть ихъ —, по показаніямъ языковъ Русскаго и Сербскаго, ударяли на флексію; качественное измѣненіе словенскихъ гласныхъ е и ѡ нельзя не привести въ связь съ этимъ явленіемъ.

2) То же самое соотношеніе видимъ между мужескимъ и женскимъ родомъ причастій и прилагательныхъ: nɛsъl — nésla, tɛrъl — tépla; rɛkъl — rékla, dóbъr — dѡ́bra, tórъl — tѡ́pla; mókъr — mѡ́kra.

3) Къ тому же выводу приводитъ сравненіе словъ nɛbѡ (обыкн. съ вывижкою nebô), kóža, škóda и rébrѡ, kѡ́za, vѡ́da между собою и съ чакавскими нёбо, ко̏жа, шко̏да, ребро̏, коза̏, вода̏.

Итакъ, словенскія ɛ и o соотвѣтствуютъ гласнымъ искони ударяемымъ [1]), въ каждомъ же é и ѡ мы въ правѣ видѣть гласный первоначально неударяемый, а получившій удареніе впослѣдствіи, путемъ оттяжки. По этому, такъ же, какъ мы за штокавскими удареніями слабымъ и восходящимъ видимъ старое, общесербское удареніе на слѣдующемъ слогѣ, мы словенскія é и ѡ должны считать равносильными ударенію на слѣдующемъ за ними слогѣ: слова bérem, pérem, téčem, plétem, dérem, nesémo, nesété, léči, péči, nésti, mésti, plésti, éna (одна), jézik, médved, prérѡk, péta, zѡ́vem, pѡ́jem, tvѡ́ja, premѡ́gla, mѡ́liti, lѡ́vъc, kѡ́zъl, kѡ́žuh, kѡ́tъl, strahѡ́ta, bѡ́sti, mѡ́či слѣдуетъ считать этимологически равносильными berém, perém, tečém, pletém, nesemô, nesetê, lečî, pečî и т. д. [2]).

лаго, — въ силу подобнаго же стремленія, какъ мнѣ думается, наше простонародье къ формамъ мѣста́, мѣста́мъ, мѣста́ми, мѣста́хъ, образовало неорганическій родительный мѣсто́въ. При такомъ объясненіи наставки ā, разумѣется, приходится предположить, что она первоначально принадлежала только односложнымъ и двусложнымъ словамъ, нѣкогда имѣвшимъ наклонное удареніе, а остальнымъ присвоена уже впослѣдствіи.

[1]) Этотъ законъ во всей строгости примѣняется только къ общеславянскимъ e и o, а не къ первоначальному ѣ (который почти всегда замѣняется черезъ ɛ — srɛda, črɛda), ни къ ѧ и ѫ. Кромѣ того, онъ не примѣняется къ словамъ съ выдвинутымъ удареніемъ: pѡljê, prѡsô.

[2]) Прекрасно: зову́, пою́ — по-словенски zѡ́vem, pѡ́jem, но вѣдь произносятъ также колю́, молю́, трепещу́, а Словенцы говорятъ koljem, molim, trepɛčem! Выговоръ этотъ, соотвѣтствующій сербскому выговору (ко̀љём, мо̀ли̏м, трѐпећём) и болгарскому — ко́лjъ, мо́лjъ, легко объясняется уподобленіемъ перваго лица прочимъ лицамъ, которыя и по-русски не имѣютъ окончатаго ударенія — ко́лешь, мо́лишь, трепе́щешь и т. д. Тѣмъ же я объясняю себѣ, въ Русскомъ языкѣ, выговоръ а́лчу, бре́шу, зи́жду, зо́блю, зы́блю, стра́жду, хра́млю, коле́блю, колы́шу, вмѣсто ожидаемаго алчу́, брешу́ и т. д. (См. у Грота, Филол. розыск., стр. 332): первому лицу этихъ глаголовъ, которое, по самому ихъ значенію, приходится употреблять только изрѣдка, естественно было подчиниться остальнымъ. (Правда,

Вотъ на какомъ основаніи я полагаю, что въ Словенскомъ языкѣ положительно можно говорить объ оттяжкѣ. Но не напрасно ли я приписалъ ему какую-то выдвижку?

Въ пользу существованія выдвижки говоритъ слѣдующее: 1) рядомъ съ выдвинутымъ удареніемъ какъ упомянуто уже выше, всегда можетъ употребляться и невыдвинутое: всѣ односложныя съ родительнымъ на â или на û могутъ быть и негибкими, т. е. допускаютъ склоненіе slâp, slâpa, slâpu и т. д., по всѣмъ падежамъ. Но, можетъ быть, этотъ выговоръ слѣдуетъ считать позднѣйшимъ — можетъ быть, въ немъ слѣдуетъ видѣть оттяжку? Что это было бы невѣрно, явствуетъ изъ словъ съ коренными e и o, которыя не являются въ этихъ словахъ въ видѣ e, ω, а въ видѣ ɛ, o: bôg, bôga; lôj, lôja; rôg, rôga; rôd, rôda; lêd, lɛda; plês, plɛsa.

2) То-же самое относится и къ словамъ средняго рода на ô: рядомъ съ blagô, zlatô, senô, telô, testô, uhô, является выговоръ blâgω, zlâtω, sɛnω, tɛlω, tɛstω, а при коренномъ e или o nɛbω [1]), ôkω, môrje, pôlje.

Даже видимое исключеніе изъ этого правила, касающееся именъ мужескаго рода, — появленіе въ дательно-мѣстномъ падежѣ e и ω, — если поближе всмотрѣться въ дѣло, служитъ лишь къ подтвержденію моего взгляда: формы médu, plésu, rédu, tékų, jézu, brώdu, vώzu, gώdu, gώstu, grώmu (говорятъ и grômu), gnώju, dώmu, drώbu, zvώnu, lώju, mώstu, nώhtu, nώsu,

---

формы алчу, зижду, стражду могли бы употребляться довольно часто, но онѣ не народныя, а книжныя). Исходить, при объясненіи указаннаго несоотвѣтствія между акцентовкою русскою и сербо-словенскою, изъ юго-славянскаго выговора и считать русскій — новѣйшимъ, очевидно, нельзя: было бы непонятно, почему первыя лица ед. ч. — если ужъ имъ захотѣлось имѣть свою особенную акцентовку — не всѣ отступили отъ общей схемы, т. е. почему стали произносить колю́, молю́, мечу́, трепещу́, пишу́, тону́, а сохранили пя́лю, ви́жу, ся́ду, игра́ю, вя́ну и т. д. — Встрѣчаются также отклоненія въ другую сторону, такъ что вмѣсто ожидаемыхъ ɛ и o являются e и ω: méhъk, krώtъk, ώsъm, mώčъn. Появленіе этихъ звуковъ легко объясняется аналогіей другихъ родовъ, или падежей указанныхъ реченій: mehъk, krωtъk, mωčъn примѣнились къ méhka, krώtka, mώčna; ώsъm — къ ώsmih, -im, -imi (рядомъ съ ωsmɛh, -ɛm, -ɛmi; по-русски во́семь, восьми́, восемью́). Подобнымъ же образомъ я объясняю себѣ имен. падежи brême, vrême, plême, вмѣсто которыхъ мы бы ожидали brɛme, vrɛme и plɛme: такъ какъ имен. падежи къ родительнымъ jezíka, jelena, medvéda произносятся не jézik, jélen, médved, а jézik, jélen, médved, то и къ родительнымъ bremɛna, vremɛna, plemɛna образовали именительные brême, vrême, plême, вмѣсто первоначальныхъ *brɛme, *vrɛme, *plɛme.

[1]) По крайней мѣрѣ род. nɛba, дат. nɛbu, твор. nɛbωm положительно встрѣчаются.

plȍtu, rȍgu, rȍdu[1]) слѣдуетъ считать мѣстными падежами на первоначально ударяемое у, а такіе мѣстные падежи, у Русскихъ и Чакавцевъ, свойственны, именно, словамъ ненаклонной акцентовки.

Также и дательно-мѣстные падежи принадлежащихъ сюда существительныхъ женскаго рода — kȇrv, pȇrst, skȇrb, čâst, nôč, pȇč (kȇrvȉ, pȇrstȉ, skȇrbȉ, častȉ, nȍčі, pȇčі) говорятъ противъ первичности акцентовки родительныхъ kȇrvî, pȇrstî, nȍčî, pečî: это тоже падежи мѣстные, которые, по показаніямъ Русскихъ и Сербовъ, первоначально произносились кървѝ, чьстѝ, ночѝ, печѝ (см. выше, стр. 32 и прим. къ IV табл.); видя, такимъ образомъ, что исконное насуффиксное удареніе звучитъ рѣзко, или оттягивается, мы склонны будемъ предположить, что долготное удареніе род. падежа не есть исконное. Приведенныхъ соображеній, мнѣ кажется, достаточно, чтобы признать существованіе у Словенцевъ выдвижки.

Бросимъ теперь взглядъ на акцентовку словенскихъ прилагательныхъ, при чемъ, по самому характеру этихъ словъ, нельзя будетъ ограничиться формами именного склоненія, а придется касаться также склоненія сложнаго.

Въ нечленной формѣ именительный падежъ мужескаго рода кончается на согласный и потому не чуждается наконечной акцентовки: произносятъ visȍk, glȍbȍk, zelȅn, vesêl, tepȅn, (прич.), tъmȅn (tъmān), kъsȅn (kъsān), svetȅl, gladȅk (gladāk) tъnȅk, (tъnāk), gȍrȅk, (gȍrāk), sladȅk, (sladāk) grъnȅk (grъnāk), krȍtȅk, (krȍtāk), strašȅn (strašān), mȍcȅn (mȍčān) bȍlȅn (bȍlān), hladȅn (hladān), lъhȅk (lъhāk), mehȅk (mehāk), težȅk (težâk) и т. д. Впрочемъ, во всѣхъ этихъ прилагательныхъ можетъ произойти и оттяжка: glȍbok, tépen и т. д.[2]).

Падежи съ гласными окончаніями, какъ и у существительныхъ, неохотно пускаютъ на нихъ удареніе. Однако, подобный выговоръ встрѣчается въ мѣстныхъ говорахъ, особенно въ пѣсняхъ, и допускается даже въ искусственныхъ стихахъ. Могу привести слѣдующія дѣйствительно употребляемыя формы:

1) им. падежи ед. числа ж. рода[3]): bъrhkȁ видная, красивая, (pre)velkȁ,

---

[1]) Въ Верхне-Краинскомъ говорѣ, нѣкоторые мѣстные падежи, а также и дательные, когда они сочетаются съ предлогами, имѣютъ насуффиксное удареніе: na lanȗ, pri slapȗ, na plazȗ, h slapȗ. Valjavec. Rad. XLVII, 28.

[2]) У нѣкоторыхъ прилагательныхъ оттяжка только кажующаяся, напр. формѣ bȍlъn соотвѣтствуютъ русск. бóлепъ, серб. бȏлан: появленіе въ ней ȍ и наконечная акцентовка параллельныхъ ей формъ объясняется аналогіей женск. и средн. рода = рус. больнá, больнó серб. бóна, бóно.

[3]) Метелко (Lehrgebäude. S. 21) говоритъ, что эта форма совершенно чуждается наконечной акцентовки, что однако невѣрно.

krepkȁ, mladȁ, mъrtvȁ, pɷlzkȁ, svetlȁ, sladkȁ, strašnȁ, trudnȁ, tъmnȁ, tъnkȁ. Причастія bilȁ (почти общеупотребительное) и cvelȁ.

2) им. падежи мн. числа:

а) м. р. bolnі, bъrhkі (bъrščі бох.), krivі, suhі (sъšі бох.), sladkȉ (swaščь бох.), svetī, mladі, mъrtvі, nagі, hudі, прич. bilі.

б) ж. р. gɷrkɛ, grenkɛ, gъrdɛ дурныя, dɷbrɛ, dragɛ, lepɛ, lъhkɛ, mladɛ, mъhkɛ (mьščɛ бох.), nagɛ, ɷstrɛ, sladkɛ, strašnɛ, suhɛ, celɛ, прич. bilɛ, cvetlȅ [1]).

в) ср. р. lepá, zlatá.

3) им. падежи дв. числа: hladnȁ, mladȁ, svetá [2]).

4) родительные ед. ч. ж. р. bledɛ, hladnɛ, svetɛ, tъmnɛ.

5) винит. пад. ед. ч. ж. р. gъrdó, dɷbró, mladó, ɷjstró, svetló, pɷlnó.

6) вин. пад. мн. ч. svetɛ, dragɛ.

7) дат. пад. ж. р. ед. ч. ljubі; mьstn. tъmnі.

8) род. мн. ч. mъrtvȉh, lepȉh, čvъrstȉh, gɷstȉh, sladkȉh. [3]).

Весьма употребительна наконечная акцентовка въ среднемъ родѣ двусложныхъ прилагательныхъ въ имен. и въ вин. падежѣ, особенно когда прилагательное играетъ роль сказуемаго: dɛte ljubō, dɛte lepô!; to vīnɷ je sladkō; dɛte je zdravō; ravnō pɷljȇ; sъrcȇ mladō. Однако, именительно-винительные средняго рода для насъ большого значенія не имѣютъ, такъ какъ они не способствуютъ выясненію дѣла, а сами нуждаются въ объясненіи: удареніе на нихъ какъ будто выдвинутое — прилагательныя mladô, svetô и т. д. представляютъ протяжное (нисходящее?) удареніе, подобно существительнымъ prɷsô, nebô, telô, а не рѣзкое, какъ gumnȏ, srebrȏ, и другія слова, соотвѣтствующія русскимъ окситонкамъ. Конечно, по сравненіи ихъ съ русско-чакавскими, мы склонны будемъ думать, что часть этихъ прилагательныхъ ударенія не передвигала, а только замѣнила рѣзкое удареніе протяжнымъ. Однако, это относится далеко не ко всѣмъ словамъ этого рода: въ словахъ milō, nɷvō, slabō, sladkō и др. дѣйствительно приходится допустить выдвижку, т. к. имъ соотвѣтствуютъ рус. мȉло, нóво, слáбо, слáдко, серб. мȉло, нȏво, слȁбо, слȁтко.

Такимъ образомъ, акцентовка именительнаго падежа средн. рода не можетъ служить новымъ доказательствомъ существованія у Словенцевъ при-

---

[1]) Rudeča lica zorno še Cvetêjo, ko so préj cvetlè. Prešeren. Izgubljena véra. Причастіе cvetle здѣсь, по значенію, конечно, средняго рода, но форма его — женская.

[2]) Что касается именительнаго падежа муж. рода членнаго окончанія, то могу привести только одну такую форму, играющую роль звательнаго падежа: žlahtnȉ gɷspôd. Prešeren. Pesem od zidanja cerkve na Šmarni gori. II.

[3]) z vɛj gɷstȉh, besɛd sladkȉh. Prešeren. Parizina 1 и 2.

лагательныхъ съ наклоннымъ удареніемъ. Но нельзя не видѣть такого доказательства въ родительныхъ и дательныхъ падежахъ муж. и средн. рода на ъgа̑ и ъmŭ̑: dóbъr, (dȍbra), dȍbrω — dωbrъgа̑, -ъmŭ̑; lêr, (lḗra), lerô, — lerъgа̑, -ъmŭ̑; méhъk, (-hka), -hkω, — mehkъgа̑, -ъmŭ̑; mȍčen, (mȍčna), mωčnô — mωčnъgа̑, -ъmŭ̑; nô̑v, (nȍva), nωvô — nωvъgа̑, -ъmŭ̑[1]). Формы эти, по образованію, такія же членныя, какъ dóbrъga, lerъga, močnъga, mêhkъga, novъga, отъ которыхъ онѣ отличаются лишь по ударенію, между тѣмъ значеніе ихъ — неопредѣленное. Очевидно, онѣ и въ самомъ дѣлѣ съ ними тожественны и только дифференцированы посредствомъ ударенія; очевидно и то, что замѣна накоренной акцентовки насуффиксною могла произойти только въ силу аналогіи, т. е. только тогда, если такая акцентовка господствовала въ формѣ нечленной: склоненіе dóbъr, dωbrъgа̑, dωbrъmŭ̑ могло явиться только взамѣнъ именного склоненія dóbъr, *dωbrа̑, dωbrŭ̑[2]). — По наблюденію Жепича, прилагательныя опредѣленныя всегда отличаются отъ неопредѣленныхъ (кромѣ различія окончанія въ имен. ед. ч. муж. р.) по мѣсту, или же по качеству ударенія: удареніе или приближается къ началу слова, или же изъ восходящаго дѣлается нисходящимъ, какъ-то: tъnk̑ъk, -nkа̑ -ô — tânki, -a, -ω; tъmn̑, -mnа̑, -ô — tâmni, -a, -ω, svetl̑, -tlа̑, -ô — svêtli,

---

[1]) Подобныя формы встрѣчаются и въ искусственной поэзіи, напр. у Прешерна: na tehtnico svet'gа̀ Mihela. Sonetje. str. 175 (Sanjalo se mi je). Удареніе на окончаніи могутъ имѣть и нѣкоторыя слова мѣстоименнаго склоненія, которое у Словенцевъ почти совершенно слилось со сложнымъ: édъn (en), éna, éno — ednъgа̑; ω̑n, (ω̑na), ω̑no — njъgа̑; vs̑s, (vsa), vse — vsъgа̑.

[2]) Было бы интересно прослѣдить, насколько полно въ этомъ отношеніи соотвѣтствіе акцентовокъ русской, сербской и словенской. Правила, которыя о подвижномъ удареніи словенскихъ прилагательныхъ даетъ Жепичъ, весьма неточны. Жепичъ говоритъ, что особенно охотно «перескакиваетъ» на окончаніе нисходящее удареніе односложныхъ прилагательныхъ (напр. lêr, lerъgа̑) и удареніе тѣхъ, по большей части двусложныхъ, которыя въ женск. и средн. родѣ представляютъ е и ω (dóbъr, dȍbra, dȍbrω, — dωbrъgа̑). Если же прилагательное имѣетъ удареніе восходящее, или рѣзкое, или же состоитъ въ женскомъ родѣ изъ трехъ слоговъ, то оно ударенія на конецъ не переноситъ, напр. krátъk, -tka, -tko — krátkъga; visω̑k, -sȍka, -sȍka, -sȍkω — visȍkъga; mωgóčen, -čna, -čnω — mωgóčnъga; bḗl, -a, -ω — bḗlъga; ubóg, -a, -ω — ubógъga; zdrâv, zdráva, -ω — zdrávъga; stâr, stára, -ω — stárъga; nízъk, -zka, -zkω — nízkъga; ózъk, -zka, -zkω — ózkъga. Судя по русскому и по сербскому, нѣкоторыя изъ словъ второй группы (krátъk = серб. кра́так, рус. коро́то́къ, -ткá, -ткó, visω̑k = серб. ви́сок, -со̀ка, -о, рус. высо́къ, -сокá, -со́кó) имѣли бы такое же право на наконечную акцентовку родительнаго, какъ и dóbъr. Почему-жъ она имъ не свойственна? А въ словѣ visω̑k, -ȍka, -ω самый выговоръ (ω) указываетъ на первоначальную гибкость!

-a, -ω; pωlzъ̑k, -zkȁ, -zkô — pôlzki, -a, -ω; nízъk, -zka, -zkω — nîzki, -a, -ω; ózъk, -zka, -zkω — ôzki, -a, -ω; krátъk, -tka, -tkω, — krâtki, -a, -ω; gъ̑rd, gъ̑rda, gъrdô — gъ̑rdi, -a, -ω; slȁb, slába, -ω — slâbi, -a, -ω; stȁr, stára, -ω — stâri, -a, -ω; čȉst, čísta, -ω — čîsti, -a, -ω. Вмѣсто é и ώ при этомъ являются ê и ô: zelȅn, -éna, -énω — zelêni, -a, -ω; visώk, -ώka, -ώkω — visôki, -a, -ω; glωbώk, -ώka, -ώkω — glωbôki, -a -ω; mόčъn, mώčna, -ω — môčni, -a, -ω; širώk, -ώka, -ώkω — širôki, -a, -ω; méhъk, -hka, -hkω — mêhki, -a, -ω. Впрочемъ, этотъ законъ уже раньше выставилъ Поточникъ[1]), который объ опредѣленной формѣ прилагательныхъ говоритъ, что при ея образованіи ударѐніе всегда полагается на слогъ предшествующій флексіи и притомъ въ видѣ нисходящаго протяженія (fallende Dehnung). Кромѣ того у Поточника отмѣчено, что вмѣсто e и ω являются ε и o. То-же самое правило о появленіи въ опредѣленномъ видѣ прилагательныхъ ε и o, вм. e и ω, мы находимъ и у Метелки. Такой переходъ и качественное измѣненіе ударенія вполнѣ соотвѣтствуетъ русско-чакавской тенденціи ударять въ членной формѣ прилагательныхъ однимъ слогомъ ближе къ началу, чѣмъ въ нечленной: рус. добръ, -а́ -о́ = чак. до̑бар, добра̑, -о̑ — до̀брый, -ая, -ое = до̀бри̇̄, -а̄, -о̄; рус. бѣлъ, бѣла́, бѣло́ = чак. би̇́л, би̇́ла̑, би̇́ло̑ — бѣ̀лый, -ая, -ое = би̇́ли̇̄, -а̄, -о̄[2]). Въ тѣхъ словенскихъ говорахъ, которые не чуждаются краткаго ударенія на конечномъ a, нпр., у Резьянъ, мы видимъ самый переходъ ударѐній, не только слѣдъ его: Бодуэпъ отмѣчаетъ этотъ законъ и

---

[1]) Potočnik. Grammatik. S. 22.

[2]) Въ Штокавщинѣ, разумѣется, во всѣхъ этихъ прилагательныхъ, на общемъ основаніи, произошла оттяжка. — Впрочемъ, въ Русскомъ языкѣ цѣлый рядъ прилагательныхъ опредѣленныхъ удерживаетъ насуффиксное ударѐніе: благо́й, -а́я, -о́е, воро́но́й, чужо́й, живо́й, наго́й, слѣпо́й, нѣмо́й и т. д. Соотвѣтственныя формы встрѣчаются и у Сербовъ: Будмани приводитъ вру̏ћи̇̄, гнѝли̇̄, кра̀тки̇̄, глу̏хи̇̄, гу̏сти̇̄, љу̏ти̇̄, ри̏ђи̇̄, сла̀ни̇̄, су̏хи̇̄, твъ̀рди̇̄, чѐсти̇̄, ви̏тки̇̄, гла̀дни̇̄, жи̏тки̇̄, кру̏пни̇̄, мъ̀рсни̇̄, пли̏тки̇̄, пра̀зни̇̄, рѐдки̇̄, свѐстни̇̄ (рядомъ съ вру̏чи̇̄, гни̏ли̇̄ и т. д.), ду̏ги̇̄, би̏стри̇̄, мъ̀рки̇̄, ти̏хи̇̄, чи̏сти̇̄, мо̀кри̇̄, о̀бли̇̄, о̀штри̇̄, си̏тни̇̄, сла̀тки̇̄, та̀нки̇̄, у̀ски̇̄ (рядомъ съ ду̏ги̇̄, би̏стри̇̄ и т. д.), пра̀ви̇̄ (рядомъ съ пра̏ви̇̄ и пра̀ви̇̄); вѐтхи̇̄, водѐни̇̄, гвоздѐни̇̄, земљà ни̇̄, коштà ни, маслѐни̇̄, новчà ни̇̄, ражà ни̇̄, снежà ни̇̄ и чохà ни̇̄ (рядомъ съ во̏дени̇̄, гво̏зденi̇̄ и т. д.). § 102. Нужно однако замѣтить, что далеко не всѣмъ сербскимъ прилагательнымъ съ подобною акцентовкою соотвѣтствуютъ русскія — съ насуффиксной (какъ гнило́й, глухо́й, густо́й, сухо́й, честно́й (обык. че́стный), водяно́й, земляно́й, костяно́й, ржано́й), и наоборотъ. — Отъ насуффиксной акцентовки членнаго прилагательнаго, какъ я полагаю, можно заключать къ такой же акцентовкѣ нечленнаго, такъ что, въ виду формъ ти̏хи̇̄, -а̄, -о̄, у̏ски̇̄, -а̄, -о̄, выговоръ ти̏х, ти̏ха, ти̏хо; у̏зак, у̏ска, у̏ско слѣдуетъ считать искаженнымъ изъ ти̏х, тѝха, ти̏хо (тѝхо?); у̏зак, у̀ска, у̏ско (у̀ско?).

приводитъ въ примѣры неопредѣленныя формы bosa, dobră, hromă, zalaná, и опредѣленныя bŏsa, dŏbra, hrŏma, zoeloĕna [1]). —

Сказаннаго, кажется, достаточно, чтобы убѣдить читателя въ первоначальномъ тожествѣ словенской акцентовки, по мѣсту ударенія, съ русскою и съ чакавскою.

Возможно, разумѣется, что нѣкоторыя слова ни въ одномъ изъ словенскихъ говоровъ не сохранили памяти о своемъ исконномъ ударепіи; но такихъ словъ едва-ли много наберется. Иногда слѣдъ утерянной акцентовки можетъ найтись въ народныхъ пѣсняхъ. Нпр. одна пѣсня Водникова сборника начинается слѣдующими словами:

Kralj Matjaž se je ώženil,
S Alenčicω se zárωčil.

Чтобы спасти правильность размѣра, вмѣсто обыкновеннаго ωžénil, zarώčil допускаютъ искусственный выговоръ ώženil, zárωčil [2]); но я едва-ли ошибусь, предположивъ, что слагавшій эту пѣсню произносилъ, согласно съ Русскими и съ Чакавцами:

Kralj Matjaž se je ωženíl,
S Alenčicω se zarωčil.

Подобный же архаизмъ въ ударепіи, по моему, представляютъ и слѣдующіе стихи извѣстной пѣсни о Пегамѣ и Ламбергарѣ:

Pωd sencω miza rúmena
Ωkolω mize stωli pa,
Sedi na stωlih gώspωda. Kor. II, 23.

Если произносить съ обыкновеннымъ удареніемъ rumćna и gωspώda, то не выйдетъ стиха, а rúmena, gώspωda выговоръ искусственный. Поэтому мнѣ сдается, что первоначально произносили:

Pωd sencω miza rumenă̋,
Ωkolω mizi stωli pa,
Sedi na stωlih gωspωdă̋ [3]).

---

[1]) Бодуэн-де-Куртенэ. Опыт фонетики резьян. говоров, § 168.

[2]) Резьяне, впрочемъ, произносятъ ŏženil, pŏgočil, но у нихъ напредложная акцентовка причастій на l составляетъ почти общій законъ (Бодуэн-де-Куртенэ. Резьян. фон. § 160).

[3]) Резьяне это слово дѣйствительно окситонуютъ и произносятъ hospodă̋ (Резь. фон. § 218).

Скажу теперь нѣсколько словъ о соотношеніи, существующемъ между различными родами ударенія у Сербовъ и Словенцевъ. Такъ какъ самое существованіе у Словенцевъ троякаго ударенія подвержено нѣкоторому сомнѣнію, мнѣ казалось болѣе умѣстнымъ отнести рѣчь объ этомъ соотношеніи къ самому концу, и при опредѣленіи исконной акцентовки словенскаго языка не строить на немъ никакихъ положеній.

Отношеніе удареній словенскихъ къ сербскимъ (штокавскимъ), по Жепичу, Шкрабцу и Валявцу, есть слѣдующее:

1) Рѣзкое ударе́ніе, сохранаемое лишь на послѣднемъ слогѣ и на словахъ односложныхъ (vъrstȁ, gωlωglȁv, bω̃b), на другихъ слогахъ удлиняется и переходитъ въ восходящее: bréza, vrána, dláka, ríba, kóža, máčeha, kωpítω, dóbъr[1]).

2) Слабое ударе́ніе вовсе чуждо Словенскому языку, и на его мѣстѣ стоитъ то же во̀сходящее: žéna, kώza, sélω, ώknω, ώsъl, jézik, (kω̃nj) kώnja. Впрочемъ, въ появленіи въ этихъ словахъ e и ω, а не ɛ и o Шкрабецъ и Валявецъ видятъ слѣдъ прежде бывшаго на нихъ слабаго ударенія.

Замѣна рѣзкаго и слабаго ударенія восходящимъ (другими словами, продленіе, подъ удареніемъ, краткихъ неконечныхъ слоговъ), вполнѣ проведена у Краинцевъ; въ Угорской же словенщинѣ и въ Кайкавщинѣ, хотя не всегда, сохраняется краткость ударяемыхъ гласныхъ.

У Резьянъ также сохранилась отчасти краткость неконечныхъ слоговъ, прсимущественно, когда они содержатъ гласные e, ѣ, o, которыя являются въ нихъ въ видѣ oe и ȯ: oězoerö, doělö, loětö, moěsto, broěza, voěverica, mroěža, coěsta, moěja, moětla, ǒkö, pǒje, Bǒha, wǒda, hǒra, kǒpa, kǒsa = серб. jѐзеро, дѐло, лѐто, мѐсто, брѐза, вѐверица, мрѐжа, цѐста, мѐђа, мѐтла, ȍко, пȍље, Бȍга, вȍда, гȍра, кȍпа, кȍса. Въ словахъ съ гласными a, i, u, e = ѧ и o = ѫ, какъ думаетъ Валявецъ, въ настоящее время совершается переходъ отъ краткости къ долготѣ, почему Бодуэнъ-де-Куртенэ и не могъ рѣшить, долги ли въ нихъ гласные, или кратки, и отмѣтилъ ихъ удареніе акутомъ, который у него обозначаетъ выговоръ средній — ни рѣшительно краткій, ни долгій: bába, gráblje, jáštarica, lástavica, žába, brítwa, hnída, kíta, lípa, rýba, hrúška, kúharica, múha, úžina, hóba, hóšča, kúha, stópa, tóča, détula, préslica = серб. ба̏ба, гра̏бље, ја̏ма, ја̏штерица, ла̏ставица, жа̏ба, бри̏тва, гњи̏да, ки̏та, ли̏па, ри̏ба, кру̏шка, ку̀харица, му̀ха, у̏жина, гу̏ба, гу̏шта, ку̏ћа, сту̏па, ту̏ча, де̏телина, пре̏слица. Повидимому, на то же явленіе указываетъ средняя просодія, употребленная Дайнкою, въ

[1]) Прямой переходъ рѣзкаго ударенія въ восходящее допустить невозможно: переходною ступенью между ними должно было служить удареніе слабое.

его словенской грамматикѣ (Штирійскаго нарѣчія). Эта просодія означаетъ, что гласный произносится «короче протяжнаго, но всетаки дольше рѣзкаго»; примѣрами на нее служатъ слова brȁt, bráta; čȅp, čépa; ptȉč, ptíča, krȍp, krṓpa кипятокъ; gȕč, gúča loquela (*глъчь), slûh, slúha, которыя написаны: brȁt, brâta; čèp, čêpa; ptîč, ptîča; krȍp, krôpa; gȕč, gûča; slȳh, slȳha[1]).

По показанію Миклошича, на его родинѣ — въ восточной Штиріи, на границѣ Венгріи, — также сохраняется краткое удареніе на неконечныхъ слогахъ, нпр., въ словахъ jäma, zäba, räna, slämа, mläka, vöda (= vȍda или vȍda), žëna, prïsega, nädiha[2]). Даже въ самой Крайнѣ — у такъ называемыхъ Бѣлыхъ краинцевъ — до сихъ поръ можно слышать такое же удареніе, нпр. brȁt, brȁta. Краткимъ выговоромъ гласнаго объясняется, вѣроятно, встрѣчающееся иногда въ старословенской письменности удвоеніе согласныхъ: nebessa, della, gorra, boddem[3]).

3) Удареніе нисходящее играетъ въ Словенскомъ языкѣ весьма неопредѣленную роль: а) оно иногда соотвѣтствуетъ Сербскому нисходящему, какъ то: bârka (чак. бáрка), dvôjka, krîvda, prâvda (чак. прáвда), strâža, sûša (чак. сýша), vâba приманка (серб. вâб), vâga вѣсы (серб. вâг рычагъ), tkâlja (серб. ткâља). б) Нерѣдко оно замѣняетъ сербское рѣзкое: sprâva Versöhnung, Vergleich, Werkzeug, Geräthe, pâra паръ, vîka крикъ, vrîska, bûka tumultus, ljûska чешуя, stôka acquisitio, zlôga согласіе, sâblja, pâša пастбище, krâja, čâplja, svâja ссора, grîža, mûža доеніе, stȇlja подстилка, prȇja, bâščina, slâtina Sauerbrunn, pâjčina, stârъc, znânъc, vôsъk, pôrъk, rîbar, mîšji, drâžji, mlâji, lȇpši, по-сербски: спрâва, пâра, вúка, врúска, бýка mugītus, љýска, стóка, слóга, сâбља, пâша, крâђа, чâпља, свâђа, грúжа, мýжа, стȇља Fütterung des Sattels, Hefen, прȇђа, бâштина, слâтина, пâучина, стâрац, знâнац, вóсак, пýпак, рúбāр, мúшјӣ, дрâжӣ,

---

[1]) Dainko, Lehrbuch der Windischen Sprache. S. 8.

[2]) Въ послѣднихъ 4 словахъ удареніе, какъ я его слышалъ изъ устъ самого Миклошича, кажется, не рѣзкое, а слабое. Интересно было бы прослѣдить, дѣйствительно ли слышится у Словенцевъ слабое удареніе, и въ какихъ областяхъ, и соотвѣтствуетъ ли оно всегда слабому ударенію штокавскому. — Въ своемъ разсужденіи о долгихъ гласныхъ въ славянскихъ языкахъ (Ueber die langen Vocale in den slavischen Sprachen. Wien 1879. S. 4 u. 5) Миклошичъ повторилъ въ печати это сообщеніе, которое онъ раньше сдѣлалъ мнѣ устно. Въ Сравнительномъ синтаксисѣ (Vergl. Gramm. d. slav. Spr., IV, S. 129) онъ приводитъ нечленное прилагательное velik, velika и помѣчаетъ его двойнымъ грависомъ: vȅlik, velȉka (vȅlik hlapec ein hochgewachsener Kerl, velȉka cêsta eine grosse Strasse.). Въ статьѣ о долгихъ гласныхъ мы читаемъ еще brëza, lïpa, hŭjši, mlăjši, lëpši, bĭti, brăti, spăti, tële, plëme, gŏba, dëtel, jëzik, pămet, stŏpa, rĭba и т. д.

[3]) См. въ грамматикѣ Копытаря, стр. 52 и 116.

млаѣй, лѣпшй. в) Это удареніе, правда рѣдко, соотвѣтствуетъ и сербскому слабому: bâtina палка, lûla трубка, pômnja: серб. бàтина, лӯла, пòмња (Мажураничъ, впрочемъ, пишетъ пôмња, а по-чакавски — пóмња). г) То же нисходящее удареніе встрѣчается и вмѣсто сербскаго восходящаго: sômnja (sûmnja), hôja, jêla, по серб.: сӯмња, хóја, јéла (мн. јêле), хорв. јѣла. Наконецъ, д) нисходящее удареніе стоитъ на слогахъ у Сербовъ вовсе не ударяемыхъ, ни въ томъ, ни въ другомъ нарѣчіи, т. е. оно бываетъ плодомъ выдвижки: (Bôg) Bωgâ, (lεs) lesâ, (mîr) mirû, (nôs) nωsâ, (sîn) sinû, (vâs) vъsî, (grêz) grezî, (gôs) gωsî, (stvâr) stvarî, blagô, kωlô, mωrjê, pωljê и т. п.

Такимъ образомъ, нисходящее удареніе, которое у Штокавцевъ можетъ стоять только на начальномъ слогѣ и свидѣтельствуетъ объ исконности акцентовки, у Словенцевъ, стоя на конечномъ звукѣ, имѣетъ какъ разъ противоположное значеніе: оно свидѣтельствуетъ о неисконности акцентовки, о томъ, что удареніе выдвинуто. Впрочемъ, такой роли нисходящаго ударенія удивляться не слѣдуетъ, такъ какъ, въ сущности, указанный фактъ вполнѣ аналогиченъ появленію, при оттяжкѣ, ударенія восходящаго: какъ оттянутое удареніе тяготѣетъ еще къ слѣдующему слогу, старому своему мѣсту, такъ выдвинутое тяготѣетъ къ предшествующему—удареніе при оттяжкѣ и при выдвижкѣ, въ противоположномъ направленіи, проходитъ одинакій путь, и центръ тяжести слова въ обоихъ случаяхъ передвигается на пол-слога или на цѣлый слогъ [1]).

4) Удареніе восходящее равняется а) восходящему же ударенію: krátъk, -tka, -tko, strέla, vώjska, péta, dúša, vínω, sódъc, nárωd, járъm; или же оно, какъ мы видѣли выше, замѣняетъ б) рѣзкое удареніе, на неконечныхъ слогахъ, или в) замѣняетъ слабое. Даже г) на мѣстѣ нисходящаго ударенія иногда является восходящее, какъ то: grája изгородь, dáča подать, žéja, príča свидѣтель, cέrkva — серб. грâђа строительный матеріалъ, дâђа поминки, жêђа (впр., по-чак. жéђа), прйча разсказъ, поговорка, цѣрква.

Изъ всего этого слѣдуетъ, что въ Словенскомъ языкѣ одно только рѣзкое удареніе имѣетъ опредѣленный этимологическій смыслъ и указываетъ на исконную ударяемость и краткость слога. Ударенія же нисходящее и

---

[1]) Допустивши, что долгій гласный равенъ двумъ краткимъ, и что восходящее удареніе представляетъ какъ-бы удареніе на второй половинѣ гласнаго, а нисходящее — на первой, мы можемъ наглядно изобразить это соотвѣтствіе: какъ изъ основного глāвâ = глаавâ образовалось глáва=глаáва, такъ изъ основного о̀ко у Словенцевъ образовалось окô=окóо; какъ, вмѣсто глāвé=глаавеé явилось глáвē =глаáвее, такъ вм. sâdu=sȧadu явилось sadû=saaduu. Непонятно, конечно, почему у Словенцевъ подъ выдвинутымъ ударéніемъ краткіе гласные продлились.

восходящее одинаково могутъ стоять на гласныхъ ударяемыхъ искони, и на вторично-ударяемыхъ, на исконно-долгихъ, и на продленныхъ впослѣдствіи. Только на конечномъ гласномъ нисходящее удареніе свидѣтельствуетъ о совершившейся выдвижкѣ.

Читатель видитъ, что, рѣшившись не дѣлать никакихъ построеній на основаніи теоріи Шкрабца и Валявца, я вовсе не лишилъ себя важнаго подспорья: соотношеніе, существующее между различными родами ударенія словенскаго и сербскаго не привноситъ ничего для уразумѣнія послѣдняго, а, напротивъ того, само нуждается въ объясненіи.

Но, и не обращая вниманія на качество словенскихъ ударенійъ [1]), мы относительно ихъ размѣщенія пришли къ такимъ выводамъ, что 1) словенскія ударенія или вообще падаютъ на тѣ же слоги, какъ и русско-чакавскія, или 2) рядомъ со своеобразною акцентовкою, въ мѣстныхъ говорахъ, встрѣчается и русско-чакавская. Если же 3) нѣкоторыя слова, можетъ быть, и вовсе чуждаются русско-чакавской акцентовки, то значительная часть этихъ словъ имѣетъ въ корнѣ гласные є и ѻ, и въ широкомъ ихъ выговорѣ сохраняетъ слѣдъ иной акцентовки, сходной съ русско-чакавскою.

Замѣчу еще, что существованіе у Словенцевъ (во всѣхъ говорахъ, въ большей или меньшей степени) количества говоритъ въ пользу того, что основная акцентовка ихъ была не однородная, а разнородная — не русская, а чакавская.

---

[1]) Иногда я, правда, ссылался на *протяжность* ударенія, но вѣдь существованіе у Словенцевъ соединенной съ удареніемъ долготы не подлежитъ никакому сомнѣнію и признается всѣми изслѣдователями.

IV.

Болгарская акцентовка.

Акцентовка болгарская — *однородная*, такъ какъ болгарскіе гласные чужды количеству. Исключеніе, кажется, составляетъ глухой гласный, который отличается краткостью и сжатостью, да весьма близкій къ нему а, въ окончаніяхъ женскаго рода: бъ̑лгарин (блъ̑гарин), вълна (влъ̑на), пъ̑рт (пръ̑т) жердь, смъ̑рт (смръ̑т), сън, гълъб голубь, мед-ъ̑т, бој-ъ̑т, вода̀, ръка̀, добрина̀ [1]).

По мѣсту ударенія, Болгарскій языкъ, въ большей части случаевъ, сходенъ съ Русскимъ: делјъ̑, дели́! разделе́н, беръ̑, текъ̑, секъ̑, сторјъ̑, лежъ̑; вода̀, душа̀, дъга̀, жена̀, гора̀; јецје́, ребро́, крило́, сребро́; чолја́к, чоле́шки, черве́н, педесе́т, шејсе́т, пели́н, ръка́в, желја́зо, желе́зни, годи́на, поли́ца, търго́вец, расте́не, војво́ство, бога́ство, гре́бен, де́вер, бла́то, тја́ло, жи́то, ја́ма, рја́па, бја́гам, го́рница, у́лица, бе́ли, бели́ло, белина̀ и т. п.

Есть, однако, цѣлая масса отступленій отъ этого правила: нерѣдко ударе́ніе приходится на одинъ слогъ ближе къ концу, чѣмъ у Русскихъ, или же — ближе къ началу (другого рода отступленія — нпр. ми́лостивъ, болг. милости́в, — весьма рѣдки). Итакъ, въ Болгарскомъ языкѣ, какъ и въ Словенскомъ, можно бъ было говорить объ оттяжкѣ и выдвижкѣ, хотя эти явленія, особенно первое, въ немъ встрѣчаются гораздо рѣже, и повидимому, не имѣютъ фонетическаго характера.

Оттяжечную акцентовку представляютъ, нпр., слѣдующія слова: ви́но, ли́це, съ̑бота, та́лега (рус. телѣга, серб. та̀љиге), пја́сък, о́дбор, ра́ждам, пу́штам, прова́ждам, свърши, пи́сал.

---

[1]) Должно быть, такой выговоръ иногда свойственъ и другимъ гласнымъ, чему я, однако, знаю только одинъ примѣръ: *и* въ словѣ двами́на двое. Вѣроятно такъ же произносятся подобныя ему тримина, четирми́на и т. д.

Иной разъ подобное отступленіе болгарскаго выговора отъ русскаго легко объясняется. Таково нпр. слово о́гън, которое просто сохраняетъ древнюю акцентовку именительно-винительнаго падежа, между тѣмъ какъ русское слово, по аналогіи другихъ падежей, перенесло удареніе на вставочный гласный — огóнь. — Формы и́дъ, отúдъ согласны съ нашимъ церковнымъ написаніемъ и не чужды также и просторѣчію (и́ду; по-серб. тоже и́дēм). — Прилагательное нéмецки, несогласное съ нашимъ нѣмéцкій, примѣнилось къ своему первообразному нéмец, тогда какъ наше прилагательное удержало выговоръ нарицательнаго нѣмéцъ, которое само, повидимому, уподобилось другимъ народнымъ именамъ на ецъ (нѣмецъ, какъ индѣецъ, итальянецъ). — Акцентовка слова Гóспод не согласна съ русскою акцентовкою именительнаго Госпóдь, но она согласна съ прочими падежами — Гóспода, -у, -и, -омъ, -ѣ. — Болгарскія формы једина́јсет, четирна́јсет столь же поняты, какъ русскія одúнадцать и четы́рнадцать: основной выговоръ, очевидно, былъ једúнъ на́ десать, четы́ри на́ десать: въ Русскомъ языкѣ одержало верхъ первое удареніе, въ Болгарскомъ — второе. — Мѣстоименныя формы мéне, тéбе, нéго, нéму съ такою акцентовкою встрѣчаются въ Малорусскомъ нарѣчіи, хотя основнымъ выговоромъ ихъ слѣдуетъ считать менé, мънѣ, тебé, тебѣ, јегó, јему́ (рус. меня́, мнѣ, тебя́, тебѣ, его́, ему́; серб. мѐне, мѐни, тѐбе, тѐби, њѐга, њѐму, слов. mе́ne, mе́ni, tе́be, tе́bi, njе́ga, njе́mu (также njegа̑ и njemū̑). Мнѣ кажется, что переносъ ударенія на первый слогъ въ этихъ словахъ объясняется логическими причинами: желаніемъ яснѣе отличить первое лицо отъ второго, сильную форму третьяго лица отъ слабой (него отъ го). Допустить въ этомъ случаѣ логическую акцентовку считаю возможнымъ потому, что самое употребленіе то слабой, то сильной формы мѣстоименій имѣетъ чисто логическій характеръ. — Первыя лица и́штъ, кóлjъ, фа́ljъ, мóгъ, хра́њъ, пу́стjъ, провódjъ и подобныя имъ соотвѣтствуютъ сербскимъ и словенскимъ формамъ и легко объясняются уподобленіемъ перваго лица остальнымъ лицамъ, о чемъ уже была рѣчь въ главѣ о Словенской акцентовкѣ [1]).

Выдвинутое удареніе, сравнительно съ русскимъ, мы видимъ нпр. въ словахъ: рибáр, помоштни́к, песни́ (ед. пе́сен), болести́ (ед. бóлест), море́, поле́, сърце́, дърво́, злато́, месó, просó, слово́, сено́, тесто́, мери́!. И выдвижка ударенія въ нѣкоторыхъ случаяхъ легко объясняется. Такъ формы множ. числа пешти́, ношти́, кости́ и т. п. не сходны съ рус. и серб. именительными пе́чи, но́чи, кóсти, пѐћи, нѐћи, кóсти, но зато соотвѣтствуютъ остальнымъ падежамъ: рус. печéй, печáмъ, печáми, печáхъ, серб. пѐћū,

[1]) Гл. III, стр, 120, прим. 2.

пѣ̀има и т. д.. Такъ же можно объяснить слова очи́, уши́ — по-русски о́чи, очей, -а́мъ, -а́ми, -а́хъ; по-сербски о̀чи, о̀чијȳ, о̀чима (ту же акцентовку имѣютъ рус. у́ши, серб. у̏ши). Подобнымъ же образомъ объясняю себѣ выговоръ словъ око́, ухо́, небе́, сло́во и дърво́, которыя рано могли уподобиться окситоннымъ формамъ очесе́, очеси́ и т. д. (теперь изъ этихъ формъ существуетъ лишь множественная форма небеса́)[1]. Примѣненіе единств. числа ко множеств. можно видѣть и въ окситоновкѣ реченій море́, поле́, сърце́, злато́, просо́, сено́, тесто́, хотя при множественномъ дела́, места́, сита́, стада́ и т. д. сохранилось баритонное единственное дја̀ло, мја̀сто, сѝто, ста̀до[2]). Такимъ же образомъ могъ явиться выговоръ дъштерја́, якобы со вторичною выдвижкою: рус. дочь, до́чери, мн. ч. до́чери; но въ остальныхъ падежахъ дочере́й, -я́мъ, -ьми́, -я́хъ, чему соотвѣтствуетъ и сербская акцентовка слова кћи̏, которое во множ. числѣ произносится кћѐри, кћѐрӣ, кћѐрима. — Если инфинитивная тема ви́дѣ (откуда рус. ви́дѣть, серб. ви̏дети) по-болгарски звучитъ видја́ (видја́х, видја́л), то я объясняю себѣ это вліяніемъ другихъ глаголовъ съ примѣтою ѣ, въ которыхъ удареніе всегда падаетъ на примѣту: рус. горѣть, терпѣть, сѣдѣть, болѣть, зеленѣть, серб. го̀рети, тѫ̀рпети, се́дети, бо̀лети, зелѐнети[3]). — Выговоръ петѣ́л, петли́ только сравнительно съ русскимъ пѣ́телъ кажется искаженнымъ: Сербы произносятъ пе́тао -тла, = осн. пѣ́тьлъ, пѣ́тла̀; русскій же выговоръ едва-ли ни книжный, искусственный.

Я склоненъ думать, что разногласіе между Болгарскимъ и Русскимъ языкомъ въ большей части случаевъ можно объяснить дѣйствіемъ аналогіи, а въ остальныхъ — отнести на счетъ отсутствія общаго акцентовочнаго принципа, вслѣдствіе чего легко могло явиться и узакониться употребленіемъ просто неправильное акцентованіе нѣкоторыхъ словъ: поэтому я замѣтилъ уже выше, что не приписываю болгарской оттяжкѣ и выдвижкѣ фонетическаго характера.

Можетъ показаться заманчивымъ, особенно для приверженцевъ панпонизма, признать выдвижку явленіемъ довольно древнимъ и отнести ее ко временамъ «словено-болгарскаго единства»; но, на мой взглядъ, для этого недостаточно совпаденія словъ море́, поле́, сърце́, злато́, просо́, тело́,

---

[1]) При такомъ объясненіи предполагается древность нашей церковной акцентовки о̀ко, очесе́ и т. д., въ которой я, какъ высказалъ уже выше (гл. I, стр. 34), не вижу основанія сомнѣваться.

[2]) О соотношеніи акцентовки единственнаго и множеств. числа средняго рода будетъ еще говорено ниже (стр. 117).

[3]) Однако ви̏сети, какъ ви̏дети, а по-рус. висѣ́ть, см. ниже, гл. VI (въ концѣ).

тесто́, очи́, уши́, ноштѝ, пештѝ и еще нѣкоторыхъ другихъ со словенскими mœrjɛ̂, pœljɛ̂, sъrcɛ̂, zlatô, prœsô, senô, telô, testô, œčî, ušî, nœčî, rečî, и т. д.

Но, какъ ни смотрѣть на это дѣло, выдвижка, во всякомъ случаѣ, представляетъ черту сходства акцентовки болгарской со словенскою.

Нужно еще замѣтить, что рядомъ съ акцентовкою, отступающею отъ русской и примыкающей къ штокавско-сербской, или къ словенской, обыкновенно (можетъ быть, даже всегда?) стоитъ другая, согласная съ русскою. Такъ произносятъ се́ло, те́ле, гнја́здо, пе́ро, млја́ко, че́ло, о́рех, пе́чен (прич.), пи́јъ, пи́јеш, пи́је, жито́, злато́, месо́, сено́, но и село́, теле́, гнездо́, перо́, млеко́, чело́, орја́х, пече́н, пијъ̀, пије́ш, пије́, жи́то, зла́то, ме́со, сја́но.

По убѣжденію, вынесенному нами изъ двухъ предшествующихъ главъ, и въ виду сходства болгарской и русской акцентовки въ другихъ случаяхъ, мы не обинуясь, изъ такихъ двойчатыхъ формъ признаемъ бо́льшую древность за формою, согласною съ русской, хотя фонетическихъ доказательствъ въ пользу того, подобныхъ штокавскому слабому ударенію, или словенской окраскѣ o и e, въ Болгарскомъ языкѣ не находится. Можно бы было, именно, ожидать, что вторичноударяемые e, o, ѣ будутъ звучать такъ же, какъ неударяемые, т. е. какъ и, у, е — *си́лу, *ти́ли, *гне́зду (село, тѣло, гнѣздо), но этого не замѣчается — говорятъ се́лу, те́ли, гнја́зду: должно быть, переходъ ударенія совершился еще тогда, когда неударяемые *e*, *o*, не измѣнялись въ *и*, *у*, и замѣнители *ъ* не зависѣли отъ ударенія.

Значительною гибкостью болгарскія слова не отличаются, причину чего нельзя не видѣть въ строѣ самаго языка и въ подравнивающемъ дѣйствіи аналогіи. Существительныя представляютъ всего двѣ формы, два, такъ называемыхъ, общихъ падежа, да иной разъ еще третью форму, для падежа звательнаго. Вслѣдствіе такого оскудѣнія легко могла пострадать гибкость словъ: Русскій и Сербъ отличаютъ удареніемъ формы единственнаго числа реченій вода, ребро, (родительныя воды̀, во̀дē, ребра́, рѐбра) отъ формъ множественнаго во́ды, во̀де, ре́бра, рѐбра, но для Болгарина такое различеніе потеряло всякій смыслъ — родительный падежъ утраченъ, а общіе падежи вода, ребро, и при одинаковомъ удареніи, достаточно, отличены отъ множеств. числа води, ребра, и естественно было уравнять ихъ съ ними по акцентовкѣ. Встрѣчается, правда, произношеніе: во́ди, же́ни, ко́си, ло́зи, но́ги, се́стри, гла́ви, ду́ши; но у большинства такихъ словъ и во множественномъ числѣ ударяютъ на суффиксъ, да и перечисленныя здѣсь слова обыкновенно произносятся: води́, жени́ и т. д. Только бълха́, змија́

(зъмја́) да овца́, сколько мнѣ извѣстно, всегда переставляютъ удареніе [1]), а слово сълза́ дѣляетъ это обыкновенно. Относительно послѣдняго слова не могу не упомянуть о томъ, что, если кто произнесетъ сълзи́, то надъ нимъ смѣются и переспрашиваютъ: «какво́ сълзи́»? Тутъ мы имѣемъ ясное доказательство, что народное чутье признаетъ различную акцентовку однимъ изъ средствъ къ разграниченію формъ и, допустивъ выговоръ ноги́, глави́, неохотно соглашается на сълзи́, считая сълзи́ глагольною формою.

По-гибче женскихъ именъ оказываются среднія: окситонныя въ единств. числѣ, правда, никогда не бываютъ во множественномъ баритонными, но обратный случай составляетъ общій законъ.

Итакъ, мы видимъ формы: ребро́ — ребра́, јајце́ — јајца́, гнездо́ — гнезда́, писмо́ — писма́, но бърдо (гора) — бърда́, бла́то — блата́, гръло — гърла́, дја́ло — дела́, жи́то — жита́, бла́го — блага́, сълнце — сълнца́ и т. д. При отсутствіи падежей единственнаго числа, которые руководятъ выговоромъ Русскихъ и Сербовъ, Болгары легко могли сбиться съ толку и потерять сознаніе, какимъ словамъ средняго рода свойственна гибкость, а какимъ нѣтъ, отчего выговоръ и сталъ колебаться: стали приноровлять то число къ числу (ребро́ — ребра́), то форму къ формѣ (дела́ — дја́ло, слѣд. пера́ — пе́ро, села́ — се́ло). Изъ этой путаницы выяснился теперь общій законъ, что, у двусложекъ средн. рода, множ. число всегда бываетъ окситоннымъ: исключеній изъ этого закона почти нѣтъ (мнѣ извѣстны: пи́во — пи́ва, ља́то — ља́та да пе́ро — пе́ра, изъ коихъ послѣднее произносится также и пе́ро — пера́, или же перо́ — пера́ [2]).

Слова мужеск. рода, кончаясь во множ. числѣ на *и*, никогда гибкими не бываютъ — развѣ, если стать на старославянскую точку зрѣнія и признать таковыми формы венец — венци́, орел — орли́ [3]). Мы видимъ акцентовку: роб — ро́би, јуна́к — јуна́ци, кова́ч (кузнецъ) — кова́чи, хајду́к (разбойникъ) — хајду́ци и т. д. = чакавск. ро́б, роби́; јуна́к, јунаци́, кова́ч, кова́чи́; хајду́к, хајду́ци́ и т. д. Эта негибкость опять-таки легко объясняется отсутствіемъ склоненій и дѣйствіемъ аналогіи: отчего бы, вмѣсто роб — роби́, јуна́к — јунаци́ и т. д., не говорить роб, ро́би, јуна́к — јуна́ци и т. д., когда произносятъ зъб — зъби, кравај — краваји и т. д.? У Сербовъ и Русскихъ за перемѣну акцентовки во множ. числѣ стоитъ цѣлый рядъ падежей:

---

[1]) Множеств. число кь овца́ представляетъ еще другую форму на е (= ѧ), въ которой удареніе падаетъ на е — овце́.

[2]) Весьма вѣроятно, что встрѣчается и выговоръ пива́, лета́, но авторъ о его существованіи не знаетъ.

[3]) Мнѣ извѣстно только одно дѣйствительно гибкое слово: пањ, пањи́.

возможно ли допустить акцентовку рȍби, рáбы, jȕнāци, дурáки, когда выговоръ рȍби, рабы́, jунáци, дуракú поддерживается аналогіей всѣхъ почти формъ этихъ словъ, когда говорятъ рȍба, рабá, рȍбу, рабȕ и т. д., jунáка, дурака́, jунáку, дураку́ и т. д.? Не на столь сильной аналогіи держится произношеніе сады́, при единств. числѣ садъ, сáда, но и оно, противорѣча един. числу, имѣетъ за себя все множественное. Таково положеніе дѣла въ языкахъ Русскомъ и Сербскомъ; въ Болгарскомъ же стоятъ лицомъ къ лицу только двѣ формы, которымъ естественно было сблизиться другъ съ другомъ, результатомъ чего явилась утрата гибкости, такъ какъ 1) много и безъ того негибкихъ словъ, дѣйствовавшихъ своею аналогіей, а 2) единствен. число не могло увлечься акцентовкою множественнаго, потомучто ему, при онѣмѣвшей наставкѣ, не на что было перенести удареніе, вслѣдствіе чего для подравненія формъ пришлось измѣнить, именно, число множественное. Содѣйствовать такому искаженію могли еще и звательные падежи, не любящіе напирать на флексію[1]). Въ противоположность наставкѣ *и*, другое окончаніе множеств. числа, ове, обыкновенно принимаетъ на себя удареніе. Окончаніе это, какъ извѣстно, заимствовано у темъ на у, и равняется санскритскому avas (нпр. sūnávas, сыновья), но удареніе его рѣдко соотвѣтствуетъ ударенію санскритскому — могу привести только: волóве, зетjóве, кошóве (корзины), колóве, ножóве, попóве, огнjóве да столóве, — гораздо чаще удареніе падаетъ на коренной слогъ: бúкове, бóбове, гáдове, грáдове, дѣбове, пѣпове, рáкове, слóгове, сóмове, чéпове и т. д. Такимъ же образомъ, вмѣсто волóве, зетjóве, попóве, столóве, произносятъ вóлове, зéтjове, пóпове, стóлове. Однако, чаще всего удареніе полагается на конечный е, и говорятъ: биковé, гадовé, градовé, куповé, левовé (львы), плачовé, сватовé, царjовé, часовé, бобовé, грошовé, слоговé, бреговé, валовé, зъбовé, мъжовé, праховé, снеговé, греховé и т. д., при чемъ, какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ, нерѣдко форма съ удареніемъ на корнѣ является и въ другомъ видѣ, съ удареніемъ на конечномъ е. Выговоръ вóлове, пóпове я объясняю себѣ примѣненіемъ множественнаго числа къ единственному, а въ окончаніи овé вижу собирательную наставку овије, которая и у насъ произносится овьé (= овьё); тѣмъ, что слова зятевьё, сватовьё и подобныя имъ имѣютъ, чуждый болгарскимъ, оттѣнокъ презрительности, смущаться нечего.

Множественное число женскихъ реченій на согласный обыкновенно имѣ-

---

[1]) Окончаніе звательнаго падежа первоначально не есть флексія, а темовой гласный, почему нѣкоторые ученые даже отказываютъ этой формѣ въ названіи падежа, но для славянскаго сознанія темы всѣ кончаются на согласные, и окончанія звательнаго (е, о, у, и) суть такія же наставки, какъ и всѣ остальныя.

етъ удареніе на окончаніи: ношт, пешт, свешт, кост, хубост — ношти, пешти, свешти, кости, хубости, выговоръ, который отмѣченъ мною уже выше и объясненъ вліяніемъ падежей родительнаго, дательнаго, мѣстнаго на именительно-винительный. Есть, впрочемъ, слова съ удареніемъ на корнѣ, какъ върв, длан, жълч, мисъл — върви, длани, жълчи, мисли.

Кромѣ общихъ падежей, нѣкоторыя слова Болгарскаго языка (слова женск. рода на а и одушевленныя имена мужеск. рода) имѣютъ еще особую форму для звательн. падежа единств. числа. Этотъ падежъ не пускаетъ ударенія на суффиксъ, хотя бы оно и падало на него въ падежѣ общемъ, такъ произносятъ: водо, горо, косо, сестро, рядомъ съ вода, гора, коса, сестра. Можетъ быть, изъ этого правила есть нѣкоторыя исключенія: по крайней мѣрѣ, Цанковы пишутъ пило. (Однако, произносятъ также и пило). Звательные отъ словъ мужескаго рода, какъ упомянуто уже выше, всѣ безъ исключенія баритонки и ударяютъ на тотъ же слогъ, какъ и общіе падежи; то же самое слѣдуетъ сказать и о звательн. падежѣ баритонокъ женск. рода: безаконик — безаконику, свинар — свинарју, славиј — славију [1]), крѣсник — крѣсниче, јунак — јуначе; кумица — кумице, книга — книго, вјара — вјаро, първосткинка — първосткинке [2]).

Слѣдъ прежней гибкости я усматриваю въ двоякой акцентовкѣ нѣкоторыхъ словъ на а: вода, гора, дъска, земја, зима, река и вода, гора, дъска, земја, зима, рјака. Баритонный выговоръ я вывожу изъ винительн. падежа (рус. воду, гору и т. д., серб. воду, гору, даску, земљу, зиму, руку) и изъ формъ множественнаго числа (русск. воды, доски и т. д., серб. воде и т. д., зиме, руке).

Замѣчательная особенность Болгарскаго языка — не сравнительно съ другими Славянскими, которые въ этомъ случаѣ представляютъ несоизмѣримыя съ нимъ величины, — а сравнительно съ Романскими и Германскими, есть способность члена принимать удареніе. Членъ въ единств. числѣ, какъ извѣстно, акцентуется у всѣхъ реченій женскаго рода, на согласный, и у большей части односложныхъ мужескаго рода: върв-та, длан-та, кост-та, кръв-та, ношт-та, смърт-та, болест-та, јесен-та, љубов-та, младост-та и т. д.; бој-ът, врат-ът, град-ът, дъжд-ът, дим-ът, мед-ът, мъж-ът, нос-ът, прах-ът, свет-ът, сън-ът, ум-ът и т. д.. Исключаются: брат-

---

[1]) Пишу, наперекоръ Цанковымъ, въ окончаніи звательн. падежа муж. рода у, а не о: такъ какъ неударяемое о=у, то установить правописанія этихъ формъ по слуху нельзя, этимологія же рѣшительно говоритъ въ пользу у.

[2]) О баритонности зват. падежа срв. гл. I, стр. 25 и 30, гл. III, стр. 98, гл. XIV и примѣчанія къ таблицамъ I, Б и III, Б.

ът, гро́м-ът, но́ж-ът, со́к-ът и нѣкоторыя другія, иныя — нпр. бр̀јаг, зъб, лист, праг, — колеблются между наименной и начленной акцентовкою: бр̀ја́г-ът, или брег-ъ̀т и т. д. [1]). Акцентованіе члена намъ, привыкшимъ къ безударному члену Романцевъ и Германцевъ, представляется на первый взглядъ чѣмъ-то дикимъ: членъ вѣдь и есть ничто иное, какъ ослабѣвшее въ своемъ значеніи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, утратившее акцентъ мѣстоименіе: нѣмецкій членъ, получивъ удареніе, даже становится опять настоящимъ мѣстоименіемъ. Но, если тѣсно примыкающіе къ именамъ неслитные предлоги, которые въ другихъ европейскихъ языкахъ бываютъ атонками [2]), у Славянъ нерѣдко сами принимаютъ удареніе (за́ городъ, по́ полю и т. п.), то почему было не предоставить такое право и члену [3])?—Замѣчательно, что тѣ же Болгары, которые выработали прислоненіе именъ къ члену, подобное прислоненію ихъ къ предлогамъ, чуждаются этого послѣдняго. Даже слѣды существованія его у нихъ въ прежнее время остались весьма слабые: могу указать только на сложныя числительныя: једина̀јсет, двана̀јсет, трина̀јсет, четирна̀јсет, шестна̀јсет, седемна̀јсет, осемна̀јсет, нарѣчія до́ста (= до́сыта) и за́вчера третьяго дня [4]).

Болгарскія прилагательныя, такъ же несклоняемыя, какъ и существительныя, представляютъ 4 формы: по общему падежу для каждаго рода, въ единственномъ числѣ, а во множественномъ—одинъ общій падежъ для всѣхъ родовъ. Можно насчитать и 5 формъ, если считать членную форму муж. рода единств. числа, которая, однако, совпадаетъ со множествен. числомъ. Такимъ образомъ, передъ нами слѣдующія формы:

Ед. ч. злоче́ст (несчастный), злоче́ста, злоче́сто.

Мн. ч. и членная форма муж. рода ед. ч. злоче́сти.

---

[1]) Членомъ муж. рода я, согласно съ Цанковыми, считаю ъ̀т: хотя ъ, по происхожденію, несомнѣнно есть окончаніе имени, но сознаніе Болгаръ не можетъ не относить его къ члену: какъ къ словамъ жена́, момче́ прибавляется та, то (жена́-та, момче́-то), такъ къ слову дом прибавляется ъ̀т (дом-ъ̀т).

[2]) Впрочемъ, Нѣмцы въ соединеніи предлоговъ съ мѣстоимѣніями иногда полагаютъ удареніе на предлогъ: bei mir, únter dir, zú ihm, nách uns, zwischen euch, óhne sie, mit sich и т. д..

[3]) Есть свидѣтельство, что акцентованіе члена въ извѣстныхъ случаяхъ было въ обычаѣ у Эолійцевъ, а именно, что односложныя слова передавали ему свое удареніе: что произносили нпр. ὁ σος, вм. ὁ σός. Benloew. De l'accentuation, pag. 80.

[4]) Подобно тому, какъ въ Русскомъ языкѣ, и въ Болгарскомъ существительное ден можетъ прислониться къ числительнымъ два и три: два́ дни, три́ дни. Сербскія же два́ днѝ, три́ днѝ (см. гл. II, стр. 58) — особь статья. Или мы въ нихъ имѣемъ дѣло со мнимою оттяжкою, и два́ днѝ, три́ днѝ искажены изъ древнѣйшихъ *два̀ днѝ, *трѝ днѝ?

Въ окончаніяхъ а и о, очевидно, совпали древнеславянскія ѧ и ѧ⁼, о и оѥ[1]), вслѣдствіе чего, въ ж. и ср. родахъ утратилось различіе между прилагательными членными и нечленными. А въ окончаніи *и*, по законамъ болгарской фонетики, слились прежнія и, ы, ъи, ъıѧ. Такимъ образомъ, болгар. прилагательныя представляютъ смѣсь членной и нечленной формы, и потому, говоря о нихъ, нельзя ограничиться областью именныхъ формъ.

Удареніе прилагательныхъ бываетъ или постоянное, или наклонное, т. е. иногда оно во всѣхъ формахъ стоитъ на томъ же слогѣ, на которомъ и въ муж. родѣ нечленнаго вида, иногда же во всѣхъ формахъ, сохраняющихъ наставку, находится на этой послѣдней. Какъ на образецъ перваго рода словъ, можно указать на вышеприведенное злочéст, а также на слѣдующія: голя̀м, дълбо̀к, болна̀в, син (сѝня и т. д.), чист, бя̀л. Примѣрами гибкихъ прилагательныхъ могутъ служить: ця̀л, нов, гла̀ден (гладна̀ и т. д.), спо́рен обильный, те́жек, тѣмен. Прилагательное добъ̀р (добра̀, добро̀, добрѝ) перенесло удареніе на развившійся въ позднѣйшее время глухой звукъ, срв. русск. народное добе́ръ (добёръ). Произносятъ, впрочемъ, и до̀бър.

Сравненіе болгарскихъ прилагательныхъ съ русскими и съ сербскими едва-ли можетъ привести къ особенно важнымъ выводамъ: единообразную акцентовку прилагательныхъ формъ у Болгаръ можно будетъ объяснить то изъ членной формы, то изъ нечленной — нпр. добра̀, добро̀, добрѝ, по ударенію, нечленныя формы, бя̀ла, бя̀ло, бе́ли — членныя; но это нисколько ни подтверждаетъ, ни опровергаетъ моего взгляда на болгарскую акцентовку.

Нельзя пройти молчаніемъ сохранившіеся въ Болгарскомъ языкѣ скудные остатки склоненій, хотя они для насъ не оказываются особенно поучительными. Нѣкоторыя слова мужескаго рода — имена собственныя, а, въ извѣстныхъ соединеніяхъ, и всѣ имена лицъ — не употребляютъ именительно-винительнаго какъ общій падежъ, а имѣютъ, не считая звательнаго,

---

[1]) Миклошичъ, въ своей Сравн. морфологіи слав. яз., задается вопросомъ, считать ли эти окончанія членными, или нечленными, и склоняется въ пользу перваго предположенія. Но, по моему, тутъ и сомнѣваться нечего: были двѣ формы, теперь — одна, которая фонетически могла образоваться изъ той и другой — очевидно эти формы, вслѣдствіе искаженія одной изъ нихъ, или обѣихъ, совпали, такъ, что новая форма соотвѣтствуетъ обѣимъ старымъ. Миклошичъ увлекся правописаніемъ Цанковыхъ, кои въ женск. родѣ прилагательныхъ пишутъ а, а въ существит. ъ (нпр. прѣсна водъ), и вслѣдствіе того считаетъ эти а различными по происхожденію и во второмъ видитъ первоначально долгій а, произошедшій отъ стяженія двухъ а (изъ а(j)а). Если даже вполнѣ довѣрять въ дѣлѣ разграниченія а и ъ братьямъ Цанковымъ, всетаки нѣтъ необходимости выводить окончаніе а изъ аја: въ словахъ жена̀, сестра̀, башта̀ сохранилось же, по ихъ показанію, простое а въ чистомъ видѣ.

двѣ формы — именительный и винительный; наставкою послѣднему служитъ звукъ а[1]). Наставка эта, у односложныхъ словъ, иногда носитъ на себѣ ударе́ніе:

Драга́н, вин. Драга́на, род. на Драга́на, Пурва́нчо — Пурва́нча, род. на Пурва́нча, (еди́н) чолја́к — (едного́) чолја́ка, (о́н-зи) бъ́лгарин — (оного́-зи) бъ́лгарина, Бог — Бо́га, Вла́дов син — Вла́дова сина́, мъ́ж и (мужъ ея) — мъжа́ и[2]).

Съ наконе́чною акце́нтовкою э́тихъ родительно-винительныхъ мы уже встрѣ́чались въ языкѣ Словенскомъ: mȏž, sîn — род. mωžâ, sinâ. Но еще вопросъ, не случа́йно ли это сходство, и не есть ли болга́рское акце́нтованіе наставки про́сто подраже́ніе акце́нтованію чле́на: т. к. говорятъ мъж-ъ́т, син-ъ́т, то стали говори́ть та́кже мъжа́ и сина́.

Окончаніе *а* существительныя мужескаго рода принима́ютъ и тогда, когда стоятъ при количественномъ числительномъ, не имѣя притомъ при себѣ прилага́тельнаго: два во́ла, шест ко́ња, нја́колко сто́ла. Наставка эта обы́кновенно остается безъ ударе́нія, однако произно́сятъ дена́: ко́лко дена́? пет дена́.

Уцѣ́лѣвшіе у Болгаръ — хотя въ ограниченномъ употребле́ніи — мѣ́стоименные падежи кого́, кому́, се́кого, се́кему, нја́кого, нја́кому сходны съ русскими и сербскими кого́, кому́, ко̀га, ко̀му; вся́кого, вся́кому, сва̀кога, сва̀кому; нѐкого, нѐкога. Формы дру́гего, дру́гему (имен. дру́ги), похожія на только-что приведенныя, собственно принадлежатъ къ сложному склоне́нію; онѣ по акце́нтовкѣ расходятся съ русскими другой́, -о́го, -о́му, но сходны съ сербскими дрȕгī, -ōга, -ōму. Та́кже сло́жная фо́рма есть родительно-винительный свето́го: на свето́го Ива́на (общій паде́жъ — свети́); оба паде́жа вполнѣ́ согласны съ русскими свято́й, свято́го и съ сербскими свѐтī, свѐтōга. — О падежа́хъ ли́чныхъ мѣ́стоиме́ній (ме́не, те́бе, не́го, не́му) рѣ́чь была уже выше (стр. 114).

Вслѣ́дствіе утраты склоне́ній, при опредѣ́ленiи первонача́льной ги́бкости или негибкости болга́рскихъ словъ, получаютъ особе́нную ва́жность закосте́нѣвшіе падежи — нарѣ́чія, которыхъ мнѣ́, къ сожалѣ́нію, удало́сь собра́ть лишь весьма́ ограниченное количество. Нарѣ́чія ми́ром спокойно, да́ром, ве́ки (уже́, бо́льше; Цанковы едва-ли правильно пишутъ vȇke), до́лу, ле́те лѣ́томъ, у́тре завтра, блазја́ междом., бежишко́м мимоходомъ, на пре́де, от пре́де, дове́чера сегодня, сно́шти вечоръ указываютъ на прежній выговоръ мир,

---

[1]) Само собою разумѣется, что винительный на а есть тотъ же родительно-винительный, который прочіе славяне присвоили всѣмъ одушевленнымъ предметамъ.

[2]) Произносятъ также мъж ѝ, мъжа ѝ.

мйра; дар, дара; вѣк, вѣка; дол, дола; лѣто; благ, блага, благо = серб. блâг, блага, благо; бѣжичек, бѣжичка; пред, преда; вечер, вечера; нощт, нощти. Нарѣчіе веднѣж вдвое и нарѣчіе (предлогъ) върху — върху ми, върху си представляютъ: первое — форму винительнаго падежа (къ єдинѫ же), второе — мѣстнаго. Разумѣется, показаніями нарѣчій нужно пользоваться съ разборомъ: формы горе наверху (горѣ) и зйме зимою свидѣтельствуютъ о существованіи выговора гора, зйма, который и существуетъ дѣйствительно, только рядомъ съ другимъ — горâ, зимâ. Нѣкоторыя нарѣчія указываютъ на существованіе у Болгаръ прислоненія именъ къ предлогамъ, нпр. доста (довольно = рус. досыта), о чемъ уже упомянуто выше.

Этотъ очеркъ болгарской акцентовки вышелъ весьма краткимъ и неполнымъ. Не думаю, однако, чтобы дополненія и поправки могли измѣнить его существенно и опровергнуть положеніе, что болгарская акцентовка довольно близка къ русской и что русско-чакавское размѣщеніе акцентовъ какъ для языковъ Сербскаго и Словенскаго, такъ и для Болгарскаго должно признать основнымъ. Поэтому считаю возможнымъ повторить съ полною увѣренностью высказанную выше[1]) мысль, что акцентовки Русскихъ, Сербовъ, Словенцевъ и Болгаръ нѣкогда были тожественны и всѣ должны быть выводимы изъ акцентовки, доселѣ господствующей у Хорватовъ-чакавцевъ.

---

[1]) Гл. II, стр. 66.

V.

Дополненіе къ обзору юговосточныхъ акцентовокъ.

Теперь, когда мы пришли къ убѣжденію, что акцентовки русская, сербская, словенская и болгарская первоначально были тожественны, было бы желательно произвести совмѣстное изслѣдованіе ихъ, съ цѣлью объяснить, почему одни слова акцентуются такъ, а другія иначе, и почему языки, согласные между собою вообще, въ нѣкоторыхъ случаяхъ расходятся.

Вмѣсто обстоятельнаго отвѣта на первый вопросъ, — на который, впрочемъ, отвѣтить вполнѣ удовлетворительно едва-ли возможно, — представляю только краткій очеркъ, посвященный акцентовкѣ словъ производныхъ и составныхъ [1]).

1. Акцентовка производныхъ реченій.

Наставки, по отношенію ихъ къ ударенію, бываютъ двухъ родовъ: однѣ можно назвать притягательными, другія — безотносительными. Притягательныя это тѣ, которыя, каковъ бы ни былъ выговоръ первообразнаго слова, принимаютъ сами ударение; а при безотносительныхъ наставкахъ ударение сообразуется съ выговоромъ первообразнаго слова, а иногда еще съ другими обстоятельствами. Есть также наставки, которыя можно бы назвать отклонительными [2]), потому что онѣ никогда не принимаютъ ударенія; но ихъ весьма немного, и ни одна не выдерживаетъ вполнѣ своего характера. Такъ наставка *жа* въ Сербскомъ языкѣ вовсе чуждается ударенія, но иногда, правда, очень рѣдко, принимаетъ его въ Словенскомъ и въ Русскомъ: верх. краин. mamkȁ, nъčkȅ, ѡčkȁ, rečkȁ, pѡstъrvkȁ, вел. рус.

---

[1]) Пытаясь объяснить акцентовку словъ, естественно, можно имѣть въ виду одни производныя и составныя, а не первообразныя, образованіе которыхъ восходитъ къ сѣдой древности. — На второй вопросъ отчасти отвѣчаетъ гл. VI.

[2]) Мажураничъ (Slovnica hèrvatska, str. 130, § 210, 1) говоритъ про tvorke glasne и bezglasne (ударяемыя и безударныя).

битка́ (= бито̀къ, вещь, которою бьютъ въ играхъ), пенька́, малорус. дочка́. Наставка *остъ* въ Русскомъ языкѣ не пускаетъ на себя ударѐніе, но какъ у Сербовъ, такъ и у Словенцевъ нерѣдко акцентуется (или акцентовалась прежде): серб. кра́ткӧст, ле́нӧст, ду́жнӧст и др., слов. bridkȍst горечь, kratkȍst, mȍdrȍst, dȍlžnȍst, sladkȍst и т. д. Единственною отклонительною наставкою оказывается *тель* (роди́-тель, дѣла-тель и т. д.), да и та лишь тогда, если оставить безъ вниманія написаніе Стулліева словаря: priatèlj, èlja, kazatèlj, èlja, broitèlj, tèlja, branitèlj, tèlja и т. д.

Примѣромъ притягательной наставки можетъ служить наставка а́чь, ача́ (чакав. а́ч, а̄ча̂): сила́ч, -ача́ (си́ла, си́лить); труба́чь, -ача́ (труба́, трубѝть); серб. ко̀ва̄ч, -а́ча (ко̀вати); вѐза̄ч, -а́ча (ве́зати); ба̀ја̄ч, а́ча incantator (ба̂јати); си̏ја̄ч, -а́ча сѣятель (си̏јати); болг. кова́ч (кова́), игра́ч (игра́, игра́јъ), маза́ч (ма́жъ), подвърза́ч переплетчикъ (подвѣ́ржъ). Такова и женская наставка у̀ља (чак. у̏ља): рус. козу́ля (коза́), криву́ля (крива́ прил.), рогу́ля (рогъ, ро́га), ходу́ля (ходъ, хо́да); серб. ро̀суља ст. pluvia roscida (ро̀са), ма̀цуља vacca coloris felini (ма́ца felis), вла̀суља avena sterilis (вла̂с, вла̂са), сѫ̀рбуља церковная книга на сербо-славянскомъ языкѣ (сѫ̏рб, сѫ̏рба), ро̀гуља крава великијех рогова (ро̂г, ро̏га), хо̀дуља (хо̂д, хо̏да); слов. klepe túlja болтунья (klepȇt), rȍgačúlja (rȍgáč рогачъ, жукъ), Ръzdkúlja Пездчиха (Ръzdȇk, Ръzdkȁ — фамилія), bregúlja hirundo riparia (brȇg, bregȃ), болг. кошу́лја = серб. ко̀шуља.

Притягательныхъ наставокъ немного, я могу указать только слѣдующія:

I. Для мужеск. рода:

1) Съ наклоннымъ удареніемъ: а́къ, ака́; а́чь, ача́; а́шь, аша́; у́къ, ука́; у́нъ, уна́.

2) Съ постояннымъ удареніемъ: а́и, а́ја; а́нъ, а́на (ана́?)[1]); а́тъ, а́та; а́таи, а́таја.

Къ притягательнымъ же наставкамъ, но не знаю, къ какой группѣ, принадлежитъ также наставка е́жь, род. ежа́ или е́жа. Кажется, къ притягательнымъ наставкамъ относятся еще и слѣдующія: а́гъ, а́га; о́гъ, о́га; однако на нихъ мало примѣровъ.

II. Для женскаго рода: а́ва, и́ка, у́га, у́ља. Сюда, вѣроятно, относятся и малоупотребительныя а́га, а́ка, и́га, ы́га[2]).

Какъ объяснить себѣ происхожденіе притягательныхъ наставокъ? По-

---

[1]) анъ, ана́ мы находимъ въ словѣ кабанъ, кабана́.

[2]) Притягательныя наставки не вполнѣ выдерживаютъ свой характеръ: есть слова серб. о̀бесењāк, слов. gȍlôbjak, krâvjak; серб. дѐреж Prügelbank, ма̀деж и мла̀деж ро̀динка и т. п.; см. таблицы.

зволительно думать, что онѣ первоначально развились у окситонныхъ основъ и уже по аналогіи ихъ стали акцентоваться и у баритонныхъ, хотя доказать это трудно, а, пожалуй, и невозможно. Лишь о наставкахъ укъ, унъ, ава, уга, улја, ыга можно сказать, что онѣ, по всей вѣроятности, обязаны своею ударяемостью вошедшему въ нихъ въ различныхъ видахъ темовому гласному у, къ которому искони тяготѣетъ удареніе[1]). Мнѣ, впрочемъ, кажется, что такое предположеніе умѣстно лишь относительно наставокъ съ постояннымъ ударе́ніемъ, въ которыхъ акцентуется, собственно, не наставка, а примкнувшій къ ней темовой гласный[2]); для словъ же съ наклоннымъ ударе́ніемъ, акцентующихъ самую наставку[3]), это объясненіе совершенно излишне: нечего удивляться, что новый, характерный аффиксъ отмѣтили ударе́ніемъ.

Акцентовка словъ съ безотносительною наставкою, по видимому, должна зависѣть отъ ихъ первообразныхъ: когда наставка замѣнятъ неударяемый гласный, она должна оставаться безъ ударенія; когда же гласный былъ акцентованный, то и она должна акцентоваться. И, дѣйствительно, мы это видимъ у цѣлаго ряда словъ, напр. рус. вода́ — вода́ица, сестра́ — сестри́ца, больна́ — больни́ца, тепла́ — тепли́ца, кни́га — кни́жица, ряба́ — ряби́на, гнѣздо́ — гнѣзди́ться, село́ — сели́ться, пра́во — пра́вить, жена́ — жени́ть, сла́ва — сла́вить, тра́та — тра́тить, владѣлъ, -ла, -ло — владѣлецъ, корми́лъ, -а, -о — корми́лецъ, взы́сканъ, -а, -о — взы́сканецъ, упря́мъ, -а, -о — упря́мецъ; серб. во̀да — во̀дица, бра́да — бра̀дица, сѐстра — сѐстрица, бре̑за — бре̑зица, кньи̑га — кньи̑жица, ли̑па — ли̑пица, гне́здо — гне́здити се, сѐло — сѐлити се, пра̑в прил. — пра̑вити (у Војв.) градити, сла̑ва — сла̑вити, ду̑о, ду̑ла, -о — ду̑лац,

---

[1]) См. выше гл. I, стр. 26. Наставки укъ, унъ, ава, уга, улја, ыга, равны наставкамъ къ, нъ, а, га, лја, соединеннымъ съ темовымъ й (ў), въ усиленномъ или продолженномъ видѣ: аи, а̄и, ӣ = слав. у, ав, ы.

[2]) Наставки акъ, анъ, ага и т. д. разлагаются подобнымъ же образомъ, какъ только что отмѣченныя укъ, унъ и т. д.

[3]) Неударяемость наставки въ имен. падежѣ ед. числа муж. р. я считаю явленіемъ неисконнымъ и, по аналогіи языковъ Санскритскаго и Греческаго, предполагаю, что наставки, звучавшія въ родит. падежѣ ака́, ача́, въ дат. аку́, ачу́ и т. д., и въ именительномъ представляли основной выговоръ акѣ, ачь. Впрочемъ, баритонность именит. падежа муж. рода въ Литовскомъ языкѣ (см. гл. XIII) говоритъ противъ существованія формъ, въ родѣ пеѧтакѣ, колачь, такъ что окситоновку окончаній акѣ, ачь, или, вѣрнѣе, ихъ прототиповъ а̄ка̀с, а̄кја̀с, приходится отнести къ весьма древнему времени: къ первымъ временамъ общаго Литво-славянскаго языка. Такимъ образомъ, я думаю, что удареніе въ имен. падежѣ у разсматриваемой группы словъ уже въ древнее время подверглось оттяжкѣ, слѣдъ чего можно видѣть въ восходящемъ удареніи, свойственномъ имъ у Чакавцевъ: пѐта́к, кова́ч.

добѐгао, -ала, -ало—добѐгалац, нòсио, -ила, -ило—нòсилац, прàтио, -ила, -ило—прàтилац, рàнио, -ила, -ило—рàнилац; слов. dъskà—dъščíca, plenà—pleníca, stъzà—stъzíca, rѡka—rѡčíca, bába—bábica, devíca—devíčica.

Впрочемъ, отъ окситоновъ посредствомъ двухсложныхъ наставокъ (изъ коихъ нѣкоторыя впослѣдствіи обратились въ односложныя) не всегда образуются парокситоны, (какъ водúца отъ водà), но и окситоны: рус. добръ, добрà — добротà, старъ, старà — старинà, вдовà — вдовéцъ, -вцà, черна — чернéцъ, -нецà, пирóгъ, -огà — пирожéкъ, -жкà, огóнь, огня—огонéкъ, -нькà, очáгъ, -агà—очажéкъ, -жкà, котéлъ, -тлà—котелóкъ, -лкà, хохóлъ, хохлà — хохолóкъ -лкà, Васúль, Василя млр. = серб. Вàсиљ, Васúља — василéкъ, -лькà[1]); серб. дòбар, дòбра — добрòта, лѐп, лéпа — лепòта, *удòва (удòвица) — удòвац (удóвац), цр̑н, цр̑на — цр̑нац црни пришт, цр̑нúца cerasum nigrum (рядомъ съ цр̑ница црна земља и т. д.), цр̑нúна nigredo, вô, вòла—вòлак, пȏп, пòпа—пòпакъ gryllus domesticus, пȗт, пу́та—пу́так; слов. (мѣстн. краин.) iglicà, igricà, mъglicà, pѡstъrvicà (iglà, igrà, mъglà, pѡstъrvà), stъzicà, gubicà (stъzà, gubà); болг. дóбър, добрà—добротà, *вдовà (вдовúца) — вдовéц. Подобную акцентовку также можно объяснить выговоромъ первообразныхъ словъ: производное слово, вмѣсто того, чтобы оставить удареніе на мѣстѣ, подражаетъ *окситонности* первообразнаго.

Но сколько исключеній изъ предполагаемаго мною закона! Столько, что, при настоящемъ состояніи разбираемыхъ языковъ, положительно слѣдуетъ отрицать самое существованіе его[2]). Вспомнимъ, нпр., рус. гóлосъ, -а,

---

[1]) Слова на éцъ, óкъ, éкъ, судя по имен. падежу относятся къ первой группѣ, но мы должны имѣть въ виду большинство падежей. При такомъ взглядѣ на дѣло, я не вижу настоящаго соотвѣтствія между акцентовкою сопоставляемыхъ Гротомъ (Фил. разыск. стр. 369) словъ жилéцъ,-льцà и жилúца, продавéцъ,-вцà и продавúца, ученúкъ,-икà и ученúца, баловнúкъ,-икà и баловнúца: муж. формамъ соотвѣтствовали бы женскія *жилицà, *продавицà. См. впр. ниже, стр. 129.

[2]) Однако, для словъ на ица, съ нѣкоторымъ ограниченіемъ (см. на стр. 129, прим. 2) я считаю этотъ законъ дѣйствительнымъ; для нихъ его, въ извѣстной степени, призналъ уже Гротъ. Я придаю ему болѣе общій видъ, такъ какъ не вижу настоящихъ исключеній изъ него: цѣлый рядъ словъ, которыя у Грота (Филол. разыск. стр. 370—371) приведены безъ объясненія, можетъ быть объясненъ на общемъ основаніи: слово единúца произведено отъ *једúн, једúнà, -ô (основ. формы для рус. одúнъ, однà, -ó, слов. édъn, énа, -o, болг. сдúн, еднà, -ó), седьмúца отъ *седьмъ, седьмà, седьмó (седьмóй), петлúца отъ петля = слов. pétlja, болг. петлjà, употребительнаго рядомъ съ пéтля = серб. пѐтља, дранúца отъ дранъ, дранà (а не отъ дрань), горчúца отъ горекъ, горькà, мокрúца отъ мокръ, мокрà, куницà отъ купà (= серб. кýна, слов. kúna и kunà), площúца отъ плосокъ, плоскà, рожéница отъ рожéнъ, рожéнà, -ó, плѣнúцы мѣстн. силки

серб. гла̑с, -а — голосо́къ, -ска́, гла́сак (отсюда и рус. голоси́ть, серб. гла́сити), рус. домъ, до́ма, серб. до̑м, до̀ма — домо́къ, до̀мак, рус. зубъ, зу́ба, серб. зу̑б, -а — зубо́къ, серб. зу́бак, русск. го́лубь, -я, серб. го̀лу̑б — голубо́къ, голу́бак (отсюда же рус. голуби́ца = серб. голу́бица), рус. де́верь, -я, серб. де̑ве̑р, -ера — девере́къ, деве́рак, рус. пе́рстень, -стня, серб. пр̀стен̄, -ена — перстене́къ, пърсте́нак, рус. ножъ, ножа́ — но́жикъ, столъ, стола́ — сто́ликъ, осе́лъ, -сла́ — о́сликъ и т. п.; рус. ежъ, ежа́ — е́житься, дура́къ, -ака́ — дура́читься, сокъ, со́ка — сочи́ться, громъ, гро́ма — громи́ть, миръ, ми́ра — мири́ть[1]), моръ, мо́ра, серб. мо̑р — мори́ть, серб. мо̀рити, смѣхъ, смѣха серб. сме̑х, сме̑ха (сми̑јех, -а) — смѣши́ть, сме́шити се улыбаться, рус. го́воръ, серб. го̀во̄р, -ора, слов. góvωr или gωvо̑r — говори́ть, гово̀рити, gωvωríti и т. д.

Несмотря на это, я склоненъ думать, что построенный мною теоретически законъ когда-то дѣйствительно существовалъ, хотя началъ нарушаться очень давно, да и не могъ не нарушиться, потому что составъ и происхожденіе словъ не всегда ясно представляются говорящему, вслѣдствіе чего иныя слова могли получить акцентовку, основанную на ложной аналогіи, или даже просто случайную, произвольную. Постараюсь нѣсколько подробнѣе развить эту мысль.

1. Вмѣсто настоящаго первообразнаго, легко можно счесть таковымъ другое родственное ему слово, къ которому и примѣнится тогда акцентовка производнаго. Такъ, несомнѣнно, что членныя прилагательныя не способны давать отъ себя ростковъ, и что потому глаголъ одобрить происходитъ не отъ до́брый, а отъ добръ, добра́[2]), и собственно долженъ произноситься одобри́ть, какъ нѣкоторые дѣйствительно произносятъ, согласно съ Сербами (одобри́ть = чак. одобрѝти, шток. одо̀брити). Но обыкновенно мы произносимъ одо́брить, производя этотъ глаголъ отъ членной формы до́брый. Подобнымъ

отъ *плѣна̀ = слов. plenà, откуда plenica, лу́ковица отъ *лу́ковъ, лу́кова, -о, (лукъ, лу́ка), кокоа́тица отъ *кокоа́тъ, кокоа́та,-о ногастый (*корокъ = серб. кра̑к crus longum), ку́рица отъ ку́ра (откуда обычн. мн. ч. ку́ры).

[1]) Въ Сербскомъ языкѣ акцентовка гро̀мити, ми́рити вполнѣ соотвѣтствуетъ отступающимъ отъ Русскаго первообразнымъ гро̑м, гро̀ма, ми̑р, ми́ра, изъ коихъ первое, впрочемъ, можетъ произноситься также гро̑м, гро̀ма и гро̀м, гро̀ма.

[2]) Нельзя, впрочемъ, отрицать, что, съ выходомъ изъ употребленія нечленной формы прилагательныхъ, должно было явиться производство новыхъ словъ (по выработавшимся раньше образцамъ) прямо отъ членной формы: несомнѣнно, нпр., что недавнія слова биржеви́къ, паровы́къ образованы отъ прилагательныхъ биржево́й, паровой, безъ посредства небывалаго *биржёвъ, биржева́, -о́ и бывшаго, можетъ быть, но утраченнаго паро́въ, парова́,-о́.

же переиначеніемъ выговора я объясняю себѣ отношеніе рус. слова ста́рица = серб. ста̑рица къ чак. стари̑ца, слов. stаríca, болг. стари́ца и къ русскому же (мѣстному) стари́ца (старое русло рѣки): я полагаю, что отъ прилагательнаго стара́ (серб. ста̑ра считаю искаженіемъ, вмѣсто ста̑ра) произвели существительное стари́ца, которое у Русскихъ и у Сербовъ-штокавцевъ примѣнилось по акцентовкѣ къ членной формѣ прилагательнаго ста́рая и къ существительному мужескаго рода ста́рьць (рус. ста́рецъ, серб. ста̑рац, ста̑рца)[1]).

2. Когда первообразное слово кончается на согласный, т. е. первоначально на ъ, ь, то уклоненіе отъ его акцентовки производнаго можно объяснить себѣ тѣмъ, что для народнаго сознанія основною формою этихъ словъ есть именительный падежъ, отъ котораго и могли производить новыя слова, не обращая вниманія на другіе падежи и не сообразуясь съ ихъ акцентовкою, а полагая удареніе, безъ дальнихъ справокъ, то на корень, то на наставку. Такимъ образомъ можно объяснить себѣ уменьшительныя, въ родѣ домо́къ, зубо́къ, сто̀ликъ, но̀жикъ, отъ домъ, зубъ, столъ, ножъ, глаголы сочи́ться, ѐжиться, отъ сокъ, ежъ, формы женскаго рода голуби́ца, мастери́ца, отъ го̀лубь, ма̀стеръ)[2]).

3. Весьма правдоподобно, что слова, измѣнившія свое значеніе, могутъ измѣнить и акцентовку, которая соотвѣтствовала первоначальному, близкому

---

[1]) Впрочемъ, и самую акцентовку слова ста̑рьць приходится объяснять изъ членной формы прилагательнаго ста̑рый. — Противъ высказаннаго мною взгляда на акцентовку слова старица можно привести слѣдующія довольно вѣскія возраженія: 1) не доказано, чтобы сербская форма прилагательнаго старъ (ста̑р, ста̑ра, -о) была новѣе русской, которая могла явиться въ подражаніе многочисленнымъ прилагательнымъ, въ родѣ бѣлъ, бѣла̀ = серб. бе̑л, бе́ла, добръ, добра̀ = серб. до̀бар, до̀бра, слѣпъ, слѣпа̀ = серб. сле̑п, сле́па 2) не доказано, что русское слово ста̑рица не есть относительно новое, произведенное отъ ста̑рецъ. (А такое производство возможно: первоначально, конечно, слова на ьць и на ица находились лишь въ посредственной связи, происходя отъ однихъ и тѣхъ-же прилагательныхъ — чьрньць отъ чьрнъ, чьрница отъ чьрна, — но впослѣдствіи естественно должна была образоваться привычка прямо переводить слова на ьць въ женскій родъ посредствомъ подстановки окончанія ица). Принявши такое объясненіе слова ста̑рица, слово стари́ца, несомнѣнно произведенное отъ стара̀, придется считать независимымъ отъ него.

[2]) Слово императри́ца нельзя производить отъ импера̀торъ, такъ какъ о, постоянное во второмъ, не могло выпасть въ первомъ: очевидно, это слово заимствовано изъ французскаго ішpе́ratrice, причемъ вмѣсто иностраннаго окончанія ис подставили ица. — Разногласіе между акцентовкою первообразныхъ го̀лубь, го̀лубя, ма̀стеръ, ма̀стера и. т. д. и производныхъ голуби́ца, мастери́ца и есть то отступленіе словъ на ица отъ выговора первообразныхъ, о которомъ упомянуто выше.

отношенію ихъ къ первообразному, но не соотвѣтствуетъ новому положенію дѣла. Такъ я объясняю себѣ парокситонность слова кобылица: производное отъ кобыла сначала произносилось кобылица (дѣйствительно, существуетъ мѣстный выговоръ кобылица[1]) = серб. кобилица), но при ударенiи на ы это слово имѣло видъ уменьшительнаго, что не соотвѣтствуетъ его значенію, т. к. слово кобылица значитъ то-же самое что и кобыла, только, что оно благороднѣе, поэтичнѣе: въ виду этого намѣренно могли уклониться отъ старой акцентовки и начать произносить кобылица. То-же объясненіе я считаю пригоднымъ и предложилъ уже, въ главѣ о русской акцентовкѣ, для разноударяемаго слова дѣвица, см. гл. I, стр. 12.

4. Случаи разногласія между производнымъ и первообразнымъ словомъ не всегда объясняются переиначеніемъ производнаго: бываетъ и такъ, что производное осталось вѣрно старинѣ, отъ которой отступило первообразное. Таково слово висѣлица, произведенное отъ причастія висѣла (неок. висѣти, наст. вишу, висишь): теперь мы, по аналогіи большинства глаголовъ съ примѣтою ѣ, полагаемъ ударенiе на примѣту и произносимъ висѣла, неок. висѣть, а также и въ настоящемъ вишу, висишь; но формы висѣла и т. д. есть въ малорусскомъ нарѣчіи[2]), есть онѣ и у Сербовъ — вйсети, чак. вйсити — и даже въ самомъ Великорусскомъ, въ предложномъ глаголѣ завйсѣть.

5. Иной разъ мы усматриваемъ отступленіе производныхъ отъ акцентовки первообразныхъ тамъ, гдѣ его, по всей вѣроятности, вовсе нѣтъ. Такъ, если съ Гротомъ производить слово кузница отъ кузнецъ[3]), акцентовка его будетъ неправильная; но развѣ не проще производить его отъ кузня? Гротъ отмѣтилъ также странную оттяжку ударенія въ сложныхъ словахъ: миротворецъ, живописецъ, духоборецъ, отростокъ, перелѣсокъ, прожитіе, прибытіе, подземный, уголовный, приморскій, сравнительно съ простыми словами творецъ, писецъ, борецъ, ростокъ, лѣсокъ, житье, бытье, земной, головной, морской и т. д.[4]). Мнѣ думается, что всѣ подобныя слова собственно не образованы путемъ сложенія, а произведены отъ готовыхъ сложныхъ словъ[5]): миротворъ, живописъ, духоборъ, отростъ, перелѣсъ, прожить, прибыть. Относительно нѣкоторыхъ словъ никто и

---

[1]) М. Колосовъ. Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей народнаго русскаго языка, стр. 136.

[2]) Wagilewicz, str. 94.

[3]) Филол. разыск., стр. 369.

[4]) Тамъ же, стр. 354, 380, 389, 425.

[5]) Cp. Miklosich. Vergleich. Gramm. II, S. 377.

не станетъ оспаривать этой мысли: значеніе слова прибытіе трудно вывести изъ слова бытье, но оно удобно выводится изъ глагола прибыть; также значеніе прилагательныхъ подзе́мный, уголо́вный, примо́рскій неудобно объяснять изъ значенія якобы первообразныхъ для нихъ земно́й, головно́й, морско́й. — Нельзя, конечно, отрицать, что сложныя слова иногда могли съ самаго начала принять вторичную наставку и вмѣстѣ съ тѣмъ получить ударе́ніе по апалогіи другихъ, ранѣе образовавшихся: весьма возможно, что напр. греческія слова ζωγράφος, πνευματομάχος прямо были переведены словами живопи́сьць, духобо́рьць, и что основныхъ формъ живопи́съ, духобо́ръ никогда не существовало, что онѣ суть грамматическія фикціи, подобно корнямъ и основамъ, въ словахъ позднѣйшаго образованія[1]).

Мнѣ думается, что указанными мною и подобными имъ соображеніями всегда можно будетъ объяснить несогласіе въ акцентовкѣ словъ первообразныхъ и словъ произведенныхъ отъ нихъ посредствомъ безотносительныхъ наставокъ, почему и слѣдуетъ признать, что акцентова́ніе производныхъ съ безотносительными наставками по образцу первообразныхъ нѣкогда составляло общій законъ славянской рѣчи.

Рядомъ съ этимъ обычаемъ, въ силу котораго производное слово или ударяло на тотъ-же слогъ, какъ первообразное, или же подражало его окситонности, должно было существовать, въ другихъ случаяхъ, акцентова́ніе новой наставки.

2. Акцентовка составныхъ реченій.

а) Реченія предложныя.

Акцентовка предложныхъ словъ столь же мало поддается систематизаціи, какъ и акцентовка простыхъ: ударе́ніе приходится то на предлогъ, то на коренной слогъ, то на суффиксъ; одинъ и тотъ-же предлогъ, въ одинаково построенныхъ словахъ, то принимаетъ ударе́ніе, то не принимаетъ; иногда даже въ одномъ и томъ-же словѣ ударе́ніе колеблется между префиксомъ и корнемъ. Однако, опять-таки замѣчается сходство, или же правильное соотношеніе между выговоромъ Русскихъ и Южныхъ славянъ, преимущественно Сербовъ, и русское размѣще́ніе ударе́ній, вообще говоря, имѣетъ право считаться достояніемъ славянскаго праязыка, или, по крайней мѣрѣ, юговосточной его вѣтви.

Не стану вдаваться въ подробный разборъ предложныхъ словъ, но представлю лишь нѣсколько примѣровъ и соображеній.

---

[1]) Въ этомъ мѣстѣ я, по поводу другого вопроса, слегка коснулся сложныхъ реченій, о коихъ говорится нѣсколько подробнѣе во 2-ой части этой главы, стр. 136.

Сложныя съ до ударяютъ то па корень, то на предлогъ: съ одной стороны, находимъ рус. доно́съ, дохо́дъ, серб. до̀нос, до̀ход [1]), съ другой — рус. до́ступъ, серб. до̀хва̄т.

То-же самое видимъ при другихъ предлогахъ:

за: рус., болг. зако́н, серб. за́кон, рус. запо́й, серб. за́по̄j, за́поја напитокъ — рус. за́падъ, серб. за̂па̄д, за̂търка разбѣгъ, болг. за́пис.

на: рус., болг. наро́д, нау́ка, серб. на́род, на́ука, рус. набо́ръ, серб. на́бор складка, болг. напра́ва устройство, строеніе — рус. на́волока, серб. на̂влака (на̂влака), на̂кнада, болг. на́вој онуча.

о, объ: рус. обѣ́дъ, болг. обја́д, серб. о̀бед, рус. обро́къ, серб. о̀брок tempus constitutum, portio, рус. обо́ръ оборки, болг. обо́р поборъ, добыча, серб. о̀бор sepimentum pro suibus, aula, рус., болг. осно́ва, серб. о̀снова, рус., болг. ота́ва, серб. о̀тава — рус. о́блакъ, серб. о̀бла̄к, болг. о́блак, резьян. ŏblak.

по: рус. пото́къ, серб. по̀ток, рус. побѣ́да, болг. побја́да [2]) — серб. по̀глёд, болг. по́глед, рус. по́слухъ молва, свидѣтель, серб. по̀слӯх audientia.

подъ: рус., болг. подко́ва, серб. по̀ткова — серб. по̀тплата подкладка, болг. по́рој Regenbach, рус., болг. по́јас, серб. по̀ја̄с.

при: рус. припе́къ, серб. при́пек; рус. прибо́й, серб. при́бо̄j, при́боја; рус. прика́зъ, серб. при́каз даръ, рус. приме́ръ, болг. примја́р, серб. при́мер — рус. при́ставъ, серб. при́ста̄в слуга, што ради код куће.

разъ: рус. разсо́лъ, болг. расо́л говядина, серб. ра́со̄, ра́сола Lake vom Sauerkraut — рус. ра́зумъ, серб. ра̂зӯм, болг. ра́спуст.

сж: рус. сусѣдъ (сосѣдъ), серб. су́сед (и су̏сед); рус. супру́га серб. су̏пруга = тојага — рус. су́мракъ, серб. су̏мра̄к, рус. су́толока, серб. су̏тика (у Боци) = догађај.

Наблюденіе, сдѣланное Гротомъ [3]) для Русскаго языка, что предложныя слова на мягкій согласный почти всегда полагаютъ ударепіе па предлогъ, вѣрно и для Сербскаго и для Болгарскаго: подобно русскимъ у́валень, о́боротень, о́бручъ, пе́речень, по́мѣсь, о́бласть, за́повѣдь, за́висть, пе́репись и. т. д. произносятся и сербскія: о̀бр̄тањ annuli genus, о̀брӯч, до̀гађа̄j, до̀бӣт ж., о̀бла̄ст, за̂пове̄д, по̀мо̄ћ, про̀до̄л, про̀па̄ст и т. д., у Болгаръ — о́бръч, о́бич любовь, за́вист ж., по́мошт ж., про́лет ж. Для

---

[1]) Сербскія слова до̀нос, до̀ход и подобныя имъ я отношу къ словамъ накоренной акцентовки, т. к. изъ-за новѣйшаго штокавскаго выговора ихъ вижу и принимаю во вниманіе древнѣйшій (= чакавскій) выговоръ — доно̀с, дохо̀д и т. д.

[2]) У Караджича по̀бједа.

[3]) Филол. разысканія, стр. 350—351.

слова обручъ мы съ полною достовѣрностью можемъ предположить праславянскую форму о̑броңчь: слово это и у Резьянъ имѣетъ рѣзкое удареніе на предлогѣ — ȏbarč[1]).

Какъ па исключенія, Гротъ указываетъ на слова съ наставками *тель* и *ность* — побѣдѝтель, обладàтель, издàтель, увѣренность, отдѣльность, подвѝжность и т. д., которыя слѣдуютъ аналогіи глаголовъ и прилагательныхъ, отъ коихъ они произведены: побѣдѝть, обладàть, издàть, увѣренный, отдѣльный. Нѣкоторыя слова на *ность* все-таки подходятъ подъ общій законъ, потому, что и первообразныя ихъ имѣютъ напредложную акцентовку, нпр. прѐданность, нàбожность, отъ прѐданный, нàбожный.

Кромѣ словъ съ наставками тель и ность исключаются весьма немногія, а именно: постѐль, супо̀нь, обѝтель, погѝбель, напàсть. Изъ этихъ исключеній, первое и второе только мнимое, такъ какъ постѐль есть сокращенный выговоръ вмѣсто постѐля (серб. по̀стеља, ст. церк. постела), и супо̀нь точно также сокращено изъ супо̀ня[2]). Въ словѣ обѝтель = об-(в)ит-ѣль, вслѣдствіе утраты коренного *в*, выхода изъ употребленія простого глагола витать и совпаденія звука ѣ съ е, сознаніе говорящаго усматриваетъ наставку *итель* и подводитъ его подъ аналогію словъ побѣдѝтель, властѝтель и подобныхъ имъ. Настоящими исключеніями являются, такимъ образомъ, только погѝбель и напàсть. Въ Сербскомъ языкѣ, слово по̀стеља, не утратившее своего а, вовсе сюда не идетъ, но слова̀ обѝтель (у Хрв. и Далм. код Кршћана) familia[3]) и нàпаст также представляютъ исключеніе. Четвертое же слово — погѝбель — имѣетъ не вполнѣ сходную съ русскою форму и притомъ правильную акцентовку: по̀гӣбао, -бли.

Въ Словенскомъ языкѣ, по крайней мѣрѣ въ болѣе извѣстномъ мнѣ Краинскомъ, предложныя слова почти всѣ подведены подъ одинъ уровень и полагаютъ удареніе на корень: navâda, привычка, ωdéja, ωdgôvωr, ωtω̑k,

---

[1]) Я слышалъ отъ одного господина (кажется, уроженца Вологодской губерніи) крайне странный выговоръ о̀лень, вмѣсто олѐнь: очевидно, онъ подводилъ это слово подъ аналогію предложныхъ словъ, т. е. принималъ о за предлогъ.

[2]) Нѣчто въ родѣ исключенія представляетъ и слово пріязнь, въ которомъ мы, съ русской точки зрѣнія, видимъ корень *я* (= ѧ, ьм, им) и предлогъ *при*. Однако, по староперковному пишется не приѩзнь, а приязнь и *при*, въ этомъ словѣ, не предлогъ, а корень: санскр. prî радовать, веселить, prî-ja-s любезный, гот. frî-jôn любить. См. Curtius. Grundzüge der griechischen Etymologie. Leipzig 1873. S. 284 (№ 379). Это отмѣчено уже Гротомъ. Филол. разыск., стр. 351.

[3]) Акцентовка слова обѝтель — если она только не чакавская, что̀ также возможно, — не соотвѣтствуетъ русской, а указываетъ на болѣе древній выговоръ обӣтѐль.

ɯtrȗk, dɯhȗd, izbȗr, ɯbrȃz, ɯblȃk, ɯbrôč, ɯbȇt (род. ɯbéta), ɯglȇd, pɯžȃr, spɯmîn, pɯvȗz ligamen, zapîs, predpûst, ɯblȃst, pɯšȃst, napȃst, pɯvest, pɯvodȵnj, -dnja (резьян. pȍvodań), ɯtrôbi — о́труби.

Нѣкоторыя, впрочемъ, слова, какъ мы видѣли уже выше, въ именительномъ оттягиваютъ ударе́ніе и переносятъ его на предлогъ: nárɯd, pȕkɯj, prȕstɯr, prérɯk, род. naróda, pɯkója, prɯstora, preróka и т. д. Срв. стр. 99.

Есть, далѣе, слова, ударе́ніе которыхъ колеблется между корнемъ и предлогомъ: pómɯč и pɯmóč, zalîv и záliv, nabȗj и náboj бочарная колотушка, Binderschlägel, nanȗs и nânɯs conferva, naslȕn и náslɯn спинка, prilȗg и prílɯg прибавле́ніе, razbȗj и rázbɯj caedes, pugna, zapȕn и zápɯn пря́жка, predȕr и prédɯr проломъ, zagôvɯr и zágɯvɯr votum, razgôvɯr и rázgɯvɯr разговоръ, zasȗp, -spȃ и zâsep, -spa валъ, rázlɯka и razlôka, pȕdkɯva (pȕdkva) и pɯdkova, násad Lage des Getreides zum Dreschen — род. násada и nasáda, náuk, род. náuka и naúka, Zágreb—Zágreba и Zagréba.

Есть и такія слова, которыя могутъ имѣть только напредло́жную акцентовку: nájem, nájma, pôsɯdva (pôsɯda), záplata, zádɽga Schlinge, prîstav villicus, sómrak сумерки, sódɽga zusammengescharrtes Ding, sóprazdnik Gedächtnisstag, sókɽvica, sóržica gemischtes Getreide.

Восточные говоры Словенскаго языка (въ Штиріи, Венгріи) и примыкающее къ нимъ Кайкавско-хорватское нарѣ́чіе чаще западныхъ полагаютъ ударе́ніе на предлогъ. Таковы формы zágɯrje, зап. zagorje, návada, зап. navâda, prîsega, зап. prisɛga, prîprava, зап. priprâva, rázlɯček, зап. razlôček, ɯ́tesȕk, рядомъ съ ɯtêsȕk, зап. только ɯtêsȕk и т. д. [1]).

Напредло́жную акцентовку словенскихъ словъ мы, въ большей части случаевъ, должны объяснять оття́жкою: это ясно изъ постояннаго колеба́нія ударе́нія и изъ широты звуковъ e и o въ акцентуемыхъ предлогахъ: ȕbhɯd и ɯbhȗd circuitus, ȕbɯr и ɯbȕr septum, ȕbrɯk и ɯbrȕk calumnia, portio cibi, ȕgɯn и ɯgȕn Ackerbeet, ȕkɯp и ɯkȕp vallum, ȕmɯt и ɯmȕt vertigo, ȕtɯk и ɯtȕk tumor, insula, pȕdslɯn и pɯdslȕn fulcrum, pȕgɯr и pɯgȕr incendium, pȕklɯn и pɯklȕn, pȕkɯp и pɯkȕp sepultura, prégɯn и pregȕn persecutio, sprévɯj и sprevȕj funis, pȕsȵl, -sla, préstɯl, prélɯg Abacker, prévɯz, prérɯk = prȕrɯk, préstɯr = prȕstɯr, spéhɯd прогулка, sprévɯd = sprȕvɯd похороны. Если Миклошичъ утверждаетъ, что въ предложныхъ словахъ съ долгимъ гласнымъ въ предло́гѣ — примѣрами чего у него служатъ слов. zāgɯrje, nāvada, серб. nȁручје, нáвада, зáвидjети, чеш. zāhořĭ, nādĕje, nāležeti, поль. zamorze, zamek, należeć (со сжатымъ a) —

[1]) Valjavec. Rad. XLIII.

долготу слѣдуетъ объяснять дѣйствіемъ ударенія, искони падавшаго на предлогъ, то это чистѣйшее, ни на чемъ не основанное предположеніе [1]).

Два предлога, общеславянскій *па* и русскій (вмѣстѣ съ тѣмъ чешскій, лужицкій и польскій) *вы*, почти постоянно принимаютъ ударе́ніе: рус. па́тока, па́волока, па́сынокъ, па́дчерица, па́сѣка, па́поротникъ [2]); серб. па̏тока lorea vini usti, па̏влака сливки, Sack eines Polsters, па̏вдрина (пасмурность съ просвѣтомъ), па̏лучак campus herbidus prope aquam, па̏бирак, -ӣрка Nachlese, па̏ројак, -о̄јка examen secundum, слов. páglavъc упрямецъ; рус. вы́водъ, вы́дѣлка, вы́ручка, вы́говоръ, вы́пускъ и т. д. [3]). Исключаются только серб. па́рог baculus uncinatus, па́пе̄рје пухъ, па̀пратка = па̀пратьика filix una (но па̏пра̄т), папра́тњача locus filicosus, папра́ца polytrichon, пави́тина = па̀ветина бијела лоза, па̀прица ось жернова, па̀смарко дуванъ, који је врло љут, па̀спа̄љ, паспа́ља pulvis molaris, па̀тисак ц. г. = престанак. Во многихъ изъ этихъ словъ па, можетъ быть, вовсе не предлогъ [4]). Изъ русскихъ словъ, сложенныхъ съ *вы*, не акцентуютъ его глаголы несовершеннаго вида (выдѣля́ть, вылива́ть, выплыва́ть и т. д.), нѣкоторыя прилагательныя на ной: выходно́й, выпускно́й, выдвижно́й, вырази́тельный и два—три существительныхъ: выраже́ніе, выступле́ніе, выздоровле́ніе.

Нерѣдко предложныя слова не всѣми Юговосточными славянами акцентуются одинаково: по-русски измѣна, отмѣна, доса́да, поруку́а, потре́ба, прока́за, су́кровица, обы́чай, пожа́ръ, а у Караджича мы читаемъ ӣсток, ӣзмена, о̏дмена, до̏сада, по̏рука, по̏треба, про̏каза (у Ц. г.), су̏кървица, о̏бича̄j, по̏жа̄р. Почти во всѣхъ этихъ случаяхъ я склоненъ думать, что Русскій

---

[1]) Miklosich. Ueber die langen Vocale, S. 9. — Справедливо, конечно, замѣчаніе Миклошича, что не долгота, а общность ударенія скрѣпляетъ въ одно цѣлое составныя части слова, но общее ударе́ніе можетъ падать не только на аффиксъ, но и на суффиксъ или на корень. Впрочемъ, даже допустивши съ Миклошичемъ, что ударе́ніе въ предложныхъ словахъ первоначально принадлежитъ предлогу, мы все-таки не объяснимъ сербскаго выговора на́ручје, па́вада, за́видјети, такъ какъ въ Сербскомъ языкѣ вовсе не замѣчается склонности протягивать ударяемые гласные. Отвергая, такимъ образомъ, Миклошичеву гипотезу, я, однако, не въ состояніи замѣнить ее чѣмъ-нибудь лучшимъ.

[2]) Подъ аналогію этихъ словъ, очевидно, подведено заимствованное па́сквиль.

[3]) Предлогъ вы носитъ на себѣ ударе́ніе и въ единственномъ словенскомъ реченіи, въ составъ котораго онъ входитъ: vȋgred = *выградъ весна.

[4]) Даничичъ (Основе српскаго или хрватскога језика) производитъ па́рог отъ par продирати, парати; па̀прица—отъ корня par, въ значеніи пролазити, вртјети се (па̀прица = пъприца = прѣприца, см. Miclos. Lexicon palaeoslov.) О па̀спа̄љ сказано туђа ће бити, а о па̀тисак — тампа постања (въ Корняхъ — Korijeni s riječima od njih postalijem — онъ сближаетъ его съ *тих*[?]).

языкъ вѣрнѣе сохранилъ старую акцентовку, и что сербскія ѝзмена, ѐдмена, дѐсада, пѐрука, пѐтреба, прѐказа, пѐжар искажены изъ ѝзмена, ѐдмена и т. д.: мнѣ кажется, удобнѣе предположить, что у Сербовъ произошло легкое качественное измѣненіе ударенія, чѣмъ допустить у Русскихъ насильственный переносъ его съ предлога на корень. Въ пользу русскаго выговора говорятъ также Стулліевскіе izmjèna (болг. измѝана чудакъ), odmjèna, porùka, potrèba, roxàr[1]). Что́ касается слова сѫкръвица, то оно, очевидно, есть производное отъ *сѐнкръвь и потому должно было произноситься, согласно съ русскимъ выговоромъ, сѐнкръвица (по-слов. также sòkъrvica). Выговоръ ѐбичāj можно бы считать древнимъ, на основаніи того, что окончаніе j, первоначальное и (или й = j?), въ сущности, тожественно съ окончаніемъ ь, съ которымъ соединена склонность къ напредложной акцентовкѣ (см. выше, стр. 132); но онъ также можетъ быть искаженіемъ, вмѣсто ѐбичāj. Вопросъ усложняется еще тѣмъ, что рядомъ съ формами ѐбичāj, ѐбичаја стоитъ мѣстный падежъ обичáју, указывающій на выговоръ *обѝчāj, *обѝчаја, соотвѣтствующій стулліевскимъ obicsāj, obicsàja. По видимому, приходится допустить въ Праславянскомъ языкѣ двоякую, если не троякую акцентовку этого слова!

Впрочемъ, двоякая акцентовка предложныхъ словъ нерѣдко встрѣчается въ Русскомъ языкѣ, а, по всей вѣроятности, также въ Сербскомъ и въ Болгарскомъ, хотя для послѣднихъ двухъ я не могу этого рѣшительно утверждать. По-русски рядомъ съ выговоромъ нáсморкъ, пóѣздъ, приговóръ, заговóръ, прѝзракъ, прóсѣка, зáсовъ слышатся также насмóркъ, поѣздъ, прѝговоръ (= серб. прѝговōр), зáговоръ, призрáкъ[2]), просѣка, засóвъ. Въ Сербскомъ языкѣ могу указать прѐсēк, нáвала рядомъ съ прѐсēк, нáвала; въ Болгарскомъ — глагольныя формы дóдох, дóде, произносимыя также додóх, доде́.

б) Реченія сложныя.

Въ сложныхъ словахъ общее правило составляетъ акцентованіе коренного слога второй части: рус. богородúца, бѣлорýчка, душегýбъ, живопúсецъ, краснобáй, полоýмный, полушýбокъ, трясогýзка[3]), серб. богѐродица, водѐпōj, вѣртѐглав, инѐвēрка, мързнѐвољац, старѐдреван, слов. bёgёtāj безбожникъ, vinёrẽja, zakёnёdāj, klarёũh, kёlёmâz, listёgnōj Ноябрь,

[1]) Стулли также пишетъ, согласно съ русскимъ выговоромъ, iztòk; но это слово не только у Сербовъ произносится ѝсток, но и у Болгаръ ѝсток.

[2]) Выговоръ призрáкъ, можетъ быть, искусственный: онъ, сколько мнѣ извѣстно, встрѣчается только въ стихахъ, но не въ живой рѣчи.

[3]) Ср. у Грота. Филол. разыск., стр. 390; см. также выше стр. 130 (5).

mœtvȍz, mœtóz restis, samœȗk, sъrcœvȉd, senœkóša, болг. винобе́рма, војво́да, гроздобе́р, дърводе́лец грубіянъ, живопи́сец, златоро́г, младоже́нец женихъ, русоко́с. Впрочемъ, когда вторая составная часть не есть первообразное слово, удареніе можетъ падать и на суффиксъ ея, что́ въ Русскомъ языкѣ бываетъ рѣже, въ Сербскомъ чаще: рус. самолюби́вый, солнцестоя́ніе, благодѣя́ніе, рукоположе́ніе, серб. доброчи́нац, злочи́нац, кървопроли́ће, рукода́ће[1]).

Постоянно акцентуютъ свою первую часть, а именно изглашеніе ся реченія, въ составъ которыхъ входитъ повелительное наклоненіе, какъ: перекати́поле, боли́головъ, пройди́свѣтъ, сорви́голова, Влади́міръ[2]). Этимъ русскимъ словамъ вполнѣ соотвѣтствуютъ сербскія: ви̏сибаба galanthus nivalis, лѐтипа̏с homo ventosus, скѐчиће̏во̏јка nomen saxi, смъ̀рдибаба avis genus, назо̀вибрат = сѐстра, ло̀мигора кличка козы, кљу̑дърво родъ дятла[3]). Эти составныя слова, впрочемъ, относятся не къ настоящимъ сложнымъ, а къ *слитнымъ*, у коихъ нечего удивляться, если они сохраняютъ то удареніе перваго, то второго вошедшаго въ составъ ихъ самостоятельнаго реченія: рус. Бѣлгородъ, Москва́-рѣка, пѣсен. сине́-море, чисто́-поле — сыръ-бо́ръ, красна-дѣвица, мать-и-ма́чиха, иванъ-да-ма́рья; серб. жу̏бер-вода, ни̏шта-чоек, Бо̏жида̄р, па̀ун-перо — много̀зналица, сирзби́јало, нагу̀злез cancri nomen comicum и т. п.; даже такая необычайная акцентовка, какъ рано-ра̀нилац (у Боци = ра̀нилац рано встающій), злопо̏глеђа, у слитныхъ словъ не можетъ казаться особенно странною.

Настоящихъ сложныхъ реченій, акцентующихъ первую часть, въ Русскомъ языкѣ почти-что нѣтъ: таково слово бла́говѣстъ[4]), да нѣсколько словъ женскаго рода на мягкій согласный: жи́вопись, и́конопись, лѣтопись, ко́новязь, во́доросль, которыя акцентуются на подобіе предложныхъ словъ, какъ за́водь, на́сыпь, пе́репись[5]). Сложныхъ словъ съ мягкимъ окончаніемъ вообще не много, и они по большей части кончаются на тель

[1]) Болгарскихъ примѣровъ мнѣ неизвѣстно; изъ Словенскаго языка могу привести edinœrœjȅnъc, rъrvœrœjȅnъc. Valjavec. Rad XLVI, str. 57.

[2]) Акцентовка имени Владисла́въ, какъ и самое имя, не русская, а польская. (Говоря точнѣе, изъ польскаго заимствованъ выговоръ косвенныхъ падежей Владисла́ва, Владисла́вомъ, къ которымъ примѣнился и именительный).

[3]) Нѣкоторыя подобныя реченія не вполнѣ слились, не составили одного акцентнаго цѣлаго, а имѣютъ два ударенія: свъ̏рзибра́да сбрившій отпущенную было бороду, свъ̏рзима̀нтија ђак, који збаци мантију, ѝзједипо̀гача.

[4]) Странную акцентовку этого слова я объясняю себѣ тѣмъ, что оно вовсе не первообразное, а произведено, или, лучше сказать, отвлечено, отъ глагола бла́говѣстить, который я произвожу отъ существительнаго женскаго рода благовѣсть, въ коемъ, безъ сомнѣнія, ударяли на первый слогъ.

[5]) Приводимыя еще Гротомъ (Филол. разыск. стр. 390) слова по́лдень, по́л-

и подходятъ подъ общій законъ: благодѣтель, законода̀тель, судостроѝтель, вседержѝтель, добродѣтель[1]). Больше исключеній замѣчается въ Сербскомъ языкѣ: пу̏стопа̄ш ж. гдје је свакому слободно пасти, са̀моста̄лан, су̏хозѝд м. зид без креча и земље, зѝмогро̄зан зябкій, ко̀ловра̄т vortex, лѝстопа̄д folia arborum delapsa, m. October, ру̏копѝс м., у̏холажа formica auricularia, чѐтовоња и т. д. — Словенцы только въ двухъ-трехъ словахъ ударяютъ на первую составную часть, какъ kwlôvwz, vinógrad ('nógrad) или vínwgrad, 'nóraz виподѣльческій ножъ. Сербы первое изъ этихъ словъ произносятъ, по общему закону, коло̀воз, а второе и у нихъ составляетъ исключеніе: ви̏ногра̄д; третьяго они вовсе не знаютъ. По-русски слово виноградъ — единственное изъ этихъ трехъ извѣстное на Руси — окситонуется (виногра̀дъ); но едвали въ этомъ случаѣ слѣдуетъ особенно дорожить показаніемъ Русскаго языка и считать его выговоръ правильнымъ и древнимъ: придали же мы реченію виноградъ несвойственное ему и несообразное съ его составомъ значеніе лозы (vitis) и гроздія (uvae), вмѣсто значенія vinea, Weinberg, которое оно имѣетъ у Сербовъ и Словенцевъ, могли, значитъ, легко исказить и акцентовку его; тѣмъ болѣе, что оно у насъ, очевидно, не народное, а книжное[2]).

Какъ, спрашивается, смотрѣть на не вполнѣ согласныя показанія о первоначальной акцентовки сложныхъ словъ Сербовъ и другихъ Югово-сточныхъ славянъ? Съ чисто теоретической точки зрѣнія, я готовъ бы предположить, что полная (или почти полная) правильность и единообразіе, господствующія въ языкахъ Русскомъ, Словенскомъ и Болгарскомъ, явились вслѣдствіе позднѣйшаго обобщенія и подравненія, и что Сербы вѣрнѣе сохранили старину; но положительныхъ доказательствъ въ пользу такого взгляда я не нахожу.

ночь, род. полу̀дня, полу̀ночи и по̀лпиво сюда не относятся: это не настоящія сложныя слова, а слитныя.

[1]) Съ точки зрѣнія исторической грамматики, слово добродѣтель (добродѣтєлъ) сюда вовсе не идетъ, т. к. кончается не на тєлъ, а на тѣлъ.

[2]) Миклошичъ, въ Древнеславянскомъ словарѣ, приписываетъ слову виноградъ два значенія — vinea и vitis: но дѣйствительно ли второе значеніе древнее? Въ Сравнительной грамматикѣ (B. II [Stammbildungslehre], S. 385) древнеславянское виноградъ переведено только словомъ vinea. Тамъ же, стр. 391, русское употребленіе слова виноградъ сравнивается съ нѣмецкимъ употребленіемъ словъ Frauenzimmer и Stute, которыя первоначально означали женскую комнату и табунъ, а въ настоящее время означаютъ женщину и кобылу. См. въ словаряхъ Гримма и Вейганда (Шмидтгеннера). Можетъ быть, колебаніе какъ акцентовки, такъ и значенія этого слова объясняется тѣмъ, что оно взято изчужа, изъ готскаго veinagards? вѣдь составлено оно совсѣмъ не въ славянскомъ духѣ.

VI.

Второе дополненіе къ обзору юговосточныхъ акцентовокъ: случаи несоотвѣтствія между югославянскими акцентовками (преимущественно сербскою) и русскою.

Несмотря на общее сходство и правильное соотношеніе, замѣчаемое между акцентовками Русскихъ, Сербовъ, Словенцевъ и Болгаръ, онѣ нерѣдко расходятся въ выговорѣ отдѣльныхъ словъ, чему мы уже видѣли нѣкоторые примѣры[1]). Даже соотвѣтствіе между сербскою и русскою акцентовкою — наиболѣе стройное и постоянное — не всегда выдерживается.

1. Различіе между сербскимъ и русскимъ акцентованіемъ словъ можетъ состоять въ томъ, что у Сербовъ, вмѣсто ожидаемаго слабаго ударенія является рѣзкое (рѣже вмѣсто восходящаго — нисходящее), или что удареніе (въ видѣ слабаго) приближается не на одинъ слогъ къ началу слова, а на два, напр.: скȍт, скȏта; плȍд, плȏда; лȉст, лȉста; у̏зао, у̏зла; трѐпеħēм, слов. trepečem —рус. скотъ, скота́; плодъ, плода́; листъ, листа́; у̏зелъ, узла́; трепещу́. Такъ какъ слабое удареніе есть замѣна рѣзкаго ударенія на слѣдующемъ слогѣ (трѐпеħēм = осн. трепѐħēм), то оба указанныя явленія первоначально тожественны. Таковы еще слѣдующія реченія: врâг, врâга; дâн, дâна (или днѐ); дâжд, дâжда Кар. (Маж. дâжд, дâжда, слов. dъž, dъžjâ); жи̏д, жи̏да; јêж, јêжа; кȏт, кȏта ц. г. Brut; лѐд, лѐда; лâв, лâва; лâвица; лâж, лâжи; лâн, лâна; мâх (мâх), мâха; пȏст, пȏста Кар. (Маж. пȏст, пȏста, слов. pȍst, pȍsta); рâж, рâжи; сърп, сърпа; цâр, цâра; цâрица; цъ̀рв, цъ̀рва; рȍбиња; ж. р. прилагательныхъ лâк, мȍкар, ни̏зак, тȏпао и нѣкоторыхъ другихъ: лâка, мȍкра, ни̏ска, тȏпла; настоящее время нѣкоторыхъ глаголовъ, нпр., бѐрē, дѐрē, би̏јē, и̏грā, би̏вā, пòкри̏вā, му̏тӣ, гнêзди̏ се и т. д.

---

[1]) См. выше, стр. 92—100, 128—130, 133, 135.

2. Есть и такія сербскія реченія, въ которыхъ удареніе первоначально было на одинъ слогъ ближе къ концу слова, чѣмъ въ соотвѣтствующихъ русскихъ, а теперь падаетъ на тотъ-же слогъ, какъ въ Русскомъ языкѣ, разумѣется, въ видѣ слабаго или восходящаго. Могу привести слѣдующіе примѣры: Београдъ, бѝво, бѝвола; бѝсер, бѝсера; вр̑х, вр̀ха; гр̂aj, гр́aja; гр̏об, гр̀оба; гр̏ом, гр̀ома (но также гр̏ом, гр̏ома); дѐтао, дѐтла (слов. dětъl или dětъl); исповѐдни̏к, исповедни́ка; клѐн, клѐна; ку́коль (слов. kókωlj, kókωlja и kωkólja); ми̑р, ми́ра (слов. mîr, mirû); поль̀ана; со̏м, со̀ма (слов. sω̏m, sώma); сто̑г, сто̀га (но также сто̏г, сто̏га; слов. stôg, stώga); трѐм, тре́ма; хра̑м, хра́ма (слов. hrâm и hrám) кладовая; хр̑аст, хра́ста (слов. hrást и hrâst) дубъ; хрѐп, хрѐна (слов. hrѐn, hrɛ́na). Сюда относятся нѣкоторыя членныя прилагательныя: вѐтхӣ, ā, ō Будм., гла̀днӣ Будм., дȕгӣ, жи̏ткӣ Будм., кра̀ткӣ Будм., льȕтӣ Будм., сѝтнӣ Будм., сла̀ткӣ, ти́хӣ Будм., та̀нкӣ, ȕскӣ и т. д., которыя, впрочемъ, почти всѣ могутъ произноситься также съ рѣзкимъ, или съ нисходящимъ удареніемъ: гла̑днӣ, дȗгӣ Будм., жи̏ткӣ, кра̑ткӣ, льȕтӣ, сѝтнӣ Будм., ти̏хӣ Будм., та̑нкӣ Будм., ȕскӣ Будм. и т. д. Русскія формы этихъ реченій — Бѣлгородъ (Курской губерніи); бу́йволъ, бу́йвола; бѝсер, бѝсера; ве́рхъ, ве́рха[1]); гай, га́я м. рус.; гро́бъ, гро́ба и т. д.

Рѣдко только между русскою и сербскою акцентовкою замѣчается несоотвѣтствіе иного рода, нпр. такое, какъ въ словѣ го̏спођа — рус. госпожа́ (= дубров. госпо̀ђа).

Въ случаяхъ разногласія Сербскаго языка съ Русскимъ не всегда можно рѣшить, который изъ нихъ сохраняетъ правильный выговоръ; но, когда это возможно, благодаря показаніямъ другихъ славянскихъ языковъ, то по большей части исконною акцентовкою оказывается русская.

Исконнѣе сербскаго долженъ считаться русскій выговоръ настоящихъ односложекъ (односложекъ съ бѣглымъ гласнымъ): день, дня; левъ, льва; ленъ, льна; ложь, лжи; рожь, ржи; т. к. въ пользу его ясно свидѣтельствуетъ выговоръ чешскій и польскій, отчасти лужицкій: чеш. den, dne; lev, lva; len, lnu; lež, lži; rež, rži (впрочемъ и reži), — в. луж. dźeń, dńa, rož, rže[2]), — н. луж. źeń, dńa[3]), — поль. dzień, dnia; lew, lwa; len, lnu; łeż, łży; reż, rży. Изъ словенскихъ формъ рѣшительное показаніе въ томъ же смыслѣ дѣлаетъ только слово dân (dɛ̑n), dnɛ (чаще dnɛva)[4]): слово lɛ̑v,

[1]) Однако, парѣчіе — верхо́мъ.

[2]) Слова лѣкъ, лѣнъ по-верхнелужицки имѣютъ постоянный гласный: law, lawa; len, lena (lenu). Слово лъжа не употребительно — говорятъ lža.

[3]) Въ словахъ l'av, l'an, rež, a и e — постоянные.

[4]) Слово dân и у самихъ Сербовъ представляетъ побочныя формы днѐ (род., дат. и мѣст.), вин. мн. дни̏ и им. дв. дни̏ (два̀ дни̏), сходныя съ формами другихъ языковъ.

lе́va или lе́va говоритъ столько же за сербскій выговоръ, сколько противъ него[1]); слова̀ lân, lъnû; lâž, lъžî; ъ̑rž, ъržî, не соотвѣтствуютъ ни сербскимъ, ни русскимъ формамъ; однако съ послѣдними ихъ можно примирить, допустивши, что они только подошли подъ аналогію словъ выдвижечной акцентовки и замѣнили рѣзкое удареніе нисходящимъ, но что они искони были окситонками. — Принимая, такимъ образомъ, праславянскую акцентовку дь́нь, дьни́; львъ, льва̀ и т. д.[2]), какъ объяснить себѣ происхожденіе сербскихъ формъ да̂н, да̂на; ла̂в, ла̂ва и т. д.? Я полагаю, что Сербы первоначально образовали, наравнѣ съ прочими Славянами, правильные родительные дна̀, ква̀, лна̀, лжи́, ржи́, но замѣнили ихъ впослѣдствіи болѣе удобными для произношенія формами да̂на, ла̂ва, ла̂на, ла̂жи, ра̂жи, образованными отъ именительныхъ да̂н, ла̂в, ла̂н, *ла̂ж, *ра̂ж (долготу а въ именительныхъ ла̂ж, ра̂ж (слов. ъ̑rž) позволительно считать позднѣйшимъ явленіемъ)[3]). — То же самое, что́ у Сербовъ съ приведенными словами, какъ мнѣ кажется, случилось у всѣхъ почти Славянъ со словомъ мъхъ, основнымъ выговоромъ котораго я считаю мъ̑хъ, мъха̀. Родительный мъха̀ до сихъ поръ слышится въ устахъ Русскихъ, Чеховъ и Поляковъ, въ видѣ mха, mху, mсhu. Невзыскательные на счетъ удобства произношенія Поляки вѣрно сохранили бѣглость гласнаго (mесh, mсhu), Русскіе же и Чехи, желая избѣжать необычнаго созвучія *мх* стали иногда обращать бѣглый гласный въ постоянный и говорить мохъ, мо́ха; mесh, mесhu. Сербскую форму ма̂х (ма̂х), ма̂ха (по Мажураничу, ма̂х, ма̂ха) и словенскую — mâh (mɛ̑h), mъhû я объясняю себѣ точно такъ же, какъ ла̂н, ла̂на и lân (lɛ̑n), lъnû.

Къ словамъ, утратившимъ правильную акцентовку у Сербовъ и сохранившимъ ее у Русскихъ, принадлежитъ и слово *дъжд*ь, рус. дождь, дожд́я (дощъ, доща̀). Это слово по-сербски произносится да̂жд, да̂жда Кар.; но слов. dъ̑ž, dъžjà, поль. deszcz, dżdżu (рядомъ съ deszczu) и ст. чеш. dešt', dště (теперь deště) свидѣтельствуютъ о праславянской акцентовкѣ дъ̑ждь,

---

[1]) Странно, что это слово по-краински не представляетъ темнаго гласнаго, или не колеблется, по крайней мѣрѣ, между замѣною его черезъ ɛ и черезъ a — ужъ не заимствовано ли оно изъ нѣмецкаго Löwe?

[2]) Говоря о праславянской акцентовкѣ отдѣльныхъ словъ, я вовсе не предрѣшаю вопроса о существованіи праславянской акцентовки, какъ цѣлой системы.

[3]) Собственно говоря, по законамъ сербской фонетики, родительные падежи ква̀, лна̀, лжи́, должны были принять видъ о̀ва, о̀на, о̀жи. Если такія формы дѣйствительно существовали, то появленіе неорганическихъ формъ ла̂ва, ла̂на, ла̂жи объясняется еще лучше: родительные о̀ва, о̀на, о̀жи такъ мало похожи на именительные ла̂в, ла̂н, *ла̂ж, что отказаться отъ нихъ было вполнѣ естественно.

дъждjа̀. Впрочемъ, по показанію Мажуранича, и Сербскому языку не чужда подобная акцентовка: Мажураничъ пишетъ не да̂жд, да̂жда, а да̀жд, да̀жда (чак. да̀жд, даждà)[1]. — Наравнѣ съ выговоромъ да̂жд, да̀жда, позднѣйшее искаженіе слѣдуетъ видѣть въ Вуковской формѣ по̂ст, по̂ста, вмѣсто которой мы у Мажуранича находимъ по̀ст, по̀ста, что́ вполнѣ со̀отвѣтствуетъ словенскому pȏst, pȏsta и русскому постъ, поста́. — Русская форма царь, царя́ также правильнѣе сербской ца̂р, ца̂ра, если только вѣрно производство этого слова изъ основного цѣсарь. Очевидно, односложный именительный царь, могъ явиться лишь такимъ образомъ, что иностранное окончаніе ar подвели подъ аналогію туземной наставки арь, почти всегда отмѣчаемой удареніемъ, и вмѣсто цѣсарь произнесли цѣса́рь (впослѣдствіи ц'сарь, царь): но, при именительномъ цѣса́рь, другіе падежи едва-ли могли произноситься иначе, какъ цѣсарjа̀, цѣсарjȕ и т. д., а послѣ сокращенія, царjа̀, царjȕ. — О соотношеніи между глагольными формами, какъ серб. трѐпеѣм, слов. trepẹ́čem и рус. трепещу́, рѣчь была уже выше (гл. III, стр. 102, прим. 2), и привела насъ къ убѣжденію, что и у нихъ Русскіе удержали ударе́ніе на старомъ мѣстѣ. Также акцентовку бѐрē, мȕтӣ (=рус. бере́тъ (слов. bére), мути́ть) и т. д. я считаю плодомъ вторичной неорганической оттяжки: подобно тому, какъ у насъ, вмѣсто стараго держи́ть, учи́ть, явилось де́ржить, у́чить[2]), такъ у Сербовъ, вмѣсто бѐрē, му́тӣ, — бе̏рē, мȕти.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ и Русскій языкъ отступилъ отъ старины, между тѣмъ какъ Сербскій остался ей вѣренъ, но достовѣрныхъ тому примѣровъ я почти не знаю. Слово лёдъ, льда несомнѣнно искажено изъ единственно правильнаго ледъ, ле́да: и чеш. led, ledu, и в. луж. lod, loda (lodu), и н. л. ľod, ľodu[3]), и поль. lód, lodu, а также и м. рус. лід, леду свидѣтельствуютъ въ пользу сербской пакоренной акцентовки; даже словенскій выговоръ lẽd, ledû, повидимому, согласный съ русскимъ, въ дѣйствительности говоритъ противъ него[4]). Но какъ же могъ выпасть гласный, отмѣченный удареніемъ? Дѣло это я представляю себѣ такъ, что гласный е сначала стали опускать въ предложныхъ сочетаніяхъ, въ коихъ рече́ніе ледъ теряло ударе́ніе, или являлось въ окситонномъ мѣстномъ падежѣ (= серб. лѐду): вмѣсто первоначальныхъ выраженій до́ леду, со́ леду, по́

---

[1]) Будмани также пишетъ због да̀жда. Grammatica, pag. 188, § 384.

[2]) Въ виду нашего церковнаго, т. е. старорус. написанія держи́ть, учи́ть, серб. дȕржӣ, у́чӣ, болг. държи́, (но у́чи), слов. dŭržĭ, učĭ, я древнимъ выговоромъ этихъ словъ считаю дьржи́ть, учи́ть.

[3]) Показанія Лужицкаго языка, который нерѣдко обращаетъ бѣглый гласный въ постоянный, не имѣетъ, конечно, особеннаго значенія.

[4]) См. гл. III, стр. 94.

леду, во леду́, на леду́ явились сокращенныя — до́ льду, со́ льду, по́ льду, во льду́, на льду́, и отъ нихъ уже отвлекли и пустили въ оборотъ, какъ самостоятельныя формы, теперешнія льда, льду, льдомъ и т. д. — Исконнѣе русской слѣдуетъ также признать сербскую акцентовку слова пажкъ: па̏ук, согласную съ болг. па̀јък, со слов. pâjък и съ постоянной привычкою предлога *па* принимать на себя удареніе [1]). Русскій выговоръ пау́къ, -ука́ легко объясняется тѣмъ, что *па* приняли за корень, а *укъ* за наставку, на которую — т. к. наставка *укъ* изъ числа притягательныхъ — и перенесли удареніе. — Слова́ гробъ, гро́ба; сомъ, со́ма, а, пожалуй, и стогъ сто́га можно считать искаженными изъ гробъ, гроба́; сомъ, сома́; стогъ, стога́, ибо рядомъ съ сербскими формами гро̏б, гро̀ба; со̏м, со̀ма; сто̏г, сто̀га стоятъ словенскія grȏb, grȍba; sȏm, sȍma; stȏg, stȍga. Послѣднее слово, однако, у самихъ Сербовъ звучитъ также сто̏г, сто̀га [2]).—Въ ж. р. нечл. прилагательныхъ Русскій языкъ такъ щедръ на окситоновку, что я склоненъ считать ее въ нѣкоторыхъ случаяхъ продуктомъ ложной аналогіи: весьма возможно, что напр. сербскія формы ла̏ка, ни̏ска (ла̏к, ла̏ка, ла̏ко; ни̏зак, ни̏ска, ни̏ско) правильнѣе русскихъ легка́, низка́, хотя и нельзя этого утверждать рѣшительно. — О словахъ де́ржитъ, у́читъ говорено на предыд. стр., прим. 2.

Древнею чертою, правда, значительно затемненною и искаженною, я склоненъ признать своеобразную акцентовку 2 и 3 лица ед. ч. въ сербскихъ *аористахъ*. Русская (церковная=старорусская) акцентовка не дѣлаетъ различія между этими и остальными лицами; у Сербовъ же удареніе въ нихъ тяготѣетъ къ началу слова—къ корню, или, если такая есть, къ приставкѣ. Глаголы первообразные (I классъ Миклошича) и глаголы съ примѣтою *и* (IV классъ) отмѣчаютъ указанныя формы рѣзкимъ или нисходящимъ удареніемъ, хотя-бы остальныя имѣли слабое или восходящее: плѐтох, -смо, -сте, -ше — пле̏те; тре́сох, -смо, -сте, -ше — тре̏се; оплѐтох, -смо, -сте, -ше — о̏плете; истре́сох, -смо, сте, -ше — и̏стре̏се; раза̀пѐх, -смо, -сте, -ше — ра̏запе̄; но̀сих, -смо, -сте, -ше — но̏се̄; бра́них, -смо, -сте, -ше — бра̂не̄; доно̀сих, -смо, -сте, -ше — до̀носӣ; обра́них, -смо, -сте, -ше — о̏бране̄. Такъ же мѣняютъ слабое удареніе на рѣзкое глаголы съ примѣтами *ну*, *а* и *ова* (классы II, V и VI): то̀нух и т. д. — то̏нӯ, по̀тонух — по̏тонӯ, и̏грах — и̏гра̄, заи̏грах — за̏игра̄, повѐчерах — по̏вечера̄, купо̀вах — ку̏-

---

[1]) См. гл. V, стр. 135.

[2]) Словенское слово stȏg, stȍga (акцентовку котораго отмѣчаю по Валявцу, Rad Jug. Ak. knj. XLV, str. 66) едва-ли ни единственное въ своемъ родѣ: при именительномъ stȏg мы ожидали бы родительнаго stȏga или stȍgȃ, при родительномъ stȍga — именительнаго stȏg.

пова̄[1]). Удареніе не только переходитъ на сосѣдній слогъ, чему мы уже видѣли нѣсколько примѣровъ, но также скачетъ черезъ слогъ, или черезъ два и даже черезъ три слога: накупо̀вах — на̏купова̄, изједна́чих — и̏зједна̄чӣ, пријатељо̀вах — при̏јатељова̄, изруковѐдах collegi in manipulos — и̏зруковеда̄, начетворонóжих се — на̏четворонбжӣ се[2]).

Полагаю, что колебаніе ударенія между *префиксомъ* и *суффиксомъ*, которое мы видимъ у нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ глаголовъ, не можетъ считаться древнимъ, и что первоначально удареніе во 2 и 3 лицѣ падало, вмѣсто акцентуемаго въ другихъ лицахъ суффикса, на корень, вмѣсто корня, — на префиксъ, т. е. говорили дѣйствительно плето̏х, пле̏те, поли̏х, по̏лӣ, (по̏лӣ?), что́ соотвѣтствуетъ нынѣшнему штокавскому плѐтох, пле̏те, по̀лих, по̏лӣ, но не говорили обра̄ни̏х, о̀бра̄нӣ, а обра̄ни̏х, обра̂пӣ (обра̂пӣ?), изъ чего образовалось спачала обра́них, о̀бра̄нӣ, а потомъ уже, въ силу аналогіи первообразныхъ глаголовъ, о̀бра̄нӣ. Мажураничъ даже велитъ произносить о̀бра̄ни, про̀копа, по̀несе и т. д.[3]): должно быть, иные дѣйствительно такъ и произносятъ. Своеобразной акцентовкѣ 2 и 3 лица ед. ч. аориста особенно удивляться не слѣдуетъ: вѣдь признано въ наукѣ, что у глаголовъ I класса, отъ закрытыхъ корней, эти формы удобнѣе всего отдѣлять отъ остальныхъ и относить къ безпримѣтному аористу[4]), и мнѣ кажется, что это можно сказать обо всѣхъ глаголахъ, безъ исключенія[5]). Считаю вѣроятнымъ, что акцентное неравенство лицъ въ аористѣ нѣкогда было свойственно всѣмъ глаголамъ съ первоначально насуффиксною акцентовкою и что выговоръ тѣрну, разу̏ме, жи́ве, вла́да, забрањи́ва и т. д. есть замѣна древнѣйшаго тѣрну, разу̏мѣ, жи́вѣ, вла̂да, забрањи́ва. Такимъ же примѣ-

---

[1]) Budmani, pag. 107—108. Daničić. Rad. VI, str. 150—151. Изъ указаннаго закона есть нѣсколько исключеній: оти́дох—оти́де, изма̀кох—изма̀че и др. Иной разъ удареніе колеблется: рѐкох—рѐче, но также и ре̏че. Rad. VI, str. 55.

[2]) Съ исторической точки зрѣнія, мы должны бы были сказать, что въ словѣ и̏зруковеда̄ удареніе перескочило черезъ три слога, въ на̏четворонбжӣ (се)—черезъ четыре (начетворонóжих=начетворонбжи́х).

[3]) Slovnica hèrv., str. 104.

[4]) Миклошичъ (Vergl. Formenlehre, 2 Ausg., S. 71 и 73) допускаетъ производство этихъ формъ отъ простого (безпримѣтнаго) аориста; Шлейхеръ (Compendium der vergl. Grammatik, 4 Aufl., S. 802) рѣшительно высказывается въ его пользу и замѣчаетъ, что ѣсовая форма была бы *несо, а не несе. Я полагаю, что она звучала бы *несоше(с): едвали какой-либо языкъ, а тѣмъ менѣе Славянскій, имѣя въ своемъ распоряженіи основу несохо-, несоше-, сталъ бы создавать форму несе-с-с или несо-с-с.

[5]) *Пи-с-с, *коупова-с-с, *кла-с-с такія же странныя формы, какъ *несе-с-с, *несо-с-с.

неніемъ 2 и 3 лица къ остальнымъ, проведеннымъ съ большею послѣдовательностью, я объясняю себѣ русскую (церковную) акцентовку проси́, положи́, преломи́, отпусти́, изведе́, паде́, спасе́, изсѣче́, написа́, сочета́, негодова́ и т. д.; въ выговорѣ же и́де, обрѣте, у́мре, рядомъ съ идо́хъ, обрѣто́хъ, умро́хъ, вижу остатки старины [1]).

Есть въ Русскомъ языкѣ одно явленіе, въ недавнемъ происхожденіи котораго невозможно сомнѣваться: это—акцентованіе, въ прошедшемъ времени нѣкоторыхъ глаголовъ, наставки *ся*, напримѣръ, рвался́, гнался́, заперся́, родился́, напился́ [2]). Этотъ выговоръ, очевидно, есть подражаніе формамъ женскаго рода рвала́сь, гнала́сь, заперла́сь, родила́сь, напила́сь. Пока мѣстоимѣніе СА не обратилось въ наставку—чего у остальныхъ Славянъ и до сихъ поръ не случилось,—такая акцентовка была совершенно невозможна. (Еще и теперь въ указанныхъ формахъ удареніе не установилось: бо́льшая часть—должно быть, даже всѣ безъ исключенія—могутъ также ударять на другой слогъ: гна́лся, роди́лся и т. д.).

Въ иныхъ реченіяхъ, съ неодинакою акцентовкою у Русскихъ и у Сербовъ, та и другая можетъ считаться законною и правильною. Таково, напримѣръ, слитное реченіе Бѣлградъ—рус. Бѣлгородъ, серб. Београдъ: Русскіе въ выраженіи бѣлъ го́родъ положили логическое удареніе на первое слово; Сербы же произнесли бео гра̑дъ, а потомъ, съ оттяжкой ударенія, Београд [3]). Въ подобномъ же соотношеніи, какъ Бѣлгородъ и Београдъ, находятся рус. бу́йволъ и серб. би́во̄, би́вола (= ст. ц. кꙗволъ). Слова эти, прямо или косвенно происходятъ отъ греческаго βούβαλος, βουβάλου. Если предположить, что Русскіе и Сербы, независимо другъ отъ друга, заимство-

---

[1]) Разсуждая объ акцентовкѣ аористовъ слѣдовало бы принять во вниманіе и болгарскій выговоръ, чего я однако не сдѣлалъ, по неимѣнію о немъ достаточныхъ свѣдѣній. Аористныя фо̀рмы бо̀де, плѐте, пѐче, да̀де, при формахъ настоящаго боде́, плете́, пече́, даде́, (соотвѣтствующія сербскимъ бо̀де, плѐте, пѐче, да̀де и бо̀де̄, плѐте̄, пѐче̄, да́де̄) говорятъ въ пользу моего взгляда; но та же акцентовка свойственна и остальнымъ лицамъ: бо̀дох, плѐтох (въ силу аналогіи 2 и 3 лица ед. ч.?). Иногда—или, можетъ быть, у всѣхъ глаголовъ?—удареніе колеблется: до̀дох, до̀де и додо́х, доде́=серб. до̀ђох, до̀ђе (Caнkoї, S. 2).

[2]) См. у Грота. Филол. разыск., стр. 321.

[3]) Или, можетъ быть, первоначально произносили *Бѐоград, а потомъ подвели это слово подъ аналогію настоящихъ сложныхъ? Послѣднее предположеніе мнѣ кажется мало вѣроятнымъ, въ виду многочисленности у Сербовъ сложныхъ словъ, съ рѣзкимъ ударе́ніемъ на первой части сложенія (см. гл. V, стр. 138); но, съ другой стороны, сокращеніе а въ разбираемомъ словѣ соотвѣтствуетъ сокращенію коренного гласнаго въ сложныхъ словахъ, какъ голо̀брад, голо̀глав, само̀хран (отъ бра́да, гла́ва, хра́на).

вали это слово, то неодинакую акцентовку его можно объяснить тѣмъ, что сербскій выговоръ бѝво̄, бѝвола (основн. бѝво̄л, бѝво̄ла) слѣдуетъ парокситоннымъ падежамъ βουβάλου, βουβάλῳ, βουβάλων, βουβάλους, между тѣмъ какъ русскій подражаетъ пропарокситоннымъ — βούβαλος, βούβαλον, βούβαλε, βούβαλοι. Если-жъ слово буйволъ пришло къ намъ изъ Греціи черезъ Сербію или Болгарію, то выговоръ его можно считать сербизмомъ или болгаризмомъ (по-болгарски тоже бѝвол); или же можно его объяснять логическимъ удареніемъ, которое, послѣ передѣлки слова кѫіколѫ въ буйволъ (дикій волъ) положили на мнимое прилагательное буй [1]). Одинаково законнымъ, мнѣ кажется, слѣдуетъ признать также сербское акцентованіе составныхъ словъ дода́ток, напи́так, почѐтак [2]), (кърво)проли́ће и т. п. и русское—дода́токъ, напи́токъ, поча́токъ, (крово)проли́тіе. Несоотвѣтствіе этихъ формъ можно объяснить предположеніемъ, что онѣ только кажутся тожественными, въ дѣйствительности же образованы различно: что сербскія слова произведены отъ существительныхъ *да́так, *пи́так, *че́так, *ли́ће = рус. литьѐ [3]), посредствомъ прибавленія предлоговъ, а русскія — отъ предложныхъ глаголовъ дода́ть, напи́ть (ся), поча́ть, проли́ть. О словахъ этого рода рѣчь была уже выше [4]).

Какъ штокавское удареніе, по мѣсту и по качеству, не всегда соотвѣтствуетъ русскому, такъ и чакавское не всегда падаетъ съ нимъ на одинъ и тотъ-же слогъ. Мажураничъ [5]) отмѣтилъ слова дружба̀, служба̀, румени́ти, одобри́ти, ваби́ти, држи́ш, учи́ш, ви́сити, мо̏лӣм (мо̏љу) и хва́лӣм, кото-

---

[1]) Мнѣ сдается, что не только русское буйволъ, но также и кѫіколѫ есть продуктъ «народнаго словопроизводства»: въ словѣ βούβαλος второй слогъ отожествили со своимъ словомъ колѫ, а первый со знакомъ сослагательнаго наклоненія (аористомъ) кѫі — кѫіколѫ = «якобы волъ»; иначе, не было никакого основанія уклоняться отъ греческаго выговора: можно было произносить вуволъ. Если-бы было позволительно считать наше слово паннонскимъ, заимствованнымъ отъ Нѣмцевъ (= нѣм. Büffel), то выговоръ его перваго слога не нуждался бы въ только что предложенномъ, нѣсколько натянутомъ, объясненіи.

[2]) Соотвѣтственный выговоръ этого слова не чуждъ и Русскому языку: мрус. почато́къ, початку́. Wagilewicz, str. 35.

[3]) Какъ смотрѣть на употребительное, рядомъ съ литьѐ, ли́тіе? Я думаю, что ли́тіе есть основная акцентовка: ставши двусложнымъ, т. е. принявши видъ ли́тье, это слово могло подойти подъ аналогію прочихъ формъ глагола лить, имѣющихъ насуффиксное удареніе. Накоренную акцентовку сербскаго ли̏је̄м, по всему вѣроятію, слѣдуетъ признать позднѣйшею.

[4]) Гл. V, стр. 130 (5).

[5]) O važnosti akcenta hèrvatskoga za historiju Slavjanah. Programm des K. K. Gymnasiums zu Agram am Schlusse des Schuljahres 1860.

рыя по-русски произносятся дру́жба, слу́жба, румя́нить, одо́брить, ва́бить, де́ржишь, у́чишь, висѣть, молю́, хвалю́.

Чакавская акцентовка словъ држи́ш, учи́ш, одобри̏ти, ви̏сити, которыхъ я уже касался прямо, или косвенно [1]), несомнѣнно древнѣе и правильнѣе русской.

Окситонныя формы дружба̀, служба̀ (=шток. дру̀жба, слу̀жба), кажется, также древнѣе баритонныхъ дру́жба, слу́жба: въ пользу этого говорятъ краинскія družbà, službà, равно какъ и русское прилагательное служе́бный, которое предполагаетъ существительное служба́.

Не знаю, можно ли сказать то-же самое о глаголѣ румени̏ти, выговоръ котораго долженъ былъ сообразоваться съ прилагательнымъ *руманъ, румана, румано (ст. ц. ρоумѣнъ, -а, -о). Это прилагательное, по показаніямъ Сербскаго и Словенскаго языка, имѣло наконечную акцентовку: ру̀мен, румѐна, румѐно; rȗmen, rumẽna, rumẽnω = осн. румѐн, румена̀, румено̀; мы же произносимъ его румя́нъ, румя́на, румя́но, и, если можно, съ одной стороны, допустить, что русская усѣченная форма не есть древняя, а отвлечена отъ полной — румя́ный, -ая, -ое (= серб. ру̀мени̏, -а̄, -о̄, слов. rumẽni, rumẽna, rumẽnω), то, съ другой стороны, возможно, что Сербы и Словенцы окончаніе ен, ена, ено = анъ, ана, ано подвели подъ аналогію окончанія ен, ена, ено, съ исконнымъ е, какъ зѐлен, зелѐна, зелѐно; цъ̀рвен, цървѐна, цървѐно.

Преимущество передъ чакавскою акцентовкою слѣдуетъ отдать русской, по высказаннымъ раньше [3]) соображеніямъ, въ словахъ мо̀лим и хва̀лим.

Въ этой главѣ, а также тамъ и сямъ въ предыдущихъ, мы видѣли довольно много словъ, русское акцентованіе которыхъ не соотвѣтствуетъ сербскому, словенскому или болгарскому, или даже всѣмъ тремъ; но, несмотря на то, нельзя не признать общаго сходства и не предполагать первоначальнаго единства акцентовокъ восточныхъ и югозападныхъ Славянъ.

---

[1]) Стр. 128, 130, 142, прим. 2.

[2]) Valjavec. Rad. XLIII. str. 70; ср. у Копытаря (Grammatik. 5. 248).

[3]) Гл. III, стр. 102, прим. 2.

VII.

Чешская акцентовка.

Чешская акцентовка — *разнородная*, но не музыкальная, а только *количественная*: удареніе разнообразится тѣмъ, что на долгомъ гласномъ звучитъ иначе, какъ на краткомъ[1]).

Долготное удареніе, по мнѣнію Миклошича, не есть ни нисходящее, ни восходящее, а *равномѣрное*[2]). Не знаю, вѣрно ли это, и не слѣдуетъ ли скорѣе признать долготное удареніе *нисходящимъ*. Если не ошибаюсь, чешская акцентовка не вовсе чуждается и *восходящаго* ударенія — заслуживаетъ, значитъ, въ извѣстномъ смыслѣ, названія музыкальной, — только что это удареніе не играетъ въ ней опредѣленной роли, а является какъ риторическое украшеніе, замѣняя нисходящее (или равномѣрное?). Не предрѣшая вопроса о качествѣ его, я долготное удареніе буду обозначать не акутомъ, ни округленнымъ циркумфлексомъ, а циркумфлексомъ *угловатымъ*.

Краткостное удареніе, кажется, можно отожествить съ сербскимъ *рѣзкимъ*, знакомъ котораго я и пользуюсь для его обозначенія.

Мѣсто чешскаго ударенія, какъ извѣстно, всегда одно, а именно на *начальномъ слогѣ* акцентной единицы, такъ что произносятъ: jȅlen, zȁhrada, hȏrlivȳ, jȁlovice, ůčiniti, nȁsycovati, přȅd hrad, kȕ mně, nȁ pomoc, dȏ skonánī; nârod, přîvada, původnī (původní) и т. д. Такимъ образомъ и отрицательная частица ne всегда имѣетъ на себѣ удареніе: nȅmalȳ, nȅšťestī, nȅvīm, nȅchce, nȅbudu, nȅpřiznajī. Этотъ законъ, впервые указанный Добров-

[1]) «Der böhmische Ton ist, in Ansehung seiner Dauer, entweder gedehnt oder geschärft» говоритъ Добровскій въ Чешской грамматикѣ Пельцля. F. M. Pelcel. Grundsätze der böhmischen Grammatik. 2 Aufl. Prag 1798. § 84.

[2]) Fr. Miklosich. Ueber die langen Vocale in den slavischen Sprachen, S. 5.

скимъ [1]), относится также къ Словацкому нарѣчію [2]). Лишь нѣкоторые мѣстные говоры Словаковъ и Мораванъ — по показанію Шемберы — отклоняются отъ общечешскаго произношенія и примыкаютъ къ польскому, т. е. полагаютъ удареніе на *предпослѣдній* слогъ; это говоры, сосѣдящіе съ Польскимъ языкомъ [3]).

Наначальная акцентовка, повидимому, должна была породить множество неуклюжихъ словъ: если-бы такой законъ господствовалъ въ Русскомъ языкѣ, то удареніе довольно часто приходилось бы на пятый, на шестой слогъ съ конца: не мало словъ въ родѣ дороговизна, перегородка, именинница, приготовленіе, черезполосица, перекликаться, пересказывать, человѣческій, удобныхъ для произношенія лишь благодаря срединному положенію акцента [4]). Однако, акцентованіе начальнаго слога въ Чешскомъ языкѣ не ведетъ къ тѣмъ неудобствамъ, къ которымъ оно повидимому должно было привести, благодаря слѣдующимъ обстоятельствамъ:

1. Чехи почти не знаютъ такихъ длинныхъ словъ, какъ Русскіе: изъ нашихъ многосложныхъ словъ многія составлены на церковнославянскій (собственно, на греческій) ладъ и въ Чешскомъ языкѣ вовсе не извѣстны, другія же въ немъ короче на одинъ, или даже на два (иногда и на три) слога, что̀ обусловлено отсутствіемъ полногласія, стяженіемъ и опущеніемъ гласныхъ; напр., вмѣсто рус. перегородка, помагаете, молодечество, человѣческая, у Чеховъ находимъ přehrádka, pomáháte, mladectvo, člověcká. Это тѣ же явленія, которыя, какъ отмѣчено выше [5]), составляютъ нѣкоторый противовѣсъ оттяжечнымъ стремленіямъ Сербскаго языка.

2. Не слѣдуетъ забывать, что жизнь слова — въ предложеніи; а въ предложеніи наначальная акцентовка служитъ сама себѣ умѣрительницею: конечный слогъ, отъ котораго по возможности дальше отодвигаютъ удареніе, оказывается рядомъ съ удареніемъ *слѣдующаго* слова.

---

[1]) У Пельцля, § 77 2-го изд. Ср. Truhlář, Jos. O přízvuku vůbec, zvlášť o českém. Č. Č. M. 1872, str. 410. Его же. O prosodii české. Č. Č. M. 1871, str. 142.

[2]) Victorin, Jos. Grammatik der slovakischen Sprache, S. 7. M. Hattala. Grammatica, pag. 30.

[3]) Восточный говоръ Моравскаго нарѣчія, Восточный говоръ Словацкаго (въ комитатахъ Спишскомъ, Шаришскомъ, Земненскомъ и Абауйварскомъ) и Верхнетренчанскій (Жилинскій) говоръ Западнословацкаго. Šembera. Základové dialektologie československé, str. 50, 70, 78.

[4]) Въ главѣ о Русской акцентовкѣ мы видѣли, что русское удареніе иногда весьма далеко отстоитъ отъ конца слова, но видѣли также, что это бываетъ только въ словахъ искусственныхъ, книжныхъ.

[5]) Гл. II, стр. 64.

3. Чешское удареніе не отличается такою силою, какъ русское[1]); иной разъ оно даже такъ слабо, что трудно его и разслышать: другими словами, иногда всѣ слоги произносятся почти съ одинаковымъ напряженіемъ[2]). Вслѣдствіе этого, слоги неударяемые, т. е. не имѣющіе *главнаго* ударенія, не жмутся и не тѣснятся къ ударяемому, подобно русскимъ, и даже довольно длинный рядъ ихъ не представляетъ затрудненія для выговора.

Слабостью чешскаго ударенія объясняется высказываемое нерѣдко мнѣніе, будто въ чешской рѣчи *вовсе нѣтъ удареній:* будто всѣ слоги произносятся съ одинакою силою и разнятся только по *количеству*. Сторонники этого мнѣнія естественно являются также сторонниками употребительнаго у Чеховъ, рядомъ съ тоническимъ, метрическаго стихосложенія, какое мы находимъ напр. у Коллара, въ Прологѣ къ извѣстной его Дочери Славы:

Aj zde leží|ī zem | ta || pŕed o|kem mým | slzy ro|nícím,
Nèkdy ko|lébka, ny|nī || národu | mého ra|kev.
Stoj noho! | posvát|nā || mí|sta jsou | kamkoli | krá|číš,
K obloze, | Tatry sy|nu, || vznes se vy|výše po|hled,
Neb radè|ji k veli|kému || pří|chyl tomu | tam se du|bisku,
Jenž vzdoru|je zhoub|ným || až dosa|váde ča|sům.

Что подобные стихи — фикція и получаютъ извѣстный складъ, благодаря, почти исключительно, искусственному размѣщенію ударенiй по арзисамъ, это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, т. к. въ нихъ важную роль играютъ *долгота по положенію* и *обоюдность послѣдняго слога въ стихѣ*, которыя, дѣйствительно, принадлежатъ къ законамъ классической метрики, но для насъ крайне загадочны — и къ Чешскому языку, положительно, не примѣнимы[3]): pŕed okem тоническій дактиль (– ◡ ◡), и метрическій трибрахій (◡ ◡ ◡); rakev — тоническій хорей (– ◡), метрическій пиррихій (◡ ◡), и никакое положеніе передъ согласными, или въ концѣ стиха не

[1]) Přízvuk není tak silný, aby mocí svou všecky následující slabiky ochromil, говоритъ Jan Blahoslav Benedikti (= Шафарикъ и Палацкій), въ «Počátkové českého básnictví.» V Prešpurku 1818, str. 15 (Truhlář. O prosodii české. Č. Č. M. 1871, str. 143), и съ этимъ нельзя не согласиться.

[2]) Ср. J. Durdík. O poměru obou prosodií českých. Č. Č. M. 1878, str. 73.

[3]) Нельзя же обоюдность послѣдняго слога оправдывать обычаемъ пражскаго говора протягивать послѣдній слогъ предложенія, напр. hoří tō? byly ste v kostelē? Ср. Šembera. Základové dialektologie, str. 21. Кстати: можетъ быть, въ Греческомъ языкѣ была та же склонность, какъ въ пражскомъ говорѣ, и ею объясняется законъ обоюдности послѣдняго слога?

обращаетъ ихъ въ анапестъ и въ ямбъ [1]). Иное дѣло долгота *по природѣ*, которая несомнѣнно существуетъ въ Чешскомъ языкѣ, хотя и на ея счетъ нужно сдѣлать оговорку. Количественный элементъ у Чеховъ положительно слабѣетъ, и, въ замѣнъ его, усиливается тоническій [2]): въ современномъ языкѣ краткій, но сильноударяемый слогъ (напр. односложное существительное, какъ lev, hrad) имѣетъ не меньшую силу, не меньшій вѣсъ, чѣмъ какой-нибудь долгій слогъ, и въ тезисѣ положительно не можетъ стоять, безъ совершеннаго извращенія правильнаго произношенія. Такимъ же образомъ, и долгій неударяемый слогъ отнюдь не сильнѣе краткаго, но ударяемаго: пупī никакъ не ямбъ, а хорей или спондей.

Главный законъ чешской акцентовки допускаетъ нѣкоторыя *исключенія*:

1. Не всегда предлоги принимаютъ на себя удареніе:

а) двусложные и трехсложные предлоги никогда не принимаютъ его, даже въ томъ случаѣ, когда двусложные теряютъ послѣдній слогъ и становятся односложными. Говорятъ kromĕ žĕny, krom tôho, blíže hrâdu (или blīž hrâdu), kolem Prâhy, proti pânu, podle řĕky, upostřed dômu.

б) Безъ ударенія остаются и нѣкоторые односложные предлоги, а именно dle, skrz: dle râdy, skrz vlâdu [3]).

Есть еще и отдѣльные случаи, въ которыхъ предлогъ не отмѣчается удареніемъ, напримѣръ, я никогда не слыхалъ, что бы говорили nâ shledanou (до свиданія): всегда говорятъ na shlĕdanou.

2. Исключеніе, правда, только съ фонетической, а не съ грамматической

---

[1]) Тругларь говоритъ, что ani vyšťibeného sluchu prosodie časoměrná posud neuráží, но — допустивши справедливость этого замѣчанія, въ которой я не вполнѣ увѣренъ — мы можемъ объяснить такое явленіе силою привычки, вынесенной изъ школы: точно такъ, слухъ не оскорбляется французскими стихами, въ коихъ, по преданію, на перекоръ живому языку, произносятъ âmö, bonnö, sortö вмѣсто âm, bonn, sort (âme, bonne, sorte), не оскорбляется и стихами латинскими и греческими, звуковой эффектъ которыхъ, при нашемъ способѣ чтенія, основанъ исключительно на неправильной разстановкѣ удареній. Въ противоположность Тругларю, можно привести слова Добровскаго, что метрическіе стихи *оскорбляютъ* чешскій слухъ: die Carmina des Drachowsky, Comenius und Rosa beleidigen das böhmische Ohr. Pelcel, § 105.

[2]) Эту мысль проводитъ Дурдикъ, въ вышецитованной статьѣ о чешской метрикѣ.

[3]) Добровскій, у Пельцля (Pelcel, § 100—101). Неударяемость этихъ предлоговъ, очевидно, объясняется тѣмъ, что они въ относительно недавнее время развились изъ самостоятельныхъ словъ: произносили сперва krôměˇ žĕny, kôlem Prâhy, при чемъ второе удареніе, по логическимъ причинамъ, было сильнѣе перваго, которое, по мѣрѣ обращенія знаменательнаго слова въ служебное, все болѣе ослабѣвало и, наконецъ, вовсе утратилось.

точки зрѣнія, представляютъ сочетанія словъ съ проклитиками: ten nârod, ta dŏba, v tom ŏkolī, až sĕm, i mў, než jâ.

3. Иногда, какъ мнѣ кажется, и въ цѣльныхъ словахъ ударяютъ не на начальный слогъ. Это бываетъ въ трехсложкахъ, коихъ средній слогъ дологъ: слова vojāci, bodāky, otāzka, domācī, poroučīm, на мой слухъ, произносятся vojâci, bodâky, otâzka, domâcī, porôučīm[1]).

Косвенное признаніе этого явленія я вижу въ словахъ Дурдика, что у Чеховъ, хотя главная роль принадлежитъ ударенію, количество настолько еще сильно, что, въ стихахъ, долгими слогами иной разъ можно замѣнить ударяемые, напримѣръ:

Chrām opoušt̄ zhanobenā.

Prosāklē zpěvem slavičīm.

Hle, každў kvītek zrosen jest,
A v blankyt roj vychāzī zvězd[2]).

По моему крайнему разумѣнію, это значитъ, что слова opoušt̄, prosāklē, vychāzī, если, можетъ быть, не всегда, то очень часто произносятся opôušt̄, prosâklē, vychâzī.

Итакъ, чешская акцентовка, даже въ настоящее время, не есть вполнѣ одномѣстная, а нѣкогда она, по всей вѣроятности, вовсе не была таковою:

---

[1]) Чехи, которымъ я сообщалъ это наблюденіе, увѣряли меня, что я смѣшиваю ударенie съ количествомъ: но, напримѣръ, про сербское слово ŏблāчан, я не сказалъ бы, что въ немъ ударенie (главное ударенie) падаетъ на средній слогъ, хотя онъ и дологъ.

[2]) J. Durdík. O poměru obou prosodií českých. Č. Č. M. 1878, str. 58. Ярославъ Голль (O českém verši desetislabičném. Č. Č. M. 1871, str. 249) рѣшительно утверждаетъ, что въ Чешскомъ языкѣ ударенie всегда приходится на первый слогъ, что не бываетъ даже второстепенныхъ ударенiй, но когда онъ говоритъ, что «každý jiný byt' jen vedlejší přízvuk ve slovech višeslabičných je, dobře-li lida obecnou poslechneme výslovnost. pochybný, illusorní,» то я понимаю это именно такъ, что въ чешской рѣчи встрѣчаются таки отступленія отъ одномѣстнаго акцентованія, или, по крайней мѣрѣ, сильныя второстепенныя ударенія, которыя Голль, какъ отклоненія отъ общаго закона, называетъ «случайными» и «неправильными.» Въ противоположность Голлю, Благославъ-псевдонимъ (Шафарикъ и Палацкій) говоритъ, что přízvuk nemusí býti vždy na první slabice (Č. Č. M. 1871, str. 143). Тругларъ, согласно съ Дурдикомъ, отрицаетъ существованіе второстепенныхъ ударенiй (тамъ же, стр. 154; чему, впрочемъ, самъ противорѣчитъ въ статьѣ O přízvuku, str. 421), но сомнѣвается въ полной вѣрности и точности закона Добровскаго. (O přízvuku., str. 418).

это видно изъ того, что во многихъ словахъ выпалъ (или отпалъ) *первый гласный*, который не могъ бы выпасть, если-бы онъ, согласно съ теперешнимъ закономъ, былъ носителемъ ударенія[1]).

Таковы род. падежи мѣстоименій jā и on: mne, сокращенный изъ menĕ, ho — изъ jehŏ[2]); таковы нѣкоторыя нарѣчія на dy (vždy = vezdy, kdy = kehdy) и на de (hde, zde = къде, сьде). Таковы же и нѣкоторыя существительныя, съ гласнымъ вовсе выпавшимъ, или бѣглымъ: bĕr, bru (bĕru) укропъ; bez, bzu (и bezu) бузина; veš, vši; ves, vsi; hra игра; chřtān (křtān, hrtan); dcera = болг. дъштерjа́; dešť, dště (ст. ч., нов. ч. dešť, deště); den, dne; dska = deska; žeň, žně; zeď, zdi; křest, křtu; kel, kla клыкъ; kep, kpa; keř, kře кустъ; leb, lbu; lež, lži; lep, lpu; lev, lva; lžíce; len, lnu; mha = mlha; mše; mest, mstu; met, mtu какая-то мѣра; mech, mchu (mechu); přātelē; peň, pně; pes, psa; rvāč буянъ; rez, rzi (rezu) ржавчина; rež, rži (reži); ret, rtu; sklo; střmen (třmen) стремя; zblo = ставло; sen, snu; trest, třti; hřbet; Cheb, Chbu городъ Eger; šev, švu; švec; třmi творит. пад. числительн. = třemi; таковы причастія žehl, žhla, žhlo; sechl, schla, schlo; četl, čtla, čtlo; таковы нѣкоторыя инфинитивы и настоящія времена: ст. ч. bju=biju; brāti; vštknu=všitknu; dbāti, dbām; drāti lacerare; dřīti, dru excoriare; dštīti, dštīm; žhu; žnu; znīti = звьнѣти; zvu = zovu; jdu; jmu; jsi, jsme, jste[3]); ktvu ст. = kvetu; křstīti, křstīm; lzāti ст. = līzati; lkāti, lkām; lpīti, lpīm; lsknu se=lesknu se; mīti, mām; mknu; ст. ч. pju =piju; pnu; psāti; ptāti, ptām; rvāti, rvu; řvāti, řvu (=řevu); řku=řeku; ст. ч. spu = sypu, sypām; ssāti, ssu; ctīti, ctīm; čtu.

Противъ этихъ доказательствъ неисконности одномѣстной акцентовки,

---

[1]) «Предположеніе, что ударяемый гласный можетъ опускаться, содержитъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе». G. J. Ascoli. Die Entstehung des griechischen Superlativsuffixes τατο- und die Erweichung der Tenues in ἑβδομο- und ὀγδοο-. Uebersetzt von Reinhold Merzdorf. G. Curtius u. C. Brugman. Studien zur Griechischen und Lateinischen Grammatik. B. IX, S. 353.

[2]) На счетъ формы ho нужно оговориться: т. к. она всегда бываетъ энклитичною, то не предполагаетъ непремѣнно акцентовки jehŏ, а могла образоваться такъ же, какъ наше *ито* вмѣсто э́то, въ выраженіи что́ ито? = что́ это?

[3]) Сюда же Тругларь (O přízvuku vůbec, zvlášť o českém. Č. Č. M. 1872, str. 420) относитъ и первое лицо ед. ч. jsem, и, кажется, правильно: изъ jesm (= ѥсмь) сперва, по всей вѣроятности, развилось *jěsъm, *jěsem; эта форма, по аналогіи другихъ лицъ, перенесла удареніе на окончаніе — *jesěm (срв. сербск. jèсам)—и потомъ только утратила свой первый слогъ. Но напрасно Тругларь на одну доску съ этими формами ставитъ 3 л. мн. ч. jsou, въ которое j затесался въ силу аналогіи и притомъ только на письмѣ.

которые отмѣчены уже Тругларемъ [1]) и мною только пріумножены, можно сдѣлать нѣкоторыя возраженія.

Во первыхъ, можно вообще возстать противъ такого пріема опредѣленія прежней акцентовки, въ виду того, что, на перекоръ выставляемой нѣкоторыми учеными «аксіомѣ», выпадать и отпадать могутъ и ударяемые гласные. Дѣйствительно, нельзя не согласиться, что въ литовскихъ словахъ akìm, dangùm, вмѣсто akimì, dangumì, mergóms, вм. mergomìs, szirdýs, вм. szirdysẽ, опущенъ ударяемый гласный, т. к. не существуетъ переходныхъ формъ akìmi, dangùmi, mergómis, szirdýse. Подобные же примѣры встрѣчаются и въ Русскомъ языкѣ: мы говоримъ принести и принесть, отвести и отвесть, грести и гресть, но никогда не употребляемъ, яко-бы неизбѣжныя, переходныя между ними формы принести, отвести, грести [2]). Не слѣдуетъ, однако, забывать, что это случаи весьма рѣдкіе, и что мы едва-ли имѣемъ право видѣть въ нихъ явленія фонетическаго характера: я, по крайней мѣрѣ, вполнѣ убѣжденъ, что аксіома наша — настоящая аксіома, и что въ словахъ, повидимому противорѣчащихъ ей, произошло не отпаденіе ударяемаго гласнаго, а произошла подстановка, вмѣсто полной наставки, — сокращенной, которая развилась сначала у *баритонокъ*: слово гресть, напримѣръ, приняло окончаніе *ть* по аналогіи большинства нашихъ инфинитивовъ, въ родѣ *дать*, *бить* и т. д. [3]).

Во вторыхъ, могутъ мнѣ замѣтить, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ Чехи опустили именно тотъ гласный, который, по развиваемой мною теоріи, первоначально былъ носителемъ ударенія и до сихъ поръ остается имъ въ Русскомъ языкѣ. Въ примѣръ этому укажутъ на слова jho; jmẽno (ст. ч. jmẽ, jmene); lest, lsti; trest, tŕti; čest, cti; на нѣкоторыя формы глагола chtíti—chceš, chce, chceme, chcete: слова эти, дѣйствительно, не соотвѣт-

---

[1]) Отчасти также Г. Фишеромъ, въ коротенькой замѣткѣ объ исконной акцентовкѣ Чешскаго языка: Zur Frage über den ursprünglichen Accent im Böhmischen. Archiv für slavische Philologie. B. III, S. 525.

[2]) Въ такомъ же соотношеніи находятся жечь, стерéчь и мѣстныя жечи́, стеречи́. Жечи́, которое приводитъ Колосовъ (въ Замѣткахъ о языкѣ и народной поэзіи въ области Сѣверно-великорусскаго говора, стр. 27), правильно соотвѣтствуетъ сербскому жѣ̏ни; приводимое тамъ же толчи́ = серб. тýѣи. Глаголъ стрѣшти Сербамъ неизвѣстенъ.

[3]) Дать, бить = серб. да̏ти, бѝти. «Выпаденіе» ударяемаго гласнаго мы видимъ въ обиходной формѣ нѣкоторыхъ собственныхъ именъ, какъ Ма́рья, Со́фья, Овдо́тья, стоящей рядомъ съ книжною—Мари́я, Софі́я, Евдокі́я: чуждое Русскому языку окончаніе и́ja замѣнили наиболѣе близкимъ къ нему: ja (сначала, можетъ быть, иja, безъ ударенія). Вм. и́ja, является также е́ja: Софе́я, Евдоке́я.

ствуютъ русскимъ и́го; и́мя; лесть, ле́сти; трость, тро́сти; честь, че́сти; хо́чешь, хо́четъ, хо́чемъ, хо́чете.

Первое изъ перечисленныхъ словъ у насъ не народное, а книжное и, можетъ быть, произносится просто невѣрно: праславянская акцентовка его могла быть иго́, согласно съ греческимъ ζυγόν и съ санскритскимъ jugám. Формы jmě, jmene, jmēno я объясняю вліяніемъ множественнаго числа: рус. имена́, имена́ъ, имена́мъ, имена́ми, серб. имѐна, име́на̄, имѐнима. То-же самое объясненіе годится и для словъ lest, trest[1]) и čest, которыя, по всей вѣроятности, издавна имѣли насуффиксную акцентовку въ косвенныхъ падежахъ множественнаго числа, а также и въ мѣстномъ падежѣ единственнаго: рус. въ чести́, серб. у ча̀сти (Mažuranić. Slovnica hèrvatska, str. 48). Въ настоящемъ времени глагола хотѣти (хътѣти) опущеніе о, по всей вѣроятности, первоначально имѣло мѣсто только въ 1 лицѣ ед. ч. chci = рус. хочу́, серб. хо̀ћу, а въ формахъ chceš, chce, chcem, chcete допускалось лишь тогда, когда онѣ произносились вовсе безъ ударенія (старочешскій языкъ, дѣйствительно, зналъ формы chcēš, chce и т. д.).

Болѣе вѣское возраженіе будетъ слѣдующее: почти во всѣхъ перечисленныхъ мною словахъ выпавшій гласный есть глухой — ъ или ь, и выпалъ просто на основаніи общаго всѣмъ новославянскимъ языкамъ закона, что глухіе въ открытыхъ слогахъ опускаются. Общность этого закона говоритъ въ пользу того, что Чешскій языкъ никогда не зналъ формъ въ родѣ *рѣвати* и *шьвьць*, а что съ самаго начала говорили *рвати* и *швец*; если же это такъ, т. е. если опущеніе ъ и ь въ подобныхъ словахъ произошло до выдѣленія Чешскаго языка въ самостоятельное цѣлое, то оно свидѣтельствуетъ только о несуществованіи наначальной акцентовки въ періодъ западнославянскаго единства. Возможно, однако, и то́, что ъ и ь въ открытыхъ слогахъ, хотя уже значительно ослабѣвшіе и обреченные на неминуемую гибель, держались еще нѣкоторое время на почвѣ отдѣльныхъ славянскихъ языковъ.

Признавъ силу послѣдняго возраженія, мы, въ доказательство существованія у Чеховъ разномѣстной акцентовки, съ полною увѣренностью можемъ ссылаться лишь на тѣ слова, въ которыхъ опущенъ чистый гласный, каковы bju, pju, zvu, řku, přātelē, ptāti. Впрочемъ, и въ тѣхъ случаяхъ, когда выпущенъ глухой, выпущеніе котораго привело къ неудобному скопленію согласныхъ — какъ, напримѣръ, въ словахъ hřbet, střmen, dštīti, lsknu (se), křtīti, — мнѣ кажется весьма вѣроятнымъ, что сокращеніе

[1]) Слово trest (třest, trst) имѣетъ для родительнаго падежа еще и формы tresti и trsti.

произошло уже на чешской почвѣ, уже послѣ того, какъ выработалась теперешняя одномѣстная акцентовка, т. е. что Чехи сначала произносили хрьбѐт, стрьмѐн, дъщи́ти, льскну̀ се, крьсти́ти и выпустили глухіе уже тогда, когда къ требованію звукового закона присоединилось требованіе акцентнаго, чтобы удареніе приходилось на первый слогъ.

Итакъ, кромѣ общихъ соображеній, и нѣкоторые факты убѣждаютъ насъ въ неисконности чешской акцентовки и указываютъ на первоначальное сходство ея съ юговосточною [1]).

Теперь спрашивается, какъ могла возникнуть чешская одномѣстная акцентовка. Въ Чудскихъ языкахъ, какъ извѣстно, господствуетъ та же самая система, какъ и въ Чешскомъ; но, такъ какъ Финны не знаютъ приставокъ, и въ началѣ ихъ словъ всегда стоитъ корень, то удареніе на первомъ слогѣ у нихъ равносильно ударенію на корнѣ. Турецкая акцентовка, будучи также одномѣстною (наконечною), имѣетъ «логическій» характеръ [2]): она посредствомъ ударенія выставляетъ смыслоизмѣняющія аффиксы (а именно — суффиксы, ибо префиксовъ не существуетъ): кыз выражаетъ понятіе дѣвушки, кызла́р — то-же самое, но во множественномъ числѣ; севме́к (любить) выражаетъ любовь, какъ дѣйствіе, севе́р (любящій) — какъ присущую кому-нибудь энергію.

Чешская акцентовка, кромѣ внѣшняго сходства съ финнскою, представляетъ и нѣкоторое внутреннее сходство съ указанными акцентовками: въ акцентованіи перваго слога можно видѣть *грамматическій смыслъ*, потому что первый слогъ представляетъ или корень слова, или смыслоизмѣняющій префиксъ — предлогъ. Такое грамматическое значеніе ударяемаго слога ближайшимъ образомъ роднитъ чешскую акцентовку съ нѣмецкою [3]).

Не думаю, однако, чтобы при образованіи теперешней чешской акцентовки играли главную роль этимологическія соображенія [4]), а полагаю,

---

[1]) Мысль о первоначальномъ тожествѣ чешской акцентовки съ русскою высказалъ уже Г. Фишеръ, въ выше цитованной замѣткѣ о чешскомъ удареніи (Archiv für slavische Philologie. B. III, S. 525).

[2]) Я, впрочемъ, все-таки не назвалъ бы ее логическою акцентовкою: см. Введеніе стр. 3.

[3]) Поттъ (Etymologische Forschungen B. I, S. 5, Anm.) замѣчаетъ, что Боппъ, различивши акцентовки грамматическую, ритмическую и логическую, долженъ бы былъ признать финнскую акцентовку одновременно и ритмическою и логическою. Еще съ бо́льшимъ правомъ можно сказать это о чешской акцентовкѣ, что́ и дѣлаетъ Тругларь (O přízvuku, str. 410), и что́ уже до него дѣлалъ Добровскій, не употребляя только позднѣйшихъ боповскихъ терминовъ (Pelcel § 81).

[4]) Какъ утверждаетъ Добровскій, въ только что указанномъ мѣстѣ.

что она развилась изъ древней общеславянской по преимуществу механическимъ образомъ, подобно тому, какъ французская акцентовка развилась изъ латинской. Только дѣло не такъ просто, какъ тамъ: у Французовъ всѣ слоги, послѣ ударяемаго, онѣмѣли (этихъ слоговъ, по законамъ Латинскаго языка, было: гдѣ — одинъ, гдѣ — два; но не болѣе); а, когда установилась, такимъ образомъ, привычка держать удареніе на послѣднемъ слогѣ (не считая полунѣмыхъ слоговъ), то это повело къ насильственной перестановкѣ ударенія, въ тѣхъ словахъ, которыя устояли противъ искаженія окончаній, какъ pendule, facile, habit, indigène = pendŭla, facĭlis, habĭtus, indigĕna [1]). Словъ съ переставленнымъ удареніемъ не много: громадное большинство сохранило удареніе на старомъ мѣстѣ, но слогъ, бывшій въ Латыни вторымъ, или третьимъ съ конца, оказывается теперь конечнымъ: изъ alnus вышло aune, изъ mare — mer, изъ cumŭlus — comble, изъ pertĭca — perche, изъ lacrĭma larme, изъ hospĭtem — hôte, изъ popŭlus — peuple, изъ quadragesĭma—carême [2]). Подобнаго соотношенія между чешскимъ выговоромъ и русско-чакавскимъ не замѣчается! Но, тѣмъ не менѣе, я, по аналогіи Французскаго языка, выставляю для Чешскаго слѣдующее предположеніе: вслѣдствіе какихъ-либо звуковыхъ перемѣнъ, удареніе, въ большей части словъ, очутилось на первомъ слогѣ, а, потомъ, въ силу аналогіи, перешло на него и въ прочихъ словахъ.

Но нельзя-ли указать причины, которыя произвели такую перемѣну? Нѣкоторыя частныя — можно; а именно:

1. Усиленное употребленіе слитнаго предлога vy, который и въ Русскомъ языкѣ, почти всегда, останавливаетъ на себѣ удареніе [3]).

2. Усиленное употребленіе предлога pa [4]): paběrovati nachlesen, paběrek Nachlese, съ производными; pabučí suché suky lesního zvláště bukového dříví; pabůh nepravý bůh; pačepek Zapfenbier, pačes пакля; padèl участокъ; paděr, paděra живодеръ; paděrek nedodřená louč; padol, pádolina; padrn дернъ; padrť, padrtky, padrtiny, padrti куски, обломки, pajavec negundo rostlina javororitá; pajed rak, vřed phagedaena; pahad ambliopola; paheyl обломокъ дерева, пень; pahor, pahorek; pachuť привкусъ; pakaně nepravá kaně, elanus; palouh, palouk лугъ; paluba; palubeň dříví u

---

[1]) Подобныя слова иногда представляютъ книжный дупликатъ къ чисто народнымъ формамъ, въ родѣ нашихъ прахъ, хранить, привлечь, рядомъ съ порохъ, хоронить, приволочь: fragile — frêle, portique — porche, rigide — raide.

[2]) Ср. Fr. Diez. Grammatik der Romanischen Sprachen. B. I, S. 508—511.

[3]) См. гл. V, стр. 135.

[4]) См. тамъ же.

vnitř vyhnilé; paměť, památka; pamelník symphoria; pamlsek лакомство; panoha dřevená noha, páperky хлопья снѣгу; paperutec sphiniscus, ptáк; páperka стволъ пера; paprsek, paprslek лучъ; pařezina низкоствольный лѣсъ; parohy рога (оленьи) и т. д.

3. Сокращеніе предлоговъ къзъ и изъ въ безсложныя формы vz и z: въ словахъ, сложенныхъ съ этими предлогами, за ними обыкновенно слѣдуетъ ударяемый корень, который, послѣ сокращенія, оказался первымъ слогомъ: změna = измѣна, zkāza, zprāva, vztěk, vzdělati и т. д.[1]).

Но достаточно ли было этихъ причинъ для произведенія переворота въ акцентовкѣ? Конечно, нѣтъ: онѣ лишь нѣсколько увеличили число словъ, съ удареніемъ на первомъ слогѣ; но не могли сдѣлать такой выговоръ преобладающимъ. Нельзя ли, однако, объяснить появленіе одномѣстной акцентовки, хотя-бы только предположительно? Кажется, можно — я объясняю его себѣ слѣдующимъ образомъ:

Одномѣстная акцентовка развилась не прямо изъ древнѣйшей, сходной съ русско-чакавскою, а изъ акцентовки *оттяжечной*, сходной — по крайней мѣрѣ, по мѣсту ударенія — со штокавскою. Падая на тѣ же слоги, какъ въ теперешнемъ Сербскомъ языкѣ, удареніе, по большей части приходилось на корень, или на приставку; впослѣдствіи утратилось качественное различіе удареній, и акцентованіе корня, или, гдѣ есть таковая, приставки было возведено въ общій принципъ. Поясню дѣло примѣрами: для серба слова̀ мȕка, смѐх (род. смѐха), да̀ти, пи̏шē (3 л. настоящ. врем. отъ пи́сати) вовсе не однородны со словами у̀зда, грѐх (род. гре́ха), рѐћи, гри́зē (3 л. настоящ. врем. отъ гри́сти), почему и сочетанія ихъ съ предлогами и съ отрицаніемъ акцентуются неодинаково: о̀д мукē, бе̑з смѐха, о̀дати, по̀пи̏шē, нѐ пи̏шē, но од у̀здē, без гре́ха, одрѐћи, загри́зē; чехъ же, когда произноситъ bèz muky, dȏ smīchu, ȏddati, přȋpīše, nȅpīše не видитъ никакой причины не произносить также bèz uzdy, dȏ hřīchu, ȏdřīsi, zȁhryze, nȅhryze[2]). — Указаннымъ путемъ могла установиться наначальная акцентовка у словъ первообразныхъ и у производныхъ, съ накореннымъ или напрефикснымъ удареніемъ; производныя, ударявшія на суффиксъ, а также и сложныя, могли ей подчиниться только впослѣдствіи[3]).

---

[1]) Или причинное соотношеніе въ этомъ случаѣ обратное, такъ что не сокращеніе предлоговъ содѣйствовало развитію наначальной акцентовки, а принципъ готовой уже акцентовки потребовалъ обезсло́женія неударяемыхъ предлоговъ?

[2]) Глагольная форма грꙑзетѧ въ Чешскомъ языкѣ имѣетъ коренной гласный краткій, а въ Сербскомъ — долгій, решти — наоборотъ. Объ отношеніи между чешскимъ и сербскимъ количествомъ см. ниже гл. XII.

[3]) Про нѣкоторыя наставки — āk, īk —, можетъ быть, слѣдуетъ сказать, что

Итакъ, я развитіе чешской акцентовки представляю себѣ въ такой послѣдовательности:

1. Сначала произошла оттяжка.

2. Потомъ утратилось качественное различіе между удареніемъ исконнымъ и оттянутымъ: *o* въ словѣ kōn, koňa стало происноситься такъ же, какъ въ dōm, domu, *u* въ sūd, sūdu (soud) — такъ же, какъ въ strūk, strūku (strouk), между тѣмъ какъ первоначально, по всей вѣроятности, произносили kôň, kòňa — dôm, dòmu; súd, súdu — strûk, strûku.

3. Ударяемость корня или приставки, также отрицанія и неслитнаго предлога, установившаяся у цѣлой массы словъ, благодаря оттяжкѣ, слѣлалась закономъ для всѣхъ первообразныхъ и для многихъ изъ производныхъ.

4. Наконецъ, законъ ударяемости приставокъ, или, гдѣ нѣтъ таковыхъ, корня, который равносиленъ ударяемости начальнаго слога, былъ примѣненъ къ производнымъ словамъ насуффикснаго ударенія и къ словамъ сложнымъ: вмѣсто органическаго выговора starìna, rešèto, dřevòsek, šedòvlasý и т. д., явилась акцентовка по общему шаблону[1]).

онѣ, подкрѣпленныя долготою своего гласнаго, до сихъ поръ еще не отказались окончательно отъ первенства въ словѣ. Впрочемъ, наставка икъ, хотя часто акцентуемая у Юговосточныхъ славянъ, не есть собственно притягательная.

[1]) Можно бы допустить, что переходъ ударенія на первый слогъ въ сложныхъ словахъ совершился не механическимъ путемъ, а былъ вызванъ логическимъ соображеніемъ: аналогіей между первою частью сложнаго слова и предлогомъ. Ср. гл. V, стр. 137. Въ такомъ случаѣ необходимо предположить, что въ этихъ словахъ вовсе не происходило оттяжки, и что основную акцентовку dřevosȇk, šedovlȃsý прямо замѣнили теперешнею dřȇvosek, šȇdovlasý: переходъ ударенія со второго слога на первый — dřȇvosek, šȇdovlasý изъ dřevòsek, šedòvlasý — нельзя объяснять желаніемъ акцентовать смыслоизмѣняющую приставку, которая и безъ того имѣла на себѣ удареніе. Однако, производить dřȇvosek прямо изъ основного dřevosȇk, для меня значило бы отказаться отъ моей собственной гипотезы.

VIII.

Сербо-лужицкая акцентовка.

Языкъ Лужичанъ, какъ Верхнихъ такъ и Нижнихъ, придерживается акцентовки, сходной съ чешскою, т. е. *однопѣстной-наначальной*. Отступленіе ихъ отъ чешскаго выговора обусловлено утратою количества, вслѣдствіе которой акцентовка сдѣлалась *однородною*. Такимъ образомъ, Верхніе лужичане — о которыхъ поговоримъ сначала — произносятъ nóha, njédać, wútroba сердце, žiwjenje жизнь, přédawachu, pówołanjo призваніе, zábĕhnyšće, pómročiło, njéćĕkajće, záwuhladachmy, wúzeskakowachu, rózpowołanymi. Предлоги, на основаніи общаго закона, перехватываютъ удареніе у соединяемыхъ съ ними именъ: pód nim, wó wsy, ná hory, bjéz kwĕća, zé želnosću [1]).

Изъ этого закона дѣлаются, однако, слѣдующія исключенія:

1. Когда акцентная единица состоитъ изъ двухъ, или нѣсколькихъ односложныхъ словъ, ударяемость или неударяемость которыхъ зависитъ отъ относительной важности ихъ, тогда удареніе можетъ очутиться и не на первомъ слогѣ, нпр. moj kńéz, won sam, ja chcu jésć. Впрочемъ, во избѣжаніе противорѣчія между требованіями акцентовки и логики, обыкновенно прибѣгаютъ къ перестановкѣ словъ и наиболѣе важное ставятъ на первомъ мѣстѣ: такимъ образомъ, dźi tam значитъ *иди* туда, а tám dźi — иди *туда* (а не въ другое мѣсто).

2. По показанію Горника, нѣкоторыя приставки (tu, naj и др.) не принимаютъ ударенія: tutón, tamón, najbóle, najdróžši, najhórje, najmłódši [2]).

---

[1]) A. Seiler. Kurzgefasste Grammatik der Serben-Wendischen Sprache nach dem Budissiner Dialekte. S. 4.—J. P. Jordan. Grammatik der wendisch-serbischen Sprache in der Oberlausitz. § 12 Accent, S. 30—31.—J. E. Schmaler. Kleine Grammatik der serbisch-wendischen Sprache in der Oberlausitz. Bautzen 1852.

[2]) Когда Горникъ говоритъ, что нѣкоторыя составныя слова сохраняютъ удареніе простыхъ, въ видѣ второстепеннаго, или даже въ видѣ главнаго, то послѣднее, изъ приводимыхъ имъ примѣровъ, можетъ относиться только къ словамъ tuton, tamon и т. д. M. Hórnik. Čas. Tow. Mać. Serb. 1853, str. 76.

3. Слова заимствованныя обыкновенно сохраняютъ иностранную акцентовку: komandérować, buštabérować, regérować, appelljérować, haptýka, khoféj, katólski, komóda, japóstoł (или jápoštoł), kanóna[1]) = kommandiren, buchstabiren, regiren, appelliren, Apothéke, Kaffée и т. д.

4. Имена не всегда передаютъ свое удареніе предлогу, а иногда сохраняютъ его, вслѣдствіе чего оно оказывается на второмъ слогѣ акцентной единицы[2]). Это бываетъ: а) тогда, когда слѣдующее за предлогомъ имя зависитъ отъ него лишь косвеннымъ образомъ, или вовсе не зависитъ, нпр.:

Liška nětk na stŕowej nózy
Kur a hus drje njekranje. Sejleŕ. Lišcyne nakazanje. Č. M. S. 1849. str. 3.

Won khodźi w zymje, lěći
Swoj pućik modrojty,
Po cyłej zémi swěći. Sejl. Jasny wječor. Č. M. S. 1855. str. 69.

Čłowk pod bójskej[3]) mócu pada. Dučman. Pěseń wo zwonu. Č. M. S. 1859. str. 55.

Do swjątej zémje ćemnoh klina. ib. str. 56.

Hdyž do njépřećelow kraja
Dobyvajo přińdźeće. Möhn. Na serbskich wojakow. C. M. S. 1859. str. 74.

Тотъ же выговоръ является и тогда, когда существительное непосредственно примыкаетъ къ предлогу, но за нимъ слѣдуетъ относящееся къ нему прилагательное: по такой причинѣ тѣ же самыя два слова bjez kŵeća въ двухъ рядомъ стоящихъ стихахъ извѣстной народной пѣсни произносятся различно:

Što je mi w lěće bjéz kŵeća,
Bjez kŵéća běłeho[4]).

б) Предлогъ бываетъ энклитичнымъ еще тогда, когда на имя падаетъ логическое удареніе, напримѣръ won po dwóŕe chodźi, ha nic po pólu onъ хо-

---

[1]) Въ словахъ katolski и т. д. *o* сжатое: по лужицкому правописанію они пишутся katólski, komóda и т. д. M. Hórnik, тамъ-же, str. 75.

[2]) Нижеслѣдующія исключенія представляютъ пополненіе и видоизмѣненіе того, что говоритъ объ этомъ предметѣ Іорданъ (Grammatik. S. 31), показанія котораго очевидно неточны.

[3]) Собственно bojskej = bójskej.

[4]) Č. M. S. 1853, str. 5. Haupt und Schmaler. Volkslieder der Wenden. I. S. 177.

дитъ по двору, а не по полю. Но въ слѣдующихъ стихахъ, въ которыхъ нѣтъ противоположенія, хотя и повторяется два раза одинъ и тотъ же предлогъ, ударение падаетъ на предлоги:

Pčołki pilne won se saja
Zà mučku i zà mjedom. Sejleŕ. Pčoły. Č. M. S. 1858. str. 21.

в) Иногда и безъ видимой причины ударение не переносится на предлогъ, чему находимъ многочисленные примѣры въ стихахъ Зейлера и другихъ лужицкихъ стихотворцевъ:

Suchi pjeńk a šmutojca
Steještaj we hàju.
«Dźědo, wona zawoła,
Ty sy zbytk we kràju. Sejl. Pjeńk a šmutojca. Č. M. S. 1848. str. 142.

To pomhaše, a jednota
Zas' knježeše na zémi,
Za dòbre kǫžde wupozna,
Zo bǫh wšěch wolu zlemi. Sejl. Baseń wot wedra. ib. str. 199.

Hač přińdźe strach a bitwa nastawa
Hdźež law so přeměni na zàjaca. Sejl. Wróblje a škraholc. ib. str. 205.

Kajki kǫnc to bě z těj wěcu?
«Wodźany a wobožny» —
Tež ni hałožku na méču
Wět' a zemja njedoby. Sejl. Bitwa žiwełow. Č. M. S. 1849. str. 14.

Kał bosy, suchje skǫrčicki
Chcu radšo jěsć při swòbodźi! Sejl. Kanarik a zyba. ib. str. 52.
«Tǫn łhaŕ so kumpa» — prajachu.
Wǫn tepi so! to mě za zdú. Sejl. Łhaŕ. ib. str. 55.

Wot nàroda do nàroda
Wy zhladujeće dò kraja. Sejl. Wěnc hórskich spěwow. ib. str. 112.

Duž kładźe do křinjow sej pokłady w rjedźe. Dučman. Pěseń wo zwonu. Č. M. S. 1859. str. 51.

Syckojo ze žńéncarkami
K rjejam jdu. ib. str. 58.

Tu torha zběžk, wšǫn roznjemdrjeny,

Za zwón[1]), zo šćerči žałośce,
A zynkej měra zaswjećeny
Za námǫc hesło zanjese. ib. str. 60.

Hdźež na pólu, łucy, w haju
Słowo klinči serbowske. Pfuhl. Njezapomnička. Č. M. S. 1853. str. 21.

Tǫn zły so pǫ ćmje nastaji
Za dúb na łákańcu. Zarina. Sołobik při Lubozu. C. M. S. 1853. str. 28.

Hdyž so muž wot žóny dźěli,
Nan wot dźěći. Möhn. Na serbskich wojakow. C. M. S. 1859. str. 75[2]).

Кромѣ главнаго ударенія, въ верхнелужицкихъ словахъ является также *второстепенное*[3]). Такое удареніе имѣетъ мѣсто на второй части сложныхъ словъ, какъ znákpáńeńo паденіе навзничь, wónhóńeńo выгоняніе, dérjezdáćo благоволеніе, wýsokohládańo смотрѣніе вверхъ, dérjehísće Wohlergehen, hórjestáwanje Auferstehen. Такъ же, очевидно, должны произноситься hromadupřindźenje (= ⏑ ⏑ ⏑ ⏑ ⏑), rǫznodźělenje (= ⏑ ⏑ ⏑ ⏑ ⏑)[4]). Второстепенное удареніе, по показанію Іордана, бываетъ слабѣе, когда первая часть сложенія односложная, когда жъ въ ней больше одного слога, тогда второстепенное удареніе почти не уступаетъ по силѣ главному. Не могу сказать относится ли Іорданово правило и къ настоящимъ сложнымъ словамъ (= сложнымъ темамъ, какъ zołtozeleny, wodomjet): приведенные у него примѣры всѣ суть слова не собственно-сложныя, а слитныя. Тó, чтó о второстепенныхъ ударéніяхъ говоритъ Пфуль, не заслуживаетъ особеннаго вниманія. Пфуль, въ своемъ лужицкомъ стихосложеніи[5]), утверждаетъ, что за главноударнымъ слогомъ слѣдуетъ одинъ неударяемый, затѣмъ —

---

[1]) Собственно zvǫn (zvón).

[2]) Въ послѣднемъ примѣрѣ, пожалуй, можно видѣть противоположеніе жены дѣтямъ и подвести его подъ вторую группу исключеній.

[3]) Jordan. S. 31. — Hórnik, Michał. Hdźe mamy «ó» pisać? Č. M. S. 1855. str. 76. Sejler. S. 4.

[4]) Haupt und Schmaler. Volkslieder der Wenden. I. S. 177, str. 22 и 28.

[5]) Pful, Dr. Pěsnjeńske prawidła a někotre pěsnje. Č. M. S. 1853. str. 1—27. Въ этой статьѣ, рядомъ съ тоническимъ размѣромъ, является также метрическій, основанный на полномъ произволѣ, какъ нпр. въ слѣдующемъ «дистихѣ»:

Hdȳž lūbčičkă, ćě măm, || bĕłĕj rūčičcȳ ćī kōšŭ;
Hdȳž ćě nĭmām, pjĕršćĕń || hūbkŭjŭ złōtȳ sĕbĭ. str. 16 и 17.

слогъ съ второстепеннымъ удареніемъ, за нимъ опять неударяемый, потомъ опять слогъ съ второстепеннымъ удареніемъ, опять неударяемый и т. д., но это, очевидно, слѣдуетъ понимать такъ, что эти слоги собственно не имѣютъ никакого ударенія, но въ стихахъ могутъ замѣнять ударяемые, подобнымъ же образомъ, какъ въ русскомъ стихосложеніи слова перелечу́, жа́воронокъ считаются первое двустопнымъ ямбомъ, второе — двустопнымъ хореемъ, хотя, на самомъ дѣлѣ, они представляютъ: одно — пиррихій и ямбъ (⏑ ⏑ | ⏑ –), другое — хорей и пиррихій (– ⏑ | ⏑ ⏑). Само по себѣ, весьма возможно, что въ болѣе длинныхъ словахъ являются второстепенныя ударенія; но неужели ихъ не одно только, а нѣсколько? неужели произносятъ, напримѣръ, záwuhlàdachmý?

Для Нижнелужицкаго нарѣчія мы, въ предисловіи къ Цварову словарю, находимъ самое краткое и опредѣленное правило, что удареніе всегда, какъ въ простыхъ, такъ и въ сложныхъ словахъ, полагается на первый слогъ, и что предлоги только тогда не перехватываютъ ударенія у существительныхъ, когда на послѣднія особенно напираютъ, напримѣръ: pŕéz hokno въ окно, изъ окна, но pŕez hókno — въ окно, а не въ другое какое отверстіе. Что нижнелужицкая акцентовка есть одномѣстная, наначальная говоритъ также Горникъ, въ своей замѣткѣ о звукѣ o̯ (ó) въ этомъ нарѣчіи[1]), и это вполнѣ подтверждается размѣромъ нижнелужицкихъ стиховъ, помѣщенныхъ въ Часописѣ Матицы Сербской. Впрочемъ, судя по этимъ стихамъ, Цварово правило насчетъ ударяемости предлоговъ слѣдуетъ нѣсколько ограничить, такъ что оно вполнѣ совпадетъ съ только что указаннымъ верхнелужицкимъ. Въ Федровыхъ басняхъ, переведенныхъ Стемпелемъ, мы находимъ нѣсколько примѣровъ того, что имя видимо тяготѣетъ къ слѣдующему за нимъ имени и потому не сливается съ предлогомъ въ нарѣчеобразное выраженіе:

We smĕšnej gjardosći. Kawka gjarda a paw., Č. M. S. 1852, str. 83.
We wódnem glèdadle sc hupytajo z nim. Pjas přcz rĕku z měsom plejucy. ib. str. 84.
Na rógi kǫńcate glĕda a chwali je. Jeleń při žrĕle. ib. str. 86.
Na równej zemi. ib.

---

[1]) Hórnik. Wo ó w delnjoserbšćinje. Č. M. S. 1862. str. 112. Однако Пфуль, который, по поводу полабской акцентовки, упоминаетъ и о нижнелужицкой, утверждаетъ, что она одинакова съ польскою!

Až njerozmjejo nic wot wšógo gojenja. Ze šejca gojc. ib. 87.
Ze słódkim słowem. Dwě beji. ib. 88.

Въ тѣхъ же басняхъ встрѣчается также цѣлый рядъ нарѣчеобразныхъ выраженій, съ удареніемъ на второй части, столько, что ихъ едва-ли можно всѣ объяснять поэтическою вольностью:

«Přc-c», źerjo se na njó, «sy wodu zmušiło?» Wjelk a jagnje. ib. str. 82.
«Wot tébje dga ta wo̱da běży ku mnje how!» ib.
wšo se zakali a rozlěga wot njóg! Žaby kralja požedajuce. ib.
Te.... chowaju we tymjeńce se na spo̱dku ib.
Za njóm jo požedny a chco jo hutergnuś. Pjas přez rěku z měsom plejucy. ib. str. 84.
Na přísegu akle se spusći žorawa. Wjelk a žorawa. ib.
We mrěšu huchac hyšćer z tym se hochłoźi. Wrobel a huchac. ib. 85.
Ze słówami se chwališ, gaž njegoźiš nic. Wósoł a law. ib.
Na łówjenje wzc wosła raz ze sobu law. ib.
zwěrjeta..... huběgaju.....
A padnu tak tam lawoju do pázorow. ib. str. 86.
Ten woła, gaž je mucny wot wšog' dawjenja,
Na wósła. ib.
Tam tuž we wóźe swo̱jo znamjo hupyta. Jeleń při žrěle. ib.
Na ráz před hugonowym zukom zlěka se,
Do gnáśa dajo se. ib.
Psy maju jog' a tergaju ze zúbami. ib.
To pak, což chwalach, spora mje do skázenja. ib.
Se sednu z nim na škrjók, aby jen tuder zjěł. Liška a wron. ib.
Kak krasny sy na śèle a na hóblicu. ib.
Za gójca hobsednjo se, źož jog' njeznaju. Ze šejca gojc. ib. 87.
njeprěmenijo se
Za póbědnych nic ako mjeno knèzowe. Wósoł k staremu pastyrju. ib,
Źed třašywy na łúce wo̱sła pasešo. ib.
A groni wojca tak: «Na rúbjenje źo wjelk,
A ty mi huběgnjoš na skóki z wocowu». Jeleń a wojca. ib. 88 и т. д.

Нѣсколько разъ у словъ, сложенныхъ съ предлогами или съ отрицаніемъ, удареніе падаетъ не на предлогъ и не на отрицаніе:

Kak hužytne mě bèšo, což zanícowach. Jeleń při žrěle. str. 86.
Až z nowym wjeŕchojstwom njepřéměnijo se. Wosoł k staremu pastyrju. str. 87.
Law zestarany laży a hosłábnjony. Stary law, źiwjak, wół i wósoł. str. 89.

. . . . ta rada by
Při žiwjenju wostáła. Lasycka a muž. ib.
Njedónjas takje prozne mje ak' dobrotu. ib.
Ab' mojog' kněza dobytki njehóbłajał. Wěrny pjas. str. 90.
Złu radu jano njedawaj rozmýslenym. Pjas a krokodyl. ib.
«njeboj se
Nikájkjej' złosći!» Pjas wotgroni: «Rad ja by, ib.
Až při njej kśěł hobjédować; we šklice pak... Liška a bośan. str. 91.
Po casu kśešo bośan se wotnámakaś. ib.
Za nimi huda se jich maś
A žebri, až ju njederbi hobtúžyś tak. Liška a jerjeł. ib.

Весьма, впрочемъ, возможно, что въ этихъ случаяхъ стихотворецъ позволилъ себѣ отступить отъ правильнаго размѣра, или-же отъ правильнаго произношенія.

Для объясненія появленія лужицкой одномѣстной акцентовки годится та же гипотеза, которая выше была выставлена для сходной съ нею чешской: произошла, прежде всего оттяжка, вслѣдствіе которой удареніе у большей части словъ оказалось на первомъ слогѣ, а у приставочныхъ словъ — на приставкѣ; затѣмъ утратилось качественное различіе удареній, и, по большинству случаевъ, установился общій законъ.

Какъ на слѣды основной, разномѣстной, акцентовки можно указать на слѣдующія формы:

а) верхнелужицкія: hra (игра́), łza, pcha или tka (блоха́), jstwa (изба́) комната, škra, šklja блюдо, ćma, (pos) psa, (dźeń) dnja, sknadź = knadź (польск. trznadel, р. стрина́дка) овсянка, hdy когда, třo = трие́, třmjeń стремя, lžica, šćenje = kćenje (kŕćenje), přećelj, н. л. přijaśel (пріятель), bohi (= убо́гій), šćina вм. trstina, hrać, hraju; měć, mam, měj и т. д.; (hić) du, dźeš и т. д., dźech, dzi, dźo, ducy; (wzać) zmi (н. л. ześ, zej); kćěć; ktu, kćeš, ktu = kćeja = kća (въ пѣсняхъ); sym, sy, smy, śće, smoj, staj, stej; chcyć, chcych, chcyj, chcył хотѣть.

б) нижнелужицкія: gła (в. л. jehła, johła игла́), gra, śpa (jspa = изба́), łża, płcha, škra, šlja, dza (слеза́), śma, (pjas) psa, (źeń) dńa, zgło рубашка,

tšnarl, šnarl (в. л. knadz) tšo, tšmeń, žica (= ł̇žica), kšćeńe, bogi (уб̀ог̀ий), šćina, kśica (крьстица) крестецъ, graś, ḿeś, mam, ḿej и т. д., (hyś), du (źom), źoš и т. д., źech, źi, ducy; som, sy, smy, sćo, smej, stej; kśeś, kśech, kśej, kśeł, kśe (3 л. мн. ч.)[1]).

---

[1]) На счетъ остальныхъ лицъ этого настоящаго времени — cu = com (и coju), ceš, и т. д., в. луж. chcu, chceš — а также на счетъ существительнаго н. луж. ḿe, ḿeńo, в. луж. ḿe, ḿeno ср. гл. VII, стр. 155.

IX.

Польская акцентовка.

Польская акцентовка — *однородная*: различіе долгихъ и краткихъ гласныхъ, составляющее необходимое условіе разнообразія ударенія, столь же чуждо Польскому языку, какъ и Русскому. Попытка ксендза *Новачинскаго* основать польское стихосложеніе на количественномъ началѣ не имѣла подъ собою никакой реальной почвы — гекзаметры и пентаметры Новачинскаго просто ни на что не дохожи:

– ⏑ ⏑ | – – | – ‖ – | – ⏑ ⏑ | – ⏑ ⏑ | – ⏑
Państwo, pałac i krûl jest każdy z nich, cudotwûr świata:

– ⏑ ⏑ | – ⏑ ⏑ | – ‖ – ⏑ ⏑ | – ⏑ ⏑ | –
Głową — krûl, państwo — mocą, sztuką przedziwną — pałac [1]).

Если жъ *Копчинскій*, въ своей грамматикѣ, говоритъ о количествѣ (o iloczasie), то онъ подъ количествомъ понимаетъ ударение [2]): онъ самъ со-

---

[1]) Xiądz Nowaczyński. O prozodyi i harmonii języka polskiego 1781. См. Królikowski. Prozodya polska. str. 132. — Въ приводимыхъ мною примѣрахъ, я польскія буквы ó и é замѣняю посредствомъ û и ε, т. к. акутъ у меня служитъ исключительно для обозначенія восходящаго ударенія.

[2]) Kopczyński, X. Onufry. Grammatyka języka polskiego. W Warszawie 1817. Cz. I. § IV, str. 31—33. Терминъ ударение (przygłosek) у Копчинскаго имѣетъ иное значеніе: ударение у него значитъ видоизмѣненіе звука, соотвѣтствующее употребительнымъ въ польскомъ правописаніи просодіямъ, т. е, подъ ударениемъ слѣдуетъ понимать сжатость гласнаго и мягкость согласнаго, нпр., въ словѣ nic *c* безъ ударенія, въ словѣ nić — съ ударениемъ. Str. 198.

мнѣвается въ возможности метрическаго размѣра даже у Чеховъ, а попытку Новачинскаго и послѣдователей его [1]) считаетъ вполнѣ неудачною.

По размѣщенію удареній, польская акцентовка — *одномѣстная*, *напредконечная* : ударе́ніе у Поляковъ, какъ извѣстно, всегда приходится на *предпослѣдній слогъ* акцентной единицы, напр.: łáńcuch цѣпь, род. łáńcúcha, производ. прилагательное — łáńcuchowy; świątobliwość святость, святѣйшество, род. swiątobliwości; na kónia, или ná koń; strzécha, ze strzéchy; wé śnie; ná mnie; nadé mną; widziałem, или jam widział.

Повидимому, акцентовка, въ то-же время и одномѣстная и однородная, должна бы отличаться чрезвычайнымъ однообразіемъ и непріятно дѣйствовать на слухъ; но на дѣлѣ этого не замѣчается, потому во 1-хъ), что Поляки — особенно настоящіе поляки, не-литовцы [2]) — только мало напираютъ на ударяемый гласный и придаютъ слову еще второстепенныя ударенія, а во 2-хъ) потому, что въ языкѣ довольно много односложныхъ именныхъ и глагольныхъ формъ, которыя никакъ не могутъ подчиниться общему закону (кромѣ тѣхъ случаевъ, когда онѣ сливаются въ одно цѣлое съ предлогомъ или съ отрицаніемъ).

Что касается *второстепенныхъ* удареній, то о нихъ изъ числа польскихъ грамматиковъ говоритъ одинъ *Малѣцкій*: по его словамъ, второстепенное ударе́ніе (mniejszy akcent) является въ словахъ о четырехъ и болѣе слогахъ, и мѣсто его на первомъ слогѣ, напримѣръ, zápytánie, nápowiétrzny, pógorzelisko, pórozpatrzywać, nájniezawodniéjszy, práwdopodobiéństwo, nájcharakterystyczniéjszy, ná ulice, kóło połúdnia [3]).

Необходимо сдѣлать еще и слѣдующія оговорки и замѣчанія.

Синтаксическія единицы не всегда совпадаютъ съ акцентными т. е. слова, лишенныя самостоятельнаго ударенія, все-таки могутъ чувствоваться какъ нѣчто отдѣльное отъ тѣхъ словъ, къ которымъ они прислоняются. По этой причинѣ являются нѣкоторыя *исключенія* изъ общаго акцентовочнаго закона.

1. Въ прошедшемъ времени, въ 1-мъ и во 2-мъ лицѣ множ. числа, вспомогательный глаголъ, хотя даже на письмѣ сливается со своимъ причастіемъ, но не вліяетъ на его ударе́ніе, которое, такимъ образомъ, оказы-

---

[1]) Два члена Общества любителей наукъ (Towarzystwo Przyjaciół nauk), по словамъ Копчинскаго, занимались, во время выхода его грамматики, метрическимъ переложеніемъ Виргилія и Горація. Къ послѣднимъ одинъ композиторъ обѣщался написать музыку. Korczyński, str. 32.

[2]) Дѣленіе Поляковъ на настоящихъ Поляковъ (Koroniarze) и Литвиновъ (Litwini), собственно, дѣленіе ненаучное и несоотвѣтствующее діалектическимъ различіямъ.

[3]) Małecki. Gram. większa. str. 407—409.

вается не на второмъ слогѣ отъ конца акцентной единицы, а на *третьемъ*: byliśmy, siedliście, znalázłyśmy, marzyliście, pádłyście и т. д. Что предлагаемое объясненіе этого явленія правильно, ясно изъ способности вспомогательнаго глагола отдѣляться отъ причастія и примыкать къ другимъ словамъ, напримѣръ: gdyśmy byli, gdzieście go znalázły, kómuście wierzyli. — Если въ мужескомъ родѣ единственнаго числа перваго и второго лица, соблюдается общій законъ и говорится znalázłem, znalázłeś; marzyłem, marzyłeś и т. д., то это объясняется тѣмъ, что составъ этихъ формъ уже не сознается народомъ: въ нихъ за вспомогательный глаголъ принимаются лишь звуки m и ś, а *e* кажется вставкою, почему акцентовку ихъ естественно было подчинить общему закону; содѣйствовали этому еще и формы женскаго и средняго рода znalázłam, znalázłom, znalázłaś, znalázłoś; marzyłam, marzyłom, marzyłaś, marzyłoś. Надо, однако, замѣтить, что Копчинскій, а вслѣдъ за нимъ Малиновскій велятъ произносить ználazłem, ználazłeś и т. д.[1]). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Поляки, дѣйствительно, такъ произносятъ[2]); но чтобы такой выговоръ могъ считаться общераспространеннымъ и господствующимъ — это, положительно, невѣрно[3]).

2. Прилагательныя *нечленнаго* окончанія (весьма, впрочемъ, немногочисленные въ Польскомъ языкѣ), сочетаясь съ формами вспомогательнаго глагола em и eś могутъ сохранить свое первоначальное удареніе: gótûwem umrzeć; хотя произносятъ и gotûwem umrzeć. Такъ же говорятъ winienem jego śmierci, pełeneś dumy, gódzieneś chwały, świádomeś drûg, рядомъ съ winiénem jego śmierci (литовско-поль.), powiniénem cię kochać и т. п. Не знаю, всегда ли, и вездѣ ли возможенъ тотъ и другой выговоръ, и не соединены ли съ различнымъ выговоромъ тѣ, или другіе, неуловимые для меня, оттѣнки смысла?

3. Подобныя-же акцентныя единицы образуются, когда къ какому-нибудь слову, только не къ односложному, примыкаетъ *атонка*: prósi go, póda mi, dáły nam, táki to, dáwałci, dóbrzećto, gódzienże, pisałli, ubieránie się, widziénie się и т. д. Такими частицами являются и глагольныя формы

---

[1]) Kopczyński. Gram. Cz. I, § IV, str. 31. Malinowski, Grammatyka, str. 222.

[2]) По показанію Валицкаго (Alex. Walicki. Błędy nasze w mowie i piśmie str. 141), такое произношеніе слышится въ Подоліи и въ части Галиціи.

[3]) Сколько разъ формы прошедшаго на łem, łeś встрѣчаются у польскихъ писателей въ рядѣ (ukochałem — w mojem życiu całem, posłem — przyniósłem и т. п.). Въ гекзаметрахъ Мицкевича, въ коихъ произношеніе słyszałem, wywiozłem и т. д. очень могло бы пригодиться стихотворцу, мы ни одной такой формы не находимъ, а читаемъ только słyszałem, wywiózłem, lubiłem, postrzégłem и т. д. Ad. Mickiewicz, Konrad Wallenrod, Powieść wajdeloty.

śmy и ście, когда онѣ отдѣляются отъ причастія и примыкаютъ къ другому слову, какъ jéśliśmy, kómuście и т. д.

Иногда, при сліяніи слова съ атонками, ударепіе оказывается на *четвертомъ* слогѣ съ конца: chóciażeście; powiedziélibyśmy, rzékłybyście, jeżélibyście, czytałżebyś, słúchałżeby, dóbrzecito, pomiarkowáliście się, podobáło mi się, иной разъ — но весьма рѣдко — даже на *пятомъ*: uczýniłżebyto.

Указанныя отклоненія акцентовки отъ обычнаго принципа всѣ совершаются въ одну сторону: удареніе болѣе обыкновеннаго удаляется отъ конца акцентной единицы. Есть, однако,

4) случаи, въ которыхъ удареніе отклонятся въ другую сторону и, вмѣсто предпослѣдняго слога, оказывается на *послѣднемъ*. Это бываетъ тогда, когда односложное имя, стоя при предлогѣ, не передастъ ему ударенія, а удерживаетъ его на себѣ. Дѣло въ томъ, что односложныя имена дѣлаются безударными лишь тогда, когда сливаются съ предлогомъ въ одно нарѣчеобразное выраженіе, въ родѣ padam dó nûg; wé śnie, a nie na jawie; ná wieś [1]). На этомъ основаніи являются слѣдующія отступленія отъ основного закона:

а) при повтореніи одного и того-же предлога, въ сочетаніи сперва съ однимъ именемъ, а потомъ съ другимъ, удареніе всегда приходится на имя: na stûl, czy na piéc; do miásta, czy do wsi; jéden bez rąk, drúgi bez nûg.

б) То-же самое бываетъ, когда за существительнымъ слѣдуетъ дополненіе къ нему, или опредѣленіе: do nûg książęcia; przez móst wiszący; na kráj świáta; na strzał armátni; we śnié głębókim.

в) Нѣкоторыя предложныя сочетанія, и безъ такихъ причинъ, держатъ удареніе на имени, напримѣръ: na włós, na kráj, dla żón. Малъэцкій приводитъ еще na wiátr, przez czás, а Мучковскій — na dzień, na wzûr, przez lás, za nóc. Въ другихъ случаяхъ удареніе колеблется между предлогомъ и именемъ: przý wsi, podé wśią, или przy wsi, pode wśią. Съ наименнымъ удареніемъ, очевидно, должны читаться предложныя сочетанія въ слѣдующихъ стихахъ:

Uczułem tych kilka drżeń,
Jakich w młodości mej doświadzałem,
Gdym skrzydła u ramion czuł;
Tryumf nie mały, natchnąć zapałem
Tego, co wierzy na pûl. Luc. Siemieński. Do P. R. mówiącej swoje poezye.

[1]) Срв. замѣчаніе о прислоненіи въ Русскомъ языкѣ, гл. I, стр. 36.

Marzyłem łůdkę Dunajcem gnaną,
Białą dziewicę śrůd fál —
W tem bije ůsma godzina rano;
Marzeń tych, jakże mi żal. ib.
Na Boga! gdzie droga do miejskich, do bràm?
Przedemną, nademną tu ognie i tam. Ujejski. Ostatnie głosy Sodomy.
Z niebieskich progůw ty schodzisz już,
To my spokojni idziem na sąd,
Niosiąc krew naszą zlaną do krúż.
Więc nasz zapytasz: Dzieci, a zkąd? Ero же Krzyż a miecz.
gdzie się serca palą,
Cyrklem uniesień duch,
Dobro powszechne skalą,
Jedność większa od dwůch. Ad. Mickiewicz. Pieśń filaretów.
Czy palnie na smugi,
Czy w gůrę do chmúr:
Tam krwi płyną strugi,
Stąd leci grad piůr. Mick. Chór strzelców.
Na koniu, cò w cwale
Sokoli ma lot,
I z bronią, co w strzale
Huczniejsza nad grzmót. ib.
Przedniejsi z ludu padli na twàrz,
I w prochy nurzają czoła,
I tak zostali jak przednia straż. Czajkowski. Pokutni.
Wskaż na lud ten, co dla świata
Prawem był, jak Bůg!
Idź, powołaj Cyncynata,
By tron wziął za płúg. Ero же. Młodemu badaczowi dziejów Kazimierzowi G.
legnie bez czci.
Niby konar z pnia odgniły,
Bez pacierza do mogiły
Pojdzie — i bez łzy. Ero же. Strzeż łzy.
Często mu wypadła droga,
Czy to w gości, czy na łůw.
Więc mię zdał na wolę Boga:
Rosłem w gronie cieląt, krůw! Ero же. Zywot poczciwego człowieka.
Lecz nie we krwi,

Ktůrą zemsta leje,
Cel Polski tkwi. Krasiński. III, str. 50.
Co za chwała, co za cześć!
Tak uroczny tocząc rym,
Z każdym bůj tartakiem wieść,
Z doboszami iść o prým! St. Okraszewski. Panegiryk nowych a szczęśliwie wynalezionych rymów (Królik. str. XX)[1]).

Тотъ же звуковой эффектъ, какъ сочетаніе односложныхъ именъ съ неударяемыми предлогами, производятъ и проклитики, напримѣръ: můj kóń, ta krėw, czy ón и т. д. Къ проклитикамъ принадлежитъ также слово pan, въ сочетаніяхъ pan tén, pan ůw, pan brát, pan stryj (однако, Pán Bůg, такъ какъ Pan Bůg слилось въ одно слово, срв. нѣм. der liebe Hėrrgott) также и lada, въ выраженіи lada cò (что-нибудь, бездѣлица).

Есть также въ Польскомъ языкѣ случай, въ которомъ иногда (можетъ быть, только въ стихахъ, а не въ прозѣ?) акцентуютъ *конечный слогъ* не выраженія, а отдѣльнаго *слова*; случай, который представляетъ не то исключеніе изъ основного закона, не то—крайнее его примѣненіе. Я разумѣю наконечную акцентовку глагольныхъ формъ, имѣющихъ за собою частицу się, какъ, напримѣръ, въ слѣдующихъ стихахъ:

nie błazni się,
Mijaj to flisie. Klonowicz. Flis.
On ma serce tygrysie,
Cudzym strachem cieszy się. Ant. Czajkowski. Baśń o żelaznym wilku i o pięknym królewiczu.
Biegły pośpiesznie za głosem po rósie:
«Jezu! o Jezu! Jezu!» — rozległo się. Bohd. Zaleski, Przenajświętsza rodzina.
I zeszły się dwie Marysie
I můwiły sobie. Народн. пѣсня[2]).

---

[1]) Замѣчательно, что односложные падежи мѣстоименій всегда уступаютъ удареніе предлогу, напримѣръ: zá nim, nie zà mną; dò niėj, nie dò nich: Мицкевичево

Idź na gościniec i w las,
Czy kto nie jedzie do nás (Lilie)

извиняется только поэтическою вольностью. См. Бодуэнъ-де-Куртенэ. О такъ называемой эвфонической вставкѣ согласнаго *н* въ Словянскихъ языкахъ, стр. 15 (Филол. записки. 1877. Вып. I).

[2]) Якубовичъ говоритъ, что неправильно было бы, вмѣсто podobało się, uczyli

Подобнымъ же выговоромъ, принимающимъ энклитику за одно цѣлое съ главнымъ словомъ, я объясняю себѣ нѣкоторыя другія риѳмы польскихъ поэтовъ, какъ:

Zbudował okręt, jeśli prawda, i on,
Z Pyrrą żoną swą sławny Deukalion. Klonowicz. Flis.
nawet i hultaje
Swe szpruchy mają; miejże się w cześć i ty,
Byś nie był bity. ib.
Ten pstry worek u pasa, wszak go baczysz i ty,
Jest z rozmaitej jerchy misternie uszyty. Его же. Worek Judaszów.
Spiewajcie mu, wynoście go,
Chwalcie święte imię jego. Jan Kochanowski. Psalt. XCV.
Wszyscy aniołowie jego,
Wszystkie wojska wyznajcie go. ib. CXLVII.
chwalcie go
Kołem tańca pięknego. ib. CXLIX.
Nasza siew była w gorzkości,
Oto zdarzył pan, że i my
Z weselem snopy nosimy. ib. CXXV.
Panny, młodzieńcy wstali, wstańcie ku nim i wy:
Oto widać na niebie wieczûr niewątpliwy. Его же. Epitalamium czyli
pieśń slubna.
On sam jest Bûg, co żywiem, co tchniemy
On sprawuje w nas, a pewnie nie my. Его же. Psałt. XCIX.
Bawiono się wybornie aż do switu,
Miałam domino na sobie jak i tu. Luc. Siemieński. Switezianka, scena 4.
Ja się boję otworzyć oczu. — I ja —
I mi — Hej Państwo! wielka historia! ib. sc. 14.

Если бъ такія риѳмы встрѣчались только у стихотворцевъ, въ родѣ Кленовича, то можно было бъ считать ихъ просто-на-просто неправильными, подобно его

Na to ja tobie, bracie, krûtko co wiem,
Jedno mię słuchaj, niepochybnie powiem. Flis.

---

się произносить podobałó się, uczyli się. Jakubowicz, Gramatyka, str. 24. Ужъ не свидѣтельствуютъ ли эти слова о томъ, что такой выговоръ слышится-таки иногда, даже въ разговорномъ языкѣ?

Niż z brzegu zepchniesz, pilnie o sobie rádź,
Cobyś przeżywił i tam i sam czéladź. ib.,

но Кохановскаго, Семенскаго, я не рѣшаюсь заподозрить въ такой поэтической вольности, такъ что предпочитаю читать chwalcie go, i my и т. д. и видѣть въ этихъ акцентныхъ единицахъ *крайнее развитіе одномѣстной системы* (сравн. серб. ѝ коњ ѝ крава, нѝ ја̄, нѝ тӣ); весьма возможно, конечно, что такой выговоръ никогда не былъ узакопенъ всеобщимъ употребленіемъ.

Кромѣ этихъ полуисключеній, въ Польскомъ языкѣ указываютъ еще *настоящія исключенія*, то есть самостоятельныя грамматическія единицы, ударяемыя не на предконечномъ слогѣ. Впрочемъ, показанія объ этомъ дѣлѣ грамматиковъ довольно сбивчивы, противорѣчивы и далеко не достовѣрны. Указываютъ

1) на слѣдующія слова: okólica, w ógûle, szczégûły, rzecz pospólita[1]), къ которымъ я, по сообщенію И. А. Бодуэна-де-Куртенэ, добавлю miáuczyć, podóficer, pięć tysięcy, wiérzyciel, náuka (три послѣднихъ слова представляютъ мѣстную, а можетъ быть, даже личную особенность; слышаны они въ Волынской и въ Люблинской губерніяхъ). Нужно замѣтить, что почти всѣ эти пропарокситонки могутъ произноситься и по общему правилу: okolica, w ogûle, szczegûły, rzecz pospolita[2]); формы pięć tysięcy, wierzyciel, nauka рѣшительно господствуютъ[3]).

2) Въ словахъ *иностранныхъ* (кажется, вѣрнѣе было бы сказать, въ латинскихъ), грамматики велятъ сохранять ихъ настоящее ударепіе, что и соблюдается болѣе или менѣе образованнымъ классомъ: произносятъ, нпр., gramátyka (рѣдко gramatýka); kónsul, kónsula (рѣже konsúla):

A kiedy spiewamy las — niech będzie Kónsula godny. Królik. str. 155.

Произносятъ также и máchina, Wénera, múzyka, однако чаще machína,

---

[1]) У Малъэцкаго находимъ еще и jéżeli, которое Валицкій (Błędy nasze, str. 140) называетъ неслыханною формою. Должно быть, однако, она гдѣ нибудь да употребляется.

[2]) Болѣе обычный выговоръ есть rzecz pospólita. Весьма правдоподобна догадка И. А. Бодуэна, что выраженіе это, какъ своимъ происхожденіемъ, такъ и акцентовкою обязано латинскому res pública.

[3]) У «Литовцевъ», по показанію Валицкаго, употребителенъ выговоръ Rádziwiłł, Ukráina, Berézyna, metropólita, kátedra, prókuror, óficer, kápitan, kózera, urzędnicy, w týtule, pod týtulem. Подобную же акцентовку имѣютъ у нихъ многія уменьшительныя: Jásieczek, Zósieczka, krûleczku, dúszeczka, kochánienki, pocichútenku и т. д. Walicki. Błędy nasze, str. 140—141.

Wenéra [1]). Наиболѣе многочисленный классъ латино-польскихъ словъ составляютъ слова на *ya*, *ia*, *yum*, *ium*, *yusz*, *iusz:* edukácya, ekspedýcya, herézya, emália, tália, religia, gimnázyum, dyáryusz. Однако, слова послѣдняго рода нерѣдко произносятся, а иными и пишутся edukácja, ekspedýcja и т. д., а простой сельскій людъ, не стѣсненный ухищреніями грамматиковъ и примѣромъ пановъ, произноситъ, по польскому обычаю, Rossýjan, lilýja, Francýja, Turcýja и т. д. Такъ произносили и писатели Сигизмундовой эпохи, употреблявшіе риѳмы въ родѣ слѣдующихъ:

Owsy, jęczmiony i chleby z Grecýey,
A wino z Chio wiozła i z Kandýey. Piotr Kochanowski. Goffred albo Jeruzalem wyzwolona.

Ali iż się zaś wielka stąd Etyopia
Rozciaga i pośrodek sam daleko miia.

Nie zawżdy, piękna Zofia,
Rûża kwitnie i lilia. Jan Kochanowski. Do Zofii o czasie.

Jeśli zła w oczu waszych msza i processýa,
Aza lepsze łakomstwo i ta ambicýa? Его же. Fraszki. III. Na heretyki.

Na tej twardej opoce razbił się Arius,
Marcýon, Samosaten, Manech, Nestorius. Его же. Zgoda [2]).

3) Подобный же выговоръ нѣкоторые грамматики приписываютъ *сложнымъ* словамъ, вторая часть которыхъ есть односложная: Копчинскій, Якубовичъ и Мучковскій, а вслѣдъ за ними Францъ Малиновскій, велятъ произносить Władysław, Brónisław, Włódzimierz, Nówogrûd, dármojad, Czárnoleś, при чемъ, однако, Мучковскій исключаетъ слова Bolésław и piwówar, которыя остальные также подчиняютъ этому правилу [3]). Но пропарокситонность такихъ словъ едва-ли не есть, просто, выдумка грамматиковъ, или же чисто мѣстный выговоръ, безъ всякаго основанія, возведенный ими въ

---

[1]) Выговоръ Wénera едва-ли выдуманъ Круликовскимъ, который самъ не допускаетъ насилія надъ языкомъ. Prozodya str. 97, 102 прим. — Значительное число такихъ пропарокситонокъ перечислено у Валицкаго. Błędy nasze, str. 139—140. См. также у Бандтке. Bandtke, G. S. Polnische Grammatik S. 397.

[2]) Małecki, Ant. W sprawie pisowni polskiéj. O naturze spółgłoski j i praktycznych stąd następstwach dla ortografii polskiéj. Odbitka z Szkoły. Lwów 1868; str. 24.

[3]) Kopczyński. Cz. I § IV. — Jakubowicz. Grammatyka, str. 24. — Muczkowski. Grammatyka. Wierszowanie, str. 261.—Малиновскій выражается несовсѣмъ ясно: можетъ быть, онъ всѣмъ этимъ словамъ приписываетъ по два ударенія, изъ коихъ первое есть главное. Malinowski. Gramatyka, str. 225. —

законъ: Круликовскій говоритъ, что слова czworogran, cudotwûr, darmojad, piwowar, Kazimierz и т. п., собственно, должны бы представлять амфимакры (т. е. произноситься съ двумя удареніями — czwógrográn и т. д.), но что, въ дѣйствительности, это не такъ, а слышится darmójad, piwówar и т. д. [1]). — Только слова *слитныя*, не вполнѣ сплотившіяся въ одно цѣлое — да и тѣ, кажется, не всегда — держатъ ударѐніе на третьемъ съ конца: cztérych set, dziésięćkroć, ilekroć, częstokroć; таковы же Białystok, Rûżánystok [2]), которые даже склоняются Białegostoku, Białemustoku и т. д. Мицкевичъ рифмуетъ młodź и wiélekroć:

Mnie w Nowogrûdku, mnie w Mińsku czytuje młodź
I nie leniwa jest przepisać wielekroć [3]).

Подъ эту же категорію не совсѣмъ сросшихся словъ, можетъ быть, подходятъ союзы bŷleby и jéżeli. (Такъ велитъ произносить эти реченія Малъэцкій) [4]).

4) Нѣкоторымъ слитнымъ словамъ, коихъ первая часть составляетъ повелительное наклоненіе, по показанію Мучковскаго, свойственна *наконечная* акцентовка: pędziwiàtr, drapichrûst, łomignàt. И, въ самомъ дѣлѣ, почему эти слова, образованныя совершенно самообразно, не могли бы имѣть также своеобразную акцентовку? Можетъ быть, языкъ доселѣ смотритъ на нихъ, какъ на цѣлыя предложенія, въ которыхъ логическое ударѐніе падаетъ на дополнѐніе; при чемъ, впрочемъ, и глагольная форма должна произноситься съ нѣкоторымъ удареніемъ, что̀, по показанію Франца Малиновскаго, дѣйствительно и бываетъ. Мучковскій утверждаетъ, что отмѣченный имъ выговоръ — pędziwiàtr и т. д., такжѐ какъ и выговоръ вышеприведенныхъ cûdotwûr, и т. д. — есть живой народный выговоръ [5]); но не знаю, справедливо ли это: по крайней мѣрѣ, онъ никакъ не можетъ считаться общераспростра̀ненным̀ъ, ни даже преобладающимъ — Крули-

---

[1]) Królikowski, str. 97.

[2]) Jakubowicz, str. 24; Bandtke. Polnische Grammatik, S. 398.

[3]) Wizyta pana Franciszka Grzymały. Biblioteka pisarzy polskich. T. IX. str. 28.

[4]) Małecki. Gram. większa, str. 407. См. выше, стр. 174, пр. 1. — Ударѐніе иногда оказывается на третьемъ слогѣ съ конца, вслѣдствіе того, что, начавъ уже произносить слово, мѣняютъ родъ его, число или падежъ: произнесши нпр. widzia, и спохватившись, что рѣчь идетъ не о мущинѣ, а о женщинѣ, вмѣсто одного согласнаго ł, прибавляютъ цѣлый слогъ ła — и выходитъ widziała.

[5]) Muczkowski, str. 261; Malinowski, str. 225. Малиновскій на счетъ этихъ словъ выразился нѣсколько неопредѣленно: ясно только, что онъ въ такихъ случаяхъ приписываетъ словамъ два ударѐнія.

ковскій говоритъ, что произносить pędziwiàtr значило бы насиловать языкъ, и что, въ дѣйствительности, произносятъ pędziwiatr; такъ же акцентуетъ подобныя слова и Бодуэнъ: pędziwiatr, wydrwigrosz, okpiswiat, obieżyswiat[1]). Противъ Мучковскаго и Малиновскаго свидѣтельствуютъ также языки Русскій и Сербскій, судя по которымъ, акцентовку указанныхъ именительныхъ падежей слѣдуетъ считать древнею[2]).

Уже выше[3]) было отмѣчено, что неисконность польской акцентовки не подлежитъ никакому сомнѣнію. Но, спрашивается, не сохранилось ли въ самомъ языкѣ, подобно тому, какъ въ Чешскомъ и въ Лужицкомъ, какихънибудь *слѣдовъ иной системы?* Такой слѣдъ представляютъ, прежде всего, слова на 'e, 'a, первоначально кончавшіяся на ije, ija: widzienie, sklepienie, kazànie, staránie, powiętrze, podwórze, przymórze, bràcia. Очевидно, основная форма и акцентовка этихъ словъ была не widzienije, sklepienije и т. д., а widzienije, sklepienije и т. д.

Также и теперешнія księża, sędzia нельзя выводить изъ księżija, sędzija: основной выговоръ ихъ, судя по Русскому языку, былъ księżijà, sędzijà, вмѣсто чего сначала стали произносить księżà, sędzià, а потомъ уже księża, sędzia[4]). Конечно, въ словахъ księża, sędzia нельзя видѣть прямого

---

[1]) Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung. B. VI, S. 209. — Копчинскій, который ничего не говоритъ о словахъ въ родѣ pędziwiatr, указываетъ другіе случаи, въ коихъ ударепіе (по его выраженію «долгота») приходится на конечный слогъ: 1) въ серединѣ предложенія, передъ точкою съ запятой (w połowie okresu przed średnikiem) — co ojciec zabiegły długą pracą zgromadził; to syn marnotratny wkrótce stracił. 2) Когда зовешь кого-нибудь издали, напримѣръ, Janie! Matko! Dobrodzieju! Однако ударепіе, сопряженное дѣйствительно съ продленіемъ, во второмъ случаѣ есть чисто риторическое, и рядомъ съ нимъ сохраняется и обычное грамматическое ударепіе; первое же правило, очевидно, невѣрно, или, по крайней мѣрѣ, неточно.

[2]) См. гл. V, стр. 137. — Какъ на особенность литовскихъ Поляковъ, Валицкій указываетъ на окситонность повелительныхъ, напр. dawàj, biegàj, patrzàj, połóż, zobácz, powiédz, zaszýj, nie rób, nie jédz, pûjdzi (= pûjdź), wezmì, (= weź), zaśnì (= zàśnij), zapàl, ratúj и т. д. Эта, какъ и другія особенности литовско-польской акцентовки, объясняются вліяніемъ Русскаго (Бѣлорусскаго) языка. Walicki. Błędy nasze, str. 141.

[3]) Введеніе, стр. 9.

[4]) Такой выводъ изъ этихъ словъ сдѣлалъ Бодуэнъ-де-Куртенэ (Beiträge zur vergl. Sprachforschung. B. VI. S. 25); но довольно нерѣшительно, т. к. противъ него говоритъ совмѣстное существованіе книжныхъ формъ на ya и народныхъ на ýja: provincya и provincýja. Однако, слова иностранныя представляютъ несоизмѣримую съ туземными величину: заимствовавъ изъ Латинскаго слово provincia, противо-

доказательства, что Польскій языкъ нѣкогда допускалъ наконечную акцентовку: они могли образоваться также изъ księdzija, sędzija. Однако, въ пользу этого положенія есть другія доказательства: въ Польскомъ языкѣ существуетъ довольно значительное число *односложныхъ словъ, съ безгласнымъ корнемъ*, которыя, если-бъ искони господствовала теперешняя система, должны бы были ударять на коренной гласный и не могли бы его утратить: разумѣю слова, въ родѣ klnę, формы, основанной на первоначальномъ клан҃, съ удареніемъ на концѣ, такъ какъ иначе вышло бы klénę, или klònę. Могу указать еще слѣдующія слова этого рода: глаголы — blwać; brnąć брести, переходить въ бродъ; brzmieć; chrzcić крестить; cklić (cknić) się чувствовать тошноту, брезгать; cknąć się; czchnąć; czcić; czkać икать; czczyć się чувствовать тошноту; dmieć свѣтать; drgać дрожать; drgnąć; drwić (обл. древи́ть — бранить, досаждать) болтать, трунить надъ кѣмъ; drzeć (drę, darł) драть; drżeć (= drżyć — drżę, drżał) дрожать; grać; grzmieć; klwać; kpać, kpić ругать, бранить; krcić = chrzcić; krszić (= kruszyć); lać; łgać; lgnąć; łkać; lsknąć się, lśnić się; mieć, mam[1]); pchać; pchlić; pchnąć; plwać; pstrzyć; rwać; rznąć; schnąć; sklić; ssać; szczkać, икать; szczknąć; szczwać травить; tchnąc; tkać; tknąć быть воткнуту, торчать; trwać; trzmić (стремить) торчать; trznąć; trztać дристать; wrzeć, (wrę) = kipieć[2]). Существительныя: bez, bzu бузина; brew, brwi; brlok близорукій; chrzest, chztu, (крестъ) крещеніе; ćmiel (ścmiel); cześć, czci (= cześci); dech, tchu; dna ломота, подагра; drwa; drwal дровосѣкъ; drzwi; gra; grzbiet; grzmot; kieł, kła клыкъ; kiep, kpa дурень; kierz, krza кустъ; kra; krew, krwi; krta кроха; krtań; krtoń кадыкъ; krzak кустъ; krzek лягушечья икра; krzest, krztu = chrzest; krzta = kruszyna, odrobina; łeb, łba; len, lnu; lew, lwa; łeż, łży; łga = łeż; lśniak павлиній глазъ, па-

---

рѣчащее двумъ звуковымъ законамъ Польскаго языка — закону акцентовки и закону несочетаемости гласныхъ — пришлось прибѣгнуть къ отчаяннымъ мѣрамъ, чтобы примирить его съ ними вполнѣ, или хоть отчасти, что́ и породило формы prowincyja, prowincja, prowincyja. — Księża = рус. князья́, sędzia = рус. судья́, серб. суда́ја (рядомъ съ су̑ђа).

[1]) О словахъ mieć, grać и т. п. уже Бодуэнъ-де-Куртенэ замѣтилъ, что, въ основной формѣ ихъ imieć, igrać, і должно было быть неударяемое, такъ что удареніе находилось на послѣднемъ слогѣ. И. Бодуэнъ-де-Куртенэ. О древне-польскомъ языкѣ. § 29, стр. 37.

[2]) Не знаю, можно ли отнести къ этому разряду инфинитивъ smiać się: хотя онъ весьма удобно выводится изъ основного *śmiejać się, но вѣдь произносятъ также wiać, siać (а не wieć, siec), хотя для этихъ словъ основнымъ выговоромъ слѣдуетъ считать wiėjać, siėjać (рус. вѣять, сѣять, серб. вѐјати, сѐјати).

влинка; lza; pchła блоха; płeć, płci; płta плотъ; plwacz плевака; pstrąg форель; rdest polygonum hydropiper; rdza ржа; reż, rży; rtęć (trtęć); sen, snu; ślniak березовикъ; smłod ziele seseli aethiopicum; sprząg упряжь, пара; szczwacz доѣзжачій; szkło; szla, śla (= szleja, szlija) шлей, лямка; szmat; trzcia (trcia) = trzcina; trzpień шпенекъ; trzpiot трепетъ; zdrzeń (drzeń, rdzeń, drdzeń) сердцевина; zdroj (изрой) источникъ. Прилагательныя: cny, czczy пустой, lżej легче (нар.), pstry. Таковъ же и род. пад. мѣстоименія ja: mnie.

Къ этому списку необходимо сдѣлать кое-какія поясненія.

Въ нѣкоторыхъ изъ перечисленныхъ словъ выпалъ именно тотъ гласный, который, судя по Русскому и по Сербскому языку, первоначально былъ носителемъ ударенія. Таковы:

1) слова grzmot и trzpiot. Слову trzpiot соотвѣтствуетъ русское трепетъ, сербское трѐпēт, а grzmot не находитъ себѣ соотвѣтствія, но, будь это слово у Русскихъ и у Сербовъ, оно произносилось бы такимъ же образомъ, какъ всѣ слова съ наставками -отъ, -етъ, т. е. грѐмот, гр̏мот. Но, если, такимъ образомъ, выговоръ grzmot, trzpiot не соотвѣтствуетъ русско-сербскому, за то онъ соотвѣтствуетъ словенскому: у Словенцевъ наставки -отъ, -етъ постоянно принимаютъ удареніе и притомъ — удареніе рѣзкое, которое нельзя считать позднѣйшимъ, выдвинутымъ: grωh̃ωt, rωp̃ωt, bleb̏et, lesk̏et, gъrm̏et. Слова gъrmωt, впрочемъ, и по-словенски не существуетъ, но есть trep̏et.

2) Глаголъ schnąć не сходится въ акцентовкѣ съ великорусскимъ сóхнуть, но онъ сходится съ сербскимъ сàхнути[1]) = сахнȕти и со словенскимъ sъ̀hnīti, а также и съ малорусскимъ схнȕти. При польскомъ drgnąć также стоитъ русское дрóгнуть; однако и дрогнȕть не звучитъ дико, а въ предложномъ глаголѣ содронȕться удареніе всегда приходится на *у*. Словенцы и въ этомъ случаѣ согласны съ Поляками и произносятъ dъ̀rgnīti.

3) Прилагательному czczy, czcza, czczo пустой соотвѣтствуетъ русское тóщій. Но, вмѣсто тóщій произносятъ также тощóй: конь тощóй, хозя́инъ скупóй. Въ пользу окситоновки говоритъ и церковная форма этого прилагательнаго — тщ҃ій.

3) Существительное drzwi, если судить по русской формѣ двéри, также представляется непонятнымъ. Не слѣдуетъ, однако, забывать, что и русское слово баритонуется лишь въ именительномъ падежѣ, а въ остальныхъ — окситонуется: двере́й, двера́мъ, дверьми́, двера́хъ. По аналогіи

---

[1]) Daničić. Rad. VI, str. 76.

этихъ падежей, польская форма которыхъ есть drzwi, drzwiami, drzwiach, могъ измѣниться и именительный.

5) О словѣ cześć, czci (cześci) = чеш. čest, cti рѣчь была уже выше, (гл. VII, стр. 155), и выговоръ его былъ объясненъ насуффиксною акцентовкою косвенныхъ падежей множ. числа и мѣстнаго падежа единственнаго. То же самое объясненіе подходитъ и къ слову brew, brwi (мѣст. пад. по-русски брови́, по-серб. бр̀ви).

Болѣе загадочными представляются слова krew, krwi и płeć, płci. Слова эти во множественномъ числѣ, насколько мнѣ извѣстно, не употребляются[1]), а одного мѣстнаго падежа въ кровѝ, у кр̀ви, во плоти́ мало, чтобы превратить всѣ остальные въ окситонные. Впрочемъ, способствовать уничтоженію коренного гласнаго въ косвенныхъ падежахъ слова кръвь могъ переходъ ударенія на предлоги: dȍ krwi изъ дȍ кръви = русск. дȍ крови. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что древность такого акцентованія не достаточно подтверждается показаніями Сербскаго языка: Дашичичъ говоритъ «не знам, каже ли се бе̑з крви или бе̑з крви», и прибавляетъ даже «пре ће бити последње». Что́ же сказать о словѣ плъть? Будучи словомъ книжнымъ, русское плоть едва-ли способно къ прислонепію; сербо-хорватское пу̑т также слово книжное, и мнѣ неизвѣстно, въ какомъ видѣ оно соединяется съ предлогами: говорятъ ли бе̑з пути, или бе̑з пути.

Какимъ образомъ въ Польскомъ языкѣ могла установиться одномѣстная акцентовка? Дать вполнѣ удовлетворительный отвѣтъ на этотъ вопросъ довольно трудно; однако мнѣ кажется весьма естественнымъ, такъ же, какъ я въ VII главѣ сравнилъ чешскую акцентовку съ сербскою, сравнить польскую со *словенскою*. Въ самомъ дѣлѣ: какъ у Сербовъ послѣдовательно проведенная оттяжка перевела удареніе, по большей части, на первый слогъ, такъ непослѣдовательная оттяжка Словенскаго языка чаще всего отвела ему мѣсто на предпослѣднемъ слогѣ—Словенцамъ стоило бы только воздержаться отъ выдвижки и слова съ удареніемъ на третьемъ, четвертомъ, пятомъ слогѣ съ конца подчинить аналогіи большинства. У Словенцевъ, какъ я полагаю, этого не произошло потому, что долго сохранялось разнообразіе ударе́ній[2]); можетъ быть уже очень давно утраченное Поляками.

---

[1]) Они, конечно, могли бы употребляться: въ Русскомъ языкѣ есть же слово *крови* (мѣсячное), а для Староцерковнаго языка Миклошичъ приводитъ нѣсколько примѣровъ такого употребленія: пролиꙗвъшихъ своѥ кръви. Супр. 416, 19; оконмъ кръвемъ проливаемомъ. О кнезу Лазару. Гласникъ XI. сѣкающѣ плъти ихъ ib....

[2]) Въ виду близости языковъ Сербскаго и Словенскаго, если даже не признавать музыкальнаго характера словенскаго ударенія въ настоящее время, мы должны

Итакъ, развитіе польской акцентовки изъ общеславянской я представляю себѣ слѣдующимъ образомъ: прежде всего языкъ сталъ баритонничать и передѣлалъ свои окситонки въ парокситонки. Послѣ того утратилось разнообразіе удареній, такъ что оттянутое удареніе словъ dobrȍta, pȉsać, nȁrûd (серб. добрȍта, пи́сати, на́род) и т. п. ничѣмъ уже не отличалось отъ исконнаго ударенія словъ otȁwa, wȉdzieć, wýchûd (рус. отава = серб. ȍтава, ви́дѣть = серб. ви́дети, вы́ходъ) и т. д. Слившись въ одно, окситонки и парокситонки — многочисленныя и порознь — образовали подавляющее большинство, которому подчинились всѣ остальныя слова.

предположить его для прошедшаго, и притомъ для прошедшаго сравнительно не очень отдаленнаго.

X.

Кашубская акцентовка.

Кашубское нарѣчіе Польскаго языка, подобно языкамъ Юговосточныхъ славянъ, представляетъ *вольную* акцентовку. Только въ Хмѣльнѣ и въ окрестныхъ деревняхъ, на западъ отъ города Картауза, господствуетъ одномѣстное акцентованіе, которое, однако, сходно не съ польскимъ, а съ чешскимъ и съ лужицкимъ [1]). Къ сожалѣнію, извѣстія о кашубской акцентовкѣ довольно скудны.

По словамъ Гильфердинга [2]), главнаго и почти единственнаго нашего руководителя въ этомъ вопросѣ, удареніе у Кашубовъ бываетъ двоякое: *острое* и *протяжное;* иначе говоря, подъ удареніемъ различается долгота и краткость гласныхъ, такъ что кашубская акцентовка, въ качественномъ отношеніи, оказывается *разнородною-количественною* [3]).

Удареніе «острое», вѣроятно, тожественно съ сербскимъ рѣзкимъ, почему я и обозначаю его двойнымъ грависомъ, вмѣсто Гилфердингова акута; другую Гильфердинговскую просодію — угловатый циркумфлексъ, знакъ «протяжнаго» ударенія, — я сохраняю, т. к. не имѣю никакихъ данныхъ для замѣны ея болѣе точнымъ обозначеніемъ. Такимъ образомъ, я для Кашубскаго нарѣчія пользуюсь тѣми же просодіями, какъ для Чешскаго языка, и пишу viȅlgi, jȉdzeta идета, dȍlěna—jêm, gâdac говоритъ, kûznica.

---

[1]) А. Гильфердингъ. Остатки Славянъ на южномъ берегу Балтійскаго моря. Ст. Петербургъ 1862. стр. 86.

[2]) Тамъ же и въ статьѣ О нарѣчіи померанскихъ Словинцевъ и Кашубовъ. Извѣстія Втораго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ. Т. VIII, 53.

[3]) Кажется, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ продуктъ стяженія, слышится неударяемая долгота: такъ, приводимое Гильфердингомъ (И. А. Н. VIII. 54) duóbrô = duóbre'o = duóbrewo, по видимому, слѣдуетъ читать duȏbrō.

Что́ касается *мѣста* ударенія, то Гильфердингъ, кажется, вполнѣ вѣрно замѣчаетъ, что оно всего чаще бываетъ на *третьемъ слогѣ съ конца*[1]), нпр.: puȇdkovac, chȁłupka, puȇkaże, wuczînima, omîlime sa, wod kuȇscoła, czaruȇvnica, gâdają, placzȍcemi wuȇczima, kȍnievu, wȕrodzĕc, buȇżeho, przedȍnewo, viesêlneho, naczczepiônewo и т. д.

Однако, весьма часто ударепіе падаетъ на *предпосльдній слогъ*, напр. poddôni, gedȁli (gadali), przindzȅce, niełȕsy гадкій, неряха, plocînka улей, puedvȍda, przegrâbic, svitânie разсвѣтъ, szekôwny красивый, godânjo, naȕka и т. д. Если принять въ разсчетъ весьма многочисленныя двусложныя баритонки, vêlna, muȅra, człȍviek, lȅdzi, dzȅci, viȅlgi, mâcer, znâję, cîgnie и т. д., и т. д., то можно будетъ сказать, что ударепіе не рѣже приходится на второй слогъ съ конца, чѣмъ на третій.

Слышится также ударепіе на *4 слогѣ*: нпр. jȁnielovie, tȁncovola, zâproszaję приглашаю, guȅspodarzą тв. п., pȍstavili, zâduszele, przȇjacele, stȍlemovie.

Иногда акцентуется даже *5 слогъ*: таково слово wuȅprowadzeła, таковы, по всей вѣроятности, тв. падежи мн. ч. отъ словъ szȅbenica (д. б. — szȅbenica) и przéjacel — szebenicami, przejacelami[2]).

Въ примѣръ акцентованія *6 слога* могу указать на выраженіе wuȅdprowadzeła go.

Кашубское нарѣчіе не чуждается и *окситонности*, хотя не особенно расположено къ ней: сильную къ ней склонность имѣютъ лишь двусложныя прилагательныя, каковы нпр. busznî, -ô, -ê гордый, belnî силный, бодрый, способный, brzĕdkî злой, гадкій, bledî блѣдный, calî, cęzkî, cemnî, cèzî, cviardî, dlegî, drogî, dzĕvî дикій, grĕbî (grebî?) толстый, gęstî, guerszkî, chłodnî, chuerî, (ж. р. chuerô, и chuerô?), chrumî, chutkî быстрый, krzevî, letkî легкій, lĕchî худой, поджарый, łĕsî, malî kab., miałkî мн. ч. крошки, mitkî мягкій, смирный, miodnî сладкій, mocnî, novî, nagî, prostî, sètî жирный, slepî, slabî, slednî послѣдній, sĕchî, tępî, trzecî, vĕszî вышій, żołtî[3]). Не слѣдуетъ, однако, думать, чтобы всѣ двусложныя прилагательныя произносились такимъ образомъ: не мало и баритонокъ, какъ duȍbri, viȅlgi, buȅżi и др.

---

[1]) И. А. Н. VIII, 53.

[2]) Przȇjacelami, przȇjacel или przȅjacelami, przȅjacel? Кажется и то́ и другое: у Гильфердинга мы въ одномъ мѣстѣ читаемъ przêjacele, въ другомъ — przȅjacele.

[3]) Странно, что окончанія i, o, e, хотя и не всегда, оказываются краткими. Или Гилфердинговъ акутъ въ этомъ случаѣ служитъ знакомъ не рѣзкаго ударенія, а ударенія вообще?

Съ другой стороны, наконечная акцентовка встрѣчается и у трехсложныхъ: lebavî лѣнивый, postavnî красивый, umiarlî умершій, drzevenî деревянный, złoconi: stółki złoconê.

Существительныя и глаголы также могутъ имѣть удареніе на конечномъ слогѣ, нпр. ceniô тѣнь, komniô родъ сѣти для ловли лещей, suszô каб. суша, dredzá ржавчина, dreżẽnj сердцевина въ деревѣ, pikôn родъ рыбы, bądûc, jidûc дѣепр., jidzẽ! czinì! cẽgnì! upilâc подстеречь, dreżẽc дрожать, przejîc принять, zapoczîc начать, na vozû, v żarkû въ гробу, v gnojû, v czasâch, za deszô, s tebô, z wuevcmî.

Особый разрядъ составляютъ существительныя на k и на c (= ѧкъ, ѧцѧ): они — впрочемъ, кажется, не всѣ — полагаютъ удареніе на тотъ же слогъ, какъ соотвѣтствующія польскія слова, но въ имен. падежѣ этотъ слогъ, вслѣдствіе обезсло́женія наставки, оказывается послѣднимъ. Таковы bracészk = поль. braciszek, budink = budynek, przepódk = przypádek, vębòrk = wębórek, tepôrk = topórek, zadátk = zadátek, niedowiárk = niedowiárek, grobôvc = grobóviec, guescinc = gościniec, Krolévc = Krûlewiec, rożánc = rûżániec, vẽgnánc = wygnániec[1]). — Подобное же явленіе представляютъ формы przegnâ', kazâ', viedzâ', = przegnała, kazała, wiedzała (ж. р. и двойств. ч. м. р.).

Хотя, такимъ образомъ, Кашубское нарѣчіе вовсе не баритонничаетъ, но удареніе въ немъ можетъ отстоять довольно далеко отъ конца слова и вообще болѣе тяготѣетъ къ началу: кажется, можно даже сказать, что оно чаще всего приходится на *начальный* слогъ. Если это вѣрно, то одномѣстная акцентовка Хмѣленскаго говора легко объясняется возведеніемъ преобладающаго выговора въ общій законъ.

Въ нѣкоторыхъ словахъ *удареніе не имѣетъ опредѣленнаго мѣста*, а колеблется между двумя слогами: произносятъ нпр. wuéna и onâ, wuéni и onî, trẽgi и tregì назадъ (серб. натраг), kòrzenie и korzẽnie, drẽgi и drẽgî, czâsni и czasnŷ медленный, łónski и łonskî, naûka и nâuka, jesôter и jâsoter, ustânie и ûstanie, karpûza (кабат.) и kàrpuza (словин.) большая мѣховая шапка, wuczẽnîło и uczìnilo.

Кашубскому нарѣчію не чужда *гибкость* словъ: по показанію Гильфердинга «въ склоненіяхъ и спряженіяхъ удареніе часто перемѣщается, и перемѣщеніе это употребляется, гдѣ нужно, для различенія сходныхъ формъ».

---

[1]) Слова, отмѣченныя отвѣсною просодіею, по большей части взяты у Флоріана Цейновы (Сборникъ основныхъ словъ Кашубскаго нарѣчія. И. И. А. Н. Матерьялы для словаря и грамматики Т. V, 258), который не отмѣчаетъ качественныхъ различій ударенія.

Гильфердингъ приводитъ слѣдующіе примѣры такого перемѣщенія: jâjo яйцо, pol jajô пол-яйца, v jajû въ яйцѣ, jâja яйца, jôj яицъ, na jajêch на яйцахъ; dôm (duõm, dõm), dôma, v domû, dũmy = дóмы, s dumô съ домовъ, ve dumâch; pãnka рукá, pãnkaj или pãnko рýку, ranką̃, ranką̃, ranką̃ рукóю [1]); żołtĩ kviãti, s temi żołtî kviatî; lẽdzi или lẽdze лю́ди, ledzî людéй; dzẽzi дѣти, dzecî дѣтéй; viẽlgi człowiek, vielgî lẽdze; biẽrze берéтъ, biẽrzece берéте — bierzẽ берй, bierzẽce берйте, przĩndzece придéте — przindzẽce придйте [2]). Въ дополненіе къ этому, я указалъ бы на слова pajiczina — z pajẽczẽnẽ, тв. pajiczĩną, robota — rõbotą, co za robuẽta, pierzẽna — na piêrzẽnie, s tą pierzẽną, которыя встрѣчаются въ напечатанныхъ Гильфердингомъ же образцахъ Кашубскаго нарѣчія; но сомнительно, имѣемъ ли мы тутъ дѣло съ гибкостью, или же съ неустановленностью ударенія: быть можетъ, у этихъ словъ двоякая акцентовка проходитъ по всѣмъ падежамъ.

Сильно развито въ Кашубскомъ нарѣчіи *прислоненіе*: предлогъ почти всегда перехватываетъ удареніе у имени, нпр. nã dumie, duõ dom домой, duõ piekła, duõ pana ksondza, dõ niewo, dô konca, dô lasa, nâ nogi, nâ konia, nâ nivach, nâ ogniszczu, nâ jezero, nâ puel kope lat, nâ voz, nâ piers czẽlẽ nâ gąbą, nã vieki, vẽ vieczerze, vẽ vieczor, vẽ dvierzach, uẽb zimą, puẽ morze, puẽ vuedze, przẽd pana, przẽ szlachtarza, przẽz puele, sẽ sviata, zã ręką, zã zajcą, zã viodrą по погодѣ, zâ rząd за суслонъ, zâ wuegon, õt vieka, wõ wuebrok, dlô nieho. Насколько можно судить по этимъ и подобнымъ имъ примѣрамъ, удареніе имени изчезаетъ лишь тогда, когда оно было на начальномъ слогѣ: мы находимъ нпр. выговоръ za dẽszô, za tobô, na vozû. Впрочемъ, указанному условію — какъ отмѣчено уже выше — удовлетворяетъ бóльшая часть кашубскихъ словъ. Случаевъ сохраненія акцента на начальномъ слогѣ имени я нашелъ весьма немного: na mâc, na szêpra, na łûżku, na pãmiątką, wod kuẽscoła.

Какъ имя къ предлогу, такъ глаголъ прислоняется къ отрицанію: niẽ poznał, niẽ zọdoł, niẽ bẽli, niẽ przeszła, niẽ slẽchała, niẽ przenios, nî mogła, niẽ uczinią не сдѣлаю, ja niẽ pudą, nî mom, jo nî mogą, niẽ pumogą не помогутъ. Рядомъ съ этимъ мы читаемъ ni moglâ, nie bẽlâ bi. Глаголъ можетъ прислониться и къ мѣстоименію: jõ budą, jô pujdą; но jo vrôdą я примѣчаю, ja pũmogą.

Итакъ, законъ прислоненія мнѣ представляется въ слѣдующемъ видѣ: имена и глаголы съ наначальнымъ удареніемъ передаютъ его предлогу или отрицанію, иногда и предшествующему имъ личному мѣстоименію. Это,

---

[1]) Остатки Славянъ на южномъ берегу Балтійскаго моря, стр. 86, § 11.

[2]) Тамъ же.

если не ошибаюсь, будетъ болѣе точное выраженіе Гильфердингова правила, по которому «при сочетаніи односложнаго слова (предлога или мѣстоименія) съ двусложнымъ, ударепіе почти всегда переходитъ на первое» [1]).

Говорятъ ли указанныя данныя о кашубской акцентовкѣ въ пользу проводимой въ настоящемъ сочиненіи теоріи? Мнѣ кажется — да: мы видимъ цѣлый рядъ словъ, ударяющихъ на тотъ же слогъ, какъ русскія и чакавскія, напр. pol jajô (серб. jáje), v domû (рус. въ дому́, серб. у до̀му), ledzî (рус. людей, серб. љу́ди; им. lẽdze = рус. лю́ди, серб. љу́ди), bierzẽ! (рус. бери́, серб. бѐри), raǫkâǫ̃ (рус. руко́ю, серб. ру́ко̄м), .zemьõǫ̃ (рус. земле́ю, серб. зѐмљо̄м), vczerô (рус. вчера́, серб. вечѐрас), za dĕszô (рус. за душо́ю, серб. за ду́шо̄м), kropiélnica (рус. кропи́льница).

Правда однако, что въ цѣлой массѣ реченій мы должны допустить *оттяжку:* rãǫka (рус. рука́, серб. ру́ка), jâjo (серб. јáје), bierze (рус. бере́тъ, серб. бѐрē Маж. и бе̏рē Кар., слов. bére), pòstavili (рус. поста́вили, серб. по̀ставили), mãlĕna (рус. мали́на, серб. ма̀лина), mêdzviedz (рус. медвѣдь, серб. мѐдвед, слов. médved, medvéda), grômada (рус. грома́да, слов. gъrmáda), guẽnitwa охота (рус. гони́тва, слов. gωnîtva). — Есть также слова въ которыхъ удареніе не на одинъ слогъ ближе къ началу, чѣмъ у Русскихъ и Чакавцевъ, а на два и даже на три: rãǫkavica (рус. рукави́ца, серб. рука̀вица), vrzẽceno (рус. веретено́, серб. вретѐно), przẽkorac (рус. перекопа́ть, серб. прекѐопати), puẽdkovac (рус. подкова́ть, серб. потко̀вати), uẽżenił sę (рус. (о)жени́лся, серб. ожѐнио се), nãzyvali (рус. называ́ли), wũrodzeło są (рус. роди́лось, серб. уро̀дило се), ũczinił (рус. учини́лъ, серб. учи̏нио), guẽspodarza род. п. (рус. господаря́, серб. господа́ра). Слѣдуетъ обратить вниманіе на то́, что бо́льшая часть словъ этого рода — предложныя, которыя легко могли подойти подъ аналогію многочисленныхъ словъ съ напредложнымъ удареніемъ: nãzyvali, ũczinił, какъ vẽdostale (*вы̀достали), pòstavili (= *pòstavili, серб. по̀ставили, рус. поста́вили), pòviesił (рус. повѣсилъ).

Есть также два-три слова, въ коихъ можно говорить о *выдвижкѣ*: palẽca словин. (каб. — pâlca, рус. па́лица, серб. па̏лица), vẽjâchac = вы̀ѣхать, nie placzïce! (рус. не пла́чьте, серб. не пла̏чите). Разумѣется, для этихъ словъ не слѣдуетъ строить особаго звукового закона: выговоръ vẽjâchac (рядомъ съ которымъ, по всей вѣроятности, слышится и vẽjachac), должно быть, объясняется подобнымъ же колебаніемъ ударенія у другихъ

---

[1]) Двусложность имени или глагола, на которую указываетъ Гильфердингъ, какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ, тутъ ни при чемъ: и односложныя и трехсложныя — должно быть, также четырехсложныя и пятисложныя — реченія могутъ стать энклитичными.

глаголовъ; pŕaczi̇̀ce произносится такъ по аналогіи biérzȅce!; palèca вм. pâlëca могло явиться въ подражаніе акцентовкѣ paûka, стоящей рядомъ съ nâuka.

Принимая въ соображеніе все сказанное въ настоящей главѣ, нельзя, кажется, не признать, что кашубская акцентовка могла развиться изъ русско-чакавской, путемъ непослѣдовательно проведенной оттяжки, т. е. такимъ же образомъ, какъ акцентовка словенская: подобно Словенцамъ, и Кашубы постоянно колеблются между акцентованіемъ чакавскимъ и штокавскимъ. Полагаю, что мы имѣемъ полное право, пока не будетъ доказано противное, считать и здѣсь первое основнымъ, первичнымъ, второе—позднѣйшимъ, хотя въ самомъ Кашубскомъ нарѣчіи я не нахожу доказательствъ исконности одного выговора и неисконности другого.

Можно бъ было предположить, что кашубская рѣчь, подобно словенской, сохраняетъ память о старинной акцентовкѣ, въ видѣ окраски вторично ударяемыхъ гласныхъ. Къ сожалѣнію ни Цейнова, ни Гильфердингъ не отмѣчаютъ съ достаточною точностью звуковыя оттѣнки, и только Срезневскій вскользь упоминаетъ о троякомъ е (a͡e, ее и е) и троякомъ о (å, оо и о)[1]). Знакъ a͡e вѣроятно соотвѣтствуетъ Гильфердингову ĕ (искаженію звуковъ ы, оу, и), å — Стремлерову[2]) á (народно-польскому á, *a* pochylone), а подъ ее и оо, кажется, можно подразумѣвать только Метелкины ɛ и o, между тѣмъ какъ простыя е и о будутъ равны его е и ω. Но являются ли въ самомъ дѣлѣ ее и оо (ɛ и o) въ слогахъ искони ударяемыхъ, е и о — во вторичноударныхъ, на этотъ вопросъ мои источники не даютъ отвѣта.

---

[1]) Памятники и образцы народнаго языка и словесности. Листъ VI, ст. 96.

[2]) Стремлеръ. П. Фонетика Кашебскаго языка. Перепечатано изъ «Филологическихъ Записокъ». Воронежъ 1874.

XI.

Полабская акцентовка.

Прежде чѣмъ приступить къ разбору полабской акцентовки, мнѣ нужно объяснить свой способъ передачи полабскихъ звуковъ. Правописаніе мое, въ сущности, тожественно съ правописаніемъ Шлейхера, грамматика котораго служила главнымъ пособіемъ при разработкѣ этой части моего изслѣдованія: только въ виду типографическаго удобства я его усложненную всевозможными значками латыницу замѣнилъ письмомъ, основаннымъ на русскомъ и на сербскомъ [1]).

Вмѣсто Шлейхерова å, пишу ту же омегу (ω), которою я, по примѣру Метелки, пользовался уже въ Словенскомъ языкѣ, для выраженія звука *о*, склоняющагося въ сторону *а*. Ö и *ü* замѣнены у меня черезъ *э* и *ю*. Вмѣсто é, которое имѣетъ болѣе этимологическое, чѣмъ фонетическое значеніе, я подставляю соотвѣтствующую ему букву *ѣ* [2]). Для ä, ė, ı̊, ų̊, т. е. для неударяемыхъ ѣ, е, и, ы, мнѣ казалось излишнимъ придумывать особые знаки: буду писать ѣ, е, и, ы и только напомню читателю, что эти звуки, какъ видно изъ памятниковъ, произносились весьма неясно, и что, по всей вѣроятности, три послѣднія буквы, а, можетъ быть, и всѣ четыре, ничѣмъ не

---

[1]) Печатая свой трудъ въ типографіи Академіи Наукъ, я могъ бы конечно пользоваться тѣми же буквами, которыми печаталось сочиненіе самого Шлейхера, но въ такомъ случаѣ мнѣ пришлось бы обозначать полабское удареніе акутомъ, что́ несогласно съ принятою у меня системою.

[2]) Мнѣ думается, что Шлейхеръ совсѣмъ понапрасну придумалъ особый знакъ для сжатаго е = ѣ: судя по частому появленію і вмѣсто е (rîtze, pîtze, stipîn = рѣчета, пѣчета, степена и т. д.), мы, кажется, должны предполагать, что и замѣнитель первоначальнаго є могъ звучать сжато. Поэтому я и выбралъ для передачи Шлейхерова ё букву ѣ, а не ε, рядомъ съ которымъ буква е казалась бы знакомъ широкаго е.

отличаются другъ отъ друга и должны считаться различными знаками для одного и того же звука. Тонкій выговоръ согласныхъ обозначаю *еремъ*, который есть точно такой же діакритическій знакъ, какъ употребляемая обыкновенно въ научныхъ трансскрипціяхъ черточка, только что онъ пишется въ строку, а не надъ строкою. Во второй части двугласныхъ я пишу *й*, что́ не только привычнѣе для русскаго глаза, но и соотвѣтствуетъ физіологическому характеру этихъ звуковъ; въ видахъ послѣдовательности, пишу въ такомъ соединеніи и ў. Носовой пазвукъ я, вмѣсто португальскаго витого циркумфлекса, выражаю буквою ѧ. На основаніи изложенныхъ правилъ, Шлейхеровскія начертанія dör = дворъ, vûgîn = огонь, pâs = песъ, vâucka = *влъѵька, veuchŭ = ухо, nëmâc, vâ nüsä = въ носѣ, mârė = марета, śōtī = сватии, vâirўt = вырыть, pāt = пать, büzā = *божа, rüjā sā = роятся принимаютъ у меня слѣдующій видъ: дэр, вюгьйн, пьос, вѡўцка, веўхьѡ́, пѣмѡц, вѡ нюсѣ, мѡ́ре, сьѡ́нти, вѡ́йрыт, пант, бюзан, рюјан сан. Единственное дѣйствительное отступленіе отъ Шлейхеровой грамматики есть замѣна дифонга ai черезъ *ей*: самъ Шлейхеръ признается, что въ памятникахъ обыкновенно пишется не ai, au, а ei, eu, но объявляетъ такое написаніе неточнымъ — Нѣмцы, говоритъ онъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстныхъ говоровъ, не знаютъ двугласнаго ei, и записыватели, употребивъ эти двѣ буквы, очевидно хотѣли обозначить обыкновенный выговоръ ихъ въ Нѣмецкомъ языкѣ, т. е. ai. Это замѣчаніе Шлейхера столь же справедливо, какъ и то́, будто у Нѣмцевъ нѣтъ звука з [1]): Нѣмцы не только не чуждаются двугласнаго ei, но, напротивъ того, почти нигдѣ и никогда не произносятъ ai, а только пишутъ его въ нѣкоторыхъ словахъ [2]). Поэтому я, со своей стороны, вполнѣ убѣжденъ, что начертанія ai, au въ полабскихъ памятникахъ имѣютъ точно такое же значеніе, какъ въ нѣмецкомъ словѣ Saite струна, которое въ произношеніи ничѣмъ не отличается отъ слова Seite страница. Итакъ, вмѣсто Шлейхеровыхъ rüdzâi = рози, vainâića = винаница, laipó = липа, paivú = пиво, я пишу рюдзэ́й, вейнэ́йцьа, лейпо́, пейвю́.

---

[1]) Z ist dem deutschen fremd, es ist das slavische oder französische z, d. h. ein mediales s, ein s mit ton. Schleicher. Litauische Grammatik. S. 22. Въ дѣйствительности, выговоръ sēr, sa͡chъ, sōnъ, вм. zēr, za͡chъ, zōnъ (sehr, Sache, Sonne) есть южнонѣмецкій идіотизмъ—можетъ быть, весьма распространенный? ср. Schleicher. Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung. B. IV, S. 336.

[2]) Нѣмецкое ei, впрочемъ, не равно русскому эй (сжатому e + ½ i), а представляетъ широкое e + ½ i. въ Брюккевской транскрипціи, смотря по мѣсту и по лицу, это e есть или e^{a} или a^{e}. E. Brücke. Grundzüge der Lautphysiologie. S. 34.

Условившись, такимъ образомъ, на счетъ правописанія, обратимся къ самому вопросу о полабскомъ акцентованіи. Свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ объ этомъ предметѣ, отличаются, къ сожалѣнію, нѣкоторою отрывочностью: особенно объ измѣненіи акцентовки по падежамъ, числамъ и лицамъ намъ извѣстно чрезвычайно мало — самыя таблицы склоненій и спряженій весьма часто, вмѣсто какого-нибудь падежа или лица, представляютъ вопросительный знакъ. Впрочемъ, сѣтовать на записывателей мы не имѣемъ никакого права; напротивъ того, мы имъ должны быть благодарны за то, что они доставили намъ хоть нѣкоторыя, даже довольно многочисленныя, указанія на мѣсто полабскаго ударенія.

Указанія эти суть или прямыя, т. е. иногда просто отмѣчено ударепіе (акутомъ, грависомъ или циркумфлексомъ), что́ чаще другихъ источниковъ встрѣчается у Геннига (Hennig) и Пфеффингера [1]), или—косвенныя, состоящія въ сильномъ искаженіи одного изъ гласныхъ двусложнаго реченія, искаженіи, которое свидѣтельствуетъ о безударности этого гласнаго и слѣдовательно объ ударяемости другого: изъ начертаній sumba = зжвы, runke = ржкы род. п., nüdige = ногы род. п. прямо слѣдуетъ, что ударепіе въ нихъ приходилось на начальный слогъ, почему Шлейхеръ и пишетъ зо̨нбы, ро̨нкьы, нюгьы. Указаніе на мѣсто ударенія можно видѣть и въ удвоеніи гласной буквы, или слѣдующей за нею согласной, а также въ прибавкѣ къ ней буквы h. Впрочемъ, послѣдніе критеріи далеко не надежны: удвоеніе гласной и появленіе h, скорѣе всего, указываютъ не на ударепіе, а на дѣйствительную, или воображаемую записывателемъ долготу. Удвоеніе же согласныхъ, быть можетъ, должно выражать свойственный славянскимъ языкамъ болѣе рѣзкій и гортанный выговоръ согласныхъ: встрѣчаются начертанія biggó, dibbré = бюго́, дюбре́, съ удвоеніемъ согласнаго въ неударяемомъ слогѣ [2]).

Желая придать своему экскурсу какъ можно бо́льшую достовѣрность,

---

[1]) A. Schleicher. Laut und Formenlehre der Polabischen Sprache, S. 11.

[2]) Такимъ образомъ, Пфуль (Časop. Tow. Mać. Serb. 1863, str. 44, 45 a 48) напрасно выводитъ изъ написаній wattuem nibisjeu = въ твоемъ *небесю, wattuje emmerize = въ твое(мъ) Himmelreich'ѣ, noossime = на землѣ, что въ предложныхъ сочетаніяхъ ударепіе приходилось на предлогъ. Ясно свидѣтельствуетъ противъ Пфуля одинъ изъ отмѣченныхъ имъ же примѣровъ (str. 46) wittige goidac (вют тюг хьеўдаг = отъ того хоудаго: еслибъ удвоенное начертаніе согласнаго звука указывало на ударяемость предшествующаго гласнаго, то въ этомъ примѣрѣ ударепіе было бы одновременно и на предлогѣ и на мѣстоименіи. Не утверждаю, чтобы Полабцы не знали прислоненія, но слѣдовъ его въ памятникахъ не нахожу.

я принялъ въ него почти исключительно такія слова, акцентовка которыхъ отмѣчена въ памятникахъ; когда же привожу слова акцентованныя Шлейхеромъ на основаніи косвенныхъ указаній или по аналогіи, то въ скобкахъ прибавляю написаніе памятниковъ. Вообще, я постоянно имѣлъ въ виду не одну трансскрипцію Шлейхера, но и правописаніе записывателей.

Шлейхеръ, гдѣ только могъ, отмѣтилъ удареніе приводимыхъ имъ словъ, но вопроса объ акцентовкѣ Полабскаго языка касается только вскользь: онъ замѣчаетъ, что не могъ подмѣтить общаго принципа, руководящаго удареніемъ, другими словами, что полабская акцентовка, по моей терминологіи, есть *вольно-разномѣстная*[1]). Подробнѣе Шлейхера говоритъ объ этомъ вопросѣ *Пфуль*, который въ полабской акцентовкѣ усмотрѣлъ слѣдующіе «законы»:

1. Удареніе, первоначальное мѣсто котораго есть на первомъ слогѣ (съ начала), обыкновенно «переносится» на предпослѣдній.

2. Когда слово соединяется съ предлогомъ, кончающимся на гласный, удареніе переходитъ на предлогъ, но при согласномъ окончаніи предлога оно остается на мѣстѣ.

3. Сильный (т. е. долгій) коренной слогъ[2]) не пускаетъ съ себя ударенія, развѣ что его одолѣетъ другой, еще болѣе сильный слогъ.

4. Въ словахъ со стершимся окончаніемъ удареніе или остается на томъ же слогѣ, который прежде былъ предконечнымъ, а потомъ сталъ конечнымъ, или же возвращается, въ трехсложныхъ словахъ, на свое исконное мѣсто, на начальный слогъ[3]).

Вся эта теорія основана на предвзятомъ мнѣніи объ исконности наначальной акцентовки и о склонности языковъ акцентовать долгіе слоги. Доказательствъ Пфуль не представилъ почти никакихъ: на свои «законы» онъ приводитъ по два, по три, много по пяти примѣровъ, которые нерѣдко даже акцентуетъ по собственнымъ соображеніямъ[4]); данныя очевидно противорѣчащія его теоріи онъ произвольно перетолковываетъ: такъ въ нѣкоторыхъ словахъ, конечный слогъ которыхъ у записывателей прямо отмѣченъ просодіею (акутомъ, или грависомъ), онъ эти просодіи объявляетъ знаками долготы и краткости[5]).

---

[1]) Schleicher. l. c. S. 22. § 2.

[2]) Который въ простомъ словѣ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и начальный.

[3]) Časopis Towařstwa Maćicy Serbskeje 1863, str. 76, § 15.

[4]) Тамъ же §§ 11—14, str. 69—76. Мнѣніе свое о полабской акцентовкѣ Пфуль вкратцѣ повторилъ въ статьѣ Bemerkungen über die Sprache der lüneburger Polaben. Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung. B. V, S. 200.

[5]) Časop. Tow. Mać. Serb. 1863, str. 64, č. 97.

Оставлю, значитъ, въ сторонѣ Пфулеву теорію и обращусь къ обзору дошедшихъ до насъ положительныхъ данныхъ о полабской акцентовкѣ.

О *качествѣ* полабскаго ударенія не имѣется никакихъ свѣдѣній — вопросъ еще, существовало ли въ Полабскомъ языкѣ количество [1]). По этой причинѣ, я буду говорить только о мѣстѣ полабскаго ударенія и буду употреблять только одну просодію — отвѣсъ.

Въ силу убѣжденія, вынесеннаго изъ предшествующей работы по другимъ нарѣчіямъ, которое, смѣю надѣятся, не назовутъ предубѣжденіемъ, я прямо начинаю съ вопроса: въ какомъ отношеніи полабская акцентовка находится къ праславянской, или, что̀ то же самое, къ русско-чакавской?

Въ цѣломъ рядѣ словъ мы находимъ акцентовку сходную съ русско-чакавскою: кьюза рус. ко́жа, серб. ко̀жа; по́лѡц рус. па́лецъ, серб. па̏лац, кьюбѡла рус. кобы́ла, серб. ко̀била; пьѡсе́й рус. псы, серб. пси̏, пѡсене́йцьа рус. пшени́ца, серб. ше̏ница; крѡ́йје рус. кро́етъ, серб. кри̏је̄; йо́лѡва рус. я́ловая, серб. йа̏лова̄; вюбьо́д (завтракъ) рус. обѣ́дъ, серб. о̀бед; вюклю́п серб. о̀клоп; кьютѡ́л рус. коте́лъ, серб. ко̀тао, еўбюде́н серб. убо̀ден; пюгребе́н рус. погребе́пъ, серб. погрѐбен; сребрю́ рус. серебро́, серб. срѐбро; седлю́, рус. седло́, серб. сѐдло; весло́ рус. весло́, серб. вѐсло, вѡкню́ рус. окно́, серб. о̀кно, пюзе́ рус. ножи́, серб. но́жеви: но̀ж но́жа; вюне́й рус. они́, серб. о̀ни; вѡл, вин. вѡло́ рус. волъ, вола́, серб. во̀, во̀ла.

Однако, въ весьма многихъ словахъ приходится допустить *оттяжку:* гри́бют рус. хребе́тъ, серб. хрбат [2]); мѣсѡк мѣшо́къ; пьо́сѡк рус. песо́къ, серб. пе́сак; пѡти́нѡц, мн. ч. пѡти́нци птене́цъ; кьюнѡц рус. коне́цъ, серб. ко̀нац; кьэ́рѡц ру́с. коре́цъ ковшъ, ст. хлѣбная мѣра, слов. kǫ́gъs; йе́ўнѡц бычокъ рус. юне́цъ, серб. ју́нац; вѡгард садъ (рядомъ съ вѡго́рд) рус. огоро́дъ; пе́рю рус. перо́, серб. пѐро, йо́ндрю рус. ядро́, серб. јѐдро парусъ; клѡне рус. клянетъ, серб. ку̀не̄; де́ре рус. дере́тъ, слов. dére, впрочемъ посербски дѣ̀ре̄; пе́ре рус. претъ, ст. пере́тъ, слов. ре́ге, впр. по-сербки пѣ̀ре̄; ри́це рус. (церк.) рече́тъ, слов. ré̋če, серб. рѐче̄ (рядомъ съ рѐче̄) [3]); пи́це рус. пече́тъ, серб. пѐче̄; ти́це тече́тъ, тѐче̄; дю́ји (düe) дои́тъ, до̀јӣ; нюсит (nusset) носи́ть, но̀сити; вю́бит (wibbit, wibbet) оби́ть, о̀бити; си́кьѡрья се̏ки́ра, сѐкира; ри̏бе (рядомъ съ тебе́) тебя́, тѐбе; си́бе себя́, сѐбе. Двусложныя имена женскаго рода постоянно подвергаются оттяжкѣ: гьо́ра (tjöra, työra, tschiöra, jöhr) рус. гора́, серб. го̀ра; ме́тла метла́, мѐтла; зе́на жена́,

---

[1]) Schleicher, l. c., S. 23, § 3.

[2]) Хърбат, хърпта: родительный падежъ хъ̀рпта, рядомъ съ хърбата, который мы читаемъ у Караджича, очевидно опечатка.

[3]) См. у Даничича. Rad. VI, str. 55. См. также выше, гл. V, стр. 142.

жѐна, се́стра сестра́, сѐстра; стѡ́дзьа стезя́, ста̀за; кью́са коса́, кòса; кьюпа копа́, кòпа; рю́са роса́, рòса; кью̀за коза́, кòза; ню́га нога́, нòга; хо́рна пища болг. храна́, серб. хра́на; глѡ́ва рус. голова́, серб. гла́ва; вѡ́да вода́, вòда; вѡ́са оса́, òса; ро́ңка рука́, ру́ка; зе́йма зима́, зи́ма. Также на счетъ словъ въ родѣ брюда (bröda, breda) подбородокъ рус. борода́, серб. бра́да; смюла (smüla, smila, smela) смола́, смо̀ла; зимьа (simia, simea) земля́, зѐмьа; вюцьа (witzia, wjtzia, wyzja, wucia, wüzia) овца́, о́вца; стюпа (stüppa, stipa) стопа́ сто̀па едва-ли можно сомнѣваться, что они полагали удареніе на корень, а не на окончаніе, т. к. въ памятникахъ буква а, равная общеславянскому а, почти никогда не имѣетъ на себѣ просодіи: подъ просодіею, вмѣсто общеславянскаго *а*, является *о*[1]). Поэтому Шлейхеръ, какъ я полагаю, имѣлъ достаточное основаніе акцентовать приведенныя слова брю́да, смю́ла, зи́мьа, вю́цьа, сто́па.

Особенно сильно въ Полабскомъ языкѣ развита *выдвижка* — мы въ немъ находимъ формы: пюпе́л—поль. porій, чеш. popel, рус. пе́пелъ, серб. пе̏пео (слов. perêl); гребѝн рус. гре́бень, серб. гре̏бе̄н, (слов. grebên); кьэри́н ко́рень, ко̀рѣн (слов. kœrên); степи́н сте́пень, (слов. stepên); јоси́н я́сень, ја̀сѣн (слов. [бохин.] jesɛn); гьюло̀ңб го́лубь, го̀лӯб (gœlôb); клѡкью́л ко́локолъ; плоко́л пла́калъ, пла̀као; мотѐрин ма́теринъ, ма̀терин; мотѐй рус. (церк.) ма́ти, серб. ма̀ти; двѡрѡ́й две́ри; кьюсте́й рус. ко́сти, серб. ко̀сти (слов. kœstî); вюце́й о́чи, о̀чи (слов. œčî, болг. очи́ и о́чи); веўсе́й у́ши, у̀ши (слов. ušî, болг. уши́); кѡмѡ́й ка́мень, ка̀ми (обыкн. ка̀мѣн); но мѡре́й = на море рус. мо́ре, серб. мо̀ре (слов. mœrjê, болг. море́); льеўди́ лю́ди, льӯди (слов. ljudjê); рѡма̏ң рус. (церк.) ра́мо, серб. ра̀ме; Бюг, род. Бюго́, сѡ Бюгѡ́м, мн. ч. бюдзе́й Богъ, Бо́га, Бо̀г, Бо̀га (слов. Bôg, Bœgâ); сѡр, род. сѡро́ сыръ, сы́ра, сӣр, сӣра; прид гордѡ́м—го́родъ, го́рода, гра̀д, гра̀да (слов. grâd, gradû); вейне́йцьа виноградная лоза рус. ви́нница винокурня; церкве́йцьа (tzarkweitzïa, vvackaarst tserk Weitse) цѣ̀рквица; мѡлне́йцьа ме́льница; јеўзе́йна, јеўзе́йньа рус. (мѣст.) у́жина, серб. у̀жина. Выдвижка замѣчается также въ цѣ́ломъ рядѣ двусложныхъ баритонокъ средняго рода: небю́ не́бо, нѐбо (слов. nebô, болг. небе́); вѡкью́ о́ко, о̀ко (слов. œkô, болг. око́); веўхью́ у́хо, у̀хо (слов. uchô, болг. ухо́); ведрю́ рус. ве́дро, серб. вѐдро ср. р. прилаг.; пюлью́ по́ле, по̀ле (слов. pœljê, болг. поле́); кьюлю́ серб. ко̀ло (слов. kœlô); маңсю́ мя́со, мѐсо (слов. mesô); льотю́ (годъ) ле́то, лѐто; слювю́ сло́во, сло̀во, (слов. slœvô, болг. слово́); прюсю́ про́со, про̀со (слов. prœsô); пейвю́ пи́во, пѝво; зейтю́, род. зейто́ жи́то, жѝто;

[1]) Исключеніе составляютъ двѣ формы превосходной степени: на̀долѣй (nádolech) и на̀бест (nábest) да еще ба̀ба бабушка и ста̀рна (starna, stârna) сторона.

дьолю́, род. дьоло́ дѐло, дѐло; тьостю́ тѣ́сто, тѣ̂сто (слов. testô, болг. тесто́)[1]). Сюда же относятся и нарѣ́чія (прилагательныя), какъ нейскью́ ни́зко, ни́ско; пюздню́ по́здно, по́зно; зимню́ (холодно) зи́мно, зи́мно; льеўбю́ лю́бо[2]).

Большей части перечисленныхъ только-что словъ въ Словенскомъ языкѣ (иногда и въ Болгарскомъ) соотвѣтствуютъ слова съ выдвинутымъ же удареніемъ; но у Полабцевъ выдвижка захватываетъ еще и такія реченія, которыя у Болгаръ сохраняютъ исконную акцентовку, а у Словенцевъ баритонничаютъ и обыкновенно оттягиваютъ наконечное ударе́ніе, но никогда не выдвигаютъ наначальнаго. Я разумѣю имена женскаго рода на *a*: бобо́ рус. ба́ба, серб. ба̏ба; зобо́ (лягушка) жа́ба, жа̏ба; корво́ коро́ва, кра̏ва; роно́ ра́на, ра̏на; рωйбо́ ры́ба, ри̏ба; јомо́ я́ма, ја̏ма; вωўно́ во́лна, вў̏на; вейдло́й ви́лы, ви̏ле; глейно́, вин. глейно́ѫ гли́на, гљи̏ла[2]); гнейдо́й мн. ч. гни́да, гљи̏да; гроблώй гра́бли, гра̏бље; лейпо́ ли́па, ли̏па; мьоро́ мѣ́ра, мѣ̏ра; поро́ [1) = н. луж. para болото 2) пометъ] па́ра (и пара́), па̏ра; рюзго́ ро́зга, ро̏зга; рѣпо́ рѣ́па, рѣ̏па; тоԓдо́ ту́ча, ту̏ча; вωйјо́ вы́я; сворко́ соро́ка, сврȁка; стоԓпо́ сту́па, сту̏па; стьеўко́ щу́ка, шту̏ка[3]).

Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что въ двусложныхъ именахъ на *a* Полабцы постоянно уклоняются отъ русскочакавскаго акцентованія: гдѣ ударе́ніе первоначально падало на конечный слогъ, они его оттянули, гдѣ на начальный — выдвинули[4]). Двусложныя на *o* (по-полабски на *ю*) столь же послѣдовательно подверглись выдвижкѣ[5]), но мало склонны къ оттяжкѣ,

---

[1]) Подобную же акцентовку представляетъ трехсложное слово зельозю́ = желѣзо, жѐлезо.

[2]) Не привожу соотвѣтственныхъ словенскихъ формъ, потомучто у Словенцевъ всѣ двусложныя прилагательныя въ среднемъ родѣ имѣютъ двоякій выговоръ: mȉlω и milô, zvestω и zvestô и т. д.

[3]) Та́къ, безъ сомнѣнія, произносились и слова ворно ворóна, вра̏на и сеўко (непотребная женщина) су́ка, которыя въ памятникахъ пишутся vornò, vôrnò, wôrno; sauko, zâuko.

[4]) Исключеніе представляютъ только слова вю́льа (willja, wi̯llya) = во́ля, во̏ља; кьюза = ко́жа, ко̏жа и уменьшительныя на *ка*: глωвка голо́вка, гьэ́рка (työrka, tgôrka) го́рка; дѣвка (дѣвушка, дочь); кьюзка (tjîska) отъ кьюза = ко́жа; мωйска (meiska) мы̏шка, серб. ми̏шка bacchium; скьэ́рка (stjörka, stjorka) ко́рка; стрωтка (strotka: strotó улица). Или, можетъ быть, эти уменьшительныя имѣли прежде насуффиксную акцентовку, подобно м. рус. дочка̀, слов. (в. краин.) ωčkà (ώča — отецъ), matkà, rečkà фруктовая косточка, pωstъrvkà (pωstъrvà форель)?

[5]) У Полабцевъ нѣсколько такихъ словъ имѣютъ наконечное ударе́ніе, которыя не могутъ имѣть его у Словенцевъ, а именно: пейвю́ слов. pīvω, зейтю́ — žītω, дьолю́ — dɛlω.

вслѣдствіе чего они почти всѣ имѣютъ насуффиксное ударепіе. Могу указать только слѣдующія баритонки: мѡйтю (moite, maute) плата = рус. мыто, серб. мито; крейдлю (kreytele, kreydel) крыло, крило; jѳндрю (gûndre) ядро, jѣдро; пѣрю перо, пѣро; нѣслю (nîslê, nüssla = несло) посилки; гьеймню угодья, дворъ (Güter, Hof) гумпо, гумпо.

Но имѣемъ ли мы вообще право говорить въ Полабскомъ языкѣ объ оттяжкѣ и выдвижкѣ? Что можно говорить о выдвижкѣ, я вывожу изъ слѣдующаго явленія: гласные ѧ, и и ъı въ ударяемыхъ слогахъ являются въ видѣ о, ей, ѡй, иногда же такой переходъ совершился и въ слогахъ, предшествующихъ ударяемому. Естественно сдѣлать предположеніе, что эти слоги прежде сами были носителями ударепія; а эта роль, какъ оказывается, дѣйствительно принадлежитъ имъ въ русско-чакавской акцентовкѣ. Такимъ образомъ, я полагаю, что Полабцы потому произносили мотей, пейвю, рѡйбо и т. д., что первоначальный ихъ выговоръ былъ мати, пивю, рыба, и что только послѣ того, какъ ударепіе оказало свое дѣйствіе на корепные гласные и породило формы моти, пейвю, рѡйба, оно перешло на окончапія, на которыя могло оказать такое же вліяніе, какъ на корепь, вслѣдствіе чего явилось произношеніе мотей, пейвю, рѡйбо. Итакъ, Шлейхеровъ законъ о переходѣ ѧ, и и ъı въ *о*, *ей* и *ѡй* въ ударяемомъ слогѣ и во всѣхъ предшествующихъ ему слогахъ принимаетъ у меня слѣдующій видъ: ѧ, и и ъı перешли въ *о*, *ей* и *ѡй* въ слогахъ, имѣвшихъ первичное или вторичное ударепіе, въ другихъ же слогахъ эти звуки могутъ явиться лишь въ силу апалогіи[1]). Подобную же роль, какъ гласный *о* = ѧ и двугласные *ей*, *ѡй*, играютъ также *о* съ предшествующимъ мягкимъ согласпымъ, какъ замѣна *ѣ*, и *о* съ носовымъ пазвукомъ, какъ замѣна *ж* и ѧ, съ тою только разницею, что они не одни господствуютъ въ ударяемыхъ слогахъ, и что, рядомъ съ ними, являются и нейтральные по отношепію къ ударенію звуки *ѣ* и *а* нпр. мьал (имѣлъ), мляцпы (млѣуѧныи), педѣльа воскресепье, храпст χрѫшты жукъ, рѡмаң (*рамѧ) плечо; по всякій разъ, когда является *о*, оно имѣетъ на себѣ ударепіе, или въ Полабскомъ языкѣ, или же въ Русскомъ и въ Чакавскомъ. Такимъ образомъ, имѣя въ виду

[1]) При такомъ взглядѣ на дѣло, вполнѣ понятны формы настарѣjси (nâstarêsse), пюпади саң (pepadiessa er fällt nieder), еўпадѐн упавшій, пюпадѡл саң онъ упалъ, еўзасѡлай jиг (eysassalayik оүжасили его), старнѣ дв. ч. къ старна, роңкавейцьа, приведшія въ смущеніе Шлейхера: *а* въ пихъ потому не перешло въ *о*, что не имѣетъ и никогда не имѣло на себѣ ударенія. Такъ же можно объяснить и род. пад. мн. ч. камен (hey kammehn bey Kachelofen), если считать его замѣною формы каменни (каменій). Одно слово пейjавейцьа pagaweicia, pagawéitza = серб. пијавица) противорѣчитъ предлагаемому толкованію.

слова: вюбьо́д, (обѣ́дъ) завтракъ, kjот цвѣ́токъ, льос (лѣ́съ), бьо́лы (бѣ́лый), гньо́зда, дьо́тка (дѣ́тъка), доцб, ско́ңпы, сjо́ңты (скатъıи), пьо́ңты (патъıи) и т. д., я для словъ въ родѣ дьолю́ (дѣ́ло), мьоро́ (мѣ́ра), воңгьэ́р (у́горь), воңгьи́л (у́голь), тоңцо́ (ту́ча) предполагаю первоначальный выговоръ дьо́лю, мьо́ра, во́ңгьил, то́цца [1]).

О склонности Полабскаго языка къ выдвижкѣ ясно свидѣтельствуетъ произношеніе словъ, заимствованныхъ изъ Нѣмецкаго, какъ то: лампо́ (Lampe), лодо́ (Lade), опо́ (Affe) обезьяна, jагар (Jäger) охотникъ, омар (Hammer) молотокъ, кахьи́л (Kachel) изразецъ, кьюса́н (Küssen = Kissen) подушка, кьюко́ (Küche) кухня, строто́ (Strasze, по нижненѣм. выговору Strate) улица, мейльо́ (Meile) миля, лоңдю́ (Land) земля, дейско́ (Tisch, нижненѣм. Disch) столъ [2]), мейсо́ (Messe; д. б. изъ не искаженнаго еще missa), глосьо́ (Glass) стаканъ, дего́ (Degen) шпага, кьадо́ (Kette) цѣпь, скьейно́ (Scheune) сарай, ворстьо́ (Worst = Wurst) колбаса, шелтьо́ (Schilf) тростникъ, шольо́ (Scholle) камбала, шинкьей (Schinken) окорокъ, талер (Teller) тарелка, корто́ (Karte), рейзо́ (Reise) путешествіе, шодо́ (Schade) вредъ [3]), *глюк (Glück), род. глюко́ счастіе, тейд, род. тейдо́ (Zeit, нижнѣм. Tid) время.

Въ нѣкоторыхъ словахъ, рядомъ съ выдвинутымъ удареніемъ, употреблялось еще и первичное: бо́ба (boba) бабка, акушерка, р. съ бобо́ старуха, рю́зга, р. съ рюзго́, ре́па р. съ ре́по́, пе́тюпор, р. съ петю́пор (не́топырь) бабочка (Sommervogel), ро́дюст, р. съ рождю́ст (radüst, radist) свадьба [4]).

---

[1]) По всей вѣроятности, и переходъ у въ еў есть слѣдствіе ударенія, и мы на выговоръ стеўко́ (штўка, щўка), льеўди (льўди, лю́ди) можемъ смотрѣть такъ же, какъ на пейвю́ и воңгьэ́р: хотя еў есть едва-ли не единственная замѣна у (см. впрочемъ, Schleicher S. 110, Anmerkung и 112, 10), но этотъ двугласный всегда является носителемъ ударенія, или могъ имъ быть прежде. Исключенія составляютъ слова кьеўрюпо́тка и стеўди́нощ (серб. студе́нац, рус. студенецъ колодецъ, источникъ), да предлогъ еў, нпр. въ словахъ еўкроде́ны украденный, еўбюде́н оубоденъ, еўсѣце усѣче́тъ. Первыя два слова, вѣроятно, примѣнились къ словамъ кьеўраң цыпленокъ, кьеўр пѣтухъ (встрѣчается множ. ч. — кьеўре́й) и къ прилагательному стоуденъıи (серб. сту́дени, студе́ный), которое должно было произноситься сте́ўдены. Предлогъ у, вѣроятно, перешелъ въ еў по аналогіи тѣхъ словъ, въ которыхъ произносился съ удареніемъ.

[2]) Появленіе ск, вмѣсто ш (можетъ быть, и д, вмѣсто т?) слѣдуетъ объяснять смѣшеніемъ этого заимствованнаго слова съ туземнымъ *дөска = дъска: въ другихъ словахъ нѣмецкое ш сохраняетъ свой подлинный звукъ.

[3]) Такую же акцентовку, очевидно, имѣли реченія плого (Plage) мученіе, соко (Sache) вещь, кроңпо (krumpo—Krampe) замо́къ, ударенія которыхъ записывателями не отмѣчены.

[4]) Послѣдній примѣръ представляетъ нѣкоторое затрудненіе: отчего рождю́ст,

Убѣдившись такимъ образомъ, что, кромѣ словъ сходныхъ по ударенію съ русско-чакавскими, еще цѣлая масса полабскихъ словъ представляетъ выдвижку, т. е. первоначально тоже сходствовала съ русско-чакавскими, мы склонны будемъ предположить то-же самое и для всѣхъ остальныхъ словъ и допустить въ нихъ оттяжку. Мы даже не можемъ ее не допустить, въ виду строгаго различія, которое языкъ дѣлаетъ между двусложными именами женскаго рода съ накореннымъ удареніемъ и — съ насуффиксным: если-бы всѣ эти слова споконъ вѣку имѣли удареніе на корнѣ, то они бы или всѣ сохранили его, или всѣ — выдвинули. Итакъ, если первоначальныя баритонки *ка̀рва, *глѝна, *мьа̀ра и т. д. стали произноситься корво́, глейно́, мьоро́, то, очевидно, первоначальный выговоръ словъ гло̀ва, зѐна, кьюса, представляющихъ иную акцентовку и иное окончаніе, былъ иной, т. е. они были окситонками: *глава́, *зена́, *кюса́. Т. к. въ этихъ словахъ конечное *а* не перешло въ *о*, то слѣдуетъ предположить, что оттяжка произошла раньше, чѣмъ началось искаженіе ударяемыхъ *а*, весьма можетъ быть, что еще на общеляшской почвѣ. Во всякомъ случаѣ, она произошла раньше выдвижки: выдвинутое удареніе, какъ мы видѣли, оставляетъ по себѣ ясный слѣдъ. Но, допустивъ одновременное существованіе исконно-ударныхъ формъ *ка̀рва, *глѝна, *мьа̀ра и формъ съ оттянутымъ удареніемъ гло̀ва, зѐна, кьюса, опять-таки приходится отвѣчать на вопросъ, почему эти сходно ударяемыя слова не всѣ имѣли одинакую судьбу. Должно быть, потому, что они все-таки произносились неодинаково: по всей вѣроятности, оттянутое удареніе, попавши на другой слогъ, подобно штокавскому, принимало и другой видъ, и, между тѣмъ какъ слова исконной акцентовки произносились *ка̀рва, *глѝна, *мьа̀ра, или *ка̂рва, *гли̂на, *мьа̂ра, говорили *гло̀ва, *зѐпа *кьюса, или *гло̀ва, *зе́на, *кью́са

Прямыхъ доказательствъ въ пользу оттяжки не имѣется: о существовавшей, можетъ быть, въ мѣстныхъ говорахъ архаической акцентовкѣ мы ничего не знаемъ, т. к. до насъ дошло лишь одно Древанское нарѣчіе Полабскаго языка. Впрочемъ, иногда въ нашихъ памятникахъ встрѣчается двоякая акцентуація: во̀гард и во̀го́рд садъ, ти́бе (tiebe, tibbe, tiebbe, tibe) и тебе́[1]). Также и особенный окраски гласныхъ въ словахъ оттянутаго уда-

---

или даже ра̀дюст, а не родюст? Ужъ не слѣдуетъ ли, наперекоръ рус. ра̀дость, серб. ра̏до̄ст, считать для Полабскаго языка основною формою ра̀дюст (ср. слов. ра́dost, и radòst, Стулліево radōst, radòsti) и выводить изъ нея ро́дюст путемъ оттяжки?

[1]) Кажется, въ такомъ же соотношеніи находятся формы кьюта (tijòtta) и кьюто́ (chyto) кошка; но возможно также, что акцентовка кьюто́ объясняется заимствованіемъ изъ нѣмецкаго. Ср. рейзо́ = Reise и т. д.

ренія не замѣчается: окраска происходитъ въ нихъ только по общему закону, т. е. въ ударяемомъ слогѣ — хо́рна, ро́ңка, jо́ндрю, вωсо́дит (всади́ть, уса́дити), кре́йдлю (kreitele, kreydel крыло́, кри́ло), — нѣтъ того, чтобы нпр. вторичноударные є и о, какъ у Словенцевъ, отличались отъ первичноударныхъ: о обыкновенно, несмотря на исконность или неисконность ударенія, или полное его отсутствіе, замѣнялось черезъ *ю*, а иногда черезъ э — кьюза (ко́жа), седлю́, нюц (ночь), Бюг, дэр (двор), гьэ́ркьы (tjörtja, tjörtga), и точно такъ же кьюза (коза́), нюга, кьюнωц, гьэ́ра, — если жъ иногда въ неисконноударныхъ слогахъ, нпр. вώда, вώса (оса́), зейвώтωк = животъкъ, является ω, то этотъ же звукъ встрѣчается и въ исконноударныхъ, какъ вωз, вωск, вωл. *Е* въ словахъ ме́тла, пе́рю, де́ре, пе́ре, можетъ быть, и произносилось ближе къ *а*, но зато произносили ри́це, пи́це, ти́це, ти́бе, си́бе, съ настоящимъ *и*, или съ *е* столь похожимъ на *и*, что записыватели могли его принять за послѣднее.

Гибкость именъ при склоненіи, насколько можно судить о ней по дошедшимъ до насъ отдѣльнымъ формамъ, была весьма значительная:

1. У односложныхъ мужескаго рода. Отъ слова вωл, рядомъ съ винительнымъ (родительнымъ) ед. ч. вωло́, встрѣчается именительный (винительный?) множ. ч. вώли или вώлы (walla); слово кьнаңз, винительный (родительный) кьна́ңза (tjenangsa) представляетъ въ имен. множ. ч. форму кьнаңзе́й. Къ именительному единств. ч. влωс находимъ вин. множ. влώсы (vlassa), и имен. — влωсώй. Имен. множ. ч., вообще, почти всегда имѣетъ наконечное удареніе: бωдзе́й (козы), годе́й (гади) змѣи, зейде́й жиды, пюпе́й (попи), рыдзе́й, (розы), греўце́й (греўк груша Birnbaum), торце́й (торк турокъ), сноце́й (снок=н. нѣм. Snāke змѣя), стидзе́й (стиг «Stige» zwanzig Stück, besonders zwanzig Garben)[1]), бωбώй бобы[2]), доңбώй дубы, лейстώй (листы), коңсώй куски, потώй (пот Huf) Klaue, окьώй (Haken) крючки, табакώй (Tabak)[3]). Иной выговоръ встрѣчается рѣдко: грѣхьы, клώсы (klasse), поле́й-

---

[1]) Не лучше ли писать стюг, стюдзе́й = стогъ, стози и не считать это слово заимствованнымъ изъ нѣмецкаго, а, напротивъ того, производить нѣм. Stige въ этомъ значеніи отъ полабскаго стюг?

[2]) Шлейхеръ, по аналогіи Польскаго и Чешскаго языковъ, полагаетъ, что окончаніе ώй = ы было свойственно именамъ неодушевленнымъ, а *ей* = и — одушевленнымъ, и въ послѣднихъ только тогда пишетъ *ей*, когда присутствіе е явствуетъ изъ смягченія предшествующаго согласнаго (нпр. рюдзе́й), хотя въ памятникахъ, рядомъ съ оу, ау, нерѣдко является и еу.

[3]) Въ виду столькихъ достовѣрныхъ примѣровъ ударяемости окончаній *ей*, *ωй*, мы, кажется, имѣемъ полное право читать съ такимъ же удареніемъ рукописныя tzeróy, sepoi, zéroy (цѣпωй), stijey (стьюгωй), wästjey (вωскьωй), kijotay

кьы (ед. ч. полик колышекъ), врѣхьы, (орѣхи), зо́ӈбы (sumba) пьѡ́сы (pjessi), кьна́ӈзи (tjenangsa) и вышеприведенное вѡ́лы; притомъ нѣкоторыя слова могутъ имѣть и обыкновенное окончаніе и сопряженную съ нимъ акцентовку: клѡсо́й (klassoy), врѣхѡ́й, зоӈбѡ́й, пьѡсе́й, кьнаӈзе́й.

2. Двусложныя реченія на ю́ (= о) иногда мѣняютъ акцентовку въ родительномъ падежѣ: зьѡрню́ — зьѡ́рна (wiss sgôrna aus dem Kern), јеўтрю́ — је́ўтра: за је́утра (sojéydra завтра) [1]); однако пейвю́ — пейво́, зейтю́—зейто́. И въ имен. множ. ч., вмѣсто наконечнаго ударенія, является наначальное: произносили кьюлю́, јобкью́ (яблоко), зьѡрню́, веўхью́, црѣвю́, но кью́ла, вѡ́кна, јо́бка, зьѡ́рна (siorna), ве́ўха (wäucha), црѣва (srewa). Въ такомъ же отношеніи къ именительному ед. ч. находится и мѣстный падежъ того-же числа: льотю́, дьолю́, дѡню́ (дъно) и вѡ лѣтѣ́, пю дьо́лѣ, но дѡ́нѣ. Не сомнѣваюсь, что и мѣстный падежъ слова зейтю́ — зе́йтѣ — правильно возстановленъ Шлейхеромъ изъ выраженія modáy wa seita, переводимаго словомъ Kornwurm, но значащаго, очевидно, Maden im Getreide.

3. Двусложныя имена женскаго рода. Слово ве́йка (weika) городъ въ род. падежѣ представляетъ форму вейкьѡ́й. (Но ро́ӈка, нюга, кью́па имѣютъ ро́ӈкьы, нюгьы, кью́пы). Въ вин. падежѣ, по мнѣнію Шлейхера, удареніе оттягивалось. Однако, изъ приводимыхъ имъ примѣровъ два (дѡ́роӈ и скье́йбоӈ) совершенно не годятся, т. к. именительный падежъ ихъ имѣетъ такую же акцентовку: дѡ́ра (дыра́) и скьейба (stjeiba, stgeibe, skiaybe, theibe Brot, geschnittenes Brot); остается только третій — бра́ӈцикоӈ (brangsekung) при имен. браӈце́йка (brangsaika), въ которомъ просоді́и поставлены только на основаніи нѣкоторыхъ фонетическихъ соображеній. Противъ этой одной формы можно выставить три вполнѣ засвидѣтельствованныя памятниками формы: дейско́ӈ, при именительномъ дейско́, и водо́ӈ, клого́ӈ, при именительныхъ вѡ́да и кло́га. Въ дательномъ и въ мѣстномъ падежахъ слова́ дейско́ столъ, мейсо́ обѣдня, служба, скьеўно́ (Scheune), полагаютъ ударе-

---

(кјотѡ́й), rûmbey (роӈбѡ́й) рубцы, швы, что́ Шлейхеръ и дѣлаетъ. — Во многихъ изъ перечисленныхъ формъ на *ей*, *ѡй*, судя по выговору коренного гласнаго, удареніе выдвинутое.

[1]) Встрѣчается также написаніе jautrá, очевидно по опискѣ; хотя трудно рѣшить, слѣдуетъ ли читать jáutra (је́ўтра), или jautró (је́ўтро). Конечное *а* съ просодіей является, въ словарикѣ Платова, еще въ словахъ koriá = Karre и neiteidtá бердо, изъ коихъ первое, судя по цѣлому ряду подобныхъ заимствованныхъ изъ нѣмецкаго словъ, есть описка вмѣсто korió; второе же, очевидно происходитъ отъ первообразнаго нейт (нить) — Юглеръ и пишетъ neiteidla — и должно читаться или нейте́йдла, какъ читаетъ Шлейхеръ, или же — подобно русскому зеркала́, болг. огледала́ — нейтейдло́.

ніе на первый слогъ: по дéйскьѣ (no daista auf den Tisch), кѡ дéйскьѣ (ka teisda zu Tische), кѡ мéйсѣ (ka meysah, kaan meiss), вѡ скьéўни (wa stjeina); впрочемъ, встрѣчается и кѡ дейскѣ. Напротивъ того, три слова напачальнаго ударенія, вéйка (weika), стáрна и зúмьа (simea, simia), являются въ этихъ падежахъ съ паконечнымъ: вѡ вейкьѣ, кѡ старнѣ (kastarnj), кѡ земéй; хотя читаемъ также кѡ вéйкьѣ (kaa weitje, ka veika), но стáрнѣ и но зúми, или нó зими (no sime, noossime auf der Erde)[1]). — Въ двойственномъ числѣ, слово рóнка представляетъ именительно-винительный ронцѣ (точно такъ и стáрна—старнѣ) и дательно-творительный ронкóма.—Именительно-винительный множественнаго числа, кажется, безъ исключенія кончается на ударяемое ѡй, т. е. не только при единственномъ числѣ рѡйбó, зобó, рѣпó стоитъ множественное рѡйбѡй, зобѡй, рѣпѡй, но и отъ гьэ́ра, вéйка (weika), слѡма (slama, schlamma, schlaanma), вѡрба (warba, warbaa, farba), нюга, глѡва, кьюза (коза), вéйсньа или вейсéйньа (wöissenja, woisoigna) мы читаемъ въ этомъ падежѣ гьэрѡй, вейкьѡй, слѡмѡй, вѡрбѡй, нюгьѡй, глѡвѡй, кьюзѡй и вейснѡй (weysnoy, wöissenôy, weisnoi). И при окончаніи *е* удареніе падаетъ на окончаніе: шолé, визé, вюцé, бюсé; единственное число — шолó камбала, вúза (wisa) домъ, вюцьа (witzia, wjtzia, wyzja, wücia, wüzia) овца и бю́са (büssa, bussa Büchse) ружье. Такая акцентовка, судя по нѣкоторымъ, правда, немногочисленнымъ примѣрамъ, господствовала и у трехсложныхъ: слейвéньа, мóлейна (mólaina) малина[2]) во множественномъ числѣ произносились слейвенé, молейнé; наконечное же удареніе имѣло употребительное лишь во множественномъ числѣ нюзейцé (= серб. нôжице ножницы) и смородейнé черная смородина, единственное число котораго не встрѣчается.

Вотъ все, что̀ я могъ извлечъ изъ доступныхъ мнѣ пособій о полабской акцентовкѣ вообще и объ акцентовкѣ именныхъ формъ въ особенности. Эта

---

[1]) Если нѣкоторыя слова (вейка и старна) какъ-будто отличаютъ по ударенію дательный падежъ отъ мѣстнаго, то я это считаю чистѣйшею случайностью, т. к. между акцентовкою этихъ двухъ падежей не замѣчается никакого постояннаго соотвѣтствія, какое существуетъ нпр. между сербскими дательными вòди, дѐци, зѐмьи, и мѣстными вòди, дѐци, зѐмьи.

[2]) По согласному показанію Русскаго и Сербскаго языковъ, первоначальный выговоръ этого слова былъ малúна, т. е. по-полабски *малéйна, который, вѣроятно, вслѣдствіе примѣненія этого слова къ прилагательному мóлы (малый), измѣнился въ мóлейна. Или, можетъ быть, мы имѣемъ дѣло просто съ опиской и должны читать молéйна? Во всякомъ случаѣ, появленіе *о* въ первомъ слогѣ легко объясняется указаннымъ народнымъ словопроизводствомъ.

акцентовка представляетъ замѣчательное сходство со *словенскою*: та же непослѣдовательность, то же совмѣстное существованіе ударенія исконнаго, оттянутаго и выдвинутаго.

Сходство это, какъ мнѣ кажется, говоритъ въ пользу предложенной въ IX главѣ гипотезы о ходѣ развитія акцентовки ближайшаго къ Полабскому Польскаго языка.

XII.

Дополненіе къ обзору акцентовокъ Сѣверозападныхъ славянъ: нѣсколько словъ о количествѣ.

Обзоръ акцентовокъ чешской, лужицкой и польской привелъ меня къ убѣжденію, что и эти одномѣстныя системы могутъ и должны быть выводимы изъ основной разномѣстной, напиравшей на тѣ же слоги, какъ русская и чакавская.

Однако, для Юговосточныхъ языковъ я сдѣлалъ предположеніе не только относительно мѣста, но и относительно *качества* ударенія и какъ на основную для нихъ акцентовку указалъ на чакавскую. Нельзя ли выставить то же положеніе и для языковъ Сѣверозападныхъ славянъ?

Если предполагать, что переходною ступенью отъ вольной русско-чакавской акцентовки къ одномѣстной служили оттяжечныя акцентовки, сходныя со штокавско-сербскою и со словенскою — а это мнѣ кажется необходимымъ, — то слѣдуетъ также предположить, что Сѣверозападные славяне нѣкогда имѣли музыкальную акцентовку и знали ударенія слабое и восходящее: что нпр. у Чеховъ слова muka и uzda, sūša (souše) и trūba (trouba) не имѣли одинаковаго ударенія, а произносились такъ же, какъ у Сербовъ, т. е. mûka — ùzda, sûša — trûba. Однако, отожествленіе сѣверозападной акцентовки съ юговосточною возможно только въ томъ случаѣ, если сѣверозападные гласные по количеству были одинаковы съ сѣверовосточными. Въ какомъ же отношеніи находится количество чешское, лужицкое, польское къ сербскому и словенскому?

Въ языкахъ Поляковъ и Лужичанъ, какъ извѣстно, вовсе нѣтъ количества; но существуетъ *сжатіе* гласныхъ, въ которомъ вполнѣ основательно видятъ слѣдъ прежней долготы: лужицкому o̯ (ó), польскимъ å, ɛ, ů, (á, é, ó) въ Чешскомъ языкѣ соотвѣтствуютъ долгіе гласные, нпр. в. луж. Bo̯h, Boha, поль. Bůg, Boga = чеш. Bůh, Boha (ст. чеш. Bōh, Boha); поль.

wołåm, mâm, śmiɛm, при 3 л. мн. ч. wołają, mają, śmicją = чеш. volām, mām, smīm, при volají mají, smějí. Первоначально долгимъ слѣдуетъ считать и польскій широкій юсъ (ą), который соотвѣтствуетъ чешскому ou (старочешскому ū), между тѣмъ какъ на мѣстѣ чешскаго и мы находимъ юсъ узкій (ę): mąka = mouka, mądry = moudrý, kąt = kout, kąpać = koupati, wąwoz = ūvoz, sąsiad = soused, sądzić = souditi; męka = muka, mędrzec = mudřec, suk = sęk, kędy =kudy, ręka = ruka, gęba = huba, sęp = sup и т. д.[1]).

Опредѣленное на основаніи чешскаго количества и польско-лужицкаго сжатія количество сѣверозападнаго праязыка иногда совпадаетъ съ югославянскимъ: чеш. Bůh, Boha, поль. Bůg, Boga, в. луж. Bọh, Boha = серб. Бо̑г, Бо̑га, слов. Bô̄g Bωgâ; чеш. lůj (loj), loje, поль. łůj, łoju, в. луж. łọj, łoja=серб. ло̑j, ло̑ја, штир. lōj, lŏja[2]); чеш. hnůj, hnoje, поль. gnůj, gnoju, в. луж. hnọj, hnoja = серб. гно̑j, гно̑ја, штир. gnōj, gnŏja; чеш. mouka, поль. mąka = серб. му́ка, штир. mōka[3]); чеш. začíti, поль. zacząć = серб. за̀чѐти, штир. začēti[4]); чеш. pātek, поль. piątek = серб. пе́так, штир. pētek; чеш. koukol, поль. kąkol = серб. ку́коль, штир. kōkolj; чеш. kout, поль. kąt = серб. ку́т, штир. kōt; чеш. louka (рядомъ съ luka), поль. łąka = серб. лу́ка, штир. lōka; чеш. trouba, поль. trąba = серб. тру́ба, штир. trōba; чеш. měsíc, поль. miesiąc = серб. мѐсец и т. д.[5]).

Сказавъ, что долгота сѣверозападныхъ языковъ «иногда» совпадаетъ съ

---

[1]) См. Miklosich. Ueber die langen Vocale, S. 7. Происхожденіе сжатыхъ гласныхъ изъ первоначально долгихъ признаетъ даже Семеновичъ, хотя онъ и старается доказать, что въ Польскомъ языкѣ долгота уже очень давно смѣнилась сжатостью. A. Semenowitsch. Ueber die vermeintliche Quantität der Vocale im Altpolnischen, S. 46.

[2]) Штир. означаетъ словенскій говоръ восточной Штиріи, на границѣ Венгріи; слова этого говора заимствую у Миклошича (Ueber die langen Vocale). Въ этомъ говорѣ, какъ упомянуто уже и выше, сохраняется краткость неконечныхъ слоговъ: количество его весьма сходно съ сербскимъ. Отклоненія отъ сербскаго количества, повидимому, происходятъ только въ одну сторону: иногда ударяемый краткій слогъ, внутри слова, такъ же какъ у остальныхъ Словенцевъ, протягивается, нпр. gōska, žēti (žmem), vītez, lēžem, glēdati = серб. гу́ска, жѐти, вѝтѐз, лѐжѐм, глѐдати. Обратное явленіе изъ приведенныхъ у Миклошича словъ представляетъ лишь одно слово nŏter, при сербскомъ ину́тар.

[3]) *O* въ словѣ moka и у Крапинцевъ долгое, но у нихъ долгота легко могла бы быть позднѣйшею.

[4]) Миклошичево ē, по всей вѣроятности, слѣдуетъ читать за ɛ: приводя штирійскія слова изъ Миклошича, я сохраняю его правописаніе.

[5]) Въ Штирійскомъ говорѣ является выговоръ mẽsɛc: второе e, не имѣя на себѣ ударенія, должно было сократиться.

южною, я, кажется, выразился вѣрно: разногласіе между ними встрѣчается весьма часто, чуть-ли ни въ большинствѣ случаевъ. Отношенія чешскаго количества къ сербскому я коснулся уже въ главѣ о русской акцентовкѣ [1]): тамъ я ссылался на законъ Миклошича, по коему чешскимъ слогамъ ra, la, ře, le послѣ согласныхъ (равносильнымъ русскимъ óро, óло, éре, éле и оро, оло, ере, еле безъ ударенія) соотвѣтствуютъ сербскія рā, лā, рē, лē: чеш. hrad, vrah, brada, vrata, vlast', blaho, hlava, břeh, vřed, vřesk, plen = серб. грâд, врâг, брáда, врáта, влâс, влâст, блâго, глáва, брêг, врêд, врêсак, плêн; чешскіе же слоги rā, lā, řē, lē (русскія орó, олó, ерé, елé) равны сербскимъ рă, лă, рĕ, лĕ: чеш. vrāna, drāha, prām, blāto, slāma, klāda, mřīze, přīti отрицать, plēti = серб. врâна, дрâга долина, прâм, блâто, слâма, клâда, мрéжа, прéти, плéти [2]).

И помимо этихъ случаевъ, чешскіе гласные сплошь да рядомъ расходятся по количеству съ сербскими и со словенскими: чеш. dāti, znāti, bāba, žāba, līpa — серб. дâти, знâти, бâба, жâба, лúпа, штир. dāti, znāti, bāba, žāba, lĭpa; чеш. maso, ruka, syn, kvĕt, sled, knĕz — серб. мêсо, рýка, сúн, цвêт, слéд, кнêз, штир. mēso, rōka [3]), общеслов. sîn, cvêt, slêd, knêz.

Въ употребленіи сжатія или соотвѣтствующаго ему продленія гласныхъ сѣверозападные языки далеко не всегда сходны не только съ юговосточными, но и между собой. Какъ извѣстно, у всѣхъ Славянъ непремѣнное условіе сжатія составляетъ нахожденіе гласнаго въ среднемъ (закрытомъ) слогѣ [4]). Однако же въ Польскомъ языкѣ нужно еще одно условіе: чтобы за гласнымъ слѣдовалъ звонкій согласный, или, лучше сказать, согласный первоначально звонкій, а въ настоящее время хоть бы и глухой. Такимъ

---

[1]) Гл. I, стр. 39.

[2]) Изъ этого закона, впрочемъ, есть исключенія: чеш. vlach, dlaň, plasa, vlākno, vlāčiti, dlāto, plāst (соты — Honigwaben), plātno, prāzdnÿ, prāšek, chrāst, -u (рядомъ съ chrast), chrām, -u сходны по количеству съ сербскими влâх, длâн, плâса (frustum), влáкно, влáчити, длéто, плâст, род. плáста (стогъ), плáтно, прâзни, прáшак, хрâст, хрáста, хрâм, хрáма. Замѣчу еще, что выговоръ словъ пласа, хвростъ и храмъ не соотвѣтствуетъ русской акцентовкѣ ихъ: полоса́, хво́ростъ, -а, храмъ, хра́ма.

[3]) Западнослóвенскія mesô, róka. Послѣдняя форма совпадаетъ со штирійскою, но въ ней долгое *o* могло бы быть слѣдствіемъ ударенія.

[4]) Польскія формы въ родѣ ogrûdek, oŀûwek, wûzek, м. рус. стижóк, гвоздóк, нúжечка, голúвонька и т. д. легко объясняются вліяніемъ остальныхъ падежей, или первообразныхъ для нихъ словъ: ogrûdku, ogrûdkowi, ogrûdkiem; гвоздкá, гвоздкý, гвоздкóм; нúжка, голúвка. Существуютъ, впрочемъ, и другія исключенія изъ этого закона, которыя объясняются иначе.

образомъ, мы у Поляковъ находимъ, съ одной стороны, формы wûz, krąg, râz, biɛg, a, съ другой стороны, — nos, pęk, las, wiɛk[1]). Чехи съ Лужичанами не признаютъ такого ограниченія: чеш. vĭtr, vĕtru; mûst, mostu; pûst, postu; kůň, koně; hrāch, hrachu, — в. луж. kłǫs, kłosa; pǫt, potu; skǫt, skota; nǫc, nocy; nǫs, nosa; wosǫł, wǫsła; kotǫł, kǫtła. Также у Сербовъ и у Малороссовъ является выговоръ bôk, môst, nôc, plôt, pôt, pôk, skôk, côk, lêd (род. bôka, môsta и т. д.); нис, пип, гриш, кисть, нич, піч (род. нóсу, попá и т. д.). Кромѣ принципіальнаго отступленія Польскаго языка, мы встрѣчаемъ массу отдѣльныхъ случаевъ разногласія между языками: въ рѣдкомъ только словѣ сжатіе гласнаго проходитъ по всѣмъ языкамъ, или по всѣмъ, за исключеніемъ Польскаго.

Въ виду весьма обыкновеннаго противорѣчія между количествомъ Сѣверозападныхъ и Югозападныхъ славянъ, трудно допустить, чтобы акцентовки ихъ когда-либо могли быть тожественными въ качественномъ отношеніи: развѣ чехъ могъ произносить, подобно сербу, zûb, mâso, řéka, súkno, dým, žába, rûcho, střèbro, hròza, когда ударяемые гласные въ словахъ zub, maso, řeka, sukno у него краткіе, въ dým, žába, rūcho, střībro, hrōza (ст. чеш. — теперь hrůza) — долгіе?

Весьма, однако, возможно, что Чехи, (а также и другіе сѣверозападные Славяне)[2]), въ нѣкоторыхъ случаяхъ отступили отъ древняго количества: у Чеховъ нельзя не допустить этого въ цѣломъ рядѣ словъ, относительно количества которыхъ Словацкое нарѣчіе расходится съ Чешскимъ языкомъ и сходится съ Сербскимъ. Таковы слова māslo, šīdlo, jīdlo, blāto, jmēno, lēto (līto), jādro, pēro, krāva, skāla, slāma, čīše, rāna, moucha, pāra, žīla, sīla, līpa, smůla, kůže, nůše, māti, kāmen, sēmě (sīmě), břēmě (břīmě), tēmě (tīmě), rāmě, vȳmě (у семи послѣднихъ, впрочемъ, долгота свойственна одному именительному падежу: родительный звучитъ māteře, kāmene, sēmene, břēmene, tēmene, rāmene[3]), vȳmene); таковы же и неокончательныя pīti, bȳti, žīti, prāti, zvāti, hnāti, vřīti, mlīti, chtīti: въ Словацкомъ нарѣчіи эти слова произносятся māslo, šīdlo, jědlo, blāto, měno, lēto, jādro, pēro, krāva, skāla, slāma, čāša, rāna, můcha, pāra, žīla, sīla, līpa, smōla, kōza, nōša, māti, kāmeň, sēmä, brēmä, tēmä, rāmä, vȳmä, pīť, bȳť, žāť, prāť, zvāť,

---

[1]) См. Бодуэнъ-де-Куртенэ. О древнепольскомъ языкѣ до XIV столѣтія. Лейпцигъ 1870, стр. 73, § 88. Miklosich. Ueber die langen Vocale, S. 42.

[2]) При скудости слѣдовъ количества въ остальныхъ сѣверозападныхъ языкахъ, намъ приходится по неволѣ брать за представителя ихъ Чешскій языкъ.

[3]) Rāmě, ramene Rank, Slovník: rāmě, ene у Юнгманна и у Шумавскаго едвали что иное, какъ недосмотръ.

klăť, hnăť, vrěť, mlěť, chcěť, у Сербовъ — мȁсло, мȉло, јȅло, блȁто, имȅна мн. ч.[1]), лȅто, јȅдро, пȅро, крȁва, скȁла, слȁма, чȁша, рȁна, мȕха, пȁра, жȉла, сȉла, лȉпа, смȍла, кȍжа, нȏша, мȁти, кȁмȅн, сȅме, брȅме, тȅме, рȁме, вȉме, пȉти, бȉти, жȅти, прȁти, звȁти, гнȁти, врȅти, млȅти, хтȅти. Въ перечисленныхъ только что словахъ Сербы и Словаки произносятъ краткіе гласные, вмѣсто чешскихъ долгихъ: по всей вѣроятности, бываетъ иногда и наоборотъ, хотя я въ доказательство тому могу сослаться только на глаголъ ptāti se, произошедшій изъ pytati se, въ коемъ изчезнувшее теперь *y*, очевидно, было кратко, между тѣмъ какъ соотвѣтствующій звукъ у Сербовъ и у Словаковъ дологъ: серб. пи̏тати, словац. pȳtať sa[2]).

Отступленія отъ чешскаго количества встрѣчаются не только въ Словацкомъ нарѣчіи, но и въ чешскихъ говорахъ. Извѣстно, что чешскія слова hrābě и hrăbě, изъ коихъ первое означаетъ грабли, а второе — графа, Моравами произносятся какъ разъ наоборотъ: hrābě у нихъ означаетъ графа, а hrăbě (= серб. грȁбље) — грабли. Моравне же, вмѣсто plēsti, lēzti, vēsti, pēci, tēci, произносятъ plětst, vědst, lězt, pěct, těct, вмѣсто vřīti, chtīti — vřět, chtět, вмѣсто žāba, blāto — žăba, blăto[3]). Въ одномъ моравскомъ разнорѣчіи (въ Ганацкомъ) слышится выговоръ sěla, lěpa, přěza, slěva = серб. сȉла, лȉпа, прȅђа, шљȉва, вмѣсто sīla, līpa, přīze, slīva. Полагаю, что подобныя отклоненія чешскихъ нарѣчій и говоровъ отъ чешскаго количества въ сторону сербскаго свидѣтельствуютъ о древности сербскаго выговора, т. е., что краткость коренныхъ гласныхъ въ такихъ словахъ, какъ блато, липа, дати слѣдуетъ признать праславянскою.

Но какія причины могли породить отклоненіе того или другого языка отъ праславянскаго количества?

Самую важную роль должно было играть *приравненіе формъ*. Несомнѣнно, кажется, что серб. дȗб, дȗба, поль. dąb, dębu и чеш. dub, dubu предполагаютъ праславянскую форму позднѣйшаго періода дǭбъ, дǭба или дǭбъ, дǫ̆ба[4]). Если основная форма была дǭбъ, дǫ̆ба, то Сербы сохра-

---

[1]) Ср. выше, гл. VII, стр. 155.

[2]) Можетъ быть, таковъ и глаголъ psāti = слов. pīsati, серб. пи̏сати; хотя форму psāti удобнѣе выводить изъ основной пьсати.

[3]) Šembera. A. V. Základové dialektologie československé, str. 36.

[4]) Продленіе односложныхъ именительныхъ встрѣчается, въ большемъ или меньшемъ развитіи, у всѣхъ Славянъ — кромѣ Великороссовъ, которые, вѣроятно, тоже знали его, но утратили — и потому слѣдуетъ думать, что оно началось еще на общеславянской почвѣ; но, т. к. это явленіе находится въ очевидной связи съ закрытостью слога, то приходится предполагать, что конечный ъ уже подъ конецъ праславянскаго періода былъ близокъ къ уничтоженію: ослабленіе его, разумѣется,

ипли старину, Чехи и Поляки сначала, по образцу словъ въ родѣ lōjʲ, lōja стали говорить dǭnbъ, dǭnba т. е. dąb, dębu и dūb, dūbu, при чемъ Поляки и остались, между тѣмъ какъ Чехи примѣпили впослѣдствіи именительный къ неорганическимъ косвеннымъ падежамъ. Если жъ основной выговоръ былъ разпоколичественный, dǭnbъ, dǭnba, то Поляки сохранили общеславянскую старину, Чехи уподобили именительный косвеннымъ падежамъ, а Сербы — косвенные именительному. Послѣднее объясненіе проще и потому, кажется, предпочтительно[1]). Подобнымъ же приравненіемъ формъ уже выше были объяснены несогласныя со звуковыми законами польскія и малорусскія слова oǩûwek, голи́вонька и. т. п.

Весьма вѣроятно, что у Сѣверозападныхъ славянъ долгота иногда есть продуктъ *ударенія*: въ начальномъ, т. е. въ ударяемомъ слогѣ у Чеховъ довольно часто встрѣчается протяженіе гласныхъ, краткихъ у Сербовъ[2]), начальному же слогу у Лужичанъ по преимуществу свойственно сжатіе o[3]).

За вѣрность этой мысли я не особенно стою: какъ уже отмѣчено въ главѣ о Русской акцентовкѣ[4]), правильнаго соотвѣтствія сѣверозападной долготы русскому ударенію отнюдь не замѣчается, и есть только отдѣльные случаи, въ коихъ чешская или лужицкая долгота можетъ считаться замѣною исконнаго ударенія. Таковы въ Верхнелужицкомъ слова bʾǐǫto,

---

шло постепенно, и, по мѣрѣ ослабленія открытаго слога, усиливался закрытый. Въ началѣ праславянскаго періода, безъ сомнѣнія, слово дубъ звучало или dǭnbъ, dǭnba или dǭnbъ, dǭnba. Ср. у Потебни, Къ исторіи звуковъ Русскаго языка. Филол. Зап. 1876, стр. 51.

[1]) Необходимо, кажется, допустить аналогію между проясненіемъ въ среднихъ слогахъ глухихъ и продленіемъ чистыхъ, т. е. принять, что kǭ́ń (= м. рус. кинь, чеш. kůň): конъ = сон: сънъ. Ср. у Потебни, тамъ же, стр. 49—52. Вмѣстѣ съ тѣмъ, считаю нужнымъ предположить, что первоначально всѣ односложные именительные представляли долгіе гласные, и что краткость серб. kǭ̏ń, пол. pęk и т. п., которою затрудняется Потебня (тамъ же, стр. 47), произошла вслѣдствіе примѣненія именительнаго къ остальнымъ падежамъ; такое предположеніе для Польскаго языка сдѣлалъ Бодуэнъ-де-Куртенэ (О древне-польскомъ языкѣ, § 88).

[2]) Непонятно, почему это бываетъ почти только въ двусложныхъ словахъ. См. Miklosich. Lange Vocale. S. 50. Изъ трехсложныхъ я могу указать весьма немногія: vlādyka, stēnati, svĭtati (и svĭtati), ūžitek польза, выгода, zādušnī = серб. вла̀дика, стѐњати, свѝтати, ужи́так victus, за̀душњӣ. Все это слова съ вторичною акцентовкою.

[3]) Hórnik, Michał. Hdźe mamy «ó» pisać? Časopis Towařstwa Maćicy Serbskeje. 1855, str. 74. Ср., впрочемъ, тамъ же, str. 72. Его же Wo ‚ó' w delnjoserbšćinje. Čas. Tow. Mać. Serb. 1862, str. 112.

[4]) Гл. I, стр. 41.

kruwa, wrǫna, wrǫn (род. wrǫna), klǫda и bǫle, представляющія ǫ въ прямомъ слогѣ: въ виду рус. болóто, корóва, воронá, вóронъ, -а, колóда, бóлѣе = серб. блáто, крáва, врáна, врáн, -а, клáда, бóље, мы склонны будемъ допустить въ этомъ случаѣ сжатіе (первоначально—продленіе) въ силу ударяемости.

Въ Чешскомъ языкѣ, колебаніе количества, аналогичное русскому колебанію ударенія, можно видѣть въ слѣдующихъ формахъ: koli — kůleš, zovu — zůveš, stoni — stůneš, mohu — můžeš, beru — běreš, plači — plačeš, стар. chocu — chceš; соотношеніе этихъ формъ сходно съ соотношеніемъ русскихъ гоню — гóнишь, ищу́ — и́щешь, дремлю́ — дре́млешь. Нужно, однако, замѣтить, что только четыре изъ этихъ глаголовъ находятъ дѣйствительное соотвѣтствіе въ Русскомъ языкѣ: колю́ — кóлешь, стоню́ — стóнешь, могу́ — мóжешь, хочу́ — хóчешь; между тѣмъ какъ зову́, беру́ во всѣхъ лицахъ выдерживаютъ насуффиксную акцентовку, плáчу — накоренную. Впрочемъ, русскому беру́, бере́шь соотвѣтствуетъ выговоръ чешскаго просторѣчія: běru, běreš, вм. běru, běreš [1]). Не соотвѣтствуютъ русскимъ также формы 3. л. мн. ч.—kolí, stoní, mohou: у насъ въ гибкихъ настоящихъ временахъ только 1 л. ед. ч. отклоняется отъ остальныхъ, а 3-ье множественнаго съ ними сходится. Отмѣчу еще, что Словацкое нарѣчіе во всѣхъ указанныхъ формахъ выдерживаетъ краткость гласнаго: kolem — koleš, zoviem — zovieš, stoniem — stonieš, plačem — plačeš, berem — bereš (въ одной — краткость или долготу: možem — možeš или mōžem — mōžeš).

Подобное же объясненіе, какъ для kůleš, kůle и т. д., рядомъ съ 1-мъ лицомъ koli, годится и для нарѣчія vzhůru, при существительномъ hora: hora = рус. горá, серб. гòра, (vz)hůru = рус. гóру, серб. гòру [2]). Существуетъ, однако, и именительный hůra, рядомъ съ hora, а также kůsa, růsa, smůla, sůva, рядомъ съ kosa, rosa, smola, sova. Впрочемъ, принявъ во вниманіе рус. и серб. вин. ед. ч. кóсу, кòсу, рóсу, рòсу и имен. мн. ч. кóсы, кòсе, мы склонны будемъ выводить долготу коренного слога указанныхъ реченій изъ этихъ падежей и находить въ ней не возраженіе противъ предлагаемаго объясненія, а, напротивъ того, подтвержденіе его. Можетъ быть, обоюдность звука *e* въ словѣ pěro, pēro объясняется подобнымъ же

---

[1]) Въ просторѣчіи (— vulgo. Jungmann) господствуетъ также выговоръ plāči вм. plăči, но въ этомъ, быть можетъ, равно какъ и въ můžu вм. mohu, слѣдуетъ видѣть примѣненіе 1-го лица къ большинству лицъ.

[2]) Объясненіе это предлагаетъ Г. Фишеръ: Archiv für slavische Philologie, B. III, S. 525.

образомъ: вліяніемъ баритоннаго множественнаго числа; хотя, нужно замѣтить, нѣтъ никакой необходимости предполагать для праславянскаго перо̀ множ. число пе́ра. — Въ Польскомъ языкѣ слова̀ gûra и piûro допускаютъ такое же толкованіе, какъ соотвѣтственныя чешскія формы hûra и pēro.

Миклошичъ довольно значительное число долготъ (не только у Сѣверозападныхъ, но и у Югозападныхъ славянъ) выводитъ изъ ударенія[1]), но— какъ мы отчасти уже видѣли[2]) — безъ достаточнаго основанія. Я, по крайней мѣрѣ, никакъ не могу допустить вмѣстѣ съ Миклошичемъ[3]), что чешское слово vȳbor долготою своего начальнаго слога обязано ударяемости его: не могу уже потому, что рядомъ съ нимъ стоитъ глаголъ vybrati, vyberu, съ краткимъ, но также ударяемымъ, и, по свидѣтельству Русскаго языка, искони ударяемымъ ы.

Не вижу также возможности, хотя бы только предположительно, выставить законъ, что нѣкоторыя славянскія наставки требовали акцентованія предшествующаго имъ слога, акцентъ котораго впослѣдствіи вызвалъ продленіе. Подтверждаютъ этотъ законъ лишь наставки ъка и ака[4]): чеш. děva, haluz, ruka, pamět — dīvka, halouzka, roučka, pamātka, поль. noga, woda, ręka, pamięć — nûżka, wûdka, rączka, pamiątka; в. луж. noha, rola, rosa — nǫžka, rǫlka, rǫska, и едва-ли въ этихъ случаяхъ долгота вызвана чѣмъ инымъ, какъ положеніемъ. Кромѣ того, этимъ двумъ наставкамъ съ продлительною силою можно противопоставить наставку сравнительной степени *ји*, *ши*, передъ которою коренные гласные не только не протягиваются, но даже сокращаются, между тѣмъ какъ они, по согласному показанію всѣхъ славянскихъ языковъ, издавна являются носителями ударенія: чеш. blīzkȳ, krātkȳ, ūzkȳ — bližší, krătší, ůzší; поль. gorący, mądry, skąpy, wązki — gorętszy, mędrszy, skępszy, węższy; серб. цр̂н, др̂аг, кра́так, те́жак, врȳ̂ħ, жи̂в — цр̂ња̄, дра̂жӣ, кра̂ћӣ, те̂жӣ, врȳ̂ћӣ, жи̂вља̄; штир. drāg, hūd, krātek, lêp — drăjši, hŭjši, krăjši (krăči), lĕpši[5]).

---

[1]) Ueber die langen Vocale, S. 42—50.

[2]) Гл. V, стр. 134, стр. 4 сн.

[3]) Ueber die langen Vocale, S. 42.

[4]) Для словъ съ наставками ије, ја, ъкъ, ькъ, нь, ат, мен, тло, дло, приводимыхъ у Миклошича (Ueber die langen Vocale, S. 47—49), мы не имѣемъ никакого основанія предполагать единообразную акцентовку въ Праславянскомъ языкѣ: только ъка и ака, повидимому, обыкновенно имѣли передъ собою ударяемый слогъ. См. акцентовочныя таблицы.

[5]) Явленіе это отмѣчено самимъ Миклошичемъ. Ueber die langen Vocale, S. 49.

Не знаю также, имѣемъ ли мы право объяснять долготу дѣйствіемъ ударенія въ двусложныхъ словахъ Чешскаго языка, въ родѣ břīza, māti, slāma, sīla и неокончательныхъ bīti, lhāti, bȳti[1]): положительный фактъ, что гласные ѧ, и, ы и ѣ въ корнѣ двусложныхъ словъ обыкновенно бываютъ долгими, или, по крайней мѣрѣ, обоюдными; но, если тому причиной удареніе, то спрашивается, почему оно не дѣйствуетъ такъ же въ начальномъ слогѣ трехсложныхъ словъ: почему напр. при именительномъ māti стоитъ родительный māteře? Нѣкоторыя другія затрудненія, кажется, могутъ быть устранены. Такъ, непродлиняемость звуковъ *o* и *e* — žena, sestra, bedro, selo, voda, osa, dobro — можно объяснить тѣмъ, что коренные *o* и *e* лишь весьма рѣдко имѣютъ исконное удареніе[2]). Краткость двусложныхъ формъ муж. р., какъ duby, sady, větry, можно бы объяснить привычкою противополагать ихъ односложному именительному, которому первоначально—по высказанной выше догадкѣ—у всѣхъ почти словъ было свойственно продленіе гласнаго. Стараюсь устранить эти затрудненія, потомучто мысль, что искони ударяемые гласные въ Чешскомъ языкѣ продлились — какъ замѣчено уже и раньше — мнѣ кажется весьма правдоподобною. Говорю объ *исконномъ* удареніи: допустивъ продлительную силу собственно-чешскаго ударенія, допускаемую, если я вѣрно его понимаю, Миклошичемъ[3]), мы положительно должны были бъ ожидать, что *всѣ* начальные слоги будутъ долгими.

Итакъ, что̀ можно сказать о качественной сторонѣ акцентовки нѣкогда общей предкамъ Чеховъ, Лужичанъ и Поляковъ? Мы видѣли, что существуетъ значительное разногласіе между количествомъ Югозападныхъ и Сѣверозападныхъ славянъ, которое, если считатъ его древнимъ, свидѣтельствуетъ о неодинаковости ихъ акцентовокъ въ *качественномъ* отношеніи. Есть, однако, нѣкоторые признаки, указывающіе на неисконность сѣверо-

---

[1]) Тамъ же, S. 50.

[2]) Иногда, правда, встрѣчается продленіе e и o, но какъ мы видѣли выше, именно въ такихъ случаяхъ, въ которыхъ они могутъ считаться исконными носителями ударенія. Неокончательныя въ родѣ nēsti, rûsti (рус. нестѝ, серб. нѐсти, рус. растѝ) можно объяснить аналогіею большинства неокончательныхъ, въ коихъ удареніе издавна падаетъ на коренной слогъ.

[3]) Что въ неокончательныхъ bīti, brāti, bȳti, krȳti и т. д. долгота есть продуктъ ударенія, говоритъ онъ (Ueber die langen Vocale, S. 50), явствуетъ изъ предложныхъ глаголовъ zabiti, vybrati, dobyti, přikryti: видимо, Миклошичъ, считая напр. слогъ bi въ zabiti неударяемымъ, принимаетъ въ разсчетъ только чешскую акцентовку и вовсе не задается вопросомъ, древняя ли она, или нѣтъ.

западнаго количества, и есть, значитъ, вѣроятіе, что основная акцентовка Сѣверозападныхъ славянъ, унаслѣдованная ими отъ единаго Славянскаго народа, совпадала съ *чакавско-хорватскою* [1]).

---

[1]) Кто убѣжденъ, что рѣзкое удареніе есть то́ же нисходящее, слабое — то́ же восходящее, только на краткихъ слогахъ (см. гл. II, стр. 45 и 80), тотъ можетъ и вовсе не касаться вопроса о соотношеніи между количествомъ у Юговосточныхъ славянъ и у Сѣверозападныхъ.

XIII.

Литовская акцентовка.

Хотя я пишу сравнительную акцентологію однихъ Славянскихъ языковъ, а не всѣхъ Индоевропейскихъ, мнѣ кажется не лишнимъ коснуться акцентовки наиболѣе близкаго къ Славянскимъ языка Литовскаго.

Литовское удареніе, въ *качественномъ* отношеніи, представляетъ замѣчательное сходство съ сербохорватскимъ: мы встрѣчаемся здѣсь со старыми знакомыми — съ удареніями рѣзкимъ, слабымъ, нисходящимъ и восходящимъ, которыя, если и отличаются, можетъ быть, чѣмъ-нибудь отъ соотвѣтственныхъ сербскихъ удареній, то, во всякомъ случаѣ, весьма близки къ нимъ.

Основатель литовской акцентологіи Фридрихъ Куршатъ различаетъ два рода ударенія, которыя онъ окрестилъ нѣсколько странными именами *толкаемаго* и *граненаго* (gestoszener Ton und geschliffener Ton), соотвѣтствующими Будманіевымъ сильному и слабому (forte, debole). Ясное различіе между «толкаемымъ» и «граненымъ» удареніемъ замѣчается только въ *долгихъ* слогахъ, т. е. видную роль играютъ ударенія нисходящее (langer gestoszener Ton) и восходящее (langer geschliffener Ton), посредствомъ которыхъ иногда различаются подобозвучныя слова, нпр.: plaũkti колоситься— plaúkti плыть, sũdyti солить — súdyti судить [1]). *Краткіе* гласные, по большей части, имѣютъ *рѣзкое* удареніе, какъ то: bũtas домъ, žĩlis старикъ, nẽszti нести, bũrtas жребій, tĩltas мостъ и т. д. [2]). *Слабое* удареніе — или,

---

[1]) Куршатъ обозначаетъ долготныя ударенія такъ же, какъ Мажураничъ: нисходящее — акутомъ, восходящее — циркумфлексомъ; но я, въ видахъ единообразія, и въ литовскихъ словахъ употребляю эти просодіи въ томъ же значеніи, какъ въ сербскихъ.

[2]) Куршатъ рѣзкое удареніе отмѣчаетъ простымъ грависомъ, но я, во избѣжаніе недоразумѣній, предпочитаю Вуковскую просодію.

говоря осторожнѣе[1]), нѣчто похожее на слабое удареніе — встрѣчается лишь передъ l, r, m и n съ послѣдующимъ согласнымъ: въ такихъ созвучіяхъ «плавные», по словамъ Куршата, могутъ играть роль гласныхъ, такъ, что вмѣстѣ съ предшествующимъ гласнымъ составляютъ *полудифтонгъ* (Semidiphtong), который произносится съ восходящимъ удареніемъ, при чемъ повышеніе голоса приходится на l, r, m, n; на письмѣ, Куршатъ выражаетъ такой выговоръ циркумфлексомъ надъ согласною буквою, нпр. keřsztas гнѣвъ, kaĩkalas бубенчикъ, gruũstas глыба. Полагаю, что въ подобныхъ словахъ гласные произносятся со слабымъ (краткимъ восходящимъ) удареніемъ, а согласные звучатъ сильнѣе и протяжнѣе обыкновеннаго: не даромъ же Куршатъ въ этихъ сучаяхъ не говоритъ о настоящихъ дифтонгахъ, а только о «полудифтонгахъ». Поэтому, позволю себѣ писать kèrsztas, kànkalas, grùmstas, также vàlgis (пища); не настаивая, однако, на точности такого обозначенія.

О томъ, на сколько слоговъ удареніе можетъ отстоять отъ конца слова, Куршатъ нигдѣ не распространяется; но, судя по составленнымъ имъ акцентовочнымъ таблицамъ, крайній предѣлъ для ударенія есть *пятый* слогъ: даже для этого слога мнѣ удалось подыскать всего одинъ примѣръ — výnyczininkas винодѣлъ[2]). На *четвертый* слогъ удареніе падаетъ чаще, хотя тоже не особенно часто, нпр. lietùvininkas литвинъ[3]), liùdininkas свидѣтель, tarpininkas посредникъ, lĩnksmintojis утѣшитель, vẽjmalūnis вѣтренная мельница, mẽnesiena лунный свѣтъ, kùnigienė пасторша, pagálbininkė помощница[4]).

Размѣщеніе удареній у Литовцевъ представляетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ поразительное сходство съ Русскимъ языкомъ, который въ этомъ отношеніи, какъ мы видѣли, можетъ считаться довольно вѣрнымъ представителемъ древней общеславянской акцентовки. Если однако ближе присмотрѣться къ дѣлу, то оказывается, что сходство не особенно велико и, въ области имени существительнаго, ограничивается слѣдующими явленіями:

1. Слова м. р. на as въ имен. и вин. падежахъ ед. ч. никогда не имѣютъ

---

[1]) При полномъ почти незнакомствѣ съ живою рѣчью Литовцевъ, я не могу себѣ позволить рѣшительныхъ сужденій о характерѣ литовскаго акцентованія.

[2]) Собственно лучше бы было привести это слово въ какомъ-либо другомъ надежѣ, нпр. въ имен. множ. výnyczininkai, потомучто въ ед. ч. окончаніе as почти всегда сокращается въ s.

[3]) Вмѣсто Куршатова e съ точкою, я, для упрощенія печати, пишу ε.

[4]) Отсутствіе въ Литовскомъ языкѣ словъ, ударяемыхъ на шестомъ или на седьмомъ слогѣ съ конца, чуть-ли ни происходитъ отъ того, что въ немъ вообще нѣтъ шестисложныхъ и семисложныхъ словъ.

насуффиксной акцентовки, чему въ Русскомъ языкѣ, какъ и во всѣхъ Славянскихъ языкахъ, соотвѣтствуетъ онѣмѣніе очевидно издавна безударнаго ъ-а: lėdas, вин. lėdą — ледъ; pìrsztas, pìrsztą — перстъ, botágas, botágą (кнутъ) — батóгъ; lìnas, lìną (нить льну) — ленъ [1]).

2. Полное сходство во всѣхъ падежахъ мы замѣчаемъ между нѣкоторыми баритонками женскаго рода: bôba — бáба, glìnda — гни́да, kùrva — ку́рва, lìẽpa — ли́па, stêrva — сте́рва, szârka — соро́ка, ûdra — вы́дра, vârna — воро́на [2]).

3. Многія слова женскаго рода, кончающіяся на ударяемый *a*, сходны съ русскими въ имен. падежѣ ед. ч.: bɛdà — бѣда́, barzdà — борода́, galvà — голова́, rasà — роса́, smalà — смола́, striɛlà — стрѣла́, strūnà — струна́, vapsà — оса́, žiɛmà — зима́, dūszià — душа́, krůpà — крупа́, plỹtà (кирпичъ) — плита́, rankà — рука́, triubà (пастушій рогъ) — труба́ [3]).

4. Сходство съ Русскимъ представляетъ обычная въ винительномъ падежѣ замѣна насуффиксной акцентовки накоренною: barzdà, žiɛmà, dūszià, rankà — bárzdą, žiémą, dúszią, ránką (бо́роду, зи́му, ду́шу, ру́ку).

5. Сходна также акцентовка именительныхъ множественнаго, какъ bárzdos, žiémos, dúszios, ránkos — бо́роды, зи́мы, ду́ши, ру́ки.

Что́ касается женскихъ именъ на *a*, то этимъ словамъ у Литовцевъ такъ полюбилась наконечная акцентовка, что нѣсколько русскихъ баритонокъ оказывается окситонками: сва́дьба, си́ла, ве́рба, бо́чка, ду́ма, му́ка, пу́шка— лит. svodbà, sỹlà, verbà [4]), baczkà, dūmà, Gesinnung, mūkà, puczkà ружье [5]). Далѣе, у Литовцевъ всѣ слова на à имѣютъ накоренное удареніе не только

---

[1]) Сходство съ Русскимъ языкомъ представляетъ и то́ явленіе, что слова на *as* во множ. числѣ болѣе склонны къ насуффиксной акцентовкѣ, чѣмъ въ единственномъ: цѣлый рядъ такихъ словъ по всему единственному числу проводитъ накоренную акцентовку, а во множественномъ, за исключеніемъ винительнаго падежа, замѣняетъ ее насуффиксною, нпр. vêidas лицо, род. vêido, дат. vêidui, вин. vêidą, зв. vêide, тв. vêidu, мѣстн. vêide: множ. — veidaí, род. veidú, дат. veidâms, тв. veidaís, мѣстн. veidûsẽ; только вин. vêidus. Такъ же произносятся lângas окно, spìrgas гренокъ, vêrgas рабъ и др. Нужно однако замѣтить, что только одно изъ этихъ словъ находитъ себѣ параллель въ Русскомъ языкѣ (именно, слово vêidas, см. гл. I, стр. 26), и что нельзя быть увѣреннымъ въ праславянскомъ происхожденіи его русскаго выговора.

[2]) Нѣкоторыя изъ этихъ словъ — kùrva, stêrva — очевидно заимствованы у Славянъ.

[3]) Изъ этихъ словъ также нѣкоторыя — strūnà, dūszià, triubà — несомнѣнно заимствованы изъ Русскаго языка (или изъ Польскаго?).

[4]) Слово верба по-русски произносится двояко: ве́рба и верба́.

[5]) Эти слова, безъ сомнѣнія, всѣ заимствованы у Русскихъ.

въ именительномъ множественнаго числа (что́ почти всегда бываетъ и въ Русскомъ языкѣ), но и въ винительномъ единственнаго, и не только въ винительномъ, но и въ дательномъ, а иногда еще въ родительномъ и въ мѣстномъ, такъ что наконечное удареніе является лишь въ именительномъ, звательномъ, творительномъ и въ винительномъ множественнаго числа. Такъ, напримѣръ, слово kasà склоняется слѣдующимъ образомъ:

Единственное число.	Множественное число.
Им. kasà	Им. kásos
Род. kasós	Род. kasú
Дат. kásai	Дат. kasõms
Вин. kásą	Вин. kasàs
Зват. kasà	Зват. kásos
Твор. kasà	Твор. kasomìs
Мѣст. kasojè.	Мѣст. kasosè.

Такъ же склоняется бо́льшая часть подобныхъ словъ.

Слова, приведенныя подъ 4-мъ номеромъ, суть представители другого типа, образцомъ котораго можетъ служить rankà:

Единственное число.	Множественное число.
Им. rankà	Им. ránkos
Род. ránkos	Род. ránkū
Дат. ránkai	Дат. ránkoms
Вин. ránką	Вин. rankàs
Зват. rankà	Зват. ránkos
Твор. rankà	Твор. ránkomis
Мѣст. ránkoje.	Мѣст. ránkose.

Мы только-что видѣли, что всѣ двусложныя слова женскаго рода на *a* въ *дательномъ ед. числа* полагаютъ удареніе на корень. Законъ этотъ относится не только къ этимъ словамъ, но вообще нѣтъ ни одного существительнаго, которое въ дательномъ падежѣ единственнаго числа имѣло бы наконечное удареніе. Такое же отвращеніе къ наконечной акцентовкѣ проявляютъ и родительные падежи на *o*. У Славянъ же ни дательные единственнаго числа, ни родительные на *a* нисколько не чуждаются такого выговора:

дворъ, окно́ — род. двора́, окна́, дат. двору́, окну́; жена́ — дат. жен҃ѣ [1]). Напротивъ того, тотъ падежъ, который у Славянъ не допускаетъ наконечной акцентовки, падежъ *звательный*, весьма расположенъ къ ней у Литовцевъ: bùtas домъ, krásztas берегъ, Diẽvas Богъ, pónas (панъ) баринъ, sūnùs и т. д., звательные — butẽ, kraszt҃ẽ, Diẽvẽ, ponẽ, sūnaú и т. д.

Такимъ образомъ, чуть-ли ни каждой чертѣ сходства литовской акцентовки со славянскою можно противопоставить черту различія.

Вообще, литовская акцентовка гораздо *разнообразнѣе*, гораздо прихотливѣе славянской: между тѣмъ какъ у Славянъ слова почти всѣ держатся или акцентованія накореннаго, или насуффикснаго, и настоящихъ *гибкихъ* словъ оказывается немного, они въ Литовскомъ языкѣ положительно преобладаютъ — негибкихъ словъ съ накореннымъ удареніемъ не такъ много, а негибкихъ съ насуффикснымъ совсѣмъ нѣтъ [2]). Кромѣ того, подвижное ударѐніе у Славянъ, (за исключеніемъ нѣкоторыхъ формъ четвертаго и пятаго склоненія, какъ пло̀щадь, мѣст. — на площади́, вре́мя, мн. ч. — времена́) колеблется только между двумя смежными слогами, а у Литовцевъ оно нерѣдко перескакиваетъ черезъ цѣлый слогъ. Итакъ, въ Литовскомъ языкѣ 1) гибкихъ словъ больше, чѣмъ въ Славянскомъ, и 2) гибкость ихъ значительнѣе.

Кайсслеръ [3]), указавши на соотношеніе литовской и русской акцентовки, высказываетъ мнѣніе, что первая положительно исконнѣе. Сравнивая ихъ лишь между собою, естественно было прійти къ такому взгляду; но взглядъ этотъ не можетъ считаться правильнымъ, въ чемъ мы убѣдились уже выше [4]), и въ пользу чего я въ этой главѣ [5]) приведу еще одно соображеніе.

Вслѣдствіе чрезвычайной гибкости литовскихъ словъ, ни одно почти не сходно съ соотвѣтствующимъ русскимъ во всѣхъ падежахъ: раньше уже мы видѣли, что слова на à, какъ bierà, rankà, въ цѣломъ рядѣ падежей от-

---

[1])Сербскіе дательные во̀ди, го̀ри, дѐци, зѐмьи, мѐђи, гла̀ви, ду̀ши, ру̀ци, при именительныхъ во̀да, го̀ра, дѐца, зѐмља, мѐђа, гла́ва, ду́ша, ру́ка (см. у Даничича — Slav. bibl. I, s. 100 и 102) слѣдуетъ считать позднимъ продуктомъ аналогіи: столь обычное въ 1-мъ и въ 4-мъ склоненіи различеніе дат. и мѣст. падежа по акцентовкѣ (дат. бо̀ку, са̀ду, но̀ћи, рѐчи, мѣстн. — бо̀ку, са́ду, но̀ћи, ре́чи) легко могло породить выговоръ во̀ди, гла̀ви и т. д., въ отличіе отъ мѣстныхъ во̀ди, гла́ви и т. д.

[2]) Между тѣмъ мы, въ соотвѣтствіе словамъ наклонной акцентовки, ожидали бы встрѣтить въ немъ слова съ насуффикснымъ удареніемъ во всѣхъ падежахъ.

[3]) L. Kayssler. Die Lehre vom russischen Accent, S. 18—21.

[4]) Гл. I, стр. 34—35.

[5]) Стр. 219.

ступаютъ отъ русской акцентовки. То-же самое надо сказать и о словахъ мужескаго рода. Просклоняемъ для сравненія sápnas, dváras, sopágas и ávinas, параллельно съ соотвѣтствующими славянскими словами:

Единственное число.	Множественное число.
Им. sápnas — сънъ	Им. sapnaí — съни́
Род. sápno — съна́	Род. sapnú — сънъ
Дат. sápnui — съну́	Дат. sapnâms — съно́мъ
Вин. sápną — сънъ	Вин. sapnûs — съны́
Зват. sapnẽ — сьне (?)	Зват. — —
Твор. sapnũ — съно́мь	Твор. sapnaís — съны́
Мѣст. sapnẽ — сънѣ.	Мѣст. sapnûsẽ — сънѣхъ.

Единственное число.	Множественное число.
Им. dváras — дво́ръ	Им. dvárai — дворы́
Род. dváro — двора́	Род. dvárū — дво́ръ
Дат. dvárui — двору́	Дат. dvárams — дворо́мъ
Вин. dvárą — дво́ръ	Вин. dvarûs — дворы́
Зват. dvarẽ — дво́ре	Зват. — —
Твор. dvarũ — дворо́мь	Твор. dvárais — дворы́
Мѣст. dvarẽ — дворѣ.	Мѣст. dvárûse — дворѣхъ.

Единственное число.	Множественное число.
Им. sopágas — сапо́гъ	Им. sopágai — сапози́
Род. sopágo — сапога́	Род. sopágū — сапо́гъ
Дат. sopágui — сапогу́	Дат. sopágams — сапого́мъ
Вин. sopágą — сапо́гъ	Вин. sopagûs — сапоги́
Зват. sopagẽ — сапо́же (?)	Зват. — —
Твор. sopagũ — сапого́мь	Твор. sopágais — сапоги́
Мѣст. sopagẽ — сапозѣ.	Мѣст. sopágûse — сапозѣхъ.

Единственное число.	Множественное число.
Им. ávinas — овьнъ	Им. avinaí — овьни́
Род. ávino — овьна́	Род. avinú — овьнъ
Дат. ávinui — овьну́	Дат. avinâms — овьно́мъ
Вин. áviną — овьнъ	Вин. ávinus — овьны́
Зват. ávine — о́вьне	Зват. — —
Твор. ávinu — овьно́мь	Твор. avinaís — овьны́
Мѣст. ávine — овьнѣ.	Мѣст. avinûsẽ — овьнѣхъ.

Подобнымъ же образомъ, какъ sopágas и ávinas, переставляютъ удареніе и нѣкоторыя трехсложныя женскаго рода, напр. suvɛjà швея, Liɛtuvà Литва [1]).

Единственное число.	Множественное число.
Им. suvɛjà — швея (рус.)	Им. suvéjos — швей
Род. suvéjos — швей	Род. suvéjū — швей
Дат. suvéjai — швеѣ	Дат. suvéjoms — швеямъ
Вин. suvéją — швею	Вин. suvɛjàs — (швей)
Зват. suvɛjà — —	Зват. — —
Твор. suvɛjà — швеею	Твор. suvéjomis — швеями
Мѣст. suvéjoje — швеѣ.	Мѣст. suvéjose — швеяхъ.

Единственное число.	Множественное число.
Им. Liɛtuvà — Литва (рус.)	Им. sùbatos — субóты
Род. Liɛtuvós — Литвы	Род. subatú — субóтъ
Дат. Liétuvai — Литвѣ	Дат. subatôms — субóтамъ
Вин. Liétuvą — Литву	Вин. sùbatas — субóты
Зват. Liɛtuvà — —	Зват. — —
Твор. Liétuva — Литвóю	Твор. subatomìs — субóтами
Мѣст. Liɛtuvojè — Литвѣ.	Мѣст. subatosè — субóтахъ.

Таково соотношеніе между акцентовкою литовскихъ и славянскихъ словъ, соотношеніе далеко не простое и, очевидно, затемненное второстепенными звуковыми перемѣнами. Весьма возможно, что во многихъ случаяхъ Славяне отступили отъ общей литвославянской старины, но я не думаю, чтобы Литовцы никогда ей не измѣняли. Особенно я не довѣряю *восходящимъ* удареніямъ и, по аналогіи Сербскаго языка, склоненъ предположить, что значительная часть ихъ есть продуктъ *оттяжки* [2]). И, въ самомъ дѣлѣ, не безъ причины же слова нисходящаго ударенія (въ чемъ всякій легко можетъ убѣдиться изъ правилъ и изъ акцентовочныхъ таблицъ Куршата) почти никогда не бываютъ гибкими, между тѣмъ какъ слова, имѣющія въ нѣкоторыхъ падежахъ восходящее удареніе на коренномъ слогѣ, всегда

---

[1]) Такъ какъ слово Литва, въ качествѣ собственнаго имени, не имѣетъ множественнаго числа, въ этомъ числѣ поставлю на его мѣсто слово subatà (очевидно, заимствованное изъ Русскаго), которое имѣетъ ту особенность, что коренной гласный въ немъ кратокъ и потому получаетъ не восходящее удареніе, а рѣзкое.

[2]) Схожусь въ этомъ отношеніи съ Ф. Фортунатовымъ. Критическое обозрѣніе 15 Марта 1879 (№ 6), стр. 36.

представляютъ въ остальныхъ падежахъ акцентовку насуффиксную. Въ виду этого, и въ виду полнаго параллелизма, господствующаго въ акцентовкѣ санскритскихъ именъ съ основою на a и ā [1]), и, насколько тому не мѣшаетъ количество послѣдняго слога, и въ соотвѣтствующихъ греческихъ, я предполагаю, что слова типовъ dvāras, sāpnas, sopāgas, rankà, suvɛjà первоначально совсѣмъ не были гибкими, а сохраняли наконечное удареніе по всѣмъ падежамъ, т. е., что первоначальный литвославянскій выговоръ ихъ былъ dvarâs, sapnâs, sāpagâs, rankà, suvɛjà, род. dvarâ, sapnâ, sāpagâ, rankâs, suvɛjâs и т. д. — Въ именительномъ и въ винительномъ падежахъ мужескаго рода единственнаго числа, а у словъ женскаго рода въ винительномъ единственнаго и въ именительномъ множественнаго, оттяжка, очевидно, произошла еще на литвославянской почвѣ, но въ другихъ падежахъ трудно рѣшить, слѣдуетъ ли ихъ считать болѣе новымъ, исключительно литовскимъ искаженіемъ, или допустить, что Славяне вмѣстѣ съ Литовцами произвели оттяжку и въ этихъ формахъ, но впослѣдствіи подвели ихъ опять подъ аналогію падежей исконной акцентовки.

Предположеніе, что восходящее удареніе въ нѣкоторыхъ случаяхъ слѣдуетъ считать неисконнымъ, значительно сближаетъ литовскую акцентовку со славянской, но оно вовсе не установляетъ полнаго соотвѣтствія между ними: если слова въ родѣ griẽkas, sápnas, dváras, výnas, grýbas, prúdas, stálas, úmas, sopágas, tabákas, žyvátas [2]), благодаря ему, оказываются первоначально сходными со славянскими словами, зато цѣлая масса словъ (draũgas товарищъ, rágas рогъ, sniẽgas, dỹvas, sódas садъ, vászkas воскъ, balvónas идолъ, paklánas поклонъ и др.), казавшіяся почти вполнѣ сходными съ русскими, идутъ теперь съ ними въ разрѣзъ. Ничто, впрочемъ, не мѣшаетъ допустить, что восходящее удареніе въ нѣкоторыхъ словахъ вовсе не оттянуто, а стоитъ искони на тѣмъ-же слогахъ, и что падежи съ наконечнымъ удареніемъ, какъ draugẽ, draugũ, draugũs, суть продукты ложной аналогіи, явившейся вслѣдствіе того, что языкъ не различалъ первичнаго восходящаго ударенія отъ вторичнаго. Возможно также, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ акцентовка неисконна въ *качественномъ* отношеніи, т. е. что восходящее удареніе иногда представляетъ искаженіе рѣзкаго, подобно тому, какъ это, по мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей, бываетъ въ Словенскомъ языкѣ. Несомнѣнно такой процессъ совершился, напримѣръ, въ

---

[1]) За исключеніемъ звят. падежа, который у всѣхъ санскритскихъ словъ акцентуетъ начальный слогъ.

[2]) Многія изъ этихъ словъ (напримѣръ žyvátas) очевидно заимствованы Литовцами у Славянъ.

словахъ rágas и vászkas, въ коихъ *a* первоначально было краткое и до сихъ поръ, перешедши въ *o*, сохраняютъ свою краткость у Славянъ (чеш. roh, rohu; у Сербовъ, правда, въ именительномъ рôг, но во всѣхъ остальныхъ падежахъ о́ — ро̀га, ро̀гу и т. д.). Если мои соображенія о восходящемъ удареніи справедливы, то бо́льшая часть гибкихъ словъ окажется первоначально негибкими, и искони гибкими могутъ считаться лишь тѣ, въ коихъ удареніе перескакиваетъ черезъ одинъ слогъ; т. е. слова, какъ ávinas и Lietuvà, представлявшія до оттяжки слѣдующій выговоръ: *avȉnas (слав. овьнъ), *avȉno и т. д.; avinaí, avinú и т. д.[1]), Lietuvà, Lietuvós, *Lietùvai, *Lietùvą, Lietuvà, Lietùva, Lietuvojè. Что́ касается славянскихъ формъ овьна́, овьну́, овьно́мь, овнѣ, то я полагаю, что ихъ приравнили ко множественному числу, подведши этотъ типъ словъ подъ аналогію типовъ сапо́гъ, дво́ръ и сѣнъ. — Весьма вѣроятно, что и *рѣзкое* удареніе не всегда стоитъ на старомъ мѣстѣ, а замѣнило во многихъ случаяхъ оттянутое *слабое* удареніе. Въ пользу этого говоритъ гибкость цѣлаго ряда словъ съ рѣзкимъ удареніемъ: lȉnas (лѝнъ, льна́), lȉzdas (гнѣздо́), dȕgnas (дъно́), krȉksztas (крѝстъ, крьста́) крещеніе, stȉklas (стькло́); при чемъ въ такихъ словахъ, гдѣ это возможно, по вышеуказанному закону, дѣйствительно является слабое удареніе: nàrsas ярость, vìrbas прутъ, pìlvas брюхо, pùlkas толпа, kàmpas уголъ, làn-kas обручъ.

Число гибкихъ именъ мужескаго рода могло увеличиться также благодаря смѣшенію темъ на *a* съ темами на *u*; темы эти у Литовцевъ, правда, не слились окончательно, какъ у Славянъ, но несомнѣнно позаимствовались другъ у друга нѣкоторыми формами[2]). Такое предположеніе мнѣ кажется чуть-ли ни единственно возможнымъ объясненіемъ для окситонности множественнаго числа баритонокъ съ нисходящимъ и съ рѣзкимъ (и притомъ, очевидно, искони рѣзкимъ) удареніемъ, какъ lângas окно, siẽtas рѣшето, žiẽdas кольцо, цвѣтъ, spìrgas гренокъ, stùndas часъ, žìrgas конь. Пожалуй, есть еще другая возможность: слова эти могли быть первоначально средняго рода и могли переставлять ударенія такъ же, какъ баритонки сред. рода у Русскихъ и Болгаръ (за исключеніемъ, конечно, bêrnas батракъ, lâidas поручитель, sârgas сторожъ, tẽvas отецъ, vêlnias чортъ и vêrgas рабъ, выговоръ которыхъ придется объяснять ложною аналогіею).

---

[1]) Образцу ávinas слѣдуетъ также sákalas, о которомъ была рѣчь въ главѣ о Русской акцентовкѣ, стр. 15.

[2]) См. Joh. Schmidt. Ueber das litauische nominalsuffix u. Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung. B. IV, S. 257 — 270. A. Leskien. Die Declination im Slavisch-litauischen und Germanischen, S. 57. A. Schleicher. Litauische grammatik. S. 182 & 190.

Вотъ все, что мнѣ казалось необходимымъ сказать о литовской акцентовкѣ: пускаться въ болѣе подробное сравненіе ея съ русскою я не намѣренъ, потомучто такое сравненіе не входитъ собственно въ планъ настоящаго сочиненія, а между тѣмъ на него потребовалось бы много и времени и мѣста; мнѣ же лишь нужно было оправдать внесеніе въ мои акцентовочныя таблицы нѣкоторыхъ литовскихъ словъ, повидимому не вполнѣ, или вовсе не сходныхъ со славянскими, каковы sidãbras серебро́, ударяемое сходно съ sopágas, stiklas стекло́ (по образцу sápnas, только что коренной гласный кратокъ), žẽmɛ земля́ и т. д., въ коихъ я вижу искаженіе первоначальнаго *sidabrãs, *stiklãs (*sirabrãm, *stiklãm), *žemiã и т. д.; съ другой стороны, нуждалось въ оправданіи невнесеніе въ таблицы такихъ словъ, какъ draũgas, rágas, sniẽgas[1]).

---

[1]) Прибавлю еще одно замѣчаніе, которое заимствую изъ статьи Ф. Фортунатова, вышедшей уже послѣ написанія этой главы. Фортунатовъ подмѣтилъ правильное соотношеніе между акцентовкой русскихъ *полногласныхъ* и соотвѣтственныхъ литовскихъ формъ. Соотношеніе это таково, что 1) русскому о́ло (= серб. лâ, чеш. lă) соотвѣтствуетъ литовске al съ *восходящимъ* удареніемъ (что̀ довольно странно): во́ронъ — várnas (обозначаю удареніе по своему сербскому способу, а не такъ, какъ у Фортунатова), бо́роду — bárzdą, го́лосъ — gársas, го́родъ — gárdas, ко́локолъ — kánkalas [вм. kálkalas (?)], но́ростъ — nársztas, полово́й [вм. по́ловый (?)], серб. плâв, чеш. plavý — pálvas, поло́нъ [вм. по́лонъ (?)], серб. плӣјен (плӗн), чеш. plen — pélnas заработокъ, порося́ [вм. по́рося (? вѣдь и по-болг. прасе́, по-слов. presɛ!], серб. прâсе [род. прâсета!], чеш. prase — лит. párszas [párszas, въ дѣйствительности, равняется русскому по́росъ!]. 2) Русскому оло́ (= серб. лâ, чеш. lā) соотвѣтствуетъ al (el) съ *нисходящимъ* удареніемъ: боло́то — bâltas бѣлый, бере́за — bêržas (не bêržа!), доло́нь — dêlna (не dêlnis!), коло́ть — kâlti, коро́ва — kârvɛ (не kârva!), мо-ло́ть — mâlti, мере́жа — mârszka (sic!), сорóка = szârka, вере́ть — vêrti. Правда, что я многіе изъ Фортунатовскихъ примѣровъ, какъ болѣе-менѣе сомнительные, отмѣтилъ вопросительными и восклицательными знаками. — Другое наблюденіе Фортунатова касается количества плавно-глухихъ сочетаній у Сербовъ и у Чеховъ и соотвѣтственныхъ созвучій у Литовцевъ: 1) Сербскому ӯ, чеш. l, lu соотвѣтствуютъ литов. íl, él: серб. вӯк, чеш. vlk — лит. vílkas, сер. жӯт (род. жу́та), чеш. žlutý — лит. géltas. 2) Серб. ӯ = ъл соотвѣтствуетъ лит. ӣl: пӯн — pīlnas, вӯна — vīlna. Подобное-же соотвѣтствіе славянскимъ формамъ, какъ въ Литовскомъ языкѣ, Фортунатовъ указываетъ и въ Латышскомъ. Ph. Fortunatov. Zur vergleichenden Betonungslehre der lituslavischen Sprachen. Archiv für slavische Philologie. B. IV, S. 578, 584.

XIV.

Заключеніе.

Повторю вкратцѣ главные выводы изъ настоящаго изслѣдованія, причемъ сдѣлаю къ нимъ нѣкоторыя дополненія.

Разборъ славянскихъ акцентовокъ насъ привелъ къ убѣжденію, что *русское размѣщеніе удареній, вообще говоря, совпадаетъ съ праславянскимъ*[1]).

---

[1]) Вмѣстѣ съ другими особенностями русскаго акцентованія, я возвожу ко временамъ славянскаго единства и *прислоненіе*. Прислоненіе слѣдуетъ считать явленіемъ праславянскимъ уже потому, что оно, въ большемъ или меньшемъ развитіи, встрѣчается во всѣхъ славянскихъ языкахъ. За древность же прислоненія именно въ томъ объемѣ, какой оно имѣетъ въ Русскомъ языкѣ — т. е. какъ исключительное достояніе гибкихъ словъ, въ тѣхъ формахъ, которымъ свойственно наначальное удареніе — говоритъ слѣдующее соображеніе: прислоненіе легко объясняется, если допустить, что оно возникло еще въ то время, когда теперешніе предлоги сохраняли характеръ нарѣчій и имѣли самостоятельное удареніе; когда это удареніе приходилось рядомъ съ наначальнымъ удареніемъ имени, то естественнымъ образомъ одно изъ нихъ терялось, и, вмѣсто выговора на́ ро̀нкоⁿ, на́ ли́поⁿ, являлся выговоръ, на ро̀нкоⁿ, на ли́поⁿ, или — на́ роⁿкоⁿ, на́ липоⁿ. (Первоначально-двусложные предлоги, вѣроятно, только впослѣдствіи подошли подъ аналогію односложныхъ). Что изъ приведенныхъ нарѣчеобразныхъ выраженій съ напредложнымъ удареніемъ уцѣлѣло лишь первое, а второе утрачено, вполнѣ понятно, когда въ гибкомъ словѣ роⁿка̀ и ему подобныхъ безъ того привыкли къ постоянной мѣнѣ акцентовки, между тѣмъ какъ удареніе слова ли́па привыкли считать неподвижнымъ. Возможно, пожалуй, предположеніе, что прислоночныя выраженія въ родѣ на́ липоⁿ господствовали въ Общеславянскомъ языкѣ, и что они были устранены уже во времена Юговосточнаго славянства: такое предположеніе увеличило бы въ Славянскомъ праязыкѣ число случаевъ наначальной акцентовки и облегчило бы нѣсколько объясненіе образованія чешско-лужицкой акцентовки, но зато оно затруднило бы объясненіе польской. — Желательно было бы имѣть по возможности полное сопоставленіе прислоночныхъ выраженій Русскаго и Сербскаго языка: рядомъ съ такими случаями, какъ чакав. по̀ свӣту, иза̀ гра̄да, за̀ рӯку, на̀ ногу = рус. по́ свѣту, изза́ города, за́ руку, на́ ногу и т. д., конечно, найдется немало случаевъ несоотвѣтствія.

Въ I-ой главѣ [1]) мы видѣли, что нѣкоторые ученые рѣшительно отвергали древность русской акцентовки, но видѣли также, что взглядъ ихъ не представляетъ собственно научнаго вывода: онъ, въ сущности, если не ошибаюсь, основанъ лишь на предвзятомъ мнѣніи, будто столь обычное въ Русскомъ языкѣ акцентованіе наставокъ не можетъ быть древнею чертою. Вмѣстѣ съ тѣмъ эти ученые, повидимому, были склонны считать исконною, общеславянскою акцентовкою стройную, одномѣстную систему Чеховъ и Лужичанъ [2]), которую, однако, — если по-ближе всмотрѣться въ дѣло — нельзя не признать позднѣйшею [3]).

Разсудивъ сначала, что объявлять русскую акцентовку, безъ дальнихъ справокъ, искаженною, новѣйшею, не слѣдуетъ, и что она легко можетъ быть весьма древнею, мы затѣмъ убѣдились, что во всѣхъ славянскихъ языкахъ встрѣчаются нѣкоторые слѣды сходнаго съ русскимъ акцентованія; у Южныхъ же славянъ мы нашли: гдѣ — поразительное сходство съ русскою акцентовкою, гдѣ — правильное, стройное соотвѣтствіе ей, причемъ вѣскія доказательства говорили въ пользу большей древности русскаго выговора [4]).

Впрочемъ, въ новѣйшее время перестали относиться чисто отрицательно къ русской акцентовкѣ: древность русскаго (или, что̀ то-же самое, чакавскаго) размѣщенія удареній признается теперь не однимъ изслѣдователемъ. А. Аѳ. Потебня [5]) высказалъ мнѣніе, что русско-чакавская акцентовка нѣкогда была общимъ достояніемъ всѣхъ *Юговосточныхъ славянъ*; дальше идутъ Шкрабецъ, Бодуэнъ-де-Куртенэ, Ягичъ, Лескинъ, Ф. Фортунатовъ и Г. Фишеръ [6]), которые, какъ и авторъ настоящаго изслѣдованія, считаютъ ее *праславянскою*.

---

[1]) Стр. 38—41.

[2]) Это мнѣніе, если не ошибаюсь, прямо было высказано Добровскимъ, но не могу указать, гдѣ.

[3]) См. введеніе, стр. 9.

[4]) Позволю себѣ въ этомъ мѣстѣ остановиться еще на одномъ явленіи, ясно свидѣтельствующемъ о вторичности штокавско-сербскаго акцентованія, явленіи, которое отмѣчено уже выше (гл. II, стр. 56—58), но не было достаточно освѣщено: разумѣю переходъ ударенія на *союзы* — въ такихъ выраженіяхъ, какъ нѝ ја̂, нѝ ти̂, илѝ Бо̀г, илѝ вра̂г — и на *числительныя*, когда на нихъ *не особенно напираютъ*: напр. два̀ брата, десѐт ко̀ла̂. Такой выговоръ, безсмысленный съ логической точки зрѣнія, только и становится понятнымъ, если считать его вторичнымъ и видѣть въ немъ настоящую оттяжку, т. е. чисто механическое искаженіе основного ни ја̂, ни ти̂, или Бо̀г, или вра̂г, два̀ бра̀та, десет ко̀ла̂.

[5]) А. Аѳ. Потебня. О полногласіи (Два изслѣдованія), стр. 44.

[6]) P. Škraḃec. O glasu in naglasu. — И. Бодуэнъ-де-Куртенэ. Бохинско-посав-

Но, можетъ быть, русско-чакавскую акцентовку нельзя вывести изъ основной арійской акцентовки, и потому слѣдуетъ отвергнуть ея древность? О праязычномъ удареніи мы знаемъ очень мало[1]), но то́, что́ мы знаемъ, или съ нѣкоторою вѣроятностью предполагаемъ, вовсе не говоритъ противъ русской акцентовки, а говоритъ въ ея пользу.

Если позволить себѣ пуститься въ теоретическія соображенія о первоначальной акцентовкѣ, то едва-ли можно найти болѣе правдоподобную теорію, чѣмъ теорія *послѣдняго опредѣляющаго* Бенлёва и Вейля. Да, *первообразныя* слова, по всей вѣроятности, полагали удареніе на послѣднее опредѣляющее; но дѣло въ томъ, что, смотря по обстоятельствамъ, не только корень могъ казаться опредѣляемымъ, а наставка опредѣляющимъ, но и наоборотъ, такъ что подобный законъ долженъ былъ одинаково благопріятствовать какъ насуффиксной, такъ и накоренной акцентовкѣ и, въ сущности, равносиленъ отсутствію всякаго закона. Слова *производныя* и *составныя*, повидимому, должны были имѣть выборъ между проведеніемъ того-же принципа послѣдняго опредѣляющаго, слѣдствіемъ котораго являлось акцентованіе суффикса или префикса (какъ въ русскихъ словахъ говор-и́ть, за́-говоръ отъ го́воръ) и сохраненіемъ акцентовки первообразнаго (какъ заговори́ть, дѣлать отъ говори́ть, дѣло). Такимъ образомъ, мы уже на́ основаніи общихъ соображеній будемъ склонны приписать Арійскому языку *вольно-разномѣстную* акцентовку.

Конечно, теоретическія построенія большой цѣны не имѣютъ: дѣйствительно важны для насъ факты, хотя бы и скудные. Но, какъ указано уже во Введеніи, акцентовка древнѣйшихъ языковъ, Санскритскаго и Греческаго, а также и Литовскаго, свидѣтельствуетъ о вольно-разномѣстномъ характерѣ праязычнаго акцентованія. Такой характеръ дѣйствительно и при-

---

скій говоръ (Отчеты), стр. 53 и 77. — V. Jagić. Ueber einige Erscheinungen des slavischen Vocalismus. Archiv für slavische Philologie. B. I, S. 104. — A. Leskien. Miklosich. Fr. Die Wurzeln von der Form altslovenisch trêt und trat. Archiv für slavische Philologie. B. III, S. 704. — Ph. Fortunatov. Zur vergleichenden Betonungslehre der lituslavischen Sprachen. Arch. f. slav. Philol., B. IV. — G. Fischer. Zur Frage über den ursprünglichen Accent im Böhmischen. Arch. f. slav. Philol., B. III, S. 525.

[1]) Если я во Введеніи высказалъ мысль, что пока еще рано говорить о праязычномъ удареніи, то это нѣсколько преувеличено; но несомнѣнно справедливо, что возстановленіе праязычной акцентовки словъ дѣло весьма трудное, требующее величайшей осторожности и осмотрительности, а въ иныхъ случаяхъ (должно быть, въ большинствѣ случаевъ!) и просто невозможное.

писываютъ ему новѣйшіе языковѣды — Бругманъ, Остгоффъ, Вернеръ, Іоганъ Шмидтъ [1]), — которые разсуждаютъ о праязычномъ удареніи на основаніи языковъ Санскритскаго и Греческаго, отчасти также на основаніи готскаго смѣнногласія (Ablaut) и другихъ звуковыхъ явленій [2]).

Несомнѣнно, впрочемъ, что славянская акцентологія, основанная на показаніяхъ живыхъ, современныхъ намъ языковъ, стоитъ на болѣе твердомъ основаніи, чѣмъ арійская, матеріалъ для которой доставляетъ довольно скудное, и не всегда конечно вѣрное, литературное преданіе, и что первая скорѣе можетъ служить подспорьемъ для второй, чѣмъ наоборотъ. Въ настоящее время я могу, на основаніи Славянскихъ языковъ, подтвердить одно изъ положеній арійскихъ акцентологовъ — положеніе о давнишней *баритонности звательнаго падежа*: въ виду напачальной акцентовки звательныхъ въ Санскритскомъ языкѣ, а также и нѣкоторыхъ отдѣльныхъ формъ въ Греческомъ (ἄδελφε, Πόσειδον, σῶτερ, πάτερ, при именительныхъ ἀδελφός, Ποσειδῶν, σωτήρ, πατήρ), въ коихъ нельзя не видѣть остатковъ старины, Бругманъ [3]) признаетъ такую акцентовку праязычною чертою. И вотъ, мы видѣли, что и у Славянъ звательный падежъ почти вовсе не допускаетъ окситоновки, а у Сербовъ акцентуетъ начальный слогъ [4]). (Всегда,

---

[1]) K. Brugman. Nasalis sonans in der indogermanischen Grundsprache. G. Curtius und K. Brugman. Studien zur griechischen und lateinischen Grammatik. B. IX, S. 287 ff. — H. Osthoff. Zur Frage der indogermanischen n-declination. Paul & Braune's Beiträge. B. III, S. 1—89. [Главные выводы этой статьи изложены Бругманомъ въ Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung. B. XXIV, S. 1 (Zur Geschichte der nominalsuffixe -as-, -jas- und -vas-.)]. — K. Verner. Eine ausnahme der ersten lautverschiebung. Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung. B. XXIII, S. 130. — Johannes Schmidt. Zwei a-laute und die palatalen in der indogermanischen Grundsprache. Zeitschrift. B. XXV.

[2]) Выводы названныхъ ученыхъ иногда подлежатъ нѣкоторому сомнѣнію: я, напримѣръ, не вполнѣ довѣряю имъ въ тѣхъ случаяхъ, когда они, наперекоръ и греческой, и санскритской акцентовкѣ, основываясь единственно на ослабленіи какого-нибудь слога, объявляютъ его первоначально безударнымъ (Brugman. Nasalis sonans in der indogermanischen Grundsprache. Curtius und Brugman. Studien zur griechischen und lateinischen Grammatik. B. IX, S. 326, Anm. 43). Развѣ ударяемый гласный не можетъ ослабѣть и исказиться? вспомнимъ ст. церк. тъпътъ, тъмънъ, болг. прът = пръстъ, зъб = зѫбъ!

[3]) K. Brugman. Zur Geschichte der stammabstufenden Declinationen. Curtius & Brugman. Studien. B. IX, S. 370.

[4]) См. гл. I, стр. 25 и 30, гл. III, стр. 98, гл. IV, стр. 119 и примѣч. къ таблицамъ I Б и III Б.

или почти всегда?). Ударяемость въ нѣкоторыхъ случаяхъ *личныхъ наставокъ* уже раньше [1]) была отмѣчена какъ черта сходства акцентовокъ Славянъ и Древнихъ индусовъ, которая, по всей вѣроятности, восходитъ къ сѣдой древности; къ сказанному можно еще прибавить указаніе на подобную же, правда рѣдкую, акцентовку у Грековъ и ясный слѣдъ ея въ Готскомъ языкѣ (въ видѣ смѣнногласія) [2]).

О *новославянскихъ акцентовкахъ* мы составили себѣ такое понятіе, что онѣ, по большей части, развились изъ общеславянской путемъ болѣе или менѣе послѣдовательно проведенной *оттяжки*, къ коей впослѣдствіи иногда присоединялось подравнивающее дѣйствіе *аналогіи*, которое нѣкоторыя баритонныя, но все еще разномѣстныя акцентовки обратило въ одномѣстныя. Т. к. мы видѣли оттяжку и въ Литовскомъ языкѣ, то можемъ предположить, что начатки ея (напр. въ им. пад. ед. ч. основъ муж. р. на ă: sáp-nas — сѣнъ, sopágas — сапо́гъ) восходятъ ко временамъ литвославянскаго единства, и что, между тѣмъ какъ въ западныхъ говорахъ Литовцевъ и у нѣкоторыхъ славянскихъ народовъ развитіе ея остановилось, она у другихъ росла и распространялась [3]).

Странно, что рядомъ съ оттяжкою находимъ у Славянъ [у Словенцевъ, Полабцевъ и у Болгаръ (?)] также противоположное ей явленіе — *выдвижку*. Само собою разумѣется, что два противоположныя стремленія не могутъ одновременно господствовать въ языкѣ, и слѣдуетъ, кажется, думать — мы видѣли нѣкоторое доказательство тому въ Полабскомъ языкѣ, — что выдвижка есть явленіе позднѣйшее, которому, вмѣстѣ съ тѣмъ, должно приписать самостоятельное возникновеніе въ отдѣльныхъ языкахъ.

Относительно *качества* праславянскаго ударенія, мы, какъ по нѣкоторымъ фактическимъ даннымъ, такъ и по аналогіи древнѣйшихъ извѣстныхъ намъ языковъ — Санскритскаго, Греческаго, Латинскаго, а также и Литовскаго, — склонны будемъ предположить, что акцентовка Праславянъ, подобно сербской, была *музыкальная*, и даже болѣе музыкальная, чѣмъ сербская, т. е. не полухроматическая [существенно-экспираторная], а *чистохроматическая*, и что дальнѣйшее развитіе ея въ новославянскихъ языкахъ

---

[1]) Гл. III, стр. 92, прим. 2.

[2]) K. Brugman. Nasalis sonans. Curtius' Studien. B. IX, S. 291 Anm. 5, 294 u. 315. — K. Verner. Eine ausnahme der ersten lautverschiebung. Zeitschrift. B. XXIII, 112.

[3]) Восточные говоры Литовцевъ (на Руси) довольно рѣшительно баритонничаютъ.

состояло въ постепенномъ ослабѣваніи музыкальности, которое въ большей части изъ нихъ дошло до совершеннаго уничтоженія [1]).

---

[1]) Это тотъ же ходъ развитія, который Бенлёвъ приписываетъ арійской акцентовкѣ вообще. Греческая нпр. акцентовка (передаю мысль Бенлёва своими словами) изъ хроматической сдѣлалась сначала существенно-хроматической, потомъ—существенно-экспираторной, наконецъ — чисто-экспираторной. Съ этой точки зрѣнія объясняется допущенное мною, по недосмотру, противорѣчіе, что я во Введеніи греческую акцентовку, вслѣдъ за Вернеромъ, называю хроматическою, а во II-ой главѣ (стр. 47), вмѣстѣ съ Ягичемъ, приравниваю ее къ сербской, существенно-экспираторной: въ древнѣйшій періодъ Греческаго языка преобладающимъ элементомъ въ удареніи было повышеніе голоса, во времена же грамматиковъ оно имѣло уже второстепенное значеніе.

АКЦЕНТОВОЧНЫЯ ТАБЛИЦЫ.

Прилагаемыя къ моему труду акцентовочныя таблицы распадаются на 2 части: первая обнимаетъ слова *первообразныя*, вторая — *производныя*. Но, т. к. разграничить эти двѣ группы словъ не всегда удобно, то легко могло случиться, что какое-нибудь производное попало въ число первообразныхъ; нѣкоторыя же реченія, которыя несомнѣнно содержатъ болѣе одной наставки, или же содержатъ два корня (напр. озеро, человѣкъ), я нарочно помѣстилъ въ первомъ отдѣлѣ, не сумѣвши найти имъ мѣсто во второмъ и не желая исключать ихъ вовсе.

При составленіи своихъ таблицъ я пользовался какъ словарями, грамматиками и монографіями объ удареніи, такъ и устными показаніями. Для Словенскаго языка главнымъ пособіемъ были статьи Валявца, которыя однако выходили слишкомъ поздно, чтобы облегчить мнѣ работу: обыкновенно я искалъ въ нихъ указанія на качество ударенія, послѣ того какъ уже опредѣлилъ мѣсто его по другимъ пособіямъ; словъ средняго рода Валявецъ касается лишь мелькомъ, почему у меня на этихъ словахъ и является множество отвѣсовъ (знаковъ неопредѣленнаго ударенія).

Таблицамъ я старался придать возможную полноту, т. е. старался внести въ нихъ всѣ слова, которыя можно провести по 4-мъ, или, по крайней мѣрѣ, по 3-мъ нарѣчіямъ; но достичь этого трудно, особенно у словъ производныхъ: иногда я не былъ въ состояніи опредѣлить акцентовки словъ, а многія мнѣ могли и вовсе остаться неизвѣстными.

Въ основаніе перваго отдѣла таблицъ легли акцентовочныя таблицы, составленныя для Сербскаго языка Мажураничемъ и помѣщенныя въ его Хорватской грамматикѣ. Списки Мажуранича я провѣрилъ по Караджичу, отчасти по Даничичу и по Будмани, и, исключивъ изъ нихъ, съ одной стороны, тѣ реченія, коимъ не находилъ соотвѣтствія въ другихъ языкахъ, съ другой стороны, сдѣлалъ нѣкоторыя дополненія.

Вторая половина таблицъ основана на спискахъ русскихъ производныхъ словъ, составленныхъ Я. К. Гротомъ. Мною къ нимъ сдѣланы нѣкоторыя дополненія, примѣнительно къ другимъ языкамъ; иные же примѣры (на

суффиксы неупотребительные или почти неупотребительные въ другихъ языкахъ) были исключены. Далѣе, я не принялъ Гротовскаго распредѣленія производныхъ словъ на группы по характеру ихъ первообразныхъ, которое я затруднился провести у Сербовъ, Болгаръ, Словенцевъ и далеко не всегда считаю основательнымъ [1]). Отъ параллелизма, соблюденнаго мною у первообразныхъ реченій, я отказался у производныхъ: рѣдкое слово можно провести по 3—4 языкамъ. Не строю я также праславянскихъ формъ, какъ въ первой половинѣ таблицъ: рѣдко только, когда слово проходитъ по всѣмъ, или почти по всѣмъ нарѣчіямъ, въ одномъ и томъ-же значеніи — какъ нпр. слово доброта, — оно съ полною достовѣрностью можетъ быть возведено къ общеславянскимъ временамъ, въ большей же части случаевъ возможно предположеніе, что разные славянскіе народы независимо другъ отъ друга сложили общеславянскій корень съ общеславянскою наставкою.

Слова въ акцентовочныхъ таблицахъ расположены по порядку русской азбуки, съ исключеніемъ *я*, *ю* и со включеніемъ въ нее сербскаго *j* (русскія *я*, *ю*, *е* считаю за *ja*, *ju*, *je*), да еще знака носового назвука (ѧ), поставленнаго послѣ буквы *н*. Сербскія Ђ, Ћ, Љ, Њ считаются у меня за *dj*, *tj*, *lj*, *nj*. Также слова писанныя латиницей (словенскія, чешскія [2]) и др.) идутъ въ порядкѣ своей кирилловской трансскрипціи. Во 2-ой части таблицъ, гдѣ въ разныхъ языкахъ нерѣдко являются разные примѣры, каждый языкъ придерживается указаннаго порядка независимо отъ другихъ, въ 1-ой же части, гдѣ одни и тѣ-же слова проводятся по 5-ти или по 6-ти языкамъ, я придерживаюсь азбучной послѣдовательности праславянскихъ словъ, которая не всегда совпадаетъ съ русскою, сербскою и т. д. [3]).

---

[1]) Такъ я, напримѣръ, рѣшительно не понимаю, почему слова рабо́та, клевета́, хло́поты должны считаться отглагольными, и, наоборотъ, отъ нихъ произвожу глаголы рабо́тать, клевета́ть и хлопота́ть (послѣдній, конечно, не отъ множественнаго числа хло́поты, а отъ единственнаго — хлопота́).

[2]) Чешскія слова служатъ для опредѣленія праславянскаго количества. Они лишни, когда дѣло идетъ о ъ и ь, коихъ замѣны у Чеховъ всегда бываютъ краткими.

[3]) Нпр. въ 1-мъ отдѣлѣ слово *кусъ* = консъ предшествуетъ слову *кругъ* (I А 2), *стрьла* — слову *серна* = сьрна (Ш Б 2а).

Слова первообразныя.

I.

Слова 1-го склоненія.

А. Съ накореннымъ удареніемъ.

1) Съ краткимъ кореннымъ гласнымъ у Сербовъ.

Русскія:	Сербскія:	Словенскія:	Чешскія:	Праславянскія:
братъ, брáта.	брàт, -а.	brȁt, bráta.	bratr, brat.	брàтъ, -а.
волóхъ, -а.	влàх, -а [1]).	vlȁh, vláha.	vlach.	влàхъ, -а [2]).
воскъ, вóска.	вòсак, -ска.	vosȅk, -ska.	vosk.	вòскъ, -а.
вѣтеръ, -тра.	вѣтар, -тра.	vȇtьr.	vītr, vĕtru.	вѣтръ, вѣтра.
гадъ, гáда.	гàд, -а.	gȁd, gáda.	had.	гàдъ, -а.
градъ, грáда.	грàд, -а.	—	hrād и hrad, hrady.	грáдъ, грàда.
горóхъ, -а.	грàх, -а.	grȁh, gráha.	hrāch, hrāchu.	грáхъ, грàха.

---

[1]) Мѣстный падежъ влàху.

[2]) Пишу в*лах*ъ, не только потому, что нужно же придать слову ту, или другую форму (вѣдь неудобно было бы прописать еще и в*алах*ъ, и в*олох*ъ, и в*алх*ъ и в*олх*ъ!), но и потому, что дѣйствительно считаю такую вокализацію праславянскою. Впрочемъ, мнѣ думается, что въ Праславянскомъ языкѣ должны были рядомъ употребляться *двѣ формы:* одна—*влахъ*, существованіе которой, кажется, доказано тѣмъ, что она является въ одно время у Югозападныхъ славянъ и у Сѣверозападныхъ (у Чеховъ), другая—**волхъ*, которую, вмѣстѣ съ Миклошичемъ (Ueber den Ursprung der Worte von der Form altslov. trȇt, trat), можно съ значительною вѣроятностью предполагать, какъ правильное развитіе общеарійскаго al. Изъ этихъ двухъ формъ удобно объясняется полногласіе и соотвѣтствующія ему инославянскія созвучія: Чехи и Южные славяне просто оставили «толтовую» форму за штатомъ и сохранили одну «тлатовую» (влахъ); остальные примѣнили «тлатовую» форму къ «толтовой» и вмѣсто *ла* стали произносить *ло* (волхъ и влохъ), послѣ чего уже Поляки и Лужичане отказались отъ сходной съ иноарійскою вокализаціи, т. е., удержали только форму влохъ, а Русскіе смѣшали и слили обѣ формы въ одну, съ гласнымъ и передъ плавнымъ, и послѣ него, т. е. создали полногласіе. Принявши двѣ основныя формы, мы поймемъ также двойственность соотвѣтственныхъ созвучій у Кашубовъ и Полабцевъ. Считаю, такимъ образомъ, полногласіе явленіемъ неорганическимъ: изслѣдователи, по моему, вполнѣ доказали другъ другу, что всѣ предложенныя до сихъ поръ объясненія его противорѣчатъ законамъ славянской фонетики.

Русскія:	Сербскія.	Словенскія	Чешскія:	Праславянскія.
грекъ, грека.	гр̏к, -а.	grȇk.	řek.	грѣ̀къ, -а.
дымъ, дыма.	дȉм, -а.	dȉm, díma.	dým, dymu.	ды̀мъ, -а.
дѣдъ, дѣда.	дѐд, -а.	dȅd, dé̋da.	děd.	дѣ̀дъ, -а.
ядъ, яда.	ја̏д, -а.	—	jed.	ја̀дъ, -а.
югъ, юга.	ју̏г, -а.	jȕg, jūga.	jih, jīh.	ју̏гъ, -а.
клинъ, клина.	кли̏н, -а.	klȉn, klīna.	klīn.	кли̏нъ, -а.
—	кру̏х, -а.	krȕh, krúha.	kruch.	кру̏хъ, -а.
лазъ, лаза, на лазу̀.	ла̏з, -а.	lâz, прогалина, чищоба.	laz unangebauter Ort и т. д.	ла̏зъ, -а.
лукъ, лу̀ка.	лу̏к, -а.	lȕk, lūka.	luk (ст. ч. и сл.).	лу̏къ, -а.
макъ, ма̀ка.	ма̀к, -а Маж. [1]).	màk (mâk), māka.	māk.	ма̀къ, -а.
мозгъ, мо̀зга, въ мозгу̀, мозгѝ.	мо̏зак (мо̑зак), мо̏зга.	mồzъg, mồzga.	mozek.	мо̏згъ, -а [2]).
моро̀зъ, -а.	мра̀з, -а.	mrȁz, mrāza.	mrāz, mraza.	мра̀зъ, мра̀за.
плугъ, плу̀га.	плу̏г, -а.	plȕg, plūga.	pluh.	плу̏гъ, -а.
поро̀гъ, -а.	пра̀г, -а, м. пра̀гу.	prȁg, prāga.	prah, (prāh), prahu.	пра̀гъ, пра̀га.
поро̀мъ, -а.	пра̀м, -а больша́я лодка.	prâm.	prām.	пра̀мъ, -а.
ракъ, ра̀ка.	ра̀к, -а.	rȁk, rāka.	rak.	ра̀къ, -а.
рокъ, ро̀ка.	ро̏к (ро̑к), ро̀ка срокъ.	rȏk и rôk.	rok.	ро̏къ, -а.
сватъ, сва̀та.	сва̏т, -а.	svȁt, svāta.	svat.	сва̏тъ, -а.
свѐкоръ, -кра. [3]).	све̏кар, -кра, Маж. [4]).	svȇkъr.	svekr.	све̏кръ, -кра (?).
сомъ, со̀ма.	со̏м, -а. Маж. [5]).	sȏm, sȏma.	som.	со̏мъ, со̀ма? сома̏?
сыръ, сы̀ра, сыры̀.	сȉр, -а.	sȋr, sīra.	sȳr.	сы̀ръ, -а.
хлѣ̀бъ, хлѣ̀ба.	хлѐб, -а.	hlȅb, hlé̋ba.	chlȅb, chleba.	хлѣ̀бъ, хлѣ̀ба.
хрѣ̀нъ, хрѣ̀на.	хрѐн, хрѐна.	hrȅn, hré̋na.	chřen.	хрѣ̀нъ, хрѣ̀на (?)
часъ, ча̀са, часы̀ [6]).	ча̑с, -а, м. ча̑су.	čȃs, čāsa.	čas.	ча̑съ, -а.

[1]) Кар.: ма̑к, ма̀ка.

[2]) По-болгарски мо̀зък, -зъци. Едва-ли ни правильнѣе принимать за основную форму этого слова мозъгъ или мозыгъ, и считать его производнымъ.

[3]) Слышится также свекоръ.

[4]) Кар.: све̏кар, свѐкра.

[5]) Кар.: со̏м, со̀ма.

[6]) Странно акцентуются выраженія два часа́, три часа́. Такую акцентовку я считаю искаженіемъ основной — два́ часа, три́ часа (см. гл. I, стр. 38); но отчего оно могло произойти? Ср. прим. къ словамъ рядъ и утро, стр. 237 и 244.

2. Слова накоренной акцентовки, съ долгимъ кореннымъ гласнымъ у Сербовъ.

Русскія.	Сербскія:	Словенскія:	Чешскія.	Праславянскія.
бо́ровъ, -а, мн. борова́.	бра̑в, -а oves, porcus castratus.	brâv Schafvieh.	brav.	бра́въ, -а.
брусъ, бру́са, бру́сья.	бру̑с, -а, мѣст. бру́су [1]).	brûs, -а.	brus.	бру́съ, -а.
бе́регъ, -а, на берегу́, берега́.	бре̑г, -а.	brȇg, bregâ.	břeh.	бре́гъ, -а.
бѣгъ, бѣга, бѣга́.	бе̑г, -а.	bȇg.	běh.	бѣгъ, -а.
бѣсъ, бѣса.	бе̑с, -а, ярость.	bȇs.	běs.	бѣсъ, -а.
валъ, ва́ла, на валу́, валы́.	ва̑л, -а, ва̑ли и ва́лови.	vâl, valû.	val.	ва́лъ, -а.
видъ, ви́да, въ виду́, ви́ды и виды́ [2]).	ви̑д, -а.	vîd.	vid.	ви́дъ, -а.
во́локъ, -а.	вла̑к, -а [3]).	vlâk, -а.	vlak.	вла́къ, -а.
во́лосъ, -а, во́лосы (волоса́), во́лосъ, волоса́мъ.	вла̑с, -а.	vlâs, vlasû.	vlas.	вла́съ, -а.
возъ, во́за, на возу́, возы́.	во̑з, -а, (Маж. во̑з, во̏за).	vôz, vωzâ.	vûz, vozu.	во́зъ, -а.
во́ронъ, -а.	вра̑н, -а.	vrân, vranâ.	—	вра́нъ, -а.
во́ротъ, -а.	вра̑т, -а.	vrât, vratû.	—	вра́тъ, -а.
волкъ, во́лка, волко́въ.	ву̑к, -а.	vôlk(vω̂lk), vωlkâ.	vlk.	вѣлкъ, -а [4]).

---

[1]) Въ Сербскомъ языкѣ, по показанію Даничича, всѣ слова этого рода, означающія предметы неодушевленныя, имѣютъ въ мѣст. падежѣ ед. ч. *восходящее* удареніе; у одушевленныхъ же мѣстный совпадаетъ съ дательнымъ: нпр. ву̑ку, вра̑пу. Множ. ч., образованное отъ распространенной основы (простая употребляется рѣже), получаетъ въ имен. и въ вин. падежѣ у однихъ словъ *ръзкое*, у другихъ *восходящее* удареніе: бре̏гови, гра̏дови, да̏рови — ва́лови, ду́бови, пру́тови. Слова̀ второго рода акцентуются такъ же и въ род. и въ дат. падежѣ, слова̀ перваго рода въ род. — полагаютъ восходящее удареніе на наращеніе: брегова̄, дарова̄, въ дат. — сходствуетъ съ именительнымъ (и вин.): да̏ровима, цве̏товима, или же съ род. (только, что, по причинѣ краткости гласнаго, вм. восходящаго ударенія, является *слабое*): брегòвима, синòвима; бо́льшая часть словъ — можетъ быть, даже всѣ — колеблется между тѣмъ и другимъ произношеніемъ: гра̏довима и градòвима, да̏ровима и дарòвима, цве̏товима и цветòвима.

[2]) См. гл. I, стр. 26.

[3]) Родъ сѣти.

[4]) Праязычное vârkas?: санскр. vṛ́kas, греч. λύκος, однако литовское vìlkas что̀ д. б. = *vilka̋s (см. гл. XIII, стр. 221).

Русскія:	Сербскія:	Словенскія:	Чешскія:	Праславянскія:
вѣкъ, вѣка, на вѣку́, вѣка́ (во вѣки).	вѐк, -а.	vȇk, -а.	věk.	вѣкъ, -а.
го́лодъ, -а.	гла̑д, -а.	glâd, -а.	hlad.	гла́дъ, -а.
го́лосъ, -а.	гла̑с, -а [1]).	glâs, glasû.	hlas.	гла́съ, -а.
гнѣвъ, гнѣва.	гнѐв, -а.	—	hněv.	гнѣвъ, -а.
го́родъ, -а.	гра̑д, -а [2]).	grâd, gradû.	hrad.	гра́дъ, -а.
даръ, да́ра, дары́.	да̑р, -а.	dâr, darû.	dar.	да́ръ, -а.
дубъ, ду́ба, дубы́.	ду́б, -а.	dôb, dωbû.	dub.	до́ңбъ, -а.
другъ, дру́га.	дру́г, -а.	drûg, drugû [3]).	druh.	дру́гъ, -а.
долгъ, до́лга, въ долгу́, долги́ (церк. до́лзи).	ду́г, -а.	dôlg, dωlgâ.	dluh.	дъ̀лгъ, -а.
*дѣлъ, дѣла [4]).	дѐо, де́ла [5]).	dȇl.	dīl.	дѣлъ, -а (?).
жаръ, жа́ра, въ жару́, жары́.	жа̑р, -а.	žâr.	—	жа́ръ, -а.
жиръ, жи́ра.	жи́р, -а желуди.	žîr, žirû.	žīr.	жи́ръ, -а.
жо́лобъ, -а.	жлѐб, -а.	žlȇb.	žlab.	жлѣ́бъ, -а.
знакъ, зна́ка.	зна̑к, -а.	—	znak.	зна́къ, -а.
зу́бъ, зу́ба, зубо́въ.	зу́б, -а.	zôb, zωbâ.	zub.	зо́ңбъ, -а.
зракъ, зра́ка. книж.	зра̑к, -а лучъ.	zrâk, воздухъ.	zrak зрѣ́nie.	зра́къ, -а.
калъ, ка́ла.	ка̑л (ка̑о), ка̑ла.	kâl.	kal.	ка́лъ, -а.
квасъ, ква́са, на квасу́.	ква̑с, -а дрожжи.	kvâs, kvasû.	kvas.	ква́съ, -а.
ко́лосъ, -а [6]).	кла̑с, -а.	klâs, klasû.	klas.	кла́съ, -а.
кусъ, ку́са.	ку́с, -а.	kôs, kωsâ.	kus.	ко́ңсъ, -а.
кругъ, кру́га, въ кругу́, круги́.	кру́г, -а.	krôg.	kruh и krouh.	кро̑ңгъ, -а.
ликъ, ли́ка.	ли́к, -а.	lîk.	—	ли́къ, -а.
лугъ, лу́га, на лугу́, луга́.	лу́г, -а.	lôg, lωgâ.	luh.	ло́ңгъ, -а.
лукъ, лу́ка.	лу́к, -а.	lôk.	luk.	ло́ңкъ, -а.

[1]) Множ. ч. гла̑си и гла̑сови.

[2]) Множ. ч. гра̑ди и гра̑дови.

[3]) Значитъ пара (лошадей, воловъ).

[4]) Именительный и родительный построены на основаніи мѣстнаго дѣлу́: «на дѣлу́ не обдѣли».

[5]) Такъ по Караджичу; Мажураничъ пишетъ дѐо, де́ла.

[6]) Множ. ч. коло́сья.

Русскія:	Сербскія:	Словенскія:	Чешскія:	Праславянскія:
лѣсъ, лѣса, въ лѣсу́, лѣса́.	лѣ̑с, -а.	lȇs, lesâ.	les.	лѣсъ, -а.
мракъ, мра́ка; мо́рокъ, -а нар.	мра̑к, -а.	mrâk, mrakû.	mrak.	мра́къ, -а.
мѣхъ, мѣха, мѣхи́ и мѣха́.	мѣ̑х, -а Маж.; Кар. мѣ̑х, мѣ̀ха.	mȇh, mehâ.	měch.	мѣхъ, -а.
пиръ, пи́ра, въ пиру́, пиры́.	пи̑р, -а.	pîr.	—	пи́ръ, -а.
по́лозъ, -а (мн. поло́зья).	пла̑з, -а.	plâz, plazû.	plaz.	пла́зъ, -а.
по́рохъ, -а.	пра̑х, -а Маж.[1]).	prâh, prahû.	prach.	пра́хъ, -а.
плѣнъ, плѣна[2]).	плѣ̑н, -а.	plȇn.	plen.	плѣнъ, -а.
прутъ, пру́та[3]).	пру̑т, -а.	prôt.	prut.	про̨тъ, -а.
разъ, ра́за.	ра̑з, -а.	râz.	—	ра́зъ, -а.
рядъ, ря́да, въ ряду́, ряды́[4]).	ре̑д, -а.	rȇd (иногда rȅd), redû.	řad рядъ, řād порядокъ.	ре̑ндъ, -а.
садъ, са́да, въ саду́, сады́.	са̑д, -а.	sâd, sadû.	sad.	са́дъ, -а.
сво́робъ, -а.	сврâб, -а.	srâb.	svrab.	сра́бъ, -а.
свѣтъ, свѣта.	свѐт, -а.	svȇt, svetâ.	svět.	свѣтъ, -а.
со́лодъ, -а.	—	slâd.	slad.	сла́дъ, -а.
слухъ, слу́ха.	слу̑х, -а.	slûh.	sluch.	слу́хъ, -а.
слѣдъ, слѣда (и слѣда́), слѣды́.	слӣјед, -а черног.	slȇd, sledû.	sled.	слѣдъ, -а.
смрадъ, смра́да.	смра̑д, -а.	smrâd, smradû.	smrad.	смра́дъ, -а.
смѣхъ, смѣха.	смѐх, -а.	smȅh, smehâ.	smīch, -u.	смѣхъ, -а.
снѣгъ, снѣга, въ снѣгу́, снѣга́.	снѐг, -а.	snȅg, snegâ.	snīh, sněhu.	снѣгъ, -а.
судъ, су́да, суды́ (суда́)[5]).	су̑д, -а.	sôd (sód).	sud.	со́ндъ, -а.
срамъ, сра́ма[6]).	сра̑м, -а.	srâm.	ст. sram.	сра́мъ, -а.
станъ, ста́на.	ста̑н, -а.	stân, stanû.	stan (польск. stan, stanu).	ста̑нъ, -а (-у).

---

[1]) Караджичъ пишетъ пра̑хъ, пра̀ха.

[2]) И поло́нъ, вм. ожидаемаго по́лонъ.

[3]) Множ. ч. пру́тья.

[4]) Странную акцентовку представляютъ выраженія два ряда́, три ряда́, которыя я считаю искаженными изъ два́ ряда, три́ ряда; но отчего произошло такое искаженіе? См. табл. I A 1, стр. 234, пр. 6.

[5]) Бѣлорус. су́ды, судо́въ пара ведеръ.

[6]) Народное соро́мъ и со́ромъ.

Русскія:	Сербскія:	Словенскія:	Чешскія:	Праславянскія:
страхъ, стра́ха.	стра̑х, -а Маж.; Кар. стра̑х, стра̏ха.	stra̍h, strahû.	strach.	стра́хъ, -а.
струкъ, стру́ка млр. [1]).	стру̏к, -а.	str᷅k, str᷅ka [2]).	strouk и struk.	стро̑ꙉкъ, -а (?).
сотъ, со́та.	са̑т, -а.	sât, sътû.	—	сѣтъ, -а.
сынъ, сы́на, сыны́ (сыновья́).	сы̑н, -а, сы̑ни и сы̏нови, сино̀ва и синова̀, синòвима.	sîn, sinû.	syn.	сы́нъ, -у.
то́рокъ, -а [3]).	тра̑к, -а дубр. лента.	trâk, trakâ.	trak подтяжка.	тра́къ, -а.
трупъ, тру́па.	тру̑п, -а truncus.	trûp.	—	тру́пъ, -а.
трутъ, тру́та.	тру̑д, -а.	trôd.	troud.	тро̑ндъ, -а.
трескъ, тре́ска.	тре̑с, -а (тре̑сак, -ска).	trȇsk.	—	тре́скъ, -а.
торгъ, то́рга, торги́.	тъ̑рг, -а.	tȓg.	trh.	тъ́ргъ, -а.
торкъ [4]).	тъ̑рк, -а бѣгъ.	tȓk.	trk ударъ.	тъ́ркъ, -а.
тернъ (те́ренъ), те́рна.	тъ̑рн, -а; Маж. тъ̏рн, тъ̀рна.	tȓn.	trn, мѣстн. и словац. tȓn.	тъ́рнъ, -а (?).
удъ, у́да церк.	у̑д, -а.	úd и ud̂.	ūd.	у̑дъ, -а.
хо́лодъ, -а, на холоду́, холода́.	хла̑д, -а.	hlâd, hladû.	chlad.	хла́дъ, -а.
цвѣтъ, цвѣта, въ цвѣту́, -ы́ (-а́).	цве̑т, -а.	cvȇt, cvetû.	květ.	квѣтъ, -а.
цѣпъ, цѣпа, цѣпы́.	цѣ̑п, -а.	cȇp, cepû.	cep.	цѣпъ, -а.
чинъ, чи́на, чины́.	чи̑н, -а. Кар. [5]).	čîn.	čin.	чи́нъ, -а (-у).
членъ, чле́на.	чла̑н, -а.	člȇn, ум. člъnъ̑k, -nkâ.	člen.	чльнъ, -а.
че́репъ, -а [6]).	прѣ̑п, -а.	črȇp.	stř̌ep.	чрѣпъ, -а.
чолнъ, чо́лна.	чу̑н, -а.	čôln.	člun.	чьлнъ, -а.
шумъ, шу́ма.	шу̑м, -а.	—	šum.	шу́мъ, -а.

---

[1]) Есть фамилія Стру́ковъ.

[2]) Мурко велитъ произносить родительный stroka; по-штирійски—strōk (Mikl.).

[3]) Значитъ ударъ, порывъ вѣтра, шквалъ.

[4]) Родительный то́рка? Торкъ значитъ стукъ. Даль.

[5]) Мажураничъ: чи̑н, чи́на.

[6]) Множ. ч. черепа́.

3. Слова накоренной акцентовки, съ долгимъ гласнымъ въ одномъ именительномъ падежѣ.

Русскія.	Сербскія.	Словенскія:	Чешскія:	Праславянскія:
Богъ, Бо́га, богóвъ.	Бо̑г, Бо̀га.	Bô̄g, Bωgâ [1]).	Bû̄h, Boha.	бо́гъ, бо̀̑га [2]).
бой, бо́я, въ бою́, бои́.	бо̑j, бо̀̑ja (Маж. бо̀ja), мѣст. бо̀ју [3]).	bω̑̄j.	boj.	бо́и, бо̀̑ja (?).
бокъ, бо́ка, на боку́, бока́ (руки въ бо́ки).	бо̑k, бо̀̑ka.	bω̑̄k.	bok.	бо́къ, бо̀̑ka (?).
боръ, бо́ра, въ бору́.	бо̑р, бо̀̑ра (Маж. бо̀ра).	—	bor.	бо́ръ, бо̀̑ра (?).
бродъ, бро́да.	бро̑д, бро̀̑да.	brô̄d, brωdû̄.	brod.	бро́дъ, бро̀̑да.
гной, гно́я.	гно̑j, гно̀̑ja.	gnô̄j, gnωjâ [4]).	hnû̄j, hnoje.	гно́и, гно̀̑ja [5]).
годъ, го́да, въ году́, го́ды (года́), годо́въ.	го̑д, го̀̑да.	gô̄d, gωdû̄.	hod, hody.	го́дъ, го̀̑да.
громъ, гро́ма, громо́въ.	гро̑м, гро̀̑ма [6]).	grô̄m, grωmû̄.	hrom.	гро́мъ, гро̀̑ма.
долъ, до́ла.	до̑л (до̑), до̀̑ла.	dô̄l.	dû̄l, dolu.	до́лъ, до̀̑ла [7]).
домъ, до́ма, въ дому́, до́мы (дома́), домо́въ.	до̑м, до̀̑ма.	dô̄m, domû̄ [8]).	dû̄m, domu.	до́мъ, до̀̑му [9]).

---

[1]) Резьянское: bū̆k, bŏ̄ga.

[2]) Въ виду согласныхъ показаній языковъ Сербскаго, Словенскаго, Чешскаго, а также Лужицкаго, Польскаго и нарѣчія Малорусскаго (в. луж. Bo̱h, Boha, н. луж. Bo̱g, Boga, поль. Bû̄g, Boga, м. рус. *спасиби*) мы, кажется, должны предположить, что продленіе *о* въ именительномъ падежѣ этого слова произошло еще на общеславянской почвѣ, подъ конецъ праславянскаго періода. Срв. гл. XII, стр. 207, пр. 4.

[3]) У Сербовъ всѣ слова этого рода представляютъ въ *мѣстномъ падежѣ слабое удареніе:* -до̀му, мѐду, но̀су и т. д.; только названія предметовъ *одушевленныхъ* не отличаютъ мѣстнаго отъ дательнаго: бо̀гу, зма̀ју (срв. ву̑ку, вра̑ну, стр. 235, прим. 1). Во множественномъ числѣ, при нарощеніи *ов, ев,* является *слабое удареніе на корнѣ:* до̀мови, -о̄ва̄, -овима. Множеств. ч. безъ нарощенія малоупотребительно, но по словамъ Даничича, оно едва-ли можетъ произноситься съ инымъ удареніемъ, какъ съ рѣзкимъ: ро̑г — ро̀̑зи, ро̑ге, ро̀̑зима.

[4]) Резьян. hnū̆j, hnŏ̄ja.

[5]) Въ позднѣйшій періодъ, должно быть, гно̑й, гно̀̑ja.

[6]) Караджичъ пишетъ гро̑м, гро̀ма; произносятъ также гро̀̑м, гро̀̑ма.

[7]) Въ позднѣйшій періодъ, вѣроятно, говорили до̑л̓, до̀̑ла.

[8]) Резьян. dū̆m, dŏ̄ma.

[9]) Въ болѣе позднее время им. п., должно быть, звучалъ до̑м̓.

Русскія	Сербскія:	Словенскія:	Чешскія	Праславянскія
дробъ [1]).	дро̑б, дро̀ба.	drô̑b, drωb̀û.	drob.	дро́бъ, дро̀ба.
змѣй, змѣя.	змâj, змàja.	zmîj.	zmij.	змьи, змьја [2]).
зной, зноя.	зно̑j, зно̀ja.	znȏj (znȏ̀j), znωjâ.	znoj.	зно́и, зно̀ja.
ковъ, кова.	ко̑в, ко̀ва.	kȏv и kȏ̀v.	kov.	ко́въ, ко̀ва (?).
край, края, на краю, краи (края), краевъ.	крâj, кра̀ja [3]).	krầj, krāja.	kraj.	кра́и, кра̀ja.
кровь, крова.	кро̑в, кро̀ва.	krȏ̀v.	krov.	кро́въ, кро̀ва.
ледъ, льда [4]).	ле̑д, лѐда.	lê̑d, ledû.	led.	ле́дъ, лѐда.
ловъ, лова.	ло̑в, ло̀ва.	lô̑v, -a [5]).	lov.	ло́въ, ло̀ва.
лой, лоя юж.	ло̑j, ло̀ja.	lô̑j, lωjâ.	lůj, loje.	ло́и (ло̑й), ло̀ja.
медъ, меда, въ меду.	ме̑д, мѐда.	mê̑d, medû.	med.	ме́дъ, мѐду.
мостъ, моста (моста), на мосту, мосты.	мо̑ст, мо̀ста.	mô̑st, mωstû.	most.	мо́стъ, мо̀ста.
носъ, носа, въ носу, носы.	но̑с, но̀са.	nô̑s, nωsâ.	nos.	но́съ, но̀са.
плотъ, плота, на плоту, плоты.	пло̑т, пло̀та заборъ.	plô̑t, plωtû.	plot.	пло́тъ, пло̀та.
потъ, пота, въ поту.	по̑т, по̀та.	pô̑t, pωtû.	pot.	по́тъ, по̀та.
рай, рая, въ раю.	рâj, ра̀ja.	rầj, rāja Мет.	rāj, -e.	ра́и, ра̀ja.
ровъ, рва.	ро̑в, ро̀ва Кар.[6]).	rô̑̀v.	rov.	ро́въ, ро̀ва (?).
рогъ, рога, мн. рога.	ро̑г, ро̀га [7]).	rô̑g, rωgû [8]).	roh.	ро́гъ, ро̀га.
родъ, рода [9]).	ро̑д, ро̀да.	rô̑d, rωdû.	rod.	ро́дъ, ро̀да.

[1]) Южнорус. слово. Даль. Но какъ род. п. — дро́ба или дроба́?

[2]) Въ основаніи русскаго слова змей, которое неправильно пишется змѣй, могла бы лежать также форма змии, но сербское змај, очевидно, основано на праславянскомъ змьи. Однако, возможно ли выводить изъ этой формы болгарское и чешское zmij и словенское zmîj?

[3]) Слово крај во множественномъ числѣ отклоняется отъ обычной акцентовки и произносится кра̀јеви, крајева̄, крајѐвима, кра̀јеве.

[4]) См. гл. V, стр. 142.

[5]) Также lô̑̀v, lώva.

[6]) Мажураничъ: ро̑в, ро̀ва.

[7]) Слово ро̑г, во множественномъ числѣ, имѣетъ такую же акцентовку, какъ крâj: ро̑гови, рогова̄, рогѐвима, ро̑гове.

[8]) По-резьянски — rūk, rȏga.

[9]) См. гл. I, стр. 26, стр. 2.

Русскія:	Сербскія:	Словенскія:	Чешскія:	Праславянскія:
рой, роя, рои.	рȏj, рȍјаКар.[1]).	rə̑j, rə́ja.	roj.	рои,рȍја(роја̏?).
рокъ, рока.	рȏк, рȍка.	rȏk и rə̑k.	rok.	рокъ, рȍка.
скокъ, скока, на скоку́, скоки[2]).	скȏк, скȍка.	skə̑k (род. skoka?).	skok.	скокъ, скȍка.
сокъ, сока, въ соку́.	сȏк, сȍка.	sȏk.	sok.	сокъ, сȍка.
стогъ, стога, въ стогу́, стога̏.	стȏг, стȍга Маж.[3]).	stȏg, stə́ga Valj.[4]).	stoh.	стогъ, стȍга, (стога̏?).
ходъ, хода, на ходу́, ходы и ходы́.	хȏд, хȍда(и хȏд, хȍда).	hȏd (hə̑d), hədâ: tri ure hədâ.	chod.	ходъ, хȍда.

Б. Первообразныя слова 1-го склоненія съ наклоннымъ удареніемъ.

1. Слова съ краткимъ кореннымъ гласнымъ у Сербовъ.

бобъ, боба̏.	бȍб, бȍба[5]).	bə̑b, bə́ba[6]).	bob.	бȍбъ, бобȁ.
волъ, вола̏.	вȏ (=вȍо?), вȍла.	və̑l, və́la.	vůl, vola.	вȍлъ, волȁ (-ȕ).
гробъ, гро́ба, въ гробу́, гробо́въ.	грȍб, грȍба.	grə̑b, grə́ba.	hrob.	грȍбъ, гробȁ (грȍба?).
гроздъ, грозда̏.	грȍзд, грȍзда.	grə̑zd, grə́zda.	—	грȍздъ, гроздȁ.
дроздъ, дрозда̏.	дрȍзд, дрȍзда.	—	drozd.	дрȍздъ, дроздȁ
колъ, кола̏.	—	kə̑l, kə́la.	kůl, kolu и kůlu.	кȍлъ, колȁ (?).
крестъ, креста̏.	кȓрст, кȓрста.	бох. h krstȍ.	křest, křtu[7]).	крȓстъ, крстȁ
левъ, льва.	лȁв, лȁва.	lə̑v, lə́va и léva.	lev, lva[8]).	львъ, львȁ[9]).
ленъ, льна.	лȁн, лȁна.	lân; lънû.	len, lnu[10]).	льнъ, льнȁ([11]).

---

[1]) Род. мн. ч. — роје́вā, рядомъ съ рȍјēвā. Мажураничъ пишетъ рȏj, рȍја.

[2]) Юж. зап. пазанки, заячьи задніе лапки.

[3]) Произносятъ также стȏг, стȍга; у Караджича — стȏг, стȍга.

[4]) Левстикъ (Die slovenische Sprache, S. 13) пишетъ stog, stogá (= stȏg, stəgâ?).

[5]) Въ звательномъ падежѣ всѣ эти слова получаютъ рѣзкое удареніе: вȍле, кȓрсте, пȍпе и т. д. Въ род. мн., образованномъ безъ наращенія, является удареніе восходящее: кȓрстā, снȏпā.

[6]) По-резьянски: bŏr, bobă.

[7]) У Поляковъ также chrzest, chrztu.

[8]) И въ Польскомъ языкѣ — lew, lwa.

[9]) См. гл. VI, стр. 140—141.

[10]) По-польски также len, lnu.

[11]) См. гл. VI, стр. 140—141.

Русскія:	Сербскія:	Словенскія.	Чешскія.	Праславянскія.
мохъ, мха (мо́ха).	мâх, ма̑ха.	mâh, mъhû.	mech, mchu [1]).	мъхъ, мъха̑ [2]).
одръ, одра́.	о̀дар, о̀дра.	ódъr, -dra.	odr.	о̀дръ, одра̑ [3]).
попъ, попа́.	по̑п, по̀па.	pȍr, pórа.	pop.	по̑пъ, попа̑ [4]).
постъ, поста́.	по̑ст, по̀ста Маж. [5]).	pȍst, pósta.	pûst, postu.	по̑стъ, поста̑ [6]).
песъ, пса.	па̑с, пса̑.	pȓs, psȃ.	pes, psa.	пь̑съ, пьса̑.
рабъ, раба́.	ро̑б, ро̀ба.	rȍb (род. róba?)	rob.	ро̑бъ, роба̑.
снопъ, снопа́.	сно̑п, сно̀па.	snȍp, snóра.	snop.	сно̑пъ, снопа̑.
столъ, стола́.	сто̑, сто̀ла [7]).	stȍl, stóla [8]).	stûl, stolu.	сто́лъ, стола̑.
сонъ, сна.	са̑н, сна̑.	sȓn, snȃ.	sen, snu.	съ̑нъ, съна̑.

2. Слова 1-го склоненія съ наклоннымъ удареніемъ и долгимъ коренным гласнымъ.

быкъ, быка́.	бы́к, бы́ка (или бы́ка) Кар. [9]).	bík (bȋk), bíka и bikа̑.	bȳk.	бы́къ, бы̄ка̑ (-ы̄?).
грѣхъ, грѣха́.	грѐх, гре́ха.	gréh.	hřích.	грѣ́хъ, грѣха̑.
дворъ, двора́.	дво̑р, дво́ра [10]).	dvȍr, dvóra.	dvûr, dvoru.	дво́ръ, двора̑.

---

[1]) По-польски mech, mchu.

[2]) См. гл. VI, стр. 141. Сербское слово Мажураничъ пишетъ мâх, мâха.

[3]) Можетъ быть, одръ вовсе не простое, а предложное слово: о-дар-ъ отъ дар-ати, т. е. собственно шкура, потомъ — постель, ложе? Или же наше простонародное *одёръ* есть продуктъ позднѣйшаго осмысленія?

[4]) Попъ я не считаю кореннымъ славянскимъ словомъ и, вслѣдъ за Гриммомъ, произвожу его отъ греческаго παπᾶς, въ пользу чего говоритъ и акцентовка: ст. нѣм. phapho, phaffo, отъ котораго его производитъ Миклошичъ (Die christliche Terminologie der slavischen Sprachen. S. 13), вѣроятно звучало бы папъ. Существованіе формы папасъ ничего не значитъ: уже усвоенное народомъ слово легко могло быть вторично заимствовано, въ иной формѣ, какимъ-нибудь книжникомъ.

[5]) Ср. гл. VI, стр. 142.

[6]) Постъ = старонѣм. fasta, новонѣм. Faste (уже у Готовъ былъ глаголъ fastan). Miklosich. Fr. Die Fremdwörter in den slavischen Sprachen. Wien 1867. S. 47.

[7]) Сто̑ считаю стяженіемъ изъ сто̀о; или въ основаніи его лежитъ сто̀о?

[8]) По-резьянски родительный — stolă.

[9]) Мажураничъ пишетъ бы́к, бы́ка. — Слова этого рода у Сербовъ въ *звательномъ* падежѣ получаютъ *нисходящее* удареніе: грѐше, ђа̏че!

[10]) У Мажуранича — дво̑р, дво̀ра.

Русскія:	Сербскія:	Словенскія:	Чешскія:	Праславянскія:
дьякъ, дьяка̀.	ђа̑к, ђа́ка.	dijа́k.	žāk.	дија́къ, дијāка̀[1]).
кутъ, кута̀ юж.	ку̑т, ку́та.	kót.	kout.	ко́нтъ, кōнта̀.
пластъ, пласта̀.	пла̑ст, пла́ста.	—	plāst.	пла́стъ, плāста̀.
прудъ, пруда̀.	пру̑д, пру́да.	pŕód.	proud.	про́ндъ, прōнда̀.
столпъ, столпа̀.	сту̑п, сту́па.	stólp.	slup и sloup[2]).	стълпъ, стълпа̀.
судъ, суда̀.	су̑д, су́да.	sód.	soud.	со́ндъ, сōнда̀.
трудъ, труда̀.	тру̑д, тру́да.	trúd (и trûd).	trud.	тру́дъ, труда̀.
умъ, ума̀.	у̑м, у́ма.	úm (и ûm).	um.	у́мъ, ума̀.
холмъ, холма̀ (и хо́лма).	хо̑лм, хо́лма.	hŵlm.	chlum.	хълмъ, хълма̀ (хълма?).
щитъ, щита̀.	шти̑т, шти́та.	ščît.	štīt.	щи́тъ, щита̀.

3. Слова съ наклоннымъ удареніемъ и долгимъ гласнымъ въ одномъ именительномъ падежѣ.

Словъ этого рода оказывается немного: Даничичъ приводитъ только бо̑к, бо́ка (рѣдомъ съ бо̑к, бо́ка); ве̑рх, вѐрха[3]); гро̑м, гро̀ма; ро̑j, ро̀ja; сто̑, сто̀ла; сто̑г, сто̀га и неупотребительное въ единственномъ числѣ (?!) зо̀бови, — у Мажуранича мы въ соотвѣтствующемъ спискѣ читаемъ бо̑j, бо̀ja; бо̑р, бо̀ра; бро̑j, бро̀ja; во̑, во̀ла; дво̑р, дво̀ра; кро̑j, кро̀ja; ро̑j, ро̀ja и стро̑j, стро̀ja. Всѣ перечисленныя слова (за исключеніемъ, кажется, ве̑рх) произносятся на два, или даже на три лада: Мажураничъ пишетъ бо̑к, бо́ка; гро̑м, гро̀ма; ро̑j, ро̀ja; сто̑г, сто̀га, — у Караджича мы находимъ бо̑j, бо̀ja; бо̑р, бо̀ра; дво̑р, дво́ра; кро̑j, кро̀ja; ро̑j, ро̀ja, — изъ живой рѣчи мнѣ извѣстны формы гро̀м, гро̀ма; сто̀г, сто̀га; стро̑j, стро̀ja. Слова̀ во̑, сто̑, кажется, смѣло можно отнести къ первой группѣ, т. к. во̑, сто̑, по всей вѣроятности, равно во̀о, сто̀о. И вообще я, вмѣсто того, чтобы составлять изъ подобныхъ словъ особую таблицу, предпочелъ распредѣлить ихъ между предшествующими, всегда конечно оговоривши, что они могутъ имѣть также иную акцентовку: такъ гро̑м вошло въ таблицу А 3, дво̑р — въ Б 2.

---

[1]) Не напрасно ли производятъ это слово отъ греческаго διάκονος, которое у Русскихъ и у Сербовъ является въ видѣ дьѧконъ, ђа̑кон, и которому незачѣмъ было отбрасывать окончаніе? Впрочемъ звуковое несоотвѣтствіе между русско-сербскою формою и западнославянскою žāk, žak (поль.) прямо указываетъ на иностранное происхожденіе слова. Не считая, такимъ образомъ, слово дијакъ собственно-славянскимъ, думаю однако, что оно усвоено весьма давно.

[2]) По-словацки — stōlp.

[3]) По-русски верхъ, ве́рха, но нарѣчіе — верхо́мъ.

II.

Первообразныя слова 2-го склоненія.

A. Съ накореннымъ удареніемъ въ единственномъ числѣ.

1) Слова съ краткимъ кореннымъ гласнымъ у Сербовъ.

Русскія:	Сербскія.	Словенскія.	Болгарскія:	Чешскія:	Праславянскія.
бе́рдо.	бр̏до, мн. бр̏да, бр̏рда̄.	bȅrdω.	бр̏до, бр̏да[1]).	—	бр̏до.
боло́то[2]).	бла̏то.	blātω.	бла́то, блата́.	blāto.	бла́то.
ве́дро.	ве̏дро.	—	—	vedro.	ве̏дро.
го́рло.	гр̏рло.	gъrlȏ.	гр̀рло, гр̀рла́.	hrdlo.	гр̏рло.
жи́то.	жи́то, мн. жи́та.	žītω[3]).	жи́то и жито́.	žīto и žĭto.	жи̏то.
лы́ко.	ли̏ко.	—	—	lȳko и lўko.	лы̏ко.
ле́то[4]).	ле̏то.	lɛtω.	ля́то, ле́та[5]).	lēto и lĕto.	ле̏то.
ме́сто, ме́ста.	ме̏сто.	mɛstω.	мя́сто, места́.	mīsto и mĕsto.	ме̏сто.
па́смо.	па̏смо.	pásmω.	па́смо.	pāsmo.	па́смо.
пра́во, права́.	пра̏во ср. р. прил.	—	пра́во, права́.	prāvo.	пра́во.
про́со.	про̏со.	prωsȏ.	просо́, проса́.	proso.	про̏со.
си́то.	си̏то.	sītω.	си́то, сита́.	sīto.	си́то.
ста́до, стада́.	ста̏до(ста̂до).	—	ста́до, стада́.	stādo.	ста́до.
у́тро[6]).	ју̏тро.	jútrω.	у́тро; у́тре нар.	jītro и jĭtro.	у̏тро[7]).
ча́до церк.	че̏до.	—	че́до, чеда́.	—	че̏ндо.

[1]) У Цанковыхъ впрочемъ не бр̏до, а бърдо́.

[2]) Во множ. ч. иногда слышится выговоръ болота́.

[3]) По-резьянски žýtȍ и žĭtu.

[4]) Множ. ч. ле́та и ле̏та́.

[5]) Странный выговоръ ле́та, вм. ожидаемаго лета́ или ля́та, слышенъ мною изъ устъ одного болгарина.

[6]) Отмѣчу также странную акцентовку предложныхъ сочетаній до утра́ и по утру́ (искаженныхъ, должно быть, изъ до́ утра и по́ утру; но почему?). Срв. выше стр. 234, прим. 6 и 237, прим. 4.

[7]) Оутро, конечно, не первообразное слово, но этимологія его не выяснена: Миклошичево производство отъ корня us (оутро pro оустро Lex. palaeoslov.) никуда не годится, т. к. звуку *с* не было никакой причины выпадать. Поттъ (Etym. Forschungen, 2 Ausg. II, 2, S. 915) склоненъ думать, что праславянская форма есть ютро = основ. (d)jautram (отъ корня dju сіять); но изъ jautram вышло бы юло. Кромѣ того, звукъ *д* едвали могъ отпасть.

2. Слова съ накореннымъ удареніемъ въ единственномъ числѣ и долгимъ кореннымъ гласнымъ у Сербовъ.

Русскія:	Сербскія:	Словенскія:	Болгарскія:	Чешскія.	Праславянскія:
бла́го, мѣстн. бо́лого.	бла̑го.	blagô.	бла́го, блага́.	blȃho.	бла́го.
зо́лото.	зла̑то [1]).	zlatô.	злато́ и зла́то.	zlȃto.	зла́то.
мя́со.	ме̑со, мн. ме́са [2]).	mesô.	месо́, меса́.	máso.	ме́ңсо.
се́но.	се̑но, се́на.	senô.	сено́ и сја́но, сена́.	sẽno.	се́но.
тѣсто.	те̑сто.	testô.	тесто́, теста́.	tẽsto.	тѣ́сто.

Б. Слова 2-го склоненія съ наконечнымъ удареніемъ въ единственномъ числѣ.

1. Съ краткимъ кореннымъ гласнымъ у Сербовъ.

бедро́, множ. бе́дра.	бе̏дро, мн. бе̏дра.	bẻdrω.	—	bedro.	бе̏дро̀, мн. бе̏дра.
ведро́, ве́дра.	вѐдро.	vẻdrω и vɛ̀drω.	—	vědro.	вѣ̏дро̀.
добро́.	до̀бро.	dȏbrω [3]).	добро́ ср. р. прил.	dobro.	до̏бро̀ прил.
дрова́ [4]).	дърва.	dъrvȁ.	дърва́.	drva.	дръвȁ [5]).
дно.	дно̀.	dno.	—	dno [6])	дъно̀.
зло́.	зло̀.	—	—	zlo.	зъло̀.
ядро́.	је́дрω [7]).	jẻdrω.	—	jādro.	јеңдро̀.

[1]) Мѣстный падежъ, какъ говоритъ Будмани, произносится зла́ту (такъ же и ме́су отъ ме̑со). Даничичъ, въ разборѣ Будманіевой грамматики (Književnik III), объявляетъ эти формы ошибочными; но я полагаю, что это дѣйствительно существующія, если и не общепринятыя, формы: соотвѣтственный чакавскій выговоръ у зла̄ту̏ я самъ слышалъ на островѣ Коркѣ (Veglia).

[2]) Ме́са — nates. Мѣстный ед. ч., по показанію Будмани, ме́су. См. предыдущее примѣчаніе.

[3]) По-резьянски dȏbrŏ.

[4]) Слово *дрѣва* едва-ли ни есть множ. ч. къ баритонному единственному *дърво = серб. дрво — въ такомъ случаѣ, ему собственно мѣсто въ таблицѣ II А 1.

[5]) Въ пользу такой акцентовки свидѣтельствуетъ также польское drwa.

[6]) По-польски, по-лужицки также dno; по-литовски dùgnas, твор. dugnù̃, множ. dugnaĩ.

[7]) Дѣйствительно ли сербское (приморское) слово jедро, означающее парусъ, тожественно съ русскимъ словомъ ядро? Миклошичъ (Vergleich. Lautlehre. 2 Ausg. S. 57) приводитъ хорватское (чакавское) jidro, равное очевидно основному ѣдро.

Русскія:	Сербскія:	Словенскія.	Болгарскія:	Чешскія:	Праславянскія:
перó (мн. пéрья).	пѐро; пѐра, пéрā, пѐрима.	рéгω, резь. роегŏ [1]).	перó (пéро), пера́ (пéра).	pēro и pĕro.	пĕрŏ (мн. пĕра?).
ребрó, рéбра	рѐбро; рѐбрā, рѐбāрā.	rébrω, резь. raebróСрезневскій.	ребрó, ребра́.	řebro.	рĕбрŏ, рѐбра.
селó, сéла.	сѐло, сѐла, сѐлā, сѐлима.	sélω; sɛla, sɛl, sélom; sɛli, -oma (séloma).	сéло и селó, села́.	selo морав.	сĕлŏ, сѐла.
серебрó [2]).	срѐбро.	srebrŏ [3]).	сребрó.	stříbro.	сьребрŏ [4]).
челó.	чѐло.	čélω, резь. čoelŏ, род. čală.	чéло и челó, чела́.	čelo.	чĕлŏ.

2. Слова съ долгимъ кореннымъ гласнымъ у Сербовъ.

воротá [5]).	врáта.	vráta.	врата́.	vrăta.	вратă.
гнѣздó, множ. гнѣзда.	гнéздо.	gnézdω.	гнездó (гнjа́здо), гнезда́.	hnīzdo.	гнѣздŏ [6]).
долотó, долóта.	длéто.	dlétω.	—	dlāto.	длѣтŏ.

---

[1]) Рядомъ съ рéгω существуетъ также регŏ, -ɛsa.

[2]) У Резьянъ — sroebrŏ, srabră. Кромѣ srebrŏ долженъ существовать, и даже прѣобладать другой выговоръ — srébrω.

[3]) Въ народныхъ пѣсняхъ, какъ извѣстно, поется сéребро.

[4]) По-литовски sidábras, твор. sidabrù̃, мѣст. sidabrẽ̀ = основн. sidabrà-m. Слово сьрєвро, конечно, не имѣетъ права считаться первообразнымъ.

[5]) И воротá; церк. вратá. О словѣ ворота рѣчь была въ I. гл., стр. 13.

[6]) По-литовски lìzdas, твор. lizdù̃, мн. ч. lizdaí, по-санскритски nīdá (м. и ср. р.). Гнѣздо, думается мнѣ, переиначено изъ *нъздо въ силу сближенія съ глаголомъ гнѣтати; lìzdas также искажено изъ *nizdas (подъ вліяніемъ глагола lįsti ползти?). Допустивъ, такимъ образомъ, тожество словъ славянскаго, литовскаго и санскритскаго, несмотря на неполное соотвѣтствіе звуковъ, и принявши во вниманіе почти повсемѣстное распространеніе разсматриваемаго слова — срв. еще нѣм. Nest и лат. nīdus (= nīsdus, какъ nīda = nīsda) — можно признать его древнимъ, общеарійскимъ словомъ и возстановить вполнѣ, даже съ удареніемъ, въ видѣ nisdá, (имен., вѣроятно, nisdás и nisdám). См. Pott. Etymolog. Forschungen. 2 Ausg. B. IV, S. 681.

Русскія:	Сербскія.	Словенскія:	Болгарскія:	Чешскія:	Праславянскія:
молоко́.	мле́ко.	mlе́kω.	мле́ко́ (мля́ко), млека́.	mlēko.	млѣко̀.
письмо́, пи́сьма.	пи́смо.	písmω.	писмо́, писма́.	pīsmo.	пѣсьмо̀ [1]).
уста́.	у́ста.	ústa.	уста́.	ūsta.	ӯста̀.

III.

Первообразныя слова 3-го склоненія.

А. Съ накореннымъ удареніемъ.

1. Слова съ краткимъ кореннымъ гласнымъ у Сербовъ.

ба́ба.	ба̀ба.	bába.	ба́ба.	bāba.	ба́ба.
бере́за.	брѐза.	bréza.	—	břīza.	брѐза.
ви́лы.	вѝле.	víle.	ви́ла.	vĭdle (е вм. у?).	вѝла.
вла́га (волога).	вла̀га.	vlága.	вла́га.	vlā̆ha.	вла̀га.
во́лна.	вӯна.	vólna [2]).	вѣ́лна.	vlna.	вѣ̀лна.
ворона.	вра̀на.	vrána.	вра́на.	vrāna.	вра́на [3]).
вы́дра.	вѝдра.	vîdra.	—	vydra.	вы̀дра [4]).
вѣ́ра.	вѐра.	vе́ra.	вја́ра.	vīra, vĕra.	вѣ̀ра.
гли́на.	гњѝла.	glína.	—	hlĭ̄na.	глѝна.
гни́да.	гњѝда.	gnída.	гни́да.	hnida.	гнѝда [5]).
гри́ва.	грѝва.	gríva.	гри́ва.	hřīva.	грѝва.
гру́да.	гру̀да глыба.	grúda.	—	hruda.	гру̀да.
—	гъ̀рба.	gъ́rba.	гъ́рба.	hrba.	гъ̀рба.
гу́ба (и губа́).	гу̀ба проказа.	góba.	гъ́ба.	huba.	го̀ӈба [6]).

[1]) Слово письмо, разумѣется, не первообразное.

[2]) По-резьянски wŏlna.

[3]) У Литовцевъ — vârna (удареніе этого слова неподвижное).

[4]) По-литовски — ûdra (реченіе негибкое).

[5]) По-литовски — glìnda (съ неподвижнымъ удареніемъ).

[6]) Объ этомъ словѣ была рѣчь въ I главѣ, стр. 15; но сказанное тамъ я въ настоящее время отчасти беру назадъ: слов. gъ̀bа̀, которое я отожествлялъ съ góba = гжба, издавна должно было звучать гъба. Думаю теперь, что это слово существовало и у Русскихъ, въ видѣ гоба̀, и только впослѣдствіи примѣнилось къ слову гу́ба = гжба и стало произноситься губа̀.

Русскія:	Сербскія:	Словенскія:	Болгарскія:	Чешскія:	Праславянскія
жа́ба.	жа̏ба.	žába.	жа́ба.	žāba [1]).	жа̏ба.
жи́ла.	жи̏ла.	žíla.	жи́ла.	žīla [2]).	жи̏ла.
и́ва.	и̏ва.	īva.	—	jīva.	и́ва.
и́скра, блр. скра.	и̏скра у Ц. г.	ískra.	и́скра, искра́ [3]).	jiskra.	и̏скра? искра̏?
я́ма.	ја̏ма.	jáma.	ја́ма.	jāma.	ја́ма.
ка́па [4]).	ка̏па.	kápa.	ка́па.	—	ка́па (нѣм?).
коло́да.	кла̏да.	kláda.	—	klāda.	кла́да.
коро́ва.	кра̏ва.	kráva [5]).	кра́ва.	krāva [6]).	кра̏ва.
коро́ста. юж.	кра̏ста.	krásta.	кра́ста.	—	кра́ста.
ки́ка [7]).	ки̏ка коса [8]).	—	ки́ка.	словац. kyka.	кы̏ка.
ки́ла [9]), кила́.	ки̏ла.	kíla.	—	kȳla.	кы́ла (?).
ки́та мѣст. [10]).	ки̏та.	kíta коса.	—	kȳta, ст. ч. kŷta [11]).	кы̏та.
ли́па.	ли̏па.	lípa.	липа́.	līpa [12]).	ли̏па (?)
леса́ (и лёса).	ле̏са [13]).	lesa Hürde, Flechte.	—	lēsa, līsa Hürde.	ле̏са (?)
му́ка.	му̏ка.	móka [14]).	мъ́ка.	muka.	мо̏ңка.
мѣ́ра.	ме̏ра.	mé́ra.	мја́ра.	mīra.	ме́ра.
ни́ва.	њи̏ва.	njíva.	ни́ва.	nĭva.	пи̏ва.
у́зы, црк. у́за.	у̏за.	vóza.	—	—	о́ңза.
па́ра (пара чаю) мѣст.	па̏ра паръ, дыханіе.	—	па́ра паръ, дыханіе.	pāra, словац. pără.	па̏ра.

---

[1]) Въ Моравскомъ нарѣчіи — žāba.

[2]) По-словацки — žila.

[3]) Окситонной формѣ искра́, кромѣ приведеннаго уже бѣлорусскаго скра, соотвѣтствуютъ поль. skra и в. и н. луж. škra.

[4]) Зап. шапка.

[5]) Также kravà (!). Valjavec Rad. XLV, str. 95.

[6]) По-словацки — krăva.

[7]) Кика — родъ повойника.

[8]) Караджичъ отмѣчаетъ это слово звѣдочкою, т. е. считаетъ его турецкимъ; но это едва-ли основательно.

[9]) Ки́лаˊ сиб. отсталый въ работѣ.

[10]) Кита — стебель, трава повойнаго или долгоствольнаго растенія; вица или витушка, плетеница.

[11]) Kȳta — Keule, Schinken, kŷta — der Kamm der Weintrauben.

[12]) По-словацки — līpa. Литовское lie̯pa также слово негибкое.

[13]) Лѣса — Pritsche, Flechte.

[14]) Valjavec. Rad. XLIII, str. 18.

Русскія.	Сербскія:	Словенскія:	Болгарскія:	Чешскія.	Праславянскія.
пелéва, полóва [1]).	плéва.	plέva.	плjáва.	plēva и plĕva.	плѣва.
пѣна.	пѣна.	pέna.	пjáна.	pĕna.	пѣна.
рáка.	рáка.	ráka.	—	—	рáка [2]).
рáна.	рáна.	rána.	рáна.	rāna [3]).	рáна.
рúза.	рúза.	—	рúза.	řĭza.	рúза.
рóзга.	рóзга pertica.	rωzga [4]), rωzgê.	—	rozha.	рóзга (розгá?).
рыбá.	рúба.	ríba, ум. rí-bica.	рúба.	ryba.	рыбá.
рѣпа.	рѣпа.	répa.	рjáпа.	řĭpa и řĕpa.	рѣпа.
сúла.	сúла.	síla.	сúла.	sīla [5]).	сúла.
солóма.	слáма.	sláma.	слáма.	slāma [6]).	слáма.
слúва.	слúва (шльйва).	slíva.	слúва.	slīva.	слúва.
сорóка.	врáка.	sráka.	срáка.	străka.	срáка [7]).
стýпа.	стýпа.	stópa.	—	stoupa и stupa.	стѫпа.
шýба.	шýба [8]).	šûba.	—	šuba.	шýба.
шýма [9]).	шýма лѣсъ.	šúma.	шýма роща.	šuma ст.	шýма.
щýка.	штýка.	ščúka.	штýка.	štĭka.	щýка.

2. Первообразныя 3-го склоненія, съ накореннымъ удареніемъ и долгимъ кореннымъ гласнымъ у Сербовъ.

Словъ этого рода, насколько мнѣ извѣстно, вовсе не существуетъ, за исключеніемъ заимствованныхъ кáрта и рóза, серб. кâрта и рýжа Маж. (у Чакав. кáрта и рýжа; а по Караджичу и у Шток. рýжа), слов. kárta, rôža, болг. кáрта, рýжа [10]). Правда, реченіе дѣка, имѣя въ Русскомъ на-

---

[1]) Также плевá.

[2]) Какъ извѣстно, это слово считаютъ заимствованнымъ изъ латинскаго arca.

[3]) По-словацки răna.

[4]) Также rω̂zga и rω̃zga (!).

[5]) У Словаковъ — sĭla.

[6]) По-словацки — slăma.

[7]) Славяно-литовское çárka: по-литовски szârka, негибкое.

[8]) Шýба родъ женскаго верхняго платья.

[9]) Областное — безпокойный человѣкъ.

[10]) Укажу кстати на акцентуемое подобнымъ же образомъ производное слово грúвна: рус. грúвна, серб. грúвна обручъ на косѣ, запястье, слов. grîvna, болг. грúвна ожерелье, запястье.

коренное удареніе, представляетъ въ Сербскомъ долгій коренной гласный, но удареніе его не нисходящее, а восходящее:

рус. дѣва (производ. дѣвица и дѣвѝца), серб. дéва (ум. дèвица), слов. déva (ум. devíca). См. гл. I, стр. 12.

Б. Первообразныя слова 3-го склоненія съ насуффиксным ударéніемъ.

1. Съ краткимъ кореннымъ гласнымъ.

Русскія.	Сербскія.	Словенскія.	Болгарскія.	Чешскія.	Праславянскія.
блоха́, бло́хи.	бу̏ха, бу̏хе, бу́ха̄.	bȍlha, bɔlhê [1]).	бълха́, бъ́лхи.	blecha [2]).	блъха̏, блъ̏хы.
вода́, во́ду, -ы.	вòда, во̏ди, -у, -е, во́да̄.	vȍda, vɔdê.	вода́, води́ (во́ди).	voda.	вода̏, во̏доⱬ, во̏ды.
гора́, го́ру, -ы.	гòра, го̏ри, -у, -о [3]), -е.	gȍra, gɔrê.	гора́ (го́ра).	hora.	гора̏, го̏роⱬ, го̏ры.
гроза́, гро́зы.	гро̀за.	grȍza, grɔzê.	гроза́ [4]).	hrûza.	гроза̏.
дыра́.	ды́ра (ды́ра, ды́ра).	—	—	dīra.	дира̏ (?).
до́ба мѣст. [5]).	до̀ба, до̏бу (Маж. [6]).	dȍba.	—	doba.	до̆ба̏ (?).
доска́, до́ску, -и, до́со́къ.	да̀ска, да̏ску, -е, даса́ка̄ [7]).	déska, dъskȁ, ум. dъščíca.	дъска́.	deska и dska.	дъска̏.
жена́, же́ны (церк. жены́).	жѐна, же́на̄.	žéna, ženê.	жена́, жени́ (же́ни).	žena.	жѐна̏.
игла́, и́глы.	ѝгла, ѝглу, -е, ига́ла̄ [8]).	ígla и iglȁ.	игла́.	jehla.	йгла̏.
игра́, и́гры, и́грамъ.	ѝгра, ѝгру, -е [9]).	ígra и igrȁ.	игра́.	hra [10]).	йгра̏.

---

[1]) Въ бохинско-посавскомъ говорѣ bohȁ, phȁ.

[2]) По-польски pchła, по-верхнелуж. pka, по-нижнелуж. pcha.

[3]) Всѣ слова этого рода въ звательномъ падежѣ получаютъ *рѣзкое* удареніе. Ср. гл. I, стр. 31, гл. III, стр. 98, прим. 2 и гл. XIV, стр. 226.

[4]) Гроза́: гроза́ му j'.

[5]) Млр., блр., тв., см., кстр.

[6]) У Караджича до̀ба n. indecl.

[7]) Дат. ед. ч., по Будмани, да̏сци.

[8]) Въ дат. ед. ч. Будмани пишетъ ѝгли.

[9]) Дат. ед. ч., по Будмани, ѝгри.

[10]) Также и по-верхнелужицки hra, по-нижнелужицки и по-польски — gra.

Русскія.	Сербскія:	Словенскія:	Болгарскія	Чешскія.	Праславянскія.
коза́, ко́зы, ко́замъ.	ко̀за, ко́зā [1]).	ḱóza, kozê [2]).	коза́.	koza.	ko̍za̍.
копа́ мр. [3]).	—	ḱóra, korа̍.	копа́ конно.	kora.	ko̍pa̍.
кора́.	ко̍ра.	ḱóra.	кора́.	kůra.	kora̍ (?).
коса́, ко́су, ко́сы, ко́самъ.	ко̀са, ко̍су, -е [4]).	kósa, kosê	коса́, коси́ (ко́си).	kosa.	ko̍sa̍, ko̍соц, ko̍sы.
лоза́, ло́зы.	ло̀за, ло̍зу, -е [5]).	lóza, lozê.	лоза́, лози́ (ло́зи).	loza.	lo̍za̍, lo̍zы.
му́ха.	му́ха, му̍хе, му́хā.	múha, ум. muška.	муха́.	moucha; mši-ca cyno-myia [6]).	муха̍? му́ха?
мгла.	мла̀га, мла̍глу, -е [7]).	mégla и mъglа̍.	—	mhla (и mlha) [8]).	мьглa̍.
нога́, но́гу, но́ги.	но̀га, но̍гу, -е, но́гā (но̍гȳ).	nóga, nogê.	нога́, ноги́ (но́ги).	noha.	нога̍, но̍гоц, но̍гы.
оса́, о́сы.	о̀са.	ósa, osê.	оса́.	osa.	o̍sa̍ [9]).
пола́, по́лу́, по́лы, по́ламъ.	По̀ла названіе одной косы.	pólа, polê.	пола́.	—	пола̍.
роса́, ро́су́, ро́сы.	ро̀са, ро̍су, -е [10]).	rósa, rosê.	роса́.	rosa.	ro̍sa̍ [11]).
сестра́, се́стры [12]), сестéръ, се́страмъ.	сѐстра, сестáрā.	séstra (sestrа̍), sestrê.	сестра́, сестри́ (се́стри).	sestra.	sĕstra̍.
скала́, ска́лы.	скa̍ла черног.	skála, skalê.	—	skāla [13]).	скa̍лa̍ (?).

---

[1]) По Будмани, дательный и винительный ед. ч. и именительно-винительный множественнаго произносятся съ рѣзкимъ удареніемъ: ко̍зи, ко̍зу, ко̍зе.

[2]) У Резьянъ — kozа̍.

[3]) 50 копѣекъ ассигнаціями; въ изчисленіи другихъ предметовъ — 60.

[4]) Будмани: дат. ед. ко̍си.

[5]) Будмани: дат. ед. ло̍зи.

[6]) По-польски также mszyca.

[7]) У Будмани дат. ед. мa̍гли.

[8]) По-верхнелужицки mhła, по-польски mgła.

[9]) По-литовски vapsa̍, мн. vápsos, вин. vapsa̍s.

[10]) Дательный, по Будманіевой грамматикѣ, ро̍си.

[11]) У Литовцевъ rasa̍, мн. rásos, вин. rasa̍s.

[12]) По-церковному сестры.

[13]) По-словацки skăla.

Русскія	Сербскія	Словенскія:	Болгарскія	Чешскія:	Праславянскія
слеза́, сле́зы.	су̀за, су̑зе, су́зā [1]).	sȍlza (sъlzā̏), sъlzê.	сълза́, сълзи (сълзи́).	slza.	сльзā̏ [2]).
смола́, смо́лы.	смо̀ла [3]).	smȍla, smɔlê.	смола́.	smůla и smola [4]).	смо̆лā̏.
сноха́, сно́хи.	снàха.	—	снъха́.	—	снъхā̏ [5]).
сова́, со́вы, -амъ.	сòва (Кар. со̀-ва).	sȍva, sɔvê.	—	sova.	со̆вā̏.
соха́, со́ху, со́хи.	сòха, со̀ху, -е, со́хā.	sȍha.	—	socha.	со̆хā̏.
стопа́.	сто̀па, сто̀-пе, сто́пā.	stȍpa.	—	stopa.	сто̆пā̏.
стрѣха́.	стре̏ха.	stréha, strehê [6]).	стрjа́ха.	střecha.	стрѣхā̏? стрѣха?
узда́.	у̀зда (Маж. у̑зда).	úzda.	jузда́.	uzda.	ўздā̏.

2. Окситонки 3-го склоненія съ долгимъ кореннымъ гласнымъ.

а. Малогибкія или вовсе негибкія.

борозда́.	бра́зда.	brázda.	бразда́ [7]).	brāzda.	бра̄здā̏.
борона́, бо́рону, бо́роны [8]).	бра́на плотина, родъ бороны.	brána.	—	brāny.	бра̄нā̏.
бѣда́.	бе́да.	—	беда́.	bīda.	бѣдā̏.
ве́рба и верба́, ве́рбы [9]).	вѣ̀рба, вѣ̀рбу и вѣ̀рбу.	vȅrba.	върба́.	vrba, мѣст. и словац. vȓba.	вьрбā̏ (?).
верста́, ве́рсты.	вѣ̀рста рядъ.	vȅrsta и vȅrstā̏ linea.	—	—	вьрстā̏.
глиста́.	гли́ста.	glísta.	—	hlȋsta.	глы̄стā̏.
дуга́, ду́ги.	ду́га.	dóga.	дъга́.	duha и douha [10]).	до̄нгā̏.

---

[1]) Будмани и вин. и дат. ед. ч. велитъ произносить су̑зу, су̑зи; Мажураничъ же и въ именительномъ пишетъ су̑за.

[2]) Срв. еще н. л. dza и поль. ƚza.

[3]) У Будмани мы читаемъ вин. смо̑лу, дат. смо̑ли.

[4]) По-словацки smȍla. У Литовцевъ smalā̏.

[5]) Въ Аріискомъ языкѣ snusā́: по-санскр. snušā́, по-греч. νυός.

[6]) У Копытаря это слово попало въ списокъ негибкихъ.

[7]) Обыкновенно произносятъ брезна́.

[8]) Слово брана въ Русскомъ языкѣ принадлежитъ къ гибкимъ словамъ, но не въ Сербскомъ.

[9]) Даль пишетъ верба́. По-малорусски верба́, ве́рби, ве́рбамъ.

[10]) По-словацки dūha.

Русскія.	Сербскія:	Словенскія	Болгарскія:	Чешскія:	Праславянскія:
дуда́.	ду́да.	—	—	dudy мн. ч.	дудā.
о́льха и ольха́, о́льхи.	jóха (=*jeò-ха).	—	елха́.	—	ельхā [1]).
железа́.	жле́зда.	žlе́za.	жлеза́.	žlāza.	жлѣзā.
желна́ родъ дятла.	жу́на.	žъlnā.	—	žluna.	жьлнā.
звѣзда́, звѣ́зды.	зве́зда [2]).	zvе́zda.	звезда́.	hvězda.	гвѣздā.
краса́.	кра́са [3]).	—	—	krāsa.	крāсā.
крупа́.	кру́па градъ.	—	—	kroupa.	крōппā.
кума́.	ку́ма.	kûma хорватослов.	кума́ (ку́ма).	—	кумā.
куна́ (обыкн. куни́ца).	ку́на.	kúna и къпā.	—	kuna.	кунā.
лука́ млр. [4])	лу́ка.	lóka.	—	louka.	лōнкā [5]).
—	ле́ска.	lе́ska.	леска́.	līska.	лѣскā [6]).
лѣха́ (лѣха?)[7]).	лијѐха черног. грядка.	lе́ha.	леха́ мѣра поверхности.	līcha грядка.	лѣхā.
мана́ млр. [8]).	ма́на недостатокъ.	—	мана́ Mehlthau.	—	манā.
мета́.	ме́та у Војв.	—	—	meta.	метā.
мука́.	му́ка.	móka.	—	mouka.	мōнкā [9]).
пята́.	пе́та, пѐту, пѐте [10]).	péta, petê.	пета́.	—	пеңтā.
пизда́.	пи́зда.	pízda.	—	pīzda.	пīздā.
пила́.	пи́ла [11]).	píla.	пила́.	pīla.	пīлā.
руда́.	ру́да.	rúda.	руда́	ruda.	рудā.
рѣка́, рѣку́, рѣки.	ре́ка, рѐке.	rе́ka,	река́.	řeka.	рѣкā, рѣкы.

[1]) Слово ельха, разумѣется, не можетъ быть первообразнымъ.

[2]) Винительный, по показанію Мажуранича, звѐзду.

[3]) Кра́са: Срби повједају да се змија звала краса док није била Јеву преварила. Караџић. Рјечник.

[4]) Лука — поемный лугъ.

[5]) Срв. еще поль. łąka (съ ą) и лит. lankā долина, мн. lankos, род. lankú.

[6]) Или лѣсскā? въ такомъ случаѣ это — производное слово отъ первообразнаго *лѣса или *лѣсь.

[7]) Лѣха — гряда, рядъ, борозда.

[8]) Мана — призракъ, обольщеніе, обманъ.

[9]) Срв. еще поль. mąka.

[10]) Слово пе́та настоящее гибкое слово, но не таково русское пята.

[11]) Винительный, если вѣрить Мажураничу, произносится пи́лу.

Русскія:	Сербскія.	Словенскія.	Болгарскія	Чешскія:	Праславянскія.
ряса́-рясо́й перм. густо, обильно [1]).	ре́са, ре̑се сережка древесная, подгрудокъ.	ré̋sa Rispe, Spitze der Aehren.	—	ř̆a̋sa, řīsa rě̑сница, сережка.	рѣ̨са̋.
слуга́, слу́ги.	слу́га, слу̑ге, слу́га̄ (слу̀гӯ).	—	слуга́.	sluha.	слуга̋.
снага́ юж.	сна́га.	snága.	снага́.	snaha.	снага̋.
стрѣла́, стрѣлы.	стре́ла, стре̑ле.	stré̋la [2]).	стрела́, стрели́ (стре́ли).	střela.	стрѣла̋, стрѣлы.
се́рна.	съ̑рна, съ̑рне [3]).	sь̑rna и sъ̑rna̋.	сърна́.	srna.	сьрна̋.
толока́ (толо́ка) [4]).	тла́ка и Хрв. робија.	tláka.	тлака́.	—	тлака̋ [5]).
трава́, тра́вы.	тра́ва, тра̑ве.	tráva, travê.	трева́.	trāva.	трāва̋, тра̑вы.
труба́, тру́бы.	тру́ба.	tróba.	тръба́.	trouba.	тро̄н̨а̋ [6]).
туга́ (ту́га)	ту́га [7]).	tóga.	тъга́.	touha.	то̄н̨га̋.
уха́.	у́ха [8]).	—	—	jĭcha.	jӯха̋.
хвала́.	хва́ла.	hvála, hvalê.	хвала́.	chvāla.	хвāла̋.
*хорона́ [9]).	хра́на.	hrána, hranê.	храна́.	—	храна̋.
чреда́.	чре́да.	čré̋da.	чреда́.	třīda.	чрѣда̋.
*шала́ [10])	ша́ла.	šála.	—	—	шала̋.

---

[1]) Говорится о ягодахъ и плодахъ. Тожественно ли съ этимъ словомъ ряса́ ряз. топкое, мокрое мѣсто, олон. мокрота, сырость, откуда общерус. умень. ря́ска lemna?

[2]) У Далматина читается множ. число strilé = strelê.

[3]) По-чакавски сърна̋, съ краткимъ глухимъ.

[4]) Толока значитъ помочь (крестьянскій обычай).

[5]) Срв. также лит. talkà̋, мн. tàlkos, род. talkú.

[6]) Срв. также поль. trąba.

[7]) Ту́га: ту́га ми je es schaudert mich.

[8]) Зап. сушъ.

[9]) О существованіи нѣкогда слова хорона́ заключаю по глаголу хорони́ть (см. гл. I, стр. 14, прим. 2) и по существительному по́хороны, похоро́нъ, похорона́мъ, которое предполагаетъ единственное число *похорона́.

[10]) Реченіе шала́ построено на основаніи глагола шали́ть. Срв. предыдущее примѣчаніе.

б. Гибкія окситонки 3-го склоненія съ долгимъ кореннымъ гласнымъ.

Русскія	Сербскія	Словенскія	Болгарскія	Чешскія	Праславянскія
борода́, бо́роду, бо́роды, боро́дъ.	бра́да, бра̑ду (бра́ду), бра̑де [1]).	bráda, bradê.	брада́.	brăda.	брада̑, бра́доⁿ, бра́ды [2]).
голова́, го́лову, го́ловы, голо́въ.	гла́ва, гла̑ви, гла̑ву, гла̑ве.	gláva, glavê.	глава́ (гла́ва).	hlăva.	глава̑, гла́воⁿ, гла́вы [3]).
гряда́, гряду́ (гря́ду), гря́ды.	гре́да, грê̑ду, грê̑де.	gréda, gredê.	—	hřăda.	гренда̑, гре́ндоⁿ, гре́нды.
зима́, зи́му, зи́мы, зи́мамъ.	зи́ма, зи̑му, зи̑ме.	zíma, zimê.	зи́ма и зима́.	zĭma.	зима̑, зи́моⁿ, зи́мы [4]).
рука́, ру́ку, ру́ки.	ру́ка, ру̑ци, -ку, -ке, ру́ка̄ и ру́кӯ, -ама.	rǫ́ka (rǫkȃ), rǫkê.	ръка́ и ръ̀ка, мн. ръце́ и ръце.	ruka.	роⁿка̑, ро́ⁿкоⁿ, ро́ⁿкы.
—	сла́на, сла̑ну, сла̑не.	slána, slanê.	слана́.	—	слана̑ [5]).
сторона́, сто́рону, сто́роны, сторо́нъ.	стра́на, стра̑ну, стра̑не.	*stranȃ: na stranа̑h.	страна́.	străna.	страна̑, стра́поⁿ, стра́ны.
середа́, се́реду, -ы.	сре́да, срê̑ду.	sréda.	среда́.	středa.	срѣда̑, срѣдоⁿ.
стѣна́, стѣну (стѣну́), стѣны.	сте́на, стê̑ну (сте́ну), стê̑не.	sténa, stenê.	стена́.	stěna.	стѣна̑, вин. стѣноⁿ (?).
цѣна́, цѣну, (цѣну́), цѣны, -амъ.	це́на, цê̑ну, цê̑не М. [6]).	cénа, cenê.	цена́.	cena.	цѣна̑, цѣноⁿ, цѣны.

[1]) Всѣ слова этого рода въ звательномъ падежѣ мѣняютъ восходящее удареніе на нисходящее (также и перечисленныя подъ III Б 2 а).

[2]) Литовславянское bardа̑: по-литовски barzdà, мн. ч. bárzdos, род. barzdú.

[3]) Литовславянское galvа̑, gálvą, gálvās: по-литовски galvà, вин. gâlvą, мн. ч. gâlvos, род. galvú.

[4]) По-литовски žiemа̑, мн. žiémos, род. žiemú. Впрочемъ, коренной гласный этого слова не соотвѣтствуетъ славянскому.

[5]) Литовславянское çalnа̑: по-литовски szalnà, мн. szálnos, род. szalnú.

[6]) У Караджича прописанъ одинъ именительный падежъ цѣна.

IV.

Первообразныя слова съ основою на ь (краткое і).

I. *Слова мужескаго рода*[1]).

А. Съ накореннымъ удареніемъ.

Русскія:	Сербскія.	Словенскія	Чешскія:	Праславянскія:
гость, го́стя, гостéй.	гȏст, го̏ста.	gôst, gωstâ.	host.	го́сть, го̏сти.
звѣ́рь, звѣ́ря, звѣре́й.	звȇр,-и ж. р.[2]).	zvêr, zverî ж. р.	zvěř ж. р.	звѣ́рь, -и.
зять, зя́тя[3]).	зе̏т, -а.	zȅt, zéta.	zet'.	зе̏цть, -и.
лю́ди, люде́й, лю́дямъ (людя́мъ).	љу̑ди, љу́дӣ.	ljudjȇ, ljudí.	lidē.	лју́дье, лју́дьи.
мышь, мы́ши, мыше́й.	мӣш,-а м. р.	mȉš, míši, тв. мн. mišmī бох.	myš.	мы̏шь, -и[4]).
рысь, ры́си ж. р.	рӣс, -а.	rîs.	rys.	ры̏сь, -и.
тать, та́тя церк.	тâт, -а Маж.	tât, tatû.	—	та́ть, -и.
тесть, те́стя.	тâст, та̏ста.	tâst, tastû.	—	тьсть, -и.
у́голь, у́гля[5]).	у̏гаљ, -гља.	ôgъlj.	uhel.	о̏нгль, -и.

Б. Слова съ наклоннымъ удареніемъ.

день, дня.	дâн, дâна (днѐ).	dân, dnɛva(dnɛ).	den, dne.	дь́нь, дьнѝ[6]).
ого́нь, огня́.	о̀гањ, о̀гња.	ώgъnj, ώgnja[7]).	oheň.	о̀гнь, огнѝ[8]).
путь, пути́.	пу̑т, пу́та.	pót, -a.	pout'.	по́нть, по̄нтѝ[9]).

---

[1]) Словъ мужескаго рода съ основою на ї такъ мало, что я предпочелъ составить для нихъ только двѣ таблицы и не подраздѣлять ихъ по количеству коренного гласнаго.

[2]) Въ пѣсняхъ встрѣчается также звȇр,-а м. р.

[3]) Множ. ч. зятья́, зятевья́.

[4]) Полагаю, что это слово первоначально было мужескаго рода: оно иногда бываетъ таковымъ и въ мѣстныхъ говорахъ Русскаго языка: такой мышь пошелъ (Гротъ).

[5]) Множ. ч. у́голья.

[6]) См. гл. VI, стр. 140.

[7]) По-резьянски ogěń, ohńă. — По-болгарски о́гънь, но встрѣчается также написаніе угжнь, которое очевидно слѣдуетъ читать угънь. См. гл. IV, стр. 114.

[8]) Праязычное agnì: по-литовски ugnìs, по-санскритски agnì.

[9]) Не знаю, въ эту ли, или въ предыдущую таблицу слѣдуетъ помѣстить слово ѵаρьа: рус. червь, червя́, мн. че́рви, черве́й, серб. цр̏в, р. м. цр̏вӣ, слов. čȑv (бохин. čȅrn, čьrwȁ), болг. чрѣвиј.

II. *Слова женскаго рода.*

А. Съ накореннымъ удареніемъ въ единственномъ числѣ.

1. Съ краткимъ кореннымъ гласнымъ у Сербовъ.

Русскія:	Сербскія:	Словенскія:	Чешскія:	Праславянскія:
ба́снь (ба́сня), ба́сни.	ба̏сма заговоръ.	bâsnja.	bāseň.	ба̏снь,-и.
гу́сли [1]).	гу̏сле.	gósli.	housle.	го́нсль,-и [2]).
доло́нь сѣв. и млр. [3]).	дла̏н,-а м. р.	dlân, dlanî [4]).	dlaň.	дла̏нь, -и.
дверь, две́ри, двере́й.	—	dûri: бох. za durmȉ, ръг dûrih.	dvēře и dvěře, род. dveří.	дви̏рь, -и.
я́сли, я́слей.	ја̏сли (-е).	jâsli.	jesle.	ја̏сли [5]).
мѣдь, мѣди.	ме̏д,-и.	mêd, medî.	med'.	ме̏дь, -и.
нить, ни́ти.	ни̏т,-а м. р. мн. ч. ни̏ти ж. р. [6]).	nȉt, níti.	nit'.	ни̏ть, -и.
пе́рси.	пъ̏рси, пъ̏рсӣ (пъ̏рсију).	pŕsi.	prsa ср. р.	пъ̏рси.
пясть, пя́сти.	пе̏ст, -и.	pêst, pestî.	pěst'.	пе̏нсть, -и.
пѣснь, пѣсни.	пе̏сма.	pêsъm [7]).	pīseň.	пѣснь, -и.

2. Съ долгимъ кореннымъ гласнымъ.

бровь, бро́ви, на бровя́х, бровя́й	бъ̏рв, -и мостикъ.	bȓv, bъrvî.	brv.	бръ̏вь, -и [8]).
вѣсть, вѣсти, вѣсте́й.	с-ве̂ст, -и.	vêst, vestî совѣсть.	věst'.	вѣсть, и.

---

[1]) См. гл. I, стр. 33.

[2]) Срв. еще болг. гѣсли. Слово гонсль представляетъ легко отдѣлимую наставку: гонсль = гонд-тль.

[3]) Обыкновенно ладо́нь, въ чемъ я вижу примѣненіе къ слову *ладъ*: ладонь, чѣмъ хлопаютъ въ ладъ.

[4]) По-болгарски длан, дла́ни.

[5]) Срв. еще болг. је́сли. Слово это образовано такъ же, какъ гонсль, т. е. = јад-тли.

[6]) У Сербовъ принадлежащія къ этому склоненію слова почти всѣ мѣняютъ въ мѣстномъ единственнаго и въ родительномъ и дательномъ множественнаго числа *рѣзкое* удареніе на *слабое*, *нисходящее* на *восходящее*: но̀h, но̏hи — мѣст. но̀hи, род. мн. но̀hӣ, дат. но̀hима; ре̂ч, ре̏чи — ре́чи, ре́чӣ, ре́чима. Срв. гл. I, стр. 32. Не мѣняютъ ударенія ме̏д, пе̏ст и, можетъ быть, нѣкоторыя другія слова.

[7]) По-болгарски пе́сјън, песнѝ.

[8]) Однако по-польски brȇw, brwi, см. гл. IX, стр. 181.

Русскія:	Сербскія:	Словенскія:	Чешскія:	Праславянскія:
масть, мáсти, мастéй.	мâст, -и.	mâst, mastî.	măst'.	мáсть, -и.
мысль, мы́сли, мы́слей.	мȉсао, -сли.	mîsъl, -sli [1]).	mỹsl.	мы́сль, -сли.
пядь, пя́ди.	пȇд, -и.	pȇd, pedî.	pīd'.	пѧдь, -и.
рѣчь, рѣчи, въ рѣчи́, рѣчéй.	рȇч, -и.	rȇč, rečî вещь.	řeč.	рѣчь, -и.
сáни, санéй.	сȁони, саȍнӣ [3]).	sanî, -í.	sānĕ, sănĕ род. sanī.	сáни, сань́и.
скорбь, ско́рби, скорбéй.	скъ̑рб, -и.	skȇrb, skъrbî, дат. skъrbi̯.	—	скъ̑рбь, -и.
тварь, тва́ри, тварéй.	твâр, -и.	s-tvâr, stvarî.	tvāř.	твâрь, -и.

3. Слова 4-го склоненія ж. р. съ накореннымъ удареніемъ и кореннымъ гласнымъ долгимъ въ одномъ именительномъ падежѣ.

Русскія:	Сербскія.	Словенскія:	Болгарскія:	Чешскія:	Праславянскія:
жолчь, жо́лчи.	жȗч, жȗчи.	žolč, -i (?).	жълч, жълчи.	zluč.	жы́лчь, жъ̑лчи.
кость, ко́сти, костéй.	кôст, кȍсти.	kôst, kωstî.	кост, кости́.	kost'.	ко́сть, кȍсти, костьи.
кровь, кро́ви, въ кровй.	кръ̑в, кръ̑рви.	krî, krъvî, дат. krъvi̯.	кърв.	krev, krvi [4]).	кры, кръ̑ве.
мочь, мо́чи.	мо̑ћ, мо̑ћи.	mô̑č, mωčî, дат. mώči.	мошт.	moc.	мо́кть, мо̑кти.
ночь, но́чи, въ ночи́, ночéй.	нô̑ћ, но̑ћи.	nô̑č, nωčî, дат. nώči.	ношт, ношти́.	noc.	но́кть, но̑кти.
печь, пе́чи, въ печи́, печéй.	пȇћ, пе̑ћи.	pȇč, pečî.	пешт, пешти́.	pec.	пе́кть, пе̑кти.
честь, че́сти, въчести́, честéй.	чâст, чȃсти.	čâst, častî, дат. časti̯.	чест.	čest', cti [5]).	чь́сть, чь̑сти.

[1]) Слово мысль и ниже слѣдующее тварь, по недосмотру, не были отмѣчены въ I гл., стр. 33.

[2]) И по-болгарски ми́съл, ми́сли.

[3]) Слово сȁони считаю переиначеным изъ сâни: *о* могло вкрасться въ него вслѣдствіе сближенія его съ *сало* (ср. сали́нац = саȍник полозъ) — сани какъ будто сальныя, вымазанныя саломъ, т. е. легко скользящія по снѣгу. Сокращеніе передъ *о* звука *а* обусловлено общимъ закономъ Сербскаго языка (срв. бра́ла, бра̑ло — бра̏о; пи́ла, пи̑ло — пи̏о).

[4]) По-польски krew, krwi. См. гл. IX, стр. 181.

[5]) По-польски cześć, czci и cześci. См. тамъ же.

Б. Слова ж. р. 4-го склоненія съ наклоннымъ удареніемъ.

Русскія:	Сербскія:	Словенскія:	Чешскія:	Праславянскія:
вошь, вши.	у̂ш, у̏ши, у̀шӣ, (у̀шију.	ûš, ušî.	veš, vši [1]).	вѣ́шь, вѣшѝ.
весь, ве́си.	—	vâs, vasî, дат. vasi̋.	ves, vsi [2]).	вѣ́сь, вѣсѝ?
ложь, лжи.	ла̂ж, ла̏жи.	lâž, laží, дат. laži̋.	lež, lži [3]).	лѣ́жь, лѣжѝ.
рожь, ржи.	ра̂ж, ра̏жи.	ъ̏рж̂, ъ̏ржî, дат. ъ̏ржi̋.	rež, rži.	рѣ́жь, рѣжѝ.

V.

Слова 5-го склоненія.

I. *Слова мужескаго рода съ основою на ен* [4]).

А. Съ накореннымъ удареніемъ.

Русскія	Сербскія:	Словенскія:	Болгарскія:	Чешскія:	Праславянскія:
гре́бень, гре́бня.	гре̏бе̄н, -ена, мѣ́ст. гребѐну (гре̏бену).	grebẽn.	гре́бен.	hřeben.	гре̏бы, гре̏бене.
ка́мень, ка́мня.	ка̏ме̄н, -ена, мѣ́ст. камѐну.	kámen, kámna.	ка́мен, ка́мени.	kāmen, kămene, слоѵац. kămen.	ка̏мы, ка̏мене [5]).
ко́рень, ко́рня.	ко̏ре̄н, -ена.	korẽn и kôren.	ко́рен.	kořen.	ко̏рень, ко̏рене.
пла̏мень.	пла̏ме̄н, -ена, мѣ́ст. пламѐну.	plámen, plám(e)na; plamẽn.	—	plămen.	пла̏мы, пла̏мене.

---

[1]) В. л. woš, wše; н. л. veš, šy; поль. wesz, wszy. Срв. гл. VI, стр. 140.

[2]) В. л. wjes, wsy; н. л. wás (jas) jsy; поль. wieś, wsi. См. тамъ же.

[3]) По-польски łeż, łży. См. тамъ же.

[4]) См. гл. III, стр. 100, подъ № 7.

[5]) Праязычное ákmān, ákmanas? По-санскритски áçman, по-гречески ἄκμων, однако по-литовски akmů̃, akmẽns.

Б. Слова съ насуффикснымъ удареніемъ.

Русскія:	Сербскія:	Словенскія:	Чешскія:	Праславянскія.
ячме́нь, -ня́ [1]).	jе̏чмēн, -ена.	jéčmen, ječmé-na.	jĕčmen.	jęčьmы́, jęčьmе̏не (?) [2]).
креме́нь, -мня́.	кре̏мēн, -ена.	krémen, kremé-na.	kř̆ĕmen.	крĕмы́, креме̏не (?).
реме́нь, мня́ [3]).	ре̏мēн, -ена.	rémen, remе́na.	ř̆ĕmen.	рĕмы́, рĕме̏не(?).

П. *Слова средняго рода съ наставкою мен-.*

Русскія	Сербскія:	Словенскія:	Болгарскія:	Чешскія	Праславянскія:
бре́мя (бере́мя), -ени, мн. бремена́ [4]).	бре̏ме, -ена, мн. бремѐча, е́нā, -ѐнима [5]).	bréme, bremena.	бре́ме (мн. бре́мета).	bř̆ímě, bř̆emene.	брѣ̏мęн, брѣ̏мене, брѣмена̏.
вре́мя.	вре́ме, вре̏мена.	vréme, vremena.	вре́ме (времѐ), времена́.	vř̆ēmč, vř̆emene (?).	врѣ̏мęн, врѣ̏мене, врѣмена̏.
вы́мя [6]).	ви̏ме.	vîme, -ena.	ви́ме (мн. ви́мета).	vȳmě, vȳmene [7]).	вы́мęн, вы́мене.
и́мя.	и̏ме.	imê, -ena.	и́ме, имена́ (и́мета).	ст. ĭmě, jmě; нов. jmēno, jmēno.	и̏мец, и̏мене, имена̏.
пле́мя.	пле̏ме.	pléme, -ena.	пле́ме?	plēme, plĕmene.	пле̏мęн, пле̏мене, племена̏.
ра́мо церк.	ра̏мо (ра̏мс).	—	ра́мо, рамена́.	rāmě, rāmene.	ра́мо, ра̏мене, рамена̏.
се̏мя.	се̏ме.	seme, semena.	се́ме.	sīmě, sèmene.	сѣ̏мęн, сѣ̏мене, сѣмена̏ (?).
те́мя, множ. темена́?	те̏ме.	tεme, tεmena.	те́ме?	tēmč, tĕmene.	тѣ̏мęн, тѣ̏мене.

[1]) Въ церковномъ языкѣ родительный — ячме́ня.

[2]) Слово это очевидно не первообразное.

[3]) По церковному родительный произносится реме́ня, по-малорусски—реме́ню.

[4]) Согласно съ *бремя* акцентуются всѣ слова этого рода, только слово *знамя* обыкновенно произносится во множ. числѣ знаме́на; а формы слова *вымя* мнѣ неизвѣстны.

[5]) Согласно съ бре̏ме произносятся и всѣ остальныя слова, за исключеніемъ отступающаго въ именительномъ падежѣ слова вре́ме.

[6]) Множ. ч. вымена́?

[7]) Вмѣсто vȳmě обыкновенно говорятъ vȳmeno. Таковы-же plèmeno, rāmeno, sēmeno и т. д.

III. *Слова съ основою на* ѥнт[1]).

А. Съ накореннымъ удареніемъ.

Русскія.	Сербскія.	Словенскія.	Болгарскія.	Чешскія:	Праславянскія:
ягня́.	ја̏гње, -ета.	já̀gnje,-eta[2]).	а́гне, а́гнета.	jéhně.	а̏гнеѧ, а̏гнеѧте[3]).

Б. Слова съ насуффиксным ударéніемъ.

волча́.	—	vɔlčȅ, -ɛta.	вълче́,вълче́та.	vlče.	вълчѣ̏ѧ, вълчѣ̏ѧте.
дитя́.	де́те, дѐтета.	dɛte, -eta.	де́те и дете́.	dítě[4]).	дѣ̏тѣ̏ѧ, дѣ̏тѣ̏ѧте.
куря́.	—	kūre.	—	kuře.	курѣ̏ѧ? ку́реѧ?
порося́[5]).	пра̂се, пра̏сета.	prɛsɛ, -ɛta.	прасе́, прасе́та.	prase.	прасѣ̏ѧ, прасѣ̏ѧте (?).
теля́.	тѐле, -ета.	tèle, telɛta[6]).	тѐле и теле́.	tělе.	тѣ̏лѣ̏ѧ, телѣ̏ѧте.
щеня́.	штѐне, -ета.	ščéne.	—	štěně.	щенѣ̏ѧ, щенѣ̏ѧте.

---

[1]) Слова эти въ Русскомъ языкѣ рѣшительно всѣ имѣютъ удареніе на наставкѣ, что̀ относится не только къ первообразнымъ, но и къ производнымъ, какъ козля́, осля́, отроча́ церк. Такая акцентовка, повидимому, преобладала уже въ Праславянскомъ языкѣ, но едвали господствовала въ немъ исключительно: выговоръ Сербовъ, Словенцевъ и Болгаръ слишкомъ часто указываетъ на иную акцентовку, хотя они, насколько мнѣ извѣстно, только объ одномъ словѣ агнеѧ даютъ вполнѣ согласныя и противорѣчащія русскому произношенію показанія. Съ другой стороны, нѣтъ почти слова, которому всѣ четыре языка единогласно приписывали бы насуффиксное удареніе.

[2]) По-резьянски já̀hńe.

[3]) Такъ же, какъ ја̏гње, а́гне, Сербы и Болгары произносятъ пи̏ле, -ета, пи̏ле, -ета (птенецъ), ја̏ре, -ета, је́ре, -ета (козленокъ) и гъ̏рне, -ета, гъ́рне, -ета (горшокъ; впрочемъ по-болгарски также гърне́, -е́та). Но едвали эти слова имѣютъ право считаться праславянскими.

[4]) Староморавское (мѣстное) dzca и dztě (Šembera. Základové dialektologie, str. 43, poznam.).

[5]) По мнѣнію Ф. Фортунатова порося́ искажено изъ по́рося. См. гл. XIII, стр. 222, прим.

[6]) У Резьянъ — talé.

IV. *Слова съ основою на* с.

Русскія.	Сербскія:	Словенскія:	Болгарскія:	Чешскія:	Праславянскія:
де́рево, дерева́ (-е́вья); церк. дре́во, -есе́.	дрѐво: часно др. lignum crucis, дрӣјево черн. и дубр.[1]).	dъrvô, dъrvâ и dъrvɛsa.	дърво́, дърва́.	dřevo.	дрѣ́во, дрѣвесе́?
ко́ло юж. зап.; об. колесо́, мн. -ле́са.	ко̏ло.	kωlô, -ɛsa.	колело́.	kolo, koleso.	ко̏ло, колесе́.
не́бо, небеса́; церк. не́бо, -есе́.	нѐбо, небѐса, -е́сā.	nebô, nébâ и nebɛsa.	не́бо и небе́, небеса́.	nebe.	нѐбо, небесе́.
о́ко, о́чи; церк. о́ко, -есе́.	о̏ко, мн. о̏чи.	ωkô (ôkω), ωčɛsa; мн. ωčî.	око́, очи́ и о́чи.	oko.	о̏ко, очесе́.
сло́во, слова́; церк. сло́во, -есе́.	сло̏во.	slωvô, -ɛsa.	сло́во, слова́.	slovo.	сло̏во, словесе́.
тѣ́ло, тѣла́; церк. тѣ́ло, -есе́.	тѐло, телѐса (тѐла).	telô (tɛlω), -ɛsa.	тја́ло (тело́), тела́.	tělo, těleso.	тѣ́ло, тѣлесе́.
у́хо, у́ши; церк. у́хо, ушесе́.	у̏хо, у̏ши.	uhô (ūho), uhâ и ušɛsa, мн. ušî.	ухо́, уши́.	ucho, uši.	у̏хо, ушесе́.
чу́до, мн. чудеса́.	чу̏до, мн. чудѐса.	—	чу́до, чудеса́.	—	чу̏до, чудесе́[2]).

V. *Слова съ основою на* ъı (ъѫ).

A. Съ накореннымъ удареніемъ.

—	бра̏два.	brâdva.	бра́два.	—	бра́ды.
бу́ква.	бу̏ква букъ.	bûkva букъ, bûkve книга.	—	bukev, bukva.	бу̏кы, бу̏къве.

[1]) Обыкновенное названіе дерева (дъ̏рво, -ета, мн. дървѐта, -ета̄) нельзя сравнивать съ русскимъ словомъ де́рево; оно очевидно находится въ ближайшей связи со словомъ дърва дрова́. Такова же болгарская форма.

[2]) Въ I главѣ, стр. 34, я высказалъ твердое убѣжденіе, что окситоновка косвенныхъ падежей ед. ч. у этихъ словъ основана на преданіи; но въ настоящее время я считаю возможнымъ, что она внесена въ единственное число изъ множественнаго, которое сохранялось, и донынѣ сохраняется въ Русскомъ языкѣ у словъ небо и чудо.

Русскія:	Сербскія:	Словенскія:	Болгарскія:	Чешскія:	Праславянскія:
ку́рва.	ку́рва.	kȗrva.	—	kurva.	ку́ры [1]).
—	ло́ква.	lȏkva.	ло́ква.	—	ло́кы.
смо́ква.	смо̏ква.	smȏkva и smȍkva.	—	—	смо́кы?
це́рковь, (-ква).	цр̏ква.	cɛrkev.	че́рква (че́ркова).	cīrkev.	цьркы (ъ̄?).

Б. Слова съ насуффиксным ударе́ніемъ.

Русскія:	Сербскія:	Болгарскія:	Чешскія:	Праславянскія.
ятро́вь.	јетр̏ва Маж.; Кар. јȇтрва.	етр̏ва.	—	јęтры́, -ъве.
любо́вь,-бви́(-бо́ви).	љу́бав, -ави.	љубо́в, љубо́ви.	—	љубы́, -ъве́ [2]).
свекро́вь, -о́ви.	свекр̏ваМаж.; Кар.свȇкрва.	свекр̏ва.	svěkrev.	свекры́, -ъве [3]).

VI.

Слова съ наставкою ja.

I. *Слова мужескаго рода.*

А. Съ накореннымъ ударе́ніемъ.

Русскія:	Сербскія	Словенскія:	Чешскія:	Праславянскія.
вепрь, ве́пря.	вȇпар, -пра.	vɛpъr.	vepř.	вȇпрь, вȇпрја.
мужъ, му́жа.	мȕж, -а.	mȏž, mωžâ.	muž.	мо́ӈжь, мо́ӈжа.
плачъ, пла́ча.	плȁч, -а.	plȁč.	plāč.	пла́чь, пла́ча [4]).

---

[1]) Если вѣрно написаніе коуракА, приводимое Миклошичемъ (Lex. palaeosl.) изъ рукописи XVI ст., то это слово не есть первообразное.

[2]) Считаю болѣе исконною форму любовь, -бви, чѣмъ любовь, -ови и соотвѣтствующія ей сербскія и болгарскія формы: послѣднія вѣроятно вызваны необычностью созвучія *бв*. Кстати замѣтить: отчего Болгары говорятъ љубов,-ови, а не љубъв, -ъви?

[3]) Праязычное svaḱrū́? по-санскритски çvaçrū́.

[4]) Въ эту таблицу, можетъ быть, слѣдовало бы помѣстить слова краи и раи (I А 3).

Б. Слова м. р. съ насуффиксным ударе́ніемъ.

Русскія	Сербскія	Словенскія	Чешскія	Праславянскія
бичъ, бича́.	би̏ч, би̏ча.	bȉč, bīča.	bȉč.	би̏чь, бича̏.
врачъ, врача́.	вра̑ч, вра́ча.	vrá̋č.	—	вра́чь, врача̏.
грошъ, гроша́.	гро̏ш, гро̀ша.	gr̃š, gróša.	groš.	гро̏шь, гроша̏ (?) [1].
дождь, дождя́.	да̏жд, да̀жда Маж.	dž̃, džžjȁ.	dȅšt' (dēšt').	дъ̏ждь, дъ̏ждја̏ [2].
ключъ, ключа́.	кљу̏ч, кљу́ча.	kljúč.	klīč.	клју́чь, клјӯча̏.
конь, коня́, кони, коне́й.	ко̏њ, ко̀ња.	k̃nj, kǹja; резьян. kȍ̀ń, koń̃.	kȕň, koně.	ко̀нь, конја̏.
кошъ, коша́.	ко̏ш, ко̀ша.	k̃š, kǹša.	koš.	ко̏шь, коша̏.
коро́ль, короля́.	кра̑љ, кра́ља.	králj.	krāl [3].	кра́ль, крāља̏.
лучъ, луча́.	лу̏ч, лу́ча taeda.	lūč, lučî ж. р.	louč ж. р.	лу́чь, лӯча̏ (ӯ?).
мечъ, меча́.	ма̏ч, ма̀ча.	mȅč [4].	měč.	мь̏чь, мьча̏.
ножъ, ножа́.	но̏ж, но́жа.	ñž, nǹža.	nȕž, nože.	но́жь, ножа̏ (ō?).
плащъ, плаща́.	пла̑шт, пла́шта.	pláš̋č.	plāšt'.	пла́щь, плāща̏.
пень, пня.	па̑њ, па́ња [5].	pânj, panjû.	peň, pně.	пь̏нь, пьнја̏ [6].

П. *Слова средняго рода* [7].

Русскія:	Сербскія:	Словенскія:	Болгарскія:	Чешскія.	Праславянскія.
лицо́.	ли́це.	lícе.	лице́, лица́.	līce.	лӣце̏.
мо́ре.	мо̏ре, Маж. мо̑ре.	mœrjȇ, mȏrje; резь. múrje.	море́, мо́ре — морја́, море́та.	moře.	мо̏ре.
по́ле.	по̏ље.	pœljȇ, pȏlje.	поле́ — полја́, поле́та.	pole.	по̏ле.

---

[1]) Кажется, несомнѣнно, что слово *грошь* усвоено изчужа, но вѣроятно оно усвоено уже давно.

[2]) См. гл. V, стр. 141.

[3]) И по-польски krûl, krûla.

[4]) Если не ошибаюсь, мъ̏ч, мъча̏: у Прешерна читаемъ z mečèm ognjenim.

[5]) Мажураничъ пишетъ па̑њ, па̑ња.

[6]) Срв. еще польское pień, pnia.

[7]) Т. к. этихъ словъ у меня набралось всего 3, я предпочелъ не разбивать надвое и безъ того столь короткую таблицу.

III. *Слова женскаго рода.*

А. Съ накореннымъ удареніемъ.

1. Слова съ краткимъ кореннымъ гласнымъ.

Русскія:	Сербскія.	Словенскія:	Болгарскія:	Чешскія:	Праславянскія:
бра́тья (род. бра́тьевъ).	бра̏ћа.	brâtja.	бра́тја.	brătřī.	бра̏тьја.
бу́ря.	бу̏ра.	—	—	bouře.	бу́рја.
во́ля.	во̏ља.	vôlja.	во́лја.	vůle.	во́лја.
вѣ́жда црк., вѣ́жа ст. [1]).	вѣ̏ђа.	vêja.	вѣ́жди.	—	вѣ́дја.
гра́бли.	гра̏бље.	gráblje.	—	hrābě, морав. hrăbě.	гра̏бјеӈ.
гры́жа.	гри̏жа.	grîža.	гри́жа [2]).	—	гры́жа.
ды́ня.	ди̏ња.	dínja.	ди́ња арбузъ.	dýně.	ды́ња.
жи́ца ниж. арх. [3])	жи̏ца нить.	žica.	жи́ца.	—	жи́ца.
ка̏ша.	ка̏ша.	káša.	ка́ша.	kāše.	ка̏ша.
ко́жа.	ко̏жа.	kóža.	ко́жа.	kůže.	ко́жа.
ку́ча.	ку̏ћа домъ.	kôča хижина.	къ́шта комната, домъ.	—	ко̏нтја.
мере́жа.	мре̏жа.	mrεža.	мре́жа.	mřīže [4]).	мре̏жа.
па́ша млр. пастбище.	па̏ша.	pâša.	—	мор. и словац. pāše (pāše).	па̏ша.
пи́ща (церк?).	пи̏ћа.	píča.	—	pīce.	пи́тја.
пра́ща(церк.?)	пра̏ћа.	práča.	пра́штва.	prāce [5]).	пра́тја.
пря́жа.	пре̏ђа.	prêja.	пре́жда.	přīze.	пре́ндја.
са́бля.	са̏бља.	sâblja.	са́бја.	ст. sabě.	са̏бја.
стре́ча (=встре́ча).	сре̏ћа счастіе.	sré̋ča.	сре́шта.	—	сре̏тја.
ста́я.	ста̏ја stabulum.	stája.	—	stāje.	ста́јā.
ту́ча.	ту̏ча градъ.	tóča.	—	tuče.	то̏нча [6]).
ца́пля.	ча̏пља.	čâplja.	—	—	ца́пја.
ча́ша.	ча̏ша.	čáša.	че́ша.	čīše.	ча́ша.
ше́я.	ши̏ја.	šíja.	ши́ја.	šīje.	ши́ја.

[1]) Вѣжа — наметъ, шатеръ, юрта, кибитка. Польское wieża я склоненъ считать заимствованнымъ изъ русскаго.

[2]) Грижа по-сербски значитъ рѣзь въ животѣ, по-словенски — кровавый поносъ, по-болгарски — забота.

[3]) Означаетъ цвѣтную шерстяную пряжу.

[4]) По-словацки mrěža.

[5]) Prāce — трудъ, работа.

[6]) Срв. еще польское tęcza радуга, съ ę, а не съ ą.

2. Слова ж. р. на ja, съ долгимъ кореннымъ гласнымъ у Сербовъ.

Русскія.	Сербскія	Словенскія.	Болгарскія:	Чешскія:	Праславянскія
горо́жа дон. заборъ [1]).	гра̑ђа.	grája.	—	hrāze плотина.	гра̀дја (гра̑дја?).
да́ча.	да̑ћа поминки.	dáča подать.	—	—	да̀тја.
жа́жда.	жѣ̑ђа [2]).	žéja.	же́жда.	—	жѐндја.
стра́жа, сторо́жа [3]).	стра̑жа, чак. стра́жа Маж.	strâža.	—	strāže.	стра́жа (стра̑жа?).
су́ша.	су̑ша, чак. су́ша Маж.	súša.	су́ша.	souše.	су́ша (су̑ша?).

Б. Слова ж. р. съ насуффиксным ударѐніемъ [4]).

1. Съ краткимъ кореннымъ гласнымъ.

земля́, зе́млю, -и, земе́ль.	зѐмља, зѐмљи, -у, -е, земаљā.	zémlja, zemljȇ; резь. zamńă.	земја́.	zěmě.	зѐмја̀, зѐмјоң, зѐмјең [5]).
змѣ́я, змѣи.	змѐја, змѐје [6]).	—	змија́, змѐји [7]).	zmĭje.	змѐја̀.
зоря́, зо́рю, зо́ри.	зо̀ра, зо̀ру, Будм. зо̀ри.	zȏrja, zôrja, zœrjȇ.	зора́.	zoře.	зо̀рја̀, зо̀рјоң.
межа́.	мѣ̑ђа, мѣ̑ђи, -у, -е.	méja, mejȇ.	—	meze.	мѐдја̀.
петля́, обыкн. пе́тля.	пѐтља.	pétlja.	петља́.	—	петља̀ (пѐтља?).
ржа.	ъ̀рђа, ъ̀рђу, ъ̀рђе [8]).	ъrja̋.	—	словац. rza = поль. rdza.	рѣ̀дја̀.
стезя́.	стàза.	stъzȁ, stéza.	—	stez, стар. steze.	стѣ̀зја̀.

---

[1]) Русская форма этого слова не соотвѣтствуетъ сербской. См. гл. I, стр. 13, прим.

[2]) По-чакавски жѣ́ђа Маж.

[3]) Судя по-русскому сторо́жа, мы у Сербовъ ожидали бы выговора стра̑жа.

[4]) И къ этимъ словамъ относится законъ первоначальной баритонности звательнаго падежа. См. стр. 250, прим. 3 и стр. 255, пр. 1.

[5]) По-литовски žémė, тв. žemė̃, вин. мн. žemė̃s.

[6]) Маж. — змѐја, Берличъ — змија̀.

[7]) Обыкновенно произносятъ зъмја̀, зъ̀ми.

[8]) Дательный ед. ч., по Будманіевой грамматикѣ, ъ̀рђи.

2. Слова съ долгимъ кореннымъ гласнымъ у Сербовъ.

Русскія.	Сербскія:	Словенскія	Болгарскія:	Чешскія:	Праславянскія:
душа́, ду́шу, ду́ши.	ду́ша, ду́шу, ду́ше.	dúša, dušẹ̑.	душа́.	duše.	душа̏, ду́шоⱬ, ду́шеⱬ.
свинья́, сви́ньи.	сви́ња, сви́ње.	svínja, svinjẹ̑ Kop.S.113.	свиня́.	svĭně.	свиньја̏.[1]).
свеча́, свечи.	све́ћа.	svéča.	свеща́.	svĭce.	свѣтја̏.

VII.

Слова темнаго образованія[2]).

I. *Слова 1-го склоненія (со включеніемъ 1-го различія 4-го).*

А. Трехсложныя („двутрехсложныя“) съ наначальнымъ (накореннымъ?) удареніемъ.

ве́черъ.	ве̏чē, -ера ср. р.[3]).	večẽr, véčer, vẽčer.	ве́чер ж. р.	večĭr, večer.	ве̏черъ.
га̏йворонъ.	га̏врāн, -а.	gávran.	га́рван.	havran.	га̏ръванъ[4]).
го́воръ.	го̀вōр, мѣст. говòру.	gωvôr, góvωr.	гово́р.	hovor.	го̏воръ (?).
го́лубь,-я,-е́й.	го̏лӯб.	gωlôb, резь. gǒlup.	гълъб.	holub.	го̏лоⱬбь.
Госпо́дь, Го́спода[5]).	го̏спōд, -ода.	gωspōd, резь. gǒsput.	го́спод, на го́сподја.	—	го̏сподъ и госпо́дь?
де́верь.	де̏вēр, -ера.	déver, -а и devẽr.	де́вер.	ст. deveř.	де̏верь.
жо́лудь.	же̏лӯд черног.	želωd, -lóda.	же́лъд.	žalud.	же̏лондь.

---

[1]) Слово свиньꙗ, очевидно, производное.

[2]) Это слова производныя, которымъ я затруднился найти мѣсто во второмъ отдѣлѣ таблицъ.

[3]) Бываетъ и женскаго рода: ве̏чēр, ве̏чери; мужескій родъ является только въ выраженіи добàр вече.

[4]) Или гарьванъ? Я полагаю, что болгарская форма этого слова ближе другихъ подходитъ къ праславянской, и что остальныя переиначены, примѣнительно къ словамъ вранъ и гаи.

[5]) Единственное въ своемъ родѣ слово: окситонное въ именительномъ и баритонное въ остальныхъ падежахъ!

Русскія:	Сербскія:	Словенскія	Болгарскія:	Чешскія:	Праславянскія:
за́яцъ, за́йца.	зе̑ц, вм. за̏јец.	zâjec.	за́јец, за́јци.	zajíc.	за̏јеңць.
я́воръ.	ја̏вӧр, -ора.	jávœr.	ја́вор, ја́вори.	jăvor.	ја̏воръ.
я́стребъ.	ја̏стрӗб.	jâstreb [1]).	—	jěstřāb.	ја̏стреңбь.
ка́шель, -шля.	ка̏шаљ, ка̏шља.	kášъlj, -šlja.	—	kāšel и kăšel.	ка̏шьль [2]).
ло́коть, -ктя.	ла̑кат, -кта [3]).	резь. làhat, -hta [4]).	ла́кеть, ла́кти.	loket.	ла́къть.
мѣ̏сяцъ.	мѣ̏сӗц, м. месе́цу.	mêsec; резь. mîsac.	ме́сец.	měsíc.	мѣ̏сеңць [5]).
но́готь, -гтя, -гтей.	но̏кат, -кта.	nôht, nœhtâ [6]).	но́кет, -кти [7]).	nehet.	но̏гъть (о ?).
па́ук̀ъ, -ука́.	па̏ ӯк.	pâjък.	па́јък.	pavouk.	па̏ōңкъ [8]).
пе́пелъ, -пла.	пе̏пео, -ела.	pepêl, -a [9]).	пе́пел.	popel.	пе̏пелъ.
пе́нязь ст.	пе̏нӗз, -а Маж. [10]).	pênez, -a (-éza).	—	penīz.	пѣ̏неңзь.
се̏веръ.	се̏вӗр, -ера.	sé̋ver, -rja.	се́вер.	sever.	сѣ̏веръ.
та́боръ.	та̑бор.	tábœr.	—	tābor.	та̑боръ.

Б. Трехсложныя (двутрехсложныя) м. р. съ удареніемъ на среднемъ слогѣ.

берло́га ж. р.	бъ̏рлог, -а.	bъ̑rlœ̑g, -óga.	—	brloh и -ha.	бърло̏гъ, -а.
оле́нь, -я.	јѐлен, -а.	jélen, jelé̋na.	—	jelen.	јеле̏нь, -ја [11]).
язы́къ, -ыка́.	јѐзик, -а.	jézik, jezíka [12])	јези́к.	jazyk.	јеңзъ̏къ, -а [13]).

---

[1]) Бохинское jāstrof.

[2]) Корень этого слова *как* (= лит. kos-ti, санскр. kās), ьлъ — наставка, очевидно, сложная.

[3]) Мажураничъ пишетъ ла̏кат, -кта.

[4]) Валявецъ приводитъ словенскія формы lakèt (lakét), род. laktà и lákta, которыя не соотвѣтствуютъ ипославянскимъ.

[5]) Ср. также польское miesiąc, miesiąca.

[6]) По-резьянски nŏhat, -hta.

[7]) Или, съ другимъ кореннымъ гласнымъ, ne̋ket, -кти.

[8]) Паоңкъ я считаю словомъ предложнымъ. См. гл. VI, стр. 143, 3 стр. св. На счетъ количества *о* (ѫ), ср. еще поль. rają̨k, rają̨ka.

[9]) По-резьянски roĕroeu, roĕrela.

[10]) У Караджича только множ. ч. пе̏нӗзи ж. р.

[11]) Или јелы, -ене?

[12]) По-резьянски jezĭk или jazĕk.

[13]) Въ Ш главѣ (стр. 99, прим. 2) я высказался нерѣшительно на счетъ праславянской акцентовки этого слова, но теперь я пришелъ къ убѣжденію, что нашъ выговоръ есть только подражаніе наклонной акцентовкѣ суффикса *ык* = *ик*: му-

Русскія:	Сербскія:	Словенскія:	Болгарскія:	Чешскія:	Праславянскія:
князь, кня́зя.	кне̑з, -а̏.	kn̋ez, knɛza.	—	kně̋z.	кънѧ̋зь,-зја.
медвѣ́дь, -я.	мѐдвед, -а.	médved, medvéda.	—	medvě̋d.	медвѣ̋дь, -и.
орѣ́хъ, -а.	ѐрах, -а.	ór̋eh, ɯrɛ́ha.	орја́х и о́рех.	oře̋ch.	орѣ̋хъ, -а.
печа́ть,-и ж.р.	пѐчат, -а.	péčat (pečât) pečâta.	—	pečet'.	печа́ть, -и м. р.
поль́нь,-и ж.р.	пѐлин, -а черн.	pélin (pelín), pelína.	пели́н.	pelun м. р. peluň ж. р.	пель̋нь, -и м. р.
това́ръ, -а.	тѐвар, -а вьюкъ.	tɯ́vɯr, tɯvóra.	това́р.	tovar словац.	това̏ръ, -а.
человѣ́къ, -а.	чо̀век, -а.	čl̋ɯ́vek, člɯvéka.	чолја́к.	člověk.	чьловѣ̋къ, -а.

В. Трехсложныя (двутрехсложныя) м. р. съ наклоннымъ удареніемъ.

яре́мъ, -рма̀.	ја́рам, -рма.	járъm, -rma.	—	—	јарѣ̋мъ, -ьма̏.
кома́ръ, -ара̀.	ко̀мар, кома́ра.	kɯmár.	кома́р.	komār.	кома́ръ, -ара̏.
ове́нъ, овна̀.	о̀ван, о́вна.	ɯ́vъn,ɯ́vna[1]).	ове́н, овни́.	—	овь̋нъ, -ьна̏[2]).
ове́съ, овса̀.	о̀вас, о́вса.	ɯ́vъs, ɯ́vsa[3]).	ове́с.	oves.	овь̋съ, -ьса̏.
рука́въ, -ава̀.	ру̀ка̄в, рука́ва.	rɯkáv, -a.	ръка́в.	rukāv.	роцка́въ, роцка̄ва̏.
рожѐнъ,-жна̀.	ра́жањ,-жња	—	ръже́н.	rožen (o!).	ръжь̋нъ, ръжьна̏[4]).
со́колъ,-а и соко́лъ, -ола̀.	со̀ко̄, сокѝла.	sɯ́kɯl [s(ɯ)-kɯ̏l], sɯkɯ́la[5]).	соко́л?	sokol.	сокѝлъ, сокола̏[6]).
хребе́тъ,-бта̀.	хр̀бат, хр̀пта.	hъrb̋ъt,- btȁ (hr̀bъt).	хребе́т, хребти́.	hřbet.	хрьбь̋тъ, хрьбьта̏[7]).

жи́къ, -ика̀ и т. п. Акцентовку язы́къ, -ы́ка (та́къ ли́ца духовнаго званія обыкновенно произносятъ это слово въ значеніи Sprache, та́къ оно акцентуется въ церковныхъ книгахъ) я такимъ образомъ считаю архаизмомъ, хотя она намъ кажется искаженною и искусственною.

[1]) По-резьянски ovăn (ovĕn), umnă.

[2]) У Литовцевъ — ávinas, мн. avinaí. См. гл. XIII, стр. 218 и 221.

[3]) Родительный можетъ и окситоноваться: ɯvsȁ. По-резьянски ovăs.

[4]) Слово рожанъ, равно какъ вышеприведенныя овьнъ, ражавъ, слѣдовало бы отнести во второй отдѣлъ акцентовочныхъ таблицъ, т. к. оно представляетъ легко отдѣлимую наставку.

[5]) По-резьянски sakŏl.

[6]) По-литовски sákalas, мн. sakalaí. Ср. стр. 15 и стр. 221 пр. 1.

[7]) Срв. еще и польское grzbiet. По-сербски, кромѣ хрпта, подъ вліяніемъ именительнаго, говорятъ также хрбата. Караджичево хрпта несомнѣнная опечатка. — Наставка въ этомъ словѣ очевидно ътъ.

II. *Трехсложныя слова 2-го склоненія.*

А. Съ удареніемъ на начальномъ слогѣ.

Русскія:	Сербскія:	Словенскія:	Болгарскія:	Чешскія:	Праславянскія:
о́зеро, мн. озе́ра (озера́).	је̏зеро, језѐра, језе́рā.	jɛ̑zerɷ (jezɛrɷ [1]); резь. oĕzoerŏ.	о́зеро.	jezero.	е̏зеро, мн. езерā̏.
я́блоко.	ја̏бука ж. р.	jābъlko [2]).	ја́бълка ж. р.	jablko.	ја̏блъко.
о́лово.	о̏лово.	—	—	olovo.	о̏лово.

Б. Трехсложныя ср. р. съ удареніемъ на среднемъ слогѣ.

*говя́до: говя́дина.	го̀ведо.	gɷvɛda ж. р.	гове́до.	hovado.	говѣ̏до.
желѣ́зо.	жѐлезо.	želɛzɷ [3]).	желја́зо.	železo.	желѣ̏зо.
колѣ́но.	ко̀лено.	kɷlɛnɷ.	колја́но.	koleno.	колѣ̏но.
копы́то.	ко̀пито.	kɷpítɷ.	копи́то.	kopyto.	копы̏то.
коры́то.	ко̀рито.	kɷrítɷ.	кори́то.	koryto.	коры̏то.
полѣ́но.	по̀љено черног.	pɷlɛnɷ.	—	poleno.	полѣ̏но.

III. *Слова́ 3-го склоненія.*

А. Съ удареніемъ на начальномъ слогѣ.

я́года.	ја̏года fragum.	jágɷda.	ја́года.	jahoda.	ја̏года.
ма́чеха.	ма̏ћеха.	máčoha.	ма́штеха.	macocha.	ма̏тјеха.
па́зуха.	па̏зу̏хо ср. р.	pázuha, pážha.	па́зуха, па́зва.	pazucha.	па̏зуха.
у́жина [4]).	у̏жина полдникъ.	júžina.	—	—	у̏жина.

---

[1]) Krí po Krájni, Korotáni Prelíta napolníla bi jezéro. Prešeren. Krst pri Savici. Vvod, 6. (Potočnik. Grammatik der slovenischen Sprache). Полагаю, что такая акцентовка первоначально была свойственна одному множественному числу, въ которомъ jezɛra легко могло развиться изъ jezèra = основ. jezerā̏ (появленіе ɛ вмѣсто e объясняю себѣ тѣмъ, что ударение, сравнительно съ единственнымъ числомъ, казалось не оттянутымъ, а выдвинутымъ); чтобы jezɛra соотвѣтствовало русскому озёра, я считаю мало вѣроятнымъ.

[2]) Въ Бохинскомъ говорѣ jàbuka, у Резьянъ jábelko (-alko, -ulko).

[3]) По-резьянски žoeloĕzò.

[4]) Обыкновенно у́жинъ м. р.

Б. Слова съ удареніемъ на среднемъ слогѣ.

Русскія:	Сербскія	Словенскія:	Болгарскія	Чешскія	Праславянскія:
бесѣда.	бѐседа.	besẽda.	—	beseda.	бесѣ̏да.
влады́ка.	вла̀дика.	vladíka.	влади́ка.	vlādyka.	влады̏ка.
грома́да.	—	gъrmáda.	грома́да.	hromada.	грома̏да.
кобы́ла.	ко̀била.	kωbíla.	коби́ла.	kobyla.	кобы̏ла.
кропи́ва.	ко̀прива.	kωpríva.	копри́ва.	kopřiva.	копри̏ва.
—	ко̀шута.	kωšúta.	кошу́та.	сл. košut [1]).	кошу̏та.
лива́да млр.	лѝвада.	livâda.	лива́да.	—	лива̏да.
лопа́та.	ло̀пата.	lωpáta.	лопа́та.	lopata.	лопа̏та.
моги́ла.	го̀мила [2]).	gωmíla.	моги́ла.	mohyla.	моги̏ла.
моты́ка.	мо̀тика.	mωtîka.	моти́ка.	motyka.	моты̏ка.
невѣ́ста.	нѐвеста.	nevésta.	невја́ста.	nevěsta.	невѣ̏ста.
ота́ва.	о̀тава.	ωtâva.	—	otava.	ота̏ва [3]).
пога́чъ м. р. [4]).	по̀гача.	pωgáča.	пога́ча.	—	пога́ча [5]).
поля́на.	по̀ља̀на.	pωljána.	поля́на.	polana [6]).	полја̏на (?).
раки́та.	ра̀кита.	rakîta.	—	rokyta.	раки̏та.
сѣки́ра.	сѐкира.	sekíra.	—	sekyra.	сѣки̏ра.

В. Трехсложныя 3-го склоненія съ наконечнымъ удареніемъ.

пчела́, пчо́лы.	пчѐла, пчѣ́ле, пчѣ́лā [7]).	bčẽla, bučẽla, čbẽla.	пчела́.	včela.	бъчела̏.
господа́, -о́дъ, -ода́мъ.	госпо̀да.	gωspώda.	—	—	господа̏.
изба́, -у́ и и́збу, -ы, -амъ.	ѝзба.	îzba, îspa.	—	jîzba.	йстъба̏ [8]).
корчма́.	кърчма.	kъ̂rčma и kъ̂rčma̋.	—	krčma.	кърчьма̏ [9]).
лебеда́; юж. лобо́да.	лобо̀да.	lωbώda и lώbωda.	лобода́.	lebeda; словац. loboda.	лобода̏.

---

[1]) Košut значитъ козелъ.

[2]) Не знаю, дѣйствительно-ли произошло гомила изъ могила, посредствомъ «перестановки»?

[3]) Отава, собственно, слово предложное и сродни съ тыти, тоукъ.

[4]) Родъ прѣснаго пирога. Даль.

[5]) Едва-ли это слово заимствовано изъ италіанскаго fogaccia.

[6]) Словацкое слово?

[7]) По Будмани, рѣзкое удареніе свойственно также дательному и винительному ед. ч. пчѣли и пчѣлу.

[8]) Срв. еще в. луж. stwa, н. луж. śpa.

[9]) И по-литовски karczemà̋. Слово это заимствовано Литовцами у Славянъ.

Русскія.	Сербскія.	Словенскія:	Болгарскія.	Чешскія.	Праславянскія:
но́чва или но́чвы [1]).	на̏ћве, наћа́ва̄, на̀ћвама.	пъčvе̏.	нѣштви.	—	нътјьва̏?
пелена́.	пелѐна.	pelnȁ.	пелена́.	plěna.	пелена̏.
слобода́ и свобо̀да.	слоб̀ода.	slωbώda, slώbωda, svωboda.	слободја́.	svoboda; словац. slobo-da.	слобода̏? свобо̏да?
тетива́.	тети́ва.	tetíva.	тетива́.	tětiva.	тетнтива̏.

[1]) Ночвы — неглубокое корытце, лотокъ.

Слова производныя.

I. Слова мужескаго рода.

А. Съ притягательными наставками [1]).

а. *Наставки съ наклоннымъ удареніемъ.*

1. Наставка а́къ, -а̄ка̂ [2]).

Рус. слова: вожа́къ, гуса́къ, дура́къ, земля́къ, коза́къ, мака́къ, пята́къ, проста́къ, пуста́къ, сво́лкъ, шиша́къ; род. — вожака́, гусака́ и т. д.

Серб.: весѐља̄к, вòја̄к, вѐшта̄к, дивља̄к дикарь, зѐмља̄к, јȕна̄к, кàлпа̄к, лѐжа̄к лѣнтяй, лȕда̄к, љѐва̄к юж. лѣвша, нòва̄к, пѐта̄к пятилѣтокъ, прòста̄к, сва̂к, род. сва́ка = *свòја̄к, своја́ка (рядомъ съ свȍја̄к), тѐжа̄к, шѝша̄к, шȕпља̄к дуракъ; род. — весеља́ка, воја́ка и т. д.

Слов.: vœják, gœsák, divlják, zemlják, junák, ležák, levák, nœvák novicius, peták, pešák, rœják, težák поденщикъ. По-горенски (верхнекраински) въ именительномъ сд. ч. нерѣдко слышится а̂к: hrœmâk, inâk (= junak), mœžâk и т. д.

Болг.: будала́к дуракъ, гроздя́к кисть винограда, долнѣя́к низовой вѣтеръ, живя́к ртуть, юна́к, калпа́к, котя́к котъ, крива́к посохъ.

Чеш.: vojāk, ležāk, novāk, pětāk, prostāk, pěšāk.

---

[1]) Уже выше (гл. V, стр. 125, прим. 2) отмѣчено, что притягательныя наставки не вполнѣ выдерживаютъ свой характеръ.

[2]) Первое мѣсто, по азбучному порядку, должно было собственно принадлежать окончанію агъ, но это окончаніе весьма рѣдкое, которое, быть можетъ, не слѣдуетъ даже считать наставкою: могу привести русскія слова очагъ, -ага и рычагъ, -ага, сербскія — бȕра̄г, бура́га Thiermagen и кърча̄г, кърча́га, болгарскія — кърчаг и очаг, чешское — krčah (krčak). Можно ли, на основаніи этихъ словъ, говорить о праславянской притягательной наставкѣ агъ, ага̂? (Не агъ, ага, какъ, по опечаткѣ, сказано гл. V, стр. 125). Въ добавокъ, реченіе очагъ, общее Русскимъ, Болгарамъ и Сербамъ и звучащее у поолѣднихъ ọ̀ца̄к, оца́ка (или ọ̀цак, -а), заимствовано изчужа.

Въ нѣкоторыхъ словахъ наставка акъ, акъ остается *безъ ударенія*:

Серб.: о̀бесењāк, пāметњāк, плѐвњāк гдје се пљева држи, прòсјāк.

Слов.: bîčnjak кнутовище, golôbnjak, gôsjak, dîmnjak труба, žlîčnjak Löffelkorb, krâvjak, lesnîčnjak лѣсное яблоко, strúmenjak[1]).

2. Наставка а́чь, а̄ча̀.

Рус. слова: бога́чъ, борода́чъ, кола́чъ, сила́чъ, скрипа́чъ, толма́чъ, труба́чъ; род. — бога́ча, борода́ча и т. д.

Серб.: бѐрāч lector (videmmiator, messor), ко̀вāч, ко̀лāч, ко̀пāч, крò-јāч, о̀рāч, помàгāч, покрѝвāч, тру̀бāч; род. — бера́ча, кова́ча и т. д.

Слов.: beráč нищій, bradáč, brijáč, glaváč, kωváč, kωláč, kωpáč, krajáč, kъrpáč, ωráč, ωteráč полотенце, pωkriváč, rωgáč, snubáč, škripáč, tωlmáč.

Болг.: бера́ч собиратель винорада, готва́ч поваръ, игра́ч, кова́ч, кола́ч, копа́ч, кърпа́ч, маза́ч, ора́ч, пома́га́ч, подвърза́ч переплетчикъ, покрива́ч, рога́ч олень, стрела́ч, езда́ч.

Чеш.: hlavāč, hrāč, kovāč (словац. kovāč), kolāč, orāč, pyskāč Groszlippiger, Uebermüthiger, rohāč, trubāč.

Наставка аук остается *безъ ударенія* въ нѣкоторыхъ *словенскихъ* реченіяхъ: fûtač upupa, gêgač lanius colurio и т. д.

3. Наставка а́шь, а̄ша̀.

Рус. слова: мура́шъ, торга́шъ, шала́шъ; род. — мураша́ и т. д.

Серб.: богàтāш, бъ̀ркāш, велѝкāш, кочѝјāш, пàјдāш, ракѝјāш, шàјкāш nauta qui est in шајка; род. — богата́ша, бъ̀рка́ша и т. д.

Слов.: velikáš, gωlibáš incola tugurii, jaháš всадникъ, kωčijáš, mejáš сосѣдъ, pajdáš, plemenitáš.

Болг.: богата́ш, кочија́ш.

Чешское (словацкое): velikāš[2]).

4. Наставка у́къ, ука̀.

Рус. слова: индю́къ, каблу́къ, клобу́къ, мишу́къ, сунду́къ; род. — индюка́, каблука́ и т. д.

---

[1]) Въ Русскомъ языкѣ нѣтъ исключеній: слово за̀втракъ несомнѣнно представляетъ случай звукового правописанія, вм. этимологическаго — за̀втрокъ.

[2]) Послѣ наставки ашъ слѣдовало бы помѣстить наставку огъ, на которую я однако знаю только нѣсколько русскихъ и сербскихъ примѣровъ:

Русскія слова: бато́гъ, пиро́гъ, творо́гъ (род. батога́, пирога́, творога́) и черто́гъ (род. — черто́га).

Серб.: Кѝтог, Кѝто̀га названіе одного лѣса, бъ̀рлог, вьртлог водоворотъ, кьртог соръ, та́лог гуща, осадокъ.

Можно ли изъ этихъ словъ заключить о существованіи притягательной наставки о́гъ, о́га или-же о́гъ, ога̀?

Серб.: клòбȕк, клобȕка, хàјдȕк, хајдȕка.

Слов.: klœbúk (klœ́buk), klœbúka.

5. Наставка у́хъ, ухà (у́ха?).

Рус. слова: кожу́хъ, лопу́хъ, пасту́хъ; род.—кожуха́, лопуха́, пастуха́. Впрочемъ, слово кожу́хъ имѣетъ также родительный кожу́ха: у Малороссовъ и Бѣлоруссовъ (у послѣднихъ и кожу́ха, и кожуха́).

Серб.: кòжух, -а (= млрус. кожу́хъ, -а), лòпȕх, лопу́ха, пàстȕх, пасту́ха жеребецъ, тъ̀рбух, -а.

Слов.: zavaljúh лежебока, kanjúh milvus, kœ́žuh, kœžúha, lenúh лѣнтяй, œderúh обирало, œgledúh шпіонъ, pastúh жеребецъ, pepeljúh, pœležúh лѣнтяй, prevzetúh гордецъ, smъrdúh mustela putorius, tr̀ebuh (trebúh), trebúha (tr̀ebuha), čъrnúh homo niger.

Болг.: кожу́х, търбу́х.

Чеш.: kožich, lopouch, trbuch.

6. Наставка у́нъ, ȕнà.

Рус. слова: болту́нъ, бѣгу́нъ, писку́нъ, плаву́нъ, свисту́нъ, скаку́нъ, шипу́нъ, щелку́нъ; род. — болтунà, бѣгунà и т. д.[1]).

Серб.: богàтȕн черног. богачъ, бòцȕн черног. колючее растеніе, глàдȕн щеголь, рàчȕн счетъ, чèкљȕн ansa januae, uncus; род. — богату́на, боцу́на и т. д.

Слов.: begûn, gъrdûn, jedûn, kračûn засовъ, plavûn, račûn, skakûn, terpûn, carpûn.

Болг.: писку́н Dämpfer bei der Sackpfeife.

Чеш.: běhoun, pyskoun.

Исключенія составляютъ *русскія* слова ко́ршунъ и нѣстунъ.

7. Наставка ѐжь, ежà (ѐжа?).

Рус. слова: грабе́жъ, дѣле́жъ, лупе́жъ, мятѐжъ, платѐжъ, род. — грабежà и т. д. Наконечное удареніе представляетъ и слово терпѐжъ: не въ терпёжъ.

Серб.: гра́беж, дре́меж, кла́теж, кърпеж, ла́веж лай, лу́пеж воръ, ме́теж tumultus, му́теж aqua turbida, пи́леж дѣтвора, си́тнеж мелюзга, сра́меж стыдъ, тъ̀рпеж tolerantia. Родительные, очевидно, гра́бежа, дре́межа и т. д., что́ не соотвѣтствуетъ русскому выговору.

Слов.: grabȅž,-éža, delȅž,-éža наслѣдникъ, jebȅž,-éža, lémež, lemé́ža сошникъ, platȅž, -éža, sedȅž, -éža, terȅž, trebȅž новь (род., безъ сомнѣнія, teréža и trebéža).

---

[1]) Такъ же акцентуется заимствованное слово табу́нъ; другое заимствованное — драгу́нъ — имѣетъ постоянное удареніе: драгу́нъ, драгу́на.

Болг.: бодѐж, (дъжд-)валѐж, вървѐж Gang, годѐж сговоръ, грабѐж, гърмѐж громъ, кърпѐж, лемѐж, метѐж, платѐж.

Чеш.: krādež, loupež.

Удареніе *накоренное*, которое въ Словенскомъ языкѣ, но не въ Сербскомъ, можетъ считаться оттянутымъ, представляютъ слѣдующія реченія:

Серб.: дѐреж, мȁдеж.

Слов.: bábnež, gŕrdež Hassenswerther, klátež бродяга, pádež, -a, pálež болѣзнь винограда, čúdež ротозѣй.

б. *Слова мужескаго рода съ притягательными наставками постояннаго удареніа.*

8. α) Наставка а́нъ, а́на (ана̏?).

Рус. слова: братан̀ъ, брюха́нъ, буя́нъ, бурья́нъ, великан̀ъ, голова́нъ, пуза́нъ, род. брюха́на и т. д.; но каба́нъ, -ана́ и бѣлор. кожа́н, -апа́ [1]).

Серб.: го̀ран черног.; главата̏н, носа̏н, ноздрва̏н чакав. (Берличъ); врагѐла̄н, врагола́на petulans, гу̏ша̄н, гуша́на columba gutturosa.

Слов.: Azijȃn, bёlvȃn (bё́lvan), bratȃn filius fratris mei patris, velikȃn, vъščȃn, glavȃn, gёrjȃn, deželjȃn землякъ, dёlgȃn долговязый, zёbȃn, kristijȃn, mёdrijȃn, meščȃn (mẽščan) горожанинъ, nёsȃn, ёkȃn, ёtёčȃn остро̀витянинъ, pёgȃn (pё́gan), seljȃn, tlačȃn, uhȃn серьга, čakán.

Чеш.: bratran, tchān.

Удареніе *накоренное* представляетъ рус. слово ро́занъ, которое я считаю заимствованнымъ изъ нѣмецкаго множественнаго числа Rosen розы. (Подобнымъ же образомъ въ словѣ ло́копъ вижу нѣмецкое Locken кудри). Дѣйствительнымъ исключеніемъ, кажется, можно считать болгарское реченіе бу́рјан, названіе какого-то растенія.

8. β) Сложная наставка ани́нъ (а́нинъ? анинъ?).

Рус. слова: армяни́нъ, граждани́нъ (и гра́жданинъ), міряни́нъ (міря́нинъ), назаряни́нъ церк., сселяни́нъ, христіани́нъ (христіа́нинъ) [2]), хуторяни́нъ млр. (род. армяни́на, граждани́на и т. д.); кіевля́нинъ, москвитя́нинъ.

Серб.: јѐрменин, сѐленин, хри̏шћанин, — гра̏ђанин (мн. ч. гра̏ђа̄ни), дȕбро̄вчанин (у Берлича — дубро́вчанин), ко̀стā̀јничанин, ка̀рано̄вчанин, ца̏ригра̏ђанин.

Болг.: ерме́нин, горнја́нин (ја?), гра́жданин (гражда́нин: гражда́не), христје́нин; се́лјанин: се́лјане.

---

[1]) У Востокова брюха́нъ и пуза́нъ помѣщены въ число словъ съ *подвижнымъ* удареніемъ, рядомъ со словомъ каба́нъ. Послѣднее слово считается, какъ извѣстно, заимствованнымъ изчужа. — Кожанъ значитъ летучая мышь.

[2]) См. гл. I, стр. 13.

9. Наставка а́и, а̏ја (ѣ́и, ѣ̏ја).

Рус. слова: глупенда́й, корова́й, лиша́й, лѣнтя́й, нагоня́й, напряга́й выговоръ, негодя́й, поддерга́й носящій короткое платье, скуперда́й, урожа́й, шуга́й (родъ кофты безъ лифа)[1]), род. — глупенда́я, корова́я и т. д.

Серб.: кра̀ва̄ј: кра̀ва̄јноша, ра̀тај черног. Кар. [Берличъ — ратáј (чак.); Маж. — ра̏тај], Ро̀жа̄ј, -аја названіе мѣстности, ши̏ра̄ј (у Сријему) bos cornua diversa habens.

Слов.: bežâj, bꙋgatâj, vъršâj, dъržâj, lišâj (по-резь. lišaj), lučâj, ꙋbičâj, pꙋlꙋžâj, ratâj, strelјâj и др.

Болг.: крава́j, обича́j (обича́j), рата́j (и ра́таj).

Чеш.: kročej, obličej, obyčej, zvyčej.

Иной выговоръ представляютъ:

Рус. слова: обы́чай, ра́тай[2]), слу́чай (также случа́й).

Серб.: вѣ̏ршā̄ј (мѣст. вѣршáју) Schicht Garben, до̀гаѣ̄ај, за̏логā̄ј, ли̏шā̄ј, на̏раштā̄ј, о̏бичā̄ј (мѣст. обичáју), о̏прошта̄ј, слу̏чā̄ј (мѣст. случáју), те̏чај.

Слов.: dꙋtîkljaj, drôbljaj, grîžljaj, mîgljaj и др.

Болг.: ли́шej, слу́чej, шу́рej (шуринъ).

Б. Слова съ безотносительными наставками.

10. Наставки ъкъ и ѣкъ.

а. Слова простыя.

α) Окситонныя.

Рус.: вале́къ, волото́къ, верше́къ, голосо́къ, голубо́къ, гробо́къ, гроздо́къ, коне́къ, листо́къ, пято́къ, песо́къ, стано́къ, стручо́къ, холодо́къ, цвето́къ, четверто́къ, род. — валька́, волотка́ и т. д.

Серб.: ва́љак, вла́так (вла̂т) ум., во̀лак род. во́ка, вѣ̏ршак, ве́зак (ве̑з) ум., гла́сак (гла̂с) ум., голу́бак, гро̀бак, гро́здак, да́рак, дѣ̏ржак ansa, ли́стак, пе́так, пе́сак, ста́нак, стру́чак, хла́дак, цве́так, четвѣ̏ртак, чла́нак; род. — ва́лька, вла́тка и т. д.

Слов.: bꙋb̏ъk, bꙋbč̏ъk, vꙋl̏ъk, grꙋzd̏ъk, grꙋb̏ъk, grꙋzd̏ъk, grꙋš̏ъk, dъž̏ъk, zvꙋnč̏ъk, (zvǫ́пъс), kꙋzl̏ъk, kꙋnč̏ъk (kǫ́пъс), kꙋnj̏ъk, kꙋrč̏ъk (kǫ́гъс), ꙋsl̏ъk [род. bꙋbkȁ, bꙋbčъkȁ, vꙋlkȁ, и т. д.], гер̏ъk хвостикъ, snꙋ-

---

[1]) Не знаю, на какомъ основаніи Гротъ въ этомъ словѣ, а также въ словѣ коровай, не признаетъ *ай* производною наставкою. Но, кажется, онъ правъ, когда говоритъ это о темномъ реченіи горноста́й, -а́я, и несомнѣнно правъ относительно пришлаго реченія сара́й,-а́я = серб. са̀ра̄ј, -аја, болг. сара́j.

[2]) Слово ратай [= осн. artājas (лит. artojis)] очевидно приняли за сокращеніе изъ ора́тай.

рѣ̀k, snɷрčѣ̀k, strɷčѣ̀k, sъgрѣ̀k, četvъrtѣ̀k, čl̀ъпѣ̀k; род. — rерkа̀, snɷрkа̀, snɷрčъkа̀, strɷčkа̀ и т. д. [1]).

Болг.: белтѣ̀к, мн. -ѣ̀ци бѣ̀локъ. Слова̀ пàтъкъ, пѣ̀съкъ и четвр̀тъкъ по-болгарски баритонуются.

β) Слова баритонныя.

Рус.: бара̀шекъ, горо̀шекъ, листо̀чекъ, орѣ̀шекъ, человѣ̀чекъ [2]).

Серб.: га̀вранак Маж., гра̀шак (и гра́шак) Маж., ја̀бланак, ја̀ворак.

Слов.: bîčъk бычокъ, brêžъk бережо́къ, brûsъk брусо́къ, vênъk вѣно́къ, glâsъk*, gɷlôbъk (gɷlôb)*, dânъk денёкъ, dîmъk дымо́къ, zâjčъk, jelênъk серб. јеле́нак, jezîčъk языче́къ, kljûčъk, kɷkôtъk (kɷkôt), kɷlâčъk, kûrčъk, lîstъk*, ɷblâčъk (ɷblâk), ɷbrâzъk (obrâz) образо́къ, ɷrêšъk, pâlčъk (pâlъc), prôtъk, pétъk*, rôžъk рожо́къ, rɷkâvčъk, svétъk (svétъk) праздникъ, hlâdъk*, cvêtъk (cvêt) цвѣто́къ, čâsъk (čâs) часо́къ, člɷvêčъk, črêvljarčъk [3]).

Болг.: пе́тък*, пја́сък*, четвъртък*.

б. Слова составныя.

α) Окситонныя.

Рус.: почато́къ, -тку́ млр.

Серб.: доби́так, дода́так, напи́так, оснў́так, почёта к, разви́так, сви́так, свърше́так.

Слов.: zarъrtѣ̀k, -tkа̀ (zarѣ́rtъk) болтунъ (яйцо).

---

[1]) Накопечная акцентовка такихъ реченій (да и то́ не всѣхъ) составляетъ особенность верхнекраинской рѣчи: у прочихъ Словенцевъ мы находимъ формы vɷ̀lъk, sъgrъk, četvъ́rtъk и т. п.

[2]) Баритонками бываютъ также всѣ составныя реченія (нпр. перелѣ́сокъ, полушу́бокъ). — Къ баритоннымъ принадлежатъ также двусложныя во́йлокъ, ку́бокъ, лу́чекъ, пре́докъ, ры́нокъ и хло́покъ. Изъ числа ихъ, кубокъ и рынокъ заимствованы изъ Польскаго (kubek, rynek) и сохраняютъ свою тамошнюю акцентовку; войлокъ вѣроятно тоже не русское. Слова̀ лу́чекъ и пре́докъ, по всей вѣроятности, баритонуются въ отличіе отъ словъ лучо́къ (орудія) и передо́къ (передняя часть), хло́покъ — чтобы не имѣть вида отглагольнаго (отъ хлопать). См. у Грота. Фил. наблюд., стр. 355—356 (343—344 2 изд.). Слово ли́шекъ, быть можетъ, представляетъ позднѣйшее отвлеченіе отъ предложнаго изли́шекъ.

[3]) Звѣдочками отмѣчены тѣ слова̀, которымъ въ Русскомъ и Сербскомъ языкѣ соотвѣтствуютъ окситонки (въ Сербскомъ, собственно, — бывшія окситонки). — Наставки ъкъ, акъ у Словенцевъ, какъ кажется, отчасти смѣшались съ наставкою икъ: такъ реченія zâjčъk, kljûčъk, kɷlâčъk, kûrčъk, pâlčъk, prôtъk, rɷkâvčъk, cvêtъk, čâsъk едва-ли ни равны русскимъ за́йчикъ, ключикъ, ку́пчикъ, па́льчикъ, пру́тикъ, рука́вчикъ, цвѣтикъ, ча́сикъ, и бѣглость глухого въ нихъ слѣдуетъ считать позднѣйшимъ явленіемъ.

β) Баритонныя.

Рус.: взло́бокъ, заголо́вокъ, загри́вокъ, заты́локъ, напи́токъ, однолѣ́токъ, полущу́бокъ, почато́къ, сви́токъ, ско́локъ, сни́мокъ, спи́сокъ, убы́токъ, урывокъ.

Серб.: до̀ходак, за̀крајак, за̀ломак, за̀сељак, за̀тиљакъ, на̀виљак, на̀зувак, на̀рамак fasciculus, о̀бојак, о̀главак, о̀тражак, у̀метак, у̀ранак, у̀ривак черног. веревка у носильщицъ.

Слов.: dobîtъk lucrum, zatîlъk, zdъržétъk содержаніе, izdêlъk издѣліе, ωblômъk, pωdbrâdъk, pωdglâvъk, prijétъk пріемъ, spωčétъk, upâdъk, učînъk. Акцентовку этихъ реченій слѣдуетъ считать исконною, а не оттяжечною: на это указываютъ угрословенскія и кайкавскія слова dώhωdъk, nápisъk, ώtesъk (рядомъ съ ωtêsъk), ώrigъk ablutio.

11. Наставка ацъ.

а. Двусложныя (первоначально трехсложныя слова).

α) Окситонныя.

Рус.: боре́цъ, горобе́цъ млр. воробей, вдове́цъ, вѣне́цъ, жиле́цъ, жеребе́цъ, жнецъ, юне́цъ, коне́цъ, косе́цъ, лове́цъ, мудре́цъ, мертве́цъ, оте́цъ, писе́цъ, плове́цъ, пѣве́цъ, саме́цъ, скворе́цъ, скупе́цъ, слѣпе́цъ, сосе́цъ, теле́цъ, чернецъ; род. — борца́, горобця́, вдовца́ и т. д.

Серб.: вра́бац, удо̀вац, (удо́вац), ве́нац, ждре́бац, ју́нац, ко̀нац род. ко́нца, ко̀сац, ку́пац, ло̀вац род. ло́вца, ло̀нац род. ло́нца, мо̀љац моль, муда̀рац, мъртац род. мърца (мъртвац, мъртва̀ца), о̀тац род. о̀ца, пи́сац, са́мац, сви́рац, све́тац, сквора́ц дубр., сле́пац, те́лац, хро̀мац, църнац, род.—вра́пца, удо́вца, ве́нца и т. д.

Слов.: bωrъc (bώrъc), vrábъc, vdώvъc, glúšъc, gnjédъc ime volu, žrébъc, žъnjъc, igrъc, júnъc, kώnъc, kώsъc, kurъc (kúrъc), lώvъc, lώnъc, lъžъc, môdrъc, ωtъc (ώtъc), plώvъc, révъc, sámъc, svétъc (svétъc), škώrъc, skórъc (skúrъc), slérъc, sъnъc високъ, sъsъc, ţélъc, hrώtъc, čъrnъc.

Болг.: баклец растеніе, врабец, вдовец, венец, жилец, жребец, игрец, конец, молец, мъртвец, писец, свирец, светец, синчец незабудка, слепец, хромец; мн. ч.—баклеци, врабци и т. д.

β. Слова баритонныя.

Рус.: а́гнецъ, гля́нецъ, ду́мецъ, па́лецъ, пе́рецъ, ра́нецъ, ста́рецъ, та́нецъ [1]).

---

[1]) Глянецъ, ранецъ и танецъ просто оставляютъ удареніе на томъ же слогѣ, которому оно свойственно въ Нѣмецкомъ языкѣ, изъ коего они взяты. Слово перецъ, конечно, тоже иностраннаго происхожденія.

Серб.: зна̑нац, -нца, па̑лац, пи̑лац, ста̑рац, та̑нац (род. па̑лца, пи̑лца, ста̑рца, та̑нца).

Слов.: âgnъc, znânъc, pâlъc, stârъc.

Болг.: ста́рецъ.

γ. Слова сомнительной акцентовки.

Реченія *уменьшительныя* и *названія лицъ и предметовъ, означающія ихъ происхожденіе* въ Русскомъ языкѣ обыкновенно баритонуются, но у Сербовъ и у Болгаръ нерѣдко оказываются окситонками (у первыхъ — бывшими окситонками).

α′. Уменьшительныя.

Рус.: бра́тецъ, да́рецъ, хлѣбецъ, шка́пецъ. Однако овсе́цъ; таковы же мѣстныя формы: бѣлорус. блине́цъ, малорус. вітре́нь, каміне́нь.

Серб.: бра̀тац, бру̏сац, гра́дац, дво̀рац, дро̀бац, ду́бац, си̏рац (род. си̏рца), хлѐбац, ху́мац, хи̏тац.

Слов.: brâtъc, bъdnь̑c (bъdn̑), bîčъc, bôrъc, brêžъc, gájъc, glâsъc, grâdъc, grȍbъc (grɔbь̑c), grȍzdъc, dvȍrъc (dvɔrь̑c), dêdъc, dêlъc, žrъbljь̑c (žrъbl̑j), zvȏnъc, zvȏnčъc (zvɔnčь̑c), kljúčъc, kȏlъc, kȏlčъc (kɔlčь̑c), kȏrčъc (kɔrčь̑c), krížъc, kósъc, kótъc, lȏnčъc (lɔnčь̑c), nȏvčъc (nɔvčь̑c), róbъc, rȍžъc, stȏlъc, stȏlčъc (stɔlčь̑c), stъbrь̑c (stъbȓ), hlêbъc, hъrbtь̑c (hъrbt̑), hîtъc, сърть̑c (сърt̑ orchis), čâsъc, čésnъc, čъbrь̑c (čъbȓ), škъdnь̑c (škъdn̑j), ščáръc палочка.

Болг.: бра́тец, во́лец, венче́ц, ве́трец и ветре́ц, гласе́ц, граде́ц, дъ́ждец и дъждец, късе́ц, ли́стец и листе́ц, лу́чец, ме́дец и меде́ц, пърсте́ц, снежец, сто́лец, хле́бец.

β′. Названія по происхожденію.

Рус.: го́рецъ, ли́пецъ, нѣмецъ. Насчетъ слова нѣмецъ см. стр. 114, стр. 7.

Серб.: не́мац, сре́мац.

Слов.: lîръc, nɛmъc.

Болг.: го́рец, не́мец.

б. *Многосложныя.*

α) Ударяющія на предконечный (первоначально допредконечный) слогъ.

Рус.: африка́нецъ, владѣлецъ, гости́нецъ, дохо́децъ ум., журна́лецъ ум., звѣри́нецъ, индѣецъ, испа́нецъ, италіа́нецъ, младе́нецъ, румы́нецъ, торго́вецъ, уро́децъ ум., урожене́нецъ, хому́тецъ ум., черво́нецъ.

Серб.: вла́далац, до̀ходац човјек коју уђе жени у кућу, за̀горац, јѐздилац, ко̀нопац ум., по̀дравац, пого̀релац, по̀савац, при̏морац, ска̀кавац кузнечикъ, тъ̀рговац, чи̏нилац, църно̀горац, църно̀капац, църно̀корац.

Слов.: bѡgâtъc, bѡgatînъc, vъrtînъc, gѡvѡrljîvъc, gѡlôbъc ум., grebȇnъc, darîvъc, dremljâvъc, edinѡrѡjénъc, zelénъc блѣдный человѣкъ, родъ ящерицы, zlѡčînъc, izgubljénъc, jelȇnъc, kѡmárъc ум., kѡrȇnъc ум., latînъc, mladénъc (mládenъc), pastírъc ум., pijânъc, pѡdgórъc, pѡslánъc, primôrъc, preklȇtъc, pъrvénъc*, rѡkávъc ум., skakâvъc locusta, nbôgъc, umȇlъc.

Болг.: безвéрец, дърводéлец грубіянъ, ермéнец, звездобрóјец, липовáнец, младéнец, младожéнец, морехóдец, познáнец, прозóрец, послáнец, търгóвец.

б. *Ударяющія на одинъ изъ начальныхъ слоговъ.*

Рус.: бáрхатецъ, взы́сканецъ, дóсканецъ, мы́канецъ, привéрженецъ, пéрвенецъ, перемáзанецъ.

Серб.: брȇзовац, бу̏ковац, ва̏ралац, ја̏сеновац, мла̏дēнци молодые, младенцы.

Слов.: bájavъc incantator, brátranъc, brîtѡfъc ум., brézѡvъc Birkenstock, góbavъc leprosus, délavъc, zamâzanъc, izvóljenъc, jávѡrъc ум., kámenъc ум. (угросл., хорв. kamȇnъc), kѡlȇdѡvavъc, lákotъc, neutrûjenъc, ѡbljúbenъc, ѡdlâšavъc dilatator, pîtanъc, premâgavъc (-agâvъc), sétѡvavъc.

Болг.: клáденец, козáревец, сéленец, тъ́рновец, Цáревец (терновскій зáмокъ).

в. *Ударяющія на суффиксъ:*

Рус.: варенéцъ, изразéцъ, леденéцъ, молодéцъ (мóлодецъ)[1]), образéцъ, огурéцъ, погребéцъ, посланéцъ (послáнецъ), поставéцъ (постáвецъ), продавéцъ, пряженéцъ, сорванéцъ, студенéцъ, удалéцъ, холодéцъ.

Серб.: зелéнац ц. г. у води дубљина, злочúнац, комáрац ум., пијáнац, рукáвац ум., fistulae genus, axis rotae, студéнац.

Слов.: bѡrѡ́vъc (bѡróvъc) сосна, Gregѡ́rъc ум. (Grégѡr), zagѡmȕc: ѡn mu je zagѡmȕc er ist ihm gewachsen, zalanăc резь. родъ ящерицы, Izraélъc, Jeruzalémъc, platanăc резь. корзинка, studénъc [zdénъc и (рѣже) studȇnъc], tѡbѡ́lъc der Kòcher des Mähders, tъrgѡ́tъc (-ótъc) plantago, hribѡ́vъc.

Болг.: беженéц бѣглецъ, големéц un grand, гражданéц (-áнец), гребенéц Wollkamm, криволúй извилины, пијенéц, продавéц, хубавéц, чужденéц иностранецъ.

---

[1]) См. гл. I, стр. 12.

12. Наставка ѧникъ.

а. *Слова окситонныя* [съ наставкою ьни́къ, ьнѝка̀][1]).

Рус.: двойни́къ, должни́къ, духовни́къ[2]), клеветни́къ, парни́къ, печни́къ, проводни́къ, родни́къ, ручни́къ, сѣнни́къ, учени́къ; род. — двойника́, должника́ и т. д.

Серб.: бо̀јнӣк, во̀јнӣк, вѣрснӣк, гла̀снӣк, заповѐднӣк, зимо̀внӣк, исповѐднӣк, помо̀ћнӣк, ру̀чнӣк полотенце; род. — бојника́, војника́ и т. д.

Слов.: bǫjník, bǫlník (серб. бо̀нӣк Кар.), braník защитникъ, vlastník, vǫzník (рус. у́зникъ), vǫjník, vьrstník, glavník гребень, glasník, gradník, dvǫjník, dǫlžník, zdravník, krьstník креститель (рус. кре́стникъ), krьščeník (и krьščenik), pǫzvaník (pǫzván), pǫtǫčník[3]), rǫdník parens, rǫjeník parens (rǫ́jen, rǫjéna), rǫčník, redǫvník, snežník, seník, učeník (učȇn).

Болг.: блудни́к, войни́к, годени́к обрученный, духовни́к, дължни́к, клеветни́к, кървни́к (и кървник), мързни́к неряха, пещни́к, проводни́к (прово́дник) ръчени́к головной платокъ, ръчни́к, учени́к[4]), хубостни́к красавецъ.

б. *Слова баритонныя.*

Рус.: безбо̀жникъ, беззако̀нникъ, грѣ̀шникъ, затво̀рникъ, язы́чникъ, ку́рникъ, му́ченикъ, нае́мникъ, напе́рсникъ, поко́йникъ, понедѣ́льникъ, посла́нникъ, пра̀ведникъ, пра̀здникъ, проти́вникъ, пти́чникъ, пу́тникъ, рабо́тникъ, разбо́йникъ, свяще́нникъ, шко́льникъ.

Серб.: бѐзбо̀жнӣк, безако̀нӣк, вра̀тнӣк черног. косякъ[5]), грѣ̀шнӣк, ко̀нӣк черног. путь за коньe, му̀ченӣк, на̀јамнӣк, по̀ко̀јнӣк, по̀ко̀рнӣк, по̀слаӣк, пра̀веднӣк, пра̀знӣк[6]), про̀тивнӣк, пу̀тнӣк, ра̀ботнӣк, свѐштенӣк[7]).

Слов.: bâbnik Weibernarr, brezbôžnik, gréšnik, duhóvnik, dîmnik, dé-

---

[1]) Звукъ *и* — долгій: по-чешски bezbožník, bojovník, bídník, domovník, kouzelník, mučedlník, senník, svícník.

[2]) По-сербски ду̀ховнӣк и по-словенски duhóvnik.

[3]) Слов. pǫtǫčník соотвѣтствуетъ сербскому помо̀ћнӣк, но не соотвѣтствуетъ русскому помо́щникъ.

[4]) Русская, словенская и болгарская акцентовка этого слова одинакова, но по-сербски говорится у̏ченӣк.

[5]) Иную акцентовку имѣетъ русское слово *воротникъ* (воротни́къ, -ика́).

[6]) Есть также слово пра̀знӣк, празни́ка 1) = празнина 2) ц. г. = сиромах. Это слово очевидно слѣдуетъ нечленному прилагательному пра́зан, -зна, зно, между тѣмъ, какъ пра̂здӣк = рус. пра́здникъ придерживается членной формы пра̂знӣ, -ā, -ō = пра́здный, -ая, -ое. Ср. гл. V, стр. 128 (1).

[7]) Сербская акцентовка этого слова соотвѣтствуетъ русской, но не соотвѣтствуетъ словенской svečeník: svečeník отъ svečȇn; русская же и сербская форма отъ членнаго вида. Или *щ* и *шт* не суть книжныя замѣны *ч* и *ћ*, и свѧщенникъ не = svečeník, а произведено отъ прилагательнаго *свѧтьскъ?

lavnik будни, dẽlnik, začẽtnik, zgωvȏrnik (zgωvȏren) orator, jezîčnik Zungenfertiger, kadîlnik, kónjik, lákωmnik avarus, najêmnik (угрослов., хорв. nájemnik), parẽrsnik, pωkójnik, ptîčnik, pôtnik, razbôjnik, râmjenik, trávnik, črẽdnik, škôlnik учитель.

Болг.: безако́ник, безде́тник, бунто́вник, вра́тник, годе́жник сватъ, заповедник, затво́рник, изве́стник газета, изе́дник тиранъ, ку́рник курятникъ, кърсник, мъченик[1]), неве́рник, обе́сеник повѣшенный, пле́вник сѣновалъ, позна́јник, поко́рник, понде́льник, посла́ник[2]), пѣтник, рабо́тник, свети́льник, свешти́льник, сгле́дник соглядатай, смърдник.

13. Наставка итjъ.

а. *Слова насуффиксной акцентовки* (и́тjъ, итjа̀ или и́тja).

Рус.: рядови́чъ, -ича́ (рядово́й).

Серб.: го̀ли̏ћ, зли̏ћ, мла̀ди̏ћ, род. голи́ћа, зли́ћа, млади́ћа; кра̀љи̏ћ, лепи̏ри̏ћ, ло́пчи̏ћ, му̏жи̏ћ, месѐчи̏ћ, род. — кра̀љића, лепи̏рића и т. д., ти̏ћ, -а.

Слов.: bъrl̏̂č, dekl̏̂č, mladl̏̂č, mωžl̏̂č, mъrl̏̂č, pωgωnl̏̂č, pωzωvl̏̂č, (pωzȏvič) Hochzeitsbitter, pȏlič, prasl̏̂č, psl̏̂č, ptl̏̂č, род.—bъríča, deklíča и т. д.

б. *Слова накоренной акцентовки.*

Рус.: ба́ричъ, ро́дичъ, сосо́тничъ.

Серб.: бу̏квић fagus parva, по̀лић[3]), ца̀рић.

Слов.: dẽdič, mladénič, ríbič.

14. Наставка ѣшь [ы̄шь[4])].

а. *Слова насуффиксной акцентовки.*

Рус.: глупы́шъ, голы́шъ, каты́шъ, коротышъ, крѣпы́шъ, малы́шъ, род. — глупыша́ и т. д.

Серб.: блу̏тӣш inceptiens, гла̀дӣш, Го̀лӣш, ма̀лӣш, на̀шӣш, полѐтӣш ludi genus, пу̏нӣш, род. — блути́ша, гладиша и т. д.

Слов.: drωbíš какая-то трава, mωdríš василекъ.

Болг.: слепи́ш мѣдяница.

б. *Слова ненасуффиксной акцентовки.*

Рус.: гла́дышъ, ду́тышъ, дѣтёнышъ, зародышъ, ла́ндышъ, мя́кишъ, найдёнышъ, обо́рышъ, око́лышъ, подки́дышъ[5]).

---

[1]) Болгары, Сербы и Русскіе сходно акцентуютъ это реченіе, но Словенцы говорятъ mučeník.

[2]) Акцентовка слова посланик согласна съ русскою и съ сербскою, но расходится со словенскою — pωslaník.

[3]) См. гл. III, стр. 98.

[4]) По-чешски lanȳš (-ȳž) трюфель, mẽkkȳš dunnschalige Nuss, slepȳš (словац.).

[5]) Два составныхъ слова имѣютъ *напредложную* акцентовку — вы́игрышъ и про́игрышъ: первое благодаря предлогу вы (см. гл. V, стр. 135), а второе, вѣроятно, въ подражаніе первому.

Серб.: о̀блӣш rhombus, о̀колӣш.

15. Наставки отъ, етъ.

а. *Слова съ насуффиксным̀ ударѐніем̀.*

Рус.: живо́тъ, -ота́.

Серб.: жи̏вот, живо̀та.

Слов.: živȍt (zivωt), živώta и имена приглагольныя: bъrbȍt, -ώta τὸ balbutire, grωhȍt хохотъ, dъrgȍt дрожь, klωkȍt sonitus, klωpȍt crepitus, krωkȍt crocitus, rωpȍt strepitus, sωpȍt anhelitus, tωpȍt, hωhȍt, hripȍt охриплость, šumȍt sonitus; bekȅt, -éta (-éta) balatus, blebȅt (blébet) blateratus, bliskȅt (blísket), klepȅt crepitus, krekȅt (kréket) crocitus, pekȅt топотъ, regȅt (réget) кваканіе, rezgȅt (rézget) ржаніе, trepȅt (trépet), cekȅt (céket) чириканье, šepȅt susurrus, ščegȅt (ščéget) щекотанье[1]).

Болг.: живо́т, имо́т имущество, достояніе.

б. *Слова съ накороннымъ ударѐніем̀.*

Рус.: хо́боть, ко́четь, кре́четь, гро́хотъ, ро́потъ, то́потъ, хо́хотъ, ле́петъ, скре́жетъ, тре́петъ.

Серб.; ко̀кӧт пѣтухъ, гро̀хӧт, кле̏пӗт бряцанье, шлепанье, тре̏пӗт, тре̏сӗт трясина.

Болг.: е́кот (звек и скот), тре́пет.

16. Наставка арь.

а. *Слова насуффиксной акцентовки* [съ наставкою а́рь, а̄рја̑[2])].

Рус.: букваръ, врата́рь, глуха́рь, господа́рь, звона́рь, корчма́рь, овча́рь; род. — букваря́ и т. д.[3]).

Серб.: во̀ла̄р, вра̀та̄р, говѐда̄р, госпо̀да̄р, дру̏га̄р, зво̀на̄р, зи̏да̄р, ко̀тла̄р, кърчма̄р, лѐка̄р, млѐка̄р, но̀жа̄р, о̀вча̄р, пи̏са̄р, сви̏ња̄р; род. — вола́ра, врата́ра и т. д.

Слов.: vωlár, vratár, gωvedár (и gωvẽdar), zvωnár, zidár, kωlár, kωtlár, kъrčmár, lekár, nωžár, ωvčár, pisár, svinjár, stωlár, čredár, čuvár; род. — vωlárja, vratárja и т. д.

Болг.: брадва́р, бъчва́р, воденича́р, глуха́р глухой, говеда́р, кожуха́р, кола́р извощикъ, ножа́р, овча́р, свадба́р, свина́р, тъмнича́р, чехла́р сапожникъ, чреда́р волопасъ.

---

[1]) Приглагольныя имена на отъ, етъ у Русскихъ и у Сербовъ баритонуются, см. подъ б. См. также гл. IX, стр. 180 (1).

[2]) У Чеховъ ař и ā̆ř (īř): vinař, vlādař, dřevař, kuchař, pekař, pīsař — hospodā̆ř, hrnčīř, žhā̆ř, kolā̆ř, mydlā̆ř, mečīř, nožīř, rybăř, sedlā̆ř.

[3]) Насуффиксное, но не наклонное удареніе представляетъ слово госуда́рь, госуда́ря. — Подъ аналогію окситонокъ на арь подведены заимствованныя пономарь (παραμονάριος) и царь = цѣсарь. См. гл. VI, стр. 142.

б. *Слова ненасуффиксной акцентовки.*

Рус.: знáхарь, лѣкарь, пáхарь, пѣкарь, пúсарь[1]).

Серб.: бу̏квāр, ба̏чвāр, водѐничāр, ко̀жāр, ко̀жухāр, ко̀лāр, мли̏нāр, пе̏кāр, тàмничāр[2]).

Слов.: kôžar краин. (kωžár), kωpîtar, mlînar, plâtnar, pšĉnar kamen и mlinu, koji proso ljušti, hlêvar Stallknecht.

17. Наставка ълъ.

а. *Слова насуффиксной акцентовки.*

Рус.: козéлъ, котéлъ, орéлъ, осéлъ; род. козлá и т. д.

Серб.: дѐтао, ко̀тао, ò̀рао, ò̀сал, пà̀као, пе́тао; род. дѐтла, ко̀тла, о́рла и т. д.

Слов.: détъl и détъl, žéžъl Schaufel, kώzъl, kώtъl, ώгъl, ώsъl, rъkъ̑l, -klà, skώbъl ястребъ.

Болг.: козéл, котéл, орéл, петéл; мн. ч. козлú и т. д.

б. *Слова накоренной акцентовки.*

Рус.: дя́телъ, пѣ́телъ[3]).

Серб.: чȁвао, чȁвла; у̏гал, у̏гла (= ѫгълъ?), у̏зал, -зла (= ѫзълъ?)[4]).

Слов.: détъl (détъl), čávъl.

Болг.: срéдел.

В. Слова съ отклонительными наставками.

18. Наставка тєлъ.

Рус. слова: 1) На *атель* (акцентуемыя сообразно съ глаголомъ, отъ коего они произведены) — дѣлатель, завоева́тель, плава́тель, пода́тель;

---

[1]) Подобную же акцентовку представляетъ слово су́дарь (которое впрочемъ употребляется только въ обращеніи и обыкновенно остается вовсе безъ ударенія). Въ такомъ выговорѣ этого реченія едва-ли ни слѣдуетъ видѣть остатокъ наначальной акцентовки звательнаго падежа (см. гл. XIV, стр. 226). Кстати замѣтить: я никакъ не могу убѣдить себя, чтобы слово сударь могло быть сокращеніемъ слова государь. — Слова лѣкарь и писарь у Сербовъ и у Словенцевъ принадлежатъ къ 1-ой группѣ (подъ буквою а).

[2]) Слова бу̏квāр, водѐничāр, ко̀жухāр, ко̀лāр и тàмничāр, первое въ Русскомъ языкѣ, а остальныя въ Болгарскомъ, относятся къ 1-ой группѣ (подъ а).

[3]) У Сербовъ слово дѧтълъ принадлежитъ къ 1-ой группѣ, у Словенцевъ колеблется между первой и второй. Насчетъ слова пѣтелъ см. гл. IV, стр. 115.

[4]) Рус. у́голъ, угла́, у́зелъ, узла́, словенскія vôgъl (vωgъ̑l, vωgâl), vωglâ (vωgâla), vôzъl (vωzâl), vωzlâ (vωzâla) и болгарскія ъ̀гъл, ъ̀гли̏, ъ̀зъл, ъ̀зли̏, кажется, указываютъ скорѣе на праславянскія о̨̀нглъ, о̨нгла̏, о̨̀нзлъ, о̨нзла̏.

2) на и́тель, ѣтель — вои́тель, гони́тель, граби́тель, крести́тель, люби́тель, наруши́тель, покрови́тель, прави́тель, ревни́тель, спаси́тель, строи́тель, утѣши́тель, учи́тель, храни́тель[1]), — благодѣтель, свидѣтель.

Серб.: кърститељ, љу́битељ, отку́питељ, ро̀дитељ, спа̀ситељ (Маж. спа́ситељ), ствòритељ, управ̀итељ, утјеши́тѣљ Берл. (чак.), у̀чнтељ, хва́литељ, хра́нитељ.

Слов. (угрословенскія и кайкавскія): branîtelj, glasîtelj, ωslωbωdîtelj, pωsvetîtelj, rωdîtelj, učîtelj, hranîtelj. По-краински существуетъ только одно слово съ наставкою telj — prijâtьl, -tla[2]).

Болг.: гони́тел, жи́тел, м*у*чи́тел (книжное?), представи́тел, роди́тел, суди́тел, учи́тел.

II. Слова женскаго рода.

А. Съ притягательными наставками.

1. Наставка а̂ва[3]).

Рус. слова: держа́ва, дубра́ва, мура́ва глазура.

Серб.: гѣрмљава tonitru, дѣржава, дȕбрава, жѐрава раскаленный уголь, лòмљава fragor, мȕрава herba quacdam marina, мѐђава мятель, твѣрђава крѣпость, тȕтњава Dröhnen.

Слов.: višâva, dωbrâva, dъržâva крѣпость, постоянство, kresâvа̄ кресало, kurjâva топливо, meljâva das Mahlen in der Mühle, puščâva, tъrdnjâva.

Болг.: дъбра́ва, държа́ва, мура́ва молодая трава.

Иначе акцентуются:

Русское мурава́ молодая трава, сербское мељàва quod molîtur и болгарское жéрава.

2. Наставки а́га, ја́га, е́цга.

Рус. слова: бодя́га, бѣдня́га, комя́га, куля́га, корча́га, скря́га, сотня́га.

Серб.: вињага vitis silvestris, мȕтљага blatero, прѐчага assis transversus, пѣрљага locus devexus, рȕпчага foramen, fovea, тòјага палка.

Слов. (хорватскія): vinjága, murága малина, ošljága vrst slive.

Болг.: тоја́га.

---

[1]) Накоренную акцентовку представляютъ слова движитель, множитель, а также мѣритель, мыслитель, произносимыя однако и по общему способу — мѣри́тель, мысли́тель.

[2]) По-русски прія́тель, но по-сербски при̏јатељ, род. мн. пријате́ља̄, дат. пријатѐљима (Стулли пишетъ prijatèlj, tèlja).

[3]) У Чеховъ doubrava, kolčava ласка, pěnkava зябликъ.

3. Наставки и́га, ы́га.

Рус. слова: вязи́га, забулды́га, коври́га, кни́га, лоды́га, моты́га.

Серб.: вѐрига, књи̏га.

Сдов.: belíga vrst šljive, veríga, knjíga, tatíga хорв. увел. отъ tat, češljíga carduus.

Болг.: ври́га, кни́га.

4. Наставка и́ка[1]).

Рус. слова: гвозди́ка, ежеви́ка, земляни́ка, клубни́ка, костяни́ка; кумани́ка ягода вродѣ ежевики rubus coesius L., повили́ка, черни́ка.

Серб.: бо̀рика = бор, варѐника lac calefactum, го̀рчика у Слав. Milchdiestel, зелѐника viridis, buxus, комо̀ника artemisia vulgaris, ко̀стрика ц. г. некака трава, мла̀дика ростокъ, па̀лика area silvae combustae, тр̀стика у Дубр. трость, у̀дика wolliger Schneeball, ума̀ника трава дугачка лишћа, црвѐника рыжая (коза), красное (вино).

Слов.: kǫtǫ́nika artemisia, kǫreníka корень, lesníka Holzbirne, metlíka artemisia, mladíka ростокъ, sadíka Setzling, tŕstíka arundo, čŕveníka hrv. vrst jabuke, čŕníka Schwarzkümmel.

Болг.: тръсти́ка трость.

Иную акцентовку представляетъ словенское ólika маслина.

5. Наставка у́га, ју́га, о́ңга, јо́ңга.

Рус. слова: бѣлу́га, выюга[2]), дерю́га, яру́га, кольчу́га, мальчу́га, пьянчу́га, пичу́га, хапу́га.

Серб.: бѐлуга sus alba, ва̀љуга у Ц. г. Walze, ја̀руга, по̀луга жердь, прутъ, па̀струга genus piscis, чевр̀љуга чѐрног. жаворонокъ.

Слов.: vlačúga шлюха, jarúga, plečúga femina latis umeris, čvŕljúga hrv. iskvareno vino kad ga je malo.

6. Наставка у̏лја[3]).

Рус. слова: живу́ля, козу́ля, кошу́ля зап. сорочка, кур. женская рубаха съ короткими рукавами, шитая по подолу, костр. короткій крытый тулупъ, криву́ля, рогу́ля, сосу́ля, ходу́ля.

Серб.: вла̀суља avena sterilis, гр̀дуља черног. дурнушка, јѐгуља угорь, ко̀шуља, кр̀буља корзинка изъ древесной коры, па̀њуга черног. увел., па̀стуља мышеловка, ро̀гуља крава великијех рогова, ср̀буља, хо̀дуље.

Слов.: blebetúlja femina garrula, bregúlja hirundo riparia, vekúlja koja

---

[1]) Звукъ *и* краткій (и̏ка)? По-словацки osika осина.

[2]) По показанію Грота, произносятъ также вьюга́.

[3]) Срв. чешскія слова žežhule кукушка, košile, štěkule Zankerinn.

rado plače, dragúlja ime kravi, jegúlja, kωsmúlja vulpes, rωpωtúlja гремушка, stъrgúlja Schabemesser.

Болг.: кошу́лја.

Исключеніе представляетъ русское каракуля (заимств. у Татаръ?).

7. Наставка у̏ша.

Рус. слова: говору́ша, горбу́ша, квакуша, кликуша, крякуша.

Серб.: блебѐтуша blaterator, -trix, говòруша, грохòтуша herba quaedam, девѐруша, клепѐтуша tintinnabulum, опàруша panis genus, опърљуша terra sabulosa, провйјуша puella putida, торòкуша femina clamitans, тму̏ша caligo.

Слов. (хорватскія): lakúša ime svinji, pikúša ime svinji, prekúša ime kravi, smrekúša thuja.

Болг.: велјуша, трепетуша = велју̏ша, трепету́ша?

Своеобразную акцентовку представляютъ сербскія òскоруша раина, пъ̏рпоруша, срйјемуша (-ужа) opsonii genus и нарѣчіе пѐгледу̏ша; послѣднее отступаетъ также количествомъ наставки.

8. Наставка ла̏ (ьла̏, ъла̏).

Рус. слова: ветла́, игла́, метла́, пчела́, тесла́.

Серб.: и̏гла (и̏глу, -е, игàлā), мѐтла (мѐтлу, -е, метàлā), пчѐла (пчѐле, пчéлā).

Слов.: iglà (ígla), metlà (métla), ώsla cos, pérla huda ženska, krava ili kokoš, tésla ascia.

Болг.: игла́, -и́, метла́, -и́, пчела́, -и́, тесла́, -и́.

У Сербовъ слово тесла имѣетъ рѣзкое удареніе: тѐсла.

9. Наставка ота (ета)[2]).

a. Окситонки (на отà).

Рус.: босота́, глухота́, доброта́, (добро́та, какъ матеріальное качество), клевета́, краснота́, красота́, лѣпота́, могота́, мокрота́ (мокро́та—вещество), полнота́, простота́, пустота́, сипота́, (сипо́та), сирота́, слѣпота́, тяготá, тщета́, темнота́, тѣснота́, хлопота́ прм. (Даль), арх. (Буслаевъ. Грамм., стр. 252), обыкн. мн. ч. хло́поты, хромота́, широта́.

Серб.: босòта, глухòта, грехòта, добрòта, красòта, лепòта, милòта, мекòта, простòта, сирòта, слепòта, срамòта (вин. срàмоту), страхòта, тегòта черног.

Слов.: visωkώta (-ôta), vъlhkώta, gluhώta, grehώta, dragώta, dre-

---

[1]) У Чеховъ мы находимъ слова hejduše гречиха, libuše, oskeruše, pitruše Bitterling.

[2]) *O* — краткое: по-чешски dobrota, lepota, lhota, mrākota и т. д.

mѡ́ta, zlѡbѡ́ta malities, krasѡ́ta, krepkѡ́ta, lepѡ́ta, mehkѡ́ta(-ồta), milѡ́ta, mъrzlѡ́ta, nagѡ́ta, pѡlnѡ́ta, prazdnѡ́ta, pustѡ́ta, slabѡ́ta, sladkѡ́ta, slepѡ́ta, sramѡ́ta, strahѡ́ta, suhѡ́ta, hrѡmѡ́ta.

Болг.: грехота́, доброта́, дремота́, краснота́, мокрота́, простота́, самота́, сирота́, слепота́, срамота́, тегота́, штета́[1]), темнота́, теснота́, широта́.

б. Парокситонки (на о̏та).

Рус.: блево́та, дерго́та, добро́та (доброта́), дремо́та, зѣво́та, ико́та, ломо́та, льго́та, мокро́та (мокрота́), остро́та, перхо́та, потяго́та, пѣхо́та, рабо́та, рво́та, харко́та.

Слов.: bѡsồta, gѡlồta, gѡrkồta, grъnkồta, dѡbrồta, lъhkồta, nѡvồta, ѡstrồta, sirồta[2]).

Изъ ряда вонъ выходятъ двѣ *пропарокситонки*:

Слов. lákѡta (lakѡ́ta) и болгарское рáбота.

Б. Слова съ безотносительными наставками.

10́. Наставка ица[3]).

а. Слова насуффиксной акцентовки (на и̏ца).

Рус.: больни́ца, води́ца ум., вдови́ца, волчи́ца, голуби́ца, горчи́ца, десни́ца церк., дени́ца, земли́ца ум., зорни́ца, юни́ца церк., крупи́ца, лиси́ца, лѣви́ца, молоди́ца, мокри́ца, орли́ца, осли́ца, петли́ца, поли́ца, пущени́ца церк., пти́ца, пшени́ца, пѣви́ца, роженица́, рукави́ца, седьми́ца церк.[4]), сестри́ца ум., сини́ца, спи́ца, стани́ца, столи́ца, тепли́ца, темни́ца, части́ца, черни́ца млр.

Серб.: болѐсница, водѐница, вòдица, удòвица, вȕчица, голȕбица, господàрица, грòзница, двòјица, дѐсница, дàшчица, дàница, зѐмљица, зѐчица, и́глица, јȕница, кључàрица, кобàсица, ковàчица, копàчица, крàљица, крȕпица, кȓтица кротъ, ли́сица, лòвица, лàжица (òжица, жли́ца), мѐтлица, млàдица, нòжица, паȕница, пòлица, пуштѐница, пти́ца, пшѐница, пѐвица, рукàвица, рȕчица, сàмица, сѐница, спи́ца, тòплица, трòјица (Трȍјица), тàмница́, твъ̀рдица скряга, чѐстица она мрвица хльеба, којом се у вину причешћује, цр̀ница черная душа, черноземъ.

---

[1]) Русской и болгарской акцентовкѣ не соотвѣтствуетъ *сербская* — шти̏ета.

[2]) Окончаніе ồta, по словамъ Валявца, является у производныхъ отъ прилагательныхъ, содержащихъ въ предконечномъ слогѣ ѡ́ или е́ (!).

[3]) О наставкѣ ица была рѣчь въ V главѣ, стр. 126—127.

[4]) Отъ седмь, седми́ (семь, семи́), а не отъ седьмой, какъ сказано въ только что приведенномъ мѣстѣ, стр. 127, прим. 2.

Слов.: bωlníca, vωdeníca водянка, vdωvíca, vωlčíca, vъrstíca, gωlωbíca, gωrčíca, desníca, dъščíca, dъníca, žωltíca желтуха, iglíca[1]), juníca, ključaríca, kωvačíca, kωnώplica, kraljíca, kъrtíca кротъ, ledeníca ледникъ, levíca, lisíca, metlíca, mladíca, mωkríca = senožet, nωžíca (nώgica), ωslíca (ώslica), petljíca, pleníca, ptíca, pšeníca, rωjeníca парка, rωkavíca, rωčíca (rώkica, rókica), samíca незамужняя, самка, sedmíca, sestríca, staníca комната, stωlíca, tъrdíca хорв. родъ яблокъ, tωplíce thermae, trωjíca trinitas, caríca, čъrníca хорв. черная вишня, опухоль.

Болг.: болесни́ца, борби́ца, воденица мельница, вдови́ца, върсти́ца, годени́ца, господари́ца, двои́ца, десни́ца, жълти́ца, зорни́ца, игри́ца, крали́ца, кукави́ца, кървни́ца (мечка-кървница), къртица, леденица ледникъ, лиси́ца, лъжи́ца, леви́ца, магари́ца[2]), метли́ца, молби́ца, орли́ца, петли́ца, поли́ца, пшени́ца, певица, ръкави́ца, сами́ца (сама́-сами́ца), свещти́ца, седми́ца, сестри́ца, стари́ца, стравни́ца (мечка-стравница), тели́ца, трои́ца, тъмни́ца, хубави́ца, хубосни́ца, цари́ца, черни́ца тутовое дерево.

Чеш.: čtice = тъщи́ца Ekel, kštice caesaries, mšice древесный клопъ, lvice.

б. Слова ненасуффиксной акцентовки.

Рус.: бу́йволица, ви́сѣлица[3]), го́рлица, гости́нница, грѣ́шница, дво́ица[4]), жи́тница, за́дница, затво́рница, язы́чница, кади́льница, ка́рлица, кухарица, ла́комница, лу́ковица, медвѣдица, му́ченица, наслѣдница, неурядица, око́лица, па́лица, прія́тельница, про́сьбица ум., пья́ница, сво́дница, скита́лица, скля́ница, сли́вовица, ста́рица[5]), су́кровица[6]), тро́ица, у́лица, хлѣбница.

Серб.: би́волица[7]), вла́далица, ве̏штица, го̀стиница стеченіе гостей, грѐшница, гъ̀рлица, да̀валица, жи̏тница, за̏дњица, зна̏ница (зна̏нац) знакомая, зо̏бница, јѐзичница mulier loquax, ка̀дионица, ка̂рлица, кли̏чица (кли̏ца

---

[1]) По-краински, произносятъ и iglicȁ (jъgucȁ), а также igricȁ, mъglicȁ pωstъrvicȁ, stъzicȁ, gъbicȁ (gъ́fcȁ). Ср. гл. V, стр. 127. Этимъ формамъ соотвѣтствуютъ *сербскія* бързи́ца вода, гдѣ точе брзо преко камења, ситни́ца лѣсная вишня, цели́ца (рядомъ съ цѐлица) новь, църни́ца черная вишня (р. съ цъ̀рница черноземъ).

[2]) Болгарскому слову не соотвѣтствуетъ сербское мàгарица.

[3]) См. гл. V, стр. 130 (4).

[4]) Русскій выговоръ отступаетъ отъ сербскаго и болгарскаго.

[5]) См. гл. V, стр. 128—129.

[6]) См. гл. V, стр. 136.

[7]) Такая акцентовка не соотвѣтствуетъ русской: не соотвѣтствуютъ другъ другу уже и первообразныя, см. гл. VI, стр. 145.

зародышъ), ко̀рица (ко̀ра)[1]), ку̏ћица, ку̏кавица, ку̏харица[2]), ла̏вица[3]), мѐђедица[4]), му̏ченица (му̏ченѝк)[5]), нѐверница (нѐвернѝк), па̏лица, по̀војица родъ вышивки (по̀вој, -оја свивальникъ), сво̏дница, свје̏тлица юж. = муња, ски̏талица, тре̏скавица 1) какой-то танецъ 2) трясина, тка̏лица (тка̏лац), у̏лица, у̏сница (у̏сна ж. р.), цр̏квица.

Слов.: bœlnîšnica, besêdica, vívœlica (vivœlíca), večérnica вечерній звонъ, víslice, véverica, vêjica (vêja), gnójica Mistjauche, gœstínica, gréšnica, žîtnica, zâdnica, zatvôrnica Mühlschleuse, ílœvica Thonerde, jezîčnica zungenfertiges Weib, kadîlnica, kúkavica, kûharica, mlînarica (mlînar)[6]), mutîlnica Butterrührfass, naslêdnica, nevêrnica, œkôlica окрестность, prijâteljica (prijâtel)[7]), sklénica (и skleníca), slívœvica, sókъrvica[8]), trêskavica гроза, ubôžica, úlice, ûsnica (ûsna губа), hlêbnica Tischtuch beim Brodbacken, hlêvarica (hlêvar).

Болг.: безде́тница, безако́ница, бра́давица, вѣдица, ве́штица, веја́лица, гълъбица[9]), гургу́рица, за́јчица[10]), ка́шлица, кърстница, къштица, ла́вица полка, лу́ковица, масти́лница, ма́сторица, мъ́ченица, неуре́дица безпорядокъ, обе́сница, обру́чница (у?), пивова́рница, пије́ница, поле́дница (гололедица), про́збица, пъ́рхавица трутъ, скита́лица.

11. Наставка ьца.

а. Слова насуффиксной акцентовки.

Рус.: кровца́, кре́постца́, овца́ (вин. овцу́ и о́вцу[11]), о́вцы, овцы́, о́вцамъ), памятца́ синодикъ, тетрадь усопшихъ, рысца́, трясца́.

Серб.: говеча́ца, дѐца,-у,-о, жѐђца, зо́пца, ко̀пца, кр̏вца [Маж. кр̏вца], о́вца = чак. о̑вца̏ (мн. о̑вце, ова́ца̄), памѐца, рава̀нца, тва́рца.

---

[1]) Судя по русскому кори́ца отъ кора́, мы ожидали бы выговора ко̀ра и ко̀рица.

[2]) По-русски не ку́харица а кухарица.

[3]) Произведено отъ искаженнаго ла̏в, ла̏ва, вм. органическаго лвѝца или о̀вица. См. гл. VI, стр. 140—141.

[4]) Русскому и сербскому слову не соотвѣтствуетъ словенское medvedíca. См. гл. V, стр. 129 (2).

[5]) По-словенски tœčepíca.

[6]) У Сербовъ млина̀рица, хотя въ мужескомъ родѣ млѝна̄р, а не млѝна̄р, млина́ра. См. гл. V, стр. 129 (2).

[7]) По-сербски пријатѐљица, при м. р. пр̏ијатељ (род. мн. пријате́ља̄, дат. -ѐљима). См. тамъ же.

[8]) Sókъrvica = рус. су́кровица, но не соотвѣтствуетъ серб. су̏кървица. См. гл. V, стр. 136.

[9]) Акцентовка этого слова отступаетъ отъ русской и отъ сербской.

[10]) Реченіе это акцентуется сообразно основному за́јец; сербское же зѐчица отступаетъ отъ зѐц, -а. См. гл. V; стр. 129 (2).

[11]) Изъ стада сѣрый Волкъ
Въ лѣсъ о́вцу утащилъ. Крыловъ. Волкъ и мышенокъ.

Слов.: déca (déca), decě угрослов., ѡvca, ѡvcě.

Болг.: деца̀, кистца̀ кропило, *кървца̀: кървчи́ца, овца̀, мн. о́вци и овце́.

б. Слова ненасуффиксной (по большей части накоренной) акцентовки.

Рус.: ка́дца.

Серб.: вр̀вца, ка̀ца, љу́бо̄вца, но̀ћца, спр̀да̀нца nugae.

Слов.: bŕvca, vŕvca, dѡlžnôsca, zvérca, kâdca, klôpca, kŕvca, nôčca, pěčca.

12. Наставка ина[1]).

а. Слова насуффиксной акцентовки.

α) Окситонки (на ина̀).

Рус.: большина̀, быстрина̀, величина̀, вышина̀, глубина̀, длина̀, краснина̀, круглина̀, низина̀, новина̀, полонина̀ млр., прямина̀, свѣжина̀, слабина̀, старина̀, старшина̀, сѣдина̀ (сѣди́на), тонина̀, толщина̀, цѣлина̀, ширина̀.

Серб.: бистрѝна limpitudo, бр̀зѝна, величи́на, висѝна (вин. вѝсину), дальѝна, дужѝна (ду̀жину), кривѝна, низѝна, новѝна primitiae pomorum aut annonae (мн. но̀вине новости, газета), планѝна (пла̀нину, -е, планѝна̄), празнѝна Kleinigkeiten, слабѝна (сла̀бина) die Weichen, старѝна, тамнѝна, тежѝна, хитрѝна.

Слов.: blizína, bŕzína, bistrína limpitudo, belína, veličína, visína, glѡbína, dalečína, dѡbrína, daljína, menjšína, nizína, nѡvína (-îna), praznína, starína (-îna), tѡplína, težína, hitrína, celíne, žirína[2]).

Болг.: бр̀зина̀, големина̀, горѐштина̀ жара, далечина̀, добрина̀, дължина̀, здравина̀, зеленина̀, злина̀, кривина̀, леснина̀ легкость, удобство, междина̀ промежутокъ, новина̀, пестрина̀, планина̀, правина̀, слабина̀, старина̀, сутрина̀ утренняя пора, темнина̀, тълстина̀ жиръ, тъмина̀, тежина̀, целина̀.

β) Парокситонки.

Рус.: верши́на, годи́на, десяти́на, доли́на, дружи́на, кали́на, кони́на, котлови́на, купи́на (купина̀), мали́на, масли́на (ма́слина)[3]), овчи́на, оси́на, осьми́на, плоти́на, полови́на, пссчи́на, равни́на, рябѝна, скоти́на, середи́на, стремни́на, щети́на[4]).

Серб.: гла̀вина у Ц. г. 1) modiolus rotae 2) pars anterior clitellarum,

---

[1]) *И* въ этой наставкѣ, какъ у Сербовъ, такъ и у Чеховъ краткоѐ: (bobovina, jehnětina, hlubina, křivina, novina.

[2]) Пожалуй словенскія реченія всѣ слѣдовало помѣстить подъ β: всѣ они баритонки и, насколько мнѣ извѣстно, не сохранили никакихъ слѣдовъ праславянской окситонности, въ которой тѣмъ не менѣе, нельзя сомнѣваться.

[3]) См. гл. I, стр. 15.

[4]) Подобная-же акцентовка свойственна всѣмъ увеличительнымъ на ина, какъ дѣти́на, купчи́на, доми́на.

годи̏на (godìna Stulli): Кар. го̏дина, гра̀дина 1) заборъ, садъ 2) увелич., десѐтина, до̀лина, ка̀лина, ку̀пина ежевика, ма̀лина paliurus, ма̀слина, о̀вчина 1) увелич. 2) у Ц. г. овчја кожа, о̀смина, пло̀тина 1) увел. къ плот. 2) мења 3) frondes desectae, поло̀вина, сѐдмина, ско̀тина увел., срѐдина (и среди́на).

Слов.: gradína, dŏlína, družína, kalína (kálina), kŏpína rubus, kŏtlŏvína мѣдь, malína (málina), maslína (máslina), ŏsmína, sredína, ščetína.

Болг.: върли́на жердь, върши́на, глави́на, годи́на, гради́на садъ, гърби́на, десети́на, доли́на, кали́на, къпи́на ежевика, лози́на, мали́на, масли́на, осми́на, переши́на перья, плоти́на, полови́на, песечи́на, равни́на (-ина́) родни́на родня, седми́на, сироти́на, скоти́на, стръмни́на (-ина́), съди́на сосудъ.

б. Слова ненасуффиксной акцентовки.

Рус.: блево́тина, бобо́вина бобовая китина, ботва, говя́дина, и́стина, я́ворина, козля́тина, ме́сячина, орѣховина пс. орѣшина, лещина, одинъ прутъ или кустъ, порося́тина, ра́ковина, славя́нщина, солда́тчина, теля́тина, харко́тина.

Серб: бо̀бовина Bohnenstroh, бу̏ковина lignum faginum, го̀ведина, го̀споштина Маж. (у Кар. госпо̀штина = госпо̀дство), и̏стина, ја̀ворина увел., ко̀зletина кожа од козлета, ме̏сечина лунный свѣтъ, о̀раховина lignum nuceum, пра̀сетина (Маж. — пра̏сетина), сто̏тина, тѐлетина caro vitulina, pellis vit.

Слов.: bŏbôvina (bŏbŏvína) Bohnenstroh, búkŏvina (bukŏvína), gábrŏvina, gŏvẹ́dina, gŏspóščina dominatus, gŏsệtina, dišẹ́čina пряности, dédina наслѣдство,, îstina, jávŏrina, kŏzlệtina, ŏrẹ́hŏvina (ŏrehŏvína), prasệtina, slŏvẹ́nščina, sŏldâščina, telệtina, hrakótina.

Болг.: влади́чина подать въ пользу епископа, годи́шнина годичное жалованье, госпо́штина, и́стина, ме́сечина лунная ночь, ра́ковина, сто̀тина.

13. Наставка ина.

а. Слова наконечной акцентовки.

Рус.: болтовня́[1]), бѣготня́, возня́, воркотня́, головня́, западня́, зубня́, квашня́, клешня́, размазня́, родня́, рѣзня́, скрипотня́, стряпня́, стукотня́, хлопотня́, хохотня́, четверня́.

Серб.: блу́дња, га́тња narratio, гла́вња (гла̂вњу, -е, глава́ња, гла̀вњама), ко̀пња, ко̀шња, мла̀тња, мъ̀ржња, но̀шња, про̀шња, пре́тња угрозы, ра́дња трудъ (Маж. ра̂дња), си́пња одышка, слу́тња предчувствіе, сме́тња (Маж. сме̂тња) смятеніе, суматоха, сѐрдња irae, хи́тња, ше́тња прогулка.

Слов.: vŏ́žnja ѣзда, grŏ́žnja (рѣже grôžnja) угрозы, dvŏ́jnja dubium, kŏ́šnja косьба, nŏ́šnja (и nóšnja) ноша, tépnja (tệpnja) blatero.

---

[1]) Всѣ слова означающія усиленное или учащенное дѣйствіе бываютъ окситонками.

Болг.: главња̀, повратња̀ посѣщеніе тещи молодыми, притисња̀ давка, свирња̀ музыка, шетња̀ услужливость.

б. Слова ненаконечной акцентовки.

Рус.: ба́рышня, бо́йня, бѣли́льня, вече́рня, ви́шня, голуби́тня, дво́рня, дере́вня, до́йня, колоко́льня, конюшня, купа́льня, па́шня, подворо́тня, скры́ня юж. млр., солова́рня, схо́дня, то́ня, у́треня, чере́шня.

Серб.: ви̏шња, о̀бходња очередь, скри̏ња, су̏кња, та̏ња locus piscibus torrendis, тре̏шња.

Слов.: bêrnja collectio, brûšnja, večêrnja Vesperandacht, krôšnja Rückenkorb, prošnja просьба, skrínja, sûknja, zmêtnja (zmôtnja) turbatio, črêšnja.

Болг.: вечѐрња, вра̀тња ворота, пѫ̀рвња (первая жена).

14. Наставка ака.

а. Слова окситонныя (на ьба̀).

Рус.: борьба́, ворожба́, гульба́, гурьба́, журьба́, молотьба́, мольба́, пальба́, рѣзьба́ (рѣзьба), стрѣльба́, судьба́.

Серб.: бо̀рба, го̀зба, дио̀ба, жу̏рба (Маж. жу́рба) суматоха, ме́ьба, мо́лба, про̀зба, слу̏жба (из слу̏жбе̄ Budm. 179), сѫ̀рѫба черног., тру̏дба opera inpensa, ту̏жба, хи̏мба зап. обманъ.

Слов.: краин. družbà, službà (drúžba, slûžba), sŏdba, tŏžba, род. sŏdbȅ, tŏžbȅ, hŏdba (hôdba).

Болг.: борба́ (и бо́рба), веселба́, гостба́ (го́стба), делба́, молба́, съдба́.

б. Слова баритонныя (по большей части накоренной акцентовки).

Рус.: дру́жба, жени́тьба, сва́дьба, слу́жба, то́рба млр.; тя́жба (церк. тяжба́).

Серб.: бе̂рба Маж. (Кар. бе́рба у војв.) сборъ винограда, вѐридба обрученіе, двȍјба Маж. (Кар. дво̀јба по зап. кр.), двȏрба Маж. (Кар. дво̀рба), на́редба, по̀годба, пȃрба Маж. (Кар. па̀рба) lis, про̀сидба сватовство, сва̏дба, то̏рба, то́рба Кар. (Маж. тȏрба), тѫ̀ргадба Маж., у̏редба.

Слов.: bêrba, bórba (bôrba, bŏ̂rba), gôstba, dvôjba, dvómba, dvôrba (dvŏ̂rba), žûrba, môlba, narêdba, naróčba, ŏdnésba похищеніе, ŏpŏmêmba, ŏtétba, pŏstrêžba Bedienung, pŏsôdba, prigôdba, svâtba.

Болг.: да́рба даръ, жа́лба, коси́тба, кра́жба, ро́жба, сва́дба, слу́жба услуга[1]).

---

[1]) Болг. выговоръ реченія *служба* согласенъ съ русскимъ, но отступаетъ отъ сербскаго и словенскаго (краинскаго). Объ этомъ словѣ была рѣчь въ VI главѣ, стр. 147.

15. Наставка оба[1]).

а. Слова насуффиксной акцентовки.

α) Съ наконечнымъ удареніемъ.

Рус.: худоба̀ (млр. худо́ба скотъ).

Серб.: гърдо̀ба, зло̀ба (Маж. зло̏ба: cà злобе̄, Slovn. str. 22), тесно̀ба Маж., худо̀ба.

Слов.: bliščȍba, gnjilȍba, gnusȍba, zlȍba, zvestȍba вѣрность, svitlȍba.

β) Слова съ напредконечнымъ удареніемъ.

Рус.: зло́ба (мѣст. злобе́), утро́ба, млр. хворо́ба, худо́ба.

Серб.: зло̏ба Маж. (зло̀ба Кар.).

Болг. зло́ба, утро́ба.

б. Слова накоренной акцентовки.

Рус.: жа́лоба.

Серб.: ӯтроба[2]).

Слов.: útrωba, vútrωba.

16. Наставка ъінъ[3]).

а. Слова насуффиксной акцентовки.

Рус.: благосты́ня, боги́ня, гордыня, господы́ня твр. смол. барыня, хозяйка (млр. господи́ня), княги́ня, пусты́ня, рабы́ня, святы́ня[4]).

Серб.: гло̀гиња fructus crataegi, дивља̀киња, кнѐгиња (Маж. кнѐгиња), просја̀киња, пу́стиња, робиња (robinja Stulli: Кар., Маж. — ро̀биња), све́тиња, сиро̀тиња бѣда, горе, ту̏ркиња.

Слов.: bωgínja (bôginja), gωspωdínja, dragínja дороговизна, lupínja, pustínja, rȍbinja (róbinja), svetînja (-ínja), stωpínja.

Болг.: благости́ца, влахи́ня, глоги́ня, гърки́ня, домаки́ня, немки́ня, просјаки́ня, ратаки́ня служанка, роби́ня, руски́ня, сърби́ня.

б. Слова ненасуффиксной акцентовки.

Рус.: ба́рыня, госуда́рыня, и́ноκиня, ми́лостыня, мона́хиня.

Серб.: вла̏хиња, гъ̏ркиња, ми̏лостиња, слу̏шкиња, сър̏пкиња.

---

[1]) *О* какъ у Сербовъ, такъ и у Чеховъ *краткое*: choroba, chudoba, siroba, ūtroba.

[2]) Сербская акцентовка этого реченія не соотвѣтствуетъ русской и болгарской.

[3]) Для опредѣленія количества ъі обратимъ вниманіе на чешскія слова съ окончаніемъ yně: bohyně, hospodyně, němkyně, přítelkyně, prorokyně, tchyně.

[4]) Словъ на *ыња* съ наконечнымъ удареніемъ не существуетъ: таковы были бы полынья и спорынья, но отожествлять окончанія ня и нья (основныя ња и ња), какъ дѣлаетъ Миклошичъ (Vergl. Stammbild. S. 145), я никакъ не могу.

Слов.: gráfinja (grȍfinja)[1]), zemljákinja, junákinja, neprijâtelkinja, prerókinja, rȍjákinja, túrkinja, čȇhinja.

Болг.: мѝлостинја.

17. Наставка ость (ѥсть).

а. Слова насуффиксной акцентовки.

Серб.: бла́го̄ст, ве́рно̄ст, гњѝлост Маж., гото́вно̄ст, гру́бост Маж., дра́го̄ст, ду́жно̄ст, захва́лно̄ст, ја́кост Маж., ја́ро̄ст, једна́ко̄ст, кра́тко̄ст, лако̀мост Маж., ле́но̄ст, ле́по̄ст, љу́тост Маж., ми́рно̄ст, могу́ћно̄ст, мр̀зо̄ст, на́гло̄ст, нема́рно̄ст, оби́лно̄ст, поко́рно̄ст, (Маж. по̀корност) ру́жно̄ст, све́то̄ст, сја́јно̄ст, ску́пост Маж., ср̀до̄ст, та́јно̄ст, ха́рно̄ст, хра́бро̄ст, хи́то̄ст; род. — бла́го̄сти и т. д. (Мажураничъ и въ именительномъ пишетъ ȏ, допуская въ извѣстныхъ случаяхъ и ō. Slovn., str. 114)[2]).

Слов.: bridkóst, visȍkóst, dȍlgóst, dȍlžnóst, kratkóst, krepóst, mȍdróst, nȍróst глупость, prȍstóst свобода, svitlóst, skrivnóst, slabóst, sladkóst, srčnòst (= sr̀čnȍst, -ósti? Метелко пишетъ sr̀čnost), učenȍst (-ost?), hitrȍst (hitrȍst, -ósti?).

б. Слова ненасуффиксной (по большей части накоренной) акцентовки.

Рус.: бла́гость, бо́лесть, вѣ́домость, ве́рность, го́речь, гото́вность, гру́бость, до́лжность, де́ятельность, жа́лость, кра́ткость, кре́пость, ле́ность, ми́лость, мо́лодость, му́дрость, ме́дленность, ме́рзость, на́глость, не́жность, па́кость, поко́рность, ра́дость, расти́тельность, ре́вность, свя́тость, свѣ́тлость, сде́ржанность, ску́пость, сла́дость (со́лодость млр. Wagil., str. 10), ста́рость, стра́нность, тя́жесть, хи́трость[3]).

Серб.: бо̀ле̄ст, вѝтко̄ст, жа̀ло̄ст, кро̀то̄ст, крѐпо̄ст, лу̀до̄ст (Маж. лу̀до̄ст и лу̀до̄ст), љу̀дско̄ст, мѝло̄ст, мла̀до̄ст, му̀дро̄ст (Маж. му́дрост), на̀-

---

[1]) Въ этомъ реченіи окончаніе inja можно считать передѣлкою нѣмецкаго in въ Gräfin. (Несомнѣнно та́къ образовалось русское графи́ня, т. к. иначе было бы графы́ня). Звукъ ȍ въ слогѣ grȍfinja (при формѣ м. р. grȍf, grȍfa), кажется, не указываетъ на оттяжку: выговора grȍfinja, grȍf, grȍfa, никогда не существовало, а звукъ ȍ прямо заимствованъ изъ нѣмецкаго простонароднаго Graf = Gråf (Grȍf) и — если вѣрно только что высказанное предположеніе — изъ него введенъ и въ женскую форму, какъ въ Русскомъ языкѣ *а*, вм. нѣмецкаго ä.

[2]) Замѣчаніе на счетъ количества относится также къ словамъ ненасуффиксной акцентовки. У Чеховъ окончаніе ость всегда и во всѣхъ падежахъ кратко: bolest', žádost', jistost', milost', mladost', moudrost', pakost' и т. д.

[3]) Въ I-ой главѣ (стр. 33) сказано, что этимъ словамъ свойственно *неподвижное* удареніе. Слѣдуетъ однако замѣтить, что слова вѣ́домость, до́лжность и кре́пость, изъ коихъ первыя два постоянно, а третье весьма часто имѣютъ конкретное значеніе и образуютъ множественное число, представляютъ въ косвенныхъ падежахъ его *насуффиксную* акцентовку: вѣ́домосте́й, -я́мъ, -я́ми, -я́хъ и т. д.

кость, пьяность, покорность Маж. (Кар. покорность), радость, светлость, слабость, сладость, смерность, старость, сърдитость Маж., ситость Маж., танкость, трухлость putredo, ученость Маж., хитрость, хромость Маж.. — Мѣстный падежъ этихъ словъ (всѣхъ ли?) кончается на ости: лудости, милости и т. д. [1]).

Слов.: blágwst, vrednwst, edinwst, žalwst, marljivwst старательность, milwst [и milŵst (-ost?)], mládwst [и mladŵst (-ost?)], nevárnwst опасность, wbílnwst, wkrútnwst жестокость, ponížnwst смиреніе, prihodnwst будущность, prijáznwst, rádwst [radŵst (-ost?)], stárwst [starŵst (-ost?)], trwhljivwst тлѣніе.

Болг.: блáгост, бóлест болѣзнь, вjáрност, вéчност, гóрест, гóркост, готóвност, дължност (мн. дължности) [2]), жáлост, мúлост, млáдост, оскýдност, покójност, прijáтност, рéвност, скърбост, стáрост, странност удаленность, хýбост (мн ч. хубости) [3]).

В. Слова съ отклонительными наставками [4]).

18. Наставки жка и ака.

Рус. слова: бáнка, бáрка, головка, горка, двойка, дойка (доеніе), дѣвойка мѣст., дѣвка, женка, зыбка, мышка, нитка, пушка, потка стар., волог., вят., стелька, сторонка, тетка, тройка, щетка.

Серб.: бâнка (чак. бáнка Маж.), бâрка (чак. бáрка Маж.), бýдимка, гýска, двôjка двухведерная бочка, добрòвôлька, дôjка, дèвôjка, жéнка (чак. женка Маж.), крýшка, мâjка (мájка), мúшка bracchium, пýшка, пâтка, слâмка, стêлька, стрâнка, тêтка, трôjка, чâвка, шúпка.

Слов.: bârka, glâvka, gôska, dvôjka, dôjka, devôjka, dêvka, zîbka, klêtka, mîška, nîtka, strânka, ščêtka, šôjka (ум. къ šŵja).

---

[1]) Въ Русскомъ языкѣ мы не находимъ соотвѣтственнаго выговора милости, радости, старости.

[2]) См. гл. IV, стр. 118—119.

[3]) У Болгаръ, такъ же, какъ и у Русскихъ, реченія на ость вовсе чуждаются насуффиксной акцентовки (говорю о производственныхъ суффиксахъ, а не о флексіяхъ). Полагаю, что это плодъ позднѣйшаго приравненія формъ: отъ темъ, въ родѣ драгò [рус. дóрогъ, дорогá, дóрого, серб. дрâг, дрáга, -о], высокò [рус. высóкъ, -окá, -окó (-óко) серб. вúсок, висòка, -о, слов. visŵk, visŵka, -ω] вполнѣ естественно было образовать драгòсть, высокòсть = серб. дрáгост, слов. visŵkŵst. (Очевидно, что первоначально наставкою было ста а о принадлежитъ къ основѣ). Перемѣна акцентовки могла произойти подъ вліяніемъ *членной* формы первообразныхъ для нашихъ словъ прилагательныхъ. Ср. гл. III, стр. 106—108.

[4]) См. гл. V, стр. 124.

Болг.: ба́рка, бъчва́рка, градина́рка, гъ́ска, до́јка, девојка, држа́лка, же́нка, пу́шка, па́тка, сла́мка, со́јка, стопа́нка, сја́нка тѣ́нь, ча́вка.

Окситонуются: рус. башка́ (заимств.), битка́, дочка́ млр., пенька́.

Серб.: тъ́рска (тъ́рст).

Слов. (краинскія): mamkȁ (máma), pъškȅ Backtrog, ωčkȁ (ώče), pečkȁ Obstkern и pωstъrvkȁ (pωstъrvȁ форель).

19. Наставка ѧда.

Рус.: кри́вда, пра́вда.

Серб.: кри̑вда, пра̑вда.

Слов.: krîvda, prâvda.

Болг.: кри́вда.

Рус. слово *вражда* произносится съ насуффиксным ударе́ніемъ — вражда́.

III. Слова средняго рода [1]).

1. Наставка ѧѥ.

а. Слова насуффиксной акцентовки.

Рус.: бѣ́лье́, дубье́, дурачье́, жилье́, копье́, мужичье́, ружье́, старье́.

Серб.: весе́ље Кар. (Маж. вѐсе̄ље), вођје́ чак. Берл. (Кар. во̏ће), дрвје́ Берл. (Кар. дрвље), држа́ље рукоятка, зрнје́ Берл. (Кар. зр̑ње), пластје́ Берл.

Слов.: veseljé и vesélje (по-резь. voesoejoĕ), klasjé (-ȅ? é?) и klásje, kamenjé (ȅ? é?), kωrenjȅ и kωrénje, pωvélje, resjȅ [2]).

Болг.: дрвје́, нивје́.

б. Слова ненасуффиксной акцентовки.

Рус. безвре́менье, беззако́ніе, безу́міе, верхо́вье, весе́лье [3]), дере́вья (вм. -ье), захолу́стье, здоро́вье, зе́лье, зна́меніе, каме́нья (вм. -ье), коло́сья (вм. -ье) ко́лья (вм. -ье), ли́стья (вм. -ье), наси́ліе, низо́вье, отре́бье, отли́чіе, пе́рья (вм. -ье), пла́тье, Повóлжье, подво́рье, помѣ́стье, подно́жіе, примо́рье, причáстіе, пру́тья (вм. -ье), суевѣ́ріе, те́рніе, у́стье.

---

[1]) У словъ средняго рода всѣ наставки *безотносительныя*.

[2]) У словъ средняго рода я не былъ въ состояніи послѣдовательно провести акцентуацію Валявца, т. к. для нихъ я могъ пользоваться только случайными указаніями его и другихъ изслѣдователей: нерѣдко пришлось оставить подъ сомнѣніемъ даже качество звуковъ o и ɛ.

[3]) Соотвѣтственныя сербскія и словенскія реченія см. подъ *а*.

Серб.: безáконье, бèзȳмље, бȋље, грâње, грȍбље, грȍжђе, дȓрвље, дȗбље[1]), Зàгōрје, зáплеће, здрâвље, зе̑ље, знáмēње (знàмēње), кàмēње, клâсје[2]), кȏље, крèмēње, лȋшће, лȏзје, нáличје pars aversa, пē̏рје, пòдгōрје, пòдпōжје, Прȉмōрје, прúчешће, прȗће, прéстōље, рáскършће, сȗмрāчје, тȓње, цвē̏ће, чòкōће.

Слов.: brɛzje, drɛvje, grozdje (ѡ?), gъrmovje, Zagorje, zdrāvje, zidovje, medplɛčje, naročje (ѡ?), óglje, pɛrje (ѣ?), pѡlɛtje, prosje (ѡ?), skalovje.

Болг.: вéтрје, гóрје, двóрје, здрáвје, лúстје, лóзја мн. ч., обрáзје щеки, пéрје, пештéрје, пъ́рстје, цвéтје.

2. Сложная наставка ѧнѧѥ.

а. Слова съ насуффикснымъ удареніемъ.

α) Окситонки (на аньје́).

Рус.: вранье́, жданье́, спанье́, тканье́.

Серб.: достојáње[3]), имáње имущество (рядомъ съ ȉмāње τὸ habere), прáње, ткáње[4]).

Слов.: žganjȅ водка.

Болг.: пранје́ мытье.

β) Парокситонки (прежнія пропарокситонки, на а̀ньје)[5]).

Рус.: вниманіе, (внимáть), вѣнчáніе (вѣнчáть), желáніе (желáть), замираніе (замирáть), знáніе (знать), катáніе (катáть), окончáніе (кончáть), молчáніе (молчáть), писáніе (писáть), познáнія (познáть), питáнія млр. вопросъ (питáти), рыдáніе (рыдáть), стараніе (стараться), страдáніе (страдáть), создáніе (создáть).

Серб.: вènчāње (вènчати), зúдāње (зúдати), зимòвāње (зимòвати), изȗ

---

[1]) Въ Русскомъ языкѣ дубье — окситонка.

[2]) Словенское klasje помѣщено подъ *а*.

[3]) По-русски достоя́ніе, чему соотвѣтствовало бы сербское достòјāње. См. впрочемъ слѣдующее примѣчаніе.

[4]) Дѣйствительно ли акцентовка этихъ реченій оттяжечная: можетъ быть она *архаичная, чакавская?*

[5]) Наставка ѧнѧѥ, если не окситонуется, полагаетъ удареніе на тотъ же слогъ, какъ первообразный для даннаго имени глаголъ. Надо притомъ замѣтить, что слова на *аніе* тѣсно примыкаютъ къ *неокончательнымъ* и (по крайней мѣрѣ въ Русскомъ языкѣ) сообразуются именно съ ихъ акцентовкою, хотя первоначально они образовались отъ *страдательныхъ причастій на* ѧнъ: стр. прич. глаголовъ вѣнча́ть, писа́ть,—вѣнчанъ, -а, -о, пи́санъ, -а, о, а отглагольныя существительныя — вѣнча́ніе, писа́ніе. За вѣрность этой мысли говоритъ также возможность образованія подобныхъ именъ отъ *среднихъ* глаголовъ. — Звукъ *а* въ наставкѣ ѧнѧѥ какъ въ Сербскомъ, такъ и въ Чешскомъ языкѣ *долгій*.

ва̃ње (изу́вати), и̏мање τὸ habere (и̏мати), ма́хање (ма́хати), пи́са̃ње (пи́сати), пи́та̃ње (пи́тати), стра́да̃ње (стра́дати), сту́па̃ње (сту́пати).

Слов.: bežânje (bežáti), djânje (djáti), kwpânje и kŵpanje (kwpáti), lučânje и lúčanje (lučáti и lúčati), mwlčânje (mwlčáti), pisânje и písanje (písati [1]), pitânje (pitáti и pítati), spwznânje (spwznáti).

Болг.: имáнје, повраштáнје.

б. Слова ненасуффиксной (по большей части накоренной) акцентовки.

Рус.: вѣрованіе (вѣровать), дѣланіе (дѣлать), мазаніе (мазать) рѣзаніе (рѣзать).

Серб.: ве̏рова̃ње, (ве̏ровати), де̏ла̃ње (де̏лати), ма̏за̃ње (ма̏зати), ма̏ша̃ње (ма̏шати се immittere manum), пра̂вда̃ње executio, lis (пра̂вдати), ре̏за̃ње (ре̏зати).

Слов.: dɛlanje (dɛlati), žúganje (žúgati грозить), wbúpanje (wbúpati), plačanje (plačati), prõšańe резь., rŵpanje, umiranje (umírati).

Болг.: вjáрованје, дохáжданје, зарѣчванје, избúранје [2]), извештáванје, осéштанје чувство, пúпанје осязаніе, почúванје, почúтанје, празнýванје, презúранје, призувáванје, склонjáванје.

3. Сложная наставка єнѧѥ (также и ѣнѧѥ).

а. Слова насуффиксной акцентовки.

α. Окситонки.

Рус.: пѣньé (обыкн. пѣніе).

Серб.: варéње coctum (по-русски варéнье), допуштéње позволеніе, крштéње крестины, печéње = пециво; покољéње (по-рус. поколѣніе), поштéње honestas, probitas (по-рус. почтéніе), проштéње (рус. прощéніе), створéње тварь (срв. рус. твореніе), трéње (рус. трéніе) [3]).

Слов.: živlénje, letênje, nesênje, rešênje, hwtênje.

Болг.: дробенjé внутренности.

β) Парокситонки (пропарокситонки) на єнjє, єнє (первонач. на єнѧѥ) [4]).

Рус.: варéнье (варúть), движéніе (двúнуть), дѣлéніе (дѣлúть), измѣрéніе

---

[1]) Не знаю, говорятъ ли гдѣ-нибудь pisáti, но рус. писáть и серб. пúсати показываютъ, что таковъ былъ первоначальный выговоръ, который и породилъ акцентовку pisânje.

[2]) По-сербски избúра̃ње (избúрати = рус. избирáть).

[3]) Т. к. наставка єнѧѥ есть усложненная наставка страдат. причастія на єнъ, єна, єно, то окситонность ея объясняется окситонностью этого причастія (ср. гл. V, стр. 127): печéње (основ. печéньѣ) отъ пѣчен, печѣна, печѣно (основ. печѣн, -енà, -енò). Конечно, производное отъ окситонки можетъ быть и парокситонкою.

[4]) Нерѣдко, по крайней мѣрѣ въ Русскомъ языкѣ, эти слова имѣютъ напредконечное удареніе, неоправдываемое первообразнымъ для нихъ глаголомъ.

(измѣ́рить), имѣ́ніе (имѣ́ть), искуше́ніе (искуси́ть), изцѣле́ніе (изцѣли́ть), креще́ніе (крести́ть), муче́ніе и рѣ́жс му́ченіе (му́чить), пече́ніе (печь, прич. пече́нъ, -спа, епо́), правле́ніе (пра́вить), прослав.ле́ніе (просла́вить), увѣре́ніе (увѣрить), уче́ніе (учи́ть).

Серб.: ва́рење coctio (ва́рити), говòрење (говòрити), кърштење = крещéніе (кърстити), мòрење (мòрити), пѐчење (пѐћи, прич. пѐчен, печѐна, -о), ши́рење (ши́рити).

Слов.: vъršɛnje (é?), grѡmɛnje (é?), imɛnjc, pѡžclɛnje (é?), umɛnjc, učɛnje (é?), šumɛnje (é?).

Болг.: благодаре́ње удовольствіе, живе́ње, искуше́ње, исцеле́ње, мъче́ње, свърше́ње конецъ, съгреше́ње, трезве́ње, уче́ње.

б. Слова ненасуффиксной (по большей части накорснной акцентовки).

Рус.: вѣдѣніе (вѣдѣти), кра́шеніе (кра́сить, кра́шенъ), му́ченіе (му́чить; впрочемъ обыкновенно муче́ніе), пра́вленіе [— костей (пра́вить); чаще правле́ніе], тара́щеніе (тара́щить), хму́реніе (хму́рить), чи́щеніе (чи́стить, чи́щенъ).

4. Наставка тьакѣ.

а. Слова насуффиксной акцентовки.

Рус.: бритье́, бытье́, за-бытье́, витье́, вытье́, житье́, литье́ (ли́тіе)[1]), мытье́, питье́, шитье́.

Серб.: би́ће, у-би́ће, пре-гну́ће, о(д)-да́ће, из-дахну́ће, уз-е́ће, има́ће, иму́ће, по-кла́ће, (кърво)про-ли́ће, у-мр̀ће, пи́ће, про-пе́ће, сваиу́ће, просу́ће, трену́ће, не-уме́ће.

Болг.: питје́, шитје́.

б. Слова накоренной акцентовки.

Рус.: гну́тіе, коло́тіе, кры́тіе, прибы́тіе, прожи́тіе, поня́тіе, кровопроли́тіе[2]).

Слов.: vbitje, vzɛtje (é?), pitje[3]).

5. Наставка ьствѡ.

а. Слова насуффиксной акцентовки (окситонки).

Рус.: божество́, большинство́, вещество́, воровство́, вдовство́, вра-

---

[1]) См. стр. 146, прим. 3.

[2]) Безударная наставка тьакѣ рѣдко является у простыхъ основъ, за то она господствуетъ у *составныхъ*. Однако это относится только къ Русскому языку: у Сербовъ слова на ће, кажется, всѣ безъ исключенія — парокситонки неисконной акцентовки, т. е. первоначальныя окситонки. На счетъ слова кровопролитие срв. стр. 146. О болгарскомъ и словенскомъ выговорѣ наставки тьакѣ не позволяетъ судить незначительное число примѣровъ.

[3]) Не слѣдуетъ забывать, что ударепіе этихъ словъ, быть можетъ, оттянуто.

чевство́, колдовство́, кумовство́, меньшинство́, плутовство́, родство́, рождество́, скотство́, старшинство́, существо́, удальство́, ханжество́, хвастовство́, шутовство́, щегольство́ [1]).

Серб.: ба́нство, безочà нство, божà нство, вези́рство, величà нство, владичà нство, госпòдство*, доброчи́нство, достоја́нство (Маж. достòја̄нство)*, једи́нство = рус. единство́ (обыкн. еди́нство), задово́льство, злочи́нство, капета́нство, кова́рство*, пија́нство* (Маж. пи̏јанство̄), постоја́нство*, прија́тељство, (Маж. прија̀тељство̄)*, сведочà нство, уби́ство*, човечà нство, чудè ство [2]).

Слов.: ženstvo, mѡštvo̍, rѡ́jstvѡ [3]).

Болг.: вдовство́, господство́ (= сударь), първенство́ = рус. первенство́.

б. Баритонки.

Рус.: блаже́нство, бога́тство, бра́тство, бе́гство, воево́дство, кова́рство, королевство, ла́комство, лука́вство, ле́ка́рство [4]), му́жество, насле́дство, прия́тельство, проро́чество, преда́тельство, ра́бство, уби́йство, убо́жество, человѣ́чество.

Серб.: бла́женство, бо̀гатство, бра̏тство, во̏јводство [5]), ју̀наштво, кра́љевство, ла̏комство, лу̀кавство, на̀следство, нѐверство, по̀по̄вство, про́рошство, сиро̀маштво, у̀боштво, ца̂рство, чо̀вештво.

Слов.: bѡgástvѡ, tѡvârištvѡ.

Болг.: благода́рство, бога́ство, бе́гство, войво́дство, јуна́шство, мѣжество, позна́нство, прија́телство, преда́телство, ро́бство, ско́тство (по-рус. скотство́), уби́йство, чоле́шство.

Удареніе *колеблется*, въ Русскомъ языкѣ, у слѣдующихъ реченій: волше́бство — волшебство́ (рѣже), еди́нство — единство́ (рѣдко), о́бщество

---

[1]) Къ этимъ словамъ примыкаетъ еще нѣсколько разноударяемыхъ, которыя приведены ниже.

[2]) Въ этомъ спискѣ звѣздочками отмѣчены тѣ слова, которыя употребительны и въ Русскомъ языкѣ, но представляютъ въ немъ несоотвѣтственную акцентовку. Однако и всѣ почти остальныя, если-бъ существовали въ Русскомъ, едва-ли нашли бы въ немъ соотвѣтствіе своей акцентовкѣ.

[3]) Въ словахъ ženstvo, mѡštvo, пожалуй, можно бы было предположить *выдвижку*, но rѡ́jstvѡ очевидно *оттяжечная* акцентовка, вм. rѡjstvѡ̑.

[4]) Лѣка́рство, быть можетъ, происходитъ отъ слова *лѣка́рь, -аря́ = серб. лѐка̄р, лека́ра, и въ такомъ случаѣ слово лѣкарь заимствовано изъ польскаго именительнаго lekarz. Или это случай перепначенія, и произнесли лѣка́рство, чтобы это реченіе не казалось названіемъ должности или званія?

[5]) Слово во̏јвода не соотвѣтствуетъ рус. воево́да: мы бы ожидали выговора во̀јвода (вм. војво̏да, а војво̏да вм. војево̏да). Какъ первообразныя, не соотвѣтствуютъ другъ другу и производныя.

— общество́ (рѣдко), не́рвенство — первенство́ (рѣдко), ра́венство — равенство (рѣже), сво́йство — свойство́ (въ разныхъ значеніяхъ).

6. Наставка ище[1]).

а. Слова насуффиксной акцентовки.

Рус.: городи́ще, огни́ще, пепели́ще, топори́ще[2]).

Серб.: гнòјӣште, гòдӣште, грàдӣште, двòрӣште, зèмльӣште, кòсӣште, монастѝрӣште, òгньӣште, цр̑квӣште.

Слов.: gradíšče, dvœríšče, kœpíšče копи, lъníšče льны, œvsíšče овсы, rœgœríšče, tœrœríšče.

Болг.: гнојѝште, огни́ште, пепели́ште, хори́ште (где хоро игра).

б. Слова ненасуффиксной акцентовки.

Рус.: горо́ховище, игра́лище, приста́нище, побо́ище, собо́рище, чисти́лище.

Серб.: гра̑ховӣште, ѝгралӣште, ку́палӣште, кӯ̑ӣште, ма̑ковӣште, огòрјелӣште черног., прѝстанӣште, ра́збојӣште (ràзбојӣште), ъ̀рвалӣште, збо́рӣште, ше́талӣште[3]).

Колеблется удареніе въ рус. словахъ гу́льби́ще, кла́дби́ще, се́льби́ще, стрѣ́льби́ще[4]) и ло́гови́ще.

7. Наставка ло (ѧло, тло)[5]).

а. Слова насуффиксной акцентовки (окситонки).

Рус.: весло́, вертло́, гребло́, дупло́, жерло́, крыло́, помело́, ремесло́, сверло́, сѣ́дло́, скребло́, стебло́, стекло́, тягло́, число́, щемло́.

Серб.: вѐсло, огрѐбло, де́бло ствол̀ъ, ждре́ло, канчѐло Bund Zwirn, кри́ло, омѐло, паѣ̀ло veli genus, пру́гло родъ силка, сѐдло, ста́бло, ста̀кло (стклӯ̑, склӯ̑, цклӯ̑).

Слов.: vésłœ, dèbłœ, ždrélœ, jeklȏ (jèklœ), krílœ, œmélœ, sédłœ (мн. sɛdla), stъblȏ (stèblœ), stъklȏ (stèklœ), téslœ.

---

[1]) *И* у Сербовъ *долгое*, у Чеховъ — *краткое*: bojiště, hliniště, hnojiště, ohniště.

[2]) Увеличительныя на *ище* свойственны одному Русскому языку и потому здѣсь не приводятся.

[3]) Случаевъ подобной акцентовки въ Словенскомъ и Болгарскомъ мнѣ неизвѣстно про первый, кажется, могу сказать, что онъ рѣшительно чуждается ея.

[4]) См. гл. I, стр. 14.

[5]) Отдѣлить другъ отъ друга эти наставки довольно трудно.

Болг.: весло́, гребло́, духло́ отдышина, крило́, легло́ ложе, облекло́ одежда, седло́, стебло́ [1]), стъкло́ [2]).

б. Слова накоренной акцентовки.

Рус.: би́ло, вя́сло, го́рло, де́ло, жа́ло, жи́ло, ма́сло (мн. масла́), мы́ло, мя́ло, на́дло, по́йло, пря́сло, ры́ло, са́ло, сто́йло, су́сло, ши́ло.

Серб.: би̏ло, вре̏ло, гр̏рло, де̏ло, ма̏сло, (мн. мàсла, маса́ла̄), ми̏ло lixivium ad lavandum caput, ра̏ло, ри̏ло, са̏ло, ши̏ло

Слов.: резь. hărlo (обыкн. форма gъrlọ́), dẹ́lω, žẹlω (ẹ?), máslω, šilω.

Болг.: врѣ́ало кипятокъ, гр̏рло (мн. гърла́), ма́сло (масла́), ши́ло (шила́).

8. Сложная наставка ало.

а. Слова насуффиксной акцентовки (на а̏ло) [3]).

Рус.: обира́ло, купа́ло, кроса́ло, моча́ло, одѣ́яло, опаха́ло.

Серб.: га́тало, гу̀дало смычокъ, да́вало, дѝржало, и̏грало, ка́зало, крѐсало, ку̀пало далм. мѣ́сто купанія, ку̀сало у кашике оно што се мѣ̀ше у уста, мѐтало portio pabuli, оглѐдало, окрета̏ло вертелъ Берл. (акц. чакав.), пи́сало, пу́хало, ска́кало, узѝмало, чѐкало crepitaculum.

Слов.: kresálω, nakωválω, ωgledálω, ωdeválω, česálω.

Болг.: огледа́ло (мн. огледала́), стъпа́ло подошва, чеса́ло.

б. Слова накоренной акцентовки.

Рус.: бу́ркало, вѣ́яло, зе́ркало (мн. зеркала́, -а́лъ, -ала́мъ), пу́гало.

Серб.: ба̏дало, бу̏ћкало pertica piscibus excitandis, ве̏шала, кле̏цало родъ скамейки, кљу̏цало = му̏љало pertica uvis contundendis, се̏дало sedes gallinaria, те̏пало Маж., ту̏цало пестикъ, цр̏тало culter aratri, ши̏бало virga tympani.

Болг.: бъ̀ркало, бу́хало родъ птицы.

9. Сложная наставка ило.

а. Слова насуффиксной акцентовки (на и̏ло) [4]).

Рус.: воротѝло, вѣ̀три́ло, кади́ло, кропи́ло, мотови́ло, свѣ̀ти́ло, суши́ло, твори́ло, точи́ло, черни́ло.

Серб.: врати̏ло Берл. навой (акц. чакав.), жà̀рило ухватъ, ка́дило, крѐпило, мотѐвило, мѐчило вир гдје се кисели кудјеља и лан, тѐчило Holzrutsche (Берл. точи̏ло — виноградное точило), хла́дило, цѐдило, цр̀нило.

---

[1]) Праславянское стьбло̀: срв. еще старочешское stblo (теперь stěblo) и словацкое zblo, также польское źdźbło, рядомъ съ ździebło.

[2]) Насуффиксная акцентовка породила чеш. sklo, поль. szkło. Срв. также литовское stiklas, твор. stiklù мн. ч. stiklai, вин. stiklùs (См. гл. XIII, стр. 222).

[3]) *А* какъ у Сербовъ, такъ и у Чеховъ *краткое*: držadlo, kovadlo, křesadlo.

[4]) *И* краткое у Сербовъ, кратко и у Чеховъ: bělidlo, vratidlo, kadidlo, motovidlo.

Слов.: zdravilω, kadilω, kωsilω завтракъ, krωpilω, mazilω мазь, mωtωvilω, narωčilω порученіе, perilω бѣлье, platilω, predilω, hladilω, cedilω, čьrnilω.

Болг.: венчи́ло, ветри́ло вѣеръ, дупчи́ло, огни́ло, свети́ло, еди́ло.

б. Слова накоренной акцентовки.

Рус.: мѣрило (или мѣри́ло), пра́вило regula, рядомъ съ прави́ло gubernaculum, у́дило (обыкн. мн. ч. удила́).

Серб.: гла̀дило, ја̀гњило, ква̀сило (квасити мочить), ла̀зила лѣса, мѐрило, пра̀вило, ра̀нило, стра̀шило[1]).

10. Наставка но (ъно, ѧно)[2]).

а. Слова насуффиксной акцентовки.

Рус.: бревно́, вино́, волокно́, веретено́, говно́, гумно́, звено́, зерно́, лукно́, окно́, полотно́, порохно́, пшено́, руно́, садно́, стегно́, сукно́, толокно́.

Серб.: бр̏вно (род. мн. бр̏вāнā), ва́пно, ви́но, вла́кно, вретѐно, го́вно (род. мн. го̏вāнā), гу́вно, о̀кно, пла́тно, ру́но, са́дно, стѐгно, су́кно.

Слов.: vlaknȍ нижнекраин. (мн. vlaknâ), gωvnȍ, gъmnȍ, žωltnȍ летокъ, kъrznȍ выдѣланная шкура, ώknω (резь. oknȏ), pšénо, sednȍ (sédnω), stégnω (мн. stegna, -gъn, -gnωm), sъknȍ (súknω).

Болг.: платно́ (пла́тно), руно́ (ру́но).

б. Слова накоренной акцентовки.

Рус.: бра̀шно (бо́рошно), ко́рзно[3]), су́дно.

Серб.: бра̀шно, зр̏но.

Слов.: brúnω, vápnω, vínω, plátnω, rúnω[4]).

Болг.: бра́шно (брашно́), зъ́рно.

11. Наставка ѧце.

а. Слова насуффиксной акцентовки.

Рус.: винцо́, деревцо́, колесцо́, кольцо́, копьецо́, крыльцо́, мясцо́, вокинце́ млр. (в. рус. око́нце), письмецо́, сельцо́, сѣнцо́.

Серб.: брашàнце, белàнце бѣлокъ, ви́нце, влакàнце, вратàшца, да́нце, дѣрвце Маж. (Кар. дѣрвце), дѐлце Маж., кòлце Маж., крио̀це = кри́лце, мѐсце, писàмце (Маж. писа́мце), пе́рце, плата́нце Маж., рамѐнце, ребàрце (Маж. á), седàлце (Маж. á), седо̀це = се́лце, стега́нце, стаба́лце, стакàлце (Маж. á), сука́нце, се́нце, темѐнце Маж., устàшца.

---

[1]) Словенскихъ и болгарскихъ словъ такого образованія, съ накореннымъ удареніемъ, мнѣ неизвѣстно.

[2]) Трудно провести точную грань между этими наставками.

[3]) Русская акцентовка этого слова не соотвѣтствуетъ словенской.

[4]) У всѣхъ этихъ словъ удареніе слѣдуетъ считать оттянутымъ.

Слов.: mescȅ, ωkъncȅ, platъncȅ, sedъlcȅ [1]), sъrcȇ [2]).

Болг.: брашенцé, винцé, дървцé, перцé, раменцé, селцé, сърцé, (сърце), стебелцé, сукънцé, сенцé.

б. Слова ненасуффиксной акцентовки.

Рус.: блю́дце, весе́льце, до́нце, де́льце [3]), зе́ркальце, име́ньице, коле́нце, коры́тце, ма́слице, мотови́льце, око́нце, пла́тьице, полоте́нце [4]), поле́нце, ры́льце, са́льце, со́лнце, се́рдце.

Серб.: бла̏та̄нце, бра̏ша̄нце, вѐсаоце, ви̏мешце, вре̏оце, гъ̏роце (Маж. гъ̏рлце и гро́це), гъ̏рлашце, дъ̏рвце (Маж. дъ̏рвце), је̏зе̄рце, жва̏оце (жва̏ло fauces), зъ̏рнце, ко̀ленце, ко̀рита̄шце, ма̏са̄лце Маж., мото̀вилце, су̏нце, су̏на̄шце, съ̏рце, те̏мешце, ју̏та̄рце.

Слов.: kórúcö резь., sólnce.

Болг.: ведре́нце, гърне́нце, дъ́нце [5]), колесе́нце, ма́слъце, месе́нце, огледа́лце, стъ́кълце [6]), съ́лнце (мн. съ́лнца́), съ́рце (обыкн. сърце́).

---

[1]) Конечная акцентовка этихъ формъ свойственна краинской рѣчи.

[2]) Слово sъrcȇ представляетъ выдвинутое удареніе.

[3]) Русская акцентовка этого слова не соотвѣтствуетъ сербской.

[4]) Соотвѣтственное сербское реченіе см. подъ *а*.

[5]) Болгарская акцентовка сходна съ русской, но не соотвѣтствуетъ сербской.

[6]) Акцентовка этого слова отклоняется отъ сербской.

ПОПРАВКИ и ДОПОЛНЕНІЯ,

УКАЗАТЕЛЬ, ОГЛАВЛЕНІЕ,

ОПЕЧАТКИ.

Поправки и дополненія.

Стр. 1, стр. 11. Я рѣшительно не понимаю, какъ Миклошичъ можетъ строить праславянскую форму ronka съ настоящимъ n [Vergleichende Lautlehre. 2 Ausg. S. 92 (4)]: изчезновеніе носового элемента юсовъ во всѣхъ славянскихъ языкахъ, кромѣ Польскаго (въ которомъ онъ тоже иногда изчезаетъ), прямо указываетъ на слабый звукъ его въ устахъ Праславянъ.

Стр. 3, стр. 12 сн. Hausmeister мѣстное названіе для швейцара, дворникъ — Hausknecht.

Стр. 4, стр. 11. Слѣдовало бы говорить не о мѣнѣ ударенія, а о мѣнѣ акцентовки, или о передвиженіи ударенія.

Стр. 4, пр. 2 и *стр. 5, пр. 2.* См. W. Corssen. Ueber Aussprache, Vocalismus und Betonung der Lateinischen Sprache. 2 Aufl. Leipzig 1870. B. II, S. 805—813, 892, 906, 920—931.

Стр. 8, стр. 16. На счетъ мнѣній о праязычной акцентовкѣ см. еще г. XIV, стр. 225—227.

Стр. 11. О мѣстномъ разнообразіи въ русскомъ акцентованіи Даль (въ Напутственномъ словѣ къ Толковому словарю живаго Великорусскаго языка, XV, прим.) говоритъ слѣдующее: «*Съверные* и *восточные* великорусскіе говоры всегда почти держатся одного ударенія (на первые и послѣдніе слоги), а *южные* и *западные* другаго (на средніе и послѣдній); *Москва* болѣе держится втораго, а *Питеръ* нерѣдко своего третьяго, нѣмецкаго. Такъ слово *робить*, не только на Украйнѣ, но и на всемъ югѣ отъ Москвы, произносится робить; а на сѣверѣ, гдѣ оно въ большомъ ходу, робить. Сюда же относятся: ворота и ворота, далеко и далеко, высоко и высоко и пр. Въ говорѣ *новгородскомъ* встрѣчается мѣстами довольно странный, по нѣкоторымъ признакамъ старинный, переносъ ударенія на первый слогъ, противоположно польскому и наперекоръ общепринятому, какъ напр. творогъ, ни одного, окрестясь и пр». Замѣчанія эти (отчасти повторенныя въ статьѣ «О нарѣчіяхъ Русскаго языка» XXVI) отличаются отрывочностью и очень похожи на преждевременныя обобщенія. Что такое слѣдуетъ понимать подъ «нѣмецкимъ ударсніемъ» петербуржцевъ, мнѣ не совсѣмъ ясно.

Стр. 11, стр. 10 сн. Когда удареніе колеблется между двумя слогами, какъ въ словахъ *далеко*, *широко*, я буду отмѣчать просодіями оба слога.

Стр. 12, стр 9. Съ рус. *община* срв. еще болг. обштúна.

Стр. 13, прим. Объ элементахъ и т. д., стр. 61—63. Vergl. Lautlehre. 1852. S. 391 ff.

Стр. 14, прим. 2. Срв. еще женá — женúть, трубá—трубúть, юлá—юлúть.

Стр. 15, стр. 14 св. На счетъ слова *губа* см. Акцентовочныя таблицы, стр. 247,прим. 6.

Стр. 15, стр. 14 сн. Объ опредѣленіи акцентовки литовскихъ словъ м. р. по творительнымъ падежамъ, см. у Мазинга. Die Hauptformen des Serbisch-chorwatischen Accents. S. 8—9.

Стр. 17, стр. 7. Положеніе, что намѣреннаго различенія подобозвучныхъ словъ по акцентовкѣ не бываетъ, требуетъ нѣкоторой оговорки. Первоначально, разумѣется, разноударные омонимы могли явиться только случайно; но слѣдуетъ, повидимому, допустить, что впослѣдствіи, въ силу аналогіи, стали иногда намѣренно придавать сходнымъ словамъ различную акцентовку, или, говоря точнѣе, вновь возникающее слово отличали посредствомъ ударенія отъ подобозвучнаго ему стараго. Такъ, весьма возможно, что слово духú (благовонія) окситоновали въ отличіе отъ существовавшаго, по всей вѣроятности, раньше слова дýхи (геніи),—что Сербы заимствованному изъ Нѣмецкаго слову лȗг щелочь (= Lauge) потому придали выговоръ лȗг, лýга (по-чак. лýг, лȗгā), что въ языкѣ существовало уже, въ иномъ значеніи, слово лȗг, лȗга. Я также склоненъ предположить, что нѣкоторыя рус. прилагательныя «усѣченнаго» окончанія [нпр. нúзокъ, низкá, нúзко, = серб. нȉзак, нȉска, -о] получили наконечное удареніе лишь впослѣдствіи, въ отличіе отъ средняго рода, въ чемъ я вижу подражаніе другимъ прилагательнымъ, у коихъ такое различіе существовало издавна [нпр. дóрогъ, дорогá, дóрого = чак. дрâг, дрāгā, дрâго [1])]. Допуская такимъ образомъ исключенія, я вообще всетаки настаиваю на томъ, что разноударность тожественныхъ по звуковому составу словъ объясняется неодинаковымъ образованіемъ ихъ, что нпр. ясно видно въ словѣ *проволочка*, которое съ наначальнымъ удареніемъ (прóволочка) есть уменьшительное отъ слова прóволока, а съ напредконечнымъ (проволóчка) — отглагольное, отъ проволочúть.

Стр. 17, стр. 18. Съ выраженіемъ «въ зеленóмъ саду» срв. также «чаша зеленá вина».

---

[1]) См. у Мажуранича. Slovnica, str. 26, pazi 1.

Стр. 21, стр. 10. Когда рѣзкоударный гласный протягивается, онъ, разумѣется, перестаетъ быть рѣзкимъ.

Стр. 21, прим. 1. По показанію М. Колосова (Замѣтки о языкѣ и народной поэзіи въ области сѣверно-великорусскаго нарѣчія. Прилож. къ XXVIII т. Зап. И. Акад. Наукъ. № 4; стр. 65), въ Вятской губерніи, въ уѣздахъ Вятскомъ и Слободскомъ, слышится иногда долгота гласныхъ, какъ ударяемыхъ, такъ и безударныхъ. Къ сожалѣнію, Колосовъ собралъ лишь весьма незначительное число примѣровъ: вбт (вбот), ничевб, говорят, уѣдут, синѣть, бзеро, возйтй, брáтй, пожáлустá[1]), на основаніи которыхъ находитъ возможнымъ утверждать только то, что 1) долгота гласнаго можетъ проявляться независимо отъ ударенія; 2) въ одномъ слогѣ можетъ быть 2 долгихъ, изъ коихъ одинъ ударяемый. Кажется, что и у Вятчанъ долгота имѣетъ случайный, риторическій характеръ: это видно изъ фразы «не берýт вѣдь ýж, молодые то не берýт, въ коей конечный слогъ реченія берутъ произнесенъ разъ такъ, разъ иначе. «Въ этомъ случаѣ и подобныхъ», говоритъ самъ Колосовъ, «ясно, что строй фразы, тонъ рѣчи вызвалъ растяженіе гласнаго». Правда, онъ тутъ-же спѣшитъ оговориться, «что растяженіе это не играетъ той роли, какую имѣетъ такъ называемое логическое удареніе», что «видно изъ того, что въ одномъ словѣ можетъ быть два долгихъ гласныхъ»; но это разсужденіе я считаю неосновательнымъ: если логическое удареніе естественно должно совпадать съ грамматическимъ, иначе говоря, состоитъ въ усиленіи грамматическаго ударенія, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что и *логическое продленіе* возможно лишь въ ударяемомъ слогѣ. Впрочемъ, главная мысль Колосова, что вятская долгота не вполнѣ равносильна логическому ударенію, несомнѣнно справедлива: для подтвержденія ея достаточно было бы сослаться на частицу ўж въ вышеприведенной фразѣ. Послѣ этихъ замѣчаній, считаю почти излишнимъ указать еще на то, что бóльшая часть вятскихъ «долготъ» соотвѣтствуетъ сербскимъ краткостямъ: бзерō = jѐзерō, возйтй = вòзйтй, брáтй = брáтй, ýж = jўр; также и въ словахъ вбт, ничевб, уѣдут, синѣть, если-бъ они существовали у Сербовъ, гласные были бы непремѣнно краткіе. Только формы говорят, берýт напоминаютъ сербскія гòворē, бѐрў; но вѣдь, рядомъ съ берýт, слышится также берýт.

Стр. 24, стр. 1—2. Все таки существуетъ нѣсколько сложныхъ

---

[1]) Колосовъ обозначаетъ акутомъ удареніе вообще, но весьма возможно, что *долготное* удареніе Вятчанъ есть именно *восходящее*. См. дальше и гл. II, стр. 45 (2).

(книжныхъ) словъ, акцентующихъ 6-ой слогъ сначала: общераспространённый, противогосударственный, малоупотребительный.

Стр. 25, стр. 4. Кажется, слѣдуетъ думать, что *о* не прибавлено, а только удержано, въ угоду насуффиксной акцентовкѣ: въ сербскихъ словахъ м. р. на *о* (бо́јно, Пе́ко) едва ли можно считать *о* позднѣйшею прибавкою: прибавку этого звука можно допустить въ Русскомъ языкѣ, въ коемъ онъ играетъ роль бѣглаго гласнаго, но не въ Сербскомъ. Полагаю, что эти формы суть остатки настоящихъ именительныхъ [на as = греч. ος, лат. os (us)]: рогъ = bhagam первоначально было только винительнымъ падежомъ, а именительный звучалъ рого = bhagas; но послѣдняя форма слишкомъ походила на форму средняго рода, и вотъ, подъ вліяніемъ основъ на й, у которыхъ им. и вин. органически совпали (сынъ = sūnus и sūnum), стали употреблять вин. рогъ въ значеніи именительнаго [1]).

Стр. 26—27. См. гл. XIII, стр. 215, прим. 1.

Стр. 27, прим. 2. По недосмотру, вмѣсто перемѣны просодій, говорю о перемѣнѣ акцентовъ. — Куршатова акцентуація приведенныхъ на этой страницѣ словъ, какъ и всегда, передѣлана мною по способу Караджича.

Стр. 32, IV. 1. Говорятъ однако пя́тью два́, ше́стью де́сять, се́мью со́рокъ и т. п. (рядомъ съ пятью два́, шестью де́сять, семью со́рокъ, въ коихъ удареніе первыхъ словъ скрадывается): такое акцентованіе, очевидно, носитъ *логическій* характеръ.

Стр. 33, стр. 5. Слово *восемь* (осмь) первоначально принадлежало къ одной группѣ со словомъ *семь* (седмь), а не съ *десять*.

Стр. 33, стр. 18. См. Акц. табл., стр. 258, пр. 1.

Стр. 33, V. 1. Мѣстн. = дат.: ма́тери, до́чери. Рус. акцентовку, а также и звуковой составъ слова *дочь* слѣдуетъ считать искаженными: соотвѣтственныя формы другихъ славянскихъ языковъ (новоцерк. дщи, дще́ри, серб. кћи́, кће́ри, слов. hčí, hčerí, также распространенныя формы — чеш. dcera, поль. cůra), да и мѣстная (олонецкая) форма дочи́, доци́ (род. доче́ри?) указываютъ на праслав. акцентовку дъ̀тьи́, дъ̀тье́ри. Изъ дъ̀тьи́, дъ̀тье́ри органически должно было развиться дочи́, дчи, род. доче́ри, дче́ри, но въ имен. падежѣ вмѣсто *и* подставили *ъ* (или же замѣнили окончаніе *и* согласнымъ изглашеніемъ), и вышло дочь, а уже послѣ того остальные падежи примѣнили къ именительному, чему содѣйствовала также аналогія слова мать, ма́тери.

Стр. 34, стр. 14. См. Акцентовочныя таблицы, стр. 262, прим. 2.

---

[1]) Срв. A. Leskien. Die Deklination im Slavisch-litauischen und Germanischen Leipzig 1876. S. 4.

Стр. 38, стр. 19. По словамъ Срезневскаго, Русскіе заимствовали просодіи въ XV в. отъ православныхъ Славянъ задунайскихъ, которые употребляли ихъ уже въ XIV в. Употребленіе просодій привилось скоро: къ концу XV в. оно сдѣлалось почти общимъ, въ XVI в. перешло въ печатныя книги и становилось все болѣе правильнымъ, болѣе русскимъ, удаляясь отъ вліянія нерусскаго выговора. И. Срезневскій. О русскомъ правописаніи. Письмо I. Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. 1867 Май, стр. 458 и 460.

Стр. 39, стр. 4. Катковъ вовсе не утверждаетъ, чтобы русское удареніе во всѣхъ случаяхъ было замѣнителемъ долготы, а выражается слѣдующимъ образомъ: «если слово содержитъ въ себѣ слогъ долгій, то оно удерживаетъ на немъ удареніе, и удареніе въ этомъ случаѣ постоянно; когда же, напротивъ, нѣтъ въ рѣченіи долгаго слога, удареніе является бѣглымъ». Однако и въ такомъ видѣ его мнѣніе о русскомъ удареніи не выдерживаетъ критики. См. стр. 247 и 273—275 (III A 1, акъ, ача оунъ).

Стр. 44, прим. 1. На счетъ мнѣнія Ковачевича см. еще гл. III, стр. 87, пр. 5.

Стр. 49, прим. 1. Мнѣніе Данчича см. на стр. 79.

Стр. 54, 2а. Это явленіе можно бы назвать *польскою* гибкостью.

Стр. 54, прим. Въ древности акцентовки дȗжан, дȗжна, дȗжно, дȋчан, дȋчна, дȋчно нельзя быть вполнѣ увѣрену: можетъ быть, они лишь послѣ того, какъ сдѣлались двусложными, подошли подъ аналогію дра̑г, дра́га, дра̑го, а первоначально произносились дължь̑нъ, -ьна̑, -ьно̑ или дължьнъ, -ьна, -ьно.

Стр. 55, стр. 2 сн. О мѣнѣ акцентовки при склоненіи см. также примѣчанія къ таблицамъ (стр. 235 пр. 1, 239 пр. 3, 240 пр. 3 и 7, 241 пр. 1 и 5, 242 пр. 9, 245 пр. 1, 250 пр. 3, 255 пр. 1, 257 пр. 6 и 266 пр. 4).

Стр. 58, стр. 14 сн. См. еще гл. XIV, стр. 224, прим. 4. Срв. также гл. IV, стр. 120, пр. 4.

Стр. 60, пр. 2. Въ гл. VI, стр. 146—147.

Стр. 63, пр. 3. Слѣды чакавскаго акцентованія, по словамъ Мажуранича, до сихъ поръ сохраняются въ Босніи (въ Сараевѣ, около Крешева, Новаго Базара и по Савѣ), въ Славоніи (по Савѣ), въ восточной Сербіи (въ такъ называемомъ Ресавскомъ говорѣ), на Черной горѣ, въ Барской нахіи Албаніи, а также около Котора и Дубровника. Mažuranić. Slovn. hèrv., стр. 24, прим.

Стр. 66, стр. 1 сн. См. еще гл. XIV, стр. 224.

Стр. 73, стр. 21. См. стр. 60, прим. 1.

Стр. 73, стр. 7 сн. Караджичъ, должно быть, не придумалъ двойной грависъ, но, заимствовавъ его изъ рукописей, или старопечатныхъ книгъ [см. стр. 72 (3)], придалъ ему только новое значеніе.

Стр. 75, пр. 4. Въ «Иллирской грамматикѣ» (Ilirska slovnica. Sastavi Vĕkoslav Babukić. U Zagrebu 1854) Бабукичъ различаетъ въ § 4 (str. 5) гласные *краткіе:* à, ò, ù, è, ì, и *долгіе*, которые подраздѣляетъ на *кратко-долгіе:* á, ó, ú, é, í и *долгократкіе:* â, ô, û, ê, î. Собственно акцентовкѣ посвященъ § 7 (str. 30—37): въ немъ говорится о качествѣ и мѣстѣ ударенія, о различіи между акцентовками Штокавцевъ, Чакавцевъ и Кайкавцевъ (довольно, впрочемъ, поверхностно) и т. д. Удареніе, по опредѣленію этой грамматики, состоитъ въ томъ, что одинъ слогъ произносится *рѣзче* [oštrie — sèlo = sello], или съ *большимъ вѣсомъ* [težje — glád (Кар. глâд) = glàád; glâva (Кар. глáва) = gláàva]. Такимъ образомъ, и тутъ мы находимъ 3 просодіи (znaci kojimi se naglasak bilježi) — грависъ (težki), акутъ (oštri) и циркумфлексъ (zavinjeni). *Грависъ* «усиливаетъ выговоръ слѣдующаго согласнаго, который какъ-бы сдваивается: bàra (= barra), měra = mjèra (= mjerra), ptìca (= pticca)», *акутъ* (Вуковъ циркумфлексъ) «указываетъ на усиленный выговоръ гласнаго, который произносится сначала какъ-бы съ быстрымъ пониженіемъ голоса (̀), а послѣ происходитъ протяженіе (́) и какое-то округленіе (glas kao hitro padne (̀) pa se onda otégne (́) i kao okruglo razlazi se): glád (= glàád), zórka (=zòórka), krúg (= krùúg)»; *циркумфлексъ* (Вуковъ акутъ) «состоитъ изъ долготной и изъ краткостной просодіи [naglasak zavinjeni (̂) sastavljen je iz dugačkogai kratkoga] и указываетъ на то, что сила выговора падаетъ на гласный, такъ, что сначала происходитъ какъ бы протяженіе (́), а потомъ внезапное пониженіе голоса [glas se najprie kao protegne (́) pa onda najednoč padne (̀)]: grâna (= gráàna), sîrak (= sîirak), čvôrak (= čvóòrak). Кажется (rekao bih), что Нѣмцы для выраженія такого выговора присоединяютъ къ гласнымъ буквамъ h или e: ah, oh, uh, eh, ie (!)».

Стр. 80. Во 2-мъ изданіи Сравнительной фонетики, Миклошичъ говоритъ о сербскихъ удареніяхъ въ слѣдующихъ словахъ: ˝ означаетъ самый краткій гласный, ˋ — менѣе краткій, произносимый не такъ быстро, ˊ выражаетъ восходящую, ˆ — нисходящую долготу (steigende länge, sinkende l.). Vergleichende lautlehre. Wien 1879, S. 406.

Стр. 81, стр. 15—16. Срв. однако мнѣніе Мазинга, стр. 45.

Стр. 81, стр. 28. Терминъ «слабое» удареніе мнѣ въ настоящее время представляется не особенно удачнымъ и я удерживаю его только за неумѣніемъ найти лучшій.

Стр. 89, стр. 7. Вопросъ о музыкальности словенскаго акцентованія

лучше всего можетъ быть рѣшенъ путемъ сравненія подобозвучныхъ, но (по показаніямъ Шкрабца и Валявца) разноударныхъ словъ; каковы нпр. имен. пад. ljudî и род. — ljudí, вин. nωgô и твор. — nωgó, повелит. leží-mω, -te, -va, -ta, mísli, -imω, -ite, -iva, -ita и наст. — ležímω, -te, -va, -ta, mîsli, -imω, -ite, -iva, -ita.

Стр. 89, стр. 13. Однако въ своей книгѣ о Словенскомъ языкѣ Левстикъ мимоходомъ упоминаетъ о 4-хъ родахъ ударенія. Fr. Levstik. Die slovenische Sprache. S. 3.

Стр. 90, пр. 1. У Мурки ê и ô являются только въ его грамматикѣ: въ словарѣ онъ пишетъ shèna, zhèlo, plèsti, kòsa, vòda, globòko.

Стр. 91, стр. 11 сн. См. также стр. 134, стр. 13 сн.

Стр. 92, пр. 2. См. еще гл. XIV, стр. 227. Къ приведеннымъ уже великорусскимъ формамъ на тé могу еще прибавить слѣдующія: несетé, продадитé, хотитё, дадитé, пойдетé, ѣдетé, явитéсь, проѣдитé, пропадитé, лежитé, полетитé (М. А. Колосовъ. Замѣтки о языкѣ и народной поэзіи въ области сѣверно-великорусскаго нарѣчія. Прил. къ XXVIII т. З. И. А. Н., № 4, стр. 22, 67, 74).

Стр. 94, стр. 21. О словахъ lân и т. д. въ VI гл. говорится на стр. 140—141.

Стр. 94, пр. 3. См. стр. 140—141 и 1 отд. табл., IV и Б, стр. 259.

Стр. 95, стр. 8. Вм. «русскіе противни этихъ словъ суть слова *негибкія*», слѣдовало бы сказать — «слова накоренной акцентовки въ ед. ч.»

Стр. 95, стр. 20. Вм. «соотвѣтственныя русскія реченія всѣ принадлежатъ къ числу негибкихъ», слѣдовало бы сказать — «ударяютъ въ ед. ч. на корень.»

Стр. 97, стр. 17. Изрѣдка, впрочемъ, встрѣчается и у Резьянъ оттянутое ударéніе на краткомъ гласномъ, нпр. wŏda = серб. вòда.

Стр. 98, пр. 2. Противоположное явленіе представляетъ нижнекраинская акцентовка зват. падежа, какъ ее описываетъ Шкрабецъ, въ статьѣ «О словахъ съ двумя ударéніями», помѣщенной въ журналѣ Cvetje z vrtov sv. Frančiška izdaja in vrejuje P. Evstahij Ozimec. Зват. п. въ Нижней Крайнѣ (по крайней мѣрѣ въ Рыбницѣ), когда употребляется отдѣльно, или занимаетъ первое мѣсто въ предложеніи, получаетъ 2 ударенія: tẽtă [1]), măti ljûba! Jănẽz! (Обратимъ вниманіе на краткостное ударéніе неконечныхъ слоговъ). Долгій начальный слогъ сохраняетъ долготу, только ударéніе его слабѣетъ: strínă! Jóžẽ! Когда же въ обращеніи не лежитъ особеннаго аффекта и нетерпѣнія, первое ударéніе вовсе изчезаетъ, и отмѣченный имъ слогъ, если

[1]) Двойнымъ грависомъ я замѣняю употребленный Шкрабцемъ простой грависъ.

онъ дологъ, сокращается: tetà! matì ljûba! Janèz! strinà! Jožè! и т. д. Гласные, однако, сохраняютъ свойственную имъ подъ удареніемъ окраску: і и о не переходятъ въ глухое і (почти = ъ) и въ ω. [Здѣсь, такимъ образомъ, являются безударные, но чистые гласные; существуютъ также гласные ударяемые и протяжные, но вмѣстѣ съ тѣмъ глухіе: въ вопросительной рѣчи, слово mati можетъ произноситься matí, причемъ і звучитъ такъ же глухо, какъ безударное і въ máti]. Шкрабцева акцентовка звательнаго падежа носитъ риторическій характеръ, и позволительно сомнѣваться, чтобы она исключительно господствовала въ нижнекраинской рѣчи. Верхнекраин. звательный, конечно, есть именительный, унаслѣдовавшій акцентовку отжившаго свой вѣкъ настоящаго звательнаго, и въ такомъ смыслѣ Шкрабецъ правъ, когда, наравнѣ со своимъ нижнекраинскимъ акцентованіемъ этого падежа, называетъ неорганическимъ и верхнекраинское. Кромѣ зват. падежа, у Шкрабца говорится о двойномъ удареніи въ повелительномъ и у нѣкоторыхъ мѣстоименій и союзовъ. Въ томъ-же журналѣ помѣщена статья того-же автора объ акцентовкѣ словенскаго повелительнаго. Указанныя статьи извѣстны мнѣ по извлеченію, сдѣланному изъ нихъ Валявцемъ (Archiv für slavische Philologie. B. V. S. 157—161).

Стр. 99, пр. 2. См. Акц. табл., стр. 269 и 275.

Стр. 100, 16 сн. Вмѣсто «нерѣдкихъ» отклонсній, слѣдовало бы говорить о «весьма частыхъ.»

Стр. 107, пр. 2. Отмѣчу еще мѣстныя формы сѣверно-великорусской рѣчи: гладкóй, крупнóй (= серб. глàткӣ, крȕпнӣ), жаркóй, крѣпкóй, нѣшóй, толстóй, усталóй. (Колосовъ. Зам. о яз. и нар. поэз. Прил. къ З. И. А. Н.. Т. XXVIII, стр. 22 и 45).

Стр. 108, стр. 2. Чтобы объяснить баритонность членной формы окситонныхъ прилагательныхъ, можно сдѣлать слѣдующее предположеніе: эти прилагательныя, сростаясь въ одно слово съ указательнымъ мѣстоименіемъ, стремились сохранить свою окситонность и потому не лишили мѣстоименіе его акцента, а сами ему подчинились, такъ что изъ выраженій дȏбръ -и́, добрà -jà, добрȏ -jè, род. добрà -jегȏ, добры́ -jе́ӈ, дат. добрȕ -jему́, добрѣ́ -jе́и и т. д. вышло добръи́, добраjà, доброjѐ, род. добрàjегȏ, добрыjе́ӈ, дат. добруjему́, добрѣ́jе́и. [Подобнымъ же образомъ отъ печѐнъ, -енà, -енȏ (рус. печéнъ, -енá, енó, серб. пѐчен, печѐна, -о, слов. péčen, pečéna, -ω) образовали печенъи́, -ajà, ojѐ и т. д.]. Когда, вслѣдствіе стяженія въ косвенныхъ падежахъ, прежнія выраженія окончательно обратились въ слова, и образовалась новая грамматическая категорія членныхъ прилагательныхъ, добрāгȏ, добрȕмȕ и тому подобныя формы легко могли подчиниться аналогіи другихъ членныхъ прилагательныхъ (въ родѣ богàтыи, вѣчьныи) и пе-

ренести удареніе на корень, или на первичную наставку, что и привело къ выговору до́брыи, -аја, -оје и печѐныи, -аја, -оје. — Выговоръ dωbrъgā, dωbrъmū, весьма похожій на предполагаемый мною добрāго́, -ӯмӯ, мы видѣли у Краинцевъ (стр. 106), но онъ свойственъ прилагательнымъ неопредѣленнаго значенія и служитъ доказательствомъ въ пользу моей гипотезы не можетъ. — Для объясненія прилагательныхъ гнѣдо́й, живо́й и т. д. и сербскихъ противней ихъ, нужно или допустить, что не всѣ окситонки прислонялись къ члену (живо́го, живо́му = живѐаго, живӯему), или, что, послѣ стяженія, нѣкоторыя перенесли удареніе на тѣ же гласные, на которые ударяютъ въ нечленной формѣ. [Именительный живо́й (= живъи или живъи) во всякомъ случаѣ есть продуктъ уподобленія остальнымъ падежамъ].

Стр. 110, стр. 9. См. еще гл. XII, стр. 204, пр. 2.

Стр. 115, стр. 8. На счетъ слова злато́ срв. дополн. къ стр. 205.

Стр. 115, пр. 1. См. Акц. табл. стр. 262, пр. 2.

Стр. 116, стр. 6 сн. «При одинаковомъ удареніи» поставлено, по недосмотру, вм. «при одинаковой акцентовкѣ».

Стр. 117, пр. 3. Таковы еще ъгъл — ъгли́, ъзъл — ъзли́.

Стр. 120, стр. 17. Уже по написаніи этихъ строкъ я изъ повѣсти Любена Каравелова «Неда» вычиталъ выраженіе на́ краки (скокнъх на́ краки). Вѣроятно, существуютъ и другія прислоночныя выраженія.

Стр. 128, пр. 2. Даже въ Сербскомъ языкѣ, несмотря на частое употребленіе нечленной формы прилагательныхъ, нѣкоторыя слова произведены отъ членной формы, или, по крайней мѣрѣ, сближены съ нею по акцентовкѣ. Таковы слова пра̂знӣк, -а и хла̂днӣк, -а бесѣдка (отъ пра̂знӣ, -а̄, -о̄, хла̂днӣ, -а̄, -о̄), стоящія рядомъ съ пра̀знӣк, празни́ка пустой улей, бѣднякъ и хла̀днӣк, хладни́ка зонтикъ, которыя происходятъ отъ пра́зан, -зна, -зно и хла́дан, -дна, -дно.

Стр. 131, стр. 21. Не опровергается ли построенная мною теорія прилагательными въ родѣ ужа́сный, степе́нный, поле́зный отъ у́жасъ, сте́пень, по́льза, которыя по ней должны бы звучать у́жасный, сте́пенный, по́лезный, или ужасно́й, степенно́й, полезно́й? Полагаю, что отъ указанныхъ существительныхъ первоначально образовали нечленныя формы ужасе́нъ, -сна́, сно́, степене́нъ, -на́, -но́, полезе́нъ, -на́, -но́, отъ которыхъ, какъ до́брый, -ая, -ое, отъ до́бръ, добра́, -о́, произвели членныя — ужа́сный, -ая, -ое, степе́нный, -ая, -ое, поле́зный, -ая, -ое. Нынѣшнія «усѣченныя» формы позволительно считать дѣйствительно усѣченными, т. е. продуктомъ позднѣйшаго отвлеченія отъ «полныхъ».

Стр. 132, стр. 13 сн. Иногда *предложныя* реченія ударяютъ и *на суффиксъ:*

Рус.: заéмъ, -ймá [заéмъ, зáйма], наéмъ, -ймá, посóлъ, -слá, завитóкъ, -ткá, помелó, Покрóвъ, -овá (рядомъ съ покрóвъ, -а), поплавóкъ, -вкá, образéцъ, -зцá, погребéцъ, -бцá, продавéцъ, -вцá, сорванéцъ, -нцá.

Серб. зáјам, -јма, нáјам, -јма, пòсао, -сла, додáтак, -тка, напúтак, -тка, почéтак, -тка.

Слов. Zasẽ̀p, -spà (Zâsъp, -spa), pȍkrωv, pωkrȍva (pωkróva).

Стр. 135, пр. 1. Слово *аффиксъ*, по недосмотру, поставлено вм. *префиксъ*.

Стр. 136, стр. 9. Въ словѣ sókъrvica удареніе, быть можетъ, оттянуто.

Стр. 137, стр. 9. Слово Владиміръ, хотя иностранное, очевидно было осмыслено и подведено подъ эту категорію.

Стр. 137, стр. 12. У Сербовъ всетаки есть исключенія: слова̀, приведенныя на той же страницѣ, пр. 2.

Стр. 140, стр. 7. Слово исповѣднїк, -едни́ка принадлежитъ сюда только по имен. падежу: между остальными замѣчается несоотвѣтствіе иного рода. Таково же слово пàстӣр, пастúра, при рус. пáстырь, -я, и нѣкоторыя на ара и ъкъ.

Стр. 140, стр. 16. См. еще стр. 107 пр. 2 и дополненіе къ ней, стр. 316.

Стр. 143, стр. 9. Отношу сюда въ настоящее время и слово *языкъ* [см. Табл., стр. 268, пр. 13]; также дочь, дóчери [см. доп. къ 33 стр. (V, 1)] и сéрна [см. табл., стр. 254].

Стр. 143, пр. 2. См. Табл., стр. 241, прим. 4.

Стр. 153, стр. 12. Можно прибавить еще слово mdloba = мадлока. и старочешское dřvi, dřvī (см. гл. IX, стр. 180).

Стр. 155, стр. 6 сн. Bju, pju едвали ни = бьјоң, пьјоң.

Стр. 158, пр. 3. Первенство въ словѣ (во всѣхъ падежахъ, кромѣ именительнаго ед. ч.) должно было принадлежать наставкамъ āk, īk (послѣдней не у всѣхъ словъ, но у многихъ) въ предполагаемый мною переходный періодъ, когда чешское размѣщеніе удареній совпадало со *штокавско-сербскимъ*.

Стр. 163, пр. 3. Стихотворецъ въ этихъ стихахъ, очевидно, главнымъ образомъ выѣзжаетъ на «положеніи».

Стр. 164, стр. 7 сн. We smẽšnej gjardosći. Надъ è слѣдовало бы поставить просодію.

Стр. 165, стр. 13. We mrẽšu. См. предыдущее примѣчаніе.

Стр. 167. Къ перечисленнымъ здѣсь настоящимъ односложкамъ Лужицкаго языка можно прибавить еще нижнелуж. слово spło = стакло.

Стр. 180, стр. 8. Можно еще добавить формы притяжательнаго мѣстоименія tuch, tumi, которыя я вывожу изъ moich, moimi: опущенное *o* оставило по себѣ слѣдъ въ твердости согласнаго и обратило узкое *i* въ

болѣе широкое *y*. Говорить, вмѣстѣ съ Миклошичемъ [Ueb. die lang. Voc., S. 18 (4)], о стяженіи *oi* въ *y* я не могу.

Стр. 182. Дополненіе 1-ое. Предположивши для Польскаго языка переходную отъ вольной къ одномѣстной оттяжечную акцентовку, можно принять предложенное Миклошичемъ (Ueb. die lang. Voc., S. 22) объясненіе наставокъ ego и emu изъ ajégo, ajému (такъ же объясняетъ онъ себѣ и чешскія ēho, ēmu). Необходимо, однако, допустить притомъ мою гипотезу о членной формѣ окситонныхъ прилагательныхъ (см. стр. 316, доп. къ 108 стр.), и построить основныя формы добраегѡ, -уемѡ, которыя путемъ оттяжки дали добраѐго, -уѐму, а послѣ стяженія — добрéго, -ému. Отъ подобныхъ прилагательныхъ могли заимствовать эти окончанія и другія (въ родѣ богѧтаего, -уему), которыя вѣроятно предпочли регрессивное уподобленіе и образовали окончанія āго и ӯму. — Нужно еще оговорить, что Миклошичъ выводитъ добрēго, -ēму собственно не изъ добраéго, -уéму, а изъ доброéго, -оéму, очевидно — потому, что *aje* стягивается въ ā: volāš, volā, znāš, znā. Ueb. die lang. Voc., S. 14. Но дѣло въ томъ, что въ глаголахъ стяженію подвергается ája, а въ прилагательныхъ мы, вмѣстѣ съ Миклошичемъ, предполагаемъ ajé. Въ существованіе формъ доброего, доброему и подобныхъ имъ я, вслѣдъ за Лескинымъ (Die Declination im Slavisch-litauischen und Germanischen, S. 132—138), рѣшительно отказываюсь вѣрить. При такомъ взглядѣ, не могу не отвергнуть также Миклошичево объясненіе серб. формъ дѡ́брōга,-ōму изъ доброéго,-оему и вполнѣ удовлетворяюсь объясненіемъ окончаній ōга, ōму аналогіей мѣстоименнаго склоненія: ōга, ōму суть среднія пропорціональныя между āго, ӯму (дѡ́брāго, -ӯму) и ŏго, ŏму (тѡ́го, тѡ́му). *А* вмѣсто *о* въ родительномъ есть явное заимствованіе изъ именнаго склоненія (Срв. рус. менѧ, вм. менé).

Стр. 182. Дополненіе 2-ое. Опредѣлить, хотя-бы приблизительно, время образованія теперешней польской акцентовки — насколько я могу о томъ судить — нѣтъ никакой возможности. Полагаю поэтому, что объяснять какіе-нибудь звуковые переходы въ Польскомъ языкѣ вліяніемъ древняго ударенія (можетъ быть задолго передъ тѣмъ уступившаго мѣсто новому) ни коимъ образомъ не слѣдуетъ: считаю нпр. совершенно неосновательнымъ предположеніе К. Аппеля [Замѣтки о древне-польском языкѣ. I. К вопросу об ударенiи и количествѣ. Русскій Филологическій Вѣстник. Т. III (1880 г.) стр. 14—15], что переходъ je въ jo у Поляковъ, такъ же, какъ у Русскихъ, первоначально былъ слѣдствіемъ ударяемости, и что выговоръ wiodę, niosę, wiosło, czoło, jezioro, żona, siostra замѣнилъ прежній wiedę, niesę, wiesło, czeło, jeziero, żena, siestra [соотвѣтствовавшій основному ведѡ́ҵ, несѡ́ҵ, весло́, чело́, е́зеро, жена́, сестра́] только *по аналогіи* съ niosł (те-

перь — niûsł), wiozł (теперь — wiûzł), wiosła, czoła, jeziora, żony, siostry [= рус. нёсъ, вёзъ, вёсла, чола, жоны, сестры]. Если и допустить, что въ Русскомъ языкѣ расширеніе вызвано удареніемъ — хотя, кажется, ударяемость только благопріятствуетъ ему, а безударность мѣшаетъ, — и предположить ту же причину для Польскаго языка, всетаки нѣтъ основанія приписать расширяющее вліяніе одному *исконному* удареніе и не приписывать его также *новѣйшему*, которое легко могло установиться до того времени. Еще частныя замѣчанія на счетъ Аппелевскихъ примѣровъ: 1) Аналогіи одиночныхъ формъ niosł, wiozł трудно было пересилить аналогію болѣе многочисленныхъ и болѣе близкихъ формъ niesiesz, niesie, wieziesz, wiezie и т. д. 2) Примѣры вёсла, чола, жоны, сёстры выбраны неудачно: древность накоренной ихъ акцентовки подлежитъ большому сомнѣнію. См. Акцент. табл., стр. 246, 250, 251 и 303.

Стр. 184, стр. 3. Выраженіе omîlime sa представляетъ удареніе на 4-мъ слогѣ съ конца и по недосмотру попало не въ ту группу.

Стр. 192, пр. 2. Такой слѣдъ, по всей вѣроятности, должно видѣть въ рукописномъ no sime, noossime = но́ зими. Читать но зи́ми едвали будетъ вѣрно, т. к. полаб. *o* обыкновенно принимаетъ удареніе; но, если и слѣдуетъ акцентовать такимъ образомъ, всетаки самое появленіе *o* въ предлогѣ доказываетъ, что онъ, если не въ этомъ случаѣ, то во многихъ другихъ былъ носителемъ акцента.

Стр. 195, стр. 12. Серб. гњи́ла, повидимому, несовпадающее съ рус. гли́на и съ полаб. глейно, смѣло можно отожествлять съ ними, объявивъ его переиначеннымъ изъ гли́на, подъ вліяніемъ прилагательнаго гњи́о, гњи́ла, -о (гњи́лӣ, -ā, -ō).

Стр. 201, стр. 7. На счетъ но зими см. дополн. къ стр. 192, прим. 2.

Стр. 205, стр. 12. Дополненіемъ къ закону Миклошича могутъ служить слѣдующія замѣчанія Ф. Фортунатова объ акцентовкѣ и вокализаціи плавно-чистыхъ созвучій у Болгаръ, Верхнихъ лужичанъ и Словаковъ (противъ которыхъ, однако, можно сдѣлать нѣкоторыя возраженія): 1) Русскимъ созвучіямъ о́ло, о́ро и т. д. соотвѣтствуютъ *болг. ла, ра* и т. д., *безъ ударенія*: брашно́, драго́, злато́, врат-ъ́т, глад-ъ́т, град-ъ́т, прах-ъ́т, срам-ъ́т, хлад-ъ́т; дърво́ (ъ = ѣ?), чрево́, брег-ъ́т, плен-ъ́т (по-рус. поло́нъ, но по-серб. пле́н). Замѣтимъ однако бла́го, мра́в-ът (= серб. мра̂в), мра́к-ът; также побочныя формы бра́шно, зла́то, брја́г-ът. У *Верхнихъ лужичанъ* являются o, je, jo: złoto, brjoh, drjewo, črjewo [врѣгъ въ словарѣ Пфуля отмѣчено въ видѣ brjoh, brjoha (значитъ холмъ) и въ видѣ brjeg, brěg, а слово кранъ звучитъ wron, wrona]. 2) Рус. оло́, оро́ и т. д. у Болгаръ соотвѣтствуютъ *ударяемыя ла, ра* и т. д.: бла́то, вла́га, кра́ва, сра́ка, вла́х-ът, мра́з-ът, пра́г-ът, бре́ме,

плјáва. Исключаются грах-ът, трап-ът (= серб. трâп, род. трâпа Маж., трàпа Кар.) и побочныя формы мраз-ът, праг-ът. *Верхнелуж.* вокализація этихъ созвучій есть o, ě (= первонач. ō, ē): bloto, wrona, kruwa, brěza, brěmjo. Если въ словахъ droha, sloma не является o, такъ потому, что за *o* слѣдуетъ въ одномъ гортанный, въ другомъ — губной, которые препятствуютъ сжатію и въ односложныхъ, какъ roh, dom. У *Словаковъ* какъ óло, такъ и олó передается посредствомъ lă. Исключается слово mrāz = чеш. mrāz, mrazu, рус. морóзъ, серб. мрáз, болг. мрáз-ът или мраз-ът. Ph. Fortunatov. Zur vergleichenden Betonungslehre der lituslavischen Sprachen. Arch. f. slav. Philol., B. IV, S. 575—589.

Стр. 205, стр. 17. Замѣчательно, что *род. п. мн. ч. реченій на а* у Чеховъ становится въ рѣзкое противорѣчіе съ формами всѣхъ остальныхъ языковъ, сохраняющихъ количество, или слѣдъ количества. Указанный падежъ у Сербовъ, Штирійскихъ словенцевъ, Малороссовъ, Поляковъ и Лужичанъ протягиваетъ (или сжимаетъ) гласный корня, или первичной наставки: серб. жéнā, крâстā, трèшāњā, отъ жèна, крâста, трèшња (срв. стр. 101, прим.); штир. žēn, vōd, bāb отъ žěna, vŏda, băba; млр. гир, ниг, сліз, бериз, отъ гора, нога, слеза, береза; поль. wůd, nůg, ostrůg, dąg, rąk, otrąb, отъ woda, noga, ostroga, dęga, ręka, otręby; в.-луж. hor, kop, отъ hora, kopa (Jordan. S. 125). То же самое видимъ и въ Словацкомъ нарѣчіи, представляющемъ выговоръ brād, lĭp, nuoh, piat, klbās, kačĭc, kuchўň, iskier, отъ brăda, lĭpa, nŏha, päta, klbăsa, kačĭca, kuchўňa, iskra. Напротивъ того, Чехи въ этомъ падежѣ не только не протягиваютъ краткихъ гласныхъ, но даже (правда, не всегда) сокращаютъ долгіе: brāna, strouha, vīra, sīla образуютъ родительные мн. ч. bran, struh, vĕr, sil. Въ виду того, что, при сокращеніи гласнаго въ родительномъ множественнаго, сокращеніе происходитъ также въ дательномъ, творительномъ и мѣстномъ (brāna въ этихъ падежахъ представляетъ формы branām, branami, branách), мы склонны будемъ объяснять вокализацію родительнаго подражаніемъ дательному, творительному и мѣстному. Что́ же касается краткости гласнаго въ этихъ послѣднихъ (а также и въ твор. ед. ч. — branou), то она повидимому вызвана долготою, или двусложностью наставокъ. Аналогичныя явленія представляютъ: 1) словацкій законъ сокращенія примыкающей къ долгому корню наставки, который порождаетъ выговоръ bielў, čĭtă, tiahnŭ, kūpă, рядомъ съ dobrў, volā, vinū, činia, и 2) сербскіе дательные брàдама, глàвњама, грàнама, лу̀кама и т. д., отъ словъ брáда, глáвња, грáна, лу́ка и т. д. (См. доп. къ стр. 252—255). — Переходъ ударенія, аналогичный измѣненію количества, мы встрѣчаемъ въ русскихъ родительныхъ бородъ́, голóвъ, сторóнъ и т. д., а также въ род. м. р. волóсъ (при именительныхъ

борода́, голова́, сторона́, во́лосъ), т. к. эти родительные въ Сербскомъ языкѣ звучали бы бра̏д, гла̏в, стра̏н, вла̂с, а имен. звучатъ бра́да, гла́ва, стра́на, вла̂с. Акцентовку ихъ — какъ и краткость чешскихъ bran, vĕr — слѣдуетъ признать неорганическою: полагаю, что бо́родъ, голо́въ, сторо́нъ, волосъ произносятъ вм. бо́родъ, го́ловъ, сто́ронъ, во́лосъ, въ подражаніе другимъ окситоннымъ формамъ—бородама̀ъ, -а̀ми, -а̀хъ, волоса̀, -а̀мъ, -а̀ми, -а̀хъ и т. д. У слова во́лосъ установленію наконечной акцентовки могло содѣйствовать также желаніе отличить род. мн. ч. отъ имен. ед.

Стр. 208, пр. 2. Первичную акцентовку, можетъ быть, представляетъ слово svĭtati = серб. свѝтати (свѝhē): однако по-рус. свѣта́ть (свѣта́етъ).

Стр. 209, стр. 5. Срв. дополн. къ стр. 205, стр. 12.

Стр. 213, стр. 11. Это отмѣтилъ Ягичъ. Paralele k hrvatsko-srbskomu naglasivanju. Rad. XIII, str. 10—11. Впослѣдствіи Ягичъ по собственному слуху убѣдился въ вѣрности своихъ сопоставленій. См. Archiv für slavische Philologie. B. I, S. 110.

Стр. 214, стр. 8. Буква l не отмѣчается витымъ циркумфлексомъ сверху, а перехватывается имъ по срединѣ, т. е. получаетъ такой видъ, какой иногда имѣетъ польское ł.

Стр. 214, стр. 14. Такое предположеніе сдѣлалъ уже Ягичъ (Rad. XIII, str. 12—13). Срв. доп. къ стр. 213.

Стр. 220, стр. 8. Судя по существительнымъ, а также по нечленнымъ прилагательнымъ (gerā̀), окончаніе *а* въ ж. р. сократилось уже у Литвославянъ; но этому противорѣчатъ членныя прилагательныя: geroji = gerā-ja. Вѣроятно, *а* не было еще краткимъ, хотя начинало сокращаться.

Стр. 220, стр. 10. Во всѣхъ падежахъ, за исключеніемъ *звательнаго*. См. гл. XIV, стр. 226.

Стр. 221, стр. 10. Будучи склоненъ выводить лит. ávinas изъ* avĭnas, я однако не думаю утверждать, чтобы колебаніе акцента между корнемъ и флексіями трехсложнаго слова не могло быть явленіемъ древнимъ.

Стр. 222, прим. Напрасно Фортунатовъ съ лит. pálvas, géltas сравниваетъ рус. половой и чеш. plavȳ, žlutȳ: для сравненія годятся только нечленныя формы.

Стр. 232, прим. 3. И во второй части таблицъ слова каждаго языка расположены въ порядкѣ своихъ праславянскихъ (хотя бы и не существующихъ) противней: такъ, на 277 стр., слово волото́къ (= влатъкъ) предшествуетъ слову верш̨о́къ (= вьршькъ), слово пе́так (= пеⷮтъкъ) — слову пе́сак (= пѣсъкъ).

Стр. 232, прим. 2. Задаюсь, такимъ образомъ, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ вопросомъ о количествѣ глухихъ гласныхъ Праславянскаго

языка и не считаю основательнымъ напередъ утверждать, что они всегда были кратки: развѣ гласный не можетъ звучать неопредѣленно и въ то-же время протяжно? Впрочемъ, дѣйствительно, оказывается весьма мало словъ, которымъ можно приписать долгіе гласные этого рода, а именно: тѧрнъ (стр. 238), стѣлвъ (стр. 243), вѧрва (стр. 252 и доп.) и цѧркы (стр. 263)— во всѣхъ этихъ словахъ за глухимъ слѣдуетъ плавный согласный.

Стр. 233, стр. 7. Рядомъ съ формою вратъ въ Праславянскомъ языкѣ несомнѣнно существовала и форма вратръ [также рядомъ съ вратѧ (стр. 265) — вратрѧ]. Полагаю, что выговоръ вратъ, -а основанъ на звательномъ падежѣ вратє = bhrātar, который, разумѣется, долженъ былъ употреблятся весьма часто; выговоръ же вратръ, -а соотвѣтствуетъ род. *вратрє = bhrātras, дат. *вратрѝ = bhrātrai и т. д.

Стр. 241, стр. 16 сн. На словѣ львъ, по недосмотру, поставленъ отвѣсъ, вмѣсто двойного грависа: ѧ въ немъ несомнѣнно былъ кратокъ.

Стр. 242, I Б 1. Къ этой таблицѣ, кажется, слѣдуетъ прибавить слова жглъ и жѯлъ, См. стр. 285, подъ наставкою ѧлъ (б).

Стр. 247, III А 1. Слово вава у Чеховъ произносится не только bāba, но и bă̄ba, такъ что праславянской формѣ можно приписать краткое *a*: ба̄ба. На счетъ сербскаго слова гњѝла см. доп. къ стр. 195 (стр. 320).

Стр. 252, III Б 2. Былъ ли въ словѣ вѧрва долгій ѧ? У Чакавцевъ върба̄ представляетъ краткій глухой. Maž. Slovn., str. 18.

Стр. 252—255. Въ спискѣ окситонокъ на ѧ съ долгимъ кореннымъ гласнымъ (III Б 2) отмѣчено, что слово ру̀ка въ дательномъ множественнаго представляетъ краткій коренной гласный и звучитъ ру̀кама. Такіе же дательные свойствены и другимъ словамъ тѣхъ-же таблицъ, а именно: бра́да, лу́ка, слу́га, стра́на, стре́ла и сте́на; также не вошедшему въ таблицы исключительно сербскому слову гра́на, и производнымъ гла́вња, о́вца и сви́ња; а, можетъ быть, и еще нѣкоторымъ. См. у Даничича (Slavische bibliothek. B. I, S. 101).

Стр. 254, стр. 9. Слово сна́га въ винительномъ произносится сна̂гу. Кар

Стр. 255, стр. 2, 6 и 7 сн. См. доп. къ 220, стр. 8.

Стр. 256, IV 1 А. О краткости коренного гласнаго въ словѣ жглъ свидѣтельствуетъ также поль. węgiel. Въ Старополь. мы находимъ, правда, выговоръ wągiel, wągl (при родительномъ węgla), но въ именительномъ падежѣ долгота гласнаго вызвана первоначальною односложностью формы.

Стр. 257, IV II А 1. Слово дъвьрь во множ. числѣ, очевидно, произносилось двьѝри, двьрьѝ, двьрьмѝ, двьрьхъ: кромѣ польской формы этого слова (см. гл. IX, стр. 180), о такомъ выговорѣ свидѣтельствуетъ старочешская dřvi, dřvī.

Стр. 258, пр. 4. Односложныя формы krve, krvi существовали и въ Старочешскомъ языкѣ.

Стр. 259, стр. 9. См. гл. VI, стр. 140, стр. 14 сн.

Стр. 260, VII. О словенскихъ словахъ brе́me, vrе́me и plе́me рѣчь была выше, гл. III, стр. 96 (5) и 103 (прим. 2 къ 102 стр.).

Стр. 262, пр. 1. Въ Словенскомъ языкѣ нараще́ніе es указываетъ на основную форму дрѣко, дрѣкесе, въ которой только, подъ вліяніемъ слова dъrva, измѣнился коренной гласный. Впрочемъ, такое объясненіе годится также для болгарской и сербской формы этого слова; склоненіе дърво, дървета даже удобнѣе считать замѣною первоначальнаго дърво, дървеса, чѣмъ выводить его изъ дърво, дърва: допустить замѣну малоупотребительнаго нараще́нія *ес* весьма употребительнымъ нараще́ніемъ *ет* можно очень легко, но невѣроятно, чтобы въ твердое различіе 2-го склоненія, ни съ того, ни съ сего, внесли нараще́ніе.

Стр. 267, стр. 6. Серб. слово свињa образуетъ во множественномъ числѣ дательный свињама. См. доп. къ стр. 252—255.

Стр. 269, стр. 13. По-словенски слово ржанъ звучитъ gа́žъn, или gа́žъnj. Вторая изъ этихъ формъ, равно какъ и помѣщенное въ таблицу серб. ра́жањ, а также чеш. rožeň (употребительное рядомъ съ rožen) и поль. rożeń, собственно для сравненія съ рус. *рожонъ* не годится. Появленіе у Чеховъ и Поляковъ выговора rožen, вм. ожидаемаго rеžen, можно объяснить примѣненіемъ къ слову рогъ; у Лужичанъ же звукъ o (въ в. луж. rožen, н. луж. rožoп), такъ же, какъ и у Русскихъ, можно считать органическимъ. Именительный падежъ нашего слова, который по настоящему у всѣхъ Славянъ долженъ былъ утратить коренной гласный, вѣроятно возстановилъ его въ подражаніе остальнымъ падежамъ: рус. рожо́нъ, рожна́, вм. *ржонъ, рожна́.

Стр. 269, пр. 3. Не знаю, существуетъ ли соотвѣтствующій родительному ωvsа̑ именительный ωvъ̑s; но при резь. именительномъ ovă̑s, безъ сомнѣнія, стоитъ родительный ovsа̑.

Стр. 271, стр. 16. Если сербская акцентовка пољȃна не есть чакавизмъ (= пољȃна), то она указываетъ на основной выговоръ полјана̑ и не соотвѣтствуетъ русской.

Стр. 274, стр. 4 сн. Слово блрлогъ извѣстно также Словенцамъ и Чехамъ, а въ нѣсколько иной формѣ, и Русскимъ. Оно вошло въ табл. VII і Б, стр. 268.

Стр. 274, пр. 1. Исключеніе, правда иного рода, представляютъ слова коза́къ, -ака́ и пола́къ, -ака́: они — первое въ именит. множественнаго, а второе во всѣхъ его падежахъ — могутъ быть парокситонками [коза́ки,

поля́ки, -овъ, -амъ, (-ами), -ахъ, рядомъ съ козаки́, поляки́, -о́въ, -а́мъ, -а́ми, -а́хъ]. Парокситонныя формы, кажется, можно объяснить вліяніемъ *польскаго* акцентованія kozácy, Polácy, -kûw, -kom, -ki, -kach.

Стр. 275, стр. 12 сн. Рус. слову *мятежъ* въ Академическомъ словарѣ приписана акцентовка мятéжъ, мятéжа, соотвѣтствующая сербской—мéтеж, мéтежа, но, на мой слухъ, дикая.

Стр. 278, стр. 17 (б α). Къ слову початóкъ можно прибавить еще́ завитóкъ, -тка́, образóкъ, -зка́, погребóкъ, -бка́, поплавóкъ, -вка́.

Стр. 278, пр. 3. Только нѣкоторыя изъ этихъ словъ представляютъ бѣглый гласный.

Стр. 279. Серб. слово мудàрац, -рца произносится также му́драц, мудра̀ца.

Стр. 279—280. Раздѣленіе двусложныхъ (первоначально трехсложныхъ) словъ съ наста̃вкою ѧца на окситонки, баритонки и слова сомнительной акцентовки, съ подраздѣленіемъ послѣднихъ на уменьшительныя и названія лицъ и предметовъ по происхожденію, неудачно: и́ въ первыхъ двухъ группахъ встрѣчаются слова неодинаково акцентуемыя въ различныхъ языкахъ, такъ что слова третьей группы слѣдовало бы распредѣлить между первой и второй.

Стр. 282, пр. 3. Слов. рѡшѡčпíк находитъ себѣ соотвѣтствіе въ болг. помоштни́к.

Стр. 282, пр. 7. Производство слова сѣдѣнѣникъ отъ прилагательнаго *сѣдѣскъ едвали возможно.

Стр. 285, стр. 2. Баритонность реченій пе́карь и пи́сарь, кажется, можно объяснить у перваго — заимствованіемъ его изъ Нѣмецкаго (считая *пе*карь продуктомъ осмысленія слова Bäcker), у второго — вліяніемъ 3 л. наст. времени глагола писать (пи́сарь, кто пи́шетъ). Возможно также предположеніе, что оба слова заимствованы изъ польскихъ именительныхъ piékarz, pisarz. Послѣднее объясненіе годится и для слова лѣкарь (см. стр. 302, пр. 4), которое однако можетъ быть объяснено также, подобно слову писарь, вліяніемъ родственнаго глагола: лѣкарь, а не лѣка́рь, потому, что онъ лѣчитъ. — Обратимъ вниманіе на производное пека́рня, происходящее повидимому отъ окситонки *пека́рь, -аря́. Срв. впрочемъ отношеніе слова пова́рня къ по́варъ; причемъ однако не слѣдуетъ упускать изъ виду множ. число повара́ и возможность образованія слова пова́рня не посредствомъ суффикса, а посредствомъ префикса, отъ простого рѣченія ва́рня. (Кстати замѣтить: прибавка предлога *по* могла быть вызвана вліяніемъ слова поваръ).

Стр. 285, стр. 6. Къ словамъ ненасуффиксной акцентовки съ наставкою аръ можно прибавить рус. (церк.) рыбарь, которому соотвѣтствуетъ и серб. ри̏ба̄р, но не соотвѣтствуетъ болг. риба́р.

Стр. 285, пр. 2. Акцентовку слова при̏јатељ можно объяснить тѣмъ, что въ слогѣ *при* усмотрѣли предлогъ. См. гл. V, стр. 132 и 133 пр. 2.

Стр. 290, пр. 1. Или бързи̏ца, ситни̏ца и т. д. — чакавизмы, т. е.= бързи̏ца, ситни̏ца и т. д.?

Стр. 295, пр. 4. Всетаки существуетъ слово съ окончаніемъ ыня́ — простыня́; но представляетъ ли оно *наставку* ъыня?

Стр. 296, стр. 13—14. Кажется, вѣрнѣе было бы писать bridkȍst, visȍkȍst, dȍlgȍst и т. д. (А въ родительномъ — visȍkósti?).

Стр. 296, стр. 16—17 сн. Крѐпо̄ст, ми̏ло̄ст по-чакавски крипо̂ст, мило̂ст. Babukić, Ilirska slovnica, str. 33. Штокавская акцентовка, по Бабукичу, есть крѐпост, ми̏лост (kriépost, mìlost).

Стр. 297, стр. 1. Не есть ли выговоръ поко́рност чакавскій, или же книжный (новоцерковный, т. е. русскій)?

Стр. 297, пр. 3. См. также гл. V, стр. 128 (1).

Стр. 299, пр. 4. Не слѣдуетъ ли акцентовку слова достоја́ње считать книжною, т. е. русскою?

Стр. 300. стр. 14. Акцентовку слова rȍranje, какъ заимствованнаго изчужа (ȍ = нѣм. au), незачѣмъ считать оттяжечной.

Стр. 300, стр. 21. Слово пѣнье, въ которомъ ѣ принадлежитъ къ корню, попало сюда по недосмотру.

Стр. 302, пр. 2. Въ акцентовкѣ реченій госпо̀дство, кова́рство, пија́нство, постоја́нство, уби́ство, а также въ Мажураничевскомъ досто̀ја̄нство, позволительно видѣть чакавизмы, или руссизмы.

Стр. 305, стр. 12 (№ 10). Въ словѣ крѣтѣно наставка, разумѣется, не ѧно, ни ъно, ни просто но, а ѣно.

Стр. 305, стр. 16 (№ 10). У Словенцевъ существуетъ также (и, должно быть, даже преобладаетъ) баритонный выговоръ (v)lākȍ, gūmȍ и т. д.

УКАЗАТЕЛЬ[1]).

А: безударность звука *а* у Полабцевъ 194.
Акутъ, какъ знакъ долготы 69, 76.
Аористъ: акцентовка 2 и 3 л. сд. ч. въ аористахъ 143—145.
Арійская акцентовка 225—227.
Братръ 323, (доп. къ 233).
Буйволъ 145—146.
Бѣлгородъ 145.
Вабить 146.
Виноградъ 138, пр. 2.
Вонгль (wągl) 323 (доп. къ 256).
Въиграда (vigred) 135, пр. 3.
Выпаденіе: возможность выпаденія ударяемыхъ гласныхъ 154, пр. 3.
Глаголы[2]): отыменные глаголы на *ить* 14, пр. 2.
Гласный сокращается передъ гласнымъ 73, пр.
Гласный сокращастся при сложеніи, 145, пр. 3.
Голубица 129, пр. 2.
Греческая акцентовка 24, 35 пр. 2, 39 пр. 1, 47—48, 226—227, 228 прим.
Дательный, отличенный акцентовкою отъ мѣстнаго пр. 1 къ 201, 217, 233, 235 и 245, пр. 3 къ 239.
Двойное ударепіе въ Словенскомъ языкѣ 310 (доп. къ стр. 98, пр. 2).
Дичан 54 и доп. къ 54, прим. (313).
Дочь 312, (доп. къ 33, V 1).
Дужан 54 и доп. къ 54, прим. (313).
Его, ему изъ аѣго, уѣму 319 (1-ое доп. къ стр. 182).
Жечи 154, пр. 2.
Законъ Миклошича, 13 пр. 1, 39, 205.
Звательный падежъ 25, 31, 98 пр. 2, 118, 226, прим. къ табл. I Б и III Б (стр. 241, 242, 250, 255), 317 (доп. къ стр. 98 пр. 2).
Именительный ед. ч. м. р. баритонничаетъ 126, пр. 3, 214—215.

[1]) Въ этотъ указатель вошли лишь тѣ предметы, о коихъ говорится мимоходомъ, или не на своемъ мѣстѣ: нпр. подъ словомъ *оттяжка* не указывается на мѣста, гдѣ въ связномъ изложеніи толкуется объ оттяжкѣ у Сербовъ, Словенцевъ и т. д.— эти мѣста легко отыскать по оглавленію. Изъ отдѣльныхъ словъ въ указатель занесены лишь тѣ, которыя не помѣщены въ акцентовочныхъ таблицахъ, и тѣ, при занесеніи которыхъ въ таблицы не сдѣлано ссылки на текстъ. Свѣдѣній о неславянскихъ акцентовкахъ, кромѣ указателя, слѣдуетъ искать во Введеніи (только литовской акцентовкѣ посвящена особая глава).

[2]) См. также: Аористъ, Личныя наст., Настоящее вр., Первое л. Причастія.

Именительный ед. ч. на согласный, будучи односложнымъ, протягивается 207 пр. 4, 208 пр. 1.
Именительный ед. ч. на ъ, ѧ: производство отъ него словъ 129 (2).
Императрица 129, пр. 2.
Ица: отношеніе акцентовки словъ съ этою наставкою къ акцентовкѣ родственныхъ словъ 127 пр. 1 и 2, 129, пр. 1 и 2.
Йто, вм. это 153, пр. 2.
Ја, вм. ија, въ русскихъ словахъ 154, пр. 3.
Ји, или: сокращеніе коренного гласнаго передъ этой наставкой 210.
Кобылица 130.
Количество темныхъ гласныхъ 232, пр. 2 и доп. (стр. 322).
Кузница 130 (5).
Личныя наставки: ударяемость ихъ 92 пр. 2, 227.
Марья 154, пр. 3.
Мастерица 129, пр. 2.
Мене 114.
Мутан 54 и доп. къ 54, прим. (313).
Мѣстоименное склоненіе: вліяніе его на сложное 319 (1-е доп. къ 182).
Настоящее время 142 [1]).
Оѥ, распространительная наставка, 94, 96 пр. 2, 118, 235 пр. 1, 239 пр. 3, 240 пр. 3 и 7, 241 пр. 1.
Овдотья 154, пр. 3.
Односложные именительные см. именительные.
Одобрить 128.
Олень 133, пр. 1.
Опольскій говоръ, 40—41.
Отаџбенйк 64, пр. 2.
Отпаденіе: возможность отпаденія ударяемыхъ гласныхъ 154.
Оттяжка, мнимая, въ сложныхъ словахъ Русскаго языка 130 (5).
Пасквиль 135, пр. 2.
Пастырь 318 (доп. къ стр. 140, стр. 7).
Пекарня 325 (доп. къ стр. 285, стр. 2).
Первое лицо ед. ч. наст. вр.: окситонность его, при баритонности другихъ лицъ 102, пр. 2.
Плавныя созвучія: соотвѣтствіе между славянскою и литовскою ихъ акцентовкою 222, прим.
Поварня 325 (доп. къ стр. 285, стр. 2).
Повелительное: окситонность его у литовскихъ поляковъ 178, пр. 2.
Повелительное: словенская акцентовка его 316 (доп. къ стр. 98, пр. 2).
Полногласіе 31, 222 пр., 233 пр. 2 [2]).
Предлоги: ударяемость нѣмецкихъ предлоговъ 120, пр. 2.
Предложныя слова: отношеніе ихъ акцентовки къ акцентовкѣ простыхъ у Русскихъ и у Сербовъ 146 [3]).
Прилагательныя членныя и нечленныя и соотношеніе ихъ акцентовокъ 11—12, 17—19, 54, 104—108, 120—121, 140, 313 (доп. къ стр. 54, пр.), 316 (доп. къ стр. 108).
Прилагательныя нечленныя ж. р. у Русскихъ: склонность ихъ къ оксинности 40, 143.
Прилагательныя членныя: производство отъ нихъ словъ 128, пр. 2 и доп. къ н. (317).

---

[1]) См. также «Первое лицо».

[2]) См. также «Законъ Миклошича».

[3]) О предложныхъ словахъ говорится также на своемъ мѣстѣ, въ V главѣ.

Прилагательныя членныя: насуффиксная акцентовка ихъ 18—19, 107 пр. 2, 140.
Причастія на *л*: напредложная акцентовка ихъ у Резьянъ 108, пр. 2.
Различеніе сходныхъ словъ посредствомъ ударенія 16—17, 49—50, 74—75, 310 (доп. къ стр. 17).
Редак 54 и доп. къ 54, прим. (313).
Резьянская акцентовка: близость ея къ русско-чакавской 97.
Родительный падежъ мн. ч. у Сербовъ 53, 101 прим.
Родительный падежъ мн. ч.: сокращеніе въ немъ гласныхъ у Чеховъ и кажущіяся аналогіи тому въ Русскомъ языкѣ 321 (доп. къ стр. 205, стр. 17).
Румяный 147.
Санскритское удареніе 23 пр. 1, 39 пр. 1.
Сжатіе гласныхъ 40—41 [1]).
Слобода 31, 272.
Сокращеніе гласнаго передъ гласнымъ 73 пр.
Сокращеніе гласнаго передъ наставкою ji, ši 210.
Сжкрѣкица 136 и доп. къ ней (318).
Старецъ, старица 129.
Стеречи 154 пр. 2.
Ся: акцентуемость этой наставки въ прошедшемъ времени 145.
Тебе 114.
Толчи 154, пр. 2.
Турецкая акцентовка 156.
У: акцентовка темъ на ў 26, 96 пр. 2.
Усѣченныя прилагательныя, см. «Прилагательныя нечленныя».
Финская акцентовка 156, стр. 10 и пр. 3.
Французская акцентовка: развитіе ея изъ латинской 157.
Хлопота 31, 232 пр. 1.
Цѣсарь 142.
Членъ: ударяемость его у Эолійцевъ 120, пр. 3.
Ши, см. *ји*.
Штирійское количество 110, 204 пр. 2.
Ъ, ѣ, конечные: ударяемость ихъ, 126, пр. 2, 214—215.
Ъ, ѣ, количество ихъ 232, пр. 2 и доп. къ н. (стр. 322).
Ьцѣ: слова на *ецъ* и отношеніе ихъ къ словамъ на *ица* 127, пр. 1, 129 пр. 1.
Эолійцы: ударяемость члена у Эолійцевъ 120, пр. 3.

[1]) См. также гл. XII.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран.
Предисловіе	I—IV
Введеніе:	
Вопросъ о праславянской акцентовкѣ	1—2
Замѣчанія объ удареніи вообще. О качествѣ удареніа: удареніе хроматическое, экспираторное и т. д.	2
О мѣстѣ удареніа: Боппово дѣленіе акцентовокъ	—
Возраженія противъ Боппа	3—4
Дѣленіе акцентовокъ на одномѣстныя и разномѣстныя и подраздѣленіе ихъ	4—5
Замѣчанія о связанныхъ акцентовкахъ Грековъ, Римлянъ и Германцевъ	4—6
Замѣчанія о вольныхъ акцентовкахъ Древнихъ индусовъ, Литовцевъ и большинства Романцевъ	6—8
Акцентовка Арійскаго языка	8
Акцентовочная система I. Тругларя	8, прим.
Славянскія акцентовки. Относительная новость одномѣстныхъ акцентовокъ и предположеніе о праславянскомъ акцентованіи	9—10
Качественная сторона славянскаго удареніа	10

Глава I. Русская акцентовка.

Относительное единство русской акцентовки	11
Замѣчанія о разноударяемыхъ словахъ: далеко, широко	11—12
Молодецъ, община, дѣвица, нужда	12
Изобрѣтеніе, ворота, гражданинъ, христіанинъ, мірянинъ	13
Кладбище, сельбище, стрѣльбище, сердиться, замокъ, козлы	14
Пастьба	14, прим.
Складчина, маслина, губа, соколъ	15
Игуменья	16
Слова акцентуемыя на три и на четыре лада	—
О смыслоизмѣняющемъ значеніи удареніа	16—17
Замѣчаніе о своеобразной акцентовкѣ въ народныхъ пѣсняхъ	17—20
О качествѣ русскаго удареніа	20—22

Стран.
О мѣстѣ ударенія . . . . . 22—24
Гибкость словъ 24
Мѣна акцентовки по падежамъ у словъ м. р. . . . . 24—29
» ср. р. . . . . 29—30
» ж. р. на *а* . . . . . 30—32
» на *ъ*, род. *и* . . . . . 32—33
» наращаемыхъ . . . . . 33—34
Какимъ словамъ свойственна гибкость 34
Мнѣніе Кайсслера о гибкости русскихъ словъ . . . . . 34—35
Объ атонкахъ и прислонкахъ . . . . . 35—38
Замѣчаніе о просодіяхъ въ рукописяхъ 38
Взглядъ Каткова на русскую акцентовку . . . . . 38—40
Мнѣнія Л. Малиновскаго и П. Лавровскаго . . . . . 40—42
Вѣроятная древность русской акцентовки 42

Глава II. Сербо-хорватская акцентовка.

Общій характеръ сербо-хорватскаго произношенія 43
Различныя ударенія, связь ихъ съ количествомъ и способъ обозначенія. 43—45
Изслѣдованіе Мазинга . . . . . 44 прим. 1, 45—46
Замѣчаніе о выговорѣ ударяемыхъ *е*, *о*, *ъ* и «гласнаго» *р* . . . . . 46—47
Сходство сербскихъ ударенiй съ древнегреческими и латинскими . . . . . 47—48
Второстепенное нисходящее ударенiе . . . . . 48—49
Различенiе по акцентовкѣ подобозвучныхъ словъ . . . . . 49—50
Главное отличiе акцентовки Чакавцевъ отъ акцентовки Штокавцевъ . . . 50—51
Рѣзкое и нисходящее ударенiе у Штокавцевъ, на конечныхъ и срединныхъ слогахъ акцентныхъ единицъ . . . . . 51 пр. 1 и 2
Акцентовка односложныхъ словъ Сербскаго языка . . . . . 51—52
— двусложныхъ ж. и ср. р. 53
— — м. р. . . . . 53—54
— трехсложныхъ словъ . . . . . 54—55
Объ атонкахъ 56
О прислонкахъ (предлогахъ и союзахъ) . . . . . 56—58
Прислоненiе существительныхъ къ прилагательнымъ, нарѣчіямъ и числительнымъ 58
Соотношенiе между акцентовкою штокавскою и чакавскою . . . . . 58—59
Древность чакавской акцентовки . . . . . 59—60
Историческое значенiе штокавскихъ ударенiй 61
Объясненiе законовъ штокавскаго прислоненія . . . . . —
Оттяжка. Слѣдъ дооттяжечной акцентовки 62
Мѣстныя особенности въ акцентованіи . . . . . 62—63
Искаженiе выговора вслѣдствіе взаимодѣйствія штокавщины и чакавщины 63
Порча вслѣдствіе иноземнаго вліянія 64
Слова съ далеко отстоящимъ отъ конца ударенiемъ . . . . . 64—65
Мнѣніе Мажуранича о происхожденіи штокавской акцентовки . . . . . 65—66

Стран
Предположеніе, что чакавская акцентовка есть праславянская ..... 66—67
Мнѣніе Даничича о происхожденіи чакавскаго и штокавскаго акцентованія 67
Его историческое изслѣдованіе объ ударенiи ..... 67—71
Изслѣдованіе Новаковича о просодіяхъ сербскихъ первопечатныхъ книгъ 71—72
Очеркъ исторіи сербской акцентуаціи: Указанія Даничича и Новаковича ..... 72—73
Кашичъ и Делла-Белла 74
Вольтиджи, Стулли, Бабукичъ 75
В. С. Караджичъ ..... 75—79
Школьныя названія сербскихъ удареній 78
Ю. Даничичъ 79
Ф. Миклошичъ и М. Шуничъ ..... 80—81
А. Мажураничъ и Потебня 81
П. Будмани ..... 81—82
Ягичъ и Шкрабецъ 82
И. Берличъ 83
Л. Мазингъ ..... 83—84
Главные выводы о соотношеніи между акцентовками сербскою и русскою 84

Глава III. Словенская акцентовка.

Общій характеръ словенской акцентовки. Удареніе острое и протяжное. 85
Просодіи у словенскихъ грамматиковъ и у Бодуэна въ Опытѣ фонетики резьянских говоров ..... —
Замѣчаніе о выговорѣ *е* и *о* ..... 85 прим. 3
Мнѣніе о словенскомъ удареніи Л. Светца, Жепича и Янежича ..... 86—87
Замѣчаніе о качествѣ удареній у Поточника ..... 86 прим. 2
Мнѣніе Шкрабца и Валявца 87
О второстепенномъ удареніи и «ритмическомъ приголоскѣ» ..... 87—88
Просодіи у Бодуэна въ «Бохинско-посавскомъ говорѣ» ..... 88—89
Мой взглядъ на словенское удареніе 89
Возраженія противъ музыкальности словенской акцентовки Крека, Миклошича и Раича ..... —
Употребляемыя мною просодіи ..... 89—90
Любовь Словенцевъ къ напредконечной акцентовкѣ 90
Колебаніе между акцентованіемъ русско-чакавскимъ и штокавскимъ ... 91
Наконечная акцентовка и оттяжка ..... 91—92
Выдвижка ..... 92—96
Значеніе для выдвижки основъ на *у* ..... 96 прим. 2
Уменьшеніе числа гибкихъ словъ 96
Гибкія слова ..... 97—100
Отношеніе словенской акцентовки къ чакавской и русской: доказательство существованія оттяжки ..... 100—102
Значеніе для исторіи словъ ударяемыхъ е и ѡ ..... 101—102
Доказательства въ пользу выдвижки ..... 103—104

Стран.
Акцентовка словенскихъ прилагательныхъ: окситонныя формы ..... 104—106
Законъ Жепича и Поточника о передвиженіи акцента при образованіи членной формы ..... 106—107
Акцентовка членныхъ формъ у Русскихъ, Сербовъ и Резьянъ ..... 107—108
Слѣды старинной акцентовки словъ въ народныхъ пѣсняхъ 108
Соотношеніе между удареніями словенскими и сербскими ..... 109—112
Краткость неконечныхъ слоговъ. Средняя долгота ..... 109—110
Выдвижечное исходящее ударепіе 111
Главные выводы изъ главы о Словенской акцентовкѣ 112

Глава IV. Болгарская акцентовка.

Общій характеръ болгарскаго акцентованія 113
Сходство съ русскою акцентовкою ..... —
Оттяжечная акцентовка ..... —
Объясненіе нѣкоторыхъ случаевъ «оттяжки» 114
«Выдвинутое» ударепіе и объясненіе его въ нѣкоторыхъ случаяхъ ..... 114—115
Мой взглядъ на болгарскую оттяжку и выдвижку 115
Сходство выдвижечной акцентовки со словенскою ..... 115—116
Двоякое акцентованіе нѣкоторыхъ словъ 116
Отсутствіе звуковыхъ доказательствъ существованія оттяжки ..... —
Ослабленіе гибкости ..... 116—118
Гибкость словъ ж. р. на *а* ..... 116—117
— — ср. р. 117
— — м. р. ..... 117—118
— — ж. р. на согласный ..... 118—119
Баритонность звательнаго падежа 119
Слѣдъ гибкости въ видѣ колебанія ударенія ..... —
Ударяемость члена ..... 119—120
Слѣды прислоненія 120
Акцентовка болгарскихъ прилагательныхъ ..... 120—121
Акцентовка уцѣлѣвшихъ падежныхъ формъ ..... 121—122
Акцентовка нарѣчій ..... 122—123

Глава V. Дополненіе къ обзору юговосточныхъ акцентовокъ.

1. Акцентовка производныхъ реченій.

Наставки притягательныя, безотносительныя и отклонительныя ..... 124—125
О притягательныхъ наставкахъ ..... 125—126
Подражаніе словъ съ безотносительными наставками акцентовкѣ первообразныхъ ..... 126—127
Исключенія изъ этого закона ..... 127—128
Вѣрность его для наставки *ица* ..... 127, прим. 2

Стран

Предполагаемыя причины затемнѣнія закона «подражательнои акцентовки» производныхъ:

1. Примѣненіе къ выговору мнимаго первообразнаго ..... 128—129
2. Пренебреженіе косвенными падежами 129
3. Переиначеніе акцентовки по логическимъ соображеніямъ ..... 129—130
4. Разногласіе съ первообразнымъ вслѣдствіе искаженія послѣдняго ... 130
5. Кажущіяся неправильности ..... 130—131

2. Акцентовка составныхъ реченій.

а. Реченія предложныя.

Разнообразіе акцентовки предложныхъ словъ ..... 131—132
Ударяемость предлоговъ въ словахъ на ѣ ..... 132—133
Исключенія изъ этого закона 133
Словенская акцентовка предложныхъ словъ (крайнская, штирійская, угро-словенская и кайкавско-хорватская) ..... 133—134
Колебаніе словенскаго ударенія между корнемъ и предлогомъ 134
Оттяжка въ предложныхъ словахъ у Словенцевъ и взглядъ на эти слова Миклошича ..... 134—135
Притягательные предлоги пѣ и къı 135
Разногласіе между языками въ акцентованіи предложныхъ словъ ..... 135—136
Колебаніе ударенія въ нѣкоторыхъ предложныхъ словахъ 136

б. Реченія сложныя.

Акцентованіе въ нихъ корня, или наставки второй части ..... 136—137
Акцентовка слитныхъ реченій 137
Настоящія сложныя, ударяющія на первую часть сложенія ..... 137—138
Сомнѣніе въ исконности закона акцентованія второй части сложенія ... 138

Глава VI. Второе дополненіе къ обзору юговосточныхъ акцентовокъ: случаи несоотвѣтствія между юговосточными акцентовками (преимущественно сербскою) и русскою.

1. Появленіе у Сербовъ рѣзкаго и нисходящаго ударенія, вмѣсто слабаго и восходящаго, и переходъ ударенія черезъ слогъ 139
2. Появленіе, вмѣсто рѣзкаго и нисходящаго ударенія, слабаго и восходящаго 140
3. Отступленія иного рода ..... —
Исконность въ большей части случаевъ русскаго акцентованія: настоящія односложки, дъ҃ждь, постъ, царь, настоящее время глаголовъ. 140—142
Исконность сербской акцентовки въ словахъ лѣдъ, пажкъ и др. ..... 142—143
Своеобразная акцентовка 2 и 3 л. ед. ч. аористовъ ..... 143—145
Ударяемость въ м. р. нѣкоторыхъ прошедшихъ временъ (причастій) наставки *са* (ся) 145
Одинакая правильность у нѣкоторыхъ словъ русской и сербской акцентовки ..... 145—146
Случаи разногласія между акцентованіемъ Русскихъ и Чакавцевъ .... 146—147

Глава VII. Чешская акцентовка.

Стран.

Общій характеръ чешскаго акцентованія: ударенія краткостное и долготное 148
Мѣсто ударенія . . . . . 148—149
Явленія, служащія противовѣсомъ удаленію акцента отъ конца словъ . . . 149—150
Количество и роль его въ говорѣ и стихосложеніи . . . . . 150—151
Исключенія изъ закона наначальнаго акцентованія . . . . . 151—152
Слѣды разномѣстной акцентовки, въ видѣ обезглашенія начальнаго слога 153
Возраженіе противъ этихъ слѣдовъ: возможность (мнимая) онѣмѣнія ударяемыхъ гласныхъ 154
Возраженіе, основанное на утратѣ «исконноударныхъ» гласныхъ . . . . . 154—155
Возраженіе, основанное на характерѣ онѣмѣвшихъ гласныхъ 155
Онѣмѣніе чистыхъ гласныхъ и глухихъ, огражденныхъ скопленіемъ согласныхъ . . . . . 155—156
Сравненіе чешской акцентовки съ финскою, турецкою и нѣмецкою 156
Преимущественно механическое развитіе чешской акцентовки: сравненіе ея съ французскою . . . . . 156—157
Нѣкоторыя явленія, благопріятствовавшія установленію наначальной акцентовки . . . . . 157—158
Гипотеза о происхожденіи одномѣстной акцентовки при посредствѣ разномѣстной-оттяжечной . . . . . 158—159

Глава VIII. Сербо-лужицкая акцентовка.

Общій характеръ Лужицкой акцентовки. Акцентовка верхнелужицкая . . 160
Исключенія изъ закона наначальнаго акцентованія . . . . . 160—163
О второстепенныхъ удареніяхъ . . . . . 163—164
Метрическіе стихи Пфуля . . . . . 163 пр. 5
Нижнелужицкая акцентовка 164
Исключенія изъ акцентовочнаго закона у Нижнихъ лужичанъ . . . . . 164—166
Гипотеза на счетъ происхожденія лужицкой акцентовки 166
Слѣды разномѣстной акцентовки у Верхнихъ и Нижнихъ лужичанъ . . . 166—167

Глава IX. Польская акцентовка.

Качественная сторона польскаго ударенія 168
Мѣсто ударенія 169
Второстепенныя ударенія . . . . . —
Исключенія изъ акцентовочнаго закона:
A. Обусловленныя несовпаденіемъ акцентныхъ единицъ съ синтаксическими:
1. 2. 3. Удареніе на третьемъ (также четвертомъ и пятомъ) слогѣ съ конца . . . . . 169—171
4. Удареніе на конечномъ слогѣ акцентной единицы . . . . . 171—173
Акцентованіе конечнаго слога глагола передъ мѣстоименіемъ się 173

Стран.
Акцентованіе конеч. сл. глаг. передъ мѣстоим. go, союза i и отрицанія 174—175
Б. Грамматическія единицы (слова) своеобразной акцентовки:
Пропарокситонки ..... 175—177
Окситонки (?) ..... 177—178
Слова, сохранившія слѣдъ разномѣстной акцентовки ..... 178—180
Поясненія къ этимъ словамъ ..... 180—181
Гипотеза о ходѣ развитія польской акцентовки ..... 181—182

Глава X. Кашубская акцентовка.

Характеръ кашубскаго акцентованія; ударенія острое и протяжное 183
О мѣстѣ ударенія 184
Случаи окситонности ..... 184—185
Преобладаніе наначальной акцентовки 185
Колебаніе ударенія ..... —
Гибкость словъ ..... 185—186
Прислоненіе ..... 186—187
Сходство кашубской акценговки съ русско-чакавскою 187
Оттяжка ..... —
Случаи «выдвижки» ..... 187—188
Сравненіе кашубской акцентовки со словенскою 188
Вѣроятная связь между акцентовкою и окраскою гласныхъ ..... —

Глава XI. Полабская акцентовка.

Мое полабское правописаніе ..... 189—190
Замѣна Шлейхерова *ai* черезъ *ей* 190
Указанія памятниковъ на мѣсто ударенія, прямыя и косвенныя 191
Замѣчаніе Шлейхера о полабской акцентовкѣ 192
Пфулевы «законы» полабскаго акцентованія ..... —
О качествѣ полабскаго ударенія 193
Акцентовка словъ исконная и оттяжечная ..... 193—194
Акцентовка выдвижечная ..... 194—195
Оттяжка и выдвижка у двусложекъ на *a* и на *o* ..... 195—196
Окраска гласныхъ, какъ слѣдъ исконнаго (невыдвинутаго) ударенія ... 196—197
Свидѣтельство о выдвижкѣ словъ заимствованныхъ изъ Нѣмецкаго ... 197
Колебаніе между исконнымъ и выдвинутымъ удареніемъ ..... —
Соображенія въ пользу существованія оттяжки ..... 198—199
Гибкость полабскихъ существительныхъ:
Слова м. р. ..... 199—200
Слова ср. р. 200
Слова ж. р. ..... 200—201
Сходство полабской акцентовки со словенскою 202

Глава XII. Дополненіе къ обзору акцентовокъ Сѣверозападныхъ славянъ: нѣсколько словъ о количествѣ.

Стран.

Вопросъ о качественной сторонѣ древней акцентовки Сѣверозападныхъ славянъ 203
Долгота и сжатіе гласныхъ ..... 203—204
Случаи совпаденія сѣверозападной и югозападной долготы 204
Случаи несовпаденія ихъ 205
Зависимость продленія (сжатія) отъ закрытости слога и отъ качества слѣдующаго согласнаго ..... 205—206
Трудность предположить тожество Сѣверозападныхъ и Юговосточныхъ акцентовокъ 206
Случаи отклоненія Словаковъ отъ чешскаго количества въ сторону сербскаго 206—207
Подобныя же отклоненія Моравянъ 207
Возможность искаженія древняго количества, вслѣдствіе приравненія формъ 207—208
Долгота, объяснимая изъ ударяемости ..... 208—209
Мнѣніе о ней Миклошича и нѣкоторыя возраженія противъ него ..... 210—211
Предположеніе о продлиняемости исконноударныхъ гласныхъ 211
Возможность признать чакавскую акценговку праславянскою ..... 211—212

Глава XIII. Литовская акцентовка.

Качество литовскихъ удареній ..... 213—214
Мѣсто ударенія 214
Сходство литовской акцентовки съ русскою ..... 214—215
Гибкость двусложныхъ словъ на *a* ..... 215—216
Постоянная баритонность нѣкоторыхъ падежей 216
Склонность звательнаго къ окситоновкѣ 217
Сравнительная гибкость русскихъ и литовскихъ словъ ..... —
Гибкость словъ на *as* 218
Гибкость трехсложныхъ словъ на *a* 219
Предположеніо о существованіи у Литовцевъ оттяжки ..... 219—221
Вѣроятное вліяніе на гибкость основъ на u 221
Цѣль предложенныхъ замѣтокъ о литовскомъ удареніи 222
Объ удареніи плавныхъ созвучій у Литовцевъ ..... 222, прим.

Глава XIV. Заключеніе.

Древность русско-чакавскаго размѣщенія акцентовъ 223
Древность прислоненія ..... 223, прим.
Сомнѣнія въ древности русской акцентовки 224
Мнѣнія благопріятныя русской акцентовкѣ ..... —
Дополненіе къ доказательствамъ неисконности штокавскаго акцентованія 224, прим. 4
Вѣроятность вольной акцентовки въ праязыкѣ 225
Говорящіе въ пользу ея факты ..... 225—226

Стран.
Давнишняя баритонность звательнаго ..... 226—227
Ударяемость личныхъ наставокъ 227
Ходъ развитія новославянскихъ акцентовокъ ..... 227—228
Аналогичное развитіе греческой акцентовки ..... 228, прим.

Акцентовочныя таблицы.

Вводныя замѣчанія ..... 231—232
Отдѣлъ 1-ый: слова первообразныя:
I. Слова 1-го склоненія (на ъ) ..... 233—243
II. Слова 2-го склоненія (на о) ..... 244—247
III. Слова 3-го склоненія (на ѧ) ..... 247—255
IV. Слова 4-го склоненія (на ѣ = ї) ..... 256—259
V. Слова 5-го склоненія (согласн. осн.) ..... 259—263
VI. Слова съ наставкою ја (на ѣ, ѥ, ѩ) ..... 263—267
VII. Слова темнаго образованія ..... 267—272
Отдѣлъ 2-ой: слова производныя:
I. Слова муж. рода ..... 273—286
II. Слова жен. рода ..... 286—298
III. Слова сред. рода ..... 298—306

Поправки и дополненія ..... 309—326

Указатель ..... 327—329

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

	Напечатано:	Должно быть:
Стр. 24, стр. 15 сн.	jy̑nāk, jy̑nа́ka	jy̑nāk, jynа́ka
Стр. 37, стр. 11 сн.	не́ взя́ты.	не́ взя́ты.
Стр. 46, стр. 8 сн.	ије	ије
Стр. 46, стр. 1 сн.	y̑je	y̑je
Стр. 48, стр. 4 сн.	ȁома	ȍамо
Стр. 48, стр. 3 сн.	a̋ома	őамо
Стр. 57, стр. 11	Чаковцы	Чакавцы
Стр. 62, стр. 20	ло́нацъ	ло́нац
Стр. 77, стр. 15	(= pânā)	(= pânā)
Стр. 79, прим. 2	hérv.	hèrv.
Стр. 93, стр. 18	rog	rôg
Стр. 95, прим. 1	péro	pérω
Стр. 95, прим. 2	nɛ̑bω	nɛbω
Стр. 99, стр. 23	razωra	razora
Стр. 101, стр. 9	pωtω̑k.	pωtω̑k, glωbω̑k.
Стр. 104, стр. 22	lъhъk	lъh̑ъk
Стр. 114, стр. 11 сн	bódjъ	bődjъ.
Стр. 115, стр. 20	пѣтлa̋	пѣтълa̋
Стр. 119, стр. 20	рɛка̋	рɛка̋
— — стр. 21	pjа́ka	pъка
Стр. 122, стр. 11	подражeніе	подражaніе
Стр. 125, стр. 9 сн.	а́гъ, а́га; о́гъ, о́га	а́гъ, ага́; о́гъ, о́га (ога́?)
Стр. 127, стр 7	чернá	че́ренъ, чернá
Стр. 142, стр. 9	царь, могъ	царь могъ
Стр. 143, стр. 7 сн.	по̀топух	потȍнух
Стр. 145, стр 20	бео грâдъ	бео грâд
Стр. 147, стр. 8	službа̋,	službа̋ [2]),
Стр. 149, стр. 12 сн.	O prosodiи	O prosodice
Стр. 150, стр: 8 сн.	O prosodiи	O prosodice
Стр. 161, стр. 16 сн.	Тотъ же выговоръ	б) Тотъ же выговоръ
— — стр. 9 сн.	б)	в)
Стр. 162, стр. 6	в)	г)
Стр 163, пр. 3	Seiler	Seiler
Стр. 165, стр 7 сн.	njepjeprěmenijo	njepjeprěmenijo

	Напечатано:	Должно быть:
Стр. 166, стр. 22	произошла	произошла,
Стр. 170, стр. 5	wierzýłi	wierzýły
Стр. 175, стр. 3 сн.	tytułem	tytułem
Стр. 176, стр. 12	Rozciaga	Rozciąga
Стр. 177, стр. 18	*само*образно	*свое*образно
Стр. 195, стр. 12	гньйла [2]);	гньйла;
Стр. 197, стр. 14	скьейнó	скьеўнó
Стр. 204, стр. 7	suk = sęk	sęk= suk
Стр. 206, стр. 2	wiɛk	wiek
Стр. 207, стр. 1	мйло	шйло
Стр. 268, стр. 7 сн.	poĕpela	poĕpoela
Стр. 269, стр. 8 сн.	ρожѧнъ	ρъжѧнъ
Стр. 278, стр. 8	бычокъ	бычóкъ
Стр. 291, стр. 22	дѐца, -у, -о	дѐца, дѐцу,-о
Стр. 292, стр. 21	celíne	celína
Стр. 293, загол.	ига	ига